

Илья Чёрт

Слипер и Дриммер

Если бы ночью тёмной вам снились,

Сны б мои снились —

Вы бы сошли с ума!

Группа «Uma2rman»

Вот чё, друже мои, имейте сразу в своём ясном виду: перво-наперво, при написании этой книги много и дофига кто на чём пострадал. Да вы енто и сами узнаете, как только прочитаете «второ-навторово», а затем саму книгу. Дык вот, второ-навторово: все события и личности, встречающиеся в этой книге, ни в коем разе не случайны и имеют самые что ни на есть полные совпадения по всем статьям, как и всё, что вы пережили сами в своей жизни, как и всё, что ждёт вас в вашем будущем. И наконец третье: триетить мою налево!

«Вы что там все, крышей... поехали?!» © Гагарин

Много есть в мире разных историй. По сути, весь мир и есть эти самые истории, слегка растянутые во времени. И все мы участвуем в этих историях, являемся героями этих эпосов, поэм, повестей, рассказов, заметок. И нет в мире такой истории, которая не произошла бы на самом деле — в своё время, в своём месте. Любая ситуация, которую вы только можете себе вообразить, уже существует во вселенной в самом что ни на есть явном виде, чтобы потом быть рассказанной. Где-то тут, когда-то здесь. Там и сям. Начиная писать эту книгу, автор ни в коей мере не хотел претендовать на исключительность, оригинальность и всякие подобные выверты и заворачивания, что так ценятся среди различных маститых писателей и искушённых поглотителей чтива. Мне это кишкокручение ни к чему не сдалось. Перед вами такая же обычная история о братанах и друганах, кои случаются во множественном числе по всему свету. На самом деле, герои этой книги вовсе даже и не братья. Но если посмотреть с глобальной точки зрения, то все мы брателлы друг другу, а с позиции просветлённого разума между всеми нами вообще нет никаких различий, посеуму идея братства становится естественной и...

Похоже, я заговорился, и вообще всё это слишком сложно воспринимать с утра, не позавтракав. Просто мне пришла в голову отличная идея для книги. Но идея так коротка, вы же знаете: пара слов в беседе, и ты уже выдал всё, что являлось результатом многочасовых, а порой и многолетних раздумий. И хлопаешь себя по лбу, или по чему придётся:

— Вот, ёктить, это же моя самая лучшая мысль за последнее время, а я даже не выдержал хорошей театральной паузы, прежде чем разболтать её!

Теперь вы понимаете, что передо мной стоит совершенно невыполнимая задача: написать эту книгу и не выдать до самого конца идею, по поводу которой она явлена на свет. Все мы знаем, как жжёт язык секрет, который до поры нельзя открывать друзьям. И как он рвётся наружу. И мы, стискивая зубы, чувствуем себя партизанами на допросе. Войдите в моё положение, поймите: я во время написания этой книги буду чувствовать себя именно так. Партизаном. Или дедом Мазаем, истосковавшимся по крольчатине. И самое главное, учитывая мою не самую лучшую память, я рискую и вовсе забыть эту самую идею в течение того времени, пока буду писать эту книгу. Так что не обессудьте. И не в судах будете.

Пишу я медленно, ибо вовсе не профессионал и процесс постукивания по клавишам компьютера зависит у меня от многих факторов. От свободного времени, коего всегда нет. От настроения, которое в Питере меняется вместе с погодой по пять раз на день. От полного незнания того, о чем писать дальше, и т. д. И о самой книге хочется заранее кое-что сказать, уважаемые читатели. А скажу вот чё: как только вам покажется, будто я ошибся в правописании какого-либо слова, так сразу понимайте, что ошиблись в[ы]. То есть никаких грамматических ошибок в книге нет. Возможно, будет вам всячески мерещиться, что названия глав этой книги порой не имеют никакого прямого отношения к смыслу изложенного в этих самых главах, но таки оно, это отношение, есть. Смысл просто петляет между строк. Как зайчик-попрыгайчик. И его нелегко поймать и уловить. Тем паче, коли вы завели себе привычку размышлять напрямик, предпочитая неизведанным тропинкам собственных мозгов ухоженную автостраду общественного мнения. Да и герои этой книги живут своей жизнью. Вмешиваться в их судьбу мне как-то не с руки. Так что я просто решил записывать всё, что с ними будет происходить, а там уж как поведётся — а точнее, куда они меня заведут за собой. И если вдруг я не выдержу и выдам секрет раньше времени, если вы увидите, что книга несколько короче, чем радостно ожидалось (мне же придётся её закончить, как только тайна раскроется), — простите меня, ибо пробрало меня и понесло. Или наоборот? И вообще, эта книга — не для людей, не для читателей. Эта книга для нас. Для тех, кто однажды проснулся в Лесу.

Зайчишка-припрыжка. Зайчушка-попрыгушка. Зайчик-попрыгайчик. Заяц-попрыгаец. А вам не кажется, что слово «попрыгаец» уже звучит пугающе чужестранно и может означать совсем не милого изначального зайчишку? А грань -то была так тонка, и переход столь незаметен...

Попрыгаец

Я сидел кружком и ждал. А потом всеми своими четырьмя лёг во все стороны. Несколько секунд как будто ничего не происходило. Вдруг внутри что-то неуловимо щёлкнуло, пискнуло, и писк этот стал стремительно набирать громкость. И всё началось. Звуки сомкнулись вокруг. Всё стало гулким. Уши заложило. Пространство сузилось и обтекло все мои пока ещё разделённые тела по краям. Затем всё вокруг и внутри меня медленно, с нарастающей скоростью, двинулось. Так поезд порой незаметно трогается с вокзала, пока вы увлечённо разговариваете с попутчиками. «Ой, смотрите, а мы уже поехали!» — «Да ну?»

Так и здесь. Незаметно. Двинулось. Сначала прямо. А потом ноги стали тяжелеть и пошли вниз. И всё начало куда-то падать по наклонной скользкой плоскости, словно разгоняющиеся сани бабского слея по ледяному водосточному жёлобу. Ощущение скорости росло и росло. Разгоняющиеся сани. Разгоняющийся автомобиль. Разгоняющийся самолёт. Разгоняющаяся ракета. Разгоняющееся что? Скорость становилась совершенно неопишуемой. За границами обтекаемого, превратившегося в снаряд из мутного пластика, единого теперь тела всё слилось в непрерывный, неразличимый поток. И только меняющиеся перегрузки свидетельствовали о том, что в движении происходит смена направления. Как сквозь сон до слуха доносились чьи-то далёкие переговоры по радиации, обрывки пронесённой мимо музыки, смех, кусочки ругани... То, среди чего летело моё тело, иногда менялось. Ощущение скользкого льда плавно перетекало в чувство движения сквозь глубокие толщи воды, а затем всё срывалось с какого-то невидимого края в бездну вертикальной стеклянной шахты. Желудок зависал в горле от внезапной невесомости, но плавный выход из вертикального падения в спиральную дугу заставлял все органы внутри тела опять прильнуть к позвоночнику. Кривизна поворотов увеличивалась, перегрузка нарастала. Невидимый и неуловимый разумом лабиринт кружил меня по своим тоннелям. Тяжесть давила всё сильнее. Медленно, но неумолимо. Вода. Жар огня. Опять скользкий лёд. И так долго. Всё это было очень долго. Менялось всё вокруг. Менялся я. Менялось тело. Менялось сознание. В какой-то момент внезапно позабылось, где я, шо я цэ такое и зачем. Позабылась вся прошлая жизнь с её нелепостями. А что было до того? Что было вообще до жизни? И что есть такое эта самая жизнь? Это тоже забылось. О будущем подумать было просто нечем. Только одно всепоглощающее Сейчас. И два чётких ощущения. Плавность и немыслимая дикая скорость. А потом, когда я потерял счёт времени, скорость стала падать. Замедление. Тянущееся медленное торможение. Затем то, во что превратилось моё тело во время этого сумасшедшего путешествия, скользнуло, словно капсула, в смутно ощущаемое гнездо. Невидимые и непонятные пазы влезли в какие-то соответствующие им невидимые и непонятные желобки. Что-то мягко сомкнулось со всех сторон. Полная остановка. А затем кокон моего тела раскрылся лепестками, словно цветок, во все стороны. И я ослеп от внезапного яркого света. Винт хвостами. Прыг-скок.

В больно синем висю, где хрипещут лосины

— Здравеньким будь, Слипер!

— Сколько осеней, Дример!

«Слипер и Дример. Добро пожаловать. Заходите как хотите». Вывеска на доме слегка уже поистерлась, как и сам Дом. Кусты вокруг Дома смыкались ровными рядами солдатских шеренг и расходились во все стороны кругами, превращаясь в большие деревья. Конца и края Лесу не было. По крайней мере, так гутарили местные его жители, ибо никто этого самого края не видел, и даже боялись предположить, что же он собой представляет. По тому, как Дример иногда пел «...край суровый, тишиной помят», они понимали, что край этот — не совсем дружелюбная штукавина и разумению не подлежит. Разумение с потолка вторило: «Не подлежал со мной этот край ни под, ни над. Разные тут и лёживали рядышком, и надлежали, но краю вашего не видало я». Ну и оставили его как есть.

Мы, дорогой читатель, улыбнулись, ибо знаем: разве ж оставится нами в покое то, чему нет нашего объяснения?

— *Ни за что!* — мявкнула Терюська.

Братья Слипер и Дример были единственными, кого Лес хоть как-то слушался. Но кто же из нас не горит желанием иногда немного почудачить? Поэтому и Лес вёл себя иногда совершенно безответственно, путал дороги, плутал сам, запутывался вовсе и жалобно звал Дримера или Слипера, чтобы те развязали его из собственных запуток.

В целом всё было неплохо, жили все мирно, с прибабахами и тараканами, каждый со своими. Чудачили-магичили кто во что угораздился.

Прибабахи вытаскивали на свет в редких торжественных случаях, а по будням держали их в сундучке, где-нибудь на чердачке или в погребе, чтоб не испортились. Тараканы прятались сами.

У Слипера и Дримера прибабахов не было вовсе, али скрывали тщательно, но они были челобреками настолько древними с точки зрения относительного пребывания лесного, что все остальные уважительно качали головой и понимали вслух: «Склероз! Потеряли, видать, уже давно. Много кто свои прибабахи почем зря теряет, за тараканами бегая».

А братья были действительно очень ископаемыми в местном биологическом смысле. Копать в них никто не собирался, верили на слово. Наверное, они были древнее, чем сам Лес. По крайней мере, никто из жителей не помнил времени, когда бы здесь и тут не было Слипера и Дримера. Да и в целом, и вообще мало кто чего помнил в Лесу. А что без них тут было бы, без братьёв-то? Запутки так и рыскали по лесу, а попадётся — не всегда и выберешься. Могли и до коликов

запутать. Колючие были и запутные — жуть! Шёл себе путник, а стал запутник. И привет комсомольский непутёвый. А могли и вовсе зашекотать до уржачки несусветной. Тогда только звать братьев и оставалось. Только так Вселенская Ржа и отступала до поры.

Разные эти самые братья были по своему внешнему облику. Один, который Дример, всё смурной ходил да сурьёзный, всё любил неброское надеть, серенькое да затасканное. А ежели ещё и дырки на футболке да штанах образовались, то и вовсе комфортно ему казалось. Непритязательный во всём был сей товарищ. Ел что ни попадя. Иногда, задумавшись о чём-то, Белку-Парашютягу сцапает на лету и в рот! Та в голос орать возмущённо — дык, типа, мол, жрут-с на ходу, нехристи! Дример только буркнет: «Пардон, мадам», — да и выплюнет, идёт дальше. Спал, бывало, на полу, из принципу да упрямства, мол-де «лишнее это всё... перины там... пуховые подушечки... кренделя на вывертах... Ближе надобно к народу быть!» Правда, к какому народу — не уточнял. Сторонился политики, сознательный был гражданин. Ходить любил босым. Обувь надевал редко, да и та была особливая, авторской работы — то сандалики на меху, то сапоги с вырезом для пальцев. Шаркать любил и ходил неторопливо. Шуршит мхом да веточками, бывало, и напевает под нос любимую мамину колыбельную: «Хе-хе...История помнит, история слышит: кто пробовал это — упал и не дышит!»

Говорил Дример исподлобья, но чутко и с добрецей. А чуть что громкое да шебутное случалось, так и вовсе вздыхал: «Суэта енто всё!» — и крикал уткой. Утки не обижались — мало, что ли, чудачков видали с верханутры?

— С верхотуры, наверное? — поправил меня Ёик. Букву «ж» он потерял при хоть и весьма странных, но вполне часто встречающихся обстоятельствах. В общем и целом, как говорится: место поднял — «ж» потерял! В большой семье ушами не хлюпай!

— Не-е-е-ет, — отвечаю. — Верхотура — она сверху. А верханутра — она везде! И вверху, и внутри! О как, брат! Это ж вселенская распусть всяя дорог!

— А-а-а, — протянул Ёик. — Ну тады я пошёл гулять.

— Далеко не уходи! — крикнул я ему вслед. — А то потеряешь что-нибудь, ёктить, опять. Дороги нынче стали вовсе распущенные!

— Ла-а-а-адно, — буркнул Ёик уже из-за двери, и только его и видели.

Вы его видели? То-то же! И хватит.

Второй брат, Слипер, был суетлив характером, противоречив в мыслях и вечно рвал вперёд когти (хорошо не настоящие, а то были бы жертвы... силуэты мелом на земле... прокуратура...).

Он вскакивал с кровати, на которой держал всеразличного цвета, материала и размера подушки, сбрасывал пёстрое лоскутное одеяло и орал: «Ну, сегодня мы такооооооо учудим!» Обещания порой сбывались. Страдали Лес, звери ходючие, птицы улечучные, фиг-знает-кто, не

определяющийся сходу, и, собственно, брат Дример тоже не раз отстрадался на этом. А что ему оставалось — только щурил глаза да ёжился всю дорогу.

(Ёжик, привет! Как там Ёик?)

В Доме была большая гостиная, и были восемь малых комнат, не считая тех, что появлялись и исчезали сбоку как-кто-на-душу-приложит. Семь цветных внизу и одна, совершенно белая, наверху. Чтоб не путаться в днях, братья раскрасили стены семи комнат в свои цвета. Там, откуда они пришли, считалось, что семь дней — это своеобразный цикл времени. Неделей называлась эта циклическая штукавина. По крайней мере, казалось, что они это сами вспомнили.

— Неее-деее-ляяя! — тянул возмущённо Загрибука, загребая загребущими ручищами землю в кучки. — Слово-то какое козлиное! Вечно вы, братцы, что-нить глупое придумаете! Не могло такого определения научного было быть, блин с компотом! Это ж не наука, а зоопарк какой-то! Неее-деее-ляяя... Ну вы тоже скажете...

Братья не обижались. Только переглядывались, усмехаясь. Зырк-зырк.

В память об этой «козлиной нееедееееелееее» братья и соорудили Дом с семью комнатами в центре Леса. Дом, правда, ну если совсем по-честному, сам собою как-то соорудился, без особых уговариваний. Только вот прийти к согласованной форме долго не мог, ибо Слипёр хотел его видеть... Эээ, простите, я процитирую его, ибо смысл этих длинных и сложных слов от меня выскальзывает. Итак:

— Хай-тек! Голографические стены! Параллели в стеклопластмассах! Увертюра пористого бетона и пневмоваты! Четыре окна наперёд и линолий на калидоре!

На что Дример угрюмо каркал:

— Окстись, олух генетический! Дом нам нужен, а не «баба с веслом» фонтанирующая! Обычный дом. Всё тебе скульптуры подавай, ренессанс, балет, барбекю...

Тут уж Зверогёрл ахнула восхищённо и свалилась с ветки, где подслушивала братьев и наблюдала за Домом, который пытался стать собой. А затем драпанула по лесу со счастливым визгом:

— Барбекю-ю-ю... Барбекю-ю-ю...

Да так и бегала по Лесу дня два, настолько ей слово это понравилось и крышу сшибло. Скажу вам по секрету, крышу ей сшибить было нетрудно, ибо крыша та и без того была вся насквозь отшибленная не по-детски. Дык вы в этом ещё не раз сами убедитесь, но чутка попозже.

— Заткни мозг, брателла, дай подумать спокойно. Авось что-нибудь сваяю, — буркнул Дример и уселся дырявыми серо-зелёными штанами на лужайку перед тем, что пыталось родиться Домом. Он скинул сандалики на меху и сосредоточился.

— Ла-а-а-дно, — протянул Слипёр чуть печально, но с улыбкой, — вайй свою халупу, зануда! Помнишь аксиому дизайнера? Коли пришёл к тебе чувак с заказом рекламы аэропорта — как пить дать всё кончится самолётами! — Он пытался согреться, ёжась в одних пёстрых шортах и топоча чудн[ы]ми кроссовками по двору. — Никакого полёта мысли! Одни рефлексy. Ещё-ещё-ещё, и тошниться!

Через какое-то времечко Дом уж стоял, немного подрагивая от пережитого ужаса перевоплощений. Слиперу досталась внутренняя отделка. И он не подвёл.

— Диза-а-а-йнер... Тьфу! — сплюнул Дример, улыбаясь уголком рта.

Надо заметить, что братья редко ссорились, хоть и неказистые были оба и не похожие на ближнего своего ни умом, ни лицом, ни ушами. Всё ж относились друг к дружке по-братски и с нежностью. Они-то понимали: чуть что, всё вокруг крикнется, словно твои Лопы с Антилопой. И Лес аукнется почему зря, и все, кто в нём. Но об этом пока цыц!

Ой, жжётся мой язык, дорогой читатель. Нет, не Мальчиши я, не Кибальчиши, тайну, видать, не сохранию! Медаль не получу. Будет мне по карме варенье в поношенной стеклотаре да печенье. Но буду стараться, как на прииске колымском.

Слипер довольно прищурился, потоптался вокруг да около, медленно и аккуратно вошёл в Дом и осмотрелся. Чуть пригнулся, когда стены тряхнуло. Маленькие кусочки ещё бегали по внутреннему периметру, пытаясь куда-нибудь влезть и пристроиться, чтобы обрести нужность и осмысленность своего бытия бытовушного в редкой диковине.

— Тпррру, родимая! — Слипер встал посреди гостиной, щёлкнул суставами пальцев и на редкость тихо молвил: — Копать будем здесь!

Редкость подобрала лапы и приготовилась к худшему. Дом было опять затрясло, но Слипер его тут же успокоил:

— Да я не об этом! Не парься, меня самого трясёт! Холодрыга-то тут какая! Это у меня привычка такая — выражать образно. Жить, типа, будем тут! И всего делов-то!

Дом вздохнул облегчённо, успокоился и занялся изучением себя. Естественно! Каждому ведь интересно знать — и что же Я такое на самом деле?

Итак, комнаты. Фиолетовая, Синяя, Голубая, Зелёная, Жёлтая, Оранжевая и Красная. И та, что наверху, — Белая. Вроде все вспомнил. А может, их и вовсе не было? В комнатах братья встречались утром, как было заведено Уговорами. Дык они, эти самые Уговоры, отныне стали свидетелями порядка в окружающей верханутре. И, едва кто накосорезит, сразу убедительно уговаривали каждому занять своё приличествующее место и не бузить.

— Зверогёрлу позовём щас! Или Кусачепони, лошадь махонькую, но кусачую и презлючную! — пугали Уговоры уговорённые, в краткости своей просто «угро». Нарушители в благоговейном ужасе округляли глаза (у кого какие уж были), и порядок восстанавливался. Связываться со Зверогёрлой — ну уж нет.

Я так понимаю, что читателю очень интересно, как же выглядит эта самая Зверогёрл? Думаю, вы можете каждому обладателю самовлюблённой, стервозной и истеричной жены задать этот

вопрос прямо сейчас. Ага, я вижу, что вы тоже уже совсем не хотите с ней связываться. Я так и думал. Так вот, Зверогёрл ещё хуже, ибо *настоящая*, как и все в Лесу.

— *Что-то столько всего сразу, — наморщившись, протянула Терюська мне (писателю то бишь), — я и не упомяну. Может, ближе к делу, а?*

Она пришла неслышно и тихо ныкалась под столом, подслушивая мои мысли.

— *Ща сообразим!* — сказал я и задумался, с чего бы начать. Енто ж я все эти описания приводил, чтоб время тянуть. А с чего стартовать — и сам не знаю. Ну, наверное, вот с этого! А может, с того? Боже, о чём писать-то сначала, и где это начало тут вообще?! А есть ли у всего начало? И у всякого и каждого в отдельности? Что по этому поводу думает та же Терюся?

Я посмотрел на Терюську, выглядывающую из-под стола, и понял, что очевидного начала у неё тоже нет. И от этого мне совсем стало дурно.

Оглядел её внимательно. Хвост был, пятна были, причём и чёрные, и белые. Был даже мокрый белый нос, который становился розовым, когда Терюська сильно волновалась. Но начала не было.

— *Так, понятно, — попыток я и взялся за... А за что мне было братья? Да просто опять застучал по клавишам.*

Сидели, значит, братья дома. Точнее, один сидел, а второй подушки свои ушами утюжил. Спал, стало быть, вторым номером и в астрале по орбите кружил. На дворе был Синий День в аккурат. Дример, сидя в Синей гомнате, читал, ковыряя дырочки в и без того замызганной серенькой футболочке. И не книгу какую читал, а письмо важное. Найдено было вчера на крылечке Загрибукой, но вовремя оттяпано у него в честном коротком бою местным пришлым псом Грызликом. Загрибука было решил, что пришло ему из Ассамблеи Заученных По Самое Вааще признание его неоспоримой гениальности. Надеялся, что в послании диплом какой, али и вовсе благодарственное письмо за вклад в мировую Лесную науку. Да только супротив Грызлика разве научными методами попрёшь? Тот никаких доводов не признаёт, а вместо теорий да мыслей копошащихся у него круглогодичный праздник стоматолога в виде крепких тяпалок в пасти. Подбежал да письмо зубами клацнул, и был таков. Принёс на порог, где его отблагодарили косточкой и досточкой (Грызликам всех планет особо без разницы, что грызть) за своевременную доставку почты. Загрибука ручки свои загребущие сложил за спину манерно да демонстративно потопал в лес. Обиделся. Насупись. Отборщился. Хвостиком крутанул.

Дример сел на табуреточку, на синюю-пресинюю, и вскрыл конверт.

— Э, братец, вставай! Тут спослание обнаружилось. Дешеш, понимаешь.

В ответ раздалось невнятное ворчание.

— Так и голову отхрапеть можно! — Дример повысил голос на несколько тонов. Потом попробовал дискантом и басом: — Башку, говорю, мооожноооо отхрапеть! Отхрапеть башку возмооооожно! Есть, блин, такая дюжая возмо-о-о-о-о-ожность напрочь схрапеть котелок! Отсвистеть чайник есть вероятность! В ружьё!

— Уймись, куранты! Иду, блин, иду... — Послышалось, как скрипнул пол под опустившимися на него ногами. — Чего расшумелся спозаранку? — Слипер, закутанный в рябой, неопределённый по цвету плед, открыл дверь и вошёл в Синюю комнату.

— Эники опять сцепились с Бениками! — Дример ткнул пальцем в листок бумаги, словно пытался проткнуть его насквозь. — Что за народ баламутный? Ни тебе мудрости житейской, ни терплюхи! Из-за жрачки по-колхозному разборы чинят! Культурный слой в быту из-эбсент-тудэй напрочь! Сорри за мои выражения.

— Говорил я тебе давеча на сей счёт. Неудачная это затея с Эниками, Бениками и их варениками. Да и варенье у них из скоморошки, из ягод тех, что с Болот Свинских. Только живот с них хрюкает потом, да ржачка пробирает щекотливая!

— Это почему ж идея неудачная?

— Да потому, что енто есть ситуация «два задница — один стул». — Мёрзнущий Слипер закутался по шею в пледик. — Так они и будут из-за этих вареников ералашить, покуда Лес стоит. Вся вселенная двумя задницами мутузится из-за одного такого стула! Енто ж политика мирозданческой движухи, братец!

— И шо? — нахмурился Дример, почёсывая неопределённую стрижку невнятного цвета волос. — Шо теперь? Мозг ломать? Лучше им наломать по пятое число! Или по третье. Как скажешь. По мне, так ломать — не строить. Ровняись там, блин. Смирно. Вольно. Безвольно. Хотя всё это диктатурой пахнет, прям скажем. Дык шо тут ломать-то комедию со стульями?

— Шо-шо, — передразнил брата Слипер, ёрзая пятками по полу. — Надобно определить кого-нить из них как самостоятельную этническую культуру с собственными предпочтениями в еде и различных фишечках. Тады и делить будет нечего. Одним — их вареники, другим — пельмешки без спешки. И всё, приехали! Абсолют, дзогчен, хатха-в-хатке медитация и полный покой, только и успевай за добавкой подбегать!

— А кому что?

— Наповал валишь, аднака! — Слипер потянулся в угол и добыл оттуда бутылку с вязкой оранжевой жидкостью. — Откель мне знать? Я ж юриста не заканчивал.

— Да, не приканчивал... — задумчиво согласился Дример.

— Ну и вот! Стало быть, будем кидать Жребия! — Слипер хихикнул и опрокинул в рот бутылку, залпом выпив половину. Икнул, свесил на глаза светлые волосы и задумался над содержимым своего пищевода.

— Не приканчивал... — всё повторял Дример отрешённо и, слазив в карман, вытащил мелкую труху и ловко свернул её жухлым листиком в самокрутку. Чиркнул пальцем о палец. Прикурил. Пыхнул дымком. И добавил басом: — Не приканчивал, стало быть...

— Дело плёвое! — заявил Слипёр, всё ещё косящийся на подозрительную бутылку.

— Жребию это не понравится! — прищурился Дримёр.

— А кому ж понравится, когда тебя подбрасывают по десять раз кряду! Но, увы, ничего не напишешь в прокуратуру, карма у него такая.

— Мда, коли место своё в мире занял да Ы-Цзыном, понимаешь, принялся промышлять, то и флажок у тебя в руках, и все грузди в кузовах у дальнотойщиков.

— Родился стих! — подала голос из угла, что в потолке, проснувшаяся Тютелька и, коротко харкнув, плюнула по-японски:

Кругом флажки!

Сижу во флажках!

Ем флажок!

Дримёр щёлкнул в её сторону со стола хлебной крошкой, и та, естественно, попала в Тютельку. В них же всё всегда удачно попадает. А эта крошка, стало быть, шмыгнула к окну, вывалилась наружу через форточку и тут же попала в другую Тютельку, которая паслась под окном на солнечной лужайке.

— И чего он, Жребий-то, на ребро всё падает?

— А надо меньше своих хотений подмешивать в траекторию! — Слипёр подбоченился. — А то вместо Ы-Цзын у нас какая-то хрень с напёртками получается. Там Книга Ошарашивающих Неожиданностей, а у нас что? Что, я вас спрашиваю? А у нас воздухоплавательный кармический компас, да и тот траву жрёт всякую без разбора и пугает потом ночами в Лесу, пугает всех предсказаниями своими бездоказательными.

— Дык если на ребро он таки падает, то... — Дримёр ухмыльнулся, задумался и заковырял в дырочках на своей серой майке.

— О'кей, поймал, поймал! И я больше не буду! — сконфузился Слипёр. — Всё тебе по правилам надо, всё по-честняку, да в военкомат первому с повесткой...

Жребий тем временем пасся вместе с Кусачепони на лесной опушке и помышлять не мог о вынашиваемых братьями планах относительно его бессовестного кидания. Он, правда, уже давно к киданиям этим привык. Ну кто ж виноват, что у него, у Жребия, такая неподходящая форма для этого занятия?

И всё ж его грела гордость, что не всяк в жизни становится компасом, да ещё и кармическим напроць. Определять судьбы — это вам не галопом в калошах!

Он бы и рад был то копытами кверху свалиться, то носом в землю упасть, но каждый раз удивлённо замирал, лёжа на боку и упёршись рёбрами в опавшие листья. И наступал тот самый Противный Случай, о котором говорили братья перед очередным броском.

— Либо так, либо не ручаюсь! — горячился Слипёр обычно.

— Если то — иначе всё, олух! В противном случае... — отвечал Дример и метал в небо Жребия.

Тот, тоскливо заржав, устремлялся к верхушкам деревьев и оттуда планировал, как мог, своими копытными ногами по ветвям вниз.

Бац!

— Противный Случай! — Жребий виновато косился на стоящих братьев, приминая рёбрами землю, и без того неплохо лежащую повсюду.

— А он злой? — испуганно мявкнула Терюська.

— Кто? — Я чуть не упал со стула. Увлёкся, понимаете ли, писательским делом...

— Ну как кто?! Противный Случай, конечно. Обычно ведь кто Противный, тот и злой! — авторитетно заявила Терюська, расфуфырив усы. А усы у неё странные-престранные. Закручены они в разные стороны и взлохмачены так, будто она только что встала с кровати. А кровать эта будто и вовсе не родная на поверку, и сейчас раннее-раннее утро после отменной вечеринки, на которой она была и сама не своя, а очень даже усатый по-жёсткому начальник какого-нибудь транспортного цеха. Ну а кто ещё у нас усы носит такие, как у Терюски?

— Железная логика! Э-э-э, а вот мы ща поглядим! Что нам злого принесёт Случай тот Противный?

Ну, дык и стали собираться братья в дорогу к Эникам решать этническую проблему делёжки питания, пропорцию с тремя известными, но неизвестной четвёртой порцией. С одной стороны, было ясно, что война разгорелась из-за вареников этих несчастных, а с другой стороны — питаться всё равно нужно, а то сил не будет на войны. Парадокс на всё лицо! И хотелось бы, чтоб лицо это было к тому же и сытым.

— Объявляется сложное и непонятное положение! — гаркнул Дример в сторону окна, сложив руки рупором.

— Объявляется сложное и непонятное положение! — заржала в Лесу Кусачепони и понеслась с этим уржанием разносить его по Лесным сусекам и просекам.

— Куда пойдём-то? — Слипер вышел из Дома и вдохнул сладкий, с примесью туалетной воды «Живаньши», воздух Леса. Он напялил свои кислочие оранжевые штаны, красный анорак и закинул за спину почти всегда пустой жёлтый рюкзак с пометкой «на всякий случай».

— Туда и сюда! — ответил Дример из глубины коридора, роясь по углам в поисках своего головного защитного убора. — Как всегда.

— Грызлик, сидеть! Присесть! Да ёжкины кошки, ну привали ты задницу, не мельтеши в зрачках! — Слипер рывкнул на неопределённого роду и племени шавку, которая кружилась вокруг

ног, сбивая его с толку. Она лаяла и радостно виляла хвостом, или чем-то-там-величиной-с-бублик-за-шесть-копеек.

— Разделимся. Я к Эникам. Ты к Беникам. А то, ёктить, сам разумеешь, — Дример укоризненно посмотрел на брата, договорив предложение чисто телепатически без надежды на обратную связь.

— Да прозрачно как Ясный Пень! — Слипер перекинул свой жёлтый рюкзак через плечо, плюнул дважды через него же и от нетерпения попрыгал на месте. — В общем, я пошёл. В целом, я проваливаю.

— Давай, только без фокусов! — Дример оправил серую свитерюжную кенгурятину с капюшоном и напялил-таки на голову дырявую шерстяную Шапку-Невредимку, от беспредельности и беспредела сохранившую не одну головушку в неприкосновенности музейной. — И без покусов желательно бы! — добавил он, крихтя, зашаркав сандаликами в другую смутную сторону.

Вы спросите, откуда там, в Лесу, Шапки-Невредимки? А где им ещё и быть-то? Только в Лесу. Тут всем неучтённым и есть самое место. Оттого они здесь все добрые и спокойные, ибо место каждому тут изначально зарезервировано. Всем лишним и неучтённым прямая тропка сюда. Да и вообще всем сюда путёвка уже давно оплачена по месту жительства. Только почти все об этом не знают покудова, а коли и догадываются, то, как правило, уже поздняк пить «боржоми», ибо печени кулдык. Короче, всем добрым Шапкам тут самое место кочумать.

— Значит, тот, который Противный, — всё-таки не злой? Раз все добрые, и даже Шапки, — с надеждой спросила Терюська.

— Железная логика! А вот ща и позырим! — Меня всерьёз понесло, и я ожесточённо стал дальше долбать тремя пальцами кнопки компьютера.

Дример шёл по тропинке, засунув руки в карманы широких грязно-лиственных штанов. На Шапке-Невредимке копился снующий в воздухе лесной мусор. Над головой шныряли Белки-Парашютяги и их юродные сёстры Белки-Дельтапланерюги. Тухленькое невзрачное солнце (или как оно там называлось) неохотно тащилось по небу, изнывая от скукоты. А может, это и была сама Скукота, прикинувшаяся солнцем. Заговорённые, говорливые и просто словоблудные грибы блудили по всему Лесу и много чего говорили не к месту в головушках у рискнувших вкусить эти самые грибочки. Пиная их и треща сучьями под ногами, Дример уверенно направлялся на восход солнца. Эники были где-то там.

— Где-то там, где-то там, там-тарам, тарам-там-там... — Братец довольно жмурился на солнечные зайчики, бликующие на листьях, и пыхтел самокруткой.

— Здоровье не бережёшь ни шиша! — говорил ему Слипер в было-бывалые времена.

Но Дример не хотел бросать пыхтение дымом и отвечал, напустив на себя пророческий вид:

— Закашляюсь как-нить, помру, и останешься один! У-у-у! В одиночестве шевчуковском!

Словом да неделанием, бормоча приятности под нос и мурлыкая, Дример вышел на опушку. На ней, в середине почти правильного круга из земляных кочек, сидел громко нами вовсе недавно помянутый всеу Загрибука, великий и заумный. И слегка наморщенный. Насчёт великости я, конечно, немного погорячился. Росту в нём было не ахти. Шерсть всклокочена всеми местами. Уши прижаты. Хвостик беспокойно дёргался. Пухленькие бочка подрагивали. Розовый нос морщился от свойственной всем учёным высокомерности.

— Привет, дружок! — Дример остановился и снял Шапку-Невредимку, утерев лоб. Сандалики тут же погрузились в мягкую почву на парковку, хлюпнув влажностью.

— Таких друзей сдавать в музей! — насупился Загрибука и надвинул уши на самые брови. — Дружок, понимаешь... Много тут у вас всяких Дружков да Бобиков, Шариков да Тузиков. Вот от Тузика и слышу!

И нос сморщил для важности, ковыряясь в наговорённых грибцах и зачищая от них очередную земельную кучку.

А грибцы были модные, надо сказать, оранжевые. Кислые-прекислые грибцы были, окисленные до обдурения дурманного.

— Сидим, значить, кукуем? — Дример опустил на корточки, отчмокнув сандалики.

— Как же... Ку-ку... Я что, по-твоему, дятел совсем? — Загрибука топтался на бруствере, утюжа край своей постройки. — Ты лучше ответствуй собрату по разуму, пошто Грызлика натравили на интеллектуальный запас природы, на меня то бишь? Вот уж кто у нас ку-ку, брехня уелапая с сушкой заместо хвоста! Только и знает, что гавкать да кренделем своим мух вентилировать.

— На тебя натравишь, пожалуй. Вона ручищи-то какие, захват — что твой экскаватор!

— ??? — Загрибука нахмурился, представив соперника с именем Экс-ква-ква-тор. Воображение услужливо показало ему большую жабу с ручищами.

— Что насупился-то? — Дример приветливо склонился ухом на сторону.

— Супа в рот сегодня не брал!

— А такое впечатление, что по самое «разойдитесь, товарищи... вот сейчас-сейчас меня стошнит».

— Ты сам-то куда лыжи наострил, юморист? — Загрибука расправил физиономию. — На первый разряд?

— Туда и сюда, — весело прищурился Дример, слушая лесное пересвисталово питючек разных.

— Как обычно. Понятно. Слыхал я, вроде как новость дурную принесло. По чью душу звонит колокол-то? — Загрибука встал, отряхнулся лапищами и, насвистывая «Hell's Bells» рок-группы AC/DC, принялся осматривать кучки земли вокруг себя.

— К Эникам иду.

Загрибука плавно перешёл на фигурный свист композиции «For Whom the Bell Tolls» рок-ансамбля Metallica и молвил:

— Всё вареники поделить не могут? Тупые бестолочи! Только им всё жрать да жрать! Никакой образованности, никакой науки. Где интерес к радиусу своей миски, хотя бы?! Я вот построил космическую обсерваторию, видишь? — Он неслышанной дланью своей показал на бугристую окружающую местность: — Все эти кучи расположены относительно крутящего момента звёзд в порядке очерёдности. Косинусы по понятиям оговорены с котангенсами. Я где-то слышал, что на одной из далёких напроць планет некий народец Майка выстроил на этих понятиях целую пирамидальную обсерваторию в местечке Чечен-Пицца. Высший эшелон научного Лесного прогресса по этому раскладу трактует вона што...

Дример опустил задницу на траву, где посуше, и прикрыл глаза. Ну сел он попросту. Солнце пригревало, но в воздухе стояла морозная свежесть. Впрочем, она могла в любой момент и исчезнуть, уступив место тропическому дождю. Лес ведь и насчёт погоды был непредсказуем. По крайней мере, пока все так думали, он старался оправдывать всеобщие ожидания. Потому и деревья в нём росли сплошь какие хочешь и каких ни в одном ботаническом учебнике не сыскать. То сосенка с пятипалыми листочками в крапинку, то берёзка с иголками.

Дример залез в карман штанов, вытащил труху. Ну а дальше вы помните, что обычно происходит. Глубокий вдох — «Вдохнууууть! Не дышать!» — выдох. Дым выплыл из носа синеватый и ажурный.

— Ты меня слушаешь? — Загрибука уже не на шутку распрыгался вокруг своих куч и с пеной у рта декламировал свои открытия, как будто перед ним была комиссия по вручению Шнобелевской премии, а не просто уставший Дример, пыхтящий самокруткой.

— Слух[а]ю помаленьку.

— Может, ты тоже уже отупел от своего дыма, как Эники с Бениками от своей кулинарии? Я говорю об астрономии!!! О космосе! Ты понимаешь?!

— Если б я был тупой, что бы я тут увидел? Я всё секу. Обсерватория, пирамиды, всё понятно. Ты енто, слышь, со своими познаниями, или как их там ещё, сможешь сходу определяться по месту?

— Ориентирование?! — Загрибука зажмурился от предвкушения научной беседы, дёрнув хвостиком и растопырив уши. — Отличная тема для дискуссии!

— Ты, блин с компотом, сможешь мне сказать, коли чаво, где конкретно мы шкандыряемся по этой чаше?

— Ну-у-у, скажешь тоже... В чаше-то... Ну-у-у, конечно... Да-а-а-а! — Загрибука сиганул через собственную голову мортальным сальто и радостно затараторил: — Мы идём искать сокровища!!! Ну конечно! И как я раньше не понял! Наконец-то судьба нашла своего слугу Загрибуку, и он теперь всем нужен, и без него...

— Заткнись уже, а? — Дример поморщился, натянув поглубже Шапку-Невредимку. — Просто подумай немного, можно ли протопать по Лесу напрямки и не вернуться обратно, уткнувшись в

свою же задницу, как тута принято? Эники со своими обеденными разборками послужили мне хорошим поводом проверить некоторые свои идейки, и я хочу преподнести подарочек Слипери.

— О-о-о, глубоко копаете, уважаемый разумный собрат, — подбоченился лапищами Загрибука. — Ты ведь знаешь, Правило одно на всех. Возвращаются все и всегда. Лес — всего лишь голографическая замкнутость ума...

— Про порнографичности я уже слышал давеча от тебя. Так, я понял, аудиенция окончена, — быстро прервал его Дример и выплюнул окурок в кучу земли.

— Моя обсерватория! — завопил Загрибука, пытаясь затоптать «бычок» без потерь для научной архитектуры. — Ладно, дикарь топоногий, так и быть, пойду с тобой! И учти, Дример, что я иду на этот подвиг ради науки и сострадания к вам, челобрекам недотёсаным!

— Ой-ой-ой, — усмехнулся Дример через плечо, поднимаясь и ломаясь с опушки. — Давай-ка пошевеливайся, буддист хредькин! Сострадание у него, понимаешь... Хе! Алга давай!

— Алга! — довольно хмыкнула Соня.

— Что-что? — обернулся я. — Соня, а где Терюська?

— На батарее греется, — наморщила усы Соня. А усы у неё, не в пример Терюське, были гусарскими, то есть так и хотелось браво подкрутить их слегка смоченными в добротном коньяке пальцами. Но они были-таки прямыми, как проволока вокруг лагеря беженцев в Бейруте разлива 1969 года.

— «Алга!» — пояснила нехотя Соня, — означало у монголо-татар команду «Вперёд!». Армия выстраивалась в боевом порядке, и командир кричал: «Алга!» Монгольские brave отряды шли вперёд. Слова «назад» у монголо-татар не было в лексиконе и в словаре не значилось. Поэтому, когда нужно было развернуть армию «к лесу передом, к нему задом» или наоборот, командир поворачивался на сто восемьдесят градусов и кричал: «Алга!» Вот смотрю я на Дримера со Слипери, и единственное, что мне приходит в голову, так это «Алга!».

— Хм-м...

— Да уж, не зря хвостом машу! Ну, давай уже дальше! А то на балкон уйду нафиг.

Слипер легко бежал по сухим иголкам высохших листьев. Рюкзак болтался за его спиной, а в голове билась истерично об затылок идея. Наконец-то он придумал, чем удивить по-настоящему Дримера. Сколько братья прошли по этому Лесу в своё время, сколько излазали болот и оврагов! Везде братцы искали лазейку, но всегда глумливый волшебный лесопарк возвращал их к тому месту, откуда Слипер и Дример начинали свои прогулки, к месту их утреннего пробуждения. Это незыблемое правило, с одной стороны, гарантировало им невозможность заблудиться, но с другой стороны, братья всегда чувствовали навязанную ограниченность своей свободы передвижения. Дом стал казаться им тюрьмой. И эта мысль в последнее время стала уж и вовсе навязчивой.

Стоило им пойти в Лес *бесцельно*, как он возвращал их кругами обратно.

Их путь всегда был ограничен конкретной целью. Стоило её достичь — и н[а] тебе снова и с начала, ты опять пришёл к Дому, куда бы ни ходил. Цели сами как-то прикипали к братьям периодически. То письмо придёт странное на порог, а то кто-нибудь из жителей Леса сам принесёт весть о ком-либо, нуждающемся в братьях. И они сразу собирались в дорогу. А что было ещё делать? Кормёжку искать да на вызовы по «03» выезжать.

Лес определенно был в чём-то разумен, в этом братья не сомневались. Но был ли этот разум механическим устройством или потешающимся над ними существом — оставалось непонятным. Им было подвластно менять в Лесу многое, но не сам принцип постоянного навязанного возврата к Дому. И это оставалось той занозой, которая не давала им покоя. И братцев можно было понять. Никто из нас не любит чувствовать себя направляемым против воли. Братья втайне лелеяли мечту докопаться до этого секрета, и вот Слипер теперь радостно мчался по прорезаемому лучами солнца Лесу, предвкушая победу. Ещё только пришло письмо от Эников и Беников, как он сразу сообразил — вот шанс разорвать цепи круга. Ибо Эники и Беники жили весьма на краю лесном, который по преданиям тишиной был нехило помят. Теперь братья обрели шанс пройти до конца Леса и узнать, что же находится за ним. Слипер рассуждал так: «Если принять за отправную точку с запятой обстоятельство, будто Дом всегда является центром Леса, что неоспоримо за неимением доказательств, то вся эта Котовасия так или иначе вертится вокруг... — Слипер так и подскочил: — ...нас, что ли? Да ну? Да не может такого быть! Ты, браток, не торопись и не относись к этому так серьёзно».

Он остановился, перевёл дыхание и думкнул вслух:

— Интересно. То есть вроде как Лес отражает наше состояние. А вдруг наоборот? А вдруг я — отражение своего отражения?

— Вау! — ухнула восхищённо притаившаяся наверху в ветвях Зверогёрл и поскакала прочь по сучьям, обгоняя Белок-Парашюта и вереща: — Я, блин с компотом, отражение своего отражения! Я — отражение своего отражения! Вот это мне крышу-то отбросило, аж черепица визжит!

Слипер рассеянно покачал головой ей вслед и зашагал дальше уже медленнее, рассуждая спокойно, с разумением:

— Надо бы к братьям Водянистым зайти. Они-то уж про отражения всё знают. Всю жизнь в воде сидят да болтают заумности. Забалтывают, понимаешь, нашего брата путника. Тут он отражением своим и становится, заболтанный путник, и как спутник сам вокруг себя болтается запутный... Ох, что-то я совсем запутался непутёво!

Перед его ногами через тропинку запрыгали Тютельки, как всегда ловко попадая друг в друга. Слиперу пришлось остановиться и подождать, пока те закончат свою чехарду, а затем он продолжил ходячую беседу с самим собой:

— Нечего вибрировать самому напрасно. Мозги — не пейджер! Спокойненько ща доковыляем до перепутья, а там у кого-нить запросим маршрут до Водопроводных братьев по разуму.

Так он, бормоча себе под нос, дошёл до развилки. Глядь, стоит камень посреди неё в аккурат. На нём, как водится в Лесу, небрежно накаляканы были разные жизненно-бытовые объявления и самоутверждения всяческих личностей. Слева — «Рейв гавно! Рэп круто!», чуть выше — «Панки хой!», внизу шёл бытовняк — «Ищу моржу, в сердцах стужу!» и «Стираю всё, от постельного белья до секретных файлов!». Вверху сияло «Всю власть ...!» (последнее слово в надписи было не раз стёрто и заменено, как и водится в любой истории любой планеты) и «Здесь был Топоног, затоптал кого мог!», а внизу шло наперекосья утверждение, обратное первому, то есть «Рэп гавно! Рейв круто!».

Крупная официальная надпись посередине каменюки гласила: «Куда ни пойдёшь — везде какая-нить херь да случитца!»

— Мудро. По крайней мере, с иронией и большим жизненным опытом написано, — утвердил Слипер прочитанное, поправив на спине жёлтый рюкзак. — Один хрен с редькой, куда идти, если знаешь, что куда ни иди — везде слаще не будет, всё равно придёшь к тому, к чему тебе нужно было прийти по-любому!

Краем уха услышав эту фразу, задумалась на лету и врезалась в дерево Белка-Дельтапланерюга. Слипер поймал её на руки, когда она, сложив смиренно лапки на груди, вошла в пике, словно Бомбам-диоровщик.

— Эх, блин. Надо бы её куды сунуть. — Карман на красном анораке Слипера был явно маловат, в штаны белку не запихаешь, а про рюкзак он и вовсе забыл. — А то ненароком съест кто-нибудь, или Топоног Многопятковый наступит. Он вечно ни шиша под ноги не смотрит, да и куда ему под столько ног сразу смотреть? Вот природа несуразная. Нет чтоб и глаз животному дать, аки и ног у него сколько, а то мучается сам иль кого мучает. Одно мучение, ёжикины кошки!

— Котов попрошу не поминать всеу! — раздался шершавый мягкий голос с ветки над головой. — Не гламурrrrrрно сие и не учтиво, молодой чемодан.

Слипер задрал голову. В этой позе, с бессознательной белкой на руках, он напоминал святого мученика, допросившегося с небес нежданного презента.

На ветке не спеша проявлялся силуэт весьма-не-в-меру-упитанного, полосато-невнятного кота с огромной широкой пастью и репейником в хвосте.

— Ап-чхи! — от неожиданности громыхнул Слипер на весь Лес.

— Хи... хи... хи... — понеслось эхо.

— Здоровеньки будь, аднака, ара-джан! — откликнулся кот, подмигнув в воздухе всем собой.

— И тебе не хворать, коли не шутишь. Ты чего, Башкирский, пугаешь спутника болтающегося?! Тьфу, блин, совсем меня с толку сбил!

— У нас прррrofесссия такая, баламутно-запутная, — промурлыкал довольно Башкирский Кот, выписывая крендель хвостом, чтобы скинуть с него репей.

— Как же, вот белку-то и сожрал бы сейчас! — Слипер захитрил на кота глаз.

— Ой-ой-ой! Больно нужна мне эта дохлятина, как ослу перья. Я вообще вегетарианец, меррртвечины вашей в пасть не положу! — Кот залихватски заложил лапу за лапу в

предвкушении долгого, приятного во всех отношениях разговора и улыбнулся отнюдь не вегетарианской пастью, в которой виднелись в семь акульных рядов остро наточенные зубы, более сотни количеством. — Что это ты, друг? В «Гринпис» записался? Суицидных тут всяких, понимаешь, таскаешь на руках. Вот Дример — тот не чета тебе, оболтусу! Всё о вещах мудррррых говорит, спокойно, не спешаааа. О преимуществах сметанной диеты мы тут с ним давеча мяукали недуррррственно. Хорррошая была вечеринка. Посиделки такие, понимаешь, богемные. Сметана, дык, сливки, моррроженое...

Кот закатил радужные глазищи и стал заваливаться набок.

— Эй, ты там, на крае, осторожней! — Слипер отскочил в сторону, благоразумно решив, что громадный зубастый котяра — это тебе вовсе не белочка, и поймать его на руки будет себе дороже в травматологическом смысле. К тому же место на руках уже было занято.

Кот ухватился за ветку и вернулся из мечтаний, приняв устойчивое положение.

— Слушай, — Слипер покрутил затёкшей шеей, — мне по всем раскладам идти к Беникам нужно.

— Слышал я. Мы здесь за новостями следим. Не деррррёвня какая, понимаешь. Мы — существо воспитанное и сообррррванное. А у них там раздоррры, делёжка территорий, политика, извечные кататонические клизмы неразвитого общества. Никакой тебе ни культуррры, ни мультуррры! Совнархоз один, понимаешь ли, и дискотека. Примитивизм.

— Ну ты это, не суди и в судах не будешь. Ты лучше, чем тут пузо греть, прогулялся бы за компанию со мной.

— Хмм... вареники... сметана... гламуррррненько!

— Ну что? По рукам?

— Тож мне, рэпер нашёлся. Это ты с братвой своей на районе по ладошкам хлопать будешь в радостях. Ладно, чего уж там. Убедил. Всё одно тут скукота колхозная. То этот рассеянный мужлан Топоног громыхает внизу, то Бронходилататор Муколитический как раскашляется, так хоть уши в трубочку сворачивай. И никакого тебе, блин с компотом, стиля. Никакого вкуса. В этом нет ничего, что нравилось бы мне! Никакого высокого общения. Никакой пищи для интеллекта. Па-а-а-ашли, кароче, отседова, братан, как говорят у вас на хате. Верррно, Слипер?

Кот плавно соскользнул с дерева, и на мгновение Слиперу показалось, что он стал каким-то эфемерным. То есть попросту исчез в воздухе. Ну не могла же, в самом деле, эдакая туша да с гламурным изяществом неслышно вмиг преодолеть такую высоту. Башкирец и на земле продолжал нервно мигать в воздухе. Глаза его поменяли цвет на изумрудно-зелёный.

— Только, чур, ты перед носом не мельтеши, как кинолента, — попросил Слипер. — А то я пугаюсь.

— Пугаются они... Да вы сами же есть те, кем вас пугали в детстве! Темнота одна, жуть по углам разводите! Вот Самсумей, мастер на все ноги, мне давеча приносил книгу некоего Куртки Ваня-Гутта. Умный, аднака, человека. Случай мой эстетически описал да названием каким

вычуррррным обозвал, — кот опять закатил глаза, — Синкластический Инфундибулум! Во! Понимаешь теперь, ЧТО Я ТАКОЕ? В Красной книге на первом месте, прежде заглавия иду!

— *А почему книга Красная? — удивилась Терюська.*

— *Ой, — подпрыгнул я. — Опять ты?!*

— *Пора бы уже привыкнуть! Я всегда не на месте и не к месту. Ты же знаешь. Ты, корюшка мне в пузо, ничему не учишься, человек. Вот кто так еду кромсает в миску, к примеру, а?*

— *Ну ладно, ладно...*

— *Так почему Красная?*

— *Хм, наверное, по той же причине, что и бывшее когда-то красным знамя. То есть цвета крови! У-у-у-у! — сдвинул брови я.*

— *Не хотела бы я попасть за свою редкость в Книгу Цвета Крови! — подала голос Соня с холодильника.*

— *А каково было некоторым жить в стране с Флагом Цвета Крови?! Совсем и вовсе не весело, — кивнул я.*

— *Да уж, как-то не фэниуйненько! — проорал с улицы через открытый балкон Ёик. (Вы его ещё не забыли?)*

— *Наточняк, мой иглоукальывающий друг! — проорал я в ответ и уже тише добавил Соне и Терюське: — Но Башкирский Кот был занесён в разные списки редкостей многих космических поселений и миров, и уж так получилось, что на одной из этих планет книга эта оказалась Красной. Сия мракобесная жуть так понравилась нашему усатому товарищу, что он часто вспоминал впоследствии о своей принадлежности именно к этой готической Красной книге.*

— Ну крут ты, крут! Спору нет! — одобрительно закивал Слипёр с белкой на руках. — Только ты, чур, постарайся этот свой Синкопированный Фурункулёз сдерживать хоть иногда.

— Чуррр-чуррр, начальник. Нет вопроса. Всё под контролем.

— Вот и гламурненько!

Кот скосил громадные, разом пожелтевшие глазищи на Слипёра, не издевается ли тот над ним, но челобрек и ухом не повёл. Новый попутчик, одобрительно фыркнув, зашагал по тропе, а его глаза стали спокойно-зелёными.

«Хорошие зубы, быстрая реакция и такая маскировка всегда пригодятся в дороге! — решил про себя Слипёр. — Это я вовремя и дипломатично догугтарился, а то сейчас за белку эту пришлось бы вписываться в конфликт. Кстати, как она там?»

Белка лежала в ладонях, открыв глазёнки, и таранилась в священном ужасе на смутно-полосатую задницу кота впереди. К тому же филейная часть эта помаргивала в прохладном лесном воздухе, несмотря на кошачьи заверения в будущей стабильности визуального контакта.

— Очухалась? — тихо спросил Слипер.

Белка в ответ на обращение к себе вышла из ступора, издала внутри своего организма на уровне инфразвука визг ужаса и всеми четырьмя лапами сиганула вверх.

— Что? — Кот обернулся.

— Ничего-ничего. — Слипер растёр ладони и сныкал руки в карманы оранжевых штанов.

Кот поднял морду кверху, досадливо клацнул своей сотней зубов и зашагал дальше, расслабленно бросив:

— Пошли уже, спа-са-тель...

— Иду! — Слипер поправил на плече неестественный в лесной чаще яркий жёлтый рюкзак и поспешил за маячившим впереди хвостом. — Слушай, а ты, чай, не знаешь...

— Чаю не предлагать! Я хоть и Башкирский, но касаемо всех этих этнических штучек типа чаёв с молоками и чак-чаками не очень-то. Я ж всё-таки кот как-никак! — Он приосанился и поднял хвост трубой.

— Как скажете, уважаемый Башкир-Ата, да ведь я не о том.

— А о чём?

— Ты вот дорогу к Водопроводным знаешь? Мне про отражения надобно у них расспросить.

— На кою мормышку тебе эти аквалангисты сдались? Я для твоего уразумения сейчас наглядный пример вреднючести покажу еного самого отражения. Как раз по дороге.

— Это где? — вытянул шею Слипер, высматривая тропу вдаль и поперёк.

— Да там и сям! — Башкирский Кот, не оборачиваясь, топал впереди.

Слипер хмыкнул:

— А что Водянистые?

— Слушай, прррямоходячий, коли тебе невтерпёж дайвингом заняться, дык зачем в такую даль к ним переть? Я тебя быстрее этому научу. Вот только до Дому вашего вернёмся, так ты там сразу перегнись подальше носом в колодец, а уж я подсоблю обучению старым дедовским способом, — захихикал кот. — Сам-то я, как ты понимаешь, не особо до воды любознательный. Прррирода такая, ничего не попишешь. Но ради помощи и из буддийского сострадания ко всем живым существам помогу тебе окунуться. А по части отражений, мячу тебе уж на который раз-два, эти несчастные томатные кильки ничем не помогут. Они столько дури курят на своем болоте, что кроме пузырей к детскому празднику от них ничего не добьёшься.

— А что за пример наглядный по дороге?

— Да вот! — Кот неожиданно спихнул Слипера с дороги прямо в кусты, и тот, проломившись сквозь них, вывалился на полянку.

Посреди поляны стоял огромный трухлявый пенёк с сердцевинкой, заполненной водой. А над пнём зависла странная живность. Слипер никогда такого существа не видел. Нечто, похожее на прилично откормленную галапагосину, вцепившись передними когтистыми лапами в край пня, развернуло перепончатые тонкие крылья и неотрывно смотрело в глубь образовавшейся посередине пня лужи.

— Здрас-сте! — Слипер решительно шагнул вперёд, но кот ловко подставил ему подножку, и братец неуклюже завалился в траву. Рюкзак шлёпнулся сверху.

— Не ори! — зашипел Башкирский Кот, накинув капюшон анорака Слиперу на голову и прижав братца к земле. — Не то на пару тут в пень куковать будете!

— Енто что?

— Не что, а кто. Это, бррратец, самое что ни на есть совершенное оружие массового отражения из земель чужестранных. Пострашнее бомбы водобродной будет.

— А вроде пень как пень, — промычал невнятно Слипер, так как рот был занят набившейся в него нуихмыть-травой.

— При чём тут пень? Пень-то Ясный, как пить дать, ишь сколько накапало. Я о том, кто на нём сидит! И говори потише, а то, не ровён час, отвлечёшь эту зачарованную крылатую боеголовку, и будем вместо него тут туканить до скончания веков, пока будильник Великого Ежемгновенного Обновления не прозвонит!

— Да не топчи меня в грядку! Затих я, затих! Кто это?

— Василиск это, турист! Ва-си-лиск! Вася не самый Премудрый, как сходу видать, но с чётко вооружённым глазом.

— Да ты чё? — Слипер пытался освободить глаза от навалившегося капюшона с кошачьей лапой в придачу.

— Говорю ж, zenки свои держи подальше. Прямо не зырь. И не шуми. Попался он, не видишь разве? — Кот нервно крутанул хвостом из стороны в сторону, опять замигав.

— Как же енто? Откель в нашем Лесу Вася-то такая Немудрая? И чё он тут в пне забыл?

— Слушай, кто тут из вас очарованный, он или ты? Ты ещё до Водянистых не дошёл, а уже тормозишь, словно обкуранный до пузырей. Крути процессором в головушке. Или у тебя голова — просто расстояние между ушами? — Кот укоризненно навис над Слипером. — Он же в воду смотрит. А вода что?

— Хм...

— Ты ж сам спрашивал меня про отражения! Ну? Шевели ластами, водолаз ты чугунный!

— Ёлки-палки-лесоповал! Да он в себя, что ли, упёрся?

— Соображалка у тебя с напрягом догоняет, начальник. Пора апгрейд на кушетке у психолога делать. Но на этот раз ты попал в точку с запятой. Бинго! Он, нездетутошный Тутытам ему в крылышки, на отражение своё и любитесь!

— А что, он реально в пятисотой марки цемент превращает всё, на что взглянет?

— Сам знаешь, строительный материал нынче безбожно бодяжится, но пожизненная кататония тебе всё равно будет обеспечена. — Кот искоса зыркнул на Васю нездешнего. — Под таким наркозом тебя до пенсии вешалкой в коридор можно поставить! Один разок в очки ему заглянешь — и можешь отдыхать до второго пришествия, если только волшебник страны «03» мимо пролетать не будет случайно с мигалкой, да тебя по настроению хорошему не размагнитит обратно. Как говорится, первый блин — комой!

— Я вообще-то о таких летательных аппаратах только читал. — Слипер осторожно попытался выглянуть из-под мохнатой кошачьей лапы.

Кот ослабил хватку и сел задницей в пожухлую траву рядом, опасливо косясь на здоровенную крылатую ящерицу. Слипер вздохнул свободнее и приподнялся, шёпотом вещая:

— Мда, Василиск и нарциссизм — вещи явно несовместимые, аки молоко с огурцами. — Стараясь не шуметь, он привстал, но решил особо не поворачиваться во весь анфас к чужестранной странножути. — И откель он тут?

— Да кто его знает. Радар наведения сбился, — Башкирский Кот заходил кругами вокруг Слипера, и глаза его забаламутили жёлтеньким. — С Незапамятных Времени откуда-то и свалился. Видать, в акаша-потану попал.

— Куда? — спросил Слипер кота еле слышно и пригнулся на всякий случай.

— Это по словарю сан-эпидем-скрита, дурррень! В Блуждающий Коридор По Связям С Общественностью! Есть такие в пространственно-временном континууме тоннели. Войдёшь в одной точке, а выйдешь чёрт знает в какой запятой! Этот вот вывалился над самым вашим Домом. Тут его Грызлик и погнал по Лесу. Василиск сдуру ошалел — небось, шавки дворовой сроду не слыхивал. Прямо в карьер галопом своим галапагосским и понёсся в Лес. Даже не обернулся ни разу. И хорошо, что не обернулся. Не то вместо вечно чешущегося Грызлика у вашего Дома сейчас бы стоял нерукотворный памятник «Белке и Стрелке, первым собакам-космонавтам», аккуратно исполненный в зачарованном пенобетоне!

— Ай да Грызлик...

— Да уж, пустолаять горазд, аж уши закладывает. Прибабах ему знатный достался от рождества! Короче, пёс ваш шибанутый до самой этой поляны и гнал гостя незваного. Вася этот Непремудрый к пню подлетел на перекур отдышаться, да в серёдку пня и поглядел, головушку склонив. И что он там увидел?

— Ну?

— Выдыха-а-а-ай!! — Кот сделал страшные глаза. — Себя, бррратец! Кого ж ещё? Ты вроде с Водяными дурь не мутил, а притормаживаешь ручником в асфальт! В свои очи ясные он и глянул! По закону подлости в зрак свой ледяной и упёрся! И зависло там что-то в его оперативке. Короче, сам себя заморозил. Вот теперь и висит Вася наш над пнём, хоть мухобойкой сбивай, да сны смотрит. И крутятся его сны известной нам по учебникам петлём Шмёбиуса, и ни конца ни краю их совершенно никак не предвидится, если только кто-нибудь его отвлекать не надумает на свою же панамку.

— Сны смотрит? — Слипер всё не мог отвести загипнотизированных глаз от чудосветного когтяшура.

— Да уж, не чета твоим лёгким порханиям по астралу, — ухмыльнулся Башкирский Кот, собирая хвостом по траве новый лесной мусор. — Тут, блин-оладушка, посерьёзнее музыка будет, натуральный трэш! Многослойное сновидение, что твой гамбургер — семь в одном. Знавал я одного любителя бумагу помарать. Странно, вроде как мужик был, а имя у него девчачье имелось

— Люся Кириллова. Этот самый Люся хорошо сказанул по самой сути обсуждаемого предмета: «Вздремни, и пусть тебе приснится сон про то, что тебе снится, как ты спишь и видишь, как во сне тебе снится, что ты заснула. И летишь... летишь...» Вот и долетался в аккурат по теории этого самого Люси Кирилловой!

— Слушай, а как мы его теперича домой того, ну туды, обратно в эту Связь С Общественностью отправим? Нам тут такая гонка вооружений совершенно ни к чему.

— Знавал я как-то одну девчушку. Вот кто помог бы! Она всё шастала с потребительской корзиной пирожков по этим самым тоннелям акашным да потановым, то к своей бабуле в Малый Нижний Дальнепердищенск, то от ночных мотоволков обратно по этим же тоннелям бегала, только визг стоял на всех перекрёстках. Да только не помню, и где же это я, как говорится в протоколе, видел потерпевшую в последний раз? Она ведь по всей вселенной шныряет со своими тошнотиками...

— Эй, Башкир-Ата, может, нашёл бы ты её? — Слипер забеспокоился по части судеб лесной братии. — А то не ровён да кривен час разбудит кто-нибудь этот истребитель с вертикальным улётом и боекомплектом на борту.

— Где же... где же... — Кот всё морщил пушистый лоб. — И тошнотики у ней стррранные такие были, как щассс помню. На одном «куси меня» было написано, на другом «дэнс пати форева» накалякано, на третьем и вовсе велосипед намалёван был да матюги заборные, даж говорить не буду, стыдно и пошло. Я сквознячком прикинулся как-то, сляммзил с краешку горбушечку, дык меня с ништяка того так тряхануло, что хвост с усами собрать не мог. На третьи сутки только отпустило. А, вот ещё чё! Она всё время Красную Тюбетейку таскала на себе. Несуразную такую малиновую шкандыбобину. Сразу видать, с колдовством каким-то, как у бррратца твоего смурного. Ну прям как этот самый его заколдованный дырявый шерстяной носок, который он на голове таскает!

— А-а-а, Шапка-Невредимка, что ли?

— Ну, по-вашему вроде так. Только вот благодаря этой самой Красной Тюбетейке девчушка та по тоннелям, сдаётся мне, и бегала, аки тётки с кошёлками в пятницу по универсаму! Но вот где я её видел в последний раз — не помню, — с видом бывшего следователя вёл кот допрос самого себя. — Меня ж самого иногда швыряет, ну ты уже знаешь. Я ведь феномммен, — Башкирец прижмурил позеленевшие до изумрудности глаза, мурлыкнул и вздохнул.

— Это я помню! — поспешно согласился Слипер. — А ты, коли вспомнишь, кричи сразу, — сдвинул он брови, — а пока давай-ка выбираться отсюда. Что-то мне про отражения всё стало ясно-преясно, вот прям как этот самый Ясный Пень.

— Хе, Пень-то Ясный, как пить дать! Небось, если Вася с перепоею очухается, да ещё и лакать с него вздумает, — всё про себя на три юги вперёд знать будет! Наточняк диагноз ставлю, и к гадалке не ходи!

В зарослях на окраине поляны произошла какая-то сумятица, и из кустов выглянули две лупоглазые головы Лопы и Антилопы.

— Так, ну-ка, брррьсь! — зашипел на них Башкирский Кот и сверкнул внезапно гепатитно-жёлтыми монгольскими глазищами. — Кончаем тут смутную движуху!

— Ребята, вы бы тут не шастали... — начал было Слипер разъяснительную беседу с пунктирно-аннигилирующей парочкой, но тут перед его лицом образовался из лесного полумрака переместившийся кот.

— Линяем! — шикнул он, а после растворился в воздухе. И клочок его линяющей шерсти аллегорично остался колыхаться в пронизанном солнцем лесном воздухе.

Лопа с Антилопой, икнув, ломанулись в чащу, а Слипер, подобрав рюкзак, поспешил включить заднюю передачу и ретировался на тропинку, с которой его сюда ловко спихнул Башкирский Кот. Воцарилась полуденная чащобная тишина, и в этом оцепеневшем пейзаже лишь Василиск встрепенулся и тихо что-то проурчал на своём чужестранном языке, видимо, совершая в заколдованном ледяном сне немислимый захватывающий вираж.

На четвёртом или пятом повороте Дример услышал сзади тяжёлое дыхание запыхавшегося Загрибуки, совмещенное с нудным ворчканием:

— Куда ты без меня дойдёшь? Ни компаса, ни знания астрономии, ни навыков ориентирования! Ладно, человек, иду уж с тобой, провожу до Эников, а там поглядим.

— Вот и молодца! — Дример шёл себе вперёд и в ус не дул, благо его попросту не было. — Ориентирование и всё такое — это круть! У тебя ж опыта больше...

— С каких таких у меня жопа-то больше?! Так, Дример, ты мою жопу не трожь! У кого она там больше — ещё присмотреться нужно.

— Не бухти, Загрибыч! Идём и идём. Так бы сразу жрать зразы и мочить потом заразу! А то погибать стал мизинцы, по понятиям раскладывать... Енто я, брат, не понимаю. Голова у меня пустая! — Дример хитро прищурился.

— Пустая, пустая, — охотно согласился Загрибука, пытаясь отдышаться на ходу. — Нет чтоб мозг наморщить лишний раз, так всё вам с плеча смоленского капусту рубить по-тайски!

— О, словами-то какими забормотал! — скакнул бровями Дример. — Думать, типа, говоришь? А не лучше ли перестать думать и начать наслаждаться? Вот я о чем думаю. Круголя даю мозгами, как видишь.

— Думаешь о том, что надо перестать думать? — Загрибука попрыгивал сзади, отплёвываясь от пицалистых мушкаррей, которые норовили поселиться у него во рту. — Интересное думание, и сказать нечего. Просто наслаждаться, говоришь? Но и это не мешает думать! Блин с компотом, где стенографисты?! Записывайте! Записывайте! Чёрными граффити на бетонных стенах! Какие мои думания уходят в Канучую Лету!!! — Загрибука заломил к небесам загребущие ручищи.

— Да уж, тут либо чуют и фигеть от кайфу, либо морщить извилину, — умудрил Дример. — Ёп-штейн, понимаешь ли, относительность, наука. Ага. Да-с.

И пошли Дример с Загрибукой дальше, морща периодически совместно мозги и жмурясь от накрапывающего дождика. А лес тем временем заметно поредел. Начались невнятные болотца с неприлично наплюханнми то там, то сям кочками, поросшими лишаями да мхятиной всякой. Небо стало совсем серым и негостеприимным. Ветер крепчал градусами. И попутчики решили привалиться где-нибудь в чилаут, то бишь сделать привал. Расположились на пригорке, выбранным Загрибукой по всем правилам фэн-шуя, заморской науки «как правильно привалиться или что-нибудь привалить». Дример свернул листик с трухой, щёлкнул пальцами и, выбив искру, закурил. Загрибука тоскливо поглядывал вверх, но просветов в баблаках не предвиделось. Ночевать в лесу в неизвестном месте ему как-то не улыбалось. Не смешно, блин, было. Не ха-ха. Тут тебе и какой-нибудь Топоног затопчет вприсядку, али Кот Башкирский, им не раз виданный, ради забавы подкрадётся да укусит, благо удаль свою стоматологическую девать ему вачепта некуда. В общем, со всех сторон, куда ни посмотри, одни инфаркты имени миокарда или переломы оконечностей, тоскливая медицинская явь в склянке с анализом.

Загрибука уж стал изгибаться умом, как бы Дримеру намекнуть, мол, пора на отдых безопасный расположить ноги-руки, но челобрек и сам уже смекнул, что в темноте идти несподручно даже при его навыках и преимуществах.

— Кочуемам до утренней звезды! — Дример снял и стал стелить фуфаечную кенгурятину с капюшончиком на мох.

— Это дело хорошее! — приосанился Загрибука. — Пойду я покуда дровишек на костёр насобираю.

— Давай. Вон у тебя какие ручищи!

— Но-но! Попрошу без дискриминаций! Вы бы на себя с братцем поглядели. То там шкуру сбросят, то здесь оставят. Шерсть зачем-то стригут с башки. Вы сами-то в Лесу, как негр в снегу!

— Ты енто откуда таких слов нахватался? — Дример удивлённо вскинул бровь.

— Да сам не знаю, — честно признался Загрибука. — Так, во сне привиделось-прислышалось. В этом Лесу бесятском никто ни шиша не может упомянуть толком, что да откуда берётся, включая себя самого.

— Это ты верно подметил, — согласно кивнул Дример и глубоко задумался.

— *Ой, а мне-то какие Страстные Мордасти снятся иногда! — возбуждённо подпрыгнула Терюська у меня на столе. — И самое странное: порой что-нибудь во сне кажется совсем не страшным и очень простым, но потом оно на поверку оказывается вааще нелепым и очень даже жутким, когда вспоминаешь сон после пробуждения.*

— *Слухай, я и наяву-то иногда ка-а-а-а-к загутарю не по-нашенски с какого-то перепугу, что потом и сам стою, глаза таращу и удивляюсь, откуда это во мне такое? — Я нервно закусил карандаш.*

Терюська на меня странно посмотрела, внимательно заглянула в зрачки и вкрадчиво спросила:

— Шо такэ? — Дример приподнял Шапку-Невредимку над бровью в тот момент, когда наш псевдокосмонавт бесславно окончил свой первый полёт и брякнулся в траву, громко и натужно пукнув.

— Фи-и-и, профессор! Что это вы надумали тренировочными полётами заниматься без приказа ЦПУ? И что за выбросы в атмосферу? — Дример подтянул грязно-травяные штаны и уёжился в серую футболку под кенгурятиной.

— Ыть, челобрече, что ты понимаешь?! Да я такое увидел! Одна искра, блин... Одна искорка, катет мне в гипотенузу, а от неё цепная реакция! Весь Лес к чертям собачьим мелкой крошкой разнесло! И я стою посреди всего этого Великим Ноем, оставшимся в пупе этого великого бардака несутветного, и нитьё моё — не чета волчьей опере зимней.

— Спи уже, чурчель летучий! Не буди зверьё! Ну, кошмарик вязучий приснился, с кем не бывало. — Тут Дример оглянулся тоскливо. — Звезда вот взойдёт, протрём зенки, да и созовём кворум для обсуждений. А покуда спи, несуразный.

— Дык вещей сон-то! Не хухры с мухрой! — Загрибука наборщился и опустил до земли загребущие ручищи.

— Верю охотно. Кстати, мухры надо бы набрать, а то курево скоро кончится. Да только что нам, Загрибыч, сейчас извилину напрягать? Отдохнуть нужно, сил набраться от земли. Похрапи немного, успокойся. Два раза одна и та же бомба в сто пудов никуда ва-а-а-аще не падает в течение одной кальпы — ты ж в курсе! Так что больше кошмар этот тебе сегодня не приснится. Уж. Типа.

— Успокоил, блин с компотом, усатый нянь, — Загрибука недоверчиво зыркал по сторонам.

Дример опять надвинул Шапку-Невредимку на глаза, поудобнее завернул руку под голову приёмом «ухом в локоть» (не путать с древним боевым приёмом «локтём в ухо») и затих в траве.

— Словно кокон Бом-бам-дировщика, — поёжился Загрибука, глядя на завёрнутого в серую свитерюжную кенгурятину Дримера. В воздухе было совсем не жарко, и не июль вовсе, и не пальмы кругом даже. Так что сидеть и трястись особой жажды у него не было. И он тоже, покряхтев, улёгся вторично за эту ночь и теперь уже без тревог «придавил уши» до самого рассвета.

Лес мирно спал, и только вечно простуженная Муколитическая тварь всё время будила слишком близко расположившихся соседей надтреснутым кашлем и сипом отёчных лёгких. Ну и нефиг! Курить надо бросать!

В то же самое время Слипёр бодро шагал под палящим солнцем, немного нервничая из-за нового попутчика, который шнырял по зарослям с довольным урчанием.

— Прррелесстно! Прррелесстно! — то и дело слышалось из растительной околородоной неразберихи.

Потом вдруг из внезапно образовавшегося сбоку выхода вываливался Башкирский Котьяра, путался под ногами и тут же нырял в случайно возникший с другой стороны вход.

Ага! Я вижу, что внимательные читатели уже спотыкнулись о моё «в то же самое время» в начале этого абзаца. Ну как же! Пока Дример с Загрибукой спят в мёрзлой болотной ночи, Слипер тут под солнышком среди бела дня оттаптывает километры невесть-откуда-взявшимися-в-этой-глуши кроссовками фабрики «Красный Треугольник». Но я не оговорился. День и ночь сменяли друг друга в Лесу не как положено в приличных лесопарковых насаждениях, деля сутки налопопам, но как попало уж кому куда и чем на душу придётся. А вот на чью душу что пришлось — зависело от личного времени каждого из братьёв. Ещё в далёком не знаю каком году человеческий детёныш по имени Алик со странной фамилией Ёп-штейн, которую при желании можно перевести как Первый-Камень-Брошенный-В-Огород, вскормленный отнюдь не доблестной, такой же человеческой, как и он сам, цивилизацией, открыл вопиющий факт: время — штука настолько круто-туто-светная, настолько несусветная круть, что д[о]лжно ей себя вести так, как Великий Степной Дух решит с перепугу. А это значило, что все мы с вами, и кое-кто с ними, живём совершенно отдельно друг от друга, и всё, что нас объединяет, — тикающее устройство, визжащее по утрам, которое заставляет нас пребывать в иллюзии общности восприятия окружающего мира. Это я так витиевато и научно об обычном будильнике тут распространяюсь. На самом же деле (ёктить, как же я всегда хотел посмотреть именно на это «самое же дело») всё обстоит гораздо запутаннее. И каждый из нас, или из них, живёт в своём личном времени, пытаюсь безуспешно пристроиться под вращение вокруг звезды планеты, на которой волею судеб оказался в Пути.

Слипер не помнил ни о будильниках, ни об астрономии ничего конкретного, поэтому доверял в этом вопросе исключительно светилу, которое проливало свой свет над Лесом и подсказывало, когда настал срок шагать, икать и молоть языком, а когда — повалиться на что-нибудь мягкое и смотреть сны, бе-бе-бекая губами. Над головой у него сейчас было светлее, чем в операционной, поэтому наша парочка бодро приближала стопы своих ног к заветной цели, нисколько не беспокоясь, что день весьма затянулся. Дни и ночи в Лесу имели свойство ненормированно удлиняться или укорачиваться в зависимости от только ему, Лесу, известных причин. А так как эти самые причины у Леса никто не удосужился спросить, они остались в статусе «инкогнито», или, по-босяцки, «а чё я сделал-то?». Башкирский Кот к исходу третьего часа ныряния в кусты, учуяв запах подпалённых пельмешек, издал победоносное урчание и ломанулся было вперёд. Но Слипер приложил тут же палец к губам и произнёс таинственно:

— Цыц!

— Тс-с-с! — повторила за ним ныкающая в верхних ветках Зверогёрл. — Тс-с-с! — повторила она ещё раз. И ещё раз. И ещё. Да так и осталась на осиновых антресолях замороженно тсыкать, замерев на суку смесью сыча и гадюки обыкновенной, или попросту как забытый на плите в коммуналке чайник.

— Ни с каких идей нам спешить не стоит! — заметил Слипер, сбавляя шаг, и зловеще подмигнул коту.

— Пельмешшки... Варрренички... Вечеррринка... — довольно прижмурился котяра, мечтательно закатив зелёные бинокюляры.

— Они самые, но, как в каждом порядочном стане, их наверняка охраняют до общего звонка к приему пищи и...

— Бррратец, какие звонки? — Башкирец возмутился до оконечностей. — Мы не в школе, не охреневай. Ты видел когда-нибудь организованные походы Эников? Да это стадо ополоумевших кроликов, случайно вывалившихся на грядку с морковкой! Дисциплина и Эники — вещи такие же нестыкующиеся, как кинза и кин-дза-дза. Соединить можно, но результат всегда слегка воняет и стабилизирует экспериментатора на некоторое время в положении сидя, с морщинами на лбу, оседлавшего скоропалительно фаянсовую посудину. Как говорится в известной уральской песне: «Селёдка, кефир и ломтик дыни — и я снова дома, и я точно дома!» Уймись. Пошли попросту пожрём. Белку облезлую тебе, видишь ли, жалко, а кота, занесённого в Красную книгу испокон веков, уморить голодом — прям подвиг жития Святых и Замученных. Ты зачем сюда пришёл? — спросил кот и мгновенно ответил, не дав Слиперу даже сообразить что-либо: — Пррравильно! Порядок навести в рядах хаотично живущего населения, дабы прекратить всяческие тенденции к развитию анархии и, естественно, вкусно пообедать! Анаррррия, мой друг, — кот внезапно сел на тропинке, обвив хвостом все четыре лапы, — никогда не способствовала укреплению традиций в приготовлении пищи. Наоборот, она всячески проявляла стремления к деградации вкусовых качеств истинно национального продукта и разрушала культуру созидания оногo. Люди, озабоченные сменой политического строя или отсутствием такового, не могут в принципе создать ничего стоящего, ибо их мозг занят всякой ерундой, а не действительно важными в жизни вещами, такими, к примеру, как свежесть и аромат с любовью сваренных пельменей. Посему смысл жизни ускользает от них...

— Про смысл жизни давай потом, — поспешил оборвать его Слипер, убоявшись, что лекция Башкирского Кота затянется до того момента, когда у докладчика просто крыша стечёт, шариками сцепившись с роликами, или попросту иссякнет желание удовлетворить потребность в ораторстве.

— Ка-а-а-аррррр-оче, амиго, — мявкнул воинственно Башкирский Кот, встряхнувшись лесной пылью, — направь свои стопы к несчастным народам для воистину святой цели восстановления йерархии и последующего повышения качества изготавливаемой ими пищи, как следствия общего роста сознательности.

— Чё? — помялся оранжевыми штанами Слипер.

— Шевели ластами, аквалангист! А то остынет! — закончил кот, подняв свой полосатый зад с тропы.

— А как же стратегия переговоров?

— Стратегия, промозгованная на голодный желудок, обречена на поражение, мой дррруг. Историю войн нужно изучать. Хотя ты же не хищник, тебе незачем. Но уж коли выпал тебе случай

мудрости набраться, то изволь. — Башкирец поднялся на задние лапы и важно раззявил ужасающую пасть: — Главное в войнах — это снабжение!

— И днём и ночью кот учёный... — промямлил подавленный потоком информации Слипер.

— Знаю, знаю я этот фольклор. Глупые стишки, никакой логики. — Кот крутанул усы лапой. — К чему учёному коту ходить по какой-то цепи кругами? Владение знанием никак не способствует любви к цепям, а наоборот, подразумевает вождение свободы. Кругами же ходят только психи по коридору в дурке или эски в камере. Зачем уважаемому учёному коту нарезать круги вокруг будущего штабеля древесины? Задумайся. Это же чушь! Свободная разумная личность и цепи кругами — антагонисты, как Марксон и Энгельсон. Результат всегда...

— Я помню про смысл жизни! — поспешил его заверить Слипер.

— Ну вот и хорошо, — сразу успокоился кот. — Разгладь свой лоб, о несущий исцеление народу. И приготовь ложку, ибо любые переговоры по важным вопросам д[о]лжно начинать с приёма пищи. Так шо «Алга!», как говорят мои братья татары и коллеги их монголы!

— Ну убедил, убедил, — недоверчиво пробурчал Слипер. — Пойдём откушаем.

— От! — Кот распушил хвост и гордо направился вперёд, держа нос по ветру.

Перекись населения, или От-воротца-поворотца-ламца-дрица-умца-ца (глава в нарезке, платить в кассу)

Мне этика и эстетика написания книжек до лампочек бараньих. «Какой курдюк! Какие лампочки!» — как говаривал Башкирский Кот в чрезвычайно добром и кулинарном расположении духа.

Один мой знакомый, батюшка Николай, и вовсе по сему поводу чётко и кратко выразил сиятельную мысль: «В мире нет таких правил, чтоб стихи были с рифмой!» И в этом я целиком и полностью нахожусь в согласии с вышеупомянутым духовным лицом. А посему тут же, в начале главы, отойду от дальнейшего описания и прибьюсь к теме. Эники да Беники были не просто упёртыми до жратвы оглоедами (не путать с алкорэперами), но истинными ценителями кулинарии. И здесь нельзя не затронуть вопрос образования и его полезной и для всея вселенной применяемой процентности. Вопрос сей весьма и весьма актуален для вас с нами, уважаемые читатели этой белиберды. Вопрос сияет. Он актуален в наше с вами время жития-бытия. Скажите мне, по совести зрачки тараща, вот вы много из изученного вами в школе помните сейчас? Сколько минут, часов, дней и ночей, лет из конца-то в конец и в конце концов, вы потратили на обучение совершенно бесполезным для себя вещам? Скольким из вас понадобились в жизни интегралы алгебры или теоретические задачи физики? Возьмите для интереса в руки учебник по физике седьмого класса, откройте на любой странице посередине. Ну хорошо, лентяи, я сделаю это за вас! Итак, у меня в руках «Сборник вопросов и задач по физике». Я нашел его в шкафу у дочери. Она учится нынче как раз в седьмом классе. Открываю. Страница 166. Тыкаю пальцем.

Упражнение за номером 1576. Читаем: «Электронный луч скользит по экрану телевизора со скоростью 2500 км/сек. Определите время перемещения электронного луча слева направо по экрану, если его размеры 50/38 см». Да я отсюда чувствую, как запахло палёным от ваших напрягшихся процессоров. (Ты, снисходительно улыбнувшийся ботаник, не в счёт. Мы о нормальных людях сейчас говорим.) И почему именно слева направо? У экрана этого размер справа налево другой, что ли? И кому из вас это пригодилось? Да для половины из вас знакомство с этим самым электронным лучом закончилось на второй свежести футболе да на телесериале «Рабыня Изаура», чтоб ей икалось в своей Бразилии с вечными соплями и сексопатологией! А геометрия с её а-прим и бэ-прим? А котангенсы вам очень облегчили жизнь? Или, может, изучение истории монгольского государства под управлением Ых-Жмых-Пыхтынбая Семнадцатого вас сделало чуть более счастливым человеком? И всё это вместо того, чтобы потратить угробленное вовеки веков количество времени на обучение воистину полезным вещам!

Может быть, кто-то из вас мечтал стать гениальным поваром? А вот чему может научиться ученик повара за три года в сомнительного уровня кулинарном училище? А в училище Захудалинского района города Задрипищенска? Печь вокзальные тошнотики? А если б он учился этому не три года, а все десять-двенадцать, да в специализированном заведении с заточенными под енто дело учителями? И не по два часа в день, тратя остальное время на историю монгольских братьев Ыхтынбая и Пыхтынбая, которые чёрт-знает-когда в XIV веке носились чёрт-знает-зачем по своей монгольской степи, кромсая друг друга из-за сомнительной красоты потной и сальной дивчины с небритыми подмышками. Нет уж, никаких эпосов! Ученик прилежно занимался бы изучением искусства кулинарии в теории и на практике по шесть часов в день двенадцать лет подряд. И всё это при изначальном выборе учеником своего будущего ремесла. То есть он бы испытывал к своему образовательному процессу самый неподдельный интерес и чувствовал себя, как минимум, на своём месте. (Колбасу резать будем ЗДЕСЬ!) Да за такое время можно даже жирафа научить готовить французский омлет на голове бегущего леопарда. И что выросло бы из такого ученика? Верно. Мастер. Мастер своего дела. Не посредственный полуисторик монгольской республики в пополаме с подмастерьем вокзального спеца по травле голодных пассажиров, а Мастер своего дела. С тысячами рецептов в голове, с отточенными годами движениями ножа, с лёгкостью фантазии, вкусом, стилем и другими сопутствующими Мастеру приятными вещами. И люди, отведав его стряпню, уходили бы чуть более добрыми, чуть более весёлыми, чуть более довольными жизнью — чуть более счастливыми, а может, и не чуть! И то же касается музыкантов. Кто-нибудь из вас, как я, таскал ли по три раза в неделю 15-килограммовый аккордеон за восемь троллейбусных остановок после основных занятий в пятом классе средней школы? Я ведь любил музыку. Честно. Любил. И даже исхитрился впоследствии сделать её таки своим основным занятием в жизни. Я хотел играть. Я хотел писать шедевры классической музыки. Но, видит бог, как я ненавидел её к концу уже первого года этих адских мучений, когда после шести уроков, помня о несделанном домашнем задании величиной с докторскую диссертацию, я еле живой и голодный пёрся в зимний, холодный и тёмный вечер в эту да-штоб-ей-провалитца-

ламца-дрица музыкальную школу!!! А художники? Где вы, о великие художники, оставившие свой талант в жалких закорючках, выведенных на партах вечно пачкающейся шариковой ручкой «Союз»? Не знаю, как вам, а мне жаль этих лет, этих просиженных штанов на абсолютно неинтересно преподающихся уроках! Жаль этих бесполезных лет зубрёжки совершенно чуждых моей природе знаний. Лучше б я спокойно занимался музыкой все эти тринадцать лет с утра и до вечера. И, вполне возможно, сейчас я бы не марал бумагу этой чушью, а сидел перед пиюпитром и писал прекрасную симфоническую музыку для мира, для людей, будучи абсолютно счастливым. И многие люди были бы тоже счастливы, слушая мою прекрасную музыку.

Да, прав, четырежды на восемь пятых прав был Шерлок Холмс, когда заявлял, что ему всё равно, крутится ли Земля вокруг Солнца, или наоборот. Ибо он не хотел захламлять свой далеко не безграничный чердак ума бесполезными для сыщика знаниями, сосредотачиваясь на прикладном мастерстве. К тому же, сей астрономический факт до сих пор находится под большим вопросом, как и всё в науке. И в конце всех концов, всегда есть Мастера по части астрономии, готовые дать такую справку любому Сыщику, если тот вдруг в ней станет нуждаться.

Так пусть же Стрелок учится стрелять. Повар — готовить еду. Пожарный — тушить пожары. Инженер — создавать проекты. Строитель — строить, и т. д.

Давайте же растить с самого детства Мастеров! Неужто не видно, к чему тянется ваш ребёнок, что ему более интересно?

И знаете, к чему я это всё гнул?

Правильно!

Эники и Беники были настоящими Мастерами своего дела. С самого малолетства, с самого сопливого возраста. Да, Башкирская раскосая Котяра рвалась туды не зря! И надо ж случиться такому совпадению, как раз был Рыбный день! Ну натурально фартило нынче усатой братии.

Слипер вышел на лужайку, чавкая ногами в мокрой траве. В аккурат посередине лужайки стояли светленькие фигвамчики. Курился дымок, пахло школьной столовкой. Нет-нет, не советской школьной столовкой, а обычной парижской школьной аристократической столовкой, пардон-её-месье-в тужур!

— Эники! — радостно мявкнул Башкирский Кот за спиной Слипера и, в три прыжка обогнав его, полетел колхозным комбайном под-над травой в сторону соблазнительных ароматов с диким башкирским воплем: — Байрам мэнэн!

— А... э... — только и успел парировать Слипер. — Действительно, Эники. А вроде должны мы были выйти на Беников. Котовасия какая-то попутала...

Котовасия где-то далеко в Лесу напрягся, беспокойно понюхал воздух носопырками, замер на мгновение, а потом КААААААК ЧИХНУЛ!

— Вспоминают где, шо ли? — утёрся простой воронежский родственник нам уже знакомого Башкирского Кота, оглянулся воровато и сгинул в траве с лихим: «Ыть, трепых мои рыбёшки!»

Эники были странным народцем. Вы когда-нибудь якутов видели? Так вот, совершенно ни фигу не похоже! Щурясь и жмурясь, Эники месили тесто в кадушках-болтушках и приговаривали

сообща: «Ом, бхур бхувах свах тат савитур вареньям бхарго девасья тхемай тан но нангах прачьо дайят!» (Это на сан-эпидем-скрите, языке давно мёртвом, а потому готично-небезопасном. Вслух повторять с осторожностью.)

Тесто пузырилось и согласно булькало, наполняясь золотистым цветом. Травки душистые, собранные в задуманное время и убранные в берестяные бутылки, ждали своего часа в тёмных уголках фиговичков, чтобы кувырнуться в чудо-котел с пельмешками за мгновение до их полной готовности и совершить волшебство чудесатое. Погода была осветлённая, и вся канителица с варкой заветных рыбьих подушечек расположилась на улице посреди саморучно образовавшейся окружением домиков площади. Кот сунул было нос в котёл, но тут же получил по усам деревянной поварёшкой и, нисколько не обидевшись, осадил назад с довольным урчанием.

— Глаза б мои не сводились! — Закосив зрачки к носу, Башкирчатый плюхнулся мохнатым задом в траву, забыв тут же про своё упомянутое вегетарианство, и аскетично начал дожидаться заветного гонга, бурча под нос мотивчик: — Прррросто я живу на Ленин-урамы, и меня зарубает время от времени, мама...

— Буэно провеччо! — поклонился Слипер, подойдя к костру.

— Век фестала не видать! — отозвались Эники и деловито суетнулись кто куда.

— Мы тут с братцем корреспонденцию давеча вскрыли, дык в ней всё ужасы да Страстные Мордасти мерещатся! Говорится там, что у вас разобщение произошло с братьями Бениками!

— А скоро пожрать-то? — рявкнул было кот, но тут же был прерван многозначительным пинком слиперовской кроссовки «Красный Треугольник».

— Разобщение наше премного опечалило нас, да из-за фигни вышло! — Эник, который из старших, поник головой.

Башкирский Кот зыркнул по сторонам в поисках «фигни», за которой могла прятаться ента самая разобщённость и откуда она столь внезапно могла выйти на свет ясный. Но тщетно. Ничто в обозримом пространстве не было откровенно фиговым.

— Нашли мы, вместе гуляючи, травку странную, — продолжил пожилой Эник.

— Ы-гы-гы, — хитро скрючился котяра, — уж не Хмарь-Ивановну-Траву ли?

— Да тихо ты, ботаник тож нашёлся, — цыкнул на него Слипер, но Эники и ушами не повели, пропустив кошачье замечание.

— Травка странная, лиловая, — Эник покачал головушкой, — пахнет, как лучшая наша приправная травка-малявка. Растёт веерочком, листики кружком-ромашкою, неприметная такая...

— Веерочки-ромашечки... крендельки да бараночки... Дык чё еда-то, бррратки? — снова было потянулся кот и вторично схлопотал кроссовкой.

— Дальше, други! Что с травую-то приключилось с этой? — Слипер страшно округлил глаза на кота и опять повернулся к Эникам.

— Заморская травка, прибудная, нездешняя. Мы её с интересу в котёл и киданули! А чего? Кто знает... Может, рецептура какая откроется новая, — Эники переглянулись и пожали плечами.

— Прррактичность, энтузиазм, смелость новаторских решений — вот та дверь, что откроет нам светлое и прекрасное будущее нашего покрытого закорюками и мхом региона! Но всё-таки как насчёт немного пожрать? — Щёлкнув сотней зубов, Башкирский Кот замер в ослепительной улыбке.

Слипел в который раз собрался пнуть пушистого собрата по разуму своей неизвестно-откуда-в-этом-лесу-взявшейся спортивной обувью. Эники уже вытянули откровенно-довольно свои шеи, чтобы подглядеть сей акт возмутительного попирания кошачьих прав, как вдруг кусты на окраине опушки раздвинулись, и на поляну вышел... КТО?

Точно, дорогие и уважаемые читатели! Это был Дример собственно с персоной, а точнее, с Загрибукой, у которого рот ни на секунду не закрывался:

— Перво-наперво, тут полный несходняк относительно кривоплющности сухоштанных дефекций, и уж второ-навторово, я ва-а-а-аще ни в ус бровями, почему вы, уважаемый, столь категоричны в своих замечаниях относительно креативности моих претенциозных изысканий на пользу отечества и всего вразумительного сообщества!

Эники разинули рты, а кот, воспользовавшись замешательством и запустив лапу в котелок, выудил славную наваристую пельмешку, ловко закинул её себе в пилорамную пасть и как ни в чем не бывало промурррчал:

— Дорррогой вы мой, я с вами абсолютно согласен! Буквально только что я пытался открыть глаза этим добрым существам на совершенно неоспоримый факт, который ясным светочем сияет нам во мраке окружающих болотных угодий. И вот что я имею сказать на сей счёт. Десятиверстовыми шажищами мы несёмся к светлому и прекрасному будущему, и наши потомки...

Дример к тому времени подошёл к собравшимся и закрыл кошачью пасть ладонью, прервав доклад о перспективах развития чего-бы-там-ни-было.

— Здорово, ёктить, — Дример протянул свободную руку Слипелу и по очереди всем Эникам, стоявшим кружком с разинутыми ртами.

— Про смысл жизни я всё знаю, братан! — повернулся к коту Дример и освободил его пасть. Тот только развёл лапами, мол, и сомнений не было в том, брат. Ёу!

— А в чём, как ты думаешь, смысл жизни? — пошкрябала меня Соня лапкой по ноге.

— Ааа... нууу... эээ... — Застигнутый врасплох, я пытался найти приемлемую отмазку.

— Не улавливаю пока сути, — поторопила Соня.

— А где ж её ловить-то, суть енту? И на какую мормышку? Я вот чую внутри, а выразить не могу.

— Так нечестно получается. Скарманил и держишь.

— Ну хорошо. Посмотри в окно. Видишь, дерево во дворе?

— Вон тот старый дуб? Было бы неплохо полазить, век шпроты не видеть!

— Это не просто старое дерево! Про него много песен сложено людьми. Есть даже песня о его листьях. Так и называется: песня о деревянных одеждах.

— И про что в ней поётся?

— Да всё время про одно и то же: шуба дуба — шуба дуба — шуба дуба — да! Куплеты про пальто, если вкратце. Опус о поздней осенней листве дубовой, покрытой снегом. Поэтично, не правда ли?

— Здорово! Так что там насчёт смысла?

— Ааа... Так вот, смотри, лист падает с дерева, видишь?

— Вон тот жёлтенький?

— Точно! Вот это и есть смысл жизни!

— То есть?

— Вот целое дерево напрягалось, копило соки, заманивало в себя солнечный свет, пило воду. Вырастило сначала малюсенькую почку. Затем появился крохотный зелёный росточек. Он рос, питался солнечным светом, дарил кислород другим живым существам, разговаривал с ветрами, стучал дождём, шелестел грозю, дышал вечерними сумерками. Затем этот лист осознал своё единство с деревом и своими братьями, познал окружающий мир настолько, насколько позволяли возможности восприятия. Он праздновал радость существования и готовился исполнить свой самый главный танец. Готовился всю жизнь. Потому что этот танец должен был стать самым высоким достижением красоты листочка, его способом восхитить других живых существ, вселить в них надежду и чувство нежности к миру. И вот пришла осень. И настал его день. Настал его час. Настал его миг. Лист готовился к нему с самого утра и ещё издали почувствовал свой, именно свой порыв ветра. Он почувствовал его тогда, когда эта волна лишь родилась за горизонтом и пошла над землёй, задевая другие листья, сметая мусор с улиц, унося шляпы случайных прохожих. И вот волна достигла его и... сорвала с ветки. И лист отправился в своё самое великое путешествие к земле. Он бесподобно кружился в воздухе, танцевал на этой волне ветра, и вся вселенная заворожённо смотрела на этот танец. Прошла целая вечность неземной красоты, вечность великолетия, вечность благодарности за чудо и тайну всей вселенной. И лист упал на землю. Его танец был окончен. И это было лучшим из всего, что происходило в мире в этот миг! Ты видела его танец?

— Слушай, я как-то не особо всматривалась...

— Вот тебе и ответ. Чтобы увидеть, понять и осознать смысл жизни, нужно всего лишь внимательно всматриваться. И тогда тайна и волшебство станут для тебя не просто очевидными, но ясными, волнующими и полными великого смысла.

— Но что стало с листом потом?

— Он закончил свой путь листа и родился заново, но уже кем-то совсем другим, возможно, насекомым или рыбкой. Родился кем-то с более высоким уровнем сознания и восприятия.

— Как так?

— Он просто выполнил своё предназначение. И выполнил его безупречно. И вселенная в благодарность за великолепный последний танец дала листику шанс обрести новую жизнь, но уже в форме более развитого существа. Чтобы он мог ещё лучше научиться танцевать и радовать других, ещё больше наполнять вселенную красотой.

— Я поняла. Прости, но я не могу дальше сидеть с тобой. Мне нужно срочно бежать под то самое дерево и кое-что рассмотреть внимательно!

— Я так и думал. Конечно, беги, Сонечка! Это действительно самое важное! А книгу... Я потом тебе прочитаю, что успею написать, пока ты занята по-настоящему важными вещами! Торопись, скоро осень, дуб оденется в шубу, и придётся тебе уезжать с дачи на зимовку в город. Так что беги, беги. Я тебе зимой почитаю пропущенное.

— О'кей! Я побежала!

— А я пока вернусь к пельмешкам...

Загрибука остался топтаться поодаль, издали с явным интересом и восхищением, хоть и без опаски, поглядывая на Башкирского Кота. Тот ему нравился заумными речами и стоматологической внушительностью. Но хоть в кошачьем лице Загрибука и почувствовал наконец-то равного себе собеседника — ах, эти упоительные вечера с длинными и запутанными разговорами ни о чём под вкуснятинку! — но у него ещё не было полной уверенности, что вкуснятинкой к кошачьей беседе не окажется он сам, оставшись наедине с оппонентом. Уж больно улыбка кота напоминала своими ровными острыми зубьями противотанковые заграждения.

— Здравствуй, брателла! — Слипер хлопнул ладошкой сверху Дримеровскую ладонь. — Мы тут как раз пытаемся выяснить причины конфликта. Суть да дело оказывается в некоей растительности, которую Эники...

Один из Эников молча выудил откуда-то из-за спины пучок лиловой травы и протянул Дримеру. Слипер нахмурился и замолчал.

— Так... — изрёк неопределённо Дример.

— Нет, ребята, всё не так, всё не так, как надо! — затащил Башкирский Кот прилетевший в голову из ниоткуда мотивчик и, недовольно поднявшись, двинулся размять лапы к краю опушки. — Позовите, как надумаете трапезничать! Не обрекайте редкое животное на голодную смерть!

— Та-а-а-ак... — повторил Дример и прищурил глаза на редкий гербарий. — Что-то я вас не узнаю в дриме.

— Вот и мы не знаем такой! — Эники возмущённо завертели головами друг на друга.

— Ну и? — Дример выразительно поднял бровь.

— Ну, бросили чутка вкуса ради.

— Так... И шо?

— И вот тут-то главная ката-клизма и случилась! Как поели тех пельмешек... Ах, что за пельмешки получились! Румянькие, душистые, аки урожая третьего дня...

— К делу! — Дример генеральски насупился, и если бы были у него усы, то он крутанул бы их тут же непременно. По-чапаевски. В супе.

— Дык сознанием-то замрачились братья наши Беники сразу!

Слипёр, как услышал это, обернулся в поисках кота. Усатый ведь там что-то говорил про Хмарь-Ивановну-Траву.

— Забегали, значит, братья наши по поляне, загутарили по не-здешенски, всё пилились на что-то невидимое, да в жутком возбуждении были. Никого вокруг вообще не замечали. Мы сначала за шаманистом-блокнотником местным собрались бежать, мол, отравился честной народ невиданной заморской снедью, но тут ведь смекнули, что нас самих вроде как и вовсе не берёт!

Слипёр с Дримером стояли и оба сосредоточенно чесали в затылках с проступающим удивлением на лице.

— Кхе-кхе, — подал сзади голос Загрибука. — На свете есть множество причин, славящих оболтусов, то есть обуславливающих, я хотел сказать, подобную разницу в сдвиге Точки Сборки Осознания. Генетика, состав крови, наследственность... Вкратце...

— Вкратце, товарищ, вас мама в детстве не роняла? — вынырнул из невидимости Башкирский Кот и пристально уставился, как допросная лампочка, в глаза одному из Эников.

Загрибука от такого фокуса аж икнул, и в этом кратком «ик!» была смесь восхищения и первобытного ужаса, хоть о коте этом и его скру- и выкру-тасах он был наслышан. И вообще Загрибука наш был не промах, и весьма-а-а-а (именно с множеством «а» на конце) наслышанный.

— Н-не... н-не помню! — проямлил Эник.

— Слухай, Загрибыч, — Дример скрутил листик с мухрой, — скажи мне, ты что-нить такое когда-нить встречал?

— Ну, если рассматривать всю обширность ботаники...

— Загрииийбыч, ещё раз: ты что-нить...

— Нет!

— Так я и думал.

Эники тем временем сняли котелок с огня и наплюхали в миску Башкирскому Коту полкило рыбных вареников. Тот театрально закатил глаза, ставшие фиолетовыми, обнял миску и... пропал. И только вареники с тихим плеском стали вылетать из миски и исчезать прямо в воздухе.

Слипёр морщил мозг, уткнувшись взглядом в новообретённую Эниками траву, но, почуяв образовавшуюся «рекламную паузу» в звуковом фоне, очнулся, оглядел собравшихся и остановился на Дримере. Тот, в свою очередь, задумчиво смотрел на него.

— Что? — Слипёр пожал плечами. — Нет, даже не смотри на меня так. Я такой не видывал и не пробовал.

— Ну, ты всякого разного... — Дример прищурил глаз на братца.

— Разного — да. Всякого — бывало. И всё ради новых открытий и возможностей! Как там, Загрибыч? Подскажи.

— Ради расширения сознания, — подсказал Загрибука, — что ведёт к новым горизонтам понимания жизни путём тщательного анализа собственных, называемых так невеждами, галлюцинаций. Галлюцинаций, порождаемых исключительно изменением частоты вибраций энергии индивидуума, который в жизни-то своей, по сути, окромя этих самых галлюцинаций ничего никогда и не наблюдал. Ибо сама жизнь есть не что иное, как поток галлюцинирующего сознания, текущего сквозь океан ополоумевшей от завихрений энергии. Дзогчен по этому поводу высказывается весьма вкратце...

— Загрибыч, округляйся! — предупредил Дример.

— Вкратце, — промурлыкал, смакуя понравившееся словцо, полунакормленный кот, — можно венцом изысканий всех праздношатающихся по астралам провозгласить, а для лучшего усвоения и вовсе попросту проорать, следующее (Дример заткнул уши): «Жизнь — это самодостаточная галлюцинацияяяяяяяя!»

Загрибука захлопал ручищами в бурных овациях, а Кот шаркнул реверанс, буркнув на башкирском:

— Рэхмэд йохбар мэнэн, кэзэрлэ дуслар!

— Так, умники, с вами мы тут до ночи будем лекции мусолить. — Дример пыхнул папироской и зашагал по кругу, потирая небритости лица.

— Братья-то наши кровные хоть и отошли от чар этих, только теперь косятся не по-доброму, стороной обходить стали, — Эники скорбно глядели на Слипера и Дримера. — Так быстро-наскоро и на стычки перешло. Глядишь, междуособица начнётся...

Башкирский Кот, вылизав миску, отодвинул её от себя одной лапой, покрутил другой круги по пузу, зевнул притворно и тихо кы-шыкнул на Загрибуку. Тот приподнял брови. Кот выразительно вылупил глаза в сторону Дримера и симитировал его манеру курить. Загрибукины брови поползли вверх. Кот повторил театр с курением и нарочито дернул травинку перед собой. Если бы на лбу Загрибуки оставалось ещё место, то брови уползли бы и выше, но увы, а потому гримаса удивления стабильно застыла на его лице пугающей недвижимой маской. Кот картинно втянул воздух и щёлкнул когтями. И тут Загрибука всё понял и усиленно моргнул.

— Есть такое предложение, — начал он, разведя загребущие ручищи в стороны.

Слипер с Дримером повернулись.

— Может, попробовать Дримеру её ну-у-у-у...

— Что ну? — Дример шагнул к Загрибуке.

— Ну покурить?

— Шо-о-о-о-о? — Дример изумлённо подскочил.

— Милая идеяка, — быстро подхватил Слипер. — Как знать, что может произойти?! Трава нездешняя. Мы с тобой тож типа того, незнамо откуда. Может, срастётся котангенс с гипотенузой-то?

— Сам и кури, коли ума до одури! — Дример покосился на свою самокрутку и затушил её скоренько, бросив под ноги.

— Гламурррная идеяка, — встрял тут же Башкирский Кот. — Может, действительно вам оттянуться на качелях в добром спарринге? Вот Эников с Бениками показательно развело на перекрёстке восприятия. Может, и вы поймёте на примере друг дружки, в чём тут фокус и с чем его едят или, простите, дуют!

При слове «едят» кот покосился в сторону костра и облизнул свои семирядные акульки зубья, но Эники котелок уже унесли на раздачу родне.

Слипер подошёл к Дримеру и положил руку ему на плечо:

— Слушай, а может, правда? Мы с тобой столько раз думали... Ну, типа, что такое Лес, и как всё вообще... Может, если трава действительно чужеродная этому месту... Эники ведь знатоки в этом. А вдруг нас тоже как-нить втаращит?

— Во-во! Как втаращит, так и не вытаращит! — Дример сердито сунул руки в карманы широких болотных штанов.

— Ну, как знаешь. Пойдём, что ли, откушаем чего-нить, а то лягушки в пузе уже ворчат вовсю, восстание скоро поднимут. — Слипер поправил рюкзак на спине и оборотился по запаху вкуснятины.

И они двинулись к общему собранию Эников, которые уже разложили скатёрки на траве и расселись кружком вокруг горшочков с вкусностями.

Ах, дивные пельмешки! Досталось всем и с добавкой. И даже коту положили по второму разу в миску с горкой.

— Мучос грасиас! — лязгнул пастью Башкирский Кот и переглянулся с Загрибукой. — А всё-таки идея по поводу воскурений весьма и весьма!

— Со всей ответственностью! — кивнул Загрибука и погрузился в сочное чавкание, сидя на и без того упитанном заду и подмяв под себя хвостик.

После внушительных и великолепных угощений все разлеглись на травке, прислушиваясь к благодарственным шуршаниям и урчаниям своих организмов. Организмы говорили «мурррр», «гы», и другие приятные вещи.

Дример скрутил папирску, а Слипер на него задумчиво поглядывал.

Башкирский Кот залёг в траве, подставив полосатое пузо солнышку.

Так они провалялись допустимо для вежливости долго, пока Эники мыли посуду и прибирались на полянке. Ах, что за упоение, дорогой читатель, валяться после обеда в то самое время, когда кто-то моет за тебя посуду! Верно? Да ла-а-а-адно!!! Верно?! Вот то-то же!

Стало понемногу смеркаться, а немой вопрос так и нависал над всеми в воздухе, нервно ёрзая.

— Чё будем делать-то? — Слипер притворно сонливо повернулся к Дримеру.

— А шо делать... шо делать... Мда, а что делать-то? — Дример приподнялся и огляделся.

— Полки шьют знамёна! Точим сабли! — Башкирский Кот довольно скрежетнул зубами, и всех передёрнуло, ибо в одночасье показалось, будто примерно с сотню ножей одновременно взвизгнули по тарелке. — За кого впишемся-то? У кого пельмешшшки вкуснее?

— Ты, Загрибыч, совсем на своих болотах пошатнулся фантазией! — Дример pokrutil пальцем у виска. — Какой-такой ботаники? Ты ненароком сейчас тут сачком Марксонов с Энгельсонами ловить будешь! Или на кактусовых иголках «любит — не любит» обсчитаешься! Пёс тебя знает, как накроет.

— Аф! — твякнул Грызлик где-то далеко в гулком Лесу. Но его никто не услышал. А зря!

— Давай траву попробуем! — У Слипера загорелись глаза. — Говорю тебе, верное дело! Из конца-то в конец нужно доверяться случаю. Коли нас Великий Степной Дух привёл на это пастбище... То бишь, в это стойбище... Тьфу ты, лежбище... Может быть, это и есть нечто искомое, что нам нужно непременно предпринять тут же? Да и Башкирец — существо тонкое, восточное, авось, знает, что говорит.

Кот тем временем уже прискакал обратно с пучком заветной лиловой травы, забитой в папироску. Лизнув краешек шершавым языком, он шаркнул лапой в поклоне и протянул самокрутку Дримеру:

— Откушшшайте-с!

Братец беспомощно оглянулся:

— Вы тут заодно?

Все дружно закивали головами, словно китайские болванчики.

— А ты что скалишься, словно Липучий Горланец? — тоскливо поднял глаза Дример на кота, — Тот тоже за мной ходил по пятам да всё ныл «давааай дунем, давааай покурим». А как покурил с ним разок, дык он и вовсе залип мозгами своими горландскими, такой чухни околосветной нанёс в мозг, так дунул в ухо, что потом никаким пылесосом не высосешь. И ты, Башкирец, такой же станешь, липучий да горландский нафиг, коли посреди белого дня будешь всякий укроп нездешний пыхтеть!

Кот всё так же молча стоял с протянутой папироской, изобразив сладкое выражение усатой морды и скосив ставшие лиловыми самурайские очи.

Дример сдвинул на глаза Шапку-Невредимку, пробормотал на калмыцком диалекте: «Ом мани падме хум», а потом одним залихватским движением отправил головной убор на затылок.

— Ладно, — ответил он, и все заулюлюкали. — Наркодиспансер какой-то, а не лесохозяйство! Только учтите, если мне кошмары будут сниться после этого, я всех по очереди отловлю и привяжу у забора, чтоб Зверогёрл вам свои тупые анекдоты сутки травила!

— Чудовищно! — мякнул Башкирчатый и упал навзничь, закрыв глаза хвостом.

Зверогёрл в Лесу встрепенулась, почуяв лёгкую добычу.

Надо сказать, это вообще обычная история. Ну, эта самая... про различных Зверогёрлов. Да вы и сами их, небось, много раз встречали в своей жизни.

Сидишь с друзьями в компании, и вдруг подваливает чья-то приبلудная подружка. Из тех, кто носит блядские колготки в сеточку и юбочку из бабушкиного плюша с рюшечками. Из тех, кто в

футболке с надписью «Ай лав ю бэби, возьми меня скорей!» делают кривыми ножницами декольте до пупа, открывая всем напоказ невымытую шею. И эта милая кучеряшка открывает рот, размалёванный самой яркой помадой цвета запрещающего сигнала светофора, и произносит милую, непринуждённую фразу:

— Ой, п-цаны, ай-я ща вам та-а-акой анекдот расска-а-ажу — обожётесь нахер!

Все «пацаны» смекают, в чём дело, и внутренне сжимаются в страхе перед пыткой. Остановить этот размалёванный кошмар никто не может, ибо хоть, возможно, у «пацанов» и нет трёх высших образований, но все они люди тактичные и воспитанные, и как-то ни у кого язык не поворачивается сразу закричать «Воооооон!». Поэтому все джентельменски улыбаются, притоптывают, мнут сигареты в руках и затравленно озираются друг на друга:

— Вау... хе-хе... анекдот... хм... как миленько...

При этом каждый тихо себе думает: «И что ж за мудод эту тварь с поводка спустил?»

И тут приبلудная зверогёрл выплёскивает на уши взрослеющих господ чудовищную ересь, обильно политую пошлостью, а в конце её заливается лошадиным ржанием над собственным «тонким» юмором. Джентльмены издают что-нибудь типа «хо-хо». И у них одновременно рождается мысль: «А не забыл ли я дома выключить утюг?» Или: «Ой, а семеро по лавкам, небось, соскучились по мне». Мозг фонтанирует любыми подобными идеями, лишь бы срочно найти причину убежать и спасти свой интеллект от судорог и агонии в компании этого монстра. Ты вот, дорогой читатель, сколько минут выдерживал, прежде чем вырваться из этого кошмара хотя бы в туалет полить голову спасительной водой из-под крана? Ну, сколько? Пять минут? Десять? А как насчёт суток? А теперь представь самую ужасную зверогёрлу, которую ты видел в жизни, и поверь мне на слово: она — сама милашка по сравнению с той Зверогёрлой, которую знали не понаслышке все обитатели Леса.

— Чудовищно! — мяукнул Башкирский Кот и завалился в траву лапами кверху.

Загрибука задрожал, распластав уши и поджав хвост.

— Ладно, искусители-закусители, — сказал Дример, — только отойдём куда-нить подальше, что ли. А то ненароком разнесём в бурном веселии этот прелестный образчик кулинарного профтехучилища!

— И нарушим тем самым этно- и мутно-мотологическую связь, — вякнул Загрибука, но был прерван лёгким толчком Слипера в спину.

— Пошли, энтомолог! — Дример сурово зыркнул на Загрибуку. — Вот мы сейчас позырим, на каком наречии ты нам лекцию енту прочтёшь.

Они двинулись неспешно к краю опушки, стараясь не привлекать внимания Эников. Но те откровенно проигнорировали столь внезапное перемещение, копаясь в своих повседневных закопушках, а потому вся процессия незаметно вошла в Лес.

— Немного огня — середина пути, — пропел Башкирский Кот и чиркнул когтем о коготь. На конце этого зазубренного скальпеля вспыхнул слабый синий огонёк.

— Йошкин Код! — только и подивился Дример. — А я думал, что один так умею!

— Как говорил древний чудостряпник и волшебник Амаяк Акопян, главное — в конце фокуса дунуть! А то, если не дунуть, чуда не произойдёт! — Кот торжественно поднял лапу с горящим когтем.

— Амаяк Акопян? А кто это? — спросил Загрибука.

— Да пёс его знает! — ответил кот.

— Никакого Акопяна я не знаю! — попытался оттявкаться по-собачачьи Грызлик из глуши Леса, но на него не обратили внимания.

— Только уговор. Раз затеяли всё это вместе, то и отвечать так же. Каждому по сачку и на охоту. — Дример обвёл присутствующих тяжёлым взглядом: — Чует моя щетина, тут на всех бабочек хватит, забегаешься!

— О чём ррречь, начальник! — Башкирский Кот выхватил самокрутку из рук Дримера и лихо прикурил.

Запашок пошёл подозрительно сладкий и дорогой.

— «Джанфранко Ферре», не иначе! — Кот оглядел папиросу со всех сторон, замерцал в воздухе и, приняв хавшись, с отчаянным «Ыть!» сунул в пасть. Глубоко затянулся. — Оглы-бюль-бюль! — выдавил он сдавленно и протянул предмет искушения Слипери.

Тот секунду смотрел на Башкирца, но котяра не падал и даже не растворялся в воздухе, как обычно бывало. Только его башкирские глазищи стали бордовыми и слегка растарацились.

— Триетить мои кроссовки! — вздохнул Слипери и отправил порцию дыма в себя.

Следующим по очереди оказался Загрибука. Тот, трясаясь до родовых коликов, взял трижды-чтоб-её папиросу, зажмурился и с видом севастопольского моряка, бросающегося на вражескую амбразуру, одним быстрым движением запихал её в рот. Он натужно посипел ею, заполнив лёгкие парфюмерным ароматом, и тут же присел на землю.

Дример последним взял спокойно окуроч, деловито и не спеша послунял его, зажал в губах, зацедил оставшуюся часть сизого дыма. После чего бросил под ноги обгорелый листик и затоптал.

— Береги природу, мать твою! — мудро изрёк Дример, а затем обвёл взглядом компанию: — Ну шо? Все живы?

— Надолго ли... — тихо ответил Загрибука.

— Не вибрируйте, коллега. — Башкирский Кот участливо положил лапу Загрибуке на плечо и мило улыбнулся, словно коварная нянечка в детском садике. — Не пейджерите за напрасную! Мужество есть неотъемлемая часть любого научного эксперимента. Сейчас мы, закончив одноместное топтание мозгами, семимильными парсеками унесёмся в широкие дали пространств необозримого мышления! И там, познав абсолютную свободу идейного максимализма, мы найдём ответы на те вопросы, кои народы всех земель испокон веков задавали друг другу, светя своим собратьям на допросе в лицо яркой лампочкой!

— Я пока ничего не понимаю, — неуверенно ответил Загрибука.

— Именно с этого утверждения и начинались все известные мне допросы за всю историю Всея Сангхи! — Башкирец почесал полосатые бока, закрыл глаза и внезапно завалился в мох.

— Будем ждать, — Дример подстелил свитерюжную кенгурятину и сел, прислонившись спиной к дереву.

Соучастники этого псевдошаманского колоброда расположились рядом и стали вдумчиво следить за тем, что происходит у них внутри. Глаза понемногу стали слипаться, и прошло не так уж много времени, как все они потихоньку уснули. Загрибука ёрзал, сучил лапками и повизгивал, свернувшись в клубочек, зарывая себя понемногу в землю вращением вокруг собственной оси. Слипёр молча спал на боку, уютно подложив под голову согнутые в локтях руки и поджав к животу коленки в оранжевых штанах. Дример так и уснул, сидя у дерева, и лишь недовольно что-то ворчал во сне утробным баском. А Башкирский Кот и вовсе завалился на спину, раскидав лапы, и победоносно храпел, сотрясая удмуртским горловым хрипением нижние ветки дерева. Кругом было тихо, и только листья шуршали лёгким ветерком в верхних этажах Леса. В этой тиши Зверогёрл незаметно соскользнула сверху. Она опустила грязные пятки на землю, воровато оглянулась, заметила окурок, подняла его, понюхала.

— Ва-а-ау! — И без того огромные глаза Зверогёрлы округлились до пугающего размера. — Шарма-а-ан! Надо бы Грызлику обнюхать дать, он и отгавкается, чаво енто там намешано! А и вообще, надо бы у этих тупиц Эников ещё такой же травки стырить! О! Шарман!

Она подхватила «бычок», зажала его в ручонках с обгрызенными ногтями, свирепо зыркнула по сторонам и взлетела по стволу вверх, сверкая пятками.

— Шарман! Шарма-а-а-ан! — исчезал вдали её хриплый голос, когда в Лесу вдруг стремительно стало темнеть. Чёрные тучи совсем сгустились над поляной Эников и нашими четырьмя естествоиспытателями. Бронходилататор Муколитический, закряхтев, посмотрел на природный потолок, да так и подавился своим кашлем. Там, в вышине, посреди непроглядных лохматых облаков, стала образовываться воронка. Из неё вниз протянулся винтом неприятно подрагивающий хвостик. Кашлючая тварь заверещала:

— Чтоб мои глаза антилопнули! Дык это ж Страстная Напасть! — Муколитический Бронходилататор бросился с невиданной прытью сквозь чащу, отхаркивая крепкие выражения. Лопы с Антилопой переглянулись и, не сговариваясь, сиганули вслед. И как это часто бывало, они тут же нечаянно столкнулись, будучи очень рассеянными и безалаберными. А далее, как всегда, произошла короткая вспышка света, и парочка исчезла во взаимной аннигиляции до своего следующего внезапного появления. И даже Тютельки, почуяв неладное, попрыгали друг в друга, затаившись в колыхастом одеяле самого-что-ни-на-есть буддистского бардо.

Жители Леса в ужасе разбегались кто куда, подальше от растущего небесного хвоста нападающей Страстной Напасти. Небесная же ежежуть гудела, что твой соседский вентилятор, и бычилась, набухая в вышине чёрным пузырьём гудроновой жевачки. И только четверо известных

волос, то там, то сям уколотый многочисленными заколками. Нос у неё был цвета свёклы и напоминал позднюю белорусскую картошку. Уши враспырку. Глаза — полинявшие и усталые от жизни. Она хрустнула сушкой и хлопнула чаем из стакана тонкого стекла в подстаканнике из нержавейки. За окном хихикнул Мудод, но его тут же снесло с диким воплем турбулентностью куда-то вдоль поезда назад, в плохо проглядываемую тьму.

— Салют, командировочный! — Укладчица № 4 пошло подмигнула Дримеру.

— Чур меня, чур! — попытался отмахнуться от чужеродной магии тот, но Укладчица № 4 даже ухом не повела. Видимо, умение водить ушами не было в числе её возможностей.

— Чего людёв-то сходу чурнешься? — парировала она и подхватила из замусоленного пакета ещё одну сушку. — На-ка вот, куси! А то чуркает тут, чурчела пахлаватая.

— А енто шо? — нахмурился Дример.

— Говорю ж, нака. Кусай. Странный ты, как с луны свалился. Ты с луны свалился, ась?

— Всё может быть, — напустив на себя таинственный вид, ответил Дример и подумал: «Чем я не лунатик?»

— А-а-а-а, оно и видать. Совсем одичал мужик. Сушек не видел. Чем вас там, на луне, кормят только.

— Шо?

— Чем, говорю, кормят-то? Шокает тут... Из литовских евреев что ли?

Дример пожал плечами.

— Ну не хошь хговорить — и не надобно! Многго вас тута шляется разных. Ты енто, куды едешь-то?

— Шо?

— Да заладил, шо да шо... Куда путь держишь, отшибленный? Ась?

— Туда и сюда! — по привычке ляпнул Дример и, нащупав на голове Шапку-Невредимку, натянул её поглубже.

— Козырненько! Энто ж нам по пути! — весело хохотнула Укладчица № 4, уперев руки в бока.

— Так бы и сказал!

Она, крикнув, встала (утки и клюва не наморщили, ибо были и вовсе далеко), выглянула в коридор вагона и заорала:

— Сяськи-мосяськи, Тибидох Шамилевич! Клиента доставь!

— Куда, Авосия Батьковна? — раздался старческий надтреснутый дискант.

— Куда-куда... — Укладчица № 4 вдруг стала серьёзной, как становятся серьёзными гардеробщицы, стоит им только почуять свою власть над раздевающимися и одевающимися посетителями поликлиники. — Ещё один туда же отшибленный... Туда же, говорю! Туда-а-а-же-е-е!

— А, понял, понял, — ответили из коридора. — Я шас, пошукаю... Шас-шас...

— А — Я — ЩЩЩЩАЗ! — чихнуло оглушительно за окном, там же мелькнула перекошенная от ужаса рожа Мудода, искрами хлопнула лампочка в плацкартном во всех отношениях коридоре, и стало мгновенно темно, как в срочно политически утопленной жёлтой подводной лодке.

— Хау мач из зе фиш? — проорал кто-то над ухом Слипера, и тот вывалился в отнюдь не детский и ну вааще ни разу не поллюционный сон.

— Три пятьдесят за полкилойку! — мгновенно заорал в ответ братец и лишь потом стал озираться.

Кто-то хохотнул рядом.

— Мудод, ты, что ли?

Но разнопёрой твари не было.

Зато имелись в наличии другие и во множественном числе. Вокруг бились в конвульсиях люди. На костюмчиках — что твой Мудод, пёстро и без разбора. Некоторые пытались проломить ногами пол, усиленно топоча в него, но конструкция была ещё дедушкиной сборки, стало быть, знатного цементу и по-честняку.

— Добротно сделано! — отметил Слипер несокрушимость покрытия помещения. — Для Топонога Многопяткового в самый раз!

Цемент был замешан на совесть, но людей это не останавливало. Отовсюду летел страшный грохот. Слиперу показалось, что рядом долбит стены некий огромный и тяжеловесный агрегат. А может, это был тот самый «кто стучится в дверь моя, видишь, дома нет никто»? Знаменитый стучащий во все двери почтальон настойчиво и нудно бумкал в стены, но людям это не только не мешало, а наоборот. Они, подстроившись под гулкое и грохочущее «бум-бум-бум-бум», топтали ожесточённо пол, обливаясь потом.

— Отличный прикид, чувак! — хлопнула его по спине топочущая мимо девица радужно-нелепого расцвету.

— И ты ничего, — отозвался Слипер, оглядел её и подумал: «Мда, с одежкой тут всё в порядке. Последний Визг заткнулся бы от зависти. Только зачем голову-то зелёной мазать? Перешибленная, никак?» — И он с опаской предположил родство сей мамзели со Зверогёрлой.

— Чего не танцуешь? — Девица, запыхавшись, кружила вокруг него, словно кавказский продавец арбузов вокруг немецкого туриста.

— А что, праздник какой-то?

— Праздник жизни на дворе с толстой сумкой на ремне! Странный ты какой! Устал, что ли, али не хватает чего в нутрях? — Она ехидно заулыбалась радужной наружностью и свесила зелёную растительность головы набок.

Слипер прислушался к себе.

— Да нет, не устал. С чего уставать-то?

— А чего пришёл? Ищешь кого? — Девушка слепила ему глаза причёской, и Слиперу внезапно показалось, что и мозг у неё внутри тоже должен быть зеленоватый.

Он отмахнулся от наваждения и героически отвечивал:

— Смысл жизни ищу. Деваться бы надо куда-то.

— А тебе куда надо деться? — Она огляделась вокруг.

Странные пёстрые люди всё так же продолжали усиленно бить ногами в пол под тяжёлое «бум-бум-бум».

— Да туда и сюда.

— А, так сразу бы и сказал, что тебе в шиномонтаж надо, к Айболиту!

— Куда?

— Ну, в смысле, резину переобуть. — Мамзель притопнула пару раз усиленно в пол. Смысл этого действия для Слипера так и потерялся в непонятках.

— Чё? — «оттормозился» он.

— Ну, на «колёса» встать.

— А к чему колёса? И куда ехать?

Слипер живо представил в сию же минуту, как внутри её зелёной головы среди зеленеющих мозгов куда-то в необъятную неизвестность едет с чемоданчиком Червячок-Мозгоед, изрядно изголодавшийся по пище.

— Почём колёса? — не расслышала его девушка. — Так ты у Айболита и спроси.

— И где тут этот самый Ой-Болид? — Братец оглянулся. — Метеоризмом страдает, что ли?

— Метеоризмом? Ха, верно! У нас тут все космонавты! Сейчас покажу, танцуй за мной. — Девушка довольно бесцеремонно схватила его за рукав синей футболки и потащила сквозь толпу оттаптывающихся, страдающих метеоризмом космонавтов.

Только сейчас Слипер провёл краткий самоосмотр личности и заметил, что одет в синюю майку с надписью на башкирском «Иисус Христос — суперйондоз» и портретом Эла Йоргенсона. Братец опустил глаза в мельтешащем свете и смутно узрел выцветшие синие же шорты-«варёнки» и всё те же выстиранные до ультрафиолета кроссовки «Красный Треугольник», уже давно просящиеся на помойку в пособничество акции «радость бомжа». Слипер почему-то не удивился. И даже не задался вопросами «Откель я тут взялся?» и «Что означает этот самый красный треугольник по последним сведениям каббалы?». Единственное, что его сейчас радовало, — верный жёлтый рюкзак тут-как-тама был за спиной, словно приклеенный, и верно болтался влево-вправо. Слипер ломанулся вслед за шизанутой девушкой, боясь потерять из виду единственного человека, которого хоть примерно одну минуту, но всё же знал теперь тут и здесь. Девушка притащила его к барной стойке, где восседал марсианского вида парень в обклеенной фольгой кепке и в оранжевых уксисленных очках. Тренировочный костюм на нём также намекал, видать, что он постоянно не вылезает из тестов и тренировок для подготовки к полётам.

— Молодой чемодан, я к вам пациента привела! — Девушка плюхнулась на высокий табурет рядом с марсианином.

«Наверное, это и есть Ой-Болид», — подумал Слипёр, подтянув шорты, и, глянув на девицу, растопырил рукой на своей голове светлые патлатости.

— Айболит, — протянул руку космонавт, — прошу любить и не жаловаться! — Он с уважением глянул на майку Слипёра, где красовался портрет Эла Йоргенсона.

— Слипёр, — протянул в ответ руку братец, — оттуда и отсюда.

Бумкание в баре глушилось стекловатными стенами, а потому здесь можно было хоть как-то разговаривать.

— Чего и сколько? — приподнял серебряный козырёк инопланетянин, упёр в Слипёра оранжевые очки и пукнул.

— Колёса, — выдохнул Слипёр, с состраданием уставившись на космонавта, который, как братец сейчас же решил, точняк заработал вспучивание живота благодаря фастфудовой пище из космических тюбиков с башкирской надписью «азык-тулек» и вопреки долгому пребыванию в невесомости среди прекрасных звёзд.

— Да понятно. Антигриппин и прочие порошки не по моей части. Я спрашиваю, каких и сколько?

Слипёр затравлено воззрился на девицу.

— Ему смысл жизни нужен. Чтоб и туда и сюда уехать. — Мамзель, скривившись, глянула на Слипёра.

— Сколько? — спросил Айболит.

— Да один я тут, сиротинушка, — ответил братец, взглянув на девицу и узрев её отрицательное мотание головой.

— Двадцать рупасов или десять шакалов. — Оранжевые очки с подозрением метнулись по сторонам, и обладатель космического кепкошлема положил на стойку руку с зажатым в ней чем-то маленьким.

Слипёр понял, что речь идёт об оплате, но ни о каких рупасах, понятное дело, и знать не знал. Шакалов и вовсе боялся. Он задумчиво наморщился, полез в карман вываренных шорт и вытащил оттуда неожиданно для самого себя целую горсть металлических кружочков. Оба-на!

— Сдачи нет, — глядя на них, произнёс Айболит. — Уже третий сегодня с евросами подъезжает!

— Да и не надо, — ответил Слипёр, ничего не поняв, и вывалил кругляшки на стойку.

Айболит отсчитал три больших железячки, вернув остальное.

— На-ка, езжай! — и Айболит сунул братцу в руку «наку», которую держал до этого момента в кулаке. — И да благословит тебя Великий Степной Дух!

Крутанув па на табурете, гагаринец потерял интерес к клиенту, развернувшись к нему тренировочным задом с тремя белыми полосками.

«Оба-на! — отметил про себя Слипёр. — Дикари, ну как есть дикари. А про Великого Степного Духа знают!»

— Пока, чувак! — махнула рукой девица, ухмыляясь. — Надеюсь, ты нам расскажешь, в чём же этот самый смысл, который все тут ищут, если что вдруг найдёшь.

— А где тут выход? — спросил Слипёр.

— И там и тут! — ответила девица, неопределённо махнув зелёной головой, и Червячка-Мозгоеда внутри неё тут же затошнило от укачивания. Он бросил свой чемоданчик и печально свернулся в затылке, лишь прорыдав: «Ну как здесь можно, пи-лять, жить? И в чём тут смысл?»

Слипёр кивнул и отошёл от стойки. Оказавшись в гуще людей, он незаметно заглянул в свой сжатый кулак. Там лежала маленькая таблетка с надписью «ван вэй тикет» и нарисованной озорной девчачьей рожицей с бантиками и зашитым ртом.

— Как скажете, — согласно кивнул Слипёр и проглотил «колесо». Он икнул, поболтал за спиной жёлтым рюкзаком, но, судя по отзвуку, там не было чем запить чужестранную пилюлю. — Что ж, надо валить отсюда.

Он выбрал направление и твёрдо зашагал сквозь толпу ультрафиолетовыми кроссовками с красными треугольниками, пока не упёрся в стену, на которой светилась стрелочка с надписью «выход». Следуя указателю, он двинулся направо и вскоре заметил в стене проём. С выдохом облегчения Слипёр вывалился из помещения и оказался сразу на улице. Задрал голову вверх, он увидел странного лилового цвета небо, прорезаемое яркими всполохами. Вокруг был город. Мимо Слипёра проносились машины, но было совершенно непонятно, куда ехать. Он сел на ограждающий дорогу бортик и решил просто проветрить мысли и понаблюдать за окружающим. Примерно через двадцать минут его окликнули сзади:

— Эй, чувак!

Братец обернулся и узнал сходу ту самую мамзель, которая его познакомила с очкастым гагаринцем.

— Втыкаешь?

— Ага, — на всякий случай согласился с ней Слипёр, хотя абсолютно не понял, что она имеет в виду. Ничто в обозримом им пространстве не желало быть чем-то утыканным, да и чем тыкнуть в него — тоже не отыскалось.

— Ну и как?

— Красиво! — неопределённо кивнул братец, уживаясь слегка то ли от зябкости вечерней, то ли с пилюльки, которая начала радостно и быстро расфуфыриваться у него внутри.

— Быстро тебя взяло. А ты куда сейчас вообще?

— Туда и сюда.

— Хе, енто ж нам по пути! Поехали!

Девица выбежала на дорогу и подняла руку. Какая-то машина послушно подрулила к ней.

«Магия! — подумал Слипёр. — Бытовая магия! Чур меня, чур!»

— Садись, поехали! — Девица залезла в машину и призывно помахала рукой.

Слипёр поднялся и послушно полез за ней внутрь машины. Плюхнувшись на сиденье, он снял кроссовки со внезапно ставших тяжёлыми ног и расслабился.

бобёр! Отстрадамус верно усё подметил!» и «Шоб моей бабушке век шпроты не видать! Ты глянь, яки маяется планете вся!»

Когда ж над Жёлтой Подводной Лодкой ихней пронёсся Бом-бам-дировщик «Бэ-52», разбрызгивая ликёр «Бейлис», громкоговоритель на площади заорал на чистом башкирском, молде:

— Снимайте обувь! Помывочный день, а попросту Чистилище, объявляется раскрытым! Байрам мэнэн! Всем кумыску накатить! Срочно!

Загрибука заикал и весь пошёл пупырышками. Точнее, пупырышки сами пошли по нему в круго-загрибукинский поход. Башкирский Кот, стараясь сохранять самообладание, сощурил грозно свои японо-корейские глаза цвета расцветающей сакуры и повернулся к приятелю:

— Сдаётся мне, угодили мы под самый карррнавал в город Хера-Сима.

— К-к-к-куда? — трясущимися губами спросил Загрибука.

— Это древняя история с двумя попрыгайскими хвостами. Если пойти по одному хвосту до самой кисточки, то имеется документация прокуратуры, что некий слепой даосский старец Хера-Сим и его верный тибетский пёс Му...

— Му?

— Вот именно, Загрибука. Ты не ошибся. Он нёс гордое тибетское имя Му, которым древние Мастера родом из Нижнего не то Тагила, не то Тибета именовали поле с нулевым содержанием информации. То бишь был он никем и звать его никак.

— Это к-к-к-как?! Это когда совсем пусто?

— Пусто, мой научный дррруг, — это тоже какая-никакая, но таки идея. Пустота есть информационно наполненная концепция ума. А Му — это отсутствие любой информации. И никаких тебе там воображений! — Кот упялился в иллюминатор с хмурным выражением усов.

— Ничто?

— Нет. Ничто — тоже концепция. Му — это отсутствие даже всяких концепций!

— Полный апгрейд! Кюнте! — закончил Загрибука внезапно на башкирском, родном коту, языке и свесил уши по щекам. Они, конечно, до щёк не достали вовсе, ибо коротки были. Бурая шерсть от нервов и вовсе тронулась сединушкой.

— Вы очень точно описали данный феномен, коллега! — щёлкнул пилорамной пастью кот. — Именно. Но так как невежественные собаководы-любители не обладали знанием ни об информационных полях, ни об отсутствии таковых, то они всё время переспрашивали у Хера-Сима имя его собаки. Примерррно так... — Башкирский Кот скривил глумливую физиономию: — «Эй, Хераська, как там зовут твоего пса? Му?»

— А Хераська чт-т-т-то? — Зубки у Загрибуки стучали от страха и неведомости.

— А Хераська им и отвечал: «Му! Му!» Так и стали они — Херасим и его Му-му, то бишь Дважды-Му. И в честь этого великого даоса представители народа Встречающих Солнце, али попросту народа ёп-понского, назвали свой город Херасима-таун. Со временем приставка «таун» как-то сама собой отпала, как и хвост у нашего четвероногого тибетского друга, когда он съел

недозревший мухомор. А вскоре после этого такой же мухомор, только куда как более огромный и ужасный, вырос над городом в небе голубом и все его жители натурально поотбрасывали хвосты вместе с копытами.

— Чт-т-т-то?

— Ласты склеили! Конец всему дайвингу! — Башкирский Кот стал ковырять механизмы на потолке, пытаясь выбраться. Удалось отшкрябать замок. Наморщив усы, кто натужно вытолкал люк на поверхность. В лодку ворвался свежий воздух, насквозь пропитанный сброшенным на город Бом-бам-дировщиком ликёром.

— Жут-т-т-т-кая история! — Загрибука совсем сник.

— Всё просто, дррруг мой. Если в тебе нет Тибета, тебе не поможет Тибет! Есть и второй попрыгаестый хвост этого длинного неторопливого восточного эпоса. И он гласит, будто высадились в далёком городе Одесса два Встречающих Солнце ёп-понца, дабы искать мудрости у многоколенного народа, младенцы которого жертвуют Облачение Нижнего Намерения ради аскезы чистоты. И приплыли они к чистому в крайностях народу за советом, как назвать свой новый город, чтобы он процветал и развивался в веках вечных до самой Великой И Окончательной Нирваны Без Нирватрёпки. И подошли ёп-понцы, как и было указано, на площадь на центральную, к первому же попавшемуся многоколенному шлемазлу и испросили его: «Уважаемый, как нам назвать наш новый город, дабы он процветал и развивался в веках по самое что ни на есть?»

А тот вытащил из груды рыбы, что лежала на прилавке, большую склизкую медузу в виде мерзкого полупрозрачного гриба, оборотился будто бы в сторону солнца, а попросту к стоявшей невдалеке тётке в грязном фартуке, и заорал благим еврейским матом: «Какого хера, Сима?!»

Видишь ли, Загрибука, эти два уважаемых самуррра были не очень внимательны. Мало того, что они перепутали площади и пришли не на центральную вовсе, а на центровую в натуре на районе, так ещё и еврейский мат был для ёп-понцев в новинку, посему доблестные путешественники расслышали только «Хера-Сима». И вернувшись, назвали город, как им было сказано, то бишь пополам человеческим половым членом и женским еврейским именем. А это не фэншуйненько, брат Загрибука, как ты понимаешь. Не прошло и половины Кали-юги, как полупрозрачный, мерзкий гриб вырос над этим городом и стёр его к херам собачьим с лица планеты, превратив всех жителей в испарившихся на солнце медуз.

— Т-т-т-то есть? — Загрибука вслед за котом вылез из Жёлтой Подводной Лодки, и теперь они восседали на рубке, наслаждаясь зрелищем исторической ката-клизмы.

А вокруг их пьедестала славянским хороводом бравые моряки танцевали хава-нагилу. Шахтёры, измазавшись в белых отутюженных пачках балерин, стояли на своём в очереди за градусниками, то есть натурально падали на четвереньки с перепоею и радости. Марксон и Энгельсон в небе становились всё злее и злее. Студень в их руках кончался.

окна с плотно задвинутыми шторами стоял письменный стол. Над ним висели две полки. У противоположной стены приютился маленький комод, а напротив окна вдоль плинтуса примостилась тахта, на которой теперь и приподнялся Слипёр.

— Оп-ля! — спустила на пол ноги в кроссовках «Красный Треугольник» девчушка со взъерошенными светлыми волосами. — Никак мы скаканули кенгурятно?

— Похоже, — отозвался из соседней комнаты тонкий задорный голос. — Очень похоже на Скачок.

— Старое забытое чувство чего-то смутно припоминающегося, — произнесла Слипёр.

— Да уж, — раздалось из-за двери. — Тебя чего, сильно пришвартовало?

— Похоже, да, — ответила Слипёр, ощупывая гудящую голову, и стала озираться. Она заметила свой валяющийся рядом жёлтый рюкзак и машинально схватила его. Затем вышла в соседнюю комнату. Та оказалась гораздо больше первой. Во всём доме было темно. Но Слипёр разглядела кресло у стены, на котором сидел Дример, подогнув под себя ноги.

— Ну и где мы? — Она подошла к братцу и заулыбалась.

В кресле сидел подросток лет четырнадцати, со слегка раскосыми глазами, одетый в поношенные серо-зелёные широкие штаны, затасканную серую футболку да сандалики. Единственное, что выдавало в нём всё того же Дримера, так это старая добрая свитерюжная кенгурятина с капюшоном да Шапка-Невредимка, сдвинутая на затылок.

— Ты молод, как никогда! — захохотала Слипёр.

— На себя посмотри, коли смешно очень! — ответил Дример.

Девочка-подросток оглядела себя. На ней, помимо известных уже нам кроссовок, были синие застиранные шорты в нелепых белых пятнах да такая же синяя футболка с не менее нелепой надписью на башкирском «Иисус Христос — суперйондоз» и портретом Эла Йоргенсона.

— А неплохо! — закончила осмотр Слипёр.

— Да нет же, ты на СЕБЯ погляди! — Дример заулыбался.

— Ну что ж, вот пойду и погляжу.

— Только свет пока не зажигай, а то мозгой завернёшься, да и мало ли чего...

— Понятное дело. В первый раз, что ли. — Слипёр вернулась в комнату, внимательно пробежала её глазами ещё раз. Она заглянула на полки, но там была всякая ненужная всячина — карандаши, линейки, пара скрепок, обрывки билетов, календарики...

— Стоп! Это же календарь!

Слипёр схватила кусочек плотной бумаги и в темноте попробовала прочитать буквы и цифры:

— Хм, братец, тут календарик нашёлся, но особо ничего по нему не скажешь.

— Шо там?

— Написано «2012».

— И всё сразу стало как Ясный Пень! И что это?

— Ну, видимо, местное время.

— Да это я и без тебя понимаю. К чёрту подробности, мы на какой планете?

— Судя по всему, мы с тобой тут уже были! Что-то смутно мне всё это напоминает...

— Не может того быть! Теория Случайных Невероятностей исключает двойное попадание Скачка в одно место в течение одной кальпы.

— Что я слышу? — раздался вдруг чей-то голос. — Кто тут по астрологии будет мне лекции читать?

— Йошкин Код! — аж подскочил с перепугу Дример на кресле. — Кто здесь?

— Да я это, я, Загрибука! — Из-под стола вылез маленький-премаленький карлик с морщинистым лицом, одетый в смешные гномичьи тряпульки.

— Загрибыч!!! Триетить твою налево! Ты-то тут откуда?

И тут в мозгах Слипера и Дримера нечто скрючилось, а потом приподнялось, и они вспомнили Лес! И явились им во всей ясности памяти и лесопарк заколдованный, и его обитателей полный пофамильный список. Прошлое, таким образом, постучалось и осталось. И теперь они тарасились друг на друга, ожидая продолжения этой нелепости и возможных последствий.

— Видимо, он попал в зону Скачка, — предположил Дример, — и тем самым нарушил равновесие!

— И не только он собирается нарушшшить ваше триетитьное равновесие! — прошипело что-то сверху, из-под потолка, и с невидимого в темноте шкафа, который стоял в углу большой комнаты, спрыгнул на пол — кто? — да, верно, дорогие читатели, это был огромный полосатый кот!

— Ёлки зелёные, брызги шампанского! — вытарасилась на него Слипёр. — Да это ж Башкирец! Салам алейкум!

— Молекула в салями! — отозвался Башкирский Кот.

Кот, в отличие от Загрибуки, нисколько не изменился. Хвост был на месте, уши послушно вертелись по сторонам, хамство не претерпело никаких мутаций. Облизнув все свои акульки зубы, он деловито обнюхал кресло, на котором сидел Дример, и зевнул:

— Хорошо подрыхли, зайчушки-попрыгушки мои! Чего бы нам пожрать таперича, а?

— Ёктить-намоктить, шо делается-то! — Дример окончательно обалдел. — И этот тут же!

— А чё? — как ни в чём не бывало промурлыкал кот. — Хотели спихнуть с вечеринки своего сотоварища по миске?

— Слипёр, глянь на него! — Дример ошеломлённо взирал на кошачьего родственника акулы. Тот сиял зубьями и пребывал в прекрасном расположении духа.

— Бред какой-то! — только и ответила Слипёр.

Башкирский Кот обошёл карлика кругом и понюхал, пока тот стоял, трясясь от страха. Кошачьи жёлтые глаза тускло сверкали в темноте, а затем позеленели и сузились.

— Век трески мне не видать! Загрибыч, ты, что ли? Что за маскарад?

— Я это, я. Да только поди пойми, что такое со мной произошло! В какую библиотеку теперь ломиться? Где правды искать?! — Загрибука чуть не плакал, оглядывая себя.

— Волшебство а натюрэль! — восхищённо тьякнул кот. — Ты ж теперь как я, Загрибыч, зачарррованный! Ты что, не чувствуешь себя очарованным? Всё, по-моему, прекрасно! Жисть

удалась, очарование моё! Только вот жрать охота. Пойду-ка я посмотрю, что здесь подают к позднему ужину.

И кот, смазав свои очертания, исчез из видимого спектра, неожиданно быстро потеряв интерес к внезапному превращению Загрибуки.

— Он что, не заметил, что мы тоже стали другими? — спросила Слипер.

— Вы, ребца, вроде умные всегда были, а городите чушь околосветную, — промурлыкал кот из-за угла комнаты в темноте. — Вы ж всегда выглядите одинаково в моём диапазоне, сколь личин не примеряйте! Что я, сновидящих не видел? Хе, только их и видели, как говорится. Куды усы ни натопорщишь — круголями шастаете где ни попадя, чайник отсвистывая да каску отхррапывая.

— Ладно, потом с этим всем будем самоизучаться! А пока выбираться надо! — Дример соскочил проворно с кресла. — Сигай, Загрибыч, на плечо, так вернее да быстроходнее будет.

Испуганный собственными изменениями Загрибука послушно вскочил на плечо к Дримеру и спрятался в капюшоне. «Что ж, определённые преимущества в таком виде есть!» — подумалось ему, ибо сразу он почувствовал себя в безопасности.

— Пошли потихоньку, — буркнул Дример и двинулся шаркающими сандаликами по комнате в дальний угол, за которым исчез Башкирский Кот.

— Чует моё сердце, там кухня. Иначе куда бы ещё попёр наш кот? — Слипер оглянулась назад, на дверь в маленькую комнату, откуда вначале вышла. Замявшись на мгновение, она, словно передумав, плюнула и двинулась вслед за Дримером.

За поворотом, буквально в пяти шагах, они увидели проём в стене и на цыпочках, пригибаясь, вошли в него.

— Кухня! — довольно хмыкнул Загрибука, который после кошачьего замечания или просто с перепугу тоже почувствовал, как в его животе голодные лягушки стали мять лапками своё убежище. — Чавкнуть бы чем...

— Цыц! — шёпотом бросил Дример и шаг за шагом стал продвигаться внутрь помещения.

Там было темно. Единственное окно было так же, как и везде, зашторено. По стенам висели полки и шкафчики, у подоконника приютился стол с табуретами, а у стены слева возвышался холодильник. Судя по тихим бумканьям и клацаньям, по кухне уже шарился Башкирский Кот.

— Ну что, уважаемый, — вкрадчиво «мазнул масла на хлеб» Дример, — нашёл что-нить?

— Пахнет невкусно, — услышали они ответный шёпот. — Но чует моё сердце, что в белом холодном гробу, который стоит слева от вас, скрываются удивительные открытия гастрономии. Как бы нам крррышечку его сковырнуть?

Слипер вошла вслед за Дримером на кухню, сунулась к холодильнику и потянула дверцу. Та липко отчмокнулась, и комнату прорезал луч света.

Все прикрыли глаза. Только серая пунктирная тень прошмыгнула по кухне. Это кот быстрее пули метнулся к открывшемуся агрегату и шумно потянул воздух.

— Я так и знал! — довольно промурчал он, приобретая затвердевшую в воздухе форму. — во всех вселенных в самых жутких местах почему-то хранятся самые что ни на есть вкусности!

— Если не побьют, то помогут! И небесные ёжики тут совсем ни при чём! — Дример разделил хлеб на куски и соорудил теперь подобие бутербродов.

— Никакой логики, — печально и испуганно вздохнул Загрибука. — Мамочки, куда я попал?!

— Ешь, пока не пропал! — Дример сунул ему бутерброд со шпротами. — А то скоро как Башкирский Кот мерцать начнёшь! Надо тутошной материей застолбиться тута, типа, внутрь чего-нить местного принять, а то колбаснёт дальше по автобану Млечного Пути! Бросай якорь, короче! Швартуйся!

Загрибука послушно впился зубами в чужестранную снедь.

Слипер и Дример присели на табуретки возле стола и молча погрузились в процесс поедания. Мальчишка уплетал бутеры, но старательно прислушивался к тишине из-под Шапки-Невредимки. Девчонка же так и не сняла закинутый на спину рюкзак, тоже решив пока всё время быть начеку. Тьма кругом как будто стала ещё гуще. Из-за окна не доносилось ни звука. Только холодильник нудно гудел, да откуда-то из глубин дома, из непроглядной темноты, то и дело возникали порой тихие брякания и постукивания, при каждом из которых Загрибука переставал есть и, вытянув шею, напряжённо вслушивался.

— Успокойся, это кот мародерствует, — с набитым ртом произнесла Слипер.

— Разведка не дремлет! — улыбнулся Дример, и эта улыбка сразу как-то разрядила обстановку.

— На границе тучи ходят хмуррро, край суровый тишиной помят, — слышался напев из соседней комнаты.

— Цыц ты! — шикнул Дример.

Слипер хохотнула.

— Чего ржёшь?

— Да ты по-дедовски гутаришь, а сам по виду — хоть сейчас сопли утирай.

— Ладно, ладно. На себя погляди! Посмотрим, что ты скажешь, когда в туалет запросишься. Давно в последний раз с таким телом управлялась?

— Ой-ой, напугал! — Слипер кокетливо вздёрнула нос. — Ничего, разберусь. Зато у тёток есть полный боекомплект секретного оружия напрочь массового поражения.

— Ну-ну, — Дример недовольно скривил физиономию, — только задницей не начни вилять! Ладно, давай сворачивать этот пикничок с обочины и двигаться куда-нить.

В четыре руки собрав всё со стола, частично на ощупь, они распихали обёртки по карманам, чтобы не оставлять ничего после себя. Слипер протёрла подолом футболки стол, заметя окончательно следы их пребывания, закинула в рюкзак пару кусков хлеба с мясом, и вся компания двинулась обратно в основные помещения. Пройдя проверенным маршрутом до комнаты, в которой очнулась Слипер, наши разведчики вошли в неё и огляделись.

— Что-то тихо совсем, ни чихнёт никто, ни вздохнёт, — подал голос Зарибука.

— Да чую, чую. — Дример недоверчиво озирался.

— Сейчас приоткроем люк! — Слипер шагнула к окну и потянула за тяжёлую занавеску.

— Только осторожно! — пискнул Загрибука и вжал голову в плечи где-то в глубине складок Дримеровского капюшона.

— Аля-улю! Курбат-байрам начинается! — с этими словами Слипёр раздвинула шторы.

— Не высовывайся! — коротко бросил Дример Загрибуке и замер сам, ошалевший. И было от чего.

Окно находилось достаточно низко, метрах в двух над землёй. И первым, что предстало перед глазами Слипёра и Дримёра, были огромные цветы, по форме сильно напоминающие навыверт раскрытые до упора маки. Они начинались от самого подоконника и тянулись бескрайним полем за горизонт. Диаметром в два-три метра, пугающе лилового цвета, чужестранный гербарий плотными рядами покрывал собой всё обозримое пространство. Глянув вверх, Слипёр увидела примерно такого же сиреневого оттенка небо, по которому короткими вспышками пробегало нечто, похожее на северное сияние. Иногда в нём длинными ручейками протекали тонкие разноцветные нити, смахивающие на электрические разряды.

— Йошкин Код! — Дример прикрыл от неожиданности глаза. — Такие фиалочки хорошо пошли б по рупь двадцать на рынке!

— Глянь! — Слипёр указала пальцем на горизонт. Там, вдалеке, на грани видимости, посреди этого волшебного поля, стоял многоэтажный дом. Угрюмая громадина со множеством окон своим серым правильным прямоугольником смотрелась в этом месте настолько же обычно, как Дед Мороз в окружении Кощеев Бессмертных. И наши друзья наверняка ничего и не заметили бы в сиреневой полутьме, если б не свет из крайнего верхнего окна. С такого расстояния он был подобен малюсенькому светлячку, и среди окружающей темноты этот яркий огонёк сейчас выглядел и пугающим, и манящим одновременно. Словно далёкий маяк среди бушующей бури, он звал к себе в неизведанную гавань.

— Там кто-то есть! — Слипёр возбуждённо завертела головой и затопала кроссовками.

— Тих-тих! Хорошо, если этот «кто-то» всё ещё жив и рад будет нас увидеть, — ответил Дример и потёр задумчиво лишившийся привычной щетины подбородок. — А если нет?

— А-а-а...

— Вот и ага! Надо подумать, извилину, так сказать, напрячь...

— Вот и я говорррю, — нарисовался из сумеречного воздуха комнаты Башкирский Кот, — не всё то Золушка, что блестит! Но с другой обратной стороны луны, кто не рискует — тот что попало не дуёт. Так что фигли тут копошиться у подоконника, словно осенние мухи?

— И вправду, фигли? — мявкнул из недр капюшона братца осмелевший там Загрибука.

— Фигли-мигли, — задумчиво пробормотал Дример, послонявил указательный палец и поднял его вверх, хотя не только окно, но даже и форточка была закрыта, а потому направление ветра определить было слегка затруднительно. Слипёр тоже топталась в нерешительности.

— Есть рац- и двац-предложения! — сказала наконец она. — Ща открываем окно, ждём, нюхаем, смотрим в оба-три и, коли за первый раунд всё пройдёт тихо, будем спускаться.

— А если?.. — начал испуганно Загрибука.

— А если то — иначе всё! — закончил за него Дример и решительно дёрнул ручки окна.

Оно распахнулось без скрипа, и пряный знакомый запах ворвался в комнату.

Загрибука поёжился:

— Ох, блин комой, а пахнет-то той самой травкой-муравкой...

Кот мечтательно закатил глазищи, очевидно, вспомнив о наваристых рыбно-мучных кулёчках Эников, а затем взметнулся на подоконник:

— Товарррищи! В этот торжественный миг, стоя на пороге величайшего открытия недоразвитой современной научной мысли, я искренне, от всего сердца до самой селезёнки, благодарю вас за молчаливо предоставленную мне возможность войти в историю Великого Веретена Миров! И если я погибну, пусть красные отряды — да-да! — пусть красные отряды заплатят за меня и за мои пельмешки! — закончил певуче пламенное выступление усатый оратор, а затем неожиданно кувырнулся полосатой задницей прямо за окно с диким монголо-татарским воплем: — Алга-а-а-а-а-а-а!

— Вот собака! — Слипер крикнула с досады, но уток рядом не было, а потому возмущаться никто не стал.

— Кот никак не может быть собакой! — возразил Загрибука из-под капюшона. — Биологическая и психологическая несовместимость видов...

— Ну-ка, Загрибыч, — аж подскочил Дример, — по поводу видов... Глянь-ка на небеса сии здешние обетованные да узри нам как на уху, узнаёшь ли ты там хоть что-нибудь? У тебя ж прибабах есть, шоб сквозь туманы и дожди на звёзды глазеть.

Загрибука недовольно вылез на плечо Дримеру, оглядел себя снова и печально вздохнул. Он всё ещё не мог привыкнуть к своему виду.

Карлик опасливо покосился за окно, высматривая потенциального любителя подзакусить в этот час случайно попавшимся любопытным Загрибукой, но кромепряного ветра ничто не нарушало покой его нюхательных рецепторов. Запахов живых существ либо не было, либо сладковатый аромат цветов его полностью скрывал. Посторонних звуков тоже не наблюдалось, хотя грозовые разряды в небе вполне могли их заглушать. Дример подошёл к самому краю окна и аккуратно перегнулся через подоконник.

— Эй, уважаемый Башкир-хан, ты там живой? — спросил с плеча Загрибука.

В шумящей от ветра траве, под цветами, раздалось тихое ворчание:

— Да тут я, Загрррибыч! Пока всё тихо и мирно. Но чувствует моё сердце, есть тут загвоздка с зашурупкой. Ничё не просекаешь, Слипер? Ты ж прибабахнутая, в корень зрочки уткни!

Слипер вслед за Дримером перегнулась через подоконник и напряжённо замерла.

— Они живые!!! — Слипер слегка отшатнулась. — Цветы живые!

— Вся мировая ботаника рукоплещет тебе, сестрррица! — раздался из зарослей кошачий тихий голос. — Я тоже как-то не думал, что у кого-нить хватит фантазии заставить всю планету до горизонта бумажными искусственными цветочками! С чего бы это нам такая почеть?

— Да не, ты не понял. Они как мы. Они разумны. И от них прут какие-то волны. Что-то типа эмоциональных переживаний, но почему-то чересчур агрессивных.

— Я ничего не понял! — Загрибука, заслушавшись, даже забыл об осторожности и спустился на подоконник с плеча Дримера. — Что значит направленная эмоциональность?

— Так же, как мы передаем друг другу образы в словах, уговаривая таким манером понимать какие-то вещи интеллектом, так они передают эмоции, заставляя других существ переживать напрямую то, что в посылке мыслительной отправлено. Более высокая частота энергии.

— Ёктить-мог-ведь! — поёжился Дример по-ежиному. — Как-то не хочется тут напереживаться неизвестно чего!

— Эй, человека, аднака, — раздалось снизу, — спускай свои ноги на эту грррешную землю и позволь Великому Степному Духу направить их куда-ни-глядь-а-пофигу.

— Ща, котейч! — пообещал Дример сверху. — Загрибыч, давай, нахмурь интеллект!

Загрибука очнулся от задумчивости, осознал свое неожиданное местоположение на краю подоконника, едва не лишился чувств, но мужественно сгрёб себя в самоохапку и геройски взглянул на небо. Ему тут же пришлось слегка присесть и прищуриться, ибо прямо над окном прошла зигзагом здоровенная ярко-красная молния. Но зато сразу стало видно, что они находятся на первом этаже такого же высотного дома, архитектурный собрат которого смутно угадывался вдалеке.

— Разглядишь тут шо, — заныл он.

— Не дрейфь, героический ты наш! — погладил его Дример. — Вытаскивай прибабах и на фарватер!

Загрибука, опасливо жмуря глаза, уставился в небо.

— Восемь пятых в зените, касательная поворота под сорок пять, пять лепестков справа... Ну, ничего нельзя сказать наверняка...

— Мудро! — заметила Слипел нетерпеливо. — Наверняка можно сказать, что жизнь — такая штуkenция, в которой ничего нельзя сказать наверняка!

— Ну дык вот, — продолжил Загрибука, — похоже, мы совершили самый что ни на есть Прыжок и теперь зависаем где-то возле Восьмой Спирали Великого Цветка, Лепестке эдак на двадцатом-тридцатом, коли считать от ближайшего к нам Северного Шва.

— Шо? Это ты с кем сейчас разговаривал? — Дример сдвинул юные нынче мальчишеские брови под Шапкой-Невредимкой.

— Не парься, бррратец. — Башкирский Кот высунул морду из-под огромного лилового цветка. — Просто мы далеко от истины, как и всегда. Всё, что он только что сказал, объясняет, например, следующее. Тута коротенько пролетает весна, но очень занудно с осенью. Здесь мерзкий климат, холодно и слякотно. Часто идут дожди али вовсе грозы. Это не самый уютный уголок во вселенной. Но в этой глуши хорошо думается. Сосредоточена энергия высокой частоты, а потому любое существо, зависшее в этой деревеньке, может неплохо подкормиться силёнками и восстановить душевное равновесие. А ещё на этом поле множество Путей Дхармы сходятся.

Загрибыч просто дал нам примерные координаты нашего местоположения в Великом Веретене Миров. Вам, бесшкурррные, повезло. Сейчас тут короткий затесавшийся период тёплых ветров, а потому... Чувствуйте себя довольно сухо и комфортно!

— Это ты всё из его астрономно-ботанической галиматьи вывел? — удивилась Слипёр. Она глянула на небо, а вместе с ней туда глянул с запачканной футболки совершенно натурально размагниченный Эл Йоргенсон.

Загрибука печально вздохнул. О нравы. Мол, вот она, молодёжь, ничего не шарит в точных науках исчисления звёзд.

— Слух, — Дример нахмурился, — а почему ты так складно всё это расписал сейчас, а в Лесу когда были, не мог ни черта сказать толком о том, где мы находимся?

— Видишь ли, — начал извиняющимся тоном Загрибука, втянув голову в и без того высоко задранные плечи, — я не хотел признаваться, что, как бы это сказать подобающе...

— Да уж говори как есть, чего теперь пузыри пускать! — Слипёр нависла над карликом, засунув руки в карманы настиранных по самое полинялово шорт.

— Ну, в общем и целом, звёзды в Лесу были ненастоящие!

Слипёр присвистнула и подтянула потуже рюкзачок за спиной, а Дример покачал головой. Кот же только странно хрюкнул где-то под окном, и на мгновение показалось, что это был таки кошачий сдавленный смех.

— Тэк-с, чё-то я не уловила тонкости шутки, — наклонилась Слипёр к Загрибуке.

— Да какие тут тонкости? Ну, господин соврамши слеганцухи был, а теперь в чистосердечном признании срок себе коротит в надежде на амнистию. — Башкирский Кот взлетел на подоконник и сел, обвив лапы хвостом.

Он весь был в фиолетовой пылице, которая снежинками покрывала спину, уши и оседала на усах смешной бахромой, отчего кот стал немного смахивать на пыльного дедушку, надолго забытого в шкафу. Обмахнув лапой морду и смачно чихнув, Башкирец продолжил, сверкая зелёными блюдцами глаз:

— Засим, кладя руку на печень, клянусь перед всем комсомольским собранием селезёнкой, что господин ентот самый, сей же час, молвил поражающую своей прямоотой пррравду!

Дример с подозрительно ласковой миной обратился к коту:

— Потрудитесь разьяснить, уважаемый, а то век вам шпроты не видать будет! — И он грозно упёр руки в бока.

— А чего, чего? — Кот деланно сконфузился. — Да всё верно говорит Загрибыч. Звёзды тамошние Лесные какие-то были странные. Они вроде как светят, а излучению от них нету вовсе. Я тоже долго гадал, откель такое чудо.

— Похоже, мы с тобой, братец, как два лопуха у сельской дороги, одни тут не в теме! — Слипёр обернулась к Дримеру.

— П-п-поймите, ребзя, — подал голос карлик извиняющимся тоном, — не хотел я ронять честь и достоинство учёное, а потому приукрасил доводы и выводы свои пред вами тама, в Лесу.

И всё время сам искал отгадку чуда еного несусветного. Строил разные обсерватории по всем законам друидской механики и фэн-шуя таки ёп-понского, и так крутил и эдак, ан результат был всегда один.

— Но вы же сами оттуда, местные. Вы же Лесные! Вам ли не знать было? — Слипер отчаянно смотрела на кота и карлика. — Что ж вы нам извилину морочили столько времени? Мы с братом голову сломали, гадая, откуда в чаще той оказались, и шо цэ такэ.

— Ошибочка, сударрыня, — кот прищурил внезапно посиневшие раскосые глаза и изогнулся гадюкой, — мы в Лесу тоже взялись всем на радость вдруг и невесть откуда. Я туда попал во вполне упитанном размере, в самом расцвете и так далее по выкройке. А вы уже там и вовсе были. Так шо соблюдайте очередь, граждане!

— И я тоже. Типа, по очереди! — Загрибука, довольный кошачьей поддержкой, смело затараторил: — Просто однажды проснулся посередь круга земляного, и всё. Глядь, а вокруг Лес стоит. Ну и по каким исходным данным гадать-то? Стал потихоньку обосновываться. Жрать вроде было чего... Грызлик вот помогал, таскал всякое, что найдёт. Ягодки там, грибочки...

— Хе-хе, — усмехнулся кот.

— И обязательно было загреметь в данную милую фиолетовую оранжерейку, чтобы выяснить всё вот это и нормально поговорить между собой? — подняв глаза к потолку, вздохнул Дример.

— Дык ты, Дример, всё намёками да намёками, — пытался Загрибука оправдаться. — Спросишь чего коротенько, да и пошёл дальше бухтеть себе под нос. Откель нам знать, что и кто у тебя в мозгах копошится? Поселенцы лесные, наоборот, все думали, что вы сами когда-нибудь всё открыто расскажите про Лес, когда Час Че и Минута Му придут.

Поражённые, Слипер и Дример стояли и недоумённо смотрели друг на друга.

— Звёзды мёртвые. Лес кругами замкнутыми. Смекаешь? — Новоиспечённая сестра подмигнула брату.

— Я — существо исключительно понимающее! — кивнул тот в ответ.

— Если б не та травка...

— Да, могли бы основательно там подвиснуть! — вторично качнул головушкой Дример.

— Вы о чем, сапиенсы? — Загрибука заинтересованно глядел то на брата, то на сестру.

— Ловушка это. Лес — ловушка. Циклический капкан! — повернулась к карлику Слипер. Педагогический взгляд Эла Йоргенсона с её футболки уставился на Загрибуку.

— Не врубился я, — отрицательно замотал в ответ Йоргенсону головой тот.

— Дык, чай, не дровосек! — Слипер заходила вдоль подоконника туды и сюды. — Ты вот сам много помнишь из того, что было до того счастливого пробуждения на лоне природы?

— Ну... Да ничего! Ничевошеньки я не упомяну напрочь! Смекаю только, что как-то меня сразу собственный внешний вид смутил. Да и то не особливо!

Слипер в нетерпении развела руками:

— Вряд ли ты думал, что попал в салон красоты. Я по существу спрашиваю.

— Ну, типа, был я раньше не тем, чем проснулся в Лесу. Какие-то тёмные закоулки моих мозгов всегда это помнили.

— Смекаешь? — Слипер опять повернулась к брату.

— А как же! — Дример тем временем пытался в глубине своих широких карманов найти остатки лиственной трухи, ибо хотел закурить.

— А чего такое? — Загрибука, окончательно заинтригованный, вертел головой.

— Да то, что все мы там, в Лесу, оказались исключительно благодаря неуклюжести проведённого Прыжка. Допрыгались, зайчики. Такого, граждане, мы Тура Хейердала дали, что могли бы и вовсе среди чащи той Великое Ежемгновенное Обновление встретить!

— Кхм-кхм, — прокашлял тихо Башкирский Кот, — не совсем так, ддррузья мои.

Все повернулись к нему.

— Я в некотором роде вольнонаёмный и праздношатающийся в этом палисаднике.

— Это как это так?! — Все воззрились на зубастую полосатость.

Кошачьи глаза приобрели янтарный оттенок, и исчезающая в воздухе пасть с явной неохотой проворчала:

— Хожу где хочу, типа, понимаете? Я по доброй воле в Лесу оказался. Точнее, по безалаберности природной своей.

— Так, стало быть, ты знал, куда направлялся и откуда явился, и молчал? — Слипер не могла поверить в это.

— Не совсем. Я ж феномен. Я уже говорил как-то об этом. Но вы не удосужились обратить всецело своё внимание на мои чуткие слова о тонкой природе кошачьей пунктирной вездесущности. А дело сложное, надо сказать. Во вселенной, ддррузья мои, есть много Блуждающих Коридоров По Связям С Обществом.

— А-а-а, это я помню, ты что-то такое говорил уже, — Слипер наморщила лоб.

— Не отшибло! — радостно подтвердил кот. — Так вот, я не только сам по себе имею возможность к расширенной воспринимаемой территории для променадов. Но меня ещё и стаскивает в эти самые Коридоры, едва они слишком близко появятся, шкандыбая по вселенной, словно пьяный почтальон ощупью по зимнему вечернему подъезду, в котором ещё весной подрезали все лампочки. И вообще, сдаётся мне, лучше б вам закончить это задушевное собрание и пойти до того самого дому, и спросить там живущего обо всём этом. Чует моя правая задняя лапа, что он вам больше интересного расскажет. И не спрашивайте, откель сие знаю. Я ж стррранный, сам себя не разумею. Знаю и всё. Приход у меня такой, напрочь пунктирный. То здесь прихватит, то там подцепит. Короче, где накрыло — там и уразумел!

Все переглянулись и поняли, что, сколько ни оттягивай момент, а шагнуть в окно придётся. И от этого стало неуютно и чуждедально.

— Ладно, феномен, пошли, — сказал Дример коту, залез на подоконник и сел, свесив ноги в сандалиях вниз. Затем обернулся к Слиперу: — Кота не сожрали. Глядишь, и нами побрезгуют!

— Какой цинизм! Какое варррварство! — Кот фыркнул и неожиданно пихнул Дримера задней лапой, столкнув его в окно.

Чертыхания на узбекском подтвердили посадку.

— Кутунгескэ джаляб! — прошипел Дример снизу.

— Извиняй, молодой чемодан, Котовасия вышла, — промурчал кот вслед.

— Вас бы с этим Васей... — Братец поднялся, потирая ушибленную задницу. — Ну, что замерли, словно субботняя очередь за пивом? Давай по одному сюда!

Слипер полезла на подоконник. Загрибука оглянулся и, внезапно осознав, что сейчас останется один наверху, на краю этой зловещей тёмной квартиры, дёрнул её за футболку:

— Слышь, Слипер, ты бы меня с собой как-нить...

— Залазь уж, только не щекотись!

Карлик поспешно залез за спину в рюкзак, и tandemным прыжком они сиганули вниз. Заученным до автоматизма приёмом девушка мягко приземлилась на три точки, то бишь на две полусогнутые ноги и согнутую в локте руку. В футболочке и шортиках тут было весьма прохладно и промозгло. Кот на подоконнике зевнул на всё это сверху и попросту неуклюже боком свалился вниз, исчезнув из видимого спектра ещё в полёте. Наши бравые командос стояли, окружённые толстыми стеблями растительности с ветвящимися многочисленными усиками. В пояс челобрекам росла трава, по всему видать, вроде как тёмно-зелёная, смахивающая на болотную осоку, но в такой темноте было трудно что-либо разглядеть ясно. Над головами шелестели огромные лиловые лепестки. А выше них чужое сиреневое небо разрывало негромкими разноцветными молниями. Все четверо постояли некоторое время молча, чтобы привыкнуть к обстановке, заодно напряжённо вслушиваясь в заросли на всякий Противный Случай.

— Отличное место для любителей непрожаренных бифштеков с кровью, — мрачно заметил Дример, надевая покрепче Шапку-Невредимку.

— Не пугай Загрибыча, — шепнула в ответ Слипер на ухо, — он и так еле жив со страху.

Братец натянул поверх Шапки-Невредимки свой серый капюшон и по возможности ласково подмигнул:

— Ныкайся в капюшон, Загрибыч. Так и быстрее, и безопаснее будет. Только уши остро держи! И носом шмыгай, мало ли чего унюхаешь.

Карлик благодарно хмыкнул и перебрался из рюкзака Слипера под защиту к братцу, где сразу успокоился. Внизу, под ногами, неожиданно проявился Башкирский Кот, который кругами ходил вокруг, нервно подёргивая хвостом.

— Не елозь, уважаемый, щекотно же! — проворчал Дример, почёсывая лодыжки.

— Да па-ашшшли уже! — Кот вился вокруг гюрзой от нетерпения.

— Да идём, идём! — Дример встряхнул ношу на своей шее и обернулся на сестрицу: — Ну что, с Потолочным Разумением да во благой путь?

— Ох, было б неплохо! — заметила Слипер в ответ и улыбнулась: — Пойдём. Где наша не шастала!

Кот воинственно рыкнул, поводитил вокруг ставшими ярко-жёлтыми окулярами, определил направление и решительно ломанулся в заросли:

— Ррррота, за мной! Держаться след в след! Вьетконговцы рядом, так что всё помним про боекомплект. Курить на марше запрещается...

— Триетить его в печёнки! — сплюнул тихо Дример и двинулся за котом, придерживая Загрибуку на шее.

Слипер хохотнула и шагнула за ним вслед.

— Смотри, кокосы падают с яблонь... Это жатва, это сентябрь... — затянул песню удаляющийся кот где-то впереди среди зарослей.

Трава сомкнулась, и стало тихо. Никто из них не видел, как в окне, из которого они только что прыгали, показалась очумелая физиономия с косичками набекрень и взглядом имбецила. Морда лица эта поводила ушами и, услышав удаляющиеся в траве куплеты на башкирском, оскалилась размалёванной улыбкой, от которой у всякого нормального человека наверняка сразу бы поседела причёска.

— Ад-пад! — пискнула Зверогёрл, сунула в глубь квартиры пятерню и выудила оттуда за шкуру трепыхающегося пса Грызлика с завязанной тряпкой пастью. Поставила его на подоконник. А затем шмякнулась с окна, не выпуская свою жертву, отряхнула свободной рукой мятую грязную мини-юбку и опустила на землю собаку. Глаза Зверогёрлы сверкнули радостным дебильным безумием, и, вытянув в направлении удаляющейся бравой разведроты указательный палец с обгрызанным ногтем, она тихо взвизгнула:

— Грызлик, след! Ищи!

Тот послушно и жалобно заворчал сквозь тряпку и потрусил в помятую траву. Зверогёрл, весело скалясь щербатыми зубами, припустила рысцой за ним.

Наши brave командос только начали свой переход через цветочное поле, а в голове у них уже звучали незнакомые голоса. Чувство тревоги мгновенно уступало место внезапному шокирующему счастью, а затем проваливалось в непролазную хандру. Кот, постоянно оборачивающийся на своих спутников, увидел их кривящиеся лица и нежно промяукал:

— Товарищи матррросы, не палите мозги в напрасной надежде понять своё ошалевшее настроение. Это всё цветочки, как говорится. Ягода-малина будет опосля. Там, на малине сладкой, вас и приютят.

— Что «васи и котят»? — Дример пытался стряхнуть с себя ботаническое наваждение.

— Я говорю, эти милые «анютины глазки» с вами играют в старинную татарскую игру «чехать-арда». Нечасто им приходится здесь пообщаться с загулявшими астронавтами. Главное, не трухайте! Покопшатся у вас в извилинах, да успокоятся. Ща доберёмся до шалмана, сразу всё закончится.

— Главное, с катушек не съехать до этого! — Слипер явно мучалась, испуганно пытаясь взять себя в руки. Она уже слегка порезала ладони о высокую траву и теперь старалась не касаться её ногами, ибо короткие шорты не больно-то защищали.

— Не ставьте барьеров в уме! Расслабьтесь! Вдохну-у-у-уть и не дыша-а-а-ать! — нравоучительно заметил Башкирец. — Помните главное правило любой движухи: то, чему ты упорствуешь, растёт!

— Ы-ы-ы-ы-ы... — тянул Загрибука из-под капюшона Дримера.

— Коллега, мужайтесь, скоро вы помашете представителям не в меру любопытной флоры «аस्ता ла виста»! — Кот как ни в чём не бывало поскакал дальше, пошло виляя полосатым задом.

По всему было видать, что его ничто не берёт. Очевидно, за многие годы, проведённые в самых удивительных уголках вселенной, у него выработался некий иммунитет к инопланетным игрищам проживающих там субъектов.

А может, попросту мозгов ни шиша не было соответственных.

Лопочущим околёсную чушь шизофреническим табором путешественники шумно ломились сквозь заросли. Цветы поворачивали свои бутоны вслед за ними, встречая и провожая гостей. Спустя какое-то время, в данных условиях тянувшееся словно заправский «бубль-гум», Слипер увидела сквозь одуряюще пахнущие парфюмерией джунгли серую громаду дома. Зрелище было, прямо скажем, зловещее. Вблизи дом показался ей ещё более мрачным, ещё более пустым и страшным.

— Триетить мою налево! Ни хрена себе охрененная хреновина! — Дример поднял глаза от кошачьих мелькающих пяток и тоже увидел смутный силуэт многоэтажки. Башкирский Кот молча шагал вперёд, как к себе домой, ни в ус не дую. Внезапно они вывалились из зарослей и вышли на небольшую полосу травы, окаймлявшую дом по кругу.

— Вон подъезд! — указала Слипер на крайнюю слева облупленную дверь с выбитыми стёклами.

Вся компания притихла и замедлила шаг по газону, приближаясь к заветной цели, осторожно минуя прочие подъезды. А дверца искомая, хоть и изрядно потрёпанная, была-таки закрыта на кодовый замок.

— Ну и какой тут код? — подбоченилась Слипер, отгоняя неуверенность и страх. Эл Йоргенсон на её майке тоже напустил на себя грозный вид, отчего стал ещё более перешибленным в совокупности с башкирской надписью об Иисусе Христе.

— Кот тут только один! Полосатый, как и положено! — Башкирец встал на задние лапы и, прищурившись, оглядел замок, поведя ушами. — Ну-ка-ся, челобреки, дайте мне свои пятерни срочно!

Дример и Слипер подошли ближе.

— Ставь пальчики на замке через один. Все — на нечётные цифры, — уверенно отрапортовал кот.

— Позвольте спросить, Башкир-Ата, откуда... — Загрибука явил из-под капюшона лицо.

— Астррронавты, ну подумайте сами, — кот встопорщил усы, скроил издевательскую физиономию и сел под дверь, — это же Йошкин Код! Все чётные числа являют собой статику, а значитца, хронометрический крантец под еврейской фамилией «шлагбаум»! Двойка — равновесие, стало быть, ноль движухи. Четвёрка вообще у многих задумчивых не по годам народов Восходящего Солнца означает «аллес капут», или по-простому «всё, приехали!». Помнишь, Загрибыч, я тебе о Хераське и граде его, ёкнувшемся в Му, рассказывал? Вот! Ёп-понцы, народ тот местный, четвёркой крантусы скоропостижные обозначили, Великое Ежемгновенное Обновление, как заведено. О шестёрке мы благоразумно промолчим, пока Мудод не харкнул над головой. Восьмёрка есть бесконечность, два полных нуля в парочке, словно табличка на двери приличного сортира. А десятку-то уж не трожь вовсе. Туда вообще лучше усы не макать, а то потом спасательных плавсредств не напасёшься. По-всякому выходит, что конопулке «Enter» здесь будут соответствовать нечётные числа. В них вся мудрость двух стульев с тремя задницами.

— Да-да, точно! — Загрибука просиял, высунувшись храбро из-под капюшона. — Конечно! Ну, там, любовный треугольник с вечными перетасовками, неразменный пятак и так далее.

— Коллега, вы значительно сократили мой доклад, за что выражаю вкратце глубочайший ррреспект и уважуху! — Кот шаркнул передней лапой по-мушкетёрски. Загрибука зарумянился довольный и сразу осмелел ещё больше.

— Хм... — Дример задумчиво смотрел на замок.

Кот поднял ясные бифокальные очи:

— Что «хм»? Суйте корявки в конопульки и «нах остен!», как говорили некие полководцы. Правда, они плохо кончили...

— А что с ними случилось? — Загрибука мгновенно встревожился опять.

Башкирский Кот подошёл к Дримеру и, задрав голову, пояснил карлику, восседающему на шее и выглядывающему из-за занавески, по-кенгурятски капюшонистой:

— Некогда солидные, дурное задумавшие мистики-самоучки навоображали завоевать одну большую страну с весьма прохладным климатом. — Башкирский Кот принял важный вид докладчика, глаза его стали серьёзными и синими. — Но не учли характера проживавшего там несуразного, а по сути просто окончательно офонаревшего от количества потребляемого сомнительного спиртного населения. Агрессивно настроенные вояки магично и дружно гаркнули своё «нах остен!», что означало упорно выбранное ими направление военных действий, а и попёрли в те гиблые места. Они, хоть и злые были и вааще неправы, но привыкли вести кампанию культурно и по правилам мультурным. А таки безбашенный разношёрстный народ не по-детски прохладной той территории, приглянувшейся воевателям непутёвым для пленения, поначалу сделал вид, что жутко напугался и разбежался по лесам от плюющихся злобой мистиков-самоучек. Но только военачальники приободрились быстрой победой, как их с тылу и с боков стали атаковать из лесов да болот злющие с похмела мужички вместе со своими бабами и отпрысками. Да вырезать их, захватчиков, стали подчистую в корень и кромсать всеми видами совершенно

неприспособленных для ведения приличной войны средствами, как то: вилами, баграми, топорами и прочей сельскохозяйственной техникой. В конце концов недоучки-мистики поняли всю пропашную суть своей затеи и уж думали свалить обратно «нах хаус», но ошалевшее от нехватки харчей и бухла население вприпрыжку побёгло за ними с шутками да прибаутками в ихние собственные надёлы, и своим медицински непредсказуемым поведением быстро довело главного давеча агрессивного полководца до натурального самоубийства. Тот, окончательно свихнувшись в тщетной попытке понять логику и юмор без-пяти-минут завоёванного государства, траванул свою ненаглядную с выводком молодняка, а затем и сам каюкнулся в Канучую Лету путём «спэшали дофига драгз», неслабо оттопырившись напоследок контрольной дозой цианида. Такова история этого короткого боевого клича замочаленных злых дядек и бесславного их поражения от рук беспощадно безбашенного народа с неопределяемой национальностью, ибо людёв там намешано было до сломанной чёррртовой ноги! Мозгам страну ту не понять, линейкой пьяной не измерить, ибо бодуна не переживёшь!

Дример и Слипер хмурились и морщили лбы. Что-то явно припоминали.

— Корявки к бою! — проорал истошно кот и ухватил за руки челобреков, воспользовавшись их замешательством. — Всё прррросто, как Кубик В Кубрике для котят! Бинго таково: один, три, пять, семь, девять. Пятёрнёй не ухватите, а потому друженёк расписали через одного.

Слипер и Дример в две руки нажали нужную комбинацию. Что-то тихо щёлкнуло в замке, но дверь продолжала оставаться закрытой. Челобреки поднажали на створку. Она не шелохнулась.

— И чё теперича? — Слипер, не убирая пальцы с кнопок, повернулась к коту, всё ещё с опаской поглядывая за его спину на стену зарослей лиловых цветов.

— А теперь шкындыр-бындыр! — Усато-полосатый со всей дури жажнул лбом об дверь. И она распахнулась со страшным скрипом, увлекая за собой навалившихся на неё Слипера и Дримера.

Башкирский Кот участливо заглянул в образовавшийся проём и вкрадчиво спросил:

— Ну и как обстоят дела с последними достижениями ЖКХ?

— Слушай, у тебя с нюхом получше будет, — Слипер пыталась встать, не поранив ладони о многочисленные осколки, которыми был усеян пол в подъезде, — так вперёд бы и шёл. Невзирая на благость обещающие приметы и типа прибавку к зарплате я бы предпочла не ступить здесь в чьё-нибудь иноземное дерьмо.

— Да уж, — проворчал Дример, поднимаясь вслед за Слипером, — парфюм тут ещё тот...

Загрибука выкатился из капюшона Дримера, встал на ноги и огляделся:

— Уху-ху! Места выглядят невесело. Навскидку пахнет отсутствием жильцов, и при этом каким-то ва-а-а-аще не радостным.

— Нас уже прочухали и взяли на радар, — заглянув в зловонную пасть подъезда, констатировал Башкирский Кот. Он завилял нервно хвостом.

Что-то противно скрипнуло в темноте, взвыли старые ржавые шестерёнки и, гулко ухнув, где-то в колодце этажей сорвался с места лифт и потащился вниз, соскребая стружку. Все замерли, затаив дыхание. Лифт дошёл до первого этажа, замедлил движение, заскрежетал по полозьям,

собирая рыжие струпыя отслоившегося металла, и наконец уселся в гнездо шахты на огромную змею вмонтированной в цементный пол пружины.

— Пошли, — решительно произнёс Дример, нахлобучил на глаза сползшую при падении Шапку-Невредимку и поднялся на ступеньки первого пролёта лестницы, ведущей наверх и направо за угол, к площадке лифта. Загрибука поспешил, семени, за ним. Следом, встряхнув на спине жёлтый рюкзак и зябко вздрогнув, шагнула Слипер. Битое стекло и куски цемента хрустели под её кроссовками. Хоть воздух вокруг и не казался холодным, но здесь, в подъезде, он был насквозь пропитан сыростью и гнилью, отчего озноб побежал по коже. Девушка скинула со спины рюкзак, сняла футболку, отжала её руками, встряхнула и надела наизнанку. Верный способ согреться. Башкирский Кот деликатно подождал окончания перемены гардероба и побежал было за Слипером, но когда её кроссовки с красными треугольниками уже практически исчезли за поворотом лестницы, он вдруг резко остановился, оглянулся и, вытянув шею, пригнул по-змеиному голову к бетонному полу. Монголо-татарские глаза зловеще сузились и зажелтели. Он втянул неспешно носом воздух. Прикрыл левый глаз, постоял, поводит ушами и наконец неожиданно ухмыльнулся в проём покинутой двери подъезда:

— Неугомонная дура уелая! Ну конечно, кто ж ещё мог притащить сюда эту пахучую шавку!

Хихикнув, кот резко крутанул в воздухе хвостом и припустил к лифту. И едва его полосатый зад исчез за углом, как в тот же миг из приграничной полосы травы возле дома высунулись две ошалевшие физиономии. Одна принадлежала размалёванной румянами девице, вторая — окончательно ёкнувшей от изумления собаке.

— Вррррврррвррр! — довольно промычал Грызлик замотанной бинтом пастью и преданно взглянул на Зверогёрлу.

— Умничка, пёсик! — Она положила свою руку на голову собаке, отчего уши у дворняжки трусливо прижались к затылку. — Если будешь себя хорошо вести, то мы освободим тебе ротик.

Грызлик усиленно закивал. Зверогёрл развязала узел и размотала бинт. Шавка попыталась открыть пасть, но челюсть свело от долгого сжатого состояния. И пока она мотала головой, девица уж засверкала грязными коленками к открытой двери подъезда. Грызлик вякнул что-то нечленораздельно по поводу нарушенных собачьих прав, подпрыгнул и потрусил за ней, виляя потрёпанным жизнью бубликом хвоста.

— Дамы вперёд, — усмехнулся Дример и нажал на алюминиевую дверную ручку, открывая ржавую железную калитку. Сама кабина лифта была из дерева. Шахта, сделанная из стальной сетчатой проволоки, проходила по самому центру подъезда. Вокруг неё кольцами тянулась вверх лестница. Слипер зашла в лифт, который сразу заметно просел с противным скрипом. Загрибука следующим номером осторожно переступил с запачканного цементом пола на покрытую линолеумом площадку кабины, при этом задержавшись, чтобы заглянуть с интересом в щель

между ними. Там, внизу, валялся всякий хлам и тускло горела покрытая пылью лампочка аварийного освещения. Дример слегка подтолкнул его коленкой:

— Не щемись по щелям, а то защемит!

Кот полупрозрачно юркнул в ногах Дримера, и стальная дверь с грохотом захлопнулась. Скрипя, закрылись и деревянные створки кабины. Дример внимательно осмотрел панель управления и, не найдя ничего предосудительного, нажал кнопку последнего, девятого этажа.

— Кхум! — сказал лифт, высвободился из заржавевшей купели и пошёл вверх.

Все молчали. Этажи медленно проплывали мимо. Загрибука стоял с краю и, невзирая на предостережение Дримера, замороженно смотрел сквозь сетку в щель между дверными створками на уходящие вниз площадки.

— Штуки разные... — шёпотом заметил он.

— Чё? — отозвалась тихо Слипёр сквозь нудный гул.

— Да штуки, говорю, разные возле дверей!

Проходя каждый этаж, лифт громко и протяжно щёлкал каким-то механизмом. Слипёр прильнула к щели над Загрибукой. Промеж створок она увидела двери на очередном, проходящем мимо этаже. Квартир на квадратной площадке перед лифтом было, очевидно, три или четыре. Возле них на полу стояли коробки, ящики, какие-то коляски с погнутыми колёсами и ещё куча разных заброшенных бытовых вещей. Везде было темно. Да, везде было очень темно.

— А внизу, в шахте, лампочка-то работала! — заметил Дример, словно читая мысли Слипёра.
— И лифт...

— Верно. Значит, энергия к дому где-то подключена! — тихо ответила Слипёр.

— И подключена откуда-то! — закончил Дример многозначительно.

— Это они о чём? — повернулся к Башкирскому Коту Загрибука.

Полосатый монголо-татарин спокойно сидел, обвив хвостом лапы. Он зевнул, приоткрыв на мгновение капкан пасти с сотней острых зубов, клацнул и по-дедовски взглянул на карлика:

— Не будоражь зазря, Загрибыч, безмятежный океан ума. Пусть вещи текут мимо в твоём созерцании. Трава растёт сама по себе. Дождь идёт сам по себе. И лишь беспокойный умишко дрожит и подпрыгивает посреди этого спокойного великолепия, словно взбесившийся пейджер. Расслабьтесь, юнга, мы уже шваррртуемся!

В этот миг лифт жутко трянуло. Железные скобы, ожидавшие кабину, узнали в надвигающейся скрипящей коробке свою должную реализоваться задачу и радостно схватили её. Тормозной механизм лягнул. Кабина замедлила движение и почти сразу встала. Эхо утихло. Все замерли.

— Так, уважаемое собрание, — оглядев команду, изрёк кот. — Минуту молчания считаю закрытой. Предлагаю открыть люк и выйти на свежий воздух.

Слипёр справилась с ручкой-замком, и они шагнули на площадку этажа.

— У-ху-гу! — ухугукнул в темноту Башкирский Кот и хихикнул.

— Да тихо ты, бусурман! — цыкнула на него Слипёр, вздрогнув. — И без тебя стрёмно!

— Кажись, здесь! — Дример указал на крайнюю левую дверь.

— Смотрите, а там, за поворотом, ещё есть квартиры! — Загрибука, походив по площадке, увидел, что она заворачивает вправо. Там был длинный коридор, вдоль которого темнели провалы.

— Окно светило только одно, крайнее, — повернулся к карлику Дример. — И сдаётся мне, в случайные помещения лучше нам не соваться по-любому.

— Мудррро, братец, — промурлыкал Башкирский Кот, подходя неспешно к обитой коричневым дермантином двери.

— Стучи! — бросил Дример Слиперу.

Та кивнула, встала перед дверью, собралась с духом и постучала. Три раза. Тук. Тук. Тук.

Кот быстро стукнул по косяку ещё раз — тук! — и недовольно повернулся к Слиперу:

— Что ж вы, дамочка, без этикету да в заблуд вводите? Нас ведь четверо! Эх вы, молодёжь...

Тишина. Но вот, когда Слипер уже собралась было постучать громче ещё раз, в глубине квартиры что-то бумкнуло, затем шаркнуло. Началось какое-то движение. Затем послышались шаги. Дример и Слипер, не сговариваясь, присели в коленях, инстинктивно вставая в боевую стойку. Загрибука спрятался за ногу Дримера. И даже бесшашный кот слегка попятился и сузил зрачки. Глазок посреди кожаной черноты осветился светом. Щёлкнул замок. И дверь медленно открылась.

— Уж заждался я вас, дорогие гости!..

А я ведь не писатель, помните? И уже говорил вам это в самом начале книги. Поэтому у меня нет никаких правил, по которым пишутся книги. А значит, буду я в этом самом месте, как и позже в других местах, вставлять в свою книгу рассказы и повести, кои имеют отношение к этому братскому эпосу весьма касательное. Они, словно спутники вокруг планеты, будут вращаться около героев нашего романа, и бросать свои отблески в период темноты. Кстати, как там Ёик?

— Не отвлекайся! — нервно порозовела носом Терюся. — Гони дальше!

Сказка дедушки Мыгута номеро уно: Город стоячего асфальта

Жили-были Масявка и Масюська. Масюкали себе да масявкали, ничего эдакого да такого уж. Токма надобно сразу учитывать в учётной перекиси населения, что и та и ся жили сначала порознь, то бишь отдельно самогулячими единицами бытия. Так вот, можно описать суть истории Масявки, и сразу станет аки Ясный Пень понятна история Масюськи. Они, истории эти, были до крайности схожи во всех детальках. Хочу сказать, что образ жизни их был символично одинаков. И хочу сказать... Да дайте же сказать! Требую слова! Трибуну! Ну хотя бы чаю и тубаретку на

приличной кухне. И я продолжу. Вот и славно. Продолжим. Хлюп с блюдечка. А вы что, не пьёте чай с блюдечка?! А зря...

С кого бы начать? С Масявки или с Масюськи? Дхарма-то одна на двоих. Ну, давайте возьмём исключительно для протокола Масявку. Итак, с красной строки. (Кто её красной сделал и за что — невнятно и обидно. Какая-то дура уелапая, как выразилась бы Масявка. И вообще кое у кого на этот красный цвет явный пунктик в дурной садисткой головушке.)

Проживала Масявка (впрочем, как и Масюська, но речь не о ней) в Пургопетрике, который был одним из кривозеркальных отражений города А. Ага. Правильно. Зарубочку на носу сделайте, только не сильно, а то прыщик останется. И отражений кривых вокруг этого самого города А было много вачепто. Но мы об одном тут. Местные жители города Пургопетрика были сумрачные, не словоохотливые, на лицо ужасные и добрые внутри. А иногда и вовсе милы были со всех сторон, но крайне загадочны. В общем и целом, сильно напоминали Дримера и Слипера. Заезжих туристов, или «туриков», как их называли в сложнонародье, было хоть запруду пруди. Все они желали позерить на «город стоячего асфальта». А называли так Пургопетрик за то, что в нём было множество этого дорожного покрытия, то бишь им были уложены улицы, и порою этот самый пресловутый асфальт вставал натурально холкой дыбом, чтобы освободить дорогу кораблям.

— При чём тут корабли? — вскрикнули теряющие нить логики и покой разума читатели.

Спокуха, друзья, логика есть, и сейчас она вам будет явлена во всей её уразумительной красе. Да при том тут корабли, что асфальт этот периодически пересекал реки и каналы, которыми был сильно богат сам Пургопетрик. Сплошной пересек и перетак! А по рекам этим шли корабли. Куда шли? Ну как куда? Да как всегда! Туда и сюда. Аки и положено. И вообще, разве вы не знаете, что все корабли всегда идут в далёкие чужеземные страны? И неужто не ведаете, что все настоящие моряки рано или поздно оказываются либо на дне, либо на Тортуге, либо в кресле-качалке с трубкой в зубах? И вот какой-нибудь кораблик шёл себе по реке и вдруг наткнулся на самый что ни на есть асфальт, который возмутительным образом преграждал реку. Кораблик начинал истошно выть. Вот так: «Ыыыыыыыыыыыыы! Ну, ыыыыыыыыыы!» Жители подскакивали на своих кроватках, ибо почему-то сие случалось почти всегда ночами, когда они сладко сопели в подушку и видели сон номер 0208/72. А затем горожане начинали ворчать, мол, и чё тут такое, блин, нафиг происходит? И сонно бормотали, типа, чё за пожар, всем на гарботу с утра, поспать не дают, наложили тут асфальта, понимаэш. Асфальт интеллигентно краснел, дрыгался и поднимался вертикально, чтоб освободить кораблику путь. А так как корабликов было много, и сновали они по рекам и каналам туды и сюды в изобилии и разнообразии, то, в принципе, весь Пургопетрик превращался ночью в самый шо ни на есть город стоячего асфальта. И гулять по нему было весьма затруднительно, если только ты, уважаемый читатель, не умеешь ходить по вертикальным дорогам и ездить на трамвае по вздыбленным в небеса рельсам. Так что, если Пургопетрик и имел статус города на картах той далёкой, изрядно подвисшей в развитии, планеты, на которой кочумал, то на деле оказывался сумбурно и симбиотично существующим архипелагом островов, повязанных между собой этим самым вздыбливающимся периодически

асфальтом с рельсами. Где заканчивался один остров и начинался второй, большинство жителей не знали, не понимали и даже не задумывались. Жили они на этих островах, будучи наивно уверенными, будто прописаны в городе. По всему получается, что Пургопетрик был местом мистическим, не определённым ни с какого края, меняющимся в зависимости от натуральности своего положения и точки зрения на сию натуру. И горожане его, хоть и считали сами себя совершенно нормальными жителями, на самом деле, конечно, пребывали в полной астральной шизе. То есть ещё в дальнем своем прошлом плюнули на попытки самоосознать самое себя такое и жисть свою, не петря ничего в окружающей их бытовухе и плутая постоянно в непроглядной энергетической пурге. Они давненько потеряли адекватное восприятие, постоянно стоя одной ногой на общепринятом и договорённом между всеми людьми астральном плане, а другой — на личной льдине островного дробления реальности в этой местности. И сама их реальность жизни тоже уже давно разделилась на острова, как и сам Пургопетрик. И только жители его до сих пор были уверены (совершенно напрасно), что их собственная жисть такая же постоянная и непрерывная, как и бытие других приличных городов. Смех, да и только! В общем и целом, Пургопетрик был сильно размытым во всех отношениях и аспектах местом. Горожане в какой-то момент перестали даже пробовать обрести хоть сколько-нибудь принятый общественностью внешний вид и одевались исключительно в нейтральные цвета. Их же колбасило и сосисило из стороны в сторону постоянно и не по-детски. Уж и в глазах мельтешило. Если вы встречали в Пургопетрике кого-нибудь, одетого, скажем, в красную рубашку или зелёное пальто, то было сразу понятно, что этот кто-то приехал сюда издалека и явно ненадолго. Ненадолго потому, что с приезжими в Пургопетрике случались лишь нескольких вариантов возможного скоропостижного будущего. Вот они оба два. Для начала.

Первый был распространён и медицински описуем, хоть и не излечим амбулаторно. Приезжий в скором времени начинал впадать в необъяснимую депрессию. Его сначала подстерегал, а затем наступал упадок сил. Первыми покидали палубу силы психические, потом физические, а вскоре незадачливый турист и вовсе понимал, что его воли не хватает даже на то, чтоб поднять свой зад промозглым серым утром с кровати. Особенно, когда на дворе стоял месяц Гноябрь. Такой приезжий переставал следить за собой. Начинал пить огненную воду, которая, как известно, быстро стирает все достижения цивилизации из сознания человека, приводя его обратно в девственно животное состояние счастья с вонючими обоссанными штанами. За продуктами он больше не ходил, считая занятие поедания пищи глупым и бессознательным, а потому бессмысленным. Если он, будучи ещё при здравии, не успевал завести себе знакомых в городе, которые вовремя замечали его недуг и несли ему еду, потчужа с ложечки, то риск умереть от захирения становился весьма велик. И всё это в мирное спокойное время, без наличия какой-либо блокады со стороны возможных врагов. Больной же с течением времени становился буйным, с утра и до вечера пытаясь объяснить кормящим его знакомым смысл жизни и основы пилотирования звёздных кораблей (ко всему заметим, что на сей планете корабли эти самые пока что напоминали лишь самокаты, на которых дети катаются вокруг деревни). И вообще клиент

начинал думать о любых возможных смыслах, существующих и воображаемых в природе Всея Сангхи. И если ентот задержавшийся турист не успевал вовремя понять своё состояние и кинуть клич «Мама, забери меня отсюда!» в сторону исторической родины, то вращал своими астральными корнями в стены этого серого и промокшего города навсегда. Вращал до своего печального конца, который и встречал с рассеянной улыбкой на лице под гноябрьские падающие листья вперемежку с мокрым снегом. Город высасывал из него всю его туристическую энергию, превращая в голое самоосознание, потерявшее всяческую связь со временем и полностью растворившееся в бессмысленности всего глобально сущего. Местные жители так сочувственно и называли сего незадачливого, задержавшегося слишком надолго гостя — «утопленник», ибо сие было весьма созвучно этому городу, неустойчиво покоящемуся на воде. Вода, кстати, периодически затопляла и сам город со всеми жителями. Но существующие симбиотически со сквозняками и насморком горожане даже внимания на это не обращали. Лишь выливали воду из ботинок и покупали новые носовые платки с цветочками. Так вот, об «утопленниках». Таких затонувших мозгами туристов обычно вывозили из Пургопетрика родственники. Если успевали. Потому как сами «утопленники» уже не могли принимать никакого сознательного решения. Воля их была полностью подавлена городом и съедена им же на ходу, как вокзальный «тошнотик». Местные знали, что Пургопетрик был самым что ни на есть омутом в энергетическом поле планеты. Они, рождаясь здесь, либо умирали от психической, жадной до позитивности голодовки в первые пять-шесть лет своей жизни, либо приобретали иммунитет и становились такими, как Масявка. Но о ней, равно как и о Масюське, чутка позднее. В целом, будущее незадачливого туриста по варианту первому заключалось в аварийном покидании самолёта с парашютом или без, уж как успеешь.

Вариант будущего номер два, который ждал тормозящих с отъездом туриков, был более печален. Он назывался ни фига не понятным и совсем не русским словом «ассимиляция». Выглядело это примерно так. Приезжает некий персонаж по делам, али и вовсе мечтательно сдуру, на архипелаг Пургопетрик. Приезжает как нормальный человек. Одет в оранжевую рубашку и жёлтую куртку, в синих джинсах, с красной кепкой на голове. Улыбка сияет на чисто выбритом лице. Весь его счастливый интеллект состоит из набора наиболее ярких и запоминающихся фраз, которые этот выдвигенец выслушал по радио и высмотрел на экране телевизора. Будущее видится ему светлым и искрящимся, словно бликующий высокий лоб инженера с тремя высшими образованиями. В груди горит плакатный патриотизм к большой или малой родине. И этот прекрасный и светлый человек с чистыми, незапылёнными и выпрямленными извилинами уверен, что его счастье и блаженство уже совсем рядом с ним. Ну совсем рядом. А точнее, в этом самом Пургопетрике, куда нынче нелёгкая и занесла. И заключается это счастье, по его же мнению, в недостающих финансовых средствах. А также в духовном наследии, коим знаменит данный архипелаг островов, и кусочек которого турик намерен оттяпать и увезти с собой. Командировка в этот город кажется интересным приключением, поездкой на золотые прииски, с которых он уедет вскоре домой, богатый золотом и энтузиазмом, с таким же высоким и светлым лбом

интеллектуала, как и инженер, спроектировавший его нафантазированное будущее. И вот «везунчик» идёт по улице, светя улыбкой, словно одинокий фонарь в опасном и тёмном переулке. Он оглядывает здания и одобрительно улыбается, заглядывает в лица прохожих горожан и видит, что ему тоже улыбаются в ответ. Весь город — одна сплошная улыбка! Вэлком, комрадэ! Мы очень, дык сказать, кен грейт ю лейшн! Если бы не масюсенький нюанс (о Масюське чуть позже). Улыбка прохожих имеет лёгкий оттенок сарказма и воистину буддистского сострадания, которого опьянённый не замечает в ослеплении. Наивный лопух думает, что улыбка жителя Пургопетрика — это веселье радушного хозяина, встречающего вас на пороге своего дома с бутылкой доброго вина, возвещающего скорые танцы и празднества под вечерний салют в окружении смуглых красавиц, которых ему уже и девать-то некуда. Но нет. Нет. Grimаса жителя Пургопетрика — это всё понимающая тихая улыбка дзенского монаха, смотрящего на птенца, к которому подкрадывается кобра, чтобы броситься на него и сожрать в мгновение ока. Монах не вмешивается. Он просто стоит и улыбается. Он знает — такова природа вещей, таков мир, всё совершенно. Так же и турист идёт по Пургопетрику и принимает буддистские тихие улыбки местных горожан за радушное веселье. Но горожане просто знают: скоро ты отдашь всю свою волю этому городу, а потом либо успеешь унести ноги, либо станешь одним из нас. Ты останешься здесь. Навсегда. Навечно. Отсюда никто не уезжает, если прозевал диагноз. В этот омут лишь всё стекается. Из него нет течения куда-либо. Это и есть — чёрная дыра, существующая на астральном плане бытия. Всепоглощающая. Но вполне себе густо заселённая. И турист остаётся. Вскоре он наденет вязаную чёрную бесформенную шапочку вместо красивой и модной красной кепки. Он сменит свою жёлтую куртку на тёмно-серое пальто или такой же невнятно-серый с прикрасочкой пробензиненный скафандр с капюшоном, набитый синтетическим пухом. Он сменит свои синие модные джинсы на бесформенные серо-зелёные штаны. А место белых кроссовок займут тяжёлые чёрные ботинки с прошитой горной подошвой. Его широкая улыбка сузится и станет такой же тихой и светлой, как раннее зимнее утро. Цвет его глаз приобретёт обязательный для этих мест каменно-стальной оттенок. И на вопрос «Вы откуда?» он всегда теперь будет отвечать «Я из Пургопетрика!» И отвечать-то будет на самом деле не он. А это сам Пургопетрик говорит из глубин внутренностей сознания незадачливого туриста. Это промокший замшелый город, который навсегда там, в пещере мозгов поселился, опутал сердце и разум приезжего, словно гигантский спрут. И всё. Ты — часть команды, часть корабля. Ты — фрагмент архитектуры архипелага островов под названием Пургопетрик.

Есть, конечно, и третий вариант развития событий, но он настолько же редкий, как Башкирский Кот в природе Всея Сангхи. Случается он, когда в город приезжает кто-нибудь с сильно развитым чутьём, с всешарящей интуицией, с внимательными глазами, с неторопливыми выводами. Вступив в город, этот гость останавливается, медленно вдыхает наполненный туманами каменный воздух, а затем внезапно и резко оборачивается к своим возможным попутчикам со словами: «Ребята, вы как хотите, а я валю отсюда и как можно быстрее!» И на вопрос «а чё...» они уже наблюдают удаляющиеся подошвы его всё ещё белых кроссовок. И в этом случае обладатель этих белых,

исчезающих вдали кроссовок, если напряжёт слух, может услышать, как Пургопетрик сзади досадно клацнет по его душу своим асфальтом, словно аллигатор, который не успел схватить зазевавшуюся антилопу.

Я вижу, вы уже более-менее представили место жительства Масявки и Масюська. А жили они именно здесь. Но поначалу порознь. А чем занимались Масявка и Масюська? Да как и все коренные жители, бродили по асфальту и по камням вдоль воды, разговаривали сами с собой, или вообще с Пургопетриком. Ходили и бурчали себе что-то под нос. О чём? Да обо всём на свете. О своей жизни. О смысле. О цели. О прошлом, которое хочется стереть. О будущем, которого хочется достичь, чтобы потом так же хотеть его стереть, ибо оно так же превратится в прошлое. Об островном принципе дробления реальности. О далёких островах, где хорошо и тихо. О принципах. И о самой реальности. И очень редко о дробях, да и то разве что в школьные годы. А зря...

И ходила Масявка. И ходила Масюська. Ходили вдоль тёмной свинцовой воды астрального омута. А потом они неожиданно встретились на камнях, стоя ногами в ледяной воде. И у них обеих были холодные руки. И на двоих был один вопрос. Простой вопрос: «Какого чёрта лысого мы тут делаем, и каким лешим нас сюда занесло, и как отсюда нафиг срумбабумбировать?!»

Поглядели Масявка и Масюська друг на дружку, да и стали жить вместе. И хоть они всё так же бормотали себе под нос бормотания разные о смыслах и прочих чудесатостях, но и друг с дружкой начали шептаться о том же на кухне. Стали пить вкусный чай с морошкой и вместе смотреть на листья и мокрый снег, которые падали за окном в Гноябре. И стало им сразу легко и тепло. И тут же как-то сам собой смысл нашёлся. И жизнь сама объявилась и постучалась в окошко. Кто ж на вкусный чай с морошкой не захочет зайти и послушать бормотания о приятных чудесатостях? И цель засияла. И будущее замаячило. И прошлое отступило и потерялось. И острова реальностей стали постепенно и осторожно смыкаться берегами, чтобы обрести свою изначальную дробь — «один к одному». И стало к ним на кухню захаживать самое Потолочное Разумение — неофициально, конечно. А мораль сей сказки непроста и не сразу понята будет и не всеми до срока своего, но явлена тут же. Что Масявка и Масюська были суть две души. И что каждая Масявка свою Масюську встретит, и как бы ни были разделены острова архипелагов, на которых довелось свидеться, а совместное тихое бормотание способно реальность воссоединить да над омутом поднять. И тогда случается самое главное. Потолочное Разумение дарит тебе крылья белые, как у птиц больших, что над водой во множестве летают промеж островов того архипелага. Только крылья оно дарит инкогнито. А поэтому никто не замечает, как ты взлетаешь всё выше и выше, а потом неожиданно в Пургопетрике становится на двоих сограждан меньше, ибо Всея Сангха меняет их прописку. И это четвёртый вариант будущего случайно или по ошибке попавших в Пургопетрик гостей. И этот вариант — единственный, дарующий свободу там, где другие её теряют.

А ещё я порой думаю — суть весьма хорошо, что есть среди нас такой человек, как Женя Гришковец, который всё, что мы сами себе или Потолочному Разумению бормочем, гуляя по камням вдоль воды, бормочет открыто всем вокруг. И от этого становится нам всем чуть более ясно и понятно, что все мы, суть Масявки и Масюськи, очень даже похожи между собой, и что нет особенно разниц никаких ни в нас, ни в наших бормотаниях.

Но это я уже от себя бормочу. Ибо с дедушкой Мытуттом, сказку которого вы только что читали выше, Женя Гришковец пока вроде как бы и не встречался, а на самом деле просто забыл об этом знакомстве исключительно временно. Короче, человек человеку — бормотун! А вся вселенная — это просто процесс приятного бормотания на кухне с чаем и вареньем из морошки. Просто многие об этом забыли.

Дело № 0208/72

— Заждался, заждался! Уж и вечер давно, а гости куда-то запропали! Да не стесняйтесь, проходите! Звонок-то у нас токма по особым случаям работает, так енто вы правильно сделали, что постучали...

Голос у хозяина квартиры оказался хриплым и осевшим, хоть и вовсе не старческим. И был этот голос добрым, чуть насмешливым. Неопределённого, далече выше среднего, возраста, как и сам его сухощавый владелец. Лицо светило оладушкой, хоть и не широким было вовсе, прорезанное морщинами, не возрастными, но вроде как от засушливости и ветра. Задубелая, чуть загорелая кожа. Нестриженные, выбеленные солнцем до седины волосы. Тонкий длинный нос. Высокий лоб. Мутный взгляд круглых, затёртых до непрозрачности, очков из-под козырька выдавшей многие виды фуражки. Дядька носил невнятного цвета старый застиранный свитер с сиреневыми заплатами на локтях, поверх которого была наброшена на плечи оранжевая служебная жилетка. Помятые, такого же невнятного цвета тёплые штаны с теми же сиреневыми заплатами на коленях подхвачены были внизу шнурками, завязанными бантиком. На ногах его свободно болтались шерстяные, штопаные-перештопаные носки да стёртые войлочные тапки без задников.

— Шалом налей кум! — кивнул Башкирский Кот и бесцеремонно прошёл в квартиру, словно к себе домой.

— В аллеюку, в аллеюку, дарагой! — охотно кивнул крючковатый нос в оранжевой жилетке.

«Это человек!» — почему-то облегчённо вздохнула про себя Слипёр.

— Хм, — посмотрев пристально очками в глаза Слипёру, откликнулся дядька. — Стрелочник я. Просто Стрелочник. Стрелочник Белочкин. Всегда к нашим услугам по вашим заслугам!

Повернувшись ко всем, он пояснил:

— Барышня ваша изволит думать, будто я человеческой породы. Токма ошибается слегка. Но беспокоиться на сей счёт вам не стоит ни в коем разе. Никакой ворожбы. И жути никакой заморской. Просто к чему пугать гостей сходу своим несуразным видом, верно, котейко?

— Верррнее не бывает, начальник! — Башкирский Кот, быстро вернувшись, как бы ненавязчиво ласково обтёрся хвостом о ноги странного дяденьки, видимо, завершив первую часть своего осмотра помещения. Да и тут же пошёл обратно внутрь квартиры, приступая ко второй части досмотра, постепенно теряя внешний вид. Простите, точнее, попросту исчезая на глазах. Сорри, меня частотный диапазон воплощения. Э, извините, ну, да вы уже всё поняли. Короче, кот и в ус не дул. Внимательный Загрибука не упустил этого странного обстоятельства из виду и тут же успокоился.

«Хитрый котище всё уже просёк и чует, что здесь всё ништяк!» — довольно решил он про себя.

— Верно, мой учёный друг! — внезапно повернувшись к Загрибуке, произнёс дяденька.

Тот аж подпрыгнул, успев коротко икнуть в воздухе.

— Да не читаю я ваши мысли! — поспешил успокоить его Стрелочник, тем самым ещё больше убедив Загрибуку в этом факте. — Просто по роду профессии я очень и очень внимателен, — добавил дядька и тут же рассеянно стал рыскать по карманам служебной жилетки, явно что-то потеряв, — а у вас всё на лице само написано. Да и я бы думал что-нибудь в этом роде на вашем месте.

— Умение поставить себя на место другого, — неожиданно промурлыкал Башкирский Кот, проявляясь вторично возле ног Стрелочника Белочкина, — есть воистину величайшее умение! Целые народы, сумевшие поставить себя на место других, а других на своё место, исчезли в одночасье в самых что ни на есть других местах, а точнее, гикнули себя повсеместно. Целые цивилизации, изменявшие местным порядком свои и другие места, заместо себя оставляя местечко в других, исчезали в порталах отнюдь не местечкового значения. Полный винегрет! Сам Абракадабр сломал бы палец в своей ноздре, пытаясь распутать это дело! Сконфуженный китаец Конфуз-ци в своё время написал трактат на тему разумной взаимности отражений, али попросту вмняемой зеркалки, и на основе этого высочайшего во всех различных смыслах труда было сделано немало открытий чудных, и расцвело немало гениев, парадоксовых друзей, и поэтов, воспевших обррраз, летящий на крыльях ночи...

Дример нагнулся и прикрыл рукой пасть коту.

— Как тут, батя? Тихо? — спросил он, озираясь осторожно из-под Шапки-Невредимки.

— По-всякому бывает, — охотно и открыто ответил Стрелочник, поведя войлочным тапком по линолеуму. — Да вы проходите на кухню. Сейчас чайник поставим, чайку заварим. Варенье из морошки предлагать не стану, а то вы и так уже всю замороченные. Но есть печенюшки вкуснющие и другие разные прикуски для сладкой жизни. Сядем, поговорим, побормочем. Будьте спокойны, здесь вы в безопасности.

Башкирский Кот сквозь ладонь братца продолжал гулко вещать, закатив изумрудные монгольские глазища. Дример убрал руку.

— ...к тому же вящему позволению неизбывно отражающийся во всех ипостасях чуткого того внимания к личностям, окружающим вас повсеместно и восвояси! — закончил кот и приложил лапу «под козырёк».

— Куда-куда? — переспросил окончательно заплутавший во всём Загрибука. — И во что?

— На все четыре стороны во далёкий финский аул Свояси! — буркнул Дриммер карлику и пошёл по темному коридору вслед за дядькой в оранжевой жилетке. Чуть прямо, потом налево, на кухню. Двери в комнаты, из коридора ведущие направо, были закрыты.

Кухня, в пять шагов на любую сторону, была так заставлена нехитрыми, века выдавшими, мебелью, банками, склянками и коробками, что места только и оставалось для трёх табуретов. Стрелочник указал на них Слиперу и Дриммеру, сел сам, а Загрибуке выудил из-под стола весьма кстати невесть откуда взявшийся маленький пуфик.

— Хошь бублик? — участливо спросил дядька в жилетке.

— Премного благодарствую! — поклонился в ответ Загрибука и взял протянутое печёное колечко, обсыпанное жареными семечками подозрительно знакомого лилового цвета. Осторожно понюхал. Кусил краешек.

— Да ты не робей, ешь на здоровье! С него не отравишься, и мозги мутить не будет! — подмигнул ему дядька за стёклами непроглядных очков. — Семушки эти токма успокоения придадут и крепость духа внутри устаканят.

Пошла лёгкая чайная заварушка, во время которой все немного расслабились. На столе появились тонкого завязюканного стекла вазочки с вареньем обычным урожая ягодок-калиномалинок, белые керамические кружки с щербатыми краями, бумажный пакет, в котором пахуче уживались ранее описанные бублики, а также халава с плоскими прилепленными печенюшками и деревянная плоска типа «беличья тарелка», где кочумали орешки и кусочки засахаренных, не поддающихся теперь уже никакой квалификации фруктостей. Чайник в центре дымил вкусным травяным ароматом. Кот сидел на полу и тоже принимал участие в церемонии наравне со всеми, макая залежавшуюся испокон веков сушку в пиалу с напитком, которую поставил между лап. Вытаскивая хрумкалку из дымящейся посуды, он обсасывал её и затем пилил края острыми зубами. Вжик-вжик. Слизывал. Закатывал глаза и муррррррррчал. Затем процедура повторялась. Все пили чай, молчали и приглядывались друг к другу. Обычная восточная процедура вежливости при гостеприимстве. А что, дорогой читатель? Восток — дело тонкое!

Стрелочник хлопнул из своей кружки и первым нарушил прихлёбывания и чавкания:

— Все ко мне приходят да спрашивают одно и тоже. А вот на вас смотрю и кумекаю, шо вы ко мне уж больно окольным путём на голову свалились. Видать, и вопрос будет окольный, ась?

Заляпанный плафон, свисающий с потолка, светил ярким электрическим светом, оттеняя предметы, что делало лицо Белочкина очень и очень древним.

— Тогда не будет удивительным, если я спрошу, откуда вы, Белочкин, здесь? — Слипёр смахнула с подсохшей синей футболки капельки пролитого чая. — Если меня не обманывает чутьё, вы тоже сюда издалека попали.

— Ух ты! — удивлённо поднял бровь Стрелочник за стеклами очков. — А ты молодец. Все вот сходу спрашивают совсем другое.

— Что же? — оторвался от еды Загрибука. Он пытался совладать с псевдочеловеческими пятипальными руками своего новообретённого тела.

— Ну, — подперев давно небритый подбородок, задумчиво произнёс дядька, — чаще всего, куда идти дальше? Или как вернуться домой? Или ещё чаще, где я и сколько нас? — Он хохотнул.

— Хм... Куда идти — это уж как придётся, — улыбнулась Слипёр, грея босые ноги, поставив их одну на другую на холодном линолеуме, ибо сырые кроссовки предпочла снять. — Насчет вернуться домой — неплохо бы вспомнить, каково там жилось, и было ли настолько неплохо, что нам не пришлось самим оттуда делать ноги когда-то. С математикой во вселенной всегда сложности, но пока что вроде нас пятеро вместе с вами. А где мы — что ж, эта кухня кажется мне вполне уютным местом, а её хозяин — весьма милым и интересным собеседником.

Она, улыбаясь, обвела кухню взглядом. Встретилась глазами с Башкирским Котом. И тот незаметно, но многозначительно кивнул ей, прикрыв мечту татарских окулистов:

— Айна-лайна, Слипёр-джан! Хоррошая девочка.

— Вы удивляете меня всё больше! — Стрелочник снял с себя оранжевую жилетку и повесил её на ручку холодильника «Омск».

Дример успел-таки прочитать на спине жилетки трафаретную белую надпись «Служба Путей С Общением» и нахмурился, что-то припоминая. Дядька поправил на волосах мятую фуражку и опёрся локтями в сиреневых заплатах на стол. — Добрые улыбки, учтивая речь, манеры. Приятно, не скрою, принимать таких гостей. Что ж, и вопрос ваш весьма не глуп, уважаемая луноокая.

— Просто Слипёр, — она улыбнулась.

Стрелочник понимающе кивнул, вернув ей такую же тихую улыбку, и замолчал.

— Что же вы здесь делаете? — спросил тихо, исподлобья, Дример, хрустя кусочком засахаренной восточной сладости. — Простите, господин Белочкин, но мне это место не кажется таким уж притягательным курортом, куда можно поехать на сомнительное оздоровление даже по бесплатной путёвке.

— Верно, мой юный друг, — засмеялся Стрелочник, хлопнув ладонью по столу, — оздоровление тут сомнительное! Да и путёвка не была бесплатной!

Он опять притих, как бы подбирая слова.

— Тогда что же здесь происходит? — таинственно спросил Загрибука, заёрзав на пуфике.

Башкирский Кот зевнул с явным видом, что ему сейчас нет интереса ни до чего и, хлопнув с лязгом пастью, продолжил макать сушку в чай. Стрелочник внимательно и долго посмотрел на Слипёра слепыми своими очками, затем так же на Дримера, зыркнул вниз на Загрибуку:

— Ну, как вам сказать...

Слипер вдруг закусила губу, смахнула со лба светлые пряди и в упор глянула на Стрелочника:

— На самом деле нам бы очень хотелось знать, кто мы сами?

Кот подавился и удивлённо уставился на неё. Загрибука ошарашено округлил глаза. А Дример лишь усмехнулся.

Белочкин замер, а потом отчётливо, словно диктор по радио, произнёс неживым голосом:

— Вы — четырёхступенчатое существо, совершающее Затяжной Прыжок в космосе по маршруту 0208/72.

История Первой Стрелки при отсутствии какой-либо Белки. Бандитам, алкоголикам и собаководам — выдать 16-й номерок, и в буфет!

Жил-был человек, и звали его запросто: Артемий Феокистович Шматко. Ничего эдакого. Как всегда и бывает с теми, от кого потом случаются всякости такие несусветные, что или сразу очень хочется по-большому в туалет (и чтоб прямо здесь и тут же), или же всех святых вон выноси, словно у них опять первомай! Был Артемий Феокистович приличным гражданином. В городке его хорошо знали. Да если б и не хотели, а всё равно узнавали, и при том всегда хорошо, а то и лучше. Ибо жителей на тех пяти улицах и в двух тупичках было то ли двадцать три с полтиной, то ли тридцать два с четвертью, да поди и обчёлся. Название у населённого пункта было такое полустёртое и избитое, что и упоминать не стоит. А град сей стоял на территории не самого заурядного вида пятой по счёту планеты, вращающейся вокруг звезды «жёлтый карлик номер как-там-бишь-её-чёрт-бы-побрал». Коротко говоря, дорогой читатель, это было весьма и весьма далеко от того места, где ты сейчас читаешь эту книгу. Насколько? Очень намного, где бы ты ни находился. Далеко по-любому. Я бы даже сказал, просто пёс знает где!

(Грызлик в сей же миг, где-то тоже очень далеко, поднял уши, замер и усиленно отрицательно замотал головой. А вы-то думали, почему собаки то и дело просто так, ни с чего, как вам кажется, головой мотают? То-то же! Енто ж они по межгалактической связи отвечают! Что-нибудь типа:

— Первый, это осемнадцатый, слышу вас хорошо! По делу о запрашиваемом местоположении описуемого всуе тут же городка, аки и планеты, на поверхностях которой сей архитектурный ансамбль ютится, не ведаю ни шиша. Как, впрочем, и по поводу космогонически определяемого газопылевого ядерного объекта жёлтого спектра распада ничего не скажу наточняк. Короче, по всем этим статьям ни хрена, ни укропа лысого не знаю! Во внутрочерепных архивах сведений не найдено. И вообще, мне сейчас тут Зверогёрл уши оторвёт! Конец связи. Привет теще. Тчк.)

Артемий Феокистович был бухгалтером. Да. Настоящим таким бухгалтером. История этой профессии, между прочим, совсем не проста. Когда-то, давным-давно, были только бухгалтеры. Буквы «гы» там ещё пока не было. Мне вообще кажется, что известная нам профессия «бухгалтер» произошла от комически сложившегося обстоятельства, при котором бухгалтеры, о которых речь уже вроде как пошла, да и пойдёт чуть дальше, странным и смехотливым образом сговорились и

склеились с бюстгальтерами. А что вы думали? Бухалтер — вещь обычная. Бюстгальтер — тоже. Первых — под любыми окнами, на любой скамеечке всегда можно и без фонаря отыскать по оголтелой матерщине и звону бьющейся стеклянной тары. Вторых — тут ещё проще, ибо они есть биологически мануфактурный фактор. Почему бы им и не поговорить было как-нить по душам, а потом склеиться? И как итог в нашей земной цивилизации появился закоренелый результат вполне предсказуемой эволюции в виде новоявленного рабочего места. И что? А то! Бухгалтеры везде оказались тут же нужны! Ну, разве только в настоящем коммунистическом обществе, при отсутствии любых средств денежного обмена, они были бы вынуждены срочно переквалифицироваться в гардеробщиков или лифтёров. Ведь пальто и лифты никто не отменял, верно? Логично. А так у нас, что ни валяйся, всё пригодится! Работник, считающий деньги, — тем более. Но здесь, на пятой по счёту от жёлтой звезды номер как-там-бишь-её-чёрт-бы-побрал планете коммунизм не был ни известен, ни изобретён и, тем более, не был достигнут. Бухгалтеров водилось — пруд запруди и карасей выводи! И Артемий Феоктистович был одним из них. Точнее, он тоже поначалу, в молодости, влачил существование обычным бухалтером, который, как ему и положено, орал и бухал, всячески празднуя на все лады житие свое, и выстаканивал на различной посуде незатейливые этнически близкие ему мелодии и народный танец «тым-цы тым-цы». Но чутка попозже, согласно закону повторяемости тотальной эволюции Всея Сангхи на примере каждой отдельно взятой замкнутой системы, входящей в основной поток этой самой тотальной... В общем, кокос от пальмы недалеко крикает. Так и герой наш тоже повстречал на своем эволюционном пути некий бюстгальтер. В этот самый бюстгальтер была одета некая особа, имя которой утерялось и стёрлось из повествования о сознательном росте осознания Артемия Феоктистовича, но на которой он таки женился. Была она грузна собою во всех отягчающих смыслах. В смысле, немало весила и грузила тоже не по-детски. Обнаружившиеся вскоре (жёлтая тусклая звезда поколесила за это время из одного угла планеты в другой угол раз эдак -цать) в колечках жёнушкиной причёски выдавшие всё в жизни бигуди свели Артёмушку нашего с катушек. И он в сей же миг окончательно утвердился в своей философской позиции, что челобречество на его родной планете есть не что иное, как тупиковая ветвь регрессирования чебуреков и чемоданов, а потому всё одно теперь для него, всё без разбору однохреново и однобуйственно.

— Гори забор, гори хата! — крикнул он в порыве просветления.

И остался Феоктистыч наш в бухгалтерах, кое и было предсказано ему мировым порядком вселенской истории. Выпал в одиночество со своим котом Василием, братом мужа третьей троюродной сестры отчима Котовасии, который в свою очередь был пятым пасынком друга отца его внука с монгольской стороны, то бишь родней нашему миляге Башкирскому Коту. Также Артёмушка остался и с любимым, в будущем упомянутым нами ещё разок или два ниже, волосатым мухоловом в горшочке с керамическими крендельками.

Та же, что и у всех бухгалтеров, бежевого цвета сорочка. Бежевая — не от обострённого вкуса к тонкой линии галантереи. А обязанная своим колором статичности от нечастого пользования

услугами бабки-постирушки, коя в оплаченных Феоктистычем комнатах низводила на «нет» различного происхождения пятна на вещах жильцов. Она же была и хозяйкой этих самых комнат, о чём свидетельствовала полуистёртая иридиевая табличка на доме: «Комнаты внаём. Буркина Фасо». Да, дорогой читатель, у бабки-постирушки была обычная русская фамилия Буркина и обычное кавказское имя Фасо. Родом она была с системы номер 013, что значит — в тринадцатой завитушке Великого Веретена Миров, направо от Большой Медведицы. Откуда она взялась здесь? Да как все мы — оттуда и отсюда! Занесло, короче.

Работа у Артемия Феоктистовича была не пыльная. Приходил в конторку с утра. Поливал водичкой волосястого мухолова (помните, я ведь предупреждал, что мы о нём ещё вспомним!). Мухолов тот волосясто кочумал на подоконнике, высматривая сквозь мутное стекло свой завтрак. А бухгалтер наш садился за обветшалый стол переключать розовые и зелёные бумажки из кучки в кучку. Квитанции, счета, чеки, бумаги. Затем был обед, принесённый в мисочке с собой и разогретый на маленьком примусе тут же, в конторке. Иногда к ним заходила торговка из хлебопекарни с корзиной на голове и своими сто восемью и одной косичками, приветственно кричала с порога «Алл-ллах, Харе Ом!», и в эти дни в рацион обеда добавлялись сдобная булочка и кекс с вареньем из плодов дерева Бо. Примерно в четверть четвёртого начинал бренькать трескучий звонок в коридоре конторы. Смеркалось. Варкалось. Сморкалось. Не забывай, дорогой читатель, всё это происходило весьма и весьма далеко от твоего нынешнего местопребывания, а потому в тамошних сутках насчитывалось отнюдь не двадцать четыре часа, а всего четырнадцать. Так уж вышло. Не обессудь, смотри в суть! По крайней мере, время тоже имеет права ходить там и так, как ему забессудится! Тусклая звезда чертила свой путь по небосклону этой планеты довольно быстро. И к тому же у местных жителей была принята в оборот не десятичная математика, а семеричная. Короче говоря, всё было очень запутано, и на их планете щекотящие запутки тоже так и рыскали, так и рыскали кругом, аки и в Лесу, о котором шла речь в начале этой книги. Господи, о чём это мы? Ах, да! Так вот. Звенел, значит, звонок. И Артемий Феоктистович Шматко, милый наш, тихий и скромный, челобреколюбивый бухгалтер, собирался домой. И так шли дни. Дни. Дни. А звезда всё потихоньку тухла и тухла в своем космосе у него над головой.

(И между прочим, дорогой читатель, у тебя прямо сейчас над головой точно так же помаленьку тухнет какая-нибудь звезда, уж какая там у тебя водится.)

Вот и в этот раз он погладил нежно на прощание волосястого мухолова. Дал ему муху. Тот благодарно захлопнул пасть до утра, свернувшись колечком в горшочке с крендельками, а Артемий Феоктистович шмякнул дверью конторки и вышел на вечернюю улицу. Вывеска «Бухгалтерия» покачивалась над его головой от лёгкого ветерка и напоминала своим скрипом детские качели. Это было мило. Артемий Феоктистович улыбнулся и полез в карман нехитрого пиджака за ключами от машины. Да, дорогой читатель, на этой Грызликот забытой планете, в десятках тысяч ли у тебя над головой, тоже были придуманы и пущены в массовое производство перевозящие с места на место задницу и вещи самоходные повозки, именуемые в твоём обществе громоздким и ничего на самом деле не объясняющим словом «автомобиль».

— Слушай, а всё-таки, что это за планета?

— А, Сонечка, ты уже пришла! Как там дуб?

— Он прекрасен! — Соня села и обвила себя хвостом, прикрыв глаза.

— Ты ему сказала об этом?

— Конечно!

— Молодец! Теперь, ежели случится дурное настроение или самочувствие, ты всегда сможешь пойти к своему новому другу, встать под него, прижавшись спиной, лбом или затылком, и просто подышать. И дуб поможет тебе прийти в себя. Он уберёт причину твоей болезни и выгонит дурные мысли. Деревья это умеют, уверяю тебя!

— Ух ты!

— Точно! Теперь у тебя есть могущественный друг! Только не обижай и другие насаждения. Они ведь, как-никак, родственники твоему дубу. Ну, тётки там и дяди. Как положено.

— Ой, конечно, что ты!

— Потом ты подружишься и с другими деревьями, и они тоже поделятся с тобой своей магией. Она у них очень могущественная. И у всех — разная.

— Ух ты! — захала она натуральной совой. — А их ведь столько на планете!

— Увы, Сонечка, всё меньше и меньше. И многие совсем перестали их понимать и уважать. Некоторые их даже убивают!

— Это же глупо!

— Да, скоро многие поймут, что причина кашля, который их постоянно преследует, кроется именно в непонимании и неуважении по отношению к деревьям, которые в свою очередь производят воздух и магию здоровья.

— Вся планета поймёт?

— По чуть-чуть, но вся. Кстати, номер планеты с проживающим на ней Артемием Феоктистовичем Шматко тебе любой планетарий за десять рупасов выдаст! И сдачу шакалами положит!

Артемий Феоктистович сел в свою машину, завёл мотор, и тут в нутрях бухгалтерских что-то тихо ёкнуло. Незаметно так. Ёк. Тишина. Ёк. Тишина. Непокойно ему стало ни в раз. Повертев головой, он не заметил ничего пугающего.

— Тьфу ты ну ты! — успокоил себя таким вот странным образом Феоктистыч, но маленькая тайная ёковость не унималась.

Ёк. Тишина. Артемий схватился за грудь. Но сердечко мирно себе постукивало, как и было ему положено, в третье сверху левое ребро, всем своим видом выражая полную несознанку

относительно внезапного беспокойства своего хозяина. Бухгалтер повернул ключ, нажал на педаль катализатора, и машина тронулась.

— Всё, домой! И завтра же оформлю отпуск! Совсем мой бедный организм расстроился. Печки с поченью перепутались, и заворотило кишь с мишью! Поеду куда-нибудь на Олтые Жигузи, полежу в макусях, отогрею спину, развеюсь на ветрюсях.

Он уверенно вжал педаль в пол и, отъезжая от конторы, только самым краем глаза увидел странного сухопарого дядьку в мутных круглых очках. Тот переминался в нелепом оранжевом жилете и в фуражке. И неожиданно, улыбнувшись, помахал вслед машине рукой, словно увидал давнего знакомого.

— Тьфу ты ну ты! — сплюнул Артемий Феоктистович опять, глядя в зеркало заднего вида. — Чур меня, чур!

Но нелепый дядька не растворился, а только пуще прежнего заулыбался, вскинул руку в локте, отточенным жестом переведя наручные часы, и склонился в поклоне.

— В Жигузи! Срочно в Олтые Жигузи! Завтра же! — Бухгалтер судорожно вцепился в руль и, распугав копошащихся в земле коркулей, буквально сорвал машину с места.

Ехать было не так уж далеко. Городок, как мы уже говорили, был ой ну совсем небольшой. А домой не хотелось. Артемий Феоктистович свернул с накатанной дороги и зашуршал шинами в сторону Укатного Пути, что вёл из культурного центра в сторону частных садовых участков, и далее через Пустомельную Чушь в такой же поселенский островок верхнего южного запада с таким же истлевшим на сухом ветру названием. В этом направлении дорога подходила к довольно высоким холмам, около которых было где остановиться. Вечерком там можно было подняться пешком на вершину и от души посидеть наверху, полюбоваться видом, поулюлюкать копошащимся в небе коркулям и подумать с наслаждением какую-нибудь серьёзную и глубокую мысль о мироздании и о своём не самом последнем месте в нём. Ощутить свою небеспольность. Свою нужность. Свою неотъемлемость. Короче, слегка подкормить своё Чувство Собственной Важности, дабы затюканный бытовухой эгоизм немного воспрял перьями, и внутри чтоб слегка потеплело и благодарно заурчало. Вот именно туда и направил свои покрывки Артемий Феоктистович Шматко. Он выехал из городка. Дорога потянулась пустынная. По краям росли редкие низкие кустики нуихмыть-травы, покрывая всё видимое пространство по обеим сторонам от грунтовки до самого горизонта. Стал накрапывать дождик. Ласковый такой и грибной, то бишь заказанный у Потолочного Разумения колониями местных грибов соответствующим официальным запросом. Показалось мелкое селение со снующими туда-сюда через трассу жителями. Бухгалтер сбавил ход, включил щётки на смотровом стекле и обогрев внутри кабины. Стало тепло и уютно. Дорога шла прямая, как стрела вождя индейцев Виннету. От всех этих неожиданных приятностей Артемий Феоктистович разомлел. Веки стали предательски тяжелеть, и наконец, под шум морозящих капель, наш уставший от суеты и работы офисный служащий обмяк. Глаза его закрылись ещё до того, как автомобиль въехал в шумно и сильно населённый пункт. Разбрызгивая придорожную грязь, самоходный экипаж летел вперёд. Перед селением не было ни

таблички, ни указующего камня, ничего. Если не считать непонятно откуда взявшегося на обочине того же странного сухопарого дядьку в нелепой оранжевой жилетке и фуражке, который вышел из кустов и опять дружелюбно помахал рукой проносящейся мимо машине. Вода лилась ему за шиворот, но он, казалось, этого и вовсе не замечал. Когда авто скрылось в набиравшем силу дожде, дяденька улыбнулся и снял мутные, почти круглые очки. В абсолютной черноте между веками отразились потоки дождя. Он мигнул этой непроглядной чернотой вслед промчавшейся в село машине. Морщинки вокруг его глаз собрались в смешные лучики. Вскинув руку в локте, дядька глянул на свои большие командирские наручные часы, хихикнул и перевёл стрелки назад на два часа с четвертью.

— Спешат всё. Спешат. А куда спешат? Куда спешить-то? Эх, Артемий Феоктистович, — проворчал по-стариковски ангел, протёр мутные стёкла, снова нацепил на нос очки и повернул обратно в кусты. Лишь закричала чужедальная песенка ему вслед:

...И когда оно опять
 Будет на небе сиять,
 Малыши твои мохнатые,
 Медвежата толстопятые,
 Сами к дому прибегут:
 Здравствуй, дедушка Мыгут!

И лишь только первые ветки стали цепляться за его одежду, как вдруг дядька в жилетке неожиданно мигнул пару раз, словно лампа дневного света, замерцал на ходу и исчез вовсе.

Сказка дедушки Мыгута номеро дос. Сон Артемия Феоктистовича Шматко, летящего вдоль по Укатному Пути навстречу неведомому будущему своему, а заодно и табличке «Пустомельная Чушь. 44 кг»

— Шматко, патроны!

— А?

— Хренотня! Патроны, спрашиваю, мля, где? Почему ремень не начищен? В наряд, мля, пойдёшь, гальюны драить и приближать нас к светлому будущему всех народов! Понятно, мля?

— Так точно, товарищ капитан!

Рота в сорок четыре человека стояла на пирсе, в который било свои серо-стальные волны море. Точнее, что это таки море — Артемий Феоктистович не знал, да и знать-то не мог, ибо в жисть свою не видал. И где он сам, и что происходит — понимания так же не наблюдалось. Думать времени не было. Разум дал ему единственное в данный момент трезвое решение: как можно быстрее вжиться в ситуацию, слиться с окружающей средой и уже потом постепенно разбираться,

что здесь и к чему. Сейчас на нём был чёрный морской бушлат с начищенными золотыми пуговицами, затянутый под рёбра ремень, бескозырка (морская фуражка без козырей, но с ленточками) и намазюканные до блеска чернящие ботинки. Ботинки, надо сказать, весьма хлипкие для такой температуры воздуха и такой влажности. А было ведь холодно. И не просто холодно. Стоял нормальный такой моктябрьский дубак! Дубак оголтелый и беспощадный. И начинавшийся шторм окатывал матросов с каждой разбивающейся о пирс волной всё больше, всё яростнее.

— Шматко, бегом на склад, получить боеприпасы, и чтоб лично каждый патрон от вымпела до киля надраить!

— Разрешите исполнять? — с великим удивлением услышал от себя Артемий Феоктистович и тут же испуганно понял, что не может повлиять ни на что, ибо воля его полностью подавлена. Оставалось только смотреть фильм с собственным участием.

— Бегом марш!!!

— Есть!

И Шматко побежал вдоль строя матросов, плюхая по лужам своими начищенными чёрными ботинками.

— Рррррота, — прогремело ему вслед, — нами получен приказ от штаба флота...

Через какое-то время Шматко осознал себя на палубе корабля. Волны, разбиваемые носом торпедоносца, захлёстывали палубу. Кидало страшно. Артемий было схватился за поручень, но новый бросок судна сбил его с ног. Голова освободилась от бескозырки и ударилась в большой медный колокол. «Буууммммм!» — глухо загудело в его голове.

— Шматко! — раздался крик сквозь грохот ветра и волн. — Ты чего тут кренделя выписываешь, мля? Быстро занять позицию! Подходим.

Феоктистыч почувствовал, как ноги сами несут его на корму. Нелепо, но Шматко при этом ужасно мутило, хотя по всему было видать, герой его внезапного чудн[о]го фильма был в море отнюдь не впервые. И странным казалось обстоятельство, что тот, в чьей шкуре оказался Артемий Феоктистович, тоже сильно удивлялся, почему его вдруг внезапно ни с того ни с сего стало тошнить от качки. Винты встали. Он почувствовал это кожей.

«Откуда я это знаю?» — испуганно подумал Артемий Феоктистович, но ещё больше испугался его сомнениям тот, в чьей шкуре он сейчас находился. Его однофамилец, рождённый на острове Кронштадт, матрос торпедного катера 0208/72, такой же Шматко, но таки в обратную сторону Феоктист Артемьевич (о, несравненный юмор кармы Всея Сангхи!), находясь в нейтральных водах Финского залива вторые сутки, готовился сейчас к очень опасной вылазке. И совершенно не мог взять в толк, что происходит нынче у него в голове. Он смутно припоминал страшное слово «шизофрения» и в связи с этим уточнение диагноза «раздвоение личности». А ведь именно это матрос Шматко сейчас и чувствовал. Он отчётливо ощущал в своей голове присутствие кого-то второго, некоего незванного гостя, который незримо наблюдал изнутри головы за его матросской жизнью. И не просто наблюдал, но и вмешивался своими не к месту удивлёнными ахами и охами.

А вокруг шла война. Рядом свирепствовал враг. И было совсем не до этого. И матрос Шматко с ужасом понимал, что вот только шизофрениии ему сейчас и не хватает для Полной И Окончательной Нирваны Без Нирватрёпки. Проще говоря, он догадывался — это расстрел. Минимум. Лечить его некогда и некому. Проще списать. А списать на войне можно только одним способом. Бум! — и гильза под ноги.

«Уймись!» — только и бросил в отчаянии матрос Шматко мысленно сам себе, а точнее, незванному гостю.

Как ни странно, но это подействовало. Артемий Феоктистович тоже понимал: мешать сейчас матросу не стоит, ибо всё может закончиться плохо для них обоих. Он постарался довериться владельцу тела. По крайней мере, как думал бухгалтер Шматко, матрос (такого определения Артемий, конечно, не знал) находится в привычной ему среде обитания, а стало быть, знает, что делать. И он тут же ощутил в ответ молчаливый посыл благодарности по типу «дык допетрил, в пургу твои пятки, наконец-то». Артемий приободрился и даже вспылал интересом к ситуации. Его начала забавлять такая игра внутри разума другого существа. А тем временем на матроса Шматко надели странный костюм из непонятого материала (определить наощупь его не представилось возможным), ласты и сложную маску с рифлёными трубками, уходящими за спину, где уже до того навесили тяжеленный круглый баллон со сжатым воздухом. Он спустился по тросу с кормы.

— Ни пуха! — махнул ему вослед матрос.

— Ни Пятачка! — гугукнул в маске Шматко и свалился спиной в воду. Она оказалась ледяная. И тут в памяти Артемия Феоктистовича произошла вспышка, во время которой он успел увидеть разъяснение задания по разведке повреждений вражеской подводной лодки и возможного её последующего конвоирования в порт Кронштадт. Также он побывал при обсуждении телесных достоинств некой Нюры из госпиталя в присутствии двоих своих сотоварищей по оружию в кубрике. И в тот же сияющий миг пространственно-временного застывшего континуума он получил во всю красу своего внимания грязный, покрытый бородавками и пороховой гарью указательный палец штурмана, который тыкает в карту. И услышал Шматко грозный прокуренный голос:

— Вот она, проклятая! Здесь на банке залегла. В сорок четвёртом квадрате.

— Слышь, штурман, а ведь не зря японцы числом «четыре» смерть означают! — Шматко услышал свой хохоток.

— Отставить шуточки! — штурман и не думал смеяться. — Это приказ штаба флота. Выход у нас один. Что там подорваться, что без лодки вернуться — всё одно позор. Так что молись, Шматко, если в Бога веруешь!

Вода сомкнулась над головой. С шипением Шматко осторожно втянул первую порцию воздуха через маску.

«Слава Богу!» — произнёс он мысленно скорее по привычке, нежели из желания поблагодарить Бога, в которого, честно говоря, не особо и верил-то.

Но тут же, вспомнив слова штурмана, задумался. И наверное, не к месту было сейчас медитировать и размышлять, но почему-то именно в такие минуты и приходит желание изменить в себе нечто важное. Так Феоктист задал себе впервые важный кармический вопрос: а может, есть Бог на свете?

И второй Шматко тоже как-то заёрзал внутри разума первого, и припомнилась бухгалтеру Артемию вдруг фигура странного седоватого дядьки в оранжевой жилетке и в фуражке, что махал ему рукой с обочины дороги. А матрос при этом едва не хлебнул холодной финской заливной водицы, ибо и ему вдруг в этот миг привиделся сей оранжевый жилет и фуражка, странные круглые очки и совершенно немыслимая для родной Земли местность, где над головой сияло в небе нездетутышнее тухленькое солнышко.

— Ёктить твою налево, — поперхнулся Шматко. И уразумел сей момент явным знаком.

«Точно есть Бог на свете!» — решил мысленно Феоктист.

И почему-то бухгалтер с ним тут же и однозначно согласился.

— Так, ну и где ты прячешься, мля, гнида фашистка? — завёл успокоительный разговор сам с собой матрос Шматко и развернулся в воде под килем торпедоносца. — Знаю, знаю, там! Сейчас мы тебя...

И он замолотил ластами, попутно вспоминая, как нужно вообще молиться, и коря себя за то, что так и не нашел в своей жизни времени поинтересоваться этим вопросом. Спустя долгие десять минут искренней молитвы Феоктист увидел в мутной непроглядной тьме силуэт огромного железного борта.

— Лодка! — радостно икнуло внутри Шматко.

Он плыл вокруг неё, проводя первый осмотр.

— Хе-хе, надо же! Вот это совпадение! — Артемьич чуть не хихикнул под водой. На рубке подлодки красовалась аккуратная надпись «U-44».

— Ох, не нравится мне это, — суетнулся внутри матросского разума Феоктистыч.

Уж он-то, всю жизнь имеющий дело с цифрами, сразу почуял неладное. Но движуха вроде как наладилась. То ли со страху, то ли из-за адреналина, но, словно не замечая холода воды, Шматко скрупулёзно обследовал лодку, нашёл пробоины в хвостовой части и разыскал выступающие в носовой части крюки. Водолаз отвязал с пояса ярко-белый деревянный буйёк, отпустил его на тонкой верёвке к поверхности, а затем стал подниматься и сам, попутно продуваясь. Наверху был ад. Волны швыряли сильно вверх и вниз. Шматко тут же опять замутило. На катере отсемафорили, что он и буй замечены, и, дав «малый назад», двинулись в его направлении. Феоктист снял маску, закрыл кран воздуха, чтобы экономить боевой запас. В мозгу его билось сейчас только одно:

— Надо вытащить лодку! Надо доставить лодку! Штаб ждёт! Все наши ждут! Весь наш народ ждёт эту лодку! Вся страна ждёт эту лодку! Мы узнаем, мля, что и как у них сделано там, и выиграем, мля, эту чёртову войну! Некуда, мля, отступить!

Все эти мысли придавали ему сил и притупляли ощущение жуткого холода.

И вот катер подошёл, и крюки на тросах были сброшены. Шматко опять натянул маску, повернул вентиль подачи воздуха и пошёл снова вниз к лодке, направляя тяжеленные крепежи, которые опускались рядом с ним. Не сразу удалось зацепить крючья за петли. Пришлось повозиться. Но Шматко был так погружён в это занятие, что даже ощущение присутствия чужого разума внутри него притупилось. И вот он вынырнул, сорвал маску и, улыбаясь, дал отмашку. Готово. Его взяли на борт. Сняли промокший костюм и тяжеленное снаряжение. Отвели в камбуз, где кок по приказу капитана налил ему в алюминиевую кружку около ста граммов чистого спирта. Сев на пороге рубки, обернув ноги сухим бушлатом, Шматко опрокинул в горло спирт, и тут организм его расслабился, поняв, что мобилизация на время отложена. И Шматко практически мгновенно погрузился в сон, удивлённо ощущая краем сознания, что чужой разум внутри также вместе с ним погружается сейчас в тёмную и мутную глубину забытья.

— Вот там мы и встретимся, — почему-то весело подумал матрос Шматко. И уснул.

Он так и не услышал разрывающего воздух грохота взрыва, когда торпедоносец взлетел на воздух, едва тронувшись с места, почти мгновенно разметав всего себя по серым стальным волнам Финского залива. Занятый молитвой, Шматко не заметил там, в глубине, тонкий трос, связывающий лежащую на дне подводную лодку с огромной замаскированной миной возле неё. Едва катер сдвинул опасный груз, как всё в радиусе семидесяти метров было превращено в мелкое крошево. Всё. И рыбы, и камни на дне, и катер на волнах, и подлодка в глубине, и русские матросы, и немецкие мёртвые подводники. Всё, кроме самого матроса Феокиста Шматко, который был выкинут в ледяной воздух над волнами и по счастливому стечению обстоятельств (а может, потому что успел-таки от чистого сердца впервые в жизни помолиться) не утонул, упав в воду. И стоявший невдалеке на якоре такой же торпедоносец быстро подоспел и взял его на борт. Контуженого, но живого. И первое, что увидел один-единственный уцелевший в этой боевой операции матрос Шматко, очнувшись через несколько дней в госпитале, были полные слёз глаза несравненной и всеми в Кронштадтском порту обсуждаемой медсестры Нюры. Артемия Феокистовича в моряцкой боевой головушке уже не было, и эти прекрасные черты милой Нюры, аки и все её остальные достоинства, бухгалтеру Шматко предстояло увидеть весьма позже.

Великий Вездесущный Тутытам и его туристическое агентство Белочников Стрелочкиных

Резкий свет пробился сквозь его, Артемия Феокистовича Шматко, веки. Бухгалтер потянулся было сладко, а затем подскочил, словно ужаленный Страстной Напастью. Руки-то его были на руле! О, Великий Тутытам!

«Я уснул за рулём!» — пролетела пикирующей Белкой-Парашютягой первая его мысль.

«Я жив!» — пронеслась вслед за ней Белкой-Дельтапланерюгой вторая.

«Ура!» — тут уже чёткий и цепкий бухгалтерский мозг взял всё под свой неусыпный математический контроль. Быстро обежав вниманием ноги-руки, мозг констатировал, что управление машиной в полном порядке. И неторопливо, последними в очереди, распахнулись глаза.

— Кутунгескэ джалаб! — неожиданно для самого себя заорал Артемий Феоктистович на чужестранном ему, далёком языке.

Кругом простирались горы. Да такие, что ему, рядовому бухгалтеру, жившему в комнатах Буркиной Фасо, и не снились никогда. Снежные вершины сияли, словно намытый хрустальный сервиз в серванте его бабушки. Дорогой читатель, чему удивляться? Все бабушки вселенной одинаковы. Во всех сервантах всех галактик стоят одни и те же хрустальные сервизы. Биллионы сервизов. Биллионы бабушек. И по всей вселенной вторые намывают и стерегут первых в биллионах сервантов. Памаги-и-ите!

— Вай Дод! — заорал Артемий и переключился на родной планетарный язык: — И куда дальше?! И как мне вернуться домой? И где я? И сколько нас тут?

Но горы молчали. И высились вокруг, словно грозные пограничники, поймавшие наконец-то нарушителя государственных пределов с полными карманами жевачки. Мало того, где-то в глубине бухгалтеровского мозга некто противным кошачьим голосом запел: «На границе тучей ходит бурый, край утробой мишиной помят...».

Артемий Феоктистович поёжился в сюртучном пиджаке и сжался утробой.

— И как же это я пролетел селение-то? Иб ту ю мэ мэ! Никто ж не остановил. А главное, никого не сбил, не задел. Вах-вах, чудо-то какое! — Он кудактал о своём несбывшемся ДТП, но вдруг резко сник. И припомнился Артемию странный сон, виданный им вроде как только что. И каким-то непонятным, но вполне ощутимым образом Феоктистыч почувствовал, как многие и многие детали чего-то несусветно большого и великого сейчас очень быстро складываются в одну цельную и вполне конкретную картину. Ум отказывался это объяснять, но душа всё поняла и затихла в предчувствии. Да, дорогой Артемий Феоктистович, бухгалтерский ум не был знаком с механизмом срабатывания системных узлов закона кармы. А душа это знала очень даже хорошо.

— Чё делать-то? — задал он знаменитый риторический вопрос всех племён и народов.

Даже тормозить в таком месте было жутко. Артемию казалось, что если он остановит машину и выйдет на дорогу, то окружающая чужая реальность сразу обретёт свою настоящесть, и тогда уж никуда будет не деться. Его бухгалтерский разум ещё надеялся, что все эти горы — просто яркий и болезненный сон, и что морок вот-вот растает. Но кошмар о грозных горах-пограничниках никак не желал таять. Они как бы говорили Артемию Феоктистовичу: «Что ж мы, мороженое какое-нить там дешёвое? Пломбир, что ли, мы тебе? Крем, понимаешь, брюле? С какого-такого перепугу нам таять? Алё, гараж, здесь не кондитерская!»

Бухгалтер хотел протереть глаза указательными пальцами, но руки были заняты проклятым рулём. Решение остановиться Артемий принял внезапно и единогласно, ибо никто не возражал. А и некому было. Наш горе-бухгалтер в этом кошмаре кочумал совсем один. Он выбрал на горном

серпантине поворот поплавно и, сбавив ход, прижался, насколько было можно, к воображаемой обочине. Покрышки прошуршали по мелкому песку и остановились. Открыв дверь, Артемий Феоктистович вывалился на дорогу, тяжело дыша. Он наконец-то дал волю своему неуёмному желанию протереть глаза, но, увы, сие ничего не изменило. Магическое действие, столь часто спасавшее в детстве от случайных мелких галлюцинаций, здесь и сейчас не возымело никакого результата.

— Йоп! — сел Артемий Феоктистович на землю. На ум ему почему-то тоскливо пришёл кот Василий, оставшийся где-то далеко дожидаться его, Артемия, прихода домой. И не менее тоскливо он вспомнил о ничего не подозревавшем, мирно сопящем сытым сном волосястом мухолове.

— Кхм! — вдруг сухо кашлянул у него над ухом кто-то.

— Аааааа! — заорал дурным голосом от неожиданности Артемий Феоктистович и громко пукнул, и теперь для него уже было совершенно непонятно, то ли стесняться своего пукания, то ли пугаться внезапного кашля. Он махнул на всё рукой и просто с отчаянием в глазах взглянул себе за спину.

А там стоял всё тот же странный худощавый дядька с развевающимися выбеленными волосами, одетый в нелепую оранжевую жилетку.

Дядька этот кивнул головой, вертя кренделями снятую фуражку. Он всё так же улыбался. Затем, выпрямившись по стойке «смирно», он вскинул руку в локте и ловким артистическим движением пальцев перевёл свои наручные часы на пять часов с тремя четвертями вперёд. Артемий Феоктистович с ужасом заметил, что дядька стоит на дороге в потёртых войлочных тапочках без задников.

— Блин с компотом! Шайтан-оглы! — попятился бухгалтер.

— Ну что вы! Не нужно громких чужих имён! — Дядька с фуражкой по-отечески залучился морщинками.

Бухгалтер вдруг заметил то, что его больше всего пугало в облике незнакомца. На носу у дядьки сидели жуть наводящие круглые очки с абсолютно мутными стёклами. Стёкла эти были то ли зацарапаны до непроглядной степени, то ли сделаны специально чернюще-дымчатыми. Впечатление окулярчики эти оставляли неприятное. Казалось, будто глаза у собеседника были слепы и безучастны.

— Лучше не стоит, — заметил как бы невзначай дядя.

— Чего?

— Очки мне снимать не стоит, — так же спокойно ответил дядя. — По крайней мере, пока что.

— А, ну ладно, — уже более мирно заговорил Артемий Феоктистович. — А где я?

— От тебе и на, началась скукота. Антракт веселию...

— А чё, а чё?

— Да ничё! Антракт у тебя намечается в судьбинушке, вот чё! Остановка на кармической магистрали. Полустанок на Пути Дао. Перекур в Дхарме.

— Это что ж, под статью?!

— Слышь, Артемий, у меня фуражка зырь какая. Ни тебе кокард, ни ярлыков. Стало быть, в роду карательных войск и наказательных учреждений не значусь. Мне фуражка эта досталась от одного пьяного матроса. Он со мной поспорил, на кон её поставил и проиграл. Светила на фуражке енттой ещё и морская кокарда, красивая такая, с якорем, но где-то среди звёзд потерялась.

Артемий Феоктистович окончательно слетел головой с трансформаторов, ибо идея о потерявшейся в космосе среди звёзд морской кокарде была выше возможностей его слегка подвисшего личного встроенного компьютера, который медиками обозван скучным и холодным словом «мозг».

— Вы не из органов?

— На любой абсолютный вопрос ты, Феоктистыч, всегда будешь в относительности получать два равнозначных ответа: и «да», и «нет»! И заметь, оба они будут верны. Зависит от точки зрения. Я, безусловно, состою из каких-то органов, но по факту весьма отличающихся от твоих, ибо ни в жратве, ни в тёплом стульчаке под раздумья не нуждаюсь. А органы всё ж имеются, и вполне официальные, будь спокоен. Ксиву могу предъявить на сей счёт. Глянь!

Тут мужичок в жилетке и вовсе отчебучил знатный цирковой номер. Распахнув оранжевую жилетку, он поднял до пула невнятного цвета полинявший свитер, а оттуда жажнуло теплом и светом, как из солярия.

Артемий Феоктистович прикрыл глаза ладонью.

— Видал? — Мужичонка опустил подол обратно и хитро как будто прищурился мутными очками.

Подослепший Артемий только и смог, что отрицательно замотать головой.

— Верно, Шматко, и смотреть там нечего! — перейдя вдруг на суровый официальный тон, проговорил дядька. — Коли будешь на сварку пялиться, дык совсем зыркалки растеряешь! Короче, за многочасовые заслуги в бухгалтерском деле без особой пользы для общего вселенского движения Всея Сангхи к Полной И Окончательной Нирване Без Нирватрёпки тебе, господин Шматко, объявлен Потолочным Разумением отпуск длиной в одну четверть полупериода оборота бегемота в обормота на тихом далёком ранчо «Млечный Путь» на одной из крайних делянок. Там ты подменишь на оставшийся срок своего однофамильца и будешь сыром в масле кататься до самого что ни на есть беспечального своего с жёнушкой конца, до самого Великого Ежемгновенного Обновления!

— С жёнушкой? — поперхнулся при этом слове Артемий, разом забыв всё, что до этого было произнесено дядькой.

— Именно, с новой и благодарной женой!

— Благодатной?

— Артемий, всё просто, ты не вибрируй тут, словно пейджер! Благодатней не сыщешь! Я другой такой страны не знаю, как говорится. Некий морячок, который там до тебя пока ещё воздух портит, — такая бесятина ухопяточная, что после него ты Нюрочке будешь наградою

пожизненной за её многочасовые заслуги в семейном деле без особой пользы для общего вселенского движения Всея Сангхи к Полной И Окончательной Нирване Без Нирватрёпки. Двумя зайцами в одно дуло, так сказать! Дедушке Мазаю и Шерлоку Холмсу раскрытие таких «глухарей» и не снилось. Сечёшь? Бери путёвку и не благодари! Да и девка — что надо! — Дядька подмигнул очками.

Артемий Феоктистович нутром бухгалтерским чуял, что над ним сейчас совершается какая-то грандиозная разводка. И что разводят его не просто по-пацански на денюжку, но на само бытие житейское. И последней у него мелькнула мысль, что в бухгалтерии небесной тож весьма недурственно умеют сводить дебет с кредитом, и он сам, Артемий Феоктистович Шматко, сейчас на глазах всея вселенной послужит в этом наглядным пособием.

Сглотнув, подследственный поднял печальные глаза на ангела:

— Почто, дяденька?

— Вот, блин комой, и так каждый раз! Тебе милость оказывают с Верханутры самой Всея! Лотосными стопами под зад будешь заслан в тихую спокойную гавань, где ждут тебя уж телячьи котлеты с картошечкой, стынет шкалик в холодильнике, и ни забот тебе там не будет, ни хлопот! Знай, люби свою женушку да на рыбалку ходи! Пенсию мы тебе такую оформим, что можешь и не работать, разве что скучно станет!

— А зачем всё это?

— А чтоб ты отдохнул и понял, для чего на самом деле на свете белом живёшь! Заслуженные выходные до следующего Первого Вздоха.

Дядька в жилетке опустил голову и незаметно протёр стекла очков рукавом, быстро сняв их и надев снова.

И в этот миг показалось Артемию Феоктистовичу, что вовсе не так уж плохо всё складывается. Жена любящая, дом, достаток, рыбалка, отдых, выспаться можно, наконец...

— Камин там есть? — с надеждой спросил Артемий.

— Сделаем, не вопрос! — весело ответил мужик, напялив измятую в руках фуражку на убелённые космы — Дети твои, как узнают, что ты пить завязал, дык что хочешь сделают в благодарность!

— Дети?!!

— Да, дети. И собака. Добрый пёс, умница. Я вообще собак люблю. А ты, Шматко?

Тут Артемий тоскливо вспомнил о коте Василии и о волосястом своём мухолове.

— Бери! — словно прочитал его мысли мужик. — Только вот что... Кот, думаю, нормально доберётся, там по форме можно такое на себе носить, в смысле физической оболочки. А вот волосястых мухоловов там нет и не было никогда. Придётся ему в хомячка превратиться. По типуажу будет похож, рацион практически тот же, ест и двигается мало.

— Ээээх! — вдруг эхнул Артемий. — А что? Не заслужил я разве?

— Точно! — весело заорал мужик, отбив тапочками чечётку. — Махнём к третьемоське на рога в кругосветное пешкодралово!

— А понеслась!

— Дык сразу б так!

— Только у меня два вопроса, — Артемий поубавил прыть.

— Давай, — едва ль не запыхавшись от приступа веселия хрипнул дядька.

— Что это за место? В смысле, почему горы и почему именно сюда меня нужно было?

— А второй?

— На что спорили?

— В смысле?

— Ну, фуражка. Про матроса ты говорил.

— А-а-а-а... Что ж, отвечаю по порядку. Место сие есть межсусветная верандочка, то бишь оно ни там, ни тут. Типа, как утром в понедельник после праздника в чужой кровати, понимаешь? Ну, чтоб сигануть можно было тебя в любую сторону без проблем и особых топливных затрат. Топливо, гражданин Шматко, так дорожает по всей вселенной, прямо жуть какая-то! За горы, коли чего, извиняй. Занавесочки я подобрал. Думал, тебе прикольно будет посмотреть на красоту такую, коей ты сроду не видывал и до конца этой своей конкретной жизни не увидишь боле. Сам смекай. Коли в горы захочется — токма в следующий раз. Лет через -цать. Можем рождение тебе заказать где-нибудь поблизости, хочешь?

— Не надо, — неожиданно ответил Артемий, — я лучше сам.

— О, молодца, растёт правосознание!

— А фуражка?

— Это длинная история. Спор этот длится очень и очень давно. Много кальп. Миллионы рождений. Во многих лицах мы с этим спорщиком виделись множество раз. К примеру, осьмую юги назад мы стрелку забили на одном балконе. Старичком да птичкою синенькой... — Дядька, видать, едва не прослезился и чуть ли не собирался снять свои очки, но вовремя спохватился: — В целом, для нас этот спор — нечто вроде ритуала, который мы исполняем из века в век, эдакая шутка сквозь вечность.

— А в чём сам спор?

— А, ёктить, дык как всегда, — дядька улыбнулся, поправив фуражку. — Спорим о перерождении. Ну, о главном вопросе всех заумных браманов — быть или не быть.

— Ну и?

— Ты чё, Артемий Феоктистович, на ухо туг? Я ж тебе всё только что изгугарил! Никак сначала надо? Жили-были, много раз, уж задолбались, и всё в таком духе? А хотя, хошь, так ты сам свидетелем станешь этому спору?

— То есть? — побелел Артемий Феоктистович, взявшись на борта пиджмачка своего.

— Ну, на себе всё и проверишь! — Дядька взялся за дужку очков у виска. — Хотя, вспомнишь меня али нет — тут уж от тебя всё зависеть будет.

— А это как? — оглянулся бухгалтер на свой автомобиль.

— Хорош трепаться, Шматко! Ты тут на Олтые Жигузи собирался, а у самого в подвесе целый семейный отпуск! Про ката и мухолова я помню. — Мужик склонил участливо голову и приблизил своё лицо к медленно зеленеющей от страха физиономии Артемия Феоктистовича: — Бывай, Шматко! В аэропорту его, как говорится, встречали. Ррррота, на пла-а-а-а-ху! Шахо-о-о-о-ом Аж!

С этими словами мужик стремительным жестом крутанул пальцами стрелки на наручных часах, да так, что те замелькали как полоумные, перелистывая вся события назад. И пока стрелочки те бежали по кругу, аки две проскипидаренные лошади в цирке, дядя снял очки, и Артемий Феоктистович Шматко наконец-то удовлетворил своё любопытство и воочию узрел на свою голову то, что за ними скрывалось, заглянув в зрачок бездонной пропасти времени.

— Эх, молодёжь, мороки с вами... — снял фуражку и утёр лоб дядька, оставшись один. Он мигнул непроглядно чёрными глазами, надел очки обратно, оглянулся вокруг и ухмыльнулся. — А чё, хорррошие занавесочки подобрал! Ландшафтный дизайн от Белочкина! И вообще, хорошо звучит! — И добавил, вздохнув: — Вот так и живём, мутабор твою скатёрку!

С этими словами ангел набекрень нахлобучил фуражку, замерцал, словно наполовину перегоревший уличный фонарь, и исчез.

Эхо в горах повторило:

— Мутабор... Мутабор...

Пейзаж вокруг как будто только этого и ждал. Он скоренько свернулся скатёрочкой в маленькую точку и с лёгким пшиком самоликвидировался.

Больше исчезать было нечему и некому. Там, где только что было много всего, стало просто Му. И даже не стало. И не просто. И не... не... му.

Если где-то нет кого-то, значит, кто-то где-то есть! © Название главы и, по совместительству, ушельская мудрость

Воцарилось молчание. Слипел вертела ложечкой в кружке. Дример тревожно смотрел на очки Белочкина. Загрибука сидел с отвисшей удивлённой челюстью. Слышно было только, как прихлёбывает чай Стрелочник, да умывается, урча, как ни в чём не бывало, Башкирский Кот.

— Если я шуршу извилиной в заданном маршруте, то этот самый дядя в оранжевой жилетке — вы? — начал аккуратно Дример.

— Маршрут верный, только пугаться ни в коем разе не стоит, — заметил Стрелочник Белочкин. — На нас поручения всеразличные сваливаются. Как уж деканат, понимаешь, решит. А мы — знай под козырёк...

Тут он заломив свою потрёпанную фуражку с вытертым пятном вместо кокарды, лихо отдал честь.

— Я тут по поручению уже давно кантуюсь, — продолжил он. — Сижу вот, стрелки разруливаю на сортировочной.

— Так, стало быть, Стрелочник — это не кличка никакая? — Дример удивлённо приоткрыл глаза, и Шапка-Невредимка его поползла на затылок. — Вы и впрямь?..

— Самый что ни на есть! А ты думал, что енто у меня погонялово такое для братков? Ну ты даёшь, парень, мы, ёктить, серьёзное ведомство, — засмеялся Белочкин.

— Где ж тут поезда ходят и куда? — прихлёбывая из кружки, спросила Слипера.

— Почему поезда? — усмехнулся Белочкин. — Зачем? Поездов тут нет. Но кому, как не вам, сударыня, знать, что вещи порой кажутся одним, а являются совсем другим.

— Снимай их с ррручника, начальник, — икнув, рыкнул кот откуда-то из-под стола. — Газу! Газу! Уж полночь близится!

— Квартира эта, друзья мои, и есть тот самый сортировочный вокзал, который предстал в вашем воображении, соотнесясь с моей персоной! — Белочкин внимательно посмотрел на Слипера и Дримера очками, а затем, словно что-то вспомнив, опустил взгляд на свои большие командирские наручные часы и подкрутил стрелки на пару минут вперёд.

— Кажется, я начинаю понимать. — Лицо Слипера просветлело, как и возрадовавшаяся физиономия вывернутого наизнанку Эла Йоргенсона на её майке.

— Сортировочная, — тихо молвил Дример, склонившись над столом. — Да?

— Можно и так ярлычок подклеить, — Стрелочник улыбнулся лучинками морщин. — Дверей в квартире много, хоть и незаметны они на первый взгляд. Какую откроешь — там и окажешься.

— Где «там»? — Загрибука подал голос с пуфика, отряхивая свои гномичьи тряпульки от крошек.

— Дык какую дверцу толкнёшь — туда и явишься! — ответил Стрелочник, надвинув на нос фуражку, и откинулся на стуле.

Дример наклонил голову вправо, потом влево, осмотрев кухню, поглядел на плафон лампы, на кастрюльки, на плиту и полки и, внезапно осознав весь смысл слов Стрелочника, только и смог сказать тихо:

— Триетить твою налево!

— Что-то вроде этого! Или налево, или направо, — охотно согласился Белочкин, потирая заплатные коленки.

Дример осторожно отодвинул от себя чашку и медленно повернулся к Слипери:

— Слышь, друже, ты это... Поставь-ка чашку. Тут всё, чего не коснёшься, может оказаться порталом!

— Ик-ёктить! — сразу застряса Загрибука, словно миксер.

— Спокойно, молодой чемодан! — Башкирский Кот стрелой метнулся к Загрибуке и нежно, по-братски положил ему лапу на плечо. — Коли вы тут не собираетесь закатывать истерики с битьём иноземной посуды и салочками, то ваше местоприложение будет оставаться весьма устойчивым и в обозримом недалёком будущем. Точка соприкосновения с ррреальностью, — кот осмотрел

товарища, — а в данном случае околочопие, или ещё кратчайше, ОКЛЖПэ ваше, дорогой коллега, находится в самой выгодной позиции.

— ??? — Загрибука только скосил на полосатого дружка глаза.

— Ахтунг, ахтунг, уважаемая публика! — заорал Башкирец, воздев хвост трубой к потолку. — Смею ненадолго занять ваше внимание, ибо по инстрррукции положено перед взлётом прочесть пассажирам правила безопасности, а также продемонстрировать спасательные средства, которые вам, как и никому за всю историю всех полётов, ни разу не понадобятся по причине их крайней идиотичности! Ждём пять секунд... Четыре... Три... Две... Одна... Отъ и обжалуйте! — Башкирец вытянул лапу в сторону дверного проёма.

Оттуда на бреющем вылетел самый обычный кухонный мух. Тучный и ворсистый, как и супротивник ейвоный по реальности, волосястый мухолов, о котором мы уже рассказывали выше. Мух этот обогнул косяк двери и, довольно зажмурясь всеми фасетами своих многогранных глазниц, уже воспылал чувством свершившейся жизненной справедливости по отношению к его, мухиной, личности, ибо учуял ароматы съестного, но...

Но тут что-то случилось. Все участники чаепития завороженно наблюдали, как полёт мухастой твари вдруг замедлил темп. Неразличимые до сего мгновения из-за высокой скорости колебания крылья неожиданно стали отчётливо различаться, ибо замедлились настолько, что напомнили мерный орлиный взмах. Все движения оказались затянутыми, и было такое впечатление, что ещё чуть-чуть, и мух остановится прямо в воздухе. Но тут тварь вдруг замерцала. Мигнула пару раз, будто она была не настоящая, а всего лишь фрагмент телепередачи «В мире животных», у которой зачастил пропадать сигнал антенны. Не хватало только за кадром голоса диктора, всем известного мягкого тенора товарища Дроздова:

— Дорогие телезрители, вы сейчас можете видеть, как работает механизм летательного аппарата у этого редкого насекомого. Давайте же с вами понаблюдаем за этим прекрасным процессом.

Понятно, что зрителей тут же тошнит на белую скатерть. Ибо нынче выходной, и на стол постелили свежатинку-скатёрку, и уж утро прошло, а ведь все встали поздно. И таперича завтракают перед телеком в половине второго пополудни. И в аккурат под десерт узрели во весь экран неторопливый полёт мерзкого вонючего туалетного чудовища, которое нагло и беспардонно смотрит из электронного ящика на весь этот праздничный перекус и, отвратительно открывая свой рот, хохочет:

— Ыыы-хо-хо-хо-хооооо! Аааа-ха-ха-ха-хаааа!

Тут же кто-то из соседей включает свой любимый перфоратор, а с антенной что-то происходит, и всё изображение идёт рябью, а затем и вовсе исчезает.

Нечто похожее проявлялось и здесь. С единственным отличием. Наш клуб любителей инопланетных печенюшек было не так просто довести до самовывертов. То есть там, где обычные телезрители всей семьёй заблёвывали новую скатерть химозно-оранжевым желе, наши стойкие, ни разу не оловянные, только ощутили в горле лёгкий комок, как при внезапной невесомости.

Мух исчез у всех на глазах прямо в воздухе.

— Оп-ля! — истошно возопил Башкирский Кот и расшаркался перед досточтимой публикой, разведя лапы в стороны и продемонстрировав свой внутриротовой набор отменных дамасских клинков.

— Е-нт-т-т-то его куда-сь? — выстукал зубами Загрибука, сжавшись в сморщенный бабушкин клубок.

— Да туда-сь и сюда-сь! — Стрелочник снял фуражку, утёр лоб рукавом свитера и стал мять головной убор в руках. — Куда, дык сказать, карма ляжет! Ёлы-палы! — Добавил он неожиданно, став окончательно похожим на заправского митька.

Белочкин глянул на часы и опять подвёл чутка стрелки на пару минут вперёд. Затем пригладил убелённые космы.

— Тут ведь пасьянс раскладывает сама судьбинушка! — продолжил он, ухватив печенюшку и задумчиво погрызывая её, и поднялся из-за стола. Скрипнув пальцем по наклеенной сверху на стол плёнке «в цветочек», ангел стал ходить по тесной кухоньке. — Вот вы, э-э-э... Друзья мои...

— Уважаемая публика, — подсказал сладко Башкирский Кот из пыльного угла, обнюхивая стоявшие под батареей трёхлитровые банки. — Или лучше так: дорогие абитуриенты!

— Чё-чё? — Белочкин покосился на него бровью вполборота, стоя у окна и глядя вдаль на цветочное море.

— Всё, я умолк, начальник! Слухаю и топырю уши! — Кот выставил вперёд лапы.

— Да не, чё ты там про амбитруе... Как там? Енто кто? — удивлённо спросил Белочкин, возвращаясь к гостям.

— Не обращай внимания, начальник. — Башкирец ткнул к переносице воображаемое пенсне и уселся на полу, обхватив все свои лапы увитым в кольцо хвостом. — Так на одной далёкой планете называют детей, которые делают вид, что хотят много чего знать.

— А на самом деле? — Стрелочник перемялся с одной ноги на другую мягкими тапочками без задников.

— Белочкин, ты чё, детей никогда не видел? — вдруг совершенно фамильярно изумился кот. — Чего они хотят? Да везде одного и того же, дураковаления и вкусностей! Как я, напррриимер!

Все заулыбались и зашумели движухой.

— Ах да, дети... Дети... О чём это я? А! Дык, как карма ляжет. Енто я о козырях, значит, — продолжил Стрелочник, — то есть о равновесии мировом.

Загрибука слез со своего пуфика, устроился на полу и приготовился внимать. Не каждый раз от настоящего разводящего ангела доводится слушать лекцию о правилах общесансарного покера.

— Вселенная в целом, уважаемая публика, — Стрелочник подмигнул коту окуляром слепых очков, а тот с серьёзным видом ответно кивнул, — представляет собой абсолютно замкнутую штуковину аквариумного типа. Штуковина эта весьма многослойна и сложна, но она а натюрэль всегда находится в изначальном равновесии, ибо на другой чаше весов и вовсе нифига нету, как и чаши той самой. Штука эта напрочь в единственном числе и никуда не склоняется, являя собой

разфасованный всем народам в назидание принцип самовнутряемой толерантности. Картография её сильно меняется в зависимости от глубины слоёв, из которых она состоит.

— Ой, что-то я уже не очень понимаю, — Слипер сморщилась.

— Да-да, начальник, помедленней, я записываю! — Кот и впрям выудил откуда-то из-под полосатого пуза огрызок карандаша и листок и стал на них что-то корябать, встопорщив усы.

— Ну, например, — Стрелочник подошёл к столу, задумчиво взял ещё печеньку, но, повертев её крендельками в пальцах, положил обратно,— представьте всем вам знакомую часть реальности.

Глянув на недоумённые лица уважаемой, но вообще ничего не понявшей публики, он хмыкнул:

— Ну всё, всё. Перестал умничать. Представьте ваш дом или квартиру.

Все облегчённо заскрипели мозгами, расправив морщины на лбу, и каждый чего-то там себе наваял воображалкой.

— Дык вот, типа, в обыденном мире, где существа вашего вида живут и житухе той радуются повсеместно, всё имеет свои законы, прямые, логические и линейные. Если я, к примеру, открою дверь своей квартиры, то увижу лестничную площадку, и, спустившись по лестнице, я выйду из дома. Но в реальности, которая находится, казалось бы, совсем рядом и которую вы называете словом «сон», законы совсем иные. Там, открыв дверь своей квартиры, я увижу нечто, что будет зависеть от таких многих факторов, как: что надето у меня на ногах, какие предметы я трогал по дороге к двери, какие мысли роятся в данный момент у меня в уме, какое у меня настроение и так далее. Навигация перемещения в пространстве здесь сложнее для вас, чем в привычном повседневном мире. То бишь ассоциативна, а не логична. Но она таким же обратным образом легче для тех, кто живёт там, где вы только иногда «спите». И им, в свою очередь, весьма непросто бывать в мире, где вы бодрствуете, и где «спят» они.

— Всё зеркально! — ахнула Слипер.

— Ага! — кивнул облегчённо Стрелочник. — И мало того, эта зеркальность распространяется на многие и многие слои вселенной, которые вложены друг в друга, как Тютельки в вашем забвенном Лесу!

Тут присутствующие вздрогнули не на шутку, ибо разом всех проскрежетало по остаткам девичьей памяти, и они припомнили шумные дубравы своего «заповедника».

Белочкин обвёл аудиторию всё замечающим взглядом, а затем, выключив его, продолжил как ни в чём не бывало:

— Равновесие миров устроено так, что если где-то чего-то не хватает, то чего-то откуда-нибудь сразу туда притянется, причём заменившись по дороге чем угодно.

— Ой-ой-ой, мои бедные мозги, — Дриммер картинно схватился за голову и пропел не к месту приبلудный мотивчик: — ...Если ты, раскинув руки, вдруг летишь вниз головой, значит, это ты ловишь глюки, находясь под кислото-о-о-ой!

— Да всё, типа, просто, братушки! — Стрелочник снова оглядел аудиторию. — Вселенная полностью само- и взаимозаменяемая вещь! Всё в себе. Посему недостача в одном месте

восполняются тут же чем-то из места другого, где оно сильно выпирает али свисает излишками с боков. При этом форма не имеет значения. Скорее, идёт в расчёт внутреннее содержание, энергия.

— Я был когда-то стрррранной безумной голограммой... — пропел Башкирский Кот и, поморгав в воздухе, показательно исчез.

— Кажется, мне таки верно говорил мой дедушка, — Загрибука совсем оёжился клубком: — «Не отсвечивай, внучок, а то случится что-нить, типа, чёрт тебя возьми, и он таки возьмёт!» — И добавил чуть погодя: — Ёлы-палы!

— Не заливай компот в огород, никакого дедушки у тебя нет и не было! — мякнули из угла, и там срочно материлизовался кот.

— Дык что ж меня, в капусте, что ли, нашли, по-твоему?

— Эй, как вы там, абитуры-ингридиенты, отставить овощизм! — по-митьковски бухнул Стрелочник. — Зрите в кочерьжку, тьфу вас, совсем заквасили мне мыслью!

— Ну а стрелки-то где, Белочкин, между слоями теми? — Слипер заёрзала.

— Э-э-э, в точку бьёшь, Слипер-тян! — Ангел улыбнулся и, метнувшись по кухне, подлил кипяточку каждому в кружку. — Тут ведь вот какая штукавина. Если взять конкретный слой реальности, а попросту обычный мир, в котором живёт энное количество субъектов, или, проще говоря, чувачков и чувашек, то мы узреваем перед собой в расфасованном виде следующую детальку. Восприятие этих чувачков имеет собственную скорость. То бишь замечают они в своём мире то и сё со свойственной им и только им быстротой реакции. Некоторые чувачки, прям скажем, даже в этом отношении умудряются подтормаживать изрядно, а чувашки попросту на «ручнике» стоят, как будто всю жизнь на реланиуме провисают. Но мы-то тут рассматриваем общую массу населения, верно? И особо «одарённых» в расход не берём?

— Да, хватаем всю массовку и раскррррчиваем сюжет! — нетерпеливо шмякнул экскаваторной пастью Башкирский Кот и хлюпнул из пиалки добавку чая.

— Благодарю, — улыбнулся Стрелочник и сел за стол. — Тады «камера пошла, сцена вторая, дубль первый!»! Так вот, любой мир любых разных чувачков и чувашек сам по себе смещается по... — он наморщил лоб, подбирая слово, — «комнатам»!

— Енто как? — округлил глаза Дример и оглянулся в дверной проём квартиры.

— Да ты головой не верти. Не по этим коммунальным клетушкам. А, типа, мир путешествует, словно обогреватель по общегаге в зимнюю пору, понимаешь? Мир, подобно прозрачному шару энергии, всё время движется сквозь «комнаты» статичные и разные, как ложка по разным банкам с вареньем Бабы-Ёги, и движется он, что особо обидно для ничего не подозревающих чувачков, слегка быстрее, чем они могут просечь сие своим вниманием. Чувашки дык и вовсе отдыхают.

— Вы хотите сказать, что любой мир сам по себе ходит по этим самым комнатам вместе с проживающими там э-э-э... чувачками? — учтиво спросил Загрибука.

— Точняк, профессоррр! — Кот натянул рот до ушей — И с чувачками, и с чувырлами в придачу!

— Аригато, Башкир-сан! — Белочкин кивнул коту, протерев стол рукавом с заплаткою.

— Я вас умоляю! — Башкирец вскочил и шаркнул когтистой лапой по линолеуму, оставив на нём вполне всем известный кошачий автограф. — Шо вы, Белочкин, я просто дюже скоротечно желаю услышать сей кошерррный трактат за эту вселенскую коммуналку!

— Сию минуту, я уже пытаюсь округлиться, — заверил Стрелочник и продолжил: — Мир смещается по всем заданным в нём параметрам, таким как цвет, запах, линейные расстояния, объём, течение времени, направление ветра, состав воздуха, скорость вращения электронов и так далее, абсолютно по всем параметрам сразу и одновременно. Потому и невозможно сие заметить кочумающим в нутрях этого мира чувакам, натурально в нём проживающим. Сравнить им не с чем изменения эти чудесатые! Меняется-то всё одномоментно. Чуваку, типа, кажется, что его любимая красная кружка — такая же, аки и вчера, красная, фарфоровая и вообще. Но на самом деле, если б этот чувак мгновенно перенёлся из одной «комнаты» в другую, то офонарел бы на месте, то бишь засветлился бы мозгами шо твоя лампочка. Иначе говоря, он бы узрел, что воистину в его мире, как и в любых других, нет никаких статичных, чётких и заданных условий. Некоторые шибко умные ребяташки, нужно сделать тут сносочку, просекли эту скользкую движуху, но списали всё на круговерчение звёзд, аккредитовав сие под бирочкой «астрология». Или на вертикауть спутников их планеты наговорив. Лунные календари там и прочая бытовая магия. А по честняку-то получается, что они руководствуются самыми что ни на есть вторичными признаками смены этих «комнат», принимая их за первопричину. Вай, наивно-то как, аднака! Ведь мир проходит милые да непохожие «комнатушки» разными касательными!

— То есть? — Дример нахмурился, сунул руки в карманы болотных штанов и откинулся на стуле.

— А то и есть! — Стрелочник нагнулся к братцу. — Ну вообрази себе куб, поделенный на равные части внутри. Каждая часть — «комната». А теперь запусти туда шарик и узри, что отскакивать он будет от стенок этого куба, как ему заблагорассудится и без конца. То есть не теряя скорости. Вечно. И получается, что сквозь одну «комнату» он будет проходить, едва чиркая её стороной, а сквозь другую — по полной гипотенузе всех углов, через третью — так, а через четвёртую — эдак, и предугадать сумасбродство это можно только тому, кто этот весь куб вместе с шариком удумал запустить, не иначе! Просчитать траекторию просто не под силу тем, кто на ентом шарике, который и есть мир, катается от стенки до стенки с Первого Выдоха своего и до самого что ни на есть Крайнего Выдоха.

— А что делать-то? — Загрибука чуть не плакал.

— Как что? — Ангел удивлённо воззрился на него, пожимая плечами: — Живи да радуйся движухе!

— Вся наука, все мои астрономические расчёты, всё — ни к чему? — Загрибука был готов зареветь.

— Да нет же! — Белочкин наклонился к нему и погладил по голове. — Учись, удивляйся, радуйся познанию. Тренируй свой разум, учи свой ум, но не забывай, что Потолочное Разумение — не машина. Не игрушка, которую можно разобрать на детали и чертежи, чтобы

она перестала радовать, как тому и дано будет случиться, коли чего, по мудрой подсказке. Мир — поэзия. Вечно меняющаяся. Вечно текущая. Что сегодня — истина, завтра — чушь. Будь в Сейчас!

— И сколько ж этих «комнат»? — Слипер явно была сбита с толку.

— А в каждом мире по-разному. Число «комнат», через которые всё время проходит конкретный мир, зависит от... — Стрелочник выжидающе улыбнулся и завозил ложечкой в чашке.

— Эх, пауза хороша! — успел заорать кот и захлопать в ладоши. — Станиславский бы на колени упал!

— Передавай при случае привет этому прекрасному ценителю театрального искусства, э-э, как там, бишь, его? — Белочкин поднял бровь.

— Станиславский, — подсказал кот.

— Да-да, так вот, число «комнат» зависит от количества измерений, в которых живёт и здравствует Тутытам этого мира!

— Кт-т-т-го? — Загрибука чуть не упал, но падать ниже было уже некуда. Имя сие нарисовало в его воображении большое и мохнатое нечто, которое громко «тутает и тамает» периодически куда ни попадя.

— Тутытам, — утвердил Стрелочник, — енто есть существо, которое чуваки по незнанию своему называют словами «наш мир»!

— Если я всё правильно усёк, то получается, что каждый мир — это живое существо? — спросил Дример.

— Именно! — согласно закивал Белочкин. — И граждане разные в нём живут и здравствуют, ни фига себе не подозревая, что ихний мир, привычный им, словно родная хата с облупленной калиткой, — всего лишь плод работы разума этого самого Тутытама. И что он творит его ежемгновенно своим разумом, а точнее, самим собой, ибо тело Тутытама и есть чистое понимание без примесей и ГМО. Он ентот самый мир просто-напросто воображает во сне. То есть, формы всех жителей конкретно взятого мира есть не что иное, как фантазия конкретно взятого Тутытама. А «комнаты», по которым прыгает незримо для обитателей их мир, — всего лишь положения «тела» Тутытама, коими он поворачивается к Свету, крутясь от неудобства во сне.

— Йошкин Код! Вот это да! — глаза у Башкирского Кота полыхнули цветомузыкой.

— Не притворяйся, ты всегда это знал! — Белочкин укоризненно посмотрел на кота.

— Ну знал, знал, — обиделся тот. — Ну шо, уж и нельзя придать мизансцене немного ддрраматургии?

— И так в каждом отдельном мире? — Слипер заворожённо смотрела на Стрелочника.

— Так точно! — Белочкин «взял под козырёк», хотя фуражка его осталась нынче лежать где-то под столом, умятая по самое «не горюй» и snyканная.

— Любой мир, где бы мы ни находились, всё время смещается по этим самым «комнатам»? — Дример сидел, потрясённый услышанным, пытаясь в уме представить всё это «фигурное катание по космическому льду».

— Образно выражаясь, да, — Стрелочник чихнул и утёр нос рукавом свитера, — Токма не принимайте это за буквальную кронштадтскую квартирку тёти Нюры. Я просто пытаюсь объяснить замудрёное аки немудрено. Можно и иначе переставить моё умомрачительное словоблюдце. К вящему примеру, навоображаем мир, доступный диапазону вашего восприятия. Он, словно шарик, бегает по четырёхмерному, привычному для вашего брата, «лабиринту». Ну там, высота, ширина, длина и время. То он, понимаешь, прямо несётся, то, снижая скорость, выраж закладывает, то зависнет вверху да камнем вниз ухнет. Так и носится. За счёт этого у всех живучих на нём чуваков и чувырл движуха происходит, и ни разу не скучно.

— И как это проявляется-то? — Слипер не унималась.

— Дёшево, надёжно и практично! То полдня в руки не бери ничего острого да железного, а то стопудняк ничё путного и хорошего не выйдет, токма порежешься да накосячишь! То потом сутки воду графинами не пей и ешь по чуть-чуть. Ну ведь организм — вещь умная, не в пример мозгам сомневающимся, сам подскажет, токма слушать внимательно научись да интуиции доверяй. Ну и далее. То от огня держись подальше. А то и дома посиди, не ходи никуда. А глядь, назавтра, наоборот, беги да делай всё, шо хошь, всё получится! И пали за милу душу, и ешь до отвала, всё впрок пойдёт! И шо самое интересное, каждый живущий в этом мире сам по себе соответствует одной из «комнат» у себя внутри.

— Енто как? — Загрибука пытался запомнить сказанное досконально, словно понимал, что ему, как великому пророку науки, теперь суждено донести это учение до без-разницы-кого, до первых встречных, но в обязательном порядке.

— А как? Да каком кверху! — хохотнул ангел. — Как на перекрёстке! Когда одному «зелёный», другому, будьте любезны, постой на «красном» да обожди! А потом наоборот! И кто правил Дорожного Движения по Пулям С Общениями не сечёт — дискульпэ, сеньорос, впереди у вас будут только знаки «курва пелигроса», ибо у кармы плохо с чувством юмора. Точнее, юмор у неё «чёрный» и с издевкою, словно у саркастически смеющегося старичка. Вот как у меня!

И Стрелочник зашёлся в добром смехе. Электорат расслабило.

— Ну, в целом мы поняли, — заметил Дример и полез шарить по штанам, но в карманах было пусто, только мелкий лесной мусор на дне чморился забыто.

Белочкин, как заправский фокусник, выудил откуда-то из-за спины картонную коробку с надписью «Белл а мор чэнел» и нарисованной рекой.

— Пор фавор, сеньор! — доброжелательно предложил он, отсмеявшись, и Дример взял папироску.

Белочкин чиркнул спичкой и поднёс огонёк. Клуб серого дыма сразу сделал кухню ещё более маленькой, ещё более уютной.

Стрелочник оглядел пачку, показал её картинкой Дримеру и прокомментрировал:

— Ганга, аднака! Минздрав рекомендует!

Но Стрелочник тут же её прервал:

— А вы не волнуйтесь, друже, мы ещё увидимся, и не раз! И на кухоньке моей посидим ещё не единожды. Тут, на ней, рано или поздно все оказываются. Вот едва окончат свой, аки прописано, жизненный полёт от обложки до эпилога, только лишь Крайний Выдох случится, так сразу ко мне, а я уж здесь и чаем напою, и историй порассказываю, и разрулю стрелочку, как положено. А коли меня тут подменять кто будет, дык вы сразу и скажите, мол, нам бы с Белочкиным пару сушек перехрустеть. Мне, значитца, типа, сразу доложат по служебной линии, и я тут как тут.

— Значит, нам уже пора? — с неохотой спросил Дример. Он тоже явно очень не спешил расставаться с этим внезапно полюбившимся ему дядькой.

Кот в углу потёр глаза лапой и сделал вид, будто нашёл нечто чрезвычайно и срочно интересное на полу.

— Ну не то чтобы вот так, но скоро в дверь позвонят, потом постучат, а засим у меня будет короткое и не самое приятное свидание с вашими попучиками.

Тут Слипёр, Дример и Загрибука вытянули лица:

— С какими-такими попутчиками?!

— Не с попутчиками, а с попучиками. Это те, которые не только в пути прибиваются, но и постоянно попукивают рядом да вслед, затрудняя дыхание, ориентирование и движение по магистрали. Те самые, кто может помешать Всея Сангхе привести всё ныне сущее к Полной И Окончательной Нирване Без Нирватрёпки! Многого сказать не могу, но заверяю с печатью, что только лучше будет, коли разминётесь с ними! — Белочкин оглядел всех, а потом склонился к Дримеру: — Вам куда надобно-то, куды тикет пробить да прокомпосявить?

Братец не спеша затянулся папироской, взвесил все «за» и «против» и, выпустив дым уголком рта, тихо поведал:

— Знаешь, батя, такую девчущку, что по тоннелям в красной тюбетейке бегают с пирожками?

— Ещё б не знать! — Белочкин сощурил глаза стрелочками морщин за очками. — Она и ко мне с пирожком, бывало, заглядывает! Очень шустрая такая! Все Коридоры По Связям С Общественностью знает. Коллега по дорожной Дхарме. Лицо плоское, как луна. Носик-курносик. Глаза узкие-узкие! И в косичках всякое болтается. Одним словом, шаманизм замудрёный и востоковедение! Вот только пирожки у неё куда как позабубенистей, чем «тошнотики» вокзальные. Один съешь — суток трое не отпускает, по всей вселенной потом мозги собираешь обратно. Короче, дозировку надо тщательней соблюдать.

— От! Вот её-то нам и надо! — Дример встал и затушил решительно окурочек в пустой жестяной банке, воняющей втихаря на подоконнике. Он тоскливо посмотрел в окно и почему-то не нашёл взглядом вдалеке дом, из которого они давеча пробрались сюда. Там, во тьме за стеклом, до самого горизонта во все стороны теперь колыхались лишь огромные лиловые цветы.

— А коли не секрет, зачем? — Белочкин подтянул свои с заплатками штаны. — Пирожков с пейотом жаждете али кулебяку с беладонной? А то тут ко мне частенько запрыгивает заплутавши

девчушка тож знакомая. Как бишь её по документу... — он открыл ящик стола и неожиданно вынул оттуда и бухнул на клеёнку стопку картонных папок.

— Ёктить, как ж её звать-то... А, вот! Фарида Донорова! — Стрелочник убрал папки обратно в стол. — Дык вот, она всё время с какими-нибудь яствами для завихрения мозгов вламывается! И подружка с нею же, ну ента... Как её, — Стрелочник было опять потянулся в стол, но вдруг хлопнул себя по лбу: — а-а-а-а, ну ента же! Таиська Отбелярова! Дык вот они ко мне всё ходють и ходють... Всё ходють и ходють... Я уж на экспрессе их в последний раз справлял! Говорю, вы тута мне со снадобьями не шляйтесь аки поштальон по разу в неделю! — Ангел сдвинул брови, а Загрибука подпрыгнул при слове «неде-е-е-еля» и покосился на братьев. — Гостей, понимаешь, распугаете! А они всё «дядь Гаврила, а дядь Гаврила, покажите нам карту про дороги тутышние до тамошних»... Меня свои дядей Гавриилом кличут, — ангел улыбнулся. — Ну шо ты будешь делать! Ну не положено, я ж по сто раз гутарил им за то! Дык шо, можа вам до их надобно? Они вачепта девчушки толковые, тож хорошо в Коридорах По Связям С Общественностью шарят! Авгостопщицы со стажем!

— Да ну шо ты, батя, не-е-е. Мы и сами с Буквы Е! Типа, своей дури хватает! — Башкирский Кот для показательности натянул уши на брови и скрючил рот трубочкой.

— Тут такое дело... — Дример замялся. — Мы вспомнить не можем, кто из нас откуда взялся, и вроде как все хотим по домам попасть в кой-то веки.

— В кой-то веки, говоришь? А в какой именно? А, ну да ладно, столетие смухлюем. А казашка-то с тубетейкой вам к чему? — удивился Стрелочник.

— Ну как зачем? — встрепенулась Слипёр. — Она везде шарится. И знает, что откуда берётся. Все входы-выходы чует. Может, знает, где такие, как мы, висают изначально? — Она неожиданно зевнула. — Слушайте, что-то меня в сон валит, словно зимний соноповал на носу!

— Бородавка на носу — ешь чужую колбасу! — хохотнул котище и икнул.

Ангел засмеялся тоже:

— Хороший ты, котей! — Он нагнулся и погладил Башкирца, отчего тот замурлыкал и завздыхал.

— А может, батя, ты нам и без казашки той сам поможешь чем? — Дример взглянул с надеждой на Стрелочника.

— Э-э-э, ребятишки, не могу! Токма шо говорил. Я и Таиське с Фаридой самое то и сказал в который раз. Субординация и всё так! Я ж при исполнении!

— Я почему-то так и думал, — спокойно констатировал Дример.

— Не, вы не омрачайтесь головушкой, я не карабас какой, — Белочкин засуетился, подхватил тряпицу и стал вытирать стол. — Я знать-то знаю, а сказать не могу. По званию не положено. Коли всё сущее явлю как есть, дык дороги всея сторон света заворотит, что твои кишки, и одно сплошное вселенское ДТП будет. Каждому свою колейку нужно проехать и за проезд талончик в компостере пробить. Вы уж понимайте.

— Мы понимаем... — протянул Загрибука и тоже внезапно зевнул.

— А вот и славненько! — Стрелочник ухватил чашки и составил их в раковину. — Как чаёк вам?

— Ой, хорош, дядь Гаврила! — Слипер улыбнулась. — Да и печенюшки славненькие!

— Я рад, что вам по душе пришлось! Печенюшки-то от казашки и есть!

Дример поперхнулся и внимательно прислушался к организму.

— Не жди, когда накроет, а то не потащит! — заметил Башкирский Кот назидательно.

— Ну чё ты, хвостатый, людёв пугаешь? Нормальная сдоба. Мука рисовая, вода, соль да масло с цветочков, что в поле видели, — обиженно ответил Стрелочник, шурша по кухне войлочными тапками.

Настала очередь поперхнуться Слиперу. Замечание о цветочках её как-то не утешило. Но, посмотрев на Белочкина, девушка сразу успокоилась.

— Дык, может, после такого славного чаепития хотите отдохнуть-вздремнуть, подушечку, так сказать, примять, обхрапеть пару мыслишек? — Стрелочник участливо развёл руками застиранного свитера.

— Блин комой, со сдобой такой, глядишь, и голову отхранишь! — пробурчал Дример.

— Да сдались вам печенюшки эти! — Белочкин закинул наглядно в рот сразу парочку. — Всё-таки ты, усатый, мне аудиторию снова на ровном месте напугал попусту! Не слушайте его, ребятки, балаболит он всяку чушь околосветную, токма зря в сомнения вводит добропорядочных граждан!

Слипер и Дример аккуратненько подметили это «снова», но виду не подали, только перемигнулись незаметно. Ай да кот, мол, ай, непрост полосатый-то!

— А попучики? — Загрибука встревожился.

— А вы не волнуйтесь, — хитро сверкнул глазами Белочкин. — Тут жилплощади много, и вся отдельная, хоть и смежнее не найти. Они вас не то что сыскать, но и учуять даже не смогут. Да и вы их не услышите. Места-то, говорю, до дури! Бывало, потеряешь что-нибудь в квартире, дык через пару калып токма и найдётся! Много тут кто чего натерял за всю историю. Что попало руками не трожьте, мало ли чего. В общем, пока вы здесь, никто и ничто не потревожит моих дорогих гостей. Идите в любую комнату да спите. — Тут он склонил голову и медленно добавил: — Утро вечера мудрей, светит всё ж без фонарей! А там уж и в Путь соберётесь. А я пока с вашими попучиками потолкую. Мне всякому положено дверь открывать.

— Годитца! А то, по-честняку говоря, окуклиться и впрямь было бы сейчас неплохо на пару часиков! — Слипер встала из-за стола.

— Как скажете. На пару часиков, так на пару часиков. — И Белочкин с серьёзным видом поправил стрелки на своих наручных командирских часах на пару часов вперёд.

Слипер оглядела майку, стряхнула крошки с Эла Йоргенсона, который молча на всех смотрел с укоризной изнанкой лица своего, и поинтересовалась:

— Простите, господин Стрелочник, а у вас не найдётся чё-нить переодеться? А то как-то в шортах по вселенной пешкодралить не с руки.

— Конечно, о чём речь! Пойдёмте! — Белочкин снял с холодильника оранжевую жилетку, не спеша надел. Затем вытащил из-под стола и нахлобучил на голову фуражку, да направился к выходу из кухни. Гости потянулись за ним.

Выйдя в известный уже нашим гостям коридор, Стрелочник толкнул противоположную кухне дверь. За ней было темно.

— Вот вам по полотенцу в дорожку, — он, словно фокусник, вытащил из-за спины стопку полотенец, — ибо, как говорится мудро в «Путеводителе по Галактике для автостопщиков», вселенная — очень опасное и непредсказуемое место, поэтому всегда нужно знать, где твоё полотенце!

Покопавшись в дряхлой тумбочке в прихожей, Белочкин извлёк связку стоптанных войлочных тапочек:

— Разбирайте, тут каждому найдётся!

Все взяли по паре.

— Да вы примерьте!

Тапки всем пришлось впору, что, надо сказать, странным уже никому не казалось. Дример поставил в коридоре у тумбочки свои стёртые сандалии, рядом Слипер пристроила уже всю «благоухающую» кроссовки. Загрибука с недоверием, но тоже натянул на ноги скользящие на линолеуме шлёпанцы. Коту тапок не дали, ибо котам тапки носить не положено. (Везёт же, а?)

— Прошу! — Стрелочник оглядел всех и указал на тёмный проём двери, ведущей в комнаты.

— Э-э-э, насчёт одежды, вы сказали... — протянула было Слипер.

— Дык всё за порогом и найдёте! Я ж говорил, вещей там всяких разных много. Выключателей на стене тож завались, каким щёлкните — такой комната и будет! И переодеться найдётся, и вообще каждому своё! Ну дык я ж всё уже рассказывал. — Стрелочник поправил вдруг фуражку, которую то снимал, то надевал, а ныне надвинул на брови, уперев в мутные круглые очки: — Добро пожаловать на наш вокзал! Заходите как хотите!

Все затоптались на пороге, пытаясь взглянуть в темноту. Внутреннее чутьё подсказывало им, что там кроется некая весьма и весьма обширная территория. А если быть точнее, то просто необозримая необъят. Где-то там, в далеке далёком, раздавались какие-то гулкие звуки.

— Спасибо за всё, батя, — Дример изобразил подобие улыбки на лице, мгновение помедлил, будто хотел что добавить, а затем поставил ногу в темноту.

— Вот, на дорожку возьми! — Стрелочник вынул из кармана жилетки пачку папирос. — Пригодится на привале, да и угостишь кого...

— Спасибо! Ну, увидимся в конце Пути! — кивнул Дример и шагнул в темноту, поглубже натянув Шапку-Невредимку.

— Увидимся, как же не увидеться! — согласно ухмыльнулся вслед Стрелочник.

— Доброй ночи, — улыбнулась Слипер, закинула за спину жёлтый рюкзак и шагнула за братцем.

— Доброй, доброй! — кивнул ей Белочкин, бликуя непроглядными очками.

— Я это, типа, дык, — замялся Загрибука.

— Ты не суетись, друже, всё я понимаю! Ты вообще очень храбрый! — Белочкин нагнулся к Загрибуке, положил ему руку на плечо, и тот благодарно хлопнул носом. — На вот и тебе на дорожку! — Стрелочник протянул ему белый фломастер. — Коли чего — нарисуешь черту и скажешь «чур, я в домике!», и никто не переступит!

— Вот это да! Вот, блин, спасибо, блин с компотом! — Загрибука расцвёл.

— Ну всё, давай, догоняй своих! А то у нас тут, сам понимаешь, одна нога вроде и здесь, а другая уже там! — Стрелочник мягко подтолкнул его к порогу.

— До свидания! Спасибо! — Загрибука, улыбаясь, шагнул в темноту.

Настал черёд Башкирского Кота. Тот подошёл к ангелу и присел у ног:

— Ты только кррыльями не маши, как давеча, а то в носу щекочет потом долго!

Ангел улыбнулся, а кот немного тоскливо поднял на него большущие лиловые глаза:

— Ну что, когда теперь опять свидимся-то, начальник?

— Дык вот с родителями и заходи, аки давеча, — ангел приблизил к кошачьим усам мутные линзы. — Маме передай, чтоб не забывали меня навещать! А то придёшь как всегда, второпях... Чаю попил и бежать. Ну где это видано? Маманя тут твоя искала тебя. Говорит, дебоширишь, домой не являешься. Тревожится. Вай, нехорошо, ара-джан!

— Типа, дела, понимаешь, дела, дядь Гаврила, — Башкирский Кот поковырял пол когтём.

— Да знаю я все ваши дела! И кончай мне линолеум портить! А то наставил тут иероглифов, нехай наступит кто, да зашвырнёт куда! — улыбнулся ангел. — Эх, молодёжь! Ладно, заходи давай почаще, поболтать есть о чём.

— Договорились! Ауфидерзейн, герр начальник! — Башкирец обмахнул себя хвостом и стёрся из видимости.

— Да вот ещё что... — спохватился вдогонку Белочкин. — Вы там родственников моих двух встретите на сходке одной, дык привет передайте и ушами не хлопайте!

— Гут-гут! — донеслось из темноты. — Не волнуйся, всё будет хорррошо!

— Всё хорошо тогда, когда есть куда вернуться из этого самого «хорошо»! — задумчиво произнёс вслед Белочкин и с чувством хрустнул материлизовавшейся из воздуха печенюшкой.

Ангел прислушался к входной двери, утвердительно хмыкнул. А затем он поднял запястье к глазам и крутанул стрелки на часах так, что те аж взвизгнули и полетели по кругу вперёд. И пока они крутились, Стрелочник снял свои очки, взглянул вслед гостям ртутно-чёрными глазами и прочертил что-то пальцем в тёмном проёме комнаты, в которую только что их проводил. Прокашлявшись, Белочкин произнёс запирающее заклятие на случай внезапных расстройств кишечника и замуравывания промежмировых дверей:

Клянунелепо волчийсклеп,

Гутарю всё, шомолелзет!

Мышой не вытащитсереп,

Стенодверьми накосорезит!

Постоял немного, подумал и хмыкнул:

— А чё? Сойдёт! Мутабор в мою скатёрку! Как говорил мой знакомый батюшка Никола, в мире нет таких правил, чтоб стихи были с рифмой! — и он щёлкнул пальцами. Лампочка в коридоре послушно мигнула.

И тут раздался длинный дребезжащий звонок в дверь. И ведь не утих, зараза, а стал и дальше трезвонить, аки пожарная сирена.

— Опаньки! А вот и гости пожаловали!

И ангел поспешил открывать, напяливая по ходу на нос свои мутные очки и попутно подводя стрелки на два часа назад.

Дедушка Мыгут, или «Осторожно, двери открываются, следующая станция — бесконечная!»

Выключатель щёлкнул сам собой. И стало светло. Но не так, чтобы очень. Слипёр в одиночестве стояла на крыше высотного дома. На ней были всё те же синие майка и шорты. Рюкзак послушно болтался за спиной. Небоскрёб, как ему и положено, скрёб небо. А оно было сиреневое и глубокое. Молнии чертили в нём тропинки. Шла гроза. Сам домище стоял посреди океана. В том, что это именно океан, Слипёр ни секунды не сомневалась. Волны были такими, как им и положено быть в океане. То бишь серыми, плавными и бескрайними. Но самым главным во всём этом пейзаже было солнце. Оно казалось огромным, тёмно-красного цвета, очень низко висящим над горизонтом. И солнце неуклонно падало, приобретая коричневые оттенки. Кровь небес затопила собой всё. И вот уже не только облака, но и море, и сама сиреневая синь в зените над головой окрасились в томатную пасту четвёртой отрицательной группы. Небоскрёб казался очень высоким, одиноким торчащим пальцем, подпирающим из воды крышу небесного потолка. Обернувшись вокруг, Слипёр не увидела больше ничего, кроме повсеместно пламенеющей воды. Алое крещендо затопило собой всё от края до края.

— Сюр! — выдохнула Слипёр заворожено, и почему-то ей подумалось нехорошее. — Это же конец! Конец всей планеты!!! Позвольте, а где моё полотенце?

Полотенце мирно висело на плече. Схватив наскоро тряпицу, девушка побежала по крыше к будке с дверью, высящейся мавзолеем аккурат посередине. Оттуда лестница должна была спускаться вниз, в здание. Войлочные тапочки то и дело грозили свалиться с ног. Слипёр чертыхнулась пару раз, но обувь не бросила, чужая, что без подарочка Белочкина тут можно потерять и сами ноги.

— Нужно срочно валить! — лихорадочно стучало в голове у Слипёра.

Девушка, запыхавшись, подлетела к постройке, рванула ручку двери. Та натужно скрипнула, но сотрудничать не стала.

— Ах так?! Нет, вы плохо меня знаете! — Слипер намотала полотенце на кулак и ещё раз схватилась за стальную дужку. Изо всех сил, рыча, потянула на себя дверь. Та страшно простонала ржавчиной, но поддалась.

— Или, наоборот, слишком хорошо, — запыхавшись, договорила девушка. — Спасибо за полотенце, Белочкин!

В дверном проёме была тьма. Слипер поставила ногу на первую ступеньку лестницы и пошарила рукой по стене. Выключатель был здесь. Щёлк!

Тусклый красный свет зажёгся в комнате. Слипер хлопала глазами, пытаюсь свыкнуться с обстановкой. От стены до стены — шагов семь. Окон нет. Свисающая посреди комнаты лампа с тяжёлым плюшевым абажуром бордового цвета ещё более уменьшала размеры помещения. Обои с мультяшно нарисованными волнами. Полосатый ворсистый диван. Комод в углу. Круглый стол под лампой. Истёртый от времени паркет. Слипер оглядела себя. Обнаружился застиранный до дырочек синий рабочий комбинезон, а под ним белая майка с надписью «Обход Путьей С Общением». Тапочки были всё так же на ней. И полотенце висело тут как тут, на плече. На другом плече притулился жёлтый рюкзак.

Девушка постояла, прислушалась. Было тихо, как в сейфе. Но тишине пищать не давали настенные часы. Они тихонько себе тикали в углу. И не «тик-так», как обычно почему-то пишут в книжках, но именно по-настоящему: тыгым-туым, тыгым-туым...

Оглянувшись, она нашла часы глазами. Они были старенькие, деревянным домиком — того и гляди, кукушка али Мудод выпрыгнет. Слипер осмотрела комнату ещё раз кругом, но ничто не привлекло особенно её внимания. Никаких мелких деталей обнаружено не было. И тут её осенило. В комнате не было двери. Вообще. Никакой. Паника проснулась, желудок предательски сжался. Но Слипер вспомнила о Стрелочнике и успокоилась. Даже улыбнулась. Нет, не такой этот дядька, чтоб заточать её понапрасну в безвыходные ситуации. Глубокий вдох, глубокий выдох. Как говорится на прохождении флюорографии, вдохну-у-у-уть и не дыша-а-ать! И Слипер начала досмотр комнаты снова, по второму кругу. Залезла под диван и за него — пусто. Заглянула в комод — все ящики пусты. Она даже внимательно осмотрела круглый тяжёлый абажур, но тщетно. Сев на полу, Слипер предалась размышлению:

— Сдуй мои пилюльки! Нужно сообразить, как решить этот кроссворд, ибо ни разу нет сомнений, что комната является какой-то загадкой, и её решение откроет выход.

Неуютность ситуации мешала сосредоточиться.

— Всё, что угодно, может оказаться порталом! — вспомнила Слипер слова Дримера.

Но, как назло, мысли не лезли в голову, будто мозг совершенно отупел, да ещё и древние часы своим тиканием мешали сосредоточиться. Девушка нервно взглянула на них, и вдруг лицо её озарилось смутной догадкой. Она вскочила и прошаркала войлочными тапками к часам. Деревянный домик мерно постукивал маленьким маятничком, который болтался снизу, и как

будто дразнил посетителя, кивая головой по сторонам, только лишь язык не показывал. Взгляд Слипера сделался хищным, а уголки губ поползли в стороны.

— Ах так? — ухмыльнулась она и схватила маятник, остановив его.

— Вдохну-у-у-у-у-у! Не дышать! — чётко произнесли часы механическим голосом.

При этих словах Слипер лишь крепче зажала в кулаке маятник, задержав дыхание.

— Тук-тук, — сказала её сердце, словно молот в таёжной тишине.

— Тук... Тук... — отчеканило оно медленней.

— Тук..... Тук..... — стукнуло сердечко, словно трамвай, тормозящий на стыках рельс у остановки.

Через почти две минуты задержки дыхания, когда лёгкие были готовы выпрыгнуть через горло, девушка постучала в дверцу кукушки.

— Тук-тук, — раздался в ответ позади неё быстрый стук во внезапно возникшую дверь.

Одним прыжком Слипер подлетела к появившемуся проёму, намотала полотенце на руку, взялась за ручку и повернула её, открывая дверь. И в этот миг тусклый красный свет в комнате померк, и стало непроглядно темно. В темноте дверь распахнулась, и из неё с порывом ветра вошёл в комнату давно позабытый запах. Запах старого железа, подzemелья и сырого сквозняка. Шагнув за порог, Слипер и не заметила, что на диване позади неё проявился спящий, свернувшийся калачиком милый старичок тибетской наружности в полинялом пиджаке и с малахаем на голове. Он только закричал во сне, разбуженный внезапным сквозняком, и прошамкал:

— Эх, шалапут... Ну что ты будешь делать?..

Господа ИВОВ и УВОВ обслуживаются вне очереди.

— Шо за хлопчики? И я имею шо спросить за их фамилию...

— Осади назад, толстопузый! — Пинок ноги отправил ещё не очнувшееся кошачье тело в полёт. Шмякнувшись затылком о шершавые доски, организма стала очухиваться значительно быстрее. Глаза приоткрылись. Вертикальные щёлочки зрачков устаканили окружающую действительность.

— Йошкин Код! — Башкирчатый ощупал себя с боков, приложил коготь к запястью и посчитал пульс.

— Так, пульса нет! — Кот утвердительно кивнул незримому собеседнику. — И шо вы думаете? Я таки знал! Но, простите меня, мама, шо енто за люди в округе? Шо-то я не пррризнаю на физиономию этих хгарных хлопцев! А откель такой митинг? А, ну таки вы не знаете...

А вокруг пестрел самый что ни на есть базар. Кот оказался в насильственно лежачем положении на самой окраине этого действия, по-босячки выражаясь, под забором. А забор этот подпирал торопившиеся обвалиться древние руины известкового происхождения. Оттуда, из-под

забора, прикинувшись пьяным археологом, кот помигивал нервными жёлтыми глазищами, не торопясь сдвигать территориально своё ОКЛЖПЭ. Ибо базар был тот необычный. Совсем не типичный и вообще магичный. Типа. Разные не определяющиеся сходу по паспорту личности, не имеющие этого самого паспорта как такового совсем нафиг, торговали здесь. А впрочем, и там, и тут тоже. Торговали поделками и артефактами весьма любопытных происхождений и нужностей назначения. Здесь был и Внедорожный Чипотан, вмещающий любой гардероб вместе с владельцем, коих он перебрасывал вместе с собой из любой точки в любую запятую в пределах родной галактики, да так кидал, что только компас успевай апгрейдить. И тута тебе мечта любого эшафота — Кресло-Кончалка, не оставляющее сомнений в желающем приложить в него задницу, что задница сия ежесекундно сгорит сиятельным огнём изнутри. Тем самым салютом, который красочно описал в своих поэмах известный Всея Сангхе шаманист-блокнотник Карлсон Ибн-Каштанов. И кочумала в уголке, сонно зевая, грозная шахидка Черепаха-Тротилла, владеющая древним мастерством сэспуку многоразового использования. И другие весьма сурьёзные магические казусы всея сансары. Действо происходило во внутреннем дворике потихоньку разваливающегося храмового комплекса пирамидальной наружности, что стоял на неопределяемой в детский телескоп планете. Многочисленные колонны с выщербленными постаментами напоминали о классических гравюрах времён устоя и падучести. А с похмела они и вовсе виделись как мутные фотографии участников многообразных экспедиций, которые нашли великолепный способ вести здоровый образ жизни и путешествовать за счёт своих государств. Градусник тут не работал. Часы отставали. Короче, полный топографический кретинизм. А никто и не парился.

Так вот, в многовековой пыли, сыплющейся из учебника по истории пятого класса средней школы, копались разные субъекты и наперебой предлагали обменять между собой разные объекты. Башкирский Кот на раз определил, что серьёзных профессионалов по части магии здесь практически нет. Так, соискатели чудес и жаждущие величия. Любители крутящихся блюдецек. Визжащие с восторгу от внезапного привиденческого пука мальчишки. А и другие различные личности, беспечно копающиеся своими корявками в великой Дырявой Пиале Волшебства, вынюхивающие приключений на свой зад, за что им периодически эти самые корявки отрывало, словно лепестки на ромашке. Шастали тут, кутаясь в шали, высоченные высохшие ведьмы, охотливые до порченаводящихся боеиголок. Околачивались возле тростниковой циновки с разными торкающими пряностями жертвы растений Силы, у которых Сила эта самая выпотрошила остатки разума и печени. Мастера-недоучки, второгодниками отбывающие свою карму на различных планетах, сновали возле лотков с освящёнными Мастерами-выпускниками свитков по различным едино- и противоборствам. И религиозные молящиеся, утратившие смысл слов своих молитв, тоже были тут. Среди них белеющие одеянием медитаторы всех мастей искали здесь потерянные в пыли истории сутры, которые за давностью испустили дух ясности, а заодно и осмысленность описанного. В общем и целом, на этой толкучке можно было увидеть полное

собрание мятущихся уверованием в окончательную амнистию, кои не догоняли смысла Великого Ежемгновенного Обновления Усего.

Тут же и бородатые дядьки с крючковатыми носами, с закутанными палестинским платком головами разложили прямо на земле ковры, на которых наш всё внимательно помечающий усатый друг сразу же засёк несколько винтажных вещиц явно эльфийского происхождения.

— Даю зуб на отсечение, как говорила моя знакомая Баба-Ёга, если это не самый настоящий Меч-Кладунец!

Кот отряхнул с боков вековую пыль и пригладил языком шерсть.

— Уважаемый, — он метнулся в сторону крючконосого косолапища с оттопыренными ушами, — а можно ли глянуть на вашу фартовую «финку» одним окуляром?

— Гляди, шо ж не глянуть-то. — Кривопятковый услужливо кивнул коту, нисколь не удивившись подобному покупателю, ибо, видать, на этом рынке встречал много разного волшебного зверья. — Кладунец, триетить мою печёнку! — Он закашлялся вековой пылью, поднимаемой сотнями ног. — Кладёт прицельно, поправка на ветер не треба. За дальность не скажу, не пробовал, но, смекаю, коли от души от сердцу жажнешь, таки могёт и до десятого колена всех положить в новогодний оливье!

— Вещь! — Кот вертел в лапах всё отражающий, что твоё зеркало, клинок.

— Семью-семь тугриков, и брейся на здоровье! — Узкорёберный услужливо кивнул коту.

Башкирец оглянулся. Его вертикальные зрачки вдруг сузились до точки и развернулись в горизонтальные. Он, словно лазерный сканер на кассе в супермаркете, прошёлся по всему периметру храмового двора и, довольный результатом, хмыкнул.

— Похоже, про зуб я сгоряча сболтнул, — тихо проурчал Башкирский Кот, — ну да шо не сделаешь для общего шухера. Чую я брешь в этой избёнке! — Он весело подмигнул продавцу: — Слышь, сморконосый, а ты за эту точилку для карррандашей зубец мой не жалуешь?

Кот с готовностью раскрыл по самые гланды свою пасть так, что вялощёкий продавец чуть Инфаркт Имени Миокарда не словил, узрев вдруг на месте упитанной деревенской кошки адскую смесь лангольера и офисного уничтожителя бумаг. Но, как бывалый торговец, он быстро взял себя в руки, а точнее, схватился руками за коленки и, присев, заглянул в кошачий рот.

— Оп-тить! — весело присвистнул он. — Да никак то зубы драконовы?

— Ишь, глазастый! — Кот с лязгом захлопнул капкан. — Сразу запалил, близорукости нет! Военкомат по тебе истосковался!

— Енто ж кто кошкам такие обвесы нынче мастерит? Шо за техобслуживание?

— Матушка Природа да Всешарящее Прочухалово! Коррроче говоря, от папы с мамой досталось в наследство. Хороший секс плюс немного генетически изменённых продуктов питания, и результат перед тобой!

— О как! Дык а зуб-то твой соответствует всем стандартам? Типа, я Инструкцию Драконовой Стоматологии в руках не держал, шо почём — токма по разговорам знаю.

— Пилит шо хошь, режет шо хошь, могёт и зажигалкой служить, — развернул кот рекламную агитацию.

— А ну? Может, продемонстрируешь?

— Слышь, клиентура, мама мне настрого запретила огнём баловаться, мол, «детям спички не игрушка», слышал? А я ведь ещё несовершеннолетний. Видишь, крылья ещё не отросли? На взрослого Сфинкса не тяну. А у нас в роду старших ослушаешься — сам понимаешь, с кем связываться придётся.

— Понимаю, — уважительно протянул мутноглазый, ничего не поняв. — А кто такие эти твои Свингсы?

— А это, браток, ни в жисть не лиса-патрикеевна, — кот отступил на шаг и принял асану под названием «в уважухе и в законе», — это очень, очень и очень большая драконоподобная крылатая кошка, из породы грызляшуров, с напрочь свинским характером, свингующими привычками и откровенно по-свински панковскими замашками! И вся эта прелесть — моя родня! Пррредки мои незабвенные. Понимаешь? Мама — это святое!

— А чё не понять-то, — ответил запутноволосый, опять ничего не поняв, но за маму всегда согласный на уважуху.

— Ну и во! Коли всей пастью дыхну, таки тут напалму на весь ваш Привоз хватит с избытком, и будет вам наглядное пособие по печальному отрезку истории Вьетнама. А коли зуб один — так в самый раз прикурить да костёр разжечь. В тёмную пору потрёшь — и за фонарик сойдёт. И вообще, сам знаешь, от бессонницы помогает, от зевоты и икоты, слепоты и глухоты! Приворожить там чё, отворожить, творожок из молочка сделать али ряженку — на всё сгодится. Как говорится, снимаю и порррчу на дому!

— По рукам! — радостно рявкнул сутулоплечий. — А то я ведь с шашкой ни в век не умел управляться. А ты, по усам видать, с востока сам. Ятаган Кладучий сходу заприметил, едва с дороги дальней. Таки забирай. Тебе — Кладунец, мне — удача да зуб заговорённый.

— Вот и подбили дебет с кредитом! — Башкирец согласно мурлыкнул и полез в пасть лапой.

Раздался треск падающего векового дуба в лесу. Весь рынок разом обернулся в сторону кота.

— Вот заррраза! — Башкирчатый повёл глазами по сторонам, сжимая в лапах выкорчеванный зуб, и проворчал: — Ох, как некстати-то! Совсем я забыл! Век шпроты не видать, сейчас на скрежет мой зубовный кое-кто прибежит. Говорила мне маманя, береги клыки смолоду. На, чувак, зуб и давай сюда сабельку, да шустрей!

— Держи! — старый гремлин зажал в кулаке кошачий зуб, а кот, схватив клинок, завёл его за спину боевым хватом, отщёлкнув предохранитель.

И вовремя. Ибо звук от выдираемого драконьего зуба странным образом стучался и становился громче. Все посетители рынка стали испуганно озираться. Со стен посыпались мелкие камешки. Кот пригнулся:

— Йошкин Код, читал мне папа про плач да скрежет зубовный, видать, понапрасну!

— А шо так? — запоздало спохватился гремлин.

— Да так, звонок по первой линии, типа, «наших бьют»! Ложись на землю, суходрищев! Так сказать, господа Ивов и Увов обслуживаются вне очереди!

Неприятный древесный звук нарастал. И тут все разом повернулись к задней стенке храмового дворика. Там, на стене, красовались барельефы. За давностью чёткость некогда изображённых скульптором фигур стёрлась. Остались лишь силуэты явно человеческой формы. И сейчас эти самые полустёртые формы вдруг ожили. И на глазах у изумлённых торговцев медленно сходили со стены, а точнее, выходили из неё, словно камни отпустили замурованных в них узников.

— Тикайте! Чакмулы идут!

Началась паника. Поднялся визг и ор. Обезумевшие от страха перед внезапно явившимся неизведанным шухером мистики похватались за свои амулеты и стали лопаться подобно воздушным шарикам прямо в воздухе, срочно перемещаясь кто куда по своим адресам гарантированной обратной доставкой. Надо сказать, что это у них было отработано недурственно, и не успел Башкирец перевести дыхание, как на маленькой площади никого не осталось. Кот присел и попытался протереть глаза от поднятой пыли, держа Кладучий Меч в боевом режиме. Ещё не отнимая лапы от носа, он уже почувствовал, что вокруг кто-то стоит. И как-то сразу стало тоскливо на кошачьей душе, расхотелось шутить и геройствовать. Он знал, кто такие Чакмулы, и ещё он знал, что с чувством юмора у них всё очень непросто. Состязаться в остроумии с ними не хотелось вообще никак, а уж шашкою махать — и подавно. Встретиться с ними — уже была удача из разряда «а может, завтра?», и сейчас Башкирец хорошо понимал, что ребяташки вышеописанные явились по его кошачью душу. Он медленно поднял полосатую голову и взглянул, прищурившись, на окруживших его Чакмулов.

— Э, бррратки, кого я вижу...

Шкындыр-Бындыр — места лучше нет,

Шкындыр-Бындыр — мы не знаем бед,

Жить на нём легко и просто — Шкындыр-Бындыр!

Выключатель громыхнул. Дример пришёл в себя от вязкого грохота в ушах. К удивлению своему, он почувствовал, что стоит на своих двоих, то бишь на ногах, в самом что ни на есть стоячем телоприложении. Он неспешно разлепил глаза, словно опухшие после долгого и тяжёлого сна, и тут же снова прикрыл их. Что-то ярко бликовало светом прямо перед ним и кружило, аки радужные мухи вокруг деревенского гальяона.

— Тэк! Это шо ещё такое? — вслух произнёс он, и тельце немного встряхнуло от собственного голоса. Это был сиплый, прокуренный голос спившегося на рукоприкладной работе биндюжника.

— Опаньки! — сказанул Дример ещё что-нибудь для привычности. Голос остался тем же. Таким обычно произносят в тёмной подворотне неприятные вещи.

— Подверни мои коленки! Всё равно ж придётся жить-поживать как-то дальше! — мудро изрёк он и смело глянул перед собой.

А там, где кончались его войлочные тапочки, была пропасть, и в неё низвергался с огромной высоты водопад.

— Ишь ты, воду не берегут! — Дример сделал шаг назад ослабевшими ногами. Затем оглянулся. Позади была степь. Ровная, что твоя свежешушная гладильная доска. Куда хватало дальноточности. Лёгкий ветерок носил по ней чепуху.

— Хороши печенки, подверни мои коленки! Либо выключатель мне попался не тот под руку, либо у вас в прокуратуре дела попутали. — Дример пытался быстрее успокоиться, чтобы начать соображать. — Ох, Белочкин, театр по тебе плачет! Как там его... Котьяра поминал... А, этот, Станиславский, пёс его покусай!

(Но Грызлику сейчас было вообще не до Станиславского. Это я вам говорю как автор. У него в данный момент хватало своих собачьих проблем. Но об этом позже.)

Дример потоптался на месте, чтобы почувствовать ноги. С ними было всё в порядке. И хотя войлочные тапочки были явно не к месту, но каким-то шестым чувством Дример понимал, что они здесь очень и очень пригодятся. Братец осмотрел всё вокруг и себя заодно.

— Упс! Главное, чтобы костюмчик сидел! — только и смог выговорить он.

На нём слегка висел несоразмерный синий комбинезон явного строительного назначения, устаревший в ходе эксплуатации. Под комбесом была белая майка с надписью «Обход Путей С Общением». Он ощупал себя всячески и нашёл на лице родную щетину.

— Вот дык подарочек! Стало быть, мы снова взрослеем не по дням. Ну лады, а то я уж привыкать стал к мальчишеству. Ну шо ж, нормальные герои всегда идут в обход! — изрёк Дример, прикрыл глаза рукой, словно козырьком, и глянул вверх. Там была высокая голубая синь неба.

Он спохватился и хлопнул себя по голове, но Шапка-Невредимка была на месте. Сразу как-то полегчало.

Двойное красноватое светило сверху сильно припекало. Дример тяжело вдохнул горячий воздух и собрался было вытереть рукой пот со лба, как вдруг заметил полотенце у себя сзади на поясе, которое висело, аккуратно вдетое в штрипку для ремня.

— Опаньки! Как кстати! — Он улыбнулся, и стало ещё легче во всех смыслах. — Ай да Белочкин! Ай да молодца!

Он обтёрся как нельзя кстати прохладным и чуть влажным полотенцем, и мысли сразу прояснились. Дример закинул полотенце на плечо.

— Ну что ж, пейзаж вкратце понятен как Ясный Пень! Вода есть, тепло не в пример курортам. Трава растёт, — тут Дример нахмурился и внимательно оглядел произрастающую кругом растительность.

Но трава была самой обыкновенной. Чуть сероватой, слегка выжженной, но вполне нормальной на вид. Ничем дурным не пахла, рук не резала.

— Стало быть, — подбоченившись, расхрабрился он, — и живой кто-нить есть! Ща разберёмся! Э-э-э-эй!

И тут, едва он собирался крикнуть во второй раз, что-то произошло. Грохот, уже успевший стать привычным, начал резко стихать, а вскоре и вовсе прекратился. Дример, успев отойти от края обрыва на пару десятков шагов, повернулся.

— Не понял, — он быстро, насколько позволяли войлочные тапочки, подбежал к краю.

Водопада не было. Точнее, редкие капли срывались с каменного уступа, но сам поток таинственным образом исчез. Словно кто-то прикрутил кран в ванной.

— Нечего сказать, молодцы, конечно, — тихо прошептал Дример, — что за воду вняли. Экономия и всё такое. Но, подверни мои коленки, шо ж у вас там за разнаряд такой?

Он подошёл к самому краю и сразу отшатнулся. Высота была более чем приличная. А внизу оседала остатками пены река. Но затем, переведя взгляд на жёлоб только что исчезнувшего водопада, Дример вдруг заметил нечто странное:

— Уп-тить-нуп-тить! То никак переправа, берег левый — берег правый?

На уровне высоты берега по всей ширине бывшего водопада шла узкая тропка, выдолбленная в каменном русле подобно ступеньке. В том, что это сделано руками, а не природой, Дример ни на секунду не засомневался. Тропа была ровная и вдоль всего пути сопровождалась углублениями в стене для удобства, если кто надумает придержаться рукой.

— А вот и спасибо, ребца! — Дример заспешил вдоль берега к переправе. — Вай, спасибо! И шо б я без вас...

Тапочки путались в ногах, полотенце норовило соскользнуть с плеча, и Дример пару раз останавливался, чтобы насадить непослушные шлёпанцы на ноги и подтянуть вафельную тряпицу. И едва он успел досеменить до краю тропы, сверху вдруг что-то натужно ухнуло.

— Не понял, — вторично произнёс он и задрал голову кверху. И стало вдруг сразу как-то всё понятно.

Ибо накрыло. Да так, что Дример впопыхах споткнулся назад и упал, отбив поминаемое давеча Башкирским Котом своё ОКЛЖПэ, а попросту околочопие.

— Триетить мои печёнки! Это что ж такое? Полная анархия водоканала!

Вода с грохотом рухнула по жёлобу вниз, и через мгновение водопад яростно месил внизу жёлтую пену с добавками шампуня «Кря-кря».

— Вот те на! — Дример потёр ушибленное место и перевёл дух. — Ай да Белочкин в третий раз! Кабы не твои тапочки да полотенце, дык успел бы я ща в самый раз помыться! И собирали б мои пиратские косточки местные рыбы...

Он сел, призадумавшись. Похлопал по карманам. И неожиданно нащупал там что-то квадратное.

— Ай, дядя, аки знал всё наперёд! — Дример широко улыбнулся, и опять сразу полегчало на душе. — Ай да Белочкин, четырежды дай тебе здоровья! Не зря ты ангельский чин носишь! Вот выберусь, обязательно замолвлю за тебя словечко своё перед Потолочным Разумением.

Он выудил из кармана папироску с пачки «Белл а мор чэнел», чиркнул камешком о камешек, ещё разок, потянул-потянул да и вытянул дымок из прописанной таинственным Минздравом кем-то-крутки.

— Ну лады, перекур, шаман думать будет, аднака! — Он завалился в траву спиной и расслабился.

Братец прикинул, что без еды всяко можно продержаться несколько недель, была б вода рядом. А воды енттой самой, как назло, было хоть завались прямо туточки. Только чуял своим отшибленным околожопием Дример, что надобно ему во что бы то ни стало водицу триетитьную пересечь. Что надо вперёд идти. Пряма тапочки в бой рвались, да полотенце тянуло. Но он упрямо цедил терпкий дым и ждал. Папироска закончила свой недолгий Путь, изошла Крайним Выдохом и легла в траву на Великое Ежемгновенное Обновление. Дример приподнялся на локтях.

— Ёктить, — только было потянулась мысль за хвост из недр головы, как вдруг произошло то, чего братец исподволь ожидал интуитивно. Грохот опять стал стремительно чахнуть и вскоре затих.

— Так-так, — усмехнулся Дример. — Чтоб я закашлялся, аки Муколитический Бронходилататор! Чую, что не зря мне Белочкин папироски сунул. Ох, не случайно то вышло, и к Ясному Пню не ходи!

Он встал, отряхнул траву с комбеза и подошёл к краю обрыва.

— Нет, ребята, за «привет, как живёшь» меня не возмёмшь!

Он сел, свесив ноги, положил пальцы левой руки себе на запястье правой и стал считать удары сердца. На двадцать третьем ударе вверху ухнуло, и вода шибанула через край. Дример отшатнулся и повалился на спину.

— От, зараза, ничё себе, — он отполз и приподнялся. — Так можно и икоту подхватить! Значитца, двадцать три плюс запас на «ноги в руки». Ну хорошо. Сколько я там прочухал за куревом-то времени? — Дример полез по карманам. — Минздрав, говоришь? Хе! — Братец достал папиросу, чиркнул сныкаными камешками, высек искру и закурил снова, чтобы отсчитать время. — Ещё один такой эксперимент, и я стану некурящим, во всех смыслах позитивным гражданином!

Знаешь, дорогой читатель, я когда-то опробовал на себе и этот способ бросить курить. То есть взял да и выкурил подряд четыре или пять крепких сигарет через силу. Удовольствие закончилось ещё в середине второй. На третьей меня затошнило. На четвёртой я понял: китайцы — совсем не дураки по части пыток, и у них явные проблемы «по Фрейду». На пятой я пережил адские муки, очень хорошо понял произведения Данте, помолился за него, испросил Бога за «дай дожить до вечера» и пошёл обниматься с фаянсом в виде финской сантехники, установленной в гостинице, где я встретил в боевом настроении это знаменательное утро. Тебя интересует результат? Не знаю, как ты... Все мы индивидуальны... Я бросил на год. Хочешь начать меньше есть сладкого? Всё просто! Берёшь пять больших шоколадных тортов...

Дример, скривив физиономию, ткнул «бычок» в землю и поднялся на ноги. Голова кружилась.

— Растудить твою налево! Точно брошу! Дай только выбраться! Ну, Стрелочник, ну, погоди!

Он схватил в охапку тапочки, полотенце и босым решительно подошёл к месту, где предположительно под толщей воды начиналась тропа. Постоял. Подождал. Ничего не происходило. Водопад ревел пуще прежнего.

— Да уж, можно было и догадаться, что просто не будет! — процедил сквозь зубы Дример.

«Словно мячик по комнатам скачет... Одну по касательной пройдёт... Другую по всей полной гипотенузе...» — вдруг зазвучало в памяти Дримера.

— Хе! — только и протянул он, вздохнул глубоко, так же глубоко выдохнул и встал наизготовку. — Не бойсь, Белочкин, нас холодным душем не остановишь! Стало быть, алга!

А ждать-то пришлось и недолго. Грохот стал неожиданно и резко стихать.

— Да хранит нас всех великий Тутытам! — тихо сказал Дример и присел в низком старте. И как только поток оборвался, он, не раздумывая, бросился бежать по тропинке, пересекая водопад.

Босыми ногами бежать было легче, но тапки и полотенце под мышкой всё время норовили освободиться, получив права на независимость. Дример цеплялся за выбоины в скале. Тропа была мокрая и скользкая. Не пройдя и половины пути, братец понял, что выдыхается от взбудораженных нервов и чрезмерного психического напрягу. Он исподлобья поглядывал вверх, на край скалы, в страхе ожидая услышать нарастающий рокот, и быстро перебирал ногами, смешно плюхая пятками в мелких лужицах.

— Уху-ху! — говорил Дример, подбадривая себя.

— Ёе-хо-хо! — кричал он, видя, как приближается противоположный край берега.

— Шкындыр-Бындыр, Шкындыр-Бындыр-быр! — запел братец буддистскую песенку про отрезанный от мира дацан Чонгья Чампу, и тут лихое накликалось. Огромный поток появился внезапно, завис горой над верхним краем пропасти и сорвался вниз.

— Дык шоб тебя! — только и успел крикнуть Дример, не добежавший до спасительного берега пары десятков шагов и смываемый тут же срочно прописанными водными процедурами.

Дуцл и Тыцл. Ёу

— Ох-х-х...

— Гляди сюды, Тыцл, наш олимпиец в себя всплыл!

— Ихдея... Ихдея... И хгде я нахожусь? — Черепная коробка у Дримера трещала внутри мозгоедами-кузнечиками.

Он поднял голову с пола, где лежал ничком на сырой земле. Дримера колотило, ибо он был мокрый напрочь.

— Налей-ка, Тыцл, ему бражки-простоквашки! А то он, гляди туды, вибрирует, словно пейджер, не ровён час землетрясучку взбудоражит!

Скрипучее хихикание было, судя по всему, ответом Тыцла, ибо Дример ничегошеньки не видел. Темно было округом, как в шкафу бабушки Мытута. Дример пытался срочно что-нибудь узреть и пыжил зрение.

— Ща попривыкнешь, — скрипнул Дуцл. — Глаза не лупи, вывалятся. Тыцл, сгоняй за бражкой, а то спортсмен наш озяб после рекордов!

— Ёу, брат, не вопрос, — отозвался Тыцл, и его шаги стихли где-то в гулком коридоре.

Едва Дример сел на полу, как темень и впрямь прояснилась, и его взору предстала масенькая жилплощадь типа фронтной землянки, три шага на два. У земляной же стены покрывался плесенью крошечный, под стать жилым метрам, стол. На столе стоял выдавший прошлую югу чайник с подтёками и царапульками, две железные детсадовские кружечки с облупленными эмалевыми мишками на боках и берестяной коробок. Рядышком со столом сидел на табурете Дуцл. И глядя на него, Дример понял, почему всё такое масюсенькое. Чай, Дуцл этот был сам не семи футов над килем. Росту в нём было, что в ребятне малой. Да и вообще он смахивал на обычного неблагополучного подростка. Обветшалая кенгуруха, бывшая, видать, когда-то тёмно-зелёной али тёмно-синей. Серо-буро-болотные широкие штаны, замызганные землёй и блестящие жировыми пятнами. Ботиночки сиротско-детдомовские на шнуровочке. Узкие мальчишечьи плечи, несуразно малые ручонки, уши враспырку из-под полинялой бейсболки с давно не читаемой надписью, засаленные короткие дреды с застрявшими в них крошками и соринками. И почему-то Дример сразу представил Дуцла верхом на велосипеде марки «дутик». Одно не сходилось. Голова у подземельца сидела на шее несоразмерно большая, а на ней вырисовывалась ещё та паспортная физиономия. Лицо у Дуцла глючилось одновременно детским и старческим. Сморщенное, как залежалое яблочко, личико-то всё ж молодилось и горело румянцем. Сеточки морщин разбегались от посверкивающих глаз во все стороны. Седая щетина залегла на щеках и подбородке. И глядя в эти глаза, Дример понял, что Дуцл отнюдь не вчера родился.

— Дед, — осторожно начал Дример, — а я где?

— У бобра на бороде! — Дедок радушно улыбнулся, погладив щетину на подбородке. — Ты токма шо едва не выдохнул на окончательный крайняк, а уже пеленгацией интересуешься. Живчик ты, аднака, олимпиец плавучий!

— Ой, я ж это... Того... В воду...

— Ага, точняк, в заплыв ушёл с тумбочки! Вольный стиль, типа, барахтаюсь как умею. Вот ты утюга и дал, сразу рыбам на витамины пошёл. Слои-то менять — искусство, знаете ли. Тут прыжками в аквариум никого не удивишь.

— Какие такие слои?

— Слух, да ты шо? Тебе, типа, лекцию по мироверчению и светокручению читать нынче же? Я про Слои мира толкую! Ты ж не Попрыгаец, верно? Это только он сигает себе, аки ферзь

шибанутый по шахматной доске, куда ни попадя за триетить земель. А ты, как всяк нормальный челобрек, шастаешь по Барьерам, из Слоя в Слой, аккуратно словно червяк сквозь луковицу.

— То есть, водопад...

— Ну а ты как думал? А, ну да, ты ж не думал, ты пузыри пускал... Короче, брат, ёу, ты шо-нить про Очуханное Храпение слышал?

— Это типа «сон-про-не-сон»?

— Гражданина Пронесона не встречал, знаешь ли, но я тебе про Очухалово Сонное толкую.

— А-а-а-а... Что-то я такое слышал от одного шаманиста-блокнотника.

— Вот-вот, в Очуханном Храпении любая вещь может оказаться порталом из Слоя в Слой. По-босячки, из мира в мир, типа, ёу! Как, типа, вне тела своего физиологического оказался, так держи уши в остро, коли имеются они в наличии, ибо шо угодно может калиткой обернуться.

— Ничё себе калиточка...

— Дык, в зависимости от сложности перехода и дальности зафигачивания субъекта порталы тоже бывают разные. Водопад сей — простенькая загадка для особо чухающих, но серьёзная ловушка для ламеров вроде тебя. Скажи «мерси» за то, что живым остался.

— Мерси!

— Отъ, то-то же.

— А вы сами кто будете? — Дример неторопливо озирался по стенам землянки.

— Дети подземелья, — ответил старичок Дуцл. — Слыхивал про таких? Или уроки литературы прогуливал?

— Ну, так... Сорока кукушке каркала...

— Диггеры мы, — подземелец перестал сверлить глазами Дримера и суетнулся ручонками на столе. — Потомки гномов по-вашему, по-челобречному.

— Дык гномы все за Дальний Кордон ушли!

— Тёмный челобрек! Ты что, телевизора пересмотрел?

Дример завертел головой по сторонам.

— Шею не ломай, — заметил диггер, — у нас тут телевизора нет. Поэтому мы едим грибы и смотрим ковёр! Ты вот про детей индиго шо-нить чухал?

— Ну, так... Сорока на хвосте...

— Вот и оно, шо ку-ку! Вкратцах, мы — генетически модифицированная Всешарящим Прочухаловом ветвь нового поколения, ведущая свою кривопись от древнего Горного Народа. Асса! — неожиданно добавил Дуцл с горящими глазами.

Дример аж попятился задницей.

— Да не парься, — одобрил диггер, — мы не фанатьё по части истории. Мы, как говорят в Пургопетрике, карела, и нам — похъелла!

«Мда, — подумал Дример, дрожа от холода, — Загрибыч со своей антропологией мне бы сейчас пригодился...»

— А вот и Тыцл обернулся! — возвестил громко Дуцл и возрадовался: — Ёу, брат!

Тыцл ввалился сквозь тёмный проём, который до сего почему-то ускользнул от внимания Дримера. Посмотрев бегло на вошедшего, наш отсыревший «олимпиец» смекнул, что Тыцл поразительно был похож на Дуцла: та же кенгуруха, те же дреды, та же бейсболка, те же штаны и даже ботиночки. Выглядели диггеры как два китайца за одной партой в профтехучилище. То бишь различие налицо явное, но встретишь на прогоне в деревне, дык растеряешься, «какой из них бабе цветы, а каким дитям мороженого».

— На-ка! — Тыцл протянул Дримеру майонезную баночку с сомнительными анализами внутри. — Заглоти-ка!

— А шой-та?

— Не, ты глянь, Дуцл, — Тыцл обернулся на приятеля, — стайерский заплыв его таки не многому научил. Наку суют, а он в отказ. Пей, говорю, не сцы. То добра самогонка, а не аюрведическая уринотерапия! Хлебай натуру!

Дример зыркнул на Дуцла.

Тот кивнул с серьёзным видом:

— Точняк говорит! Сцать нечего! Во здравие дедушки Мыгута нали-и-и-вай-цвай-драй!

Дример залпом осушил банульку. Жидкий огонь пробурил скважину в желудок и мгновенно растёкся оттуда по жилам. Братцу даже показалось, что заглоченная самогонь по ходу прожгла дырки в лёгких. По затылку сразу же, точно молотком, обёрнутым в тряпицу, бумкнуло, и стало тепло и пофигительно.

— Ыть! — икнул Дример.

— Вот, другой разговор! — Тыцл сразу успокоился и подобрел. — На, сушку укуси, икоту накорми!

Братец с испугом покосился на протянутую снедь:

— Оно ентого, не казашкиным ли печенюшкам родня?

— На кой укроп нам чья-то провизия? — Тыцл удивился совершенно по-детски, и в земляночке опять примерещился «дутик». — Сами печём! Вона над головой кругом целая степь нуихмыть-травы. Мука из ней доброй выходит!

Дример автоматически посмотрел в потолок. Тот тоже был земляной.

— Ёу, брат, глубоко сидим, — подтвердил Дуцл, — на семью-семидежды локтёв укопались по самую бороду, разьетить твои бирюльки! А ты, олимпиец загребной, давай-ка сдвигай своё ОКЛЖПэ к столу поближе. Ща мы тя чаём напоим.

Дример встал, но сразу понял, что стоять в этой клетушке не получится, не прогнувшись в спине. Шкрябать потолок Шапкой-Невредимкой при больной голове не хотелось. На подвёрнутых коленках он осторожно приблизился к столу.

— Ты и платочек-носочек свой прибири! — Тыцл кивнул ему за спину.

Обернувшись, Дример увидел на полу своё аккуратно сложенное полотенце, на котором, видать, совсем недавно покоилась его голова. Спohватившись, он глянул на ноги. Тапочек не было.

— Бабы сушат! — откомментировал подмечающий Дуцл. — Ты хоть ушат на себя вылей, но коли ноги сухие да в тепле — согреву тебя не покинуть! Ща принесу.

— Слухай, а давай махнёмся ластами? — неожиданно предложил Тыцл.

— На кой укроп тебе нездешние босоножки, зёма? — Дуцл укоризненно глянул на приятеля. — Голыми пятками шлёпать, баб с ребяtnей пугать?

— А давай, — неожиданно для самого себя ответил Дример.

Уж больно хорошие да прикольные мужички ему показались в диггерах, и захотелось чем-нибудь их отблагодарить за спасение. Да и выбираться было как-то нужно. Потому решил он задобрить дедулек и презент желанный задарить.

— Да что ты его слушаешь! — Дуцл махнул ручонкой на Тыцла. — Он, что твой стрекозёл летучий, беспутное да наблудивое в дом тацит! Всё, что схоронила мать-земля до Обновлению, старьё всякое, износ да отброс цивилизаций — всё сюда несёт!

Дример глянул на Тыцла и увидел, что тот потускнел взглядом:

— Ладно, ладно... Ну и не надо...

— Нет уж, бери! — Дример твёрдо кивнул.

— Шо, правда? — Тыцл радостно просиял.

— Правда.

— Ба, олимпиец, да ты и впрям мне Всешарышим Прочухаловом послан был! Уж больно вот тапульки сильно приглянулись. Тут, под землёй, мёрзло. А сандалетики твои мягкие да теплющие, в самый раз.

— Тьфу! — сплюнул, ехидно улыбаясь, Дуцл.

— Забирай, забирай, — Дример тоже улыбнулся.

— Вот благодарствую! — Тыцл снял ботиночки и протянул ему: — Ёу, брателла, в кальпу не сносишь!

Дример осмотрел обувь, и она пришлась ему по душе. Снаружи обшитые грубой кожей, внутри ботинки были уложены мягким коротким мехом. Он сел на табурет около стола, просунул правую босую ногу в башмак, и тот неудивительно пришёлся впору. Он влез во второй и затем стянул оба по очереди шнурочками.

— А? Что я говорил? В самый-пресамый раз! — Тыцл хохотнул и смешно припрыгнул на месте босыми пятками.

— Ладушки, — проворчал беззлобно Дуцл. — Я пока гостя чаем напою, а ты беги, обуйся в теперешние свои босоножки, а то сквозняки по полам гуляют! Не ровён час, опять застудишься, будешь до медсанчасти бегать за микстурами да пахнуть по ночам крайне неприлично.

— Бегу ужо! — Тыцл собрался было выпорхнуть из комнатёнки, да тут Дример сообразил за разговор о чае, что вроде как ему срочно надобно нужду справить «по-маленькому».

— Слух, Тыцл, мне б до гальяна, а?

Тыцл с Дуцлом переглянулись.

— Моль в мою бороду, дык и нет у нас его, мил челобрек! — Дуцл развёл ручками.

— Мы енто, типа, того... — завторил ему Тыцл.

— Чего? — не понял Дример.

— Нет у нас сортира, понимаешь? Мы того, — Дуцл замялся, — не ходим до него. Без надобности нам.

Дример оторопел:

— То есть как?

— Понимаешь, олимпиец, — Тыцл шагнул обратно, — мы, типа, не вашей челобрежной породы. Не ходим мы по нужде. Ёу! Организма наша всё внутрях сама перерабатывает, а излишки теплом исходят, греют, значить.

— Нечем нам в сортире меряться! — Дуцл глянул Дримеру в глаза. — Сечёшь?

Тот неуверенно закивал. Щекотал, конечно, вопрос про способы умножения рода диггеров, но братец тактично сдержался.

— Мы без обид. Понимаем, что ты пришлый издалеча, не встречал такого, — объяснил терпеливо Дуцл. — Просто прими на заметку и подшей в дело, мол, есть в миру и такое.

— Извиняйте, други, — Дример сконфузился, — я это, не ожидал.

— Да мы понятливые, — Дуцл усмехнулся облегчённо. — Слух, Тыцл, ты проводи его до дальней штольни, пушай там оправится. А я покаместь чайку обновлю.

— Пойдём, олимпиец! — Тыцл махнул головой в сторону проёма. — Ходи за мной, токма голову береги!

Дример захватил полотенце и вышел вслед за Тыцлом в узкий тесный коридор, отмечая практичность диггеровских ботинок. Комбинезон неприятно лип к телу. С Шапки-Невредимки стекали по лицу остатки воды. Коридор плавно уходил вниз, заканчиваясь ступеньками. Спустившись по ним, братец оказался в круглой комнате намного большего размера. Из неё несколько проёмов вели коридорами в разные стороны ещё ниже. Из того, что был прямо перед ним, Дример вдруг услышал детский смех и многоногие притоптывания. Под енто топотание кто-то скороговоркой нёс какую-то околесицу на невнятном наречии. Тыцл обернулся и произнёс:

— Да это детки рэп читают! У нас, понимаешь, национальная культура в ходу, по типу народного творчества. Деток, стало быть, с раннего голопопия бабульки-воспитульки приучают хороводы древние водить да заговоры различные читать под бубенцы шаманские и топотания аки положено. От икоты и зевоты, слепоты и глухоты! Ёу!

Дример нагнул голову, заглянул в проем и увидел огромный зал, уставленный разнокалиберной мебелью и увешанный разными красочными висючками. Но никого там не было.

— Пойдём, пойдём, — Тыцл заторопил его, недовольствуя. — Чего ты, рэпу не слыхал? Ёу, брат, и всё такое...

Они свернули в левый крайний коридор и стали спускаться дальше.

«Хороши ботиночки!» — снова отметил молча про себя Дример.

Тыцл всё время оглядывался по сторонам, из чего братец сделал умозаключение, что тот не хочет, чтобы их видели.

— Пришли! — тихо сказал подземелец, свернув в очередной проём. За ним был отрезок коридора, заканчивающийся тупиком.

Тыцл пропустил Дримера вперёд, и тот, спустившись по нескольким ступеням, прошёл в затхлый подземный ход.

— Я тут подожду, — сказал диггер, стоя в проёме, — только ты поторопись. Брателла прав, сквозняки у нас злые, так что простыть босыми ногами не хочца. Ужо до тапулек твоих дойдём скоро, ладно?

— Конечно, не вопрос, брат, ёу! — Дример отошёл к тупиковой стенке.

В стоячем воздухе было-таки прохладно, и он, вспомнив о Шапке-Невредимке, посильнее обтянул ею голову.

— Знатный кепарь! — Тыцл сзади подал голос. — Только вот чую я, будто на нём больно древнучее накликано! Глубокой заморозки начитка была! Шо за наговор такой, а?

В это время Дример уже начал выписывать на стенке мокрые крендельки, и вдруг в его глазах поплыли радужные окружности.

— Эй, ты чего, олимпиец? — громко окликнул его диггер, присев в коленках.

Братец, продолжая лить, не в силах остановить долгожданный физиологический процесс, повернулся к Тыцлу. Вся комната плыла радужными пятнами.

— Я н-н-н-не знаю, — пролепетал Дример.

— Зато я знаю! — заорал Тыцл и бросился к нему. — Ента ж калитка загребукая сейчас тут всё разнесёт! Стой!

Вся комната теперь сияла радугой, исходящей от Шапки-Невредимки, и сияние это усиливалось, казалось, пропорционально излитой нашим промокшим туристом из себя мочи. Подземелец с вытянутыми руками влетел в коридор, в мгновение ока прыгнул к найдёнышу, но схватил лишь воздух. Дример растворился на глазах у изумлённого Тыцла в радужном разноцветии, оставив после себя лишь подобие висящего над полом светового круга. Последней, вспыхнув новогодней хлопушкой, исчезла Шапка-Невредимка, издав на прощание нечто вроде «Ёу!».

Думы мои — судороги...

Загрибука, едва переступив порог, оказался в полной темноте и судорожно стал шарить по стене в надежде нащупать выключатель. Его загребукая длань скребла штукатурку, попадая то по каким-то вывешенным вымпелам, то по бумажным листкам, приколотым булавками к шершавой грязюке.

— Иб ту ю мэ мэ! — заорал Загрибука, когда торчащая из стены иголка воткнулась ему в ладонь. Он аж присел от боли, прислонившись к невидимому косяку двери, в которую только что

вошёл. Лизнув руку, сморщился. Внезапно, не удержав равновесия, Загрибука пошатнулся, сидя на корточках, и прислонился локтём к стене над самым полом.

— Чпэньг! — сказал невидимый выключатель под тяжестью руки, и вспыхнул свет.

Нет, он не зажёгся, а именно вспыхнул сотней ламп дневного света. Загрибыч хлопал глазами в полном ауте. Перед ним был огромный подземный зал с полукруглым потолком. Слепящие трубчатые лампы освещали его сверху так, что можно было сосчитать всех блох на Башкирском Коте, будь он сейчас здесь. Пол был выложен мраморными плитами. Загрибука сидел у торцевой стены этого зала. Обернувшись, он увидел за своей спиной серую железную дверь с предупреждающей жёлтой табличкой, которая гласила на тюркском: «Токта, кэзэрлэ дуслар!» Что можно вольно перевести как «Кранты всему фильму, уважаемые телезрители».

Посидев немного, привыкая к обстановке, Загрибука унял судорожное дыхание, встал и оглядел себя.

— Катет мне в гипотенузу! Это ж я! — Он с радостью обнаружил, что опять стал тем самым милым загребушим Загрибукой, каким и покинул когда-то Лес. Бурая короткая шерсть клочками. Розовый нос на месте. И даже хвостик был тут как тут.

— Мррр-мррр-мррр! — погладил Загрибыч довольно свою шёрстку, и настроение его сразу улучшилось, уши затрепетали. — Всё-таки так лучше и привычнее! Спасибки немереное!

Он смело зашагал в направлении противоположного конца зала. По пути завернув к боковой, выложенной крупным кафелем стене, глянул, что там. Увидел большие канавки, и в них лежали рельсы, которые уходили в обе стороны, скрываясь в тоннелях. Если бы Загрибука хоть когда-нибудь побывал на планетах земного типа, то сразу бы понял, что находится на обычной станции метро. Там же, на боковой стенке, он увидел большую надпись «Мотологический институт». Об институтах наш лесной профессор слышал от Слипера и Дримера. Он знал, что в этих самых институтах живёт множество умных людей, учёных и других соискателей истины.

— Это я удачно попал! — подпрыгнуло настроение, и, шестым с четвертью чувством почуяв, что в конце зала должен быть выход, профессор ускорил шаг. И в этот момент раздался гул. Загрибука сразу прижал уши к голове, присел и приготовился к худшему.

— Бом-бам-дировщики, не иначе! — зашептал он в полуприседе с прижатыми ушами.

Гул усиливался. И тут из одного тоннеля показался свет.

— И как же эта жужелица летает в такой трубе?! — заинтересовался Загрибука и потянулся весь на звук. Любопытство пересилило страх.

Но из тоннеля вылетела никакая не жужелица, а довольно странный поезд. Точнее, трамвай весьма громоздкой конструкции, покрытый полинявшей бордовой краской с единственной фарой впереди. Да и не вылетел он вовсе. Высекая искры дугой, страшно скрипя, он вывалился из темноты, словно старый пиджак дедушки Мытута из шкафа.

— Э-э-э-эй! — заорал Загрибука, подбегая к краю платформы и вытягивая руку с поднятым вверх большим пальцем: — Подбросьте до центра!

Жест «проголосуй или проиграешь» не остался без внимания.

Трамвай завыл всеми колёсами, взвизгнул тормозами и остановился возле потенциального пассажира. С шипением открылась дверь, и оттуда выпорхнула дочь степей с раскосыми глазами в коричневой школьной форме и ярко-красной тюбетейке с золотой эмблемой на лбу.

Эмблема та кратко гласила — «М»!

— Салам алейкум! — радостно приветствовала она Загрибуку.

— Маленько шалом! — согласно поклонился тот, скользя по полу. — Сеньорита... Чикита... Гевэра... Товарищ... А куда сей паровоз пыхтит?

— Да туда и сюда! — ответила девчонка, смеясь щёлочками глаз.

— Вы не поверите, гражданочка, но мне в ту же сторону! Не возьмёте в нагрузку?

— Прыгай в седло, батыр, о чём спич! — Она нырнула обратно в вагон, и Загрибука поспешил сделать то же самое.

Зайдя внутрь, он осмотрелся по сторонам. По бокам ветхого трамвая привалились спинками деревянные скамеечки, что в твоём осеннем парке. На задней площадке гнездились несколько раскладушек с накиданными одеялами. Но больше всего Загрибуку удивило, что в кабине машиниста никого не было.

— Дык вы сами и управляетесь с ним? — вежливо осведомился он.

— А чего тут сложного? — удивилась Красная Тюбетейка и, сложив руки рупором, гаркнула в сторону кабины: — Алга, белогривые!

А затем сунула два пальца в рот и оглушительно свистнула.

— Пятсот кобыл под капотом! — гордо подмигнула она Загрибуке.

Тот не стал даже и пытаться сообразить, как могли пять сотен лошадей уместиться под каким-то комодом в этом маленьком трамвае. А сам трамвай натужно взрогнул, очнувшись от дум, затрясся и тронулся с места. Из динамика в потолке сквозь треск помех послышался мотив:

— Думы мои, судороги...

С высоты птичьего помёта

Солнце медленно садилось в деревья. И я подумал, что самое время пойти на балкон да навестить старого друга. Нет, конечно, мы могли с Ним поговорить в любое время, но в суматохе дня беседа напоминает скорее обрывочные реплики по мобильному телефону. Такую череду междометий и кратких фраз никак нельзя назвать полноценным общением или обменом мнениями. Так, перебросились словами. Как в баскетбол сыграть по-быстрому. Но часто хочется основательно посидеть, обсудить важное. А когда собеседование приправлено добрым костром или великолепным закатом, сами понимаете, и разговор получается совсем иным, и результат его тоже. В общем, фэнишуйность нужно соблюдать во всём. Вот и мы с моим Другом любили посидеть под вечер на балконе.

— Привет! — Я пустил мыльный пузырь в тёмный колодец двора.

— Здор[о]во! Как прошёл день?

— Да нормально. Ну Ты же и сам знаешь!

— Знаю, но всё равно приятно просто вот так по-человечески спросить иногда.

— Да, Ты прав, извини. Всё в порядке. Я вот много полезного сегодня сделал вроде как, много чудесного повидал. Спасибо Тебе, всё было замечательно. А что не было замечательно, дык я сам виноват. Пardon, исправлюсь.

— Я знаю, исправился. Как тебе Тюбетейка в метро? Ну, помнишь, которую ты днём встретил на станции?

— А-а-а... Дочь степей-то? Да, прикольно. Вот до чего цивилизация дошла-то. Ей бы к лицу конь да степь казахская, а в шапке красной в метро дежурит, словно пионервожатая. Да, наверное, на пассажиров глядит целый день и не понимает, какого лешего тут делает. И зачем она в мегаполис приехала из своего Казахстана? Жила там, здоровая и сильная, мудрая и весёлая, с ветрами дружила, с дождём говорила, с солнцем смеялась, с Тобой, небось, частенько разговоры заводила...

— Было дело, говаривали мы...

— А теперь?

— А что теперь? Теперь у неё работа, учёба, магазин, дом и телевизор.

— И что, всё? Вот так всё и закончится?

— Ты же знаешь, Пути неведомы людям. Не волнуйся, всё вернётся на свои места, да так, что и поймёшь это, только когда уже всё сбудется. А по Пути столько всего переживёшь, что возвратишься совсем другим. И так по кругу. Всегда.

— Эж Ты всё завернул!

— Шалю! Пока дедушка Мытут спит...

— Какой дедушка?!

— Как какой? Что ж ты думаешь, у Меня не может быть дедушки? Я ж всемогущий, ты что, забыл?

— Но дедушка-то Тебе зачем?

— А Мне ничто человеческое не чуждо, сам понимаешь, как и всё остальное. Мне тоже дедушка нужен. Я вот иногда как расшалюсь, так сразу дедушка Мытут, как и положено, тут как тут. Пальцем морщинистым Мне грозит, да указывает: «Шо енто Ты тут, малышня, шалишь? Ну-ка прекратили безобразие! А то сейчас Буку позову...»

— Какого Буку?!

— Так какого сам и придумая на скору руку!

— Ну Ты даёшь...

— А что? Я такой... Загадочный! Ну ладно, заболтались мы с тобой, Мне ещё до одного мальчика тут недалеко разговор есть...

— А что там с ним?

— Да обычная история. Типа, «жизнь дерьмо, меня никто не любит», всё как всегда.

— А Ты, значит, решил к нему с визитом, пару лекций прочесть? Да таких знаешь сколько?

— Да он, понимаешь, ругался, обзывался, да невзначай и обронил, мол, пусть вот Сам явится и мне всё объяснит, что к чему! От души попросил, от самых печёнок, от сердца. Жисть свою, говорит, на рельсы пуцу, аки Анюта Каренина, коли Сам не придёт. Так что Я пошёл. Вызывают, понимаешь ли. А то порешит себя почём зря и будет потом круги лишние наматывать по карме всё далее от ответа. Пойду, помогу, коль попросил.

— Ещё один штаны стирать будет...

— А себя-то вспомни, хе-хе, как сам в штаны наложил, когда со Мной в первый раз увидался!

— Да уж, было дело... Ну ладно, привет ему там передавай да сильно-то не пугай.

— Хе, это уж как получится. Нечего было на всю вселенную орать. Так уж у него звёзды сложились сегодня, что по экспресс-линии звонок прошёл. Вчера вот он мог стучать и орать до посинения, да только стена была к лесу задом повернута, а сегодня и нынче обернулась она к лесу передом, и проорал парень на всю катушку, до самой Верханутры ор его долетел.

— Хорошей тебе ночи! И дедушке Мытуту привет передавай!

— Обязательно! Может, сам хочешь с ним повидаться?

— Нет-нет. Спасибо. Чуть попозже, хорошо? А то мне пока и с Тобой разговоров хватает. Только и успевай за голову держаться.

— Ну, как скажешь, так и будет. До завтра!

Солнце уже закатилось. Во дворе стемнело. А я всё сидел на балконе и пускал с него мыльные пузыри вниз. И думал о том, что где-то далеко сейчас сидит в своей комнате какой-то парень, ругает свою судьбу на чём свет стоит и даже не представляет, что через несколько мгновений вся его жизнь изменится. Изменится так, как он и вообразить не мог. Так на планете появится ещё один Пробуждённый. И тут на секунду показалось, что услышал я вдалеке изумлённый громкий крик и короткий «пук», и даже как-то потянуло с ветром лёгкой вонью вокзального сортира.

И как бы в подтверждение знаменья над моей головой прошепестел крыльями белый голубь и испустил свои фекалии прямо мне на плечо.

— Вот шалапут! — погрозил я пальцем куда-то в небо и улыбнулся.

Дедушка Мытут где-то далеко внезапно замер, прислушался и ворчливо крякнул:

— Вот шалапут! Вот не мог без шуток, а? Ну как можно было придумать, чтоб столь светлое событие в жизни каждого живого существа ознаменовывалось обязательными обгаженными штанами?! Никакого сладу с Ним нет! Ну что ты будешь делать с этой малышней...

Пришла весна, суши лося! —

Япона мать мне пела в уши.

У-шу моя сушилася,

Смеялось Дао, лосяя суши.

Башкирский Кот пытался участливо улыбаться. Чакмулы молчали, медленно совершая непонятный хоровод.

— Венас, дус, трис, кетуре, пинке, шеши, — сосчитал их кот по-литовски, глядя исподлобья.

Чакмулы явно чего-то ждали. И тут Башкирец заметил, как из стены появилась ещё одна приземистая нескладная фигура.

— Тааакк... Септине, — досчитал хвостатый монголо-татарин. — Вот и фельдмаррршал явился. — Он вжал голову в плечи и скривился хвостом.

Новопришедший приблизился к Башкирскому Коту, присел, поднёс близко-близко своё лицо к кошачьему загривку и тщательно принюхался. Затем повернулся к шести остальным и отрицательно покачал головой. Чакмулы сразу потеряли интерес к Башкирчатому и расслабились. Окрещённый «фельдмаршалом» протянул руку, тронул кота за плечо, а затем неожиданно перенёс всё своё тело на пальцы этой руки, встав вверх ногами на кошачьем загривке. Веса его Башкирец не ощутил, но на всякий случай напрягся и замер пуще прежнего. Чакмул постоял так немного, походил на пальцах по плечам кота в этом нелепом положении, затем спрыгнул на землю и удовлетворённо хмыкнул:

— Ну и почто мы тут зубами хрустим? Сухарики попались просроченные?

— А чё я-то? А чё я сделал-то? — Башкирский Кот поднял «ни в чём не виноватые» глаза.

— Слушай, ара-джан, ты мне хвостом не крути, — Чакмул наклонился к коту, и тот узрел невероятное лицо, а точнее, его отсутствие, ибо вместо физиономии у пришедшего была плывущая рябью тень.

Впрочем, остальные его сотоварищи были не лучше. Вокруг стояли семь теней. Нельзя было сказать, что все они были на одно лицо. Они различались, и весьма сильно. Угадывались чётко пять мужчин и две женщины. Причём крайняя слева была настолько схожа по очертаниям с одним из мужчин, что кот сразу понял, что это брат и сестра. Башкирец сразу мысленно окрестил их «близнецами». Их тени казались светлее и стройнее, чем у остальных, и как будто больше размазаны. Ещё одна женщина выглядела очень тёмной тенью низкого роста, и сквозь мутные волны заволакивающего тумана угадывались хищные и острые черты лица. От неё исходило неприятное чувство крайней безжалостности. Четвёртый из присутствующих владел колеблющейся тенью слегка рыжеватого оттенка. Худой и гибкий, он всё время мерцал и как будто постоянно телепортировался с места на место. Пятый и шестой были тяжеловесными, угрюмыми плотными тенями. От них исходило ледяное спокойствие и решимость. И, наконец, седьмой, только что побывавший на кошачьем загривке. Он был владельцем нескладной фигуры с длинными руками ниже колен и чем-то неуловимо напоминал паука.

Башкирский Кот знал, что Чакмулы — это существа, лишившиеся формы. Суть их жизни заключалась в нескончаемой Игре, которую они затеяли с самой вселенной. На кону в этой Игре было их собственное житие-бытие, точнее, существование их личности в цепи непрекращающейся

кармической памяти. Путём долгих и безжалостных тренировок, которым Чакмулы посвящали всю жизнь, они достигали такой концентрации энергии в своём теле, что оно попросту сгорало во внезапной вспышке. словно на Кресле-Кончалке. Физическая оболочка настолько изменялась в один миг, что не соответствовала уже никаким стандартам места прописки. А потому Чакмулы получали возможность путешествовать по любым мирам, где им только заблагорассудится, деля эту привилегию разве что с Попрыгайцем. Они сохраняли при этом свою личность, свою память и даже могли иметь подобие формы, но теряли все эмоциональные качества живых существ. Единственное, что их интересовало, — энергия, поддерживающая жизнь, которую они собирали везде, где только можно. Охотясь таким образом, Чакмулы становились абсолютно безжалостны, но жестокость не была им присуща. Просто такие эмоции, как гнев, злость, агрессия, не проявлялись вовсе. Но так же отвергались доброта, нежность и другие подобные побуждения. Тесное непосредственное общение с самой тканью вселенной рождало в их разуме весьма странный юмор. Существа эти могли выкидывать разные шуточки с теми, кто встречался на пути. Иногда гостя смеха ради закидывали в далёкие миры, откуда тот потом долго выбирался, пока на его родной планете проходили годы и десятилетия. Чакмулы могли изменить форму и сознание попавшегося им в дороге существа, превратив, скажем, человека в животное или птицу. Они вмешивались порой в линейный и разумный ход судьбы, и несчастный попадал внезапно в совершенно несоответствующий ему мир, после чего просто съезжал с катушек. И всё это делалось не по злему умыслу, но просто ради забавы, дабы преподнести уроки тем, кто «суёт свой нос в неположенное по статусу». Но наряду с этим, Чакмулы порой одаривали невиданными подарками того, кто при встрече показался им достойным этого. Таким даром могла оказаться способность мгновенно перемещаться в пространстве. Или возможность менять форму своего тела. А и того круче — талант к телепатии. Короче, всё то, что герои нашей книжки называли ёмким словом «прибабахи». Чакмулы были непредсказуемы, как сама жизнь. Охотники, как их ещё называли, иногда выполняли поручения тех, кто расплачивался Силой, заключая краткосрочные контракты. Башкирский Кот знал, что его родичи тоже имели взаимоотношения с Охотниками и часто прибегали к их помощи, если нужно было молниеносно доставить подмогу кому-либо из родни или кого-нибудь срочно отыскать.

— Тебе мама не говорила, что зубки беречь надо смолоду? — насмешливо произнёс «Рыжий», перемигнувшись с места на место.

— Ребята, я тут по-честному сторговался с одним чуваком. И по глупости слово своё за зуб отдал. Пришлось слово сдержать и зуб пожертвовать. Уж больно мне сабелька нужна была друзей выррручить, — кот продемонстрировал Меч-Кладунец, благоразумно защёлкнув предохранитель в безопасное положение.

— За друзей, значит? — «Паук-фельдмаршал» переступил с ноги на ногу.

— Да потерял тут своих трёх оболтусов и сам угодил в эту бакалейную лавку, — при этих словах Чакмулы заулыбались, если можно так назвать лёгкое изменение тени на их лицах.

— Вот я и подумал, — продолжил Башкирский Кот, — что, пока меня тут самого не продали, аки заморскую реликвию, надо бы эту консервную банку вскрыть и ноги делать, своих спасать.

Чакмулы переглянулись. А затем «Паук» миролюбиво спросил:

— Ну и куда же ты намеревался податься с этим ножичком? Ты ведь в курсе, я уверен, что он способен ткань реальности резать? А нам червоточины ни к чему, знаешь ли. Начнётся хаос, паника, свидетели-понят[ы]е, вопросы-допросы. Одно свинство, знаешь ли. А панковское свинство у тебя на роду написано, прямо на твоей усатой физиономии, друже.

Башкирский Кот весь затрясся при последних словах, ибо воображение ему быстро и услужливо нарисовало, что могут с ним сделать эти ребята, если решат, что он им каким-то образом дорогу перешёл.

— Да вы шо! Век шпрроты не видать! Я ж говорю, только до своих и собрался, волнуясь я за них! Они ж, аки дети малые, ходють и ходють из калитки в калитку, всё дом свой найти не могут! — Кот чуть ли слезу не пустил сиротскую. Эх, Белочкин бы театр сей оценил, ох, оценил бы...

Чакмулы посмеивались, но не злобно.

— Ладно, ара-джан, спектакль ты нам хороший закатил! — ухмыльнулись «брат» с «сестрой», — Ты лучше скажи, куда хотел попасть? А то нагородишь тут со страху окоlesiцы, дык мы живот надорвём от смеху!

— Да Красную Тюбетейку искали мы! А нас ишь как рразбросало!

— И как же это вас так?

— Да Белочкин, жми, говорит, на выключатель, там всё само собой и будет!

— Стрелочник, что ли? — удивлённо спросила «сестра».

— Ну да!

— Вот что, — «Паук» повернулся к «близнецам», — вы проводите его по-быстрому, да назад. А то нам ещё по периметру круги наматывать до триетитьного королевству.

Те кивнули и молча махнули коту «за мной».

Того не пришлось упрашивать. Он быстро вскочил, ослабился пилорамной улыбкой и приготовился поспешать.

— Нет-нет, дружок, — «Паук» нетерпеливо протянул руку, — ножичек свой ты нам оставь. Ни к чему тут историю кромсать, коли кулинарного училища не оканчивал. Мы и сами смекнём, кому сие боле понадобится, и весьма скоро, как я чую.

— Ребята, всё для вас, во здравие, дык сказать! — Кот, шаркнув задней лапой реверанс, протянул на вытянутых передних Меч-Кладунец: — Берите! Да на шо мне сдался этот скальпель, коли я ни разу не хирург? Неуч ваш кошачий слуга по медицинской части, и, как вы справедливо заметили, по кулинарии я тоже ограничиваюсь подножным. Так шо вам и финку в масть, дык сказать! Прремного благодарен!

— Уйми его уж, — «Паук» кивнул «Рыжему», и тот нехотя черкнул в воздухе какую-то фигуру пальцами.

Башкирский Кот удивлённо замолчал, внезапно разучившись говорить. «Рыжий» подошёл к нему вплотную и уставился в кошачью морду своей идущей рябью физиономией:

— Слух сюды, не пугайся, сейчас немного прокатимся. А точнее, прокатим тебя. Нам проще по своим каналам отправить, нежели твоими наматывать. Я понимаю, что «семью семь кругов по Лабиринту для Воина — не карма», но мы слегка тож торопимся.

«Рыжий» пощёлкал пальцами, и кот снова обрёл дар речи.

— Ребяты, главное, чтобы у вас всё было хорррошо. Нехай я потороплюсь до дельца, глядь, и переживу усё в лучшем виде! — Башкирчатый потрогал когтём во рту ставшее пустым место вырванного зуба и довольно заметил, что зазубренный собрат сзади уже вставал по-акульему на освободившийся пост. Про себя же кот добавил: — Уж больно всё как-то молниеносно происходит, аж голова округляется. Снег кружится, как говорится, летает... Летает. Небось, Белочкин крутанул от души стрелки на своих именных «командирских».

— Ну, вот и договорились, — физиономия «Рыжего» резко мигнула, и Башкирскому Коту показалось, что на мгновение всё потемнело в глазах.

— Треску мне в печень! Это чё?! — отшатнулся кот и тут вдруг увидел, что мир вокруг изменился.

Точнее, изменилось кошачье зрение. Башкирец зачарованно смотрел на плавающие в воздухе разноцветные полосы. Они наполняли обозримое пространство во всех направлениях и были всех возможных оттенков радуги, разной длины и ширины, и даже плотности. Полосы были как бы живыми, напоминая одновременно извивающихся ленточных червей и изныряющихся угрей с миногами. Некоторых из них, казалось, принудительно раскрасили акварелью юные художники из детсада номер сорок один, что тихо кочует свой век в одном из дворов на проспекте Ветеранов, в городе со странным названием «С-П-б» на одном из островов северной окраины Бхарата-Варши. А это попросту пёс-знает-где, в какой-то солнечной системе, на далёкой адской планете высшего уровня под названием Земля. То бишь, сразу под поверхностью райского первородного океана, на самом потолке вселенской адской бездны.

— Мама, мы все тяжело... — запел было кот.

— Спокуха, — коснулся его «Рыжий». — Это тебе временный прибабах, без которого ты на наших колеях все свои лыжи в раз переломашь. Сейчас перетрём детальки, и в путь дорожку понемножку.

— Крррасота! — Башкирец не мог отвести глаз от разноцветного всенаполняющего танца.

— Это ты мысли видишь! — бросил «Рыжий» на ходу, двигаясь к «близнецам» обсудить упомянутые детальки.

— Это чьи ж такие мыслишки? — протянул кот накурено, загнипнотизированный воздушным кувыранием и переплетением.

— Да что попало, то и видишь! — бросил опять «Рыжий» через плечо, стоя с собратями неподалёку за разговорами в узком кругу.

— Так выглядят мыслеформы, — добавил спокойный голос «Паука», чертившего что-то в это время на земле. — Это просто мысли разных существ. Одни — злые, завистливые. А потому они тёмные, тяжёлые и медленные. Другие — весёлые, мечтательные и добрые. А потому быстрые, лёгкие и светлые. Ветер бесконечности носит их в своём беспорядочном поэтическом порядке, и таким образом создаются новые мысли, новые идеи. Эволюция, кошачий брат! Короче говоря, круговорот идей в природе!

— Ишь ты мыш ты кактамышты! — Кот аж сел на задницу прямо в пыль.

«Рыжий», поговорив с «близнецами», подошёл к «Пауку» и, не открывая рта, что-то передал ему от себя прямо по воздуху из головы в голову. Башкирский Кот, используя новый полученный на время прибабах, увидел это как серию перелетающих мультяшных картинок.

— Ну вы даёте, ребята! — изумился кот. — И сколько за подобный смс вы платите с учётом НДС?

«Паук» приблизился к Башкирцу:

— Через пару минут здесь будет проходить канал, и тебя докинут, как говорится, до ближайшего метро. А там уж сам.

— Гут-гут! — закивал тот и опять загипнотизированно уставился на цветное мельтешение, словно обычный кот на скалярий в аквариуме.

— Всё готовченко! — донеслось со стороны «брата» с «сестрой».

— Ну что ж, принимаем низкий старт. — «Паук» ещё раз внимательно просмотрел начертанное им на земле.

Башкирский Кот приблизился. И увидел сложный узор, слегка похожий одновременно и на японский иероглиф, и на загадку-лабиринт из журнала «Мурзилка».

— Козырные каляки-маляки! — восхищённо откомплиментил полосатый котяра «Пауку».

— Енто мы ща и поглядим! — ответил тот и протянул мерцающую руку, указывая Башкирцу на что-то в стороне.

Там, прямо сквозь древние стены, дрейфовал в их сторону самый что ни на есть кабель. Толстый и прозрачный, похожий на плавающие вокруг цветные пиявки мысли, но не имеющий ни начала, ни конца. Просто он плыл себе по воздуху мимо боком. И затягивал в себя цветные полоски мыслеформ.

— Многожильный межпланетный мыслепровод, — откомментировал «Паук».

— «Уренгой—Помары—Ужгород»! Результат беззаветного тррруда комсомольской стройки, — добавил Башкирский Кот.

«Рыжий» удивлённо всколыхнулся.

— Да это старая история, — отмахнулся когтистой лапой котище. — Просто кое-где для повышения рождаемости сгоняли молодых особей обоих полов на коллективную стройку чего-нибудь колоссального. Подобного тому, что я сейчас перед собой вижу. Крайне схожее производство массового труда, воплощённое, правда, в весьма грубом материале, я наблюдал в

одном из миров под вышеупомянутым уренгойным названием. В общем и целом, скукота. Первые варварские шаги по нейропсихическому программированию.

Кабель медленно плыл в их сторону. Теперь коту стала видна его сердцевина.

— Видишь, — произнёс над ухом у Башкирца «Паук», — в самом центре идёт двойная канавка. По широкой полоске, которая пузырится и переливается, передаются сами мыслеформы. А рядом, видишь, проходит такой скользкий ртутный канал?

— Э-э-э-э...

— Ну такой узенький, рядышком!

— А-а-а, точно. Хорошо видать ваш градусник!

— Вот! По нему проходит сам импульс. Направление мысли, мощность передачи, адресация, посыл эмоциональный и вся сопутствующая накладная, так сказать.

— Ух ты! И чё?

— Чё-чё... Беги!

— Куды бежать-то?

— Да вот за ними и беги! — «Паук» указал на «близнецов», с которыми в это время произошла странная метаморфоза. Они вдруг исчезли с того места, где стояли, и тут же отпечатались тенями на ближайшей стене, словно мгновенный фотоснимок.

— Ух ты! — только и повторил Башкирский Кот, словно сова в лесу. — Я такое видел только раз, да и то на фотографиях из города Хера-Сима. Там тоже вот так людей на асфальт спроецировали, только с весьма трагичными последствиями. Нельзя сказать, что и причины были уж такими позитивными, мягко говоря. Печальная, в общем и целом, история.

— Беги, историк, а то на поезд свой опоздаешь! — крикнул «Рыжий». — Тут стоп-крана нет, и дёргать некому!

Две тени «близнецов» вдруг двинулись по стене в сторону барельефов, откуда вся компания вышла не так давно.

— Эй, ребята, я ведь сквозь стену, как вы, не умею вот так запррросто, — начал было кот, сорвавшись «в карьер».

Но тут «Паук» вскинул Кладучий Меч и щёлкнул предохранителем.

— Пригнись! — коротко и тихо сказал он, а затем, краем глаза сверившись с начертанным на земле, кувыркнул в воздухе мечом какую-то замысловатую загогулину и прибавил: — Йошвар кирдык махмуд узвар через йетить твою налево!

В воздухе жажнуло озоном и ослепительно взвизгнуло.

— Ыть! — только и смог ытькнуть кот и, пригнув уши, понёсся вслед за двумя скользящими по стене тенями в образовавшийся обугленный проход. Пересекая стену, он увидел, что за ней начинается огромное пространство с серыми бетонными плитами и множеством колонн. Если б Башкирцу хоть раз в жизни представилась возможность побыть водителем транспортного средства с двигателем внутреннего сгорания в городских условиях, — впрочем, почему бы и нет? — он без труда опознал бы автомобильную многоярусную парковку.

— А «финка» и впрямь границы миров режет, что твой топор сметану! Не соврал мутноумный! Эх!.. — Кот секундно пожалел о полученном и тут же утраченном Мече, но, махнув лапой, решил, что всё к лучшему. — Небось, эти ребятишки получше им распорядятся, а то ещё маме бы моей наябедничали. А с мамой лучше не спорить...

Две тени скользили по стенам. Их глубина и насыщенность никак не зависели от источника света, которым в данном случае были забрызганные грязью большие окна. Что было за стеклами — опознать не представлялось возможным из-за многослойной пыли и копоти, скопившейся на них. Да и рассматривать окрестности Башкирскому Коту как-то не хотелось. Не самое полезное для психического здоровья занятие — любоваться в ходе перемещения по Слоям окружающими пейзажами. Это он знал с пелёнок. Ибо эти самые пейзажи могли и не вполне отвечать здравому рассудку совершающего Прыжок. Бегуны, тем временем, набирали скорость. «Близнецы» скользили двумя призраками по шершавой поверхности, перепрыгивая, подобно солнечному зайчику, с колонн на стены. Башкирский Кот тоже не отставал. Тени свернули за угол по стене. Кот за ними. И тут ему померещилось, что сзади полыхнуло разноцветное сияние.

— Ой, чё такое? — Не успел он закончить реплику, как его настиг извивающийся мыслепровод. Башкирец, благодаря точно набранной скорости и правильному направлению бега, точнёхонько попал в самую его сердцевину и на мгновение как бы влился в него.

— Кимкидук амударья госпромгаз акбар алга! — хором рявкнули «близнецы» и состроили пальцами на стене жутковатую физиономию, как в детском «театре теней».

— Ич-ха! — чихнуло эхом по стенам автопарковки, и с низким гулом мыслепровод исчез, скользя сквозь бетон.

А заодно он уносил с собой забандероленную матрицу Башкирского Кота, превратившегося на время в сильно уменьшенного мультипликационного персонажа типа «кот без сапог» с нецензурными выражениями на башкирском языке, которые неслись вместе с ним рядом, ни на йоту не отставая. Тени «близнецов» акробатически изогнулись на стене, избежав кошачьей участи. Они остановились, обернулись друг на друга, весело хлопнули «по рукам» и, мигнув, исчезли. И только охранник в сторожке со шлагбаумом на первом этаже перестал храпеть, встрепенулся и прислушался к тишине, царящей в здании.

— Ыть шо енто? — забежал он слезящимися глазами. — Стрелял, шо ли, хто? Али хгром?

Тишина была ему ответом.

— Тьфу, — сторож помутузил подушку и приложил на неё голову к косяку будки. — Гроза, видать, будет.

И он опять засопел. И точно, как-то сразу невзначай стемнело, и в проёме въезда на парковку стало видно, что начался дождь. Так и не понятно было, то ли прохождение мыслепровода спровоцировало непогоду, то ли непогода притянула сюда мыслепровод. Что первично — курица или яйцо, — науке до сих пор невдомёк. Да только ни кота, ни «близнецов» там уже не было.

— Я не верю в приметы!

— Зато приметы верят в тебя!

— А это кто? — Красная Тюбетейка не унималась.

Вагон раскачивало и кидало. Скрип на поворотах множился и гремел по стенам тоннеля. Дочь степей и наш самозванный профессор сидели на полу и беседовали о чудесах лесопаркового хозяйства. А точнее, Загрибука, враз припомнивший все пожитухи в Лесу, теперь рассказывал Красной Тюбетейке о своих соседях по садоводческому участку.

— Ну, белка такая. Только у Парашютыги перепонки от передних лап до задних по предплечье, а у этой — из подмышек до задних пяток.

— А нафига? — Казашка не сдавалась, и Загрибуке начинало казаться, что над ним просто издеваются. Как часто кажется взрослым, когда ребёнок в очередной раз заводит нескончаемую песню своих «почему». Взрослых это выводит из себя, до истерики. И знаете, почему, кстати? Хе-хе! Да потому что они и сами нифига не знают. В черед своих умных высказываний родители с ужасом ждут, когда цепочка «почему» приведёт к ответу, к которому они судорожно пытались и вовсе забыть дорогу всю свою жизнь.

А почему? Да потому, что ответ сей тут же уличит их в собственном полном невежестве. Озвучивается он примерно так на взрослом толерантном языке: «Вырастешь — поймёшь, малыш!» Или: «Так природа создала!» Более солидные и учёные люди в этом же случае говорят или «Такова жизнь!», или просто «Это инстинкт!». Все эти четыре ответа расшифровывать следует так: «Да ни хрена мы не знаем! Так, типа, гадаем на кофейной гуще».

И вот к такому же щекотливому для собственной важности положению сейчас приближался наш Загрибука. Он, всегда считавший себя высочайшим интеллектуалом среди Лесной братии, теперь задницей чувал, как недалёк тот миг, когда ему, великому уму всея народов, придётся сказать страшное и непозволительное для гордых умников:

— Я не знаю!

О, нет! Только не это! Лучше расстрел! Яду! В костёр! На крест!

Но чуткая Красная Тюбетейка словно поняла затруднительность собеседника и внезапно остыла к допросу с пристрастием. Она села на одну из деревянных скамеечек, стоявших вдоль трамвая по бокам, оправила школьную форму, вынула из большого синего кармана вязанье и погрузилась в художественное крючкомплетение.

Загрибука благодарно откинулся спиной на противоположную скамейку.

— А что, — нарушил он молчание после продолжительного плутания по тоннелю, — далеко ли станция?

— А как скажешь, — ответила Красная Тюбетейка, орудуя спицами.

— То есть? — подскочил Загрибука.

— Да как определишься, куды тебе надо, так и свернём.

— Это что ж, мы тут до скончания всемирного тяготения будем кататься?

— Загрибука-сан, это тебе нужно мозгами скрипеть, куда и когда. А я-то дома. Живу я тут. У каждого Пути свои, да к тому же ни в жисть не предсказуемые. У меня вот такой, тоннельный. Им и ежу. Ни во что не вмешиваюсь, коли не спросят. Философия «у-вэй». Слышал, небось? Качу на трамвае по великому тоннелю Дао. Куда рельсы — туда и я. Ты проголосовал — я остановилась. Ты попросил подвезти — вот и едешь. В общем и целом, профессиональная этика обслуживающего персонала Путей с Общениами. Клиент всегда рулит. Мы только на «газ» и «тормоз» жмём.

— Ёктить, — только и смог произнести Загрибука и оторопело уставился в окно, за которым тянулись по стенам тоннеля нескончаемые кабели. — Мне надо подумать, — наконец решил он.

— Дык и я о чём! Только мой тебе совет: не скрипи извилинами долго, а то импульс самого решения ослабнет.

— И что? — Загрибука воззрился на казашку, но та невозмутимо орудовала спицами.

На мгновение Загрибуке примерещилось, что Красная Тюбетейка одета в хирургическую маску и зелёный халат, а вместо спиц для вязания у неё в руках скальпель, которым она спокойно разделяет кого-то на операционном столе, напевая: «Ленин кыш, Ленин мыш, Ленин кактамыш!»

— Брррр, — стряхнул он наваждение и поплевал трижды под ноги.

— А то, что трамвай по импульсу курс определяет. Не по изречённому тобой словоблудию, а по тому колыханию сердца, что в момент рождения эпиграмм происходит. По-босаяцки выражаясь, компас трамвайный сокровенное чует в тебе. Так что с орфографией и ораторством не заморачивайся особо. Просто решишь на что-нить. И это, ты вот что, не плюй в колодец, вылетит — не поймашь! Примета такая. Не парься, тут всяко-разно мерещится. Замкнутое пространство и всё такое. Ты в подлодке не плавал ведь?

— Чур меня, чур! — Загрибука, как всякий умник, осознал огромную важность своего будущего решения и замахал руками, мол, шо ты, шо ты, какие подлодки? Но тут же осёкся, ибо колыхнулся в его памяти кошмар, а в нём Жёлтая Подводная Лодка, в которой они с Башкирским Котом наблюдали натуральное светопреставление.

— Б-б-б-б-был, — нехотя признался лесопарковый профессор, и нос у него ещё больше порозовел.

— Где был? — оторвалась Красная Тюбетейка от хирургического крючкоплетения.

— В лодке был, — ответил Загрибука и поджал хвост.

— Так может, туда?

— Не, что ты!!! — аж подскочил он. — Я всё, своё отслужил! Ты енто, айна-лайна-джан, не торопи матроса, о'кей? А шо за примета такая? Я как учёный вообще-то в приметы не верю.

— А им, приметам, енто как-то до лампочек бараньих! Они — карела, им — похъелла! А примета простая. Коли переплюёшься после виданного, то глюком и обернётся и в зачёт по карме не пойдёт. А коли примешь в полной осознанке Возможности Происхождения Всего — шанс на

чудо можешь схлопотать от Потолочного Разумения. Ты, штурман, как определишься с азимутом, так свисти. А мне тут с кулинарией надо закончить.

И Загрибука только сейчас увидел, что Красная Тюбетейка вяжет пирожок.

Он уже собирался опять переплюнуть, но вовремя спохватился и лишь сам для себя утвердительно кивнул головой. Мол, а что, мы такого не видали? Ну пирожки, ну вязаные. Может, на случай зимы, чтобы шерстяные?

Он оглядел в тоске трамвай и опять уставился в окно. И тут сначала ему показалось, что один кабель вдруг как-то странно засветился. А потом привиделось, что по этому светящемуся кабелю, прям внутри, пронёсся мимо, обгоняя трамвай, маленький, нарисованный цветными карандашами, мультяшный кот с раззявленной в вопле пастью. Загрибука кинулся к окну и даже сквозь грохот трамвая услышал ясно, как исчезает след пролетевшему аниме сложносоставленное предложение из отборного башкирского мата. Профессор наш уж в третий раз собрался переплюнуть, как вдруг отскочил от окна, сунул два пальца в рот и...

Раздалось жалкое фикание выпускаемого воздуха.

— А-а-а, определился, гляжу. Это правильно! Да погодь, не так надо! — Красная Тюбетейка сложила на скамейку вязанье. — Надо пальцами кончик языка завернуть и прижать. Вот так.

Она сложила пальцы в рот и свистнула так, что у Загрибуки заложило уши.

Трамвай встрепенулся и задрожал.

— Слышал, что боцман скомандовал? — заорала внезапно мужицким басом Красная Тюбетейка в сторону кабины. — Все на ванты! Орудия к бою! Курс зюйд-зюйд-норд! Обе машины полный вперед!

И Загрибуке почудилось, как трамвай совершенно по-кошачьи подобрал лапы перед прыжком.

— Ой, мама! — тихо произнёс он.

— Алга! — выкрикнула казашка грозное заклинание Степного Духа Тутытама, и трамвай прыгнул.

Тысновидцы и кастанудисты

Ослепнув от внезапно ударившего в глаза света, Слипёр стояла на ступеньках лестницы.

— Не бегите по эскалатору! Держитесь за поручни! — От жуткого механического голоса девушка аж присела.

А затем лестница чудесным образом сама поехала под ногами. Вниз. Слипёр стояла, вцепившись в чёрные резиновые перила, и вертела головой, пытаясь привыкнуть своим вестибулярным аппаратом к скольжению. Первое, что ей пришло на ум, будто она спускается в гигантскую кроличью нору. Неровные, волнами погрызанные стены свидетельствовали о кошмарных размерах зубов этого, по всей видимости, доисторического любителя каротина, который, как нам всем известно, в больших количествах содержится в морковке. Ещё Слипёр

почему-то сейчас вспомнила о том, что этот самый каротин недурственно влияет на рост и на остроту зрения. Первое уже было вполне продемонстрировано предполагаемыми размерами обитателя этой норы. А вот ясное видение и чёткий прицел подземного кроля её совсем не радовали. В таком свете служила была хорошей мишенью или лёгкой разминочной закуской, в зависимости от соблюдения вегетарианства хозяином. Впрочем, все эти судорожные думы вскоре исчезли, едва она углядела лампы по сторонам лестницы, от коих и было тут светло, аки днём.

— Дело рук сознательных и понимающих, — коротко констатировала Слипер, немного успокоилась и стала ждать, засунув руки в карманы синего строительного комбинезона. Полотенце она предусмотрительно спрятала в рюкзак за спину.

Внизу замаячил конец путешествию. Сойдя не без труда с бегущей лестницы, которая украдкой ныряла тут под пол, словно мышь под плинтус, девушка увидела коридор. Большой и такой же светлый.

— Точняк, Элиены строили! — Слипер в благоговейном восхищении смотрела вокруг. — Может, они и свои летающие блюдца тут хранили? — И она заскользила вперёд по коридору на своих войлочных тапочках, как на лыжах, ибо пол был не просто скользкий, но блестел полированным катком. Не успело ей надоесть это развлечение, как коридор оборвался ступеньками, уходящими ещё ниже. Слипер осторожно потрогала ногой лестницу, но эта и не думала куда-либо ехать сама.

— Уже славненько, — приободрилась девушка и осторожно стала спускаться. Внизу её ждал огромный пустой ангар. Слипер, как зачарованная, вышла на его середину и уставилась на сводчатый потолок, где горели холодным синеватым светом невиданные длинные лампы.

— Ух ты! — выдохнула она, и эхо многократно отразило ухание.

— Ух ты!!! — сказала Слипер громче, забавляясь эхом. И неизвестно, сколь бы она ещё ухала, словно филин в колодец, но из неведомой пустоты неожиданно раздался нервный и громкий писк.

— Комары, что ли?

И тут, словно ниоткуда, прямо из воздуха появился большой мохнатый мух, пронёсся мимо её лица и внезапно исчез, оставив за собой затихающий всё тот же писк.

— Чудеса-а-а! — протянула Слипер, но мгновением позже почти упала на корточки от жуткого механического голоса, заоравшего на весь ангар:

— Отойдите от края платформы! На прибывающий поезд посадки не будет!

Девушка, не вставая, оглянулась по сторонам и тут же сообразила:

— Да это вокзал!

И словно в подтверждение послышался тяжёлый далёкий гул. Поозиравшись на предполагаемый источник звука, Слипер заметила в дальних концах ангара тёмные провалы арок, ведущих, по всей видимости, в тоннели. И оттуда что-то явно надвигалось. Девушка замерла, привставая с корточек в боевую стойку. И в тот момент, когда из тоннеля вывалился немигающий слепящий глаз, за её спиной вдруг нечто внушительно шандарахнуло.

— Йа-хуууу! — Прямо в пустом воздухе возникла фотовспышка, и когда «зайчики» перестали плясать в глазах, Слипел увидела совершенно одуревшего Дримера.

— Дример, братан! — Она бросилась ему на шею.

— Тих-тих, — захлопал братец по спине. — Всё в порядке. Жив я.

Он вытянул из-за пояса полотенце, вытерся им как мог и сныкал в нагрудный карман комбеза. Слипел и Дример теперь были похожи на заурядную бригаду по укладке кафеля или на водопроводчиков в своих затасканных комбезах с одинаковыми надписями на футболках под ними.

Они так обрадовались друг другу, что упустили из внимания пролетевший на всех парах через станцию поезд. Эх, а на него стоило бы посмотреть! Чудо. Ну натуральное чудо! Какие технологии! Но, увы, значит, не судьба была. А стало быть, и нам пока рано на такое пялиться. Всею своё время.

— Ты где был? Откуда ты такой мокрый? — затараторила Слипел. — Круть какие ты боты нарыл! — изумилась она, глядя на сиротские ботинки Дримера, полученные в обмен на тапки Белочкина.

— Да вот, на рэп-вечеринке потусил немного. И обувь оттудова. Стрелочник, видимо, решил разбавить мой музыкальный кругозор этническими кавер-версиями.

— Сдуй мои пилюльки! А меня только и швыряло. То в одну сторону, то в другую. То тебе океан, то комнатуха.

— Изрядно потрепало? — Дример осмотрел Слипел.

— Да всё по-быстрому. Раз — сюда, два — туда, три — уже здесь.

— Значит, время у нас в Прыжке по-разному текло. Я-то там, у рэперов, срок отсидел немалый.

Пришлось допросом пройти по делу.

— То есть?

— Да к диггерам я угодил, говорю ж, — Дример очумело озирался.

— А это кто?

— Да есть такие ребята, потомки гномов. Рэп читают складно. Да и ты со своими тапками им пришлась бы по душе.

— Чё?! — хохотнула Слипел.

— Тапки им нравятся. Им бы на барахолку к Белочкину заглянуть, — усмехнулся в ответ Дример.

— Все там будем.

— А натюрэль!

— Поезд 0208/72 прибывает на первый путь, — заорал дурным голосом железный призрак из-под потолка.

— Ёк! — аж подпрыгнул Дример.

— Да не боись! Оно безвредное. Орёт себе и орёт, — Слипел улыбнулась и показала язык потолку с яркими лампами.

И в это время опять раздался гул.

— Это шо? — Дример недоверчиво покосился по сторонам.

— Это поезд, типа. Мы на вокзале, стало быть, тусуем, — ответила Слипер.

— Да ну-у-у? Ух ты! — дал филина Дример.

И они оба повернулись в сторону тоннеля, откуда исходил низкий дрожащий гудёж. Оправдав все ожидания, из него выскреблось нечто. Нечто было старым иссохшим трамваем бордового цвета с мутным рыбьим глазом фары в аккурат посередь морды лица. Сыпя искрами, он проскрежетал до середины платформы и остановился.

Слипер и Дример, разинув рты, смотрели на этот музейный экспонат и ждали продолжения банкета. Трамвай чихнул, словно гигантский хомячок, и открыл двери. А оттуда, сияя загребущими руками, вывалился наш родимый Загрибука Загрибукович Загрибукин.

— Открути мои колёса! Кого я вижу! — Слипер радостно бросилась навстречу затерявшемуся дружище. Дример заулыбался.

— Ой, братцы, как я рад вас видеть! — Загрибука хлопнулся в объятья.

— Вот славненько! — Дример тоже обнял Загрибуку. — Я уж переживать стал. То пережевал, это пережевал, а ты никак не сплёвываешься к нам.

— А где вы такой гардероб раздобыли?

— Эх, профессор, — засмеялся Дример, — тебя очень не хватало на одной костюмированной вечеринке. И к тому же, я очень рад, что ты пребываешь в своей привычной личине, а то едва сам не съехал с транзисторов, пока привыкал к твоему карликовому виду. А вот познания по части истории мне бы пришлось кстати чуть ранее...

— Ась? — Загрибука ещё не отошёл от подземного скрежетания по Пулям С Общением.

— Да я тут потусил у одних малых народов с музыкальным сопровождением. Всё тебя вспоминал. Думаю, вот Загрибыча-то как не хватает здесь!

— Дык можно и зайти, — Загрибука радостно оглядывал зал.

— Нет-нет, как-нить в другой раз, — откосил Дример, замахав руками.

Тут Загрибука зацепил памятью нечто очень важное, дёрнул за штанины Дримера и Слипера и потащил их к трамваю:

— Ребзя, я вам тут кое-кого привёз. Поторопитесь, а то я расписания прибытия-отбытия не ведаю здешнего.

А из трамвая им навстречу уже вышла, стуча каблучками восточных расписных сапожек, Красная Тюбетейка.

— Салам алейкум! — улыбнулась она во весь рот раскосыми глазами.

— Воистину байрам! — Дример подошёл к ней.

— Здрас-сте! — поспешила Слипер протянуть руку, боясь, что столь трудно искомое ими сейчас исчезнет.

— Рада была доставить вашего товарища, — казашка потрепала по голове Загрибуку.

— А второго нашего не встречали? — Дример заглянул ей в глаза.

— Да он на стрелке застрял, — ответила Красная Тюбетейка, не моргнув раскосым очами. — Ща приедет! Да вот и он! — Она обернулась в сторону тёмного провала.

— Кутунгескэ джальяб! — Дикий вопль сопровождал вылетевшего пулей из тоннеля мультипликационного кота, который, изогнувшись гусеничкой, мелькающим комиксом увернулся от колеи с рельсами и шмякнулся на пол.

— Сдуй мои пилюльки! — Слипер ошарашенно смотрела на мерцающий призрак Башкирского Кота. — Что с ним сделали? Это чё за детский утренник?

— Да щас, не пугайтесь, его просто разархивировать нужно! — Казашка подошла к коту и дунула на него со словами: — Иже с ними иже наш открывай виндой шалаш!

Голограмма задёргалась, но не торопилась освободить Башкирца.

Тогда Загрибука в порыве Всешарящего Прочухалова пошебуршал у себя за ухом, достал белый фломастер, подаренный ему Белочкиным, и, зажмурив глаза, быстро подошёл к мерцающей на полу каляке-маляке.

— Извиняй, Башкир-Ата, коли шо не так, — молвил он и, сняв колпачок с фломастера, ткнул им в картинку.

И это сработало!

Мультик рассыпался калякающими бормотульки картинками, и посреди внезапно образовавшегося на полу карикатурного журнала «Крокодайл таймс» остался сидеть на заднице целёхонький и невредименький Башкирский Кот. Только очень лохматый и помятый.

Фломастер, как и размагниченные им бормотульки, развалился неожиданно на множество кусочков прямо в загребущих лапах, тем самым завершив свою Дхарму в этом воплощении. Все замолчали. Загрибука отгёр ладошки от остатков пластмассы и с участием глянул на Башкирского Кота.

Кот же помолчал мгновение, ощупал бока, а потом, повернувшись к тоннелю, заорал:

— Ы-ы-ы-ы-ыш-штоб вас!

— С тобой всё в порядке? — Дример наклонился к нему.

— Да кто теперь разберёт, в каком я порррядке нынче пересобран? — Полосатый кот отряхнулся и заворчал песенку: — Я был когда-то странной безумной голограммой...

Затем он встал на лапы:

— Блин-оладушки, ррребяты, я так рад вас видеть, обсушись мои рыбёшки!

Он обошёл Слипера и Дримера и обтёрся об их штанины, словно обычный домашний кот, оставив на них пыльные следы:

— И сколь ж мне пришлось пережить, штоб вас найти!

— Ваши все в сборе? — Казашка умиленно смотрела на всю честную компанию.

— Да, рэхмэд вам намеренный! — Дример поклонился ей по-восточному.

— Ну, тады я дальше, в рейс! — Красная Тюбетейка засобиравалась.

— Погодьте, айна-лайна-джан, — Слипер потянулась за ней. — Мы, понимаете ли, вас и искали, собственно. Вопросик у нас к вам залежался.

— Всегда рада, — казашка повернулась к ним.

Слипер замялась.

— Тут вот какое дело, — неожиданно выступил вперёд Загрибука. — Нам про вас всякое сказывали...

— Да ну? — Красная Тюбетейка подняла чёрные разлётные брови. — А кто?

— Да кого ни встретишь, — ответил кот, всё ещё оглядывая себя кругами. — Вы у нас во Всея Сангхе известная дама. Талант, можно сказать, межгалактический по кулинарррному искусству. Кондитерский тантризм в вашем исполнении гремит во всея славе по всем загогулинам Лабиринта.

Казашка смущённо покраснела и оправила школьную форму:

— Да ладно вам, чё, правда?

— Век шпроты не видать! — чиркнул кот по зубам когтем, но тут же осадил и притих, ощутив клыки и явно что-то припомнив. Оглянувшись на тоннель, он уже более спокойно сказал: — Точно вам говорю, милейшая. Так усё и есть. Я уж, гэвэра, имею шо сказать за енто дело!

— А чё рассказывали-то? — Красная Тюбетейка, теперь вовсю заинтересованная, подскочила к ним вплотную, словно к подружкам на переменке в школе.

— Пирожки, мол, чудесатые да вкусные у вас, — Слипер доверительно закивала. — Да вот и Белочкин вам respetы и поклоны передавал.

— Ой, дядя Гаврила! — всплеснула руками казашка. — Какой он милый!

— Ага! — только и мявкнул Башкирец, потирая полосатую задницу. — Чудный, милый ангелочек! Здравия вам и ррразруления, Белочкин-сан.

И на мгновение коту причудилось, что в воздухе раздалось тихое «хе-хе».

— А чё ещё? — Казашка была вся внимание. Даже съехавшая слегка на бок тюбетейка её теперь не заботила.

— Да вот, — Дример помедлил, — говаривают, будто маршруты вам известны по всей Небесной Загогулине, то бишь по Лабиринту.

— Ну, знаю малёхо, — не стала отпираться дочь степей. — А чё, надо куда? Дык алга на борт! Наш паровоз вперёд летит, в коммуналке остановки...

— Да не, тут такое дело... — Слипер потупилась.

— Дело простое, зёма! — Башкирский Кот подошёл к казашке и глянул на неё снизу вверх ясными зелёными глазищами. — Ни чёрта лысого они не помнят, кто из них откуда и как сюда попал. Шастают по всей вселенной, бузу наводят. А мне отвечай. Мама выпорот! Понимаешь? До юрты родимой они хотят, вот и дело всё.

— Вай, шайтан попутал! — заохала казашка. — От аула отвёл, глаза замутузил.

— Во-во, — поддакнул кот, — замут знатный, торкает так, что кумысом не отопьёшься!

— Только Лес помним, — вставила Слипер нерешительно, елозя войлочными тапками по скользкому полу.

— Какой-такой Лес? — с интересом склонила голову дочь степей.

— Да ворожба натуральная, — хмуро забубнил Дример. — Вроде мы и жили там испокон веков, а вот сколько этих веков прошло и откуда они начались — не упомним.

— Фррронтальная лоботомия, — сострил Башкирский Кот, — по всея законам делается исключительно с согласия на то пациента или ближайших родственников в случае полной невменяемо со стороны клиента!

— Оч смешно! — Слипер укоризненно посмотрела на него и дала ему подзатыльник.

— Да ладно вам, — кот насупился, словно съел тарелку позавчерашнего горохового супа, но тут же просиял: — Я ж так, разрядить сурьёзность ситуации. Я за вас, ррребята, жуть как переживучий. Уж столько пережил...

— Погодь, пережись, — Дример оборвал вербальный кошачий гон и повернулся вновь к вагоновожатой трамвая: — Мы, понимаете ли, вроде как проснулись там однажды, а всё вокруг уже было. И Лес, и все, кто в нём.

— Было бы странно, если б вы проснулись, а вокруг ничего не было! — Красная Тюбетейка глянула прямо в глаза Дримеру. — Вы бы тогда тут со мной не разговаривали, ибо ваше празднотание по вселенной можно было объявить закрытым. То бишь вылупились бы вы уже из Вселенского Яйца и были сейчас даже мне трудно представить кем! А никто и не возвращался, чтоб представление иметь. Разве что Попрыгаец, да и тот помалкивает, лишь хихикает на все вопросы в ответ.

— Чё?! — Дример и Слипер воззрились на неё.

— Окончательное и Полное Всешарящее Прочухалово схлопотали бы! — объяснил Башкирский Кот. — Всё, конец твоим страданиям и разочарованиям, и сразу наступает хорррошая погода! Кранты карме! Культпросвет личности! Светоносность тела и светозарность души! Короче, ауфидерзейн, мой маленький мирок! Любимый мой дворик, ты очень мне дорог, я по тебе буду скучать... — запел он хриплым басом.

— Ух ты! — Слипер опять заделалась филином.

— Всё понятно, — кивнул Дример. — Но только вот экспериментальным путём было нами прочухано, что всё в Лесу от нас с братцем зависит! Типа, как будто мы его генерируем со всеми потрохами.

— А я, позвольте? Я что, тоже потрох? — Загрибука упёрся загребущими ручищами в бока.

— С братцем, говоришь? — Казашка внимательно осмотрела Слипера, а потом вдруг неожиданно дунула ей в глаза и щебетнула на староколпакском: — Шкындыр-бындыр румба-бумба фейс ремембер аут клумба!

В воздухе что-то хлопнуло, и на месте, где стояла Слипер, вдруг словно новогоднюю хлопушку взорвали. Конфетти так и полетели в разные стороны лепестками нежной японской сакуры.

— О! Зыко! — Слипер стоял, как ни в чём не бывало, всё в той же одежонке, но теперь старого, привычного мужского полу. — Так намного лучше! Рэхмэд, Тюбетейка-джан! А то я уж привыкать стал. Ещё немного, и на каблуки бы встал!

— Не приведи Потолочное Разумение! Да, так намного лучше! — Дример оглядел братца. — На каблуки его не надо. Ничего такого страшного он по судьбинушке покамест не натворил вроде как.

Загрибука и Башкирский Кот только переглянулись, пожав плечами. Странные, мол, вы существа, челобреки. Аки вам разница в окончаниях вашего обращения? Хотя каблуки — да, серьёзная верига. Есть, стало быть, за шо.

— Дык как насчёт Леса-то... — напомнил Загрибука.

— Спокуха, дело известное, — серьёзно заметила казашка. — За лесопарк ваш я имею чё сказать. Ща, Загрибыч, всё смекнёшь. Знаю я такие штуковины! Омут в едином поле вселенском. Запруда в океане Дао. Взбаламутить местного кипежу.

— То есть? — разом спросили Дример и Слипер.

— Отдельная реальность, которую вы создали. Осознанный сон, затвердевший благодаря приложенной воле. Замкнутое пространство со своим временем. Может в таком состоянии находиться до Последнего Выдоха.

— Чьего? — опять вместе спросили Слипер и Дример.

— Чьего-чьего, — Красная Тюбетейка оглядела их, — вашего, конечно! Вы тот мир создали из себя самих, что твои Тутытамы недоученные. Он и сейчас там висит, поддерживаемый вашим сознанием. В стороне от больших автобанов и трасс федерального значения. Потому завалиться туда нечаянно да некофейно может что и кто угодно, коли шастать будет без путеводителя по Небесной Загогулине. Тупик это с односторонней движухой. Туда — алга, а обратно — тохта! Капкан вселенной. Чёрная дырень с лохматыми краями в бигудях. В тихий омут с головой, как говорится, и без удочки. Вы с братцем, получается, самые что ни на есть Тысновидцы!

— Шо? — Дример нахмурился.

— Тысновидцы! — повторила казашка. — Те, кто сновидит других в своём сне. То есть ловит существ на свою мормышку. Создаёт замкнутый ментальный мир, а затем втюхивает туда кого попадётся. Типа, заходите, гости дорогие, берите чё хотите! Гуляйте тут у нас, сколь пожелаете. Билет на аттракцион в кассах парка у входа. Платите энергией. Рыбалка по «Гринпису». Никаких жертв, одни заложники.

— Да как же мы здесь, а он там? — Слипер развел руками. — А все, кто в западне лесной кукует до сих пор?

— А они туда сами накуковались, — кивнула казашка, притопнув сапожками в стационарный пол. — По карме положено было. Потолочное Разумение ведь тож не просто спицами на живую нитку связано-сшито. У него и шито есть, и крыто. Вот оно по-быстрому во вновь образовавшуюся коммуналку всех и повпихало, как уж каждому заведомо да заповедано было, да чтоб вам не скучно.

— Дык не помню я ничё! — Загрибука чуть не заплакал. — Я ж тоже проснулся однажды там. Глядь, на земле лежу, вокруг поле. А что до тех пор было — как отшибло. Помню — что-то ведь

было. Но что — аж мозг закипает, но не могу опознать. Контузия у меня. Так и кочумал там невесть сколько, аж со счёту сбился. Да вот братьев нашёл вскоре. Точнее, они сами нашлись.

— Было дело, — согласился Слипёр. — Я шастать-то начал по окрестностям поначалу, да и наткнулся на Загрибыча. А он там, на поле, обсерватории строил.

— Я хоть по звёздам пытался определить, где мы, — всхлипнул Загрибука. — Да не вышло ничего. Там все светила на небе что хотят, то и делают. Хороводы кружат. Иллюминация знатная, да всё виртуалкой пахивает. Не греет и не радует.

— Иллюзорность, майя, — подтвердила Красная Тюбетейка. — Спроецированная модель мира. Без мануала и инструкций. Произвольная форма. Чем дальше от генератора, тем хаотичней становится.

— Ёктить, что же у них сейчас там?! — вдруг осознал Дример.

— Да ничего особенного, только восприятие сузилось, — ответила казашка. — Всё, до чего рука дотянется, — существует. Что глаз видит — то и видится. А остальное сразу схлопывается. Они и не замечают пока ничего. Типа, как спиной к чему-нибудь повернулся, как что из внимания выпало, дык сразу в ничто превращается, в чистую энергию. Ну, может, чуть конкретики в ощущениях поменьше стало.

— Это как? — Загрибука заинтересовался близкой ему научной темой и даже забыл всхлипывать.

— Ну, горячее стало вроде как не пойми каким горячим, холодное — не поймёшь сходу каким холодным, и так далее. Всё поверхностно. Так с любым миром происходит, когда тот аукаться собирается.

— Куда аукаться? — спросил испуганно Слипёр.

— В Великое Ежемгновенное Обновление. Помирает попросту, типа, и уши просит, — прищурилась Красная Тюбетейка. — Тогда всем живущим в таком мире и радость не в радость, и горе не горе. Всё притупляется, готовясь громко крикнуть.

— У-у-у-у, — протянул Башкирский Кот, глянув на Слипера и Дримера с хитрецей. — Вот это вы, ррребята, затеяли! Да я просто милый шалунишка по сравнению с вами! А на меня ещё родственнички наезжают, мол, дебоширю оголтело. На вас бы они глянули! Вы тут межгалактический терроризм устроили с заложниками да местечковый конец света разыгрываете, а мне маманя за шалости сущие хвост отрывать? Ничё себе!

— А сам-то ты как там очутился? — Дример глянул на кота, который до этого молча сидел да грыз когти.

— Да как-как, — кот засмутился, опустив долу глаза, а точнее, стал усиленно разглядывать щёлочки в полу. — Я-то всё помню. У мамули на столе шарик в оправе стоял, крррасивый такой. У нас таких много по дому было. И дому много было. От края до края далече с рюкзачком тянуть. В целом, по-другому там пространство построено. Можно и впихнуть невпиху..., сорри, дамы, чуть не заговорился. А, дык я о шариках! Так вот! Какие-то висели высоко, а какие-то и под стеклом стояли. Переливаются они радужно. И вроде как живые. Мамуля мне грозила лапой, чтоб

не цапал ни в раз. А я как-то после обеда когтём и тронул тот, что на столе поближе был, да крутанул в подставочке. Ну меня туда сразу и утянуло. Прямо внутрь. Сначала вроде и не произошло ничего. Я лапой только цапнул, как в голове что-то щёлкнуло или пискнуло и нарастать стало. И понеслась. Помню только, всё было быстро-быстро. Как на санках по жёлобу летишь. А и мявкнуть не успел, враз сквозь ветки, словно Тютелька в Тютельку, свалился в мох. И всё. Здравс-сте, гости дорррогие. Добро пожаловать на далёком ранчо.

— Та-а-ак, — Дример надвинулся на кота. — И ты молчал?

— А чё болтать-то? — Башкирский виновато опустил усы. — Вы не спрашивали. А в общественных местах ведь так: начнёшь лишнего кумекать, дык и сослать куда могут, а и по холке надавать. Дык и сам в ррраздумьях был, мол, не я ли всему виной оказался? А с вами, Тысновидцами, свяжешься, так потом и зубы во рту пропадать начнут! — Он ковырнул когтём во рту и удовлетворённо хмыкнул. Зуб почти зарос, то бишь заменился новым.

— Так и шо теперь? — Дример повернулся к Красной Тюбетейке.

— А чё? — Та улыбалась как ни в чём не бывало. — Вам теперь к Царям Окольцованным дорога! Высшим велением мирок сей упразднить да по домам весь променад отправить.

— Ой-йо-о-о-о... — затянул по-уральски Башкирский Кот и сел, обхватив голову лапами.

Дример внимательно посмотрел на кота и выжидательно уставился на Красную Тюбетейку.

— Мне кажется, или мы чего-то не знаем про них? — спросил он как бы казашку, но косясь на Слипера.

— Э-э-э-э, ну, прямо скажем, непростой маршрутик, — кивнула степная девица.

— Благодарю за толерантность! — Кот поднялся и выступил перед собранием: — Дорогие дрррузья, кэээрлэ, понимаешь, дуслар! Как тонко выразилась наша подруга, это будет весьма затруднительное пешкодралово третьей категории сложности по напрочь пересечённой местности. А если выразаться по-нашему, по-одесски, то сие называется одним коротким словом... — Он выдержал паузу и заорал: — Жопа!

— А ты не парься раньше времени, — мужественно подал голос Слипер. — Мы, блин, старые проктологи, в таких задницах кочумали, что и Окольцованных найдём по запаху одному!

— Да шо вы говорите, — Башкирский сложил лапы накрест на груди, сев на хвост. — Вы хоть представляете, челобреки, куда вас милым даосским сквознячком несёт? Что вы об Окольцованных знаете?

— Ничего, — честно ответил Дример.

— Это же натуррральные кастанудисты! — Кот важно качнулся на полосатом задку.

— Час от часу не легче! — Дример смачно сплюнул, казашка укоризненно посмотрела на него, и братец добавил более культурно: — Енто ещё кто?

— Это, — Башкирец удручённо поднял морду лица, — те ребяташки, которых с самого Потолочного Разумения сюда ухнуло либо за косячество какое, либо по засланности боевой! Это Братья Кольца. Они над миром живут. Светоносные. Как раз те, о ком вам представительница степного клана, милая наша Тюбетейка-джан, давеча распиналась по части вылупляемости из

Вселенского Яйца. Они в духовном мире прописку имеют. Не материальная их квартирка ни в раз. Они — сплошная гулячая прибабашина, живоходячий фокус-покус. Царский род. Они вселенной управляют, не выходя из дома.

— Дык и что они у нас тут делают? — Слипер всё не догонял.

— Я ж уже сказал, — кот недовольно сморщил усы, — иль за косячество, али по засланности. У них там всё строго. Один из семьи чё не так уделал, так и весь клан до последнего колена ухаёт ежемгновенно сюда, в материальное воплощение. Дык сказать, один из-за всех, все под одного по одной статье. Честь семьи. Али по-другому бывает, что Потолочное Разумение само отправляет такого Окольцованного к нам сюда. С заданием. То весть благую нести народам да поколениям, то спасти срочно кого, то ещё по каким своим делам.

— Чего-то слышал такое, — неуверенно протянул Дример, крутя головой по сторонам. Он нащупал нежданно в кармане пачку папирос. А кто ж его знает, можно ли тут курить?

— Ну может, на картинках видел? Их обычно с обручами и изображают, — кот обвёл лапой вокруг своей головы, — знак у них Светоносной Касты. Обруч из Света Первозданного. Ни в рраз ничем не снимешь, а коснёшься — и вовсе без мозгов остаться можешь. Будешь под себя на подгузничек крошки ронять.

— И много их таких среди нас? — спросил Загрибука, тревожно забив хвостом.

— Да немало, — подтвердил кот и театралью стал считать когти на лапах. — Все разбросаны по разным Слоям, уж кого куда угораздило и по каким соображениям. А только дважды в период полуоборота оборота любой планеты вокруг своего заворота они собираются в Зеркальном Доме. Вроде как на сходняк. Все тропы Лабиринтовы в это время сходятся на одном перекрёстке, аки в коммуналке у Стрелочника. И каждый Окольцованный сей момент чует, что твоя кошка рыбу залежалую в ближайшем «Сельхозпродукте».

— А где дом ихний этот? — Слипер заёрзал. — Да не тьяни ты кота... Извини, ара, я просто нервничаю категорически.

— Да ладно, понимаю, — примирительно кивнул Башкирчатый. — В общем и целом, Зеркальный Дом стоит в какой-то далёкой загогулине Лабиринта, в нестабильном мире. Типа того, как вы, Тысновидцы хреновы, состряпали любительски в одной из жоп мира. Токма у них мир этот очень даже контролируемый и по своей назначенной траектории петляет меж галактик, что твой зайчушка-попрыгушка по огороду. Хрена-с-два-на-редьку за хвост сцапаешь.

— А почему ты их кастанудистами назвал-то? — Загрибуке тож было жуть как интересно всё это.

— Дык они и есть, — развёл лапами кот, — кастанудисты. То бишь клан обнажённых духом. Блаженны нищие душой, типа. Нечего им надеть. У обычного существа в наших мирах тел, что рубашек на бомже в зимний период, майка на майке, на ней пуловер и свитер, сверху рубашка и пальто, заправленное в треники. Физическое тело там, ментальное, астральное, казуальное и ещё сам Тутытам ногу сломит какое. Как слоёный пирррожок мадам, — он кивнул в сторону Красной Тюбетейки, и она покраснелась от такого французского к ней.

Кот продолжил:

— А эти товаррищи с вышака имеют на себе только едва сдерживающую оболочку мнимую. А под ней чистый дух сияет да прорывается иногда на невежественный страх и варварский ужас наших вселенских сограждан по кармическому несчастью. Короче, выглядят они внешне вроде как и мы все, да только мнимость это. Они тута ненадолго и память свою высшую световую при перерождениях не теряют. И коли чего, в экстренной ситуации могут такого учудить! Вплоть до внезапной кончины всея планеты, которой «посчастливилось» сию Светлейшую Личность принять в свои кармические объятия да чем-либо внезапно не по понятиям ей насолить.

— Серьёзная братва, — заметил Дример.

— И я о чём толкую! — закивал кот. — Серьёзней не придумаешь. Хреновый подгон себе и родне своей сделает тот, кто Окольцованного с порога своего прогонит иль слово пагубное в его адрес брякнет за глаза. Три дня поноса, агония и смерть с осложнениями — это минимум, на что такой дурень может рассчитывать в плане отдачи, которая не замедлит его замучить. — Кот задумчиво полез в пасть и внимательно потрогал зуб. Затем облегчённо вздохнул.

— Ну да делать нам всё равно нечего! — решительно постановил Дример, потопав диггеровскими ботинками. — Посему, уважаемая, — он обратился к Красной Тюбетейке, — к вам назрела просьба личного характера.

— Хорош толочь кумыс в ступе, Дример-Ата, — отрезала казашка. — И так всё понятно. Прыгайте в трамвай, а по дороге тонкости ориентирования на местности обкашляем.

Слипер, Дример, Загрибука и Башкирский Кот зашли в распахнутые двери ветхого облупленного трамвая и расселись по скамейкам. Последней за ними вошла Красная Тюбетейка, оглядела всю компанию и жалостливо утешила:

— Да вы не дёргайтесь понапрасну! Зря котяра ваш жути нагнал! Окольцованные и впрям серьёзны донельзя, да только ко всякому доброму существу состраданием напрочь буддистским проникнуты. Посему не дрейфьте. Для пущего сугреву вот вам в путь сувенирчик восточный! — она протянула Дримеру сетчатую авоську.

— А шо там? — Дример почесал Шапку-Невредимку на голове.

— Да по мелочи. — Казашка подхватила веник в углу и стала подметать пол в трамвае. — Пирожков на дорожку да сюрприз зачарованный.

Дример заглянул в смуть указанную и определил пакет, из которого торчали вязаные разноцветные пироги, а на дне виднелось нечто круглое и тёмное.

— А это шо? — Братец поднял глаза.

— Да так, подружка вам боевая на случай всякий, Черепаха-Тротилла!

Всё отшатнулись от авоськи, которую Дример едва не выронил из рук.

— Да не вибрируйте! Она спит в глубоком астральном заплыве, — махнула рукой Тюбетейка, продолжая спокойно мести пол. — Коли чего стрясётся, вы её из тряпицы достаньте, — казашка наставительно подняла палец, — да постучите по панцирю с уговором. А там уж кого Тротилла первого увидит — тому и перерождаться пора. Уговор тот я вам позднее скажу, чтоб по-тихому,

под стук колёс. Так что не мечитесь по транспортному средству. А лучше-ка привалитесь куда-нить да отдохните чуток. А то кидать по дороге будет.

Вся компания послушно ушла на заднюю площадку трамвая и улеглась на раскладушки. Уж больно много было у них переживаний за последнее время. Дример развесил мокрую одежду сушиться, обернувшись сам полотенцем. Слипер завалился сразу спать, уложив под голову рюкзак. Загрибука, свалившись в комок на раскладной кроватице, сонно смотрел в окошко. Башкирский Кот с довольным видом вылизал себя и завернулся клубочком на одеяле в углу. И как-то сразу у всех веки потяжелели, и они заснули беспокойным сном под мерный взмах веника.

— Эй, — тихонько позвала Красная Тюбетейка.

Трамвай вздрогнул.

— Ты енто, трогай потихоньку, — сказала она ему, села на скамейку и критически оглядела своё вязанье. — Дружищ наших не буди. Им сил набраться нужно. Вона их как по степи мотает! Давай по чуток, в полкопыта. Курс сам знаешь.

Трамвай скрипнул благодарно и аккуратно тронулся с места, даже почти без звука.

— Молодца, — кивнула Красная Тюбетейка, одёргивая передничек и берясь за спицы. — И енто, вот чё, людёв случайных на рельсах стерегись. А то обожрутся всякого, понимаешь ли, обнюхаются, обдуются, крышей послетаются без ориентиру и под колёса наши в аккурат. А нам тут скоропостижности и протоколы ни к чему. Прокуратура и всякие такие интересы до следов наших — сейчас совсем некстати никому, да шайтану на руку. Идём тихо, крадучись. Усёк?

Трамвай ответно проурчал мотором что-то умилённое, и в его салонных динамиках уютно затрещало:

— Эх, дороги, «пыль» да дурман... Голоса... Тревоги...

Голова профессора Боулинга

— Здравова, чувак! — бросила с порога Зверогёрл, отряхивая мини-юбку в липких пятнах.

Грызлик заскулил и поджал хвост.

— Ё-комонь, братухи! — не моргнув очками, радостно поприветствовал их Стрелочник Белочкин. — Чем могу послужить отечеству?

— Есть за что потереть на пару чашек. — Зверогёрл приняла «позу сахарницы», оперев руки в боки. А ведь это не самая лучшая примета. Любой алкоголик знает, что вслед за «позой сахарницы» наступает вскоре «поза кучера», то бишь есть вероятность утяжелённо присесть, свесив головушку на ручки промеж колен. И тогда уже «кружащие вьетнамские вертолётъ» нескоро дадут тебе приподнять фейс без фонтанных изливаний принятого. Посему не ешьте много сахара, которого в портвейне до фи́га фи́гова. А иначе попросту стошнит.

— Заваливайте! Родители уехали на дачу, я гуляю! — шумно зачитал Белочкин на зависть всем диггерам, по-блатному пританцовывая. — Ща сварганим по шлёмкам кипяточку, сядем на шконочку, утрясём дельце.

Зверогёрл пропёрлась в коридор.

— Туда не ходи, сюда ходи! — Стрелочник проводил её на кухню.

Тявкалка поволочила было лапы за ней. Но едва Зверогёрл зашла за кухонную дверь, Белочкин обернулся быстро, присел и тепло прошептал Грызлику на ухо, погладив по голове:

— Не бойся, малыш, всё будет хорошо. Я знаю, ты тут не при чём. Верь мне, всё будет даже лучше, чем ты сейчас можешь себе представить.

Пёс с надеждой глянул на ангела, махнул пару раз бубликом-хвостом и уже веселее застучал когтями на кухню.

— Ну чё? Чифирнём помалёху? — Стрелочник развязно ввалился следом за ним и, поправив на носу очки, сунул руки в карманы оранжевой жилетки. Фуражка его была лихо сдвинута на затылок. Мутные очки смеялись зайчиками.

— Давай! А то мы тут чуть бесам башку не отдали! — Зверогёрл плюхнулась на табуретку. При этом её мини-юбка задралась едва ли не до подмышек, выставив дырявые сетчатые колготки на всеобщее подозрение. Грызлик тоскливо полез под стол.

— А енто всегда успеется! — Белочкин тоже бумкнулся на табуретку, заломив фуражку набок, словно пьяный дембель в плацкартном вагоне. Он схватил со стола из коробочки сушку, сломал пополам и кинул вверх по дуге кусок в рот. Вторую половину он незаметно спихнул вниз. Под столом благодарно хрустнуло.

— Бесам башку — это завсегда устроится, — хмыкнул снова Стрелочник и с кряхтением поднялся тут же из-за стола, заправив толстый линялый свитер в такие же линялые штаны со шнурками внизу. — Они, бесы-то, любят башками в боулинг погонять! Так вот недотёпы всякие по миру и шастают, да сами не знают, зачем и откуда! — Он весело засвистел, зашуршав по кухне войлочными тапками.

Зверогёрл набычилась:

— Это всякие чурчелы пахлаватые шастают, а мы, дядя, по делу идём.

— Вы сами-то откель? — Белочкин чуть поворотил голову, гремя возле плиты кастрюлькой.

— С кудыкиных земель, — отрезала Зверогёрл, суя невымытые пальцы в пакет с печенюшками. — Ты вот что, мужчинка, скажи-ка мне без экивоков. Захаживали к тебе давеча френды наши знакомственные?

— А як не захаживать-то! — тут же кивнул Стрелочник, насыпая травок в заварочный чайничек. — Тож любители головушкой пошкандыбать по миру. Любители боулинга! — он хохотнул.

— И чё?

— А и спровадил я их! — не оборачиваясь, ответил Белочкин.

— Это я и сама вижу, не слепая, блин! — Зверогёрл села по-мужицки, оперев локти на колени.
— Куда они копыта наострили?

— Ясно куда, — Белочкин чиркнул спичкой и поставил кастрюльку с водой на огонь. — На тусняк гламурный. Тут неподалёку.

— Мда? — недоверчиво покосилась Зверогёрл, сияясь прочесть надпись на его оранжевой жилетке. Но буквы, как назло, разбегались, словно непослушная малышня в детском садике, которую пытаются уложить на тихий час.

— Точняк говорю! — повернулся Стрелочник. — Кошак сразу заорал, мол, рынок магии, канитель и ярмарка, мне туда, типа, на вечеринку! Я ему тропинку ясно и указал. Остальные в обход пошли по окрестностям. Думаю, заплутали чутка.

— Вечеринка? — тут же забыла свою подозрительность Зверогёрл.

— Ага! — Белочкин подошёл к столу, цапнул из пакета хрустящую лиловую печенюшку и опять её ловко, пальцами одной руки, сломал. — Барахолка знатная. Шмотки заморские, да всё за ничего! За малость можно так затариться, что обвесы глаза умозолят неровно дышащим, — он присел подвязать шнурок на штанах и снова незаметно закинул лакомство под стол.

— Хрусть! — раздалось оттуда и забумбумкало мягким хвостом по линолеуму.

— Круть, дядя! — Маленькие глаза Зверогёрлы расширились безумием. — Стало быть, недавно ушли?

— И след простыть не успел! Они ж вразвалочку ходють! Хе, туристы! — Ангел уже гремел кружками. — Ща чайку попьёшь, шавку накормим, да и, глядишь, догоните дружбанов своих.

— Вот что, дядя... — привстала Зверогёрл.

— Товарищ Белочкин меня зовут, — слёзно смеясь одними очками, ответил Стрелочник, поверотившись к ней.

— Это ты на допросе будешь фамилиями кидать. — Зверогёрл заняла позицию «ноги на ширине желательных в будущем плеч». — Мне тут некогда чаи-кофеи твои гонять! Показывай дорогу!

— Как скажешь, красавица, — Белочкин поставил кружки обратно на кухонную столешницу. — Да только гляди, собачка твоя совсем притомилась, храпит уж без задних лап.

Зверогёрл ретиво глянула под стол. Грызлик действительно спал как убитый. Дрыгая лапами во сне и тихо подвывая.

— Ща я его пну, ничё, проснётся! — Она уже собралась как следует долбануть Грызлика под рёбра, но проворный Стрелочник тут же поставил ногу между ней и столом.

— Да на кой ляд тебе шавка на вечерине? Пуцай дрыхнет! — Он заломил фуражку на другой бок, и странного белого цвета космы легли ему на лоб. — Потом зайдёшь,хватишь. Только мороки тебе с ним! Кормить, таскать. Брось его нахрен! Я тут присмотрю пока за ним. А ты за шмотьём да братками смотаешься покаместь.

— Мда? — подозрительно глянула на него Зверогёрл, но жадность до дармовых заморских шмоток перевесила чашу весов. — Ну лады! Пусть себе псина дрыхнет пока. Я мигом. Так куда топтать-то?

— А-а-а, ща покажу! — Белочкин отвернулся и протёр незаметно очки. — Блин, зрение совсем село нахрен! Ща, пойдём! Не сцы, чувиха, в лучшем виде доставим тебя в бутик!

Он направился из кухни в коридор. Зверогёрл двинулась за ним.

— Слышь, подруга, тут у меня валюта завалилась в комод, заначка, типа, — Белочкин остановился в коридоре у противоположной кухне двери. — Может, захватишь и её? Купишь мне там чё-нить из гардеробу, а то, сама видишь, в лохмотьях хожу.

— Не вопрос, дядя, чё за базар! — злорадно блеснули стервозные глаза. — Давай бабло, оденем тебя по-царски! — И когда ангел потянулся к ручке двери, ведущей в комнату, Зверогёрл тихо, про себя, добавила: — И обуем!

— Слышь, красавица, позырь, где там выключатель этот хренов? — Стрелочник отступил от двери, за которой зияла чернота. — А то я последнюю подагру переломаю себе нах!

— Ла-а-адно, ща! — Зверогёрл осторожно перешагнула порог.

И тут ангел снял очки и сверкнул непроглядно чёрными глазами ей вслед, рывкнув по-немецки:

— Едэм даз зайн! Нихт ферштейн! Шнеля! — вслед за этими словами он хорошенько пнул размалёванную девицу тапочком под зад.

— Твою мать! — раздался вопль Зверогёрлы, падающей куда-то далеко вниз, судя по удаляющемуся эху.

Грызлик беспокойно заворчался во сне.

— Тих-тих, пёсик, — ласково сказал ангел, быстро вернувшись на кухню, и, надев очки, погладил по голове собаку. — Спи спокойно, всё уже позади. Смотри хорошие сны и набирайся сил. Теперь всё будет хорошо. Поживёшь пока у меня.

Грызлик согласно заворчал во сне, облегчённо вытянул лапы и затих, впад в глубокий безмятежный сон. По-моему, он даже улыбнулся.

— Хе! — хекнул Белочкин, снимая очки и морщась на свет электрической лампочки угольными очами. — Ишь, коза, прискакала, — он вышел в коридор и аккуратно прикрыл дверь, ведущую в комнаты, — дай ей это, дай то. Вынь да положь. — Ангел вернулся на кухню и, вынув из тут же стоящей банки пучок трав, бросил их в кружку. — И ведь последние деньги стыбрить собиралась, — Белочкин недовольно закричал, ставя кружку на стол и наливая себе кипятку. — А ещё от чая отказалась. Совсем традиций не уважает. Не варит ни шиша в восточном этикете. Пусть теперь покружится ещё по Великому Веретену пару-сотку оборотов!

— Мля! Иб ту ю мэ мэ! — злой окрик вывел из шока Зверогёрлу, ошарашено крутящую головой посреди обшарпанных стен с осыпавшейся штукатуркой. — Сестрица, ты чего это, очнулась, что ли, нах?

— Что?! Где?! Кто? — только и воскликнула Зверогёрл. — Дерьмовочка, это ты?! О, не-е-е-ет!!! Я же, мля, слиняла, кажись! Я же капли стыбзила и выпила! А как же Лес? А как же курорт?

— Я это, сестрёнушка, я! Ссучка такая! — Толстая баба с целлюлитным мозгом, одетая в белый халат, подошла к кровати, упирая толстенные ручищи в бока. — Значитца, не сдохла, да?! А ну-ка вставай, падла! Ща те башку твою крутить будем!

— Ёктить, где это я?

— Где?! — и тут баба выдала ответ, вполне лежащийся в рифму с заданным Зверогёрлой вопросом, но озвучивать его я не буду, вы уж простите меня, дорогие читатели. Всё-таки среди нас есть дети. И им совершенно не нужно знать язык, которым выражаются на адской планете двадцать четвёртого уровня. А это очень и очень далеко внизу, там, где, уж поверьте мне, глубже омута и не сыскать. В общем, больно и страшно.

Катись, рыбка, большая и аленькая

Права была Красная Тюбетейка. На путях покачивало. Дипломатически говоря. Дорога была, словно в районе Вятки кружишь. Если кто там «баранку» вертел, сами всё знаете, без комментариев. Башкирскому Коту снился покрытый вековым жиром казан, до краёв плещущий сметаной. По этой причине он ни в коем разе не желал просыпаться, ибо был настолько занят соблюдением равновесия чугунного котелка в своём сне, что скоропостижный скрип стираемой с рельс ржавчины игнорировался по умолчанию его жаждущим сохранить свежатинку сознанием. Башкирца кидало по всей задней площадке трамвая.

Загрибука просыпаться тоже не хотел. Но по другим соображениям. Вы наверняка знакомы с ощущением, когда довелось заснуть в жуть нагоняемом месте при не самых первомайских обстоятельствах, а потому мозг упрямо сопротивляется пробуждению, говоря хозяину: «Слышь, друже, там ведь, снаружи, мерзопакостно и бесприютно! А тут мы чувствуем себя довольно сухо и комфортно. И если ты, элемент несознательный, надумаешь сейчас пробудиться, то все прелести заиллюминаторной погоды ощутишь в полной мере на своей шкуре. Так что не ёрзай, спи, пока в бочину не ткнули!» Загрибука послушно спал. Зарывшись в пледы калачиком, максимально отодвинув от себя повседневность.

— Иииииии-ууууууыыыыыыыыыы, — говорил на очередном повороте трамвай, подобно расстроенной скрипке в руках внезапно решившего овладеть ею подростка, не имеющего ни слуха, ни чувства ритма.

Дример дремал. Что само по себе разумеется. Слипер спал. Тоже очевидно. По статусу положено.

— Эй, на камбузе! Голову отхрапите! — Певучий голос с тюркским акцентом заставил приоткрыть-таки глаза сразу всех.

— Чё? — Слипер поднялся на локте.

— Шо? — Дример натянул плед по самые уши и задвинул Шапку-Невредимку в обратном направлении, то бишь на глаза.

— Свистать всех наверх! Земля прямо по борту! — Красная Тюбетейка заткнула обязательные спицы за пояс передника своей школьной формы.

Трамвай тихим ходом подполз к краю тоннеля и встал, скрипнув на древних рельсах.

— Где это мы? — Загрибука развернулся клешнями, словно рачок из раковины.

— На краю степи безоглядной! — Казашка засунула за щёку недовязанный кусочек пирожка и деловито стала дегустировать сей допинг. — Граждане пассажиры, прямо говоря и по-честняку, путь, типа, кончился! Чего делать дальше — вам решать. Мне на разворот. Вот и знак тут висит для особо сумлевающихся.

Знак действительно висел. На выезде из тоннеля к стене был приколот булавкой блокнотный листок с мазюльками, время написания которых Загрибука определил как строгодитячий подсебяписательный период начала юги. На замызганном сгущёнкой и отпечатками масюсеньких пальцев листке цветными карандашами был накалякан-намалякан «волчок». Детская игрушка, напоминающая межгалактический летательный аппарат дискового уклада. И надпись: «Тикай вокруг!» И ниже для пушего увещеванию: «Не бузи! Буки не спят!»

— Это, судя по почерку, само Потолочное Разумение писало когда-то! — уважительно заметила Красная Тюбетейка.

— Упс! — Кот сонными глазами виновато посмотрел на казашку: — Мы тут тебя, уважаемая, в самую глушь затащили поди со своими проблемами.

— Не волнуйся за меня, — улыбнулась она. — Семью семь кругов по Лабиринту для Воина — не карма!

— Нам туды? — спросил Дример, тыркая пальцем в мутный туман, который клубами застилал всё далее тоннеля.

— И сюды! — кивнула казашка. — Что ж, кэээрлэ дуслар, пора резюмировать экскурсию.

— Рэхмэд, айна-лайна-джан! — Слипер молитвенно сложил руки и поклонился. — Вписка эта за шкуру случайную туристическую — великий эпос всех времён. Вам ведь теперь из-за нас придётся по Большой Дуге Лабиринта крутить вокруг всея шара, верно? Ёктить, всё чужестраньше и чужестраньше...

— А для тебя очень страшно будет попрыгать через скакалочку тут, если я попрошу? — засмеялась она.

— Нет, конечно! Я — попрыгаец ещё тот! — улыбнулся Слипер.

— Во-о-от, а ведь когда-то и шаг первый боялся сделать. — Она назидательно посерьёзнула. — Так и я. Знал бы ты, сколько раз мне пришлось весь Лабиринт с восхода до заката во все концы испрыгать, так и не парился бы над судьбинушкой моей! Это для вас через пару Слоёв провалиться — жуть чужестранная, а для меня — что на дачу за картошкой сгонять. Я ж со степей сама родом, всю жизнь в седле и от края до края. Мне привычно. Так что не бери в голову. Она, чай, не безразмерная.

— Гут-гут! — согласился Слипер, надевая тапочки и приглаживая светлые волосы.

— Прямо? — коротко спросил Дример, вглядываясь в сторону кабины.

— Да, аксакал-оглы. И никуда не сворачивай! — погрозила пальцем казашка.

— Ну тады мы пошли, что ли, — Дример нерешительно затоптался.

— Идите-идите, — закивала она. — Вам одна дорога. Ента самая «курва пелигроса». Белочкин вас грамотно с шахматной доски щёлкнул. Ни в раз не сомневайтесь! У него глаз меткий, прицел не сбитый.

— Спасибо вам! — Загрибука поклонился, свесившись ушами. — Жаль, что у нас нет ничего в оплату.

— А мне и не надоть! — Красная Тюбетейка засмеялась, топнув сапожком. — Мне Министерство Путей с Общением всё по квитанции оплатит. Уж поверь, в накладе не останусь.

— Ой, это хорошо! — закивокал Загрибука.

Казашка потянула свисавший рядом с потолка микрофон и важно произнесла:

— Осторожно, двери открываются! Следующей станции не будет! Просим не забывать свои вещи на платформах и в вагонах метрополитена!

Дример при этих словах схватился за авоську, а Красная Тюбетейка ему мигнула, мол, молодец. Двери натужились и с грохотом раскрылись.

— Ещё повидаемся! — Казашка взмахнула рукой. — Кумыска накатим.

— Алаверды! — помахал ей в ответ Слипер и шагнул вниз, на гравий насыпи. — А як же.

За ним спустился Дример. Загрибука решительно соскочил третьим.

— А? Чё? — Башкирский Кот протёр окончательно глаза. — А, уже околица?

— Давно уж, товарисч! — укоризненно заметила казашка.

— Ой, дискульпэ, сеньорррита, ай эм взри сорри, дык сказать, приношу свои объяснительные!

— Скачи уже! — Она сделала нетерпеливый жест рукой.

Кот, потягиваясь на ходу, скатился с трамвая и на ходу мигнул, словно неисправная лампочка в тёмном коридоре.

— Ох, век шпроты не видать! — зашипел он. — Совсем отлежался.

Красная Тюбетейка с порога кинула ему вслед что-то. Кот поймал лапами подарочек и узрел кулёк с масенькими красными рыбками.

— Енто зыкинско! Смею только гадать, типа, хау мач из зе фиш. — Он раззявил кверху сотнезубую пасть и уронил туда отцапанную когтём из кулька рыбёшку: — Давненько я такого не пррробовал!

— Вжик! — сказала пасть и перетёрла презент мгновенно.

Внутри кота что-то заурчало, и он вдруг резко пришёл в себя. Да глаза его приобрели по краям алый оттенок.

— Не увлекайся токма! — улыбнулась Красная Тюбетейка из дверей. — По определению всё аленькое в переборе имеет свойство становиться чудовищным!

— Засим не беспокойтесь, сударыня, — кот улыбнулся, ковыряясь в сотне зубов когтем, — я с детства уважительно отношусь ко всему контрабандному! — И он сунул кулёк куда-то под рёбра, где тот таинственно и пропал.

Казашка спустилась на ступеньку, поманила Башкирца пальцем, наклонилась к нему и еле слышно прошептала на ухо звено заклатья, которое будило Черепаху-Тротиллу. Кот удивлённо заулыбался, хохотнул и обнял Красную Тюбетейку, по-восточному похлопав по плечам. Она прошла обратно в трамвай и потянула какой-то рычаг, торчащий из потолка. В ответ раздался самый что ни на есть пароходный «Бууууууууууууууууу!».

— Отойдите от края платформы! — произнёс механический голос откуда-то из стен тоннеля.

Все бывшие пассажиры послушно отошли подальше.

— Эй, я чё вам говорю?! — раздражённо заорал всё тот же голос. — Отвалите с краю, пока опилками не посекло!

«На перроне» вняли совету ещё на пять-шесть шагов.

— Эге-ге-гей, мляяя! — звонко крикнула казашка, и двери с лязгом захлопнулись.

И тут всем одновременно показалось, что трамвай как бы поджал лапы перед прыжком. Ну совершенно по-кошачьи.

— Бррррр! — помотал головой Башкирский Кот и опять полез когтем в пасть.

— Гудбай, Америка, о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о! — грянуло из жестяных динамиков. И вдруг неожиданно часть пола под вагоном вместе с рельсами провалилась, и трамвай, словно скоростной лифт, с соответствующим нарастающим гулом ушёл прямо вниз. Панель пола с рельсами задвинулась обратно, и стало вокруг тихо. Словно и не было никакого трамвая, и Красной Тюбетейки тоже.

— Во, блин! — только и вымолвил потрясённый Дример.

— Технологии! — подал голос уважительно Загрибука.

— Точняк Элиены тут чертежи малюкали! — утвердил сам себе Слипер и направился к выходу из тоннеля, но тут же поскользнулся на железнодорожной насыпи. Тапочки свалились с его ног и бесшумно исчезли в туманном мареве, которое напозало из затоннельного пространства.

Слипер вздохнул и оглядел компанию:

— Что поделаешь, придется идти босиком. Дример, давай хоть авоську в рюкзак брошу.

Загрибука робко обернулся к коту:

— Ну что, вперёд?

— Мяу! — обвёл всех Башкирский Кот профессиональным невинным взглядом, который у данного биологического подвида отражает на лице следующее: «А что, я пропустил кормёжку? А будет ли добавка? Шо, уже была-а-а-а?»

— Пшли! — коротко бросил ему Дример и зашагал в туман за босым Слипером. В безмолвии раннего утра позади них коротко лязгнула, переводясь, механическая стрелка рельс. А ещё через мгновение все четверо растаяли в тумане. И воцарилась тишина, какая бывает, когда на кассете одна песня закончилась, а другая ещё не началась.

Медвежомственная комиссия звёздного городка

Холодно и мокро. Мерзгляво и неприютно. Промозгло и сыро. Можно было бы и так описать дальнейшее путешествие наших друзей. А если ты ко всему вышеописанному ещё и только что проснулся, то и вовсе не в кайф. Как пяткой из-под одеяла ранним утром на холодный линолеум. Полусонные, туристы сквозь туман шли по шпалам, и казалось, вода висит прямо в воздухе вокруг них. Ничего не было видно дальше вытянутой руки, хоть и пасмурно светило откуда-то с лесных антресолей. И даже лапы не видно, как сказал бы Ёик, будь он здесь. Поэтому оказался неожиданным и негданным внезапный обрыв полотна. Рельсы просто кончились. И всё. Дальше была трава. Впереди пахло лесом.

— Грибами тянет! — шумно вдохнул носом воздух Слипер, утопая босыми ногами во мху.

— А где гррибы, там и сметана! — довольно мурлыкнул кот.

— Отвинтись мои шурупы, где логика, коллега? — Загрибука пыхтел, ёжась от промозглости и мерзлостности рядом.

— Логика, мой дррруг, бывает разная. — Котяра шарил своими меняющимися цвет глазами в пространстве, вертя головой. — Бывает она линейная, бывает и несуразная. Сам посуди, Загрибыч, какой грибной суп без сметаны? Наваждение одно!

Вертикальные зрачки Башкирчатого сузились до точки и развернулись обратно, но уже в горизонтальном положении. Он остановился и тихо сказал:

— Тс-с-с!

Все замерли. Из глаз кота замерцали веером зелёные лучи и, словно сканер на кассе в магазине, стали искать требуемый штрих-код.

Слипер и Дример переглянулись, скосившись на кота, и тихонько присвистнули, мол, нифига себе.

— Нифига себе! — тут же отсемафорил кот.

Все удивлённо посмотрели на него. А Загрибука, учув момент, когда можно взлететь на трибуну и вякнуть «пользуясь случаем», задрал нос и мерно продекламировал:

— Литературное выражение «ну нифига себе» — это крайне позитивная реакция индивидуума на результат проведённого им опыта.

— Да что вы говорите? — Дример, ехидно ухмыляясь, повернулся к нему, а потом обернулся ко всем: — Слушайте, мокро тут не на шутку, уже всё насквозь и навывлет. Насморк по нам дудкой воет, а коли чего, дык чиханием своим всю округу соберём на погляделки.

И сразу же Дример добрым словом, сказанным в сносочках, в уме, вспомнил диггеров и их ботиночки. Они были-таки мокрые снаружи, но ноги оставались внутри сухонькие и комфортненькие. А вот Слиперу приходилось несладко.

— И неизвестно, сколько нам топать, а то можно бесчисленно оттаптывать сопки да топки до утопаемости соплучей, — скукожился Загрибука, словно двоечник у доски.

— Вот что, туррристы, — кот повернул к ним свои паспортные данные, а попросту, морду лица. — Сдаётся мне как на духу, шо мы тут не одни. Посему без тягомотности и раздумий надо сделать привал и пожрать, а то придут и всё отнимут!

— Тьфу ты! — сплюнул Дример. — Пройдут века, завянут помидоры, а ты всё об одном!

— Я всего лишь стараюсь соблюдать сакральный смысл туризма всех времён и народов! — важно отчеканил кот.

— Поделитесь, коллега! — запыхтел Загрибука. — Смыслы меня всегда интересовали во всех смыслах!

Башкирский Кот подбоченился и рявкнул:

— Смысл и суть всякого туризма гласит: возьми как можно больше еды, унеси как можно дальше и съешь!

— Ну и, интересно мне, — встрял Слипер, — какой же швейной машинкой ты будешь есть хвалёные казахские пирожки? Или ещё того хуже, съешь вязаный пирожок, а потом из задницы варезки к зиме достанешь? Красна девица с тубетейкою, конечно, умница и айна-лайна, но на такие текстильные эксперименты я не готов!

— Не шарите вы, — обвёл компанию кот своими биноклями широкого спектра действия. — Рррота, привал! Бросаем пистолеты, разжигаем костёр! Ща всё продемонстрирую! Давай авоську!

Они присели, стараясь в тумане не напороться своим ОКЛЖПэ на что-нибудь острее и мокролипковое, и Слипер развязал рюкзак.

Башкирский Кот тут же залез лапой внутрь и вытащил на свет казашкин подарок, аккуратно подцепив его зазубренным когтём.

— Други мои, поверьте моим усам, в то место, куда мы сейчас нерезво скороходим, лучше причапать налегке. Угощения там и своего хватит. Главное, чтоб поперёк глотки не встало, хе-хе. Кто ж на рейв со своими «колёсами» шкандыбаёт?

При этих словах Слипер нахмурился, что-то вспомнив, и очень внимательно посмотрел на кота. А полосато-усатый выудил пару вязаных пирожков из авоськи и приложил коготь к пасти:

— Тс-с-с! Тревожить эротические похрапывания Черепахи-Тротиллы нам не стоит. Черепахенция — наш туз в рукаве. Пусть себе пока калачиком и кочумает.

С этими словами он опасливо свернул упаковку и утопил её в Слиперовском рюкзаке, прикрыв сверху двумя полотенцами братцев.

— Слушай, — опасливо заговорил Слипер, сидя на корточках во мху. — Помнится, Стрелочник о пирожках ентих отзывался довольно ясно и понятно. Мол, три дня собрать головушку не мог. Ты уверен, что сейчас, в тёмном и глухом неизвестном лесу, среди тумана, в котором ныкаются все страшилища вселенной, самое время немного поколбаситься и оттопыриться?

— Ст-т-т-т-трашилища?! — Загрибука стукнул челюстью.

— Насчёт страшилищ ты аккуратней. А то обидишь невзначай кого с чуткими длинными ушами и отменным слухом, — Башкирец вертел пирожок, осматривая его со всех сторон. — А пирожки нас хоть немного сравнивают в шансах с теми, к кому мы вскоре свалимся, как снег на голову.

— По-моему, он знает больше всех нас, — прищурился Дример на кота и, с наслаждением выткнув из прохудившегося кармана комбинезона высушенную пачку папирос, выстукал оттуда одну да пару камушков впридачу. Вжикнув камушками, он высек искру и закурил.

— Чутьё — это у нас семейное, — уклончиво слился кот. — В общем, пирожок нам выдали в двойном экзепляре, так шо по половинке на брата в самый раз и будет! Триетить мои кильки с усами, я всё никак не усеку, какого пса он не открывается? — Он вертел пирожком над головой.

— А в чём прикол-то? — Загрибука заёрзал, поглядывая по сторонам, явно ожидая немедленного нашествия чудовищ и страшилищ Всея Сангхи, типа жутких зайцев-попрыгайцев с косами, на эту локально выбранную в сей жуткий час полянку, покрытую трын-травой. Но длинноухие чудовища и страшилища с косами не спешили. Видать, испытывали нервы Загрибуки и мерзопакостно хихикали по кустам. По крайней мере, он был в этом сейчас так же уверен, как в том, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов её катетов. А это ведь для любого учёного святое!

— Прикол обычный, — кот нахмурился и пуще прежнего завертел над головой пирожком, положив второй перед собой, — рррархивировать нужно. Прогу не могу подобрать. Йошкин Код, да кто ж так пакует?

— Кстати о коде, — засопел под руку коту Загрибука. — А кто такой тот самый Йош, о чём коде столько разговоров? Шифровальщик, шо ли?

— Угу, — охмурился окончательно Башкирский Кот, — шифровальщик... Как же... Ныкальщик-щелевик он, вот кто!

— Что-то я ни о каком Йоше натуральном не слышал ни в жисть. Только поговорочки по околицам, — заинтересовался Дример. — Поведай нам, уважаемый, эту сто первую рассказку, аки в духовке на духу, если не в напряг.

— Уффф! — Кот опустил зловредную шерстяную сдобу и утёр лапой лоб, мигнув в воздухе, аки плохо настроенный телек. — Ну Тюбетейка, ну очкарик-ботанист! Фига два с половиной ты енто так запросто распакуешь! Всё ей с секретом надо, чтоб у котов усы обвисли и хвост упал. Ррррр! — Он скрежетнул своим фрезерно-токарным оборудованием, приоткрыв пасть.

Всех передёрнуло.

— Дык чё там за Йош такой игольчатый? — терпеливо повторил Дример, пыхнув дымком в лесном воздухе.

Перелесок вокруг рос, кстати, самый обычный. С тополями, каштанами и магнолией.

— Да был такой служивый у самого Потолочного Разумения, — обвёл всех зелёными радарными тарелками глазищ Башкирский Кот. — В Ключниках ходил.

— А зачем самому Потолочному Разумению ключи какие-то? — Слипер удивлённо округлился лицом.

— Ну ты даёшь! — Кот хмыкнул, оторвавшись на миг от сложноувязанной выпечки. — Сррразу видать, безответственная ты личность, Слипер! Коли во вселенной дверей не счесть, как же без ключей? Даже в любом приличном детском саду есть нянечка с ключами. А тут целая мировая вертикаль Вся Верханутры!

— Да вот же Красная Тюбетейка шастает себе где хочет, — недоумевал Слипер, — да и Стрелочник, сдаётся мне, тоже по этой части ещё тот ходок! И никаких тебе связок с ключами. Что же они, под распашонками набор отмычек прячут?

Кот принял учительский вид и назидательно проворчал:

— Это потому что всё нараспашку и всё перепутано! Заходите, гости дорррогие, берите что хотите! Но так не везде. Тут уж Небесная Загогулина сама подстроилась как могла, извернулась кренделями. Ишь как её скрючило. Трамвай вона как болтало!

— Дык шо за Йош-то? — не унимался Дример.

— Код у него был от всех дверей, — кот опять взялся за пирожок, сузив свои прицелы ночного видения. — Он и ходил по всему свету, открывал да закрывал входы-выходы, как Потолочное Разумение сказывало высочайшим указом. Это уж потом белый свет от безвыходности в Лабиринт скрючило. Да только Йош рассеянный был. Туда — ась? Сюда — чавось? Короче, то ли снесло ему голову от всех этих многомерностей, то ли понял что-то нездетутошнее, да только код этот описуенный превратился в самый что ни на есть физически материальный ключ, чего ну вообще никак не должно было произойти.

— Ключ от всех дверей?! — Загрибукины глаза чуть не выскочили с интересу.

— От всех, от всех, — проворчал Башкирец. — И мало того, что горе-завхоз каким-то помрачительным уразумением сумел отмычку бесценную до обычного железного изделия низвести, дык и посеял сокровище к тому же!

— Как? — Загрибука помотал головой, разведя по сторонам загребущие ручищи.

— Да вот так! — Кот печально усмехнулся. — Оригинал потерял, а отражение сломал! Вот теперь и ходит по всей безгrrраничности да ищет.

— Сдуй мои пилюльки! — Слипер ошарашенно глядел на усатого докладчика. — И давно ходит?

— Он же с Потолочного Разумения! — укоризненно глянул на Слипера Башкирский Кот. — Его время не касается. Ему что среда, что пятница, что Брайтон, что Магадан — всё по барррабану и без ррразницы. Вечный бюллетень. К тому ж Йош может становиться кем угодно, высшим указом у него на лбу пропуск от госпрокуратуры да указание «всячески и во всём содействовать предъявителю сего». Не в префектуре он Тутытамошной уже. Забарьерный товарищ. Интерпол Вся Сангхи и всё соответствующее. А за помощь в расследовании, сами понимаете, жителю местному сразу такие кайфы могут обвалиться, что любой произвольный курорт вселенной лесоповалом покажется на сравнении. Но и это не всё.

Все придвинулись к коту. А он, не ведя ухом, продолжил:

— Код этот как бы разрешал трансформировать реальность.

— Это как? — не понял Дример.

— Отпусти «ручник», брррателла, — хмыкнул хвостатый. — Код разрешал Йошу делать всё что угодно с реальностью, понятно?

— Не совсем, — подал голос Слипер.

— Волшебник он! — потерял терпение котище, и его глаза стали желтеть. — Чего тут непонятного? Волшебник страны «03»!

— А почему «03»? — вжав голову в плечи, спросил Загрибука.

— Потому что высота-ширина-длина и время в уме! — остыл Башкирец, оседлав успокаивающую научную тематику. — Номер подrrrrразделения нашего надела на всея участке вселенной.

— А как это он — волшебник? — не понимал Слипер.

— А чё хочу, то и ворочу! — Кот нервно вертел азиатский круассан в лапах. — Типа! Вот как. Хочу — каша из топора получится, хочу — суп со сметаной из ракетного топлива! По щучьей велелке да по указанной хотелке! Код предъявил — и всё за счёт заведения! — Башкирский выкрутил пирожок странным образом над головой и быстро пробормотал что-то на тюркском, но и это не помогло. — Вы что, никогда не слыхали о волшебниках?

— Ну, в сказках там... — произнёс Слипер неуверенно.

— Ну вот ты теперь, хе-хе, в енттой самой сказке и сидишь по уши! — хехекнул кот. — А как Йош свой код найдёт, так прямые переходы откроются между Слоями всеми, сечёшь? Все разрозненно живущие ныне друг дружку отметят разумением своим и всю гррромаду громадующую Всея Сангхи узрят! И такое начнётся!!!

— Это да, — протянул Дример. — А чё, собственно, начнётся?

— Именно этого никто и не знает! — Кот с опаской оглянулся, будто прямо сейчас из кустов должен был выйти сам Йош с заветным ключом в руках. — Дример, ты ж чувак с мозгой, понимаешь небось, что наши бытовушные выверты в этой вселенной — ещё далеко не всё. Это этап. Мы ж тут как цыплёнок в яйце барахтаемся. И все наши дела да жизненно важные проекты всего лишь подготовка к последующему рождению. Как наша вселенная во всея Слых в ослепительной красе озарится великим светом Всешарящего Прочухалова — дык, считай, пора вылупляться. И в китайской стене вселенского яйца отколупается дырочка, а в неё на нас грешных, на Всея Сангху, глянет оттудова знаете чё?

— Нет, — оторопело ответил Слипер, представив всю эту грандиозную картину.

— То-то же! И никто не знает! А только перезагруз будет знатный! — Кот поднял коготь: — Дык вот дырочка в стенке вселенской этим самым Йошкиным Кодом и вскрывается. Понял? Это тебе не казашкины файлы, ёктить налево, да что ж ты будешь делать! И тут-то моррроки хватает, Топоног ногу сломит!

— Получается, что Йошкин Код — это что-то типа формулы вечной жизни? — Загрибукины глаза сияли светлым будущим новых открытий.

— Скорее, доступ к общему компьютеру, — недовольно ответил Башкирский Кот.

— Штрих-код на все покупки, — мрачно изрёк Дример.

— Не без этого, — согласно кивнул полосатый и снова замигал в воздухе.

— Слушай, ты не мог бы так не мельтешить в глазах? — заворчал Дример и пошарил по траве в надежде найти что-нибудь годящееся под задницу, чтобы насухо сесть, но, увы, кроме мха и ёжиков ничего не попадалось.

— Слушай, челобррек, ты ведь не можешь не пукать во сне, верно? — Кот упорно крутил в когтях вязаную кулебяку с неизвестной начинкой. — Вот и я так же. У меня настроенная частота пребывания колеблется от эмоционального укладу. Босяцки выражаясь, ничё с собой поделать не могу! Точнее, как когда. Иногда и сам, а иногда и меня. Коррроче, ёлы и палы, я и сам ни шишки не ведаю про то! Шкындырбыр Шкындырбаевич туда его налево!

Полосатый окончательно вышел из себя. Подпрыгнув в воздухе вместе с пирожком, он разразился отборным башкирским матом. И затряс сдобу в лапах так, как трясло когда-то Гагарина в ракете, когда тот отдал себя на растрясение при старте первого жестяного звездолёта, спянного остатками банок из-под армейской тушёнки, но таки совершившего дефлорацию земной атмосферы, лишив тем самым планету Земля космической девственности.

— Еле выговорил. Уф, — я отёр пот со лба.

— У меня аж черепица поехала, — подтвердила Терюсечка и наглядно завернула лапу через шею на противоположное ухо.

Тут неожиданно раздалось шипение и пузырение.

— Ложись! — заорал Башкирский Кот.

Все прикрыли голову. То, что было пирожком в кошачьих лапах, внезапно засветилось, захрюкало, загугукало и наконец откровенно бабахнуло в воздухе прямо у заклинателя в когтях.

— Оть! Гляньте! — Кот опустил на траву отменно пахнущую пиццу, от которой шёл пар.

— Слухай, да ты крут! — Дример улыбнулся из-под Шапки-Невредимки, ткнув окурок в сырой мох.

— Наконец-то великое прррозрение подкралось к братцу Дримеру! — Башкирец улыбнулся той милой и доброй улыбкой, узри которую неожиданно кто-нибудь из обычных земных детей, заикание им было бы обеспечено.

Блеснув от уха до уха сотней отточенных лезвий зубов, он развёл лапами:

— Таперича ддрружбаны по достоинству оценят краснокнижного представителя напроць неземной фауны со столь высоко ценимыми познаниями в области персонального программирования Дхармы!

Он схватил второй пирожок, крутанул его лихо над головой и произнёс непереводимую игру слов на казахском наречии, из коей Слипер разобрал только уже известное ему «кутунгескэ джалаб». Заговорённая варежка обернулась не менее вкусной лазаньей.

— Ладно, молодца, — ухмыльнулся Дример. — Дык и шо теперь-то с этой баранкой делать? Стрёмненько как-то. А ну как накроет со всей ответственностью? У меня ещё нервы от травки лиловой не отошли...

— К тому же ноги, блин с компотом, совсем замёрзли, — заметил Слипер, растирая босые ступни.

— Полотенца, — вскользь бросил Башкирский Кот.

— Точно! — радостно всколыхнулся Слипер и полез в рюкзак. Он достал полотенца и завернул в них ноги, тщательно упаковав на манер использования портянок.

Вдруг Башкирец пригнул уши и стал оглядываться. Он повертел головой в стороны и зашептал:

— Вдруг из маминой из спальни весь отшибленный, босой вылезает Федя Крюгер и мотается башкой... — Кот заметался по полянке: — Вот что, ррребца, хватаем по куску и в рот! А то неровён час с нас скоротечно аусвайс запрасят на провоз несанкционированного продукта.

И в подтверждение своих слов он тут же одним взмахом когтя порубал пиццу на две части и, подхватив одну, отправил её в пасть.

— Вжик! — сказала пасть и захлопнулась с лязгом. Глаза кота заалели. — Ну чё зенками пучимся, как нищий на икру? Как говоритца, сто двадцать пять блокадных грамм с огнём и кровью пополам! К приёму пици присту-у-у-пить! Срррочно!!!

Бросив что-то между «эх» и «ай», все похватили по куску кто пиццы, кто лазаньи, и мигом, в два приёма заглотнули.

— Ввязался я, иб ту ю мэ мэ, с вами в сомнительные поедания! — заворчал Дример недовольно. — Ой, что-то мне уже нехорошо...

— Не дрейфуйте, юнги! — весело заорал кот. — Скоро на рею взлетит наш пиратский флаг, и мы...

И тут неслышно из тумана появились две фигуры. Сказать, что они просто вышли, — как-то мало и ни о чём. Нет, всё было непросто. То есть, очень даже неопиуенно они зафиксировались. По-другому и не скажешь, а пояснить больше того не представляется возможным. Сами напрягите воображалку, дорогие читатели. А ведь стало сразу холодно, жутко, я бы даже отметил. «Страшно и больно», как гутарил в такие моменты Башкирский Кот. Ибо явившиеся две фигуры распространяли вокруг себя чужестранную трясожуть. Обе в полинявших узбекских чапанах с капюшонами, и на босу ногу. С виду челобрекообразны, то бишь руки-ноги на месте. Один из них был худой и высокий, а второй — едва выше пояса первого. Такие же, как у Стрелочника, выбеленные волосы, но в короткой армейской стрижке. На лицо — не поймёшь, то ли

состарившиеся детишки, то ли объевшиеся молодильных яблочек старички. Но всё бы ничего, если б не глаза, которые были непроглядно мутными, словно катаракта съела их начисто. Но в то же время настолько пристального взгляда не встречалось нашим друзьям ещё ни разу в жизни. И от этого взгляда хотелось сразу же куда-нибудь убежать и спрятаться в чулан, да так, чтоб чулан оказался в яйце, яйцо в ларце, а ларец на дубе за тридевять земель в тридесятом царстве где-нибудь в районе орбиты планеты Кудык. Знаете, где это? Вот-вот, и я тоже не представляю даже! Знаю только, что горных вершин там хватает, судя по частому поминанию.

— Пиратские флаги — это прекрасно, — задумчиво сказал худой пришелец так, словно никого перед ним и не было.

— Красиво, творчески подмечено, — согласился маленький пришкандыбаец.

— Век шпроты не видать, да это же Свидетели Гиговы! — Кот пригнул уши и слинял в невидимость.

— Зд-д-д-дравствуйте! — вежливо кивнул Загрибука.

— И вам не хворать, коли не шутите, — ответил худой, подойдя на пару шагов, и на миг даже показалось, что он весело ухмыльнулся.

— Нихау! — отозвался маленький.

— Здоровеньки будьте, — Дример тоже склонил голову на всякий случай и приподнялся. — Мы тут это... Заплутали немного... Вот перекус да перекур лёгкий решили...

— Пикник на обочине, — заметил так же насмешливо худой в чапане. — Как это поэтично!

— Вообще-то нас сюда Красная Тюбетейка доставила, — отметил Слипер, топоча портяночеполотенцами на мокром мху. — И мы немного заблудились...

— Да знаем, знаем, — неожиданно устало обронил худой.

— Гостинца не желаете? — подскочил участливо Башкирский Кот прямо из тумана и жестом фокусника выудил откуда-то из-под своего брюха небольшую красную рыбку.

Росточком не вышедший гость в чапане взял предложенную гастрономию, легко разорвал пополам и протянул половину худому. Оба, как по команде, кинули в рот по полрыбины и сглотнули.

— Хе, — икнул худой, — уговор на рыбке неплохой! Вкусно. Только вот как же вас-то, смертных, с неё, небось, тарашит, а? Это ж полкилойка, верно?

— Верррно, всевидящий, — поклонился Башкирец. — Она самая. Полкило чистой офигительности и кайфанутости!

— У меня даже насморк сразу прошёл, — довольно заметил маленький. — И где ж её нынче взяли-то?

— Полкилойка — редкое чудо в перьях, — согласился кот. — Красную Тюбетейку где только не носит, и в каких очередях она её отстояла — одному Великому Тутытаму известно. Да мы ж давеча о ней вам говорили...

— А-а-а-а, верно, — как бы очнулся худой. — Барышня эта вас сюда доставила.

— Точно-точно! — радостно закивал Загрибука, всё ещё кланяясь гостям, словно китайский болванчик.

— Вот что, уважаемая публика, за угощение рэхмэд, да только нынче вы в шаге от Барьера, который отделяет от мира обжитого место собрания Окольцованных Царей, а стало быть, место необетованное и забетонированное напрочь. Как вы сюда в этот лес попали — уже большой вопрос, ну да ладно. Раз уж вас Дхарма сюда завела, дык, стало быть, не попусту. Вы уверены, смертные, что идёте в нужном направлении? Не попутались ли Дхармой? Исправен ли компас?

— Простите, всевидящий, — обратился Слипер, и кот одобрительно на него мигнул глазами. — Мы как раз туда и собирались. У нас дело к Окольцованным важное.

— Важное? — засмеялся маленький в халате. — Что может быть важного в этой вечности? У смертных нашлось важное дело... Как всегда...

Худой улыбнулся вслед маленькому.

— Всевидящий, мы понимаем всю нелепость нашего заявления пррред вашим лицом, — учтиво промурлыкал Башкирский Кот, ходя вокруг да около в натуральном смысле. — И да пробегут пррред вашим оком ещё множество кальп, но ведёт нас вполне добрррая цель. Мы всего лишь хотим попасть по домам.

— О, дом... Какая иллюзорность, — протянул худой и взглянул вверх. — Ладно, так и быть, шагайте за мной.

Вся компания сделала шаг.

— Только вот что, — внезапно остановился худой. — Вы там бучу не разводите, куда не надо не суйтесь, и шоб всё по этикету!

— Не сумлевайтесь, не посраим, дык сказать, отечество! — Башкирский Кот взял «под козырёк».

— Хе, отечество... — усмехнулся худой, накинул капюшон и зашагал. — Отечествоматечество... К Окольцованным у них дело... Весёлые вы ребята...

Маленький, качая головой, засеменял рядом с ним. За Свидетелями Гиговыми потянулись и все остальные.

— Енто кто такие? — шёпотом спросил Башкирского Кота Дример на ходу.

— Тс-с-с-с! — кот воровато оглянулся. — Тише, брррат, у них со слухом всё в порядке. Это Свидетели Гиговы.

— Это я уже слышал.

— Когда?

— Ты, котей, сам сказал, едва они пришли.

— Да? Вот блин с корюшкой... Это я зррря...

— Ну и дык?

— Блин комой, Дример, я и не знаю, как тебе сказать, — кот замерцал на ходу. — Они никто и звать их никак. Да и не дозовёшься. Их не зовут, они сами приходят, куда и когда вздумается.

— ??? — Ползущие вверх брови Дримера скрыла натянутая на глаза Шапка-Невредимка.

— Ну они, типа, летописцы, или историки, только ничего не записывают и показаний особо не дают.

— Да не мельтеши ты пред глазами, мякни по сути.

— Нет никакой сути. Всё в мути непрроглядной натурально. Они — наблюдатели. Века и кальпы сменяют друг друга, вселенные разрушаются и воссоздаются заново, а они остаются. Да и ты, как и все и каждый, с ними встречался уж не раз, да только не помнишь.

— То есть они бессмертные?

— Хе, бессмертные... Мало, что ли, бессмертных ходит... Вона те же Окольцованные...

— Так в чем суть?

— Вот ты сам, Дример, когда-нибудь во что-нибудь играл? Ну, там, в швабру-попрыгалку?

— Ну наверняка было дело когда-то... Не помню.

— Стало быть, ещё наиграешься. Не суть. А скажи, как играть интереснее: когда сам с собой наедине или когда кто-нибудь со стороны наблюдает?

— Хм...

— По-честняку, не очкуй, тут все в одном тазу.

— Ну, наверное, второе мне почему-то больше пёрло.

— Во-о-от! Одному в глубоком одиночестве играть не с руки, сам понимаешь. И поделиться не с кем, и опхвастать некому, и наорррать не на кого. Вот так же и Потолочное Разумение! Играется мирами и вселенными, словно кубиками в песочнице. И надо Ему, чтоб было кому на всё это со стороны смотреть. Вот наблюдатели и появились.

— А почему их так зовут — Свидетели Гиговы?

— Да это за спиной так их кличут. Своего имени, типа, нет, а и без надобности. Я ж говорил: этих парней не зовут, да только сами приходят. Ну, типа, гигабайт памяти на двоих у них. Видал, какие рассеянные? А ты каким бы стал, если бы со счёту уж сбился вселенные отмерять босыми пятками и соображать, сколько миллиардов юг пред глазами прошло? То-то же! Да только представь, по какой-то документации им заранее всё ведомо и чего только они не нагляделись. У Свидетелей Гиговых чутьё да предсказки такие, что и не знаешь, как в глаза-то посмотреть. Самый старый дедушкин дед дедова дедушки по сравнению с ними — словно эмбрион неродившийся. Одно их слово может тебе всю судьбу перрревернуть на много инкарнаций вперёд.

— Они что, навроде зачарованных принцев? — подал голос Загрибука.

— Скорее, навроде рразочарованных! Ты знаком с Разочарованным Прынцем? — Башкирец участливо глянул на Загрибуку.

Тот пожал плечами и отрицательно замотал головой.

— Ну нехай, судьба ещё сведёт, — хохотнул полосатый. — Редкий он зануда. Захаживал, помню, к мамане за советами сводническими.

— Везёт нам на стрелки по понятиям, — воркнул Дример, ступая осторожно.

— Это ты зря, — кот укоризненно посмотрел на брата, семена рядом. — Иные всю жизнь только и мечтают издалека хотя бы увидеть тех, с кем нам уже всю довелось. Так что не

ворррчи особо, а то благосклонность небес можно и потерять. — Башкирец во мгновение ока сделался очень серьёзным.

Дример посмотрел на него и, помедлив, ответил:

— Ладно. Ты прав. Курить только хотца от нервов всех этих...

— Это вредно, понос лёгких будет, — назидательно и ехидно отметил кот.

Внезапно вся процессия остановилась. Малый Свидетель Гиговый повернулся и молвил:

— Ну, вроде как пришли. Только вот сможете ли вы пройти?

Худой, спросил, улыбаясь:

— Ну что, карта клубная в наличии имеется? А то здесь только для VIP-персон.

Слипер повернулся к коту, мол, о чём он?

— Соответствие частоты колебаний энергии, — мрачно ответил тот, сморщив пушистый лоб.

— Пароль, типа. Штрих-код у тебя на упаковке подойти обязан.

— На какой упаковке? — спросил Загрибука.

— Частота колебаний энергии тела и мыслей должны совпасть с параметрами тех, кто сию переправу воздвиг нерукотворно напrrррочь, — погрузнел Башкирский Кот.

Дример и Слипер растерянно глянули друг на друга.

— Но мы попробуем, — склонил котище полосатый хвост в сторону малого в халате.

— Ты чего?! — Слипер воззрился на Башкирца. — И как это мы сделаем?

— Пицца-дрицца, уважаемый! — искривился Башкирец в перетираемой всё сущее улыбке. — Неужто зря Тюбетейка-джан нам презент оставляла?

И тут Слипер и Дример, и Загрибука вместе с ними, вдруг поняли, что ничего такого особенного после поедания заговорённой пиццы с организмами пока не случилось.

— А подействует? — тихо спросил Слипер, отметив про себя согрешшиеся ноги и потому ободрившись донельзя. — Ты уверен?

— Я уверен в одном. В том, что у нас нет выбора! А это — всегда самый лучший выбор! Иной кастанудист годами себя в такие перепетии засунуть пытается, — глазищи кота сверкнули весёлым безумием.

— Ну пойдёмте, — спокойно обронили Свидетели Гиговы и двинулись дальше.

— Вот Йошкин Код, ввязались мы, — Слипер потянулся следом.

Не прошли они и пары сотен шагов, как предназначанный путь преградил ручей. Туман здесь немного рассосался, и теперь можно было увидеть сам лес. А он был не такой уж и привычный, как поначалу показалось, а и вовсе странненький до ссыкотности. Мокрый внизу и сухой вверху. Навроде как тропический, но с ближайшего рассмотрению и напроць обычный, что твоя беловежская пуца. А на другом заветном краю ручья лес резко менялся и становился поэтично осенним и разноцветным. Лишь вдоль пляжной кромки росли обгрызанные рощицы салатной принадлежности. Свидетели Гиговы, не сбавляя ходу, ступили босыми ногами в воду. Дример пошел было за ними, но худой его остановил:

— Не советую. А то растащит тебя по всему белу свету. Будешь, как говорится, одна нога здесь, а другая — там. И это «там» будет очень далеко. Можешь спросить своего башкирского товарища, каково это, феноменом таким по всея вселенной падучими звёздами мигать. Вона брёвнышко лежит, вам туды. Да смотрите не оступитесь.

— Скользко там? — высунулся сзади Загрибука.

— А это у каждого из вас будет от многого зависеть! — Маленький Свидетель Гиговый изучающе поглядел из-под капюшона на четвёрку наших бравых туристов.

— Вот так таможня! — кивнул на бревно Дример Слиперу. — Ауйсвайс, как говорится, или ауфидерзейн ибн капут.

— Я уже догадался, — Слипер смотрел на это обычное брёвнышко и понимал, что сейчас у них есть удовлетворительные шансы на нём закончить свой светлый путь, ведущий в далёкое и лучезарное будущее всех времён и народов. Но медлить было нельзя. Очень уж не хотелось, чтоб у Свидетелей Гиговых возникло подозрение, будто наши brave туристы зазря ввязались им во внезапные сотоварищи.

— Вот что я тебе скажу, дррружище, — обтёрся боками об Слипера Башкирский Кот, — желающим перейти пропасть мудрые советуют не пялиться по сторонам и не зыркать вниз, но смотреть на шаг вперёд и зырить во все зенки. Усёк?

Дример тоже внимательно прислушивался.

— Усёк, усёк, лишь бы бак не потёк! — окряхтел тему Слипер.

— Башкир-Ата имеет в виду, что много чаво может почудиться нечаянно и невзначай и отчаянно с чаем и без, — пояснил Загрибука.

— Ах вот куды норд-зюйд дует, — понятно кивнул Дример, припомнив поле цветов на родном ранчо Белочкина.

Свидетели Гиговы стояли по колено в воде, посередь ручья, хоть бы хреном в ус дунули. Молча ждали массового исхода малых народов через воды, а попросту — Слипера, который снял с ног полотенца и уже занес было босую пятку над произведением лесоповального искусства.

— Ну-кася, стой, — Дример подошёл к брату и отодвинул его, глядя на рожицу, манящую с другого берега. — Я первый пойду.

— Чего это ты? — Слипер удивился. — Не парься, я справлюсь.

— Пирожок, — только и смог произнести Дример, да и съёжился физиономией.

— Что? — не понял было Слипер, но тут его тоже отменно прищемило. Братец схватился за живот.

— Сортир там! — протянул руку Дример к другому берегу и, как ошпаренный, побежал по бревну через ручей.

— Понял! — еле выдавил Слипер и понёлся вслед за ним.

По стонам Загрибуки и Башкирского Кота было понятно, что и их сейчас крочит и пучит не на шутку.

— Соблюдайте очередь, гrrраждане! — заорал кот и замельтешил полосатыми, исчезающими попеременно лапами по скользкой переправе. Загрибука успел нагло схватить его за хвост и теперь полубежал-полускользил за ним.

Свидетели Гиговы смеялись, аллегорично держась за животы. Рыба в ручье за живот не держалась, но хохотала весьма тож недурственно. Короче, случилась кратковременная и локализованная Вселенская Ржа. Отметился во вселенной одномоментный парадокс со всеми катами и клизмами, когда все животы в руках держали, но при этом по разным сугубо противоположным причинам, и с иже с ними последствиям. Вся туристическая процессия буквально перелетела переправу и скрылась в прибрежных зарослях, окаймлявших рошу. Свидетели Гиговы, отхохотавшись, вышли из ручья и встали на берегу. Через некоторое время четверо наших туристов повыползали из кустов с зелёными лицами.

— Ай да Красная Тюбетейка! — Худой в халате хлопнул себя по коленке. — Ай да экстремист-террорист! На любой кордон у ней хитрость найдётся. — Он довольно покачал головой. — Вах, молодца дивчина, находчивая.

— Не могу разделить вашего настроения, — Загрибука еле разгибался. — Ибо такого выноса на износ давно не бывало! Чуть жив остался!

— О чём это вы? — Слипер тоже ковылял из кустов, полусогнувшись.

— Видите ли, уважаемые прицельношатающиеся, — худой Свидетель Гиговый прищурил глаз, — переправу эту может пройти только тот, кто ни о чём не думает, то есть чей разум пуст, кто не имеет никаких личных эгоистических целей.

— Красная Тюбетейка это знала, — заговорил вослед маленький в халате, — и дала то единственное, что могло вас провести через границу. А именно — сильнейшее слабительное!

И они оба тут же опять захохотали:

— Ай, молодца! Давно нас так никто не смешил!

Четверо пирожково-пострадавших стояли, потупившись.

— Вы не то что думать о чем-то не могли, — объяснил худой, смеясь, — но даже куда ноги ставить не соображали! Если б вы хоть на миг включили свою мыслеиграйку или испугались — уже пили бы чай на кухне у Стрелочника опосля того, как он вашу компанию собрал бы со всея вселенной по кускам. Так что вам Красную Тюбетейку за жизнь спасённую благодарить надо!

— Шаурма шайтан шашлык! — икнул кот и ощупал себя. — Я так понимаю, Стрелочник именно вам привет передавал.

Те согласно закивали.

— Он, типа того, весёлый мужик, — Башкирец пытался не охать. — А вот и вас просил захаживать на чай с печеньками, не забывать.

Те опять довольно закивали:

— Зайдём! Зайдём к дяде Гавриле! Говорят, у него какой-то грызлящур поселился. Надо уж заскочить, посмотреть.

— Да-а-а-а... уж! — Дример тоже пытался отдышаться, застёгивая замки комбинезона.

Странным образом внезапный приступ поноса у всех так же внезапно закончился. Живот стремительно отпустило из клещей кишкокручения и вертижукости.

— Интересно, а откель Красная Тюбетейка знала, что именно в этот момент пирожок сработает? — Слипер хитро прищурился на Свидетелей Гиговых.

— Она ж Мастер, — маленький Свидетель Гиговый задвигал ушами. — Кулинария — просто её атрибут, профиль.

— Да небось детонатор по джипиэс-навигатору был прошит в пирожке, — предположил худой. — Это ж заговорно-кулинарное программирование! По координатам и сработал.

— Мы их съели-то уж давненько, — не догонял Загрибука.

— Загрибыч, ты чё? — Башкирский Кот удивлённо воззрился на коллегияльного сотоварища. — Крррути педаль! Ты ж физическую оболочку только съел. А вся прошивка с прогами висит в ментальных и астральных полях. Ты, стало быть, пирог сожрал и в тот же прекрасный миг ижесогласно законнектился на всю ивановскую. А там уж всё, что в нём висело мысленного да эфирного, всё енто тут же суетнулось, лампочками замигало да приготовилось к внезапному срабатыванию по уговоренному сигналу. Ты бы мог про пирожок этот и забыть натурально, если б таймер у него стоял подлиннее. А потом, через восемь пятых зим, как трянуло бы! Прикинь, вот типа бублик заговорённый стибрил у мамки из шкафу по малолетству, а потом тебя на пенсии уж как пришкындырбобило бы во всю ширь! И только надпись в стенгазете осталась бы: «Сегодня мы прощаемся с великим учёным Всея Сангхи, выдающимся деятелем, заслуженным экспериментатором, светлым умом и далее. Внезапный трёхдневный понос и последующий за ним Инфаркт Имени Миокарда унёс от нас эту без-пяти-минут-просветлённую личность в только-небо-только-ветер-только-ррадость-вперед!»

— А чё я-то? — Загрибука философски сконфуцился.

— А чё? Да ничё! Нефиг руки было распускать да чужое хапать без спросу! — Кот вдруг что-то вспомнил в запале речи и пригорюнился, оттормаживаясь: — Да... Нефиг было цапать... Триетить твою на кильку!

Свидетели Гиговы с интересом на него в сей момент зыркнули да переглянулись промеж себя, еле заметно кивнув друг другу с улыбкой.

— Ну, дальше вы сами, — молвил худой. — А мы чутка попозже подойдём, шоб вам картину не портить своим авторитетно двусмысленным присутствием.

— Хорошо, — ответил Дример. — Спасибо вам, мужики, выручили. А то мы без вас бы тут сыграли в «джихад на рыбалке», накормили бы окуней белком да углеводами.

— Да ничё, — согласно кивнули Свидетели Гиговы, — всяко бывает. Ещё повидаемся, — и они бесшумно скрылись в листве.

— Да... — ответил Дример и, вспомнив внезапно о том, кто такие Свидетели Гиговы вачепта, добавил: — Уж!

— Нам туда! — твёрдо указал Загрибука левее.

— Откель знаешь? — склонился к нему Слипер.

— А ты погляди на деревья повнимательнее, — Загрибука развёл ручищами.

Вся растительность была аккуратно чутка подзавалена в одну сторону, словно чёлочка у молодого матроса.

— Ну дык почапали сюды, раз туды, — изрёк Дример и направил свои сиротские ботиночки в околобрешную поросль.

Мы уже говорили, дорогие читатели, что лес тут был непростой. Ни грибами, ни ягодками здесь и не пахло. Деревья росли самые разные, от игольчатосухоньких до широкомокреньких. И папоротнички попадались, и маморотнички. И мхи да травки в полном спектре прејскуранта, словно в ботаническом саду. Да чем дальше, тем больше и выше становились все эти представители флоры, равно как и пространство промеж них увеличивалось. В общем, всё ширилось и пучилось, уходя в сизую даль. И наша четвёрка, словно сплочённые отряды Тура Хейердала в лучшие годы, мутузила пятками эти девственно лесные насаждения, углубляясь в научно-неопознавательные заросли. Ещё не успел Загрибука как следует нацеплять на себя колючек, как вдруг резко стало темнеть.

— Ой, — ойкнул он и указал ручищей ввысь.

— Шо? — шокнул в ответ Дример, нахлобученный Шапкой-Невредимкой.

— Похоже, прозвенел третий звонок, и в нашем театре гасят свет, — заметил Слипеп.

Темнота сгушалась на глазах. Башкирский Кот мельком посмотрел на небо и только кхекнул.

— Шо кхекаем? — осведомился Дример у него, привычно шаря по карманам в поисках папироски.

— Темнота — дррруг молодёжи! — не оборачиваясь, ответил Башкирец, шагая во главе партизанского отряда. — Мы приближаемся к пункту нашего назначения. Ибо сумерки — истинное время равновесия между мирами. Только в сумерках, на границе света и тьмы, возможны настоящие чудесатые странножуткости. А к ним мы и шкандыбаем самым коротким азимутом.

И вообще, на мой кошачий взгляд, ясный небосвод со всеми следующими за сим загораниями, пляжами и лежачим дуракавалянием — это пошло и безвкусно. И как говорил один мой знакомый, праздношатающийся по астрррралу адепт учения «у-вэй», уважаемый Гива-сан, — Башкир-Ата вскочил на пень и, приложив лапу к груди, продекламировал:

Мой небосвод кристально ясен

И полон радужных каррртин!

Не потому, что мир прекрасен,

А потому, что я — крррретин!

Тут полосатый котище повернулся, чтобы спрыгнуть и идти дальше, но икнул, подскочил на месте и заорал:

— Земля-я-я-я!

Моргнув, он вывалился из поля видимости, но, судя по исчезающему в последнюю очередь хвосту, полетел хвощами к искомому месту прибытия.

— От бусурман! — Дример ухмыльнулся. — Ну лады, алга за ним! — И он направился следом за котом, затянув мотивчик: — Туман, туман, седая белена... Далеко, далеко за туманами тайга...

Загрибука посмотрел на замявшегося Слипера во вновь намотанных на ноги полотенцах, мужественно вздохнул и тоже захрустел веточками в указанном маршруте. Слипер подумал, встряхнул рюкзачком и прислушался к его внутренностям. Судя по мирному сипению, Черепаха-Тротилла видела свой заветный сон-про-не сон. Немного успокоившись, Слипер закинул за спину «шахидский привет» и двинулся за друзьями. Крадучись и скучковавшись, они вскоре вышли на полянку и посреди неё увидели огромный шикарный особняк. Дом практически весь был из стекла.

— Модерррн, — уважительно кивнул Башкирский Кот, проявившись возле ног братьев. — Интересно узнать, во сколько потянула эта «малина»?

— Да-а-а... — только и вздохнул Слипер, ухватывая лямки рюкзака за спиной.

Дом окружал великолепный сад. Над ним явно очень постарались искусные в садоводстве руки и околоручные конечности. Сквозь навалившуюся темноту пестрели невиданные насаждения. Посередь кустов с дивными цветами всех оттенков раскинулись оранжереи. Дорожки были фигурно засыпаны ажурным гравием. То там, то сям виднелись миниатюрные сады камней. Маленькие фонтанчики журчали, утопая в пёстром винегрете малипусеньких цветусиков.

— Вот это дача! — Дример обвёл владения хозяйственным взглядом.

— Шшшы-ы! — зашипел Загрибука и указал на огромные окна, что занимали всю стену здания от пола до потолка. В доме царил темнота, но сквозь стекла было видно, как внутри, по ту сторону, стоят смутно различимые фигуры.

— Что-то мы как-то без приглашения и без подарка, — заметил мрачно Дример.

— За подарок не думай, друже, — хихикнул кот. — Любой сиятельный за полкилоку нам калитку сию отворит!

И он, насвистывая, отправился к ближайшим кустам чудесатого сада, благо забору вокруг него не было в помине.

Слипер глянул на Дримера и пожал плечами. А что тут скажешь? Алга.

Дуря от дюжедальних запахов, они прошли по саду незамеченными. Одна из тропинок привела их к небольшой, открытой настежь двери, которая манила темнотой внутрь дома.

— Хе-хе... — заглянул кот в дверь. — Похоже, мы как раз к заседанию правления и поспели. Вот что, бррратья мои, лучше б нам обождать втихую, покуда Окольцованные свои дела не обтяпают.

— Верно мяучишь, — раздалось сзади.

Все вздрогнули и обернулись. На тропинке стояли всё те же Свидетели Гиговы.

— Не топорищи шерсть, чай, не ёжик, — улыбнулся худой Свидетель Гиговый коту.

— Ёжик? — заорал из коридора только что пришедший Ёик.

Настал черёд мне вздрогнуть и оёжиться.

— Блин, вот ты меня напугал! — Я успокоил застучавшее было сердце.

— Ты что-то про Ёжика сказал...

— Да тут... Слушай, тут столько всего произошло, пока ты променады свои совершал. Надо всё с красной строки начинать, чтоб пояснить. Как, впрочем, и всегда.

— А что с Ёжиком приключилось?

— Всё с ним в порядке. Тут он у нас послужил наглядным пособием в одном очень важном разговоре. Его в пример поставили!

— Это в тот, где иксы и игреки? И как же он там теперь будет?!

— Да так же, как и всегда. Так же, как и мы все. Оглянись на мир, Ёик. Вокруг нас ведь и так сплошные иксы и игреки.

Ёик обернулся вокруг своей оси и удивлённо посмотрел на меня:

— Ты меня разыгрываешь?

— Да нет же! Я имею в виду, что мир только кажется таким, какой он есть, а на самом деле он — нечто совершенно другое, сплошные иксы кругом да игреки. Ну ещё иногда встречаются косинусы и котангенсы с интегралами. Но от этого как-то легче не становится. Как сказал когда-то один умный человек, в действительности всё выглядит совершенно иначе, чем на самом деле. В общем, в мире вокруг нас одни сплошные уравнения со всеми неизвестными.

— Я ничего не понял. Ты только скажи, с Ёжиком всё в порядке?

— Как и всегда, всё в полном беспорядке!

— А-а-а... Ну, тогда я пойду немного посплю, ладно?

— Конечно! Я тебе потом всё объясню.

— Да, мне всегда так все говорят...

— Дык и нам всю жизнь по всем статьям окружающий мир так говорит. В общем и целом, не в этом суть. После разберёмся.

— Я так и думал. — И Ёик свернулся калачиком между сканером и принтером.

— Вот все так и думают, — тихо сказал я, услышав его посапывание. — На том весь мир и стоит. Так... Что у нас там дальше? Ах да, ёжики...

— Да мы тут не знаем, куда ломиться, — Слипер учтиво склонил голову перед Свидетелями Гиговыми.

— Рано откофевываться, — ввинтил тот из них, что маленький. — У Окольцованных сегодня важное событие. Как оно пройдёт, сразу надо с прощением очутиться возле. Настроение у них будет позитивное и альтруистическое напрочь. Тут вы с петицией и окажетесь.

— Что за событие? — Загрибука зажёт глазки интересом и затоптался нетерпеливо, завивляв хвостиком.

— Сегодня происходит остановка Вертикрути Мира. Звёзды всея вселенной выстроятся, словно фонари на проспекте маршала Голубохерова, али по-аглицкому просто Блюхера. Ситуация по статье 20-12. Загогулины Лабиринтовы распрямятся. И на этом широком пути воссияет Окольцованным маяк родного порта, крыльцо родительского дома. Типа, кратковременный отпуск на побывку. Они покидают свои тела и устремляются душами за Великий Барьер, туда, где искрится и играет Свет Нерукотворный, воссоединяясь на безвременный миг в Единое. А потом возвращаются, сдав отчёты на стол Потолочному Разумению и получив новые инструкции по корректировке Всея Дхармы.

— Пряма массовый гагаринский старррт! — ошалел кот от такой картины и вытянул хвост вверх пусковой установкой.

— Поэтично, — довольно кивнул на кошачье заявление худой в чапане своему меньшому сотоварищу по работе.

— Высокий слог, — подтвердил тот.

— Так шо кочумайте, ребята, до поры, — продолжил худой. — Можете, конечно, по дому прогуляться, токма руками ничё не лапать, когтями ничё не цапать, ходить тихо и аккуратно, аки мышь на кронштадтской кухне тёти Нюры.

Никто ничего не понял, но стало-таки как в Ясном Пне, что, мол, экскурсию по особняку нужно проводить на цыпочках. Не на курицах, в смысле, а на пальцах ног и лап, уж у кого что имеется.

— Усекли, — кивнул Башкирский Кот и исчез в воздухе. — Ррребзя, алга за мной.

— Удачи! — Свидетели Гиговы развернулись было, но тут на тёмной дорожке показался молодой человек.

Братья и Загрибука напряглись.

— Так, нас спеленговали, — произнёс Дример сквозь зубы и натянул по самые глаза Шапку-Невредимку.

Но молодой человек, похоже, был занят совершенно другим. Он вертел головой по сторонам и явно торопился. А потому чуть не влетел носом в Свидетелей Гиговых.

— Отъ, ёлки-палки, сибирский лесоповал! — опешил он. — Никогда не знаешь, где вас встретишь.

— Локи, ты опять её потерял из виду? — укоризненно наклонился худой Свидетель Гиговый к молодому человеку.

— Да только что здесь была! По цветнику ходила, а потом как в воду канула! — ответил расстроенный молодой человек по имени Локи.

— Принцесс терять нельзя! — назидательно погрозил пальчиком маленький Свидетель Гиговый. — Беги, поищи в доме, а то ей уже скоро на всеобщем собрании быть надобно. Вечно эта Ли теряется...

— Ладно, — Локи скрылся за дверью, лишь мельком оглядев всю честную компанию и бросив на ходу: — Ой, здрас-сте! Извините.

— Ничего-ничего, проходите, — Слипер услужливо приоткрыл дверь пошире.

— Здесь принцессы обитают?! — Загрибукины глаза грозились вывалиться, хвостик дрожал.

— Сударь, вы всегда славились логичностью своего разума, — повернулся к нему худой Свидетель Гиговый. — Ну где, как не в доме Окольцованных Царей, жить-поживать принцессам?

— Ух ты! — Загрибука просиял. — Так значит, здесь настоящие волшебники собираются?

— Самые что ни на есть! — подтвердил маленький Свидетель Гиговый.

— И этот... Локи, он тоже волшебник? — Загрибука посмотрел вслед исчезнувшему в тёмном дверном проёме молодому человеку, а потом покосился на Дримера.

— Локи-то? Ну, он вообще странная птица... — Худой и высокий как бы замешкался, а потом незаметно подмигнул маленькому коллеге: — Верно?

— Ага! — улыбнулся краем рта тот. — Странный напрочь. Он тут уже давненько за принцессой присматривает. На службе, типа. Дхарма такая. У него сегодня тоже важный день. Он кое-что вспомнить должен, и срок тому пришёл.

— Ладно-ладно, нечего болтать, — внезапно прервал его худой. — А вы, ребята, проходите. Нам по делам пора.

— Спасибо вам за всё, — сказал им Слипер, нелепо топоча в полотенцах на ногах.

— Не во что, — ответили те и зашагали по тропинке в сад. — Повидаемся ещё.

Слипер и Дример вошли в дверь и скрылись в темноте дома.

— Не отставай, чурчель учёный! — послышалось оттуда.

Загрибука выпал из оцепенения и пошуршал за ними.

А по тропинке всё дальше и дальше уходили Свидетели Гиговы.

— А неплохо выглядят! Все эти мотания по Слойам им на пользу пошли, — заметил худой Свидетель Гиговый маленькому.

— Да, глядишь, скоро и ключ-то отыщут, — ответил ему товарищ по цеху. — Они друг на друга хорошо влияют. Эти братцы вместе, что твоим магнитом опилки, ключ сей притянут. Только вот чем позже Йош вспомнит, что он с ключом должен сделать, тем больше шансов Всея Сангхе уцелеть. А то может и не успеть уразуметь, что делать с дверью и как. И повернёт его в скважине не в ту сторону и не теми руками, да оборотов недосчитавшись. Прощай тогда уютная кухня Белочкина со всеми стрелками.

— Мда, надо бы как-нить пособить им, — задумался худой.

— Надо бы, — ответил маленький.

— Ну, пойдём тады в ступе воду толочь, пепси с колой мешать, — установил резюме худой Свидетель Гиговый, и оба субангела замерцали, как давеча Стрелочник в кустах возле безвестного села на родной планете Артемия Феоктистовича Шматко, и исчезли посреди тропы с гулким хлопком, отозвавшимся в инфранизкой демонячей частоте.

«Каламбурия Пикчерз» представляет!

Братья и Загрибука прошли по прямому тёмному коридору до следующей двери. Она была деревянная и непокрашенная. Сначала им показалось, будто дверь вся изъедена жуками-короедами, но при ближайшем рассмотрении даже в таком мраке стало очевидно, что она покрыта какими-то специально нанесёнными узорами и знаками.

— Э-э-э... — промычал Дример, почесав затылок под Шапкой-Невредимкой.

— Я тоже так думаю! — согласился Слипер. — Сдаётся мне, лучше подождать снаружи.

И он развернулся, дабы пойти обратно, но обнаружил, что коридора, по которому они только что пришли сюда, уже нет. В нескольких шагах позади теперь тоже была дверь. Такая же.

— Навязчивый сервис, — нахмурился Слипер и взвесил в руках рюкзак со спящей там экстремисткой-шахидкой Черепахой-Тротиллой.

— Замуровали, — прошипел Загрибука нагоняющим жуть баском. — И где же это, катет мне в гипотенузу, нашего Башкирского носит?

— Ммменя не носит, — ответил вкрадчивый голос тут же, и кот появился, словно свет во внезапно включённой лампе. — Я сам ношусь и всё пригодное к переноске ношу с собой. И изрреку я ныне вам следующее. Ну чего вы так убиваетесь? Вы же так не убьётесь! — Он хохотнул, клацнув зубьями. — Выбирайте дверь и шагайте с лёгким сердцем и очищенным желудком в светлые дали обещанного не раз нам будущего. Проще гитаря, Жребия тут нет, а бросать кого-то надо, ибо «пррроголосуй или проиграешь!».

— Давай, — повернулся Слипер к братцу. — Ты хоть в ботинках.

Они выставили перед собой сжатые кулаки, сосчитали до трёх и выбросили «камень, ножницы, бумага». Дример выкинул «колодец», проглотивший слиперовские «ножницы».

— И? — Слипер выжидающе посмотрел на братца.

— Мы — карела, нам — похъелла! — ответил Дример и толкнул ладонью ближайшую дверь.

— Мудррро, — довольно растянул пасть Башкирский Кот и повернулся к Загрибуке: — Коллега, прошу вас, там нас очудачат несметные открытия в областях тех наук, о коих наземные ходячие даже и не помышляли покудова, ибо нефиг поперёк шпрот в сгущёнку лазать!

— А пошли! — И Загрибука важно прошёл в дверь первым, заложив ручки за спину.

За дверью оказались ещё коридоры и коридоры, много коридоров, просто какая-то тусовка коридорная, словно они тут все сошлись на перекрёстке потереть за общую судьбинушку. Но двери стали попадаться и другие. И ржаво-железные, и мутно-стеклянные, и даже детсадовско-пластиковые. И на дверях начали встречаться таблички: «Приёмка перессуды», «Подлоговая инспекция», «Камера захоронения» и другие.

— Да, я сам взорррвал свой мо-о-озг... — напевал кот воинскую песню, ломаясь смело и безответственно в каждый дверной проём без звонка и приглашения, аки и без номерка.

Поэтому, когда кто-то задаёт при вас вопрос «а это кого?», знайте, что призрак Духа Кого уже оформился на горизонте и готов прибрать к рукам обсуждаемый предмет.

— Опе, вот те четыре! Вы откуда сюды свалились, шарапутисты? — Кого предстал перед ними высоким, закутанным в наброшенную на плечи шаль жилистым старичком в пенсне. — На Путях тут шарапутить надумали снегом головным?

Узнать, что это и есть тот самый Дух Кого, не представляло сложности. Ибо на груди его белел бейджик, на котором было написюкано флюоресцентной краской: «Консультант по утерянному. Дух Кого».

— Уважаемый Кого, — дипломатически выступил вперёд Загрибука, чуя, как треклятая контрабанда растекается по жилам, придавая ему недюжих сил и уверенности, если не наглости. — Мы не есть никакие шараё... простите, шарапутисты, а явились с челобитной к устроителям сей вечерины по случаю непредслышимых обстоятельств, которые вынудили нас совершить долгий Путь и уже изрядно занудили. — Тут Загрибука перевёл дух и почувствовал, как некая нездетутышняя силища наполняет тело.

— С прошением? — Дух блеснул пенсне в темноте. — Что ж, раз вы здесь, стало быть, Потолочное Разумение вас сюда направило и попустило. Заходите, но чтоб ни шыр, ни мыр. Соблюдайте тишину, граждане, сеанс уже начался, как говорится, и «Каламбурия Пикчерз» всюю представляет.

И дух уступил дорогу, отплыв в сторону. Дример прошёл в дверь, поклонившись:

— Дзэнькую.

— Ещё увидимся, — отвечивал Дух Кого и поплыл мимо них по коридору дальше, напевая: — Летели облака... в очках и с бородой...

Глава без названия, и нефиг

Фигуры стояли вдоль окна. Все были одинаково одеты в такие же невнятные серые халаты с капюшонами, какие давеча наблюдались нами у Свидетелей Гиговых. И у каждого вокруг головы, чуть выше ушей, висел светящийся обруч. Было это следствием внутреннего свечения или же надетым когда-то атрибутом — точно сказать не представлялось возможным. Здесь присутствовали существа всех мастей. И люди, и совсем никак не подпадающие под сие определение, навроде наших знакомых Загрибуки и Башкирского Кота. Насчитывалось порядка нескольких десятков персон, прибывших на Остановку Вертикрути. Все они стояли молча и смотрели на небо, синеющее темнотой со сверкающими звёздами, словно флаг Евросоюза. Невдалеке у стены, на почтительном расстоянии, Слипел и Дримел заметили встреченного ими ранее Локи. Тот сидел на корточках и спокойно наблюдал. Чуть погодя ошалевший Загрибука увидел, как в стене внезапно появилась дверь, только что там совершенно отсутствовавшая, и через неё плавно втёк Дух Кого. Обнаружив нашу бравую бригаду, он улыбнулся и кивнул.

Башкирский Кот полупрозрачно шастал вдоль стены и осматривал диспозицию. Веранда, если можно так назвать место просходящего действия, занимала пространство сродни доброму спортивному залу. И все чувствовали, как нечто приближается. Это было в самом воздухе. Наша четвёрка вштыренных рыбным алкалоидом внимала тайным вибрациям вместе со всеми. И они ясно в сей момент разумели, что если б не принятая шваркающая не по-детски полкилойка, то повалило бы их сейчас на пол, словно травушку под комбайном, накатившей волной невидимой силы. Тут Слипер указал Дримеру в окно на небо. А там уж чересчур сегодня резвые на бег звёзды явно выстраивались в некоем ажурном порядке. Темнота и гробовое молчание делали всё будоражным и политически важным. В какой-то момент небо осветилось странным сиянием. И тут покачивавшиеся периодически с пяток на носок фигуры Окольцованных застыли, словно камень. На короткий миг сознание будто помутнело, а потом что-то резко изменилось во всех. И всё тут же вернулось на круги своя.

Слипер ткнул Дримера в бок и шепнул:

— Чуешь?

— Чухаю, — ответил он.

— Во мне что-то булькнуло, — подсыпал Загрибука.

— Апгрейд, — нехотя бросил Башкирский Кот, совершая прогулку вдоль стены.

Окольцованные зашевелились и, обратившись друг к другу, стали что-то взволнованно обсуждать.

— Что, вот так быстро? Семь-восемь — и всё? — удивился Слипер.

— Это для вас произошедшее показалось мигом, — послышался мягкий голос Духа Кого, который незаметно подплыл к ним из сумрака зала. — А для Окольцованных там, куда они отправились и откуда вернулись, прошли многие дни.

— Я ж говорил вам про растяжильки с длинами-ширинами и временем, — заметил недовольно кот, подошедший и тактично севший чуть позади.

— Простите, но, как я понимаю, — начал Загрибука, — чтобы проделать такой фокус со временем, пространство должно быть крайне локализованным, — он вопросительно взглянул в лицо Духу Кого и тут же усиленно замотал головой, стряхивая наваждение. Ибо глаз у того не было. За пенсне виднелись только мутные провалы.

— Я не нуждаюсь в материальных глазах, как и самом теле, — поспешил разрешить Загрибукинские затруднения Дух. — Но, чтобы привязанным к физическому телу существам было привычнее и удобнее со мной общаться, я применяю сей маскарад. Так вот, о пространстве. Вы верно заметили, профессор...

Загрибука тут залился краской до ушей и смутился.

— Что-то не так? — спросил Дух. — Я слышал, как ваш друг упомянул в беседе с вами ваше звание. Я не допустил никаких вольностей?

— Нет-нет, что вы, — скоропалительно возразил Дример. — Перед вами действительный профессор астрономической философии и мировоззренческой демагогии.

Загрибука послал Дримеру уничтожительный взгляд. Но Дух словно и не заметил иронии.

— Очень приятно, профессор. Я рад нашему знакомству. Я тоже весьма люблю поговорить на философические темы. С удовольствием вас навещу как-нибудь вскоре, — Дух Кого уважительно склонил голову перед Загрибукой.

— Знаете, я буду только рад сему, но боюсь, могут возникнуть сложности. Я не в состоянии вам дать точный адрес, где меня искать, ибо последнее время мы с друзьями постоянно меняем место пребывания, — затараторил Загрибука.

— О, это без проблем, — улыбнулся Кого. — Я-то всегда знаю, где и когда кого искать. Не затрудняйтесь, профессор. Ценю вашу учтивость. Но да я вас сам найду, как только управлюсь с некоторыми делами. Так вы спрашивали о пространстве, как было верно подмечено, крайне локализованном. Думаю, вам, профессор, как никому, в связи с вашими астрономическими исследованиями, будет интересно посмотреть на это самое пространство воочию.

Загрибука оглянулся.

Дух, заметив это движение, улыбнулся вторично:

— Нет-нет, профессор. То, что вы видите вокруг, — отнюдь не истинное положение сего дома. Да мы вот сейчас к Локи обратимся, и он вам всё покажет в натуральную, как говорится, величину.

Локи тем временем что-то обсуждал с высокой стройной девушкой из числа Окольцованных.

— Простите, Локи, — позвал Кого, — можно вас на минутку?

Локи извинился перед своей собеседницей (принцесса — восхищённо подумал Загрибука) и подошёл к ним.

— Наши гости хотели бы увидеть, как выглядит Дом Встречи Окольцованных в натуральном виде. Вы не могли бы помочь им? — участливо спросил Дух.

— Без проблем, — ответил Локи и обратился к присутствующим: — Возьмите, пожалуйста, друг друга за руки.

Дример ухватил загибающую ручищу Загрибуки, а тот вцепился в лапу Башкирского Кота.

— Полегче, профессор! — скривился ухмылкой кот и протянул вторую лапу Слипелу, который в свою очередь сжал ладонь Дримера. Таким образом, они организовали масленичный хоровод с Локи посередине.

Загрибука вопросительно посмотрел на Кого.

— О, профессор, не волнуйтесь, я видел сие прекрасное зрелище уж много раз. Насладитесь же и вы, — и он слегка отплыл в сторону.

— Будет немного странно, — предупредил Локи и неожиданно положил свою руку ладонью на лоб Башкирскому Коту.

И тут всех жажнуло. Ещё миг назад они стояли на полу в доме, а теперь висели посреди открытого космоса, всё так же держась за руки. Только Локи среди них уже не было, хотя голос его был прекрасно слышен всеми:

— Обратите внимание на силовые линии. Они совершенно обособлены от внешнего поля вселенной.

Пересилив жуткий неконтролируемый страх, Загрибука приоткрыл поспешно зажмуренные глаза и первым делом оглядел своих товарищей. И увидел, что Слипер и Дример тоже с неподдельным страхом смотрят друг на друга. Башкирский Кот и вовсе со своей вздыбленной шерстью напоминал сейчас помесь дикобраза и бабушкиного клубка с воткнутыми в него спицами. Его ставшие почти чёрными глазища таращились с испугом куда-то вниз. А там, прямо под ними, в непроглядной космической бездне, висел маленький островок материи. Масюсенький диск, на котором без труда угадывались очертания Дома Встречи Окольцованных и полоска леса вокруг него. И диск этот порхал в жуткой черноте, совершенно ни к чему не привязанный. А под ним, ещё ниже, раззявила свою бездонную пасть и вовсе уж непереваримая жуть околосветная. Как будто весь космос скручивало там в огромный, невидимый глазу водоворот, и вся вселенная исчезала в глотке этого чудовища.

— Это чёрная дыра, — пояснил откуда-то голос Локи прямо в ухо каждого внезапно завербованного «астронавта». — Одна из самых массивных чёрных дыр в этой части вселенной.

— Жу-у-у-уть какая! — только и вымолвил Слипер.

— Ёктить налево! — услышал он рядом стоматологический стук Дримера.

Загрибука просто потерял дар речи и даже крикнуть не мог от сковавшего его ступора.

— Этот феномен делает Дом совершенно неприступным для всех обитателей вселенной. Практически он не связан ничем с общим полем пространства-времени, в котором пребываем все мы в обычных для нас условиях. Но Окольцованные выстроили систему переправ в обход основных силовых линий вселенной. Вы вот сами как в Дом попали? — спокойно спросил голос Локи.

— Через речку, — еле сдерживая панику, промычал Дример.

— А-а-а... ну понятно, — профессионально выдержанно ответил Локки. — То есть азимутом 0208/72. Это вот там.

И тут взгляды всех «астронавтов» насильственно повернулись чьей-то волей в одну сторону, и они узрели тонкую линию, стекающую откуда-то из непроглядной дали в эту ката-клизму. Но среди бесчисленных таких же линий, едва отличающихся по цвету от бездонной тьмы космоса, которые срывались вниз в водоворот, эта странным образом искривлялась и, словно канат, цеплялась за край искусственного островка материи.

— Вот по ней вы и прошли, когда переходили ручей, — успокаивающе заметил Локи.

— Ну Тюбетейка, ну блин с комой... — только и просипел Дример.

— Что ж, вас, наверное, ждут дела. — С этими словами, произнесёнными бесстрастно голосом Локи, вся картина померкла в глазах, и «астронавты» опять оказались на полу в доме.

Расцепив руки и лапы, они присели на корточки, ибо ноги стоять отказывались.

— Это скоро пройдёт, ничего страшного, — улыбнулся Локки. — Это с непривычки. Невесомость и всё иже с ней. Если позволите, я вас покину. Понимаю, мы все здесь сегодня очень заняты. Не буду отнимать больше время.

— Спасибо, дорогой, — поблагодарил за всех его Дух Кого, и очень кстати. Потому как говорить сейчас наши ставшие ненадолго космическими туристы просто были не в состоянии.

Дух поклонился Локи:

— Огромный привет передавайте принцессе и всей семье.

— Непременно, — ответил Локи и направился к стоявшим в отдалении Окольцованным, бормоча: — Да что ж такое, куда она опять запропастилась?

— Надеюсь, экскурсия вас не очень утомила? — обратился Кого к Загрибуке.

— О нет, что вы, — очнулся тот и даже нашёл в себе силы улыбнуться. — Было очень интересно и познавательно.

— Ну и славненько. — Дух внезапно засуетился: — Я вас покину покуда. Чую, недавно потерянная кем-то вещица призывает меня. Дела-дела. Буду рад, профессор, навестить вас.

— В любое время к вашим услугам! — поклонился Загрибука.

— Что ж, до встречи! — Дух собрался было уходить, но тут спохватился: — Да, чуть не забыл. В знак нашей первой встречи я хочу вам преподнести подарок. Как я понимаю, вы в курсе рода моих занятий, — и на утвердительный общий кивок продолжил: — Так вот, в моих кладовых есть много презанятных вещиц, позабытых и утерянных хозяевами. И среди них есть одна штуковина, которая явно обладает огромным потенциалом. Я бы сказал, буквально руки жжёт, ищет хозяина. И чую я, что на вашей крайне приятной компании лежит благодать Потолочного Разумения. Так вот, я сию вещицу и вручу с превеликим удовольствием, ибо уверен, что она вам не раз послужит во благо и к месту.

С этими словами он откуда-то из складок шали вытащил маленький, чуть тронутый ржавчиной ключ.

— Не может быть, — шепнул Дриммер братцу.

— Ты подумал о том же, о чем и я? — Слипер в страхе и благоговении смотрел на грозное изделие из странного металла, отдалённо напоминающего ртуть.

Башкирский Кот незаметно попятился. Один Загрибука, ничего не подозревающий, открыто и простодушно протянул ручищу:

— Огромное спасибо, коллега. Я надеюсь вас вскоре увидеть вновь.

— Обязательно ещё встретимся! — С этими словами Дух Кого величаво поплыл над полом куда-то в сумрак зала.

— Осторожно держи! — сквозь точёные зубья прошипел Башкирский Кот, как только Кого удалился на достаточное расстояние.

— А что такое? — Загрибука радостно сиял и всё ещё пребывал в эйфории от своего нового знакомого.

Кот подставил свои лапы под профессорскую и только потом произнёс:

— Видите ли, прррофессор, сдаётся мне, что накаркали мы в самую «десятку». Похоже, у тебя в руках судьба всея вселенной, то бишь самый что ни на есть Йошкин Код!

Загрибука, только что отошедший от одного ужаса, впал тут же в ещё более дикий. И, естественно, выпустил от страха ключ из лапищи. Точнее, лапа его сама разжалась от накатившего спазма, который заставляет весьма солидных и взрослых людей периодически производить мочеиспускание прямо в свои дорогие не по средствам штаны. Ключ мягко упал в кошачий захват.

— Вдохнуууууть. Не дышааать. — Башкирец на вытянутых лапах поднёс «подарочек» к Слиперу: — Открывай свою котомку, брррателла, да поскорее. А то если тут застанут с этой отмычкой да сообразят, что сие есть такое, вместо всех нас прекрасных будет сиять надпись «конец фильма»!

Слипер сорвал рюкзак с плеч и молниеносно развязал его.

— Тротиллу оттуда вынь! — шикнул Дример.

— Эт точно! А то отличная у нас икебана получится из двух составляющих в одном флаконе! И ни разу ни с глазу не «хед энд шолдерс», — кот аккуратно опустил ключ в брюхо слиперовского рюкзака, едва тот достал авоську со спящей панцирной шахидкой. — Дррруже, тебе теперь в самый раз наклеить на рюкзак ярлычок «крайне взрывоопасно». — Он зловеще хохотнул.

— А с ней мы что теперь делать будем? — испуганно прошептал Слипер, глядя на авоську.

— Загрибыч, — кот хитро покосился на новоявленного профессора, — держи её нежно и недалече. Чую я, она нам может вполне вскоре пррригодиться.

С этими словами он выудил Черепаху-Тротиллу со дна и аккуратно передал Загрибуке. Тот схватил её своей загребущей ручищей, и черепахенция исчезла там, совершенно утонув в необъятном захвате.

Кот скомкал авоську и, недобрым хитрым взглядом окинув помещение, зашвырнул её в тёмный угол.

— Распрями мои коленки, теперь лучше вам постоять здесь и никуда не двигаться! — командирским тоном приказал Дример Башкирскому Коту и Загрибуке. — А мы с братцем пойдём потолкуем с Окольцованными. Ты только пропуск нам выдай, татарин, лады?

— Дело говоришь, начальник, — согласился сразу тот и вытащил из-под брюха красную рыбёшку. — Мы тут виснем и никуда не сворачиваем. А вы ступайте до государей покамест. Да учти, рыба последняя. А пахнет-то как, а? — Кот закатил к звёздам мечту окулиста.

Дример сурово взглянул на Башкирца, затем на Загрибуку. Последний скоропалительно закивал с широко открытыми глазами. Натянув потуже Шапку-Невредимку, братец повернулся к Слиперу:

— Ну шо, родня, наш выход с цыганочкой!

— Ыц-тыц-тыц! — пританцовывая, ответил тот. — И не в таких кабаках плясали! Вашу ручку, битте-дритте!

И они двинулись по направлению к столпившимся в сумрачном помещении Окольцованным. При этом Слипера слегка нервно подкидывало — а может, он просто приплясывал на ходу модный танец пого?

Тапки для папки, ботинки для батьки и кроссовки для массовки

Едва наши два, опознаваемые уже сходу и без труда, братца зашаркали вблизи героев бала, как те притихли и обернулись на незваных гостей.

— Ой, здрас-сте! — замялся Слипер, помусолив руки в карманах комбинезона и шаркнув по полу.

— Добрый вечер, — учтиво, с хрипотцой, буркнул Дример, отхлобучивая Шапку-Невредимку со лба.

— Рады видеть вас у себя в столь знаменательный день, — отвечивал им импозантный высокий мужчина неопределённого возраста и наружности с ускользящими от внимания чертами лица. В общем и целом, никто его так и не припомнил опосля. А главное, судя по его слишком вежливому приветствию, стало сразу как-то понятно, что он ну не совсем прямо уж так рад невесть откуда свалившимся на голову двум непонятым персонажам.

А персонажи эти дык и вовсе не стали тянуть резинку и дали в галоп. То бишь Дример сходу и начал:

— Ваше Сиятельство, мы были счастливы присутствовать при столь важном для всех миров событии и благодарим судьбу за этот подарок, но вышла у нас с друзьями загвоздка малая...

— Тэээк-с, — вставил импозантный неопознаваемый некто, схмурился брови домиком вниз.

— Бре-ке-кекс случился натуральный! — поддакнул Слипер, не расслышав толком примечания великана. — Никак нам азимут заветный на дом родной не взять. Нас сюда аки молнией-телеграммой забросило! А вот как в обратном порядке вовремя и учтиво покинуть помещение, дабы не злоупотреблять гостеприимством вашим, — мы не разумеем. И ведь надоели вам, небось, своим присутствием...

— Тэээк-с, — отхмурил брови домиком вверх всё тот же мужчина баскетбольного телосложения.

— В общем, нам пора, — резюмировал сложный и сбивчивый дуальный монолог Дример.

— А-гааа, — также подытожил все свои «тэээк-сы» высокий дядя со светящимся обручем вокруг головы.

— В целом, всё понятно, аки в Ясный Пень! — подтвердил стоявший рядом Окольцованный поменьше ростом, но столь же импозантной наружности. Нужно непременно заметить, дорогие читатели, что я специально пользуюсь для определения словом «импозантный», ибо уверен, что абсолютное большинство вас, как и я сам, с трудом понимает до яснопенькового конца смысл этого термина явно нерусского происхождения, а потому представляет себе кто что горазд, делая

при этом умный и напрочь ржачный вид. Тем лучше, ибо определяемость наших Окольцованных персонажей и вовсе запутывается, а это неплохо само по себе. Ибо, если б вы кристально чистенько вообразили себе внешний вид Окольцованного королевича, то тут же стали бы узнавать их на улицах своего города и приставать с совершенно неуютноваримыми просьбами и прошениями, а им это, прошу отметить в судовом журнале, ну вааше ни к селу ни к веникам.

— Слушай, — Терюська вскочила с пола на стол и обтёрла компьютер своим тонким валенковым хвостом, — а кстати, люди вообще много чего говорят непонятного им до конца, но почему-то все делают вид, что всё понятно.

— А они так поступают, чтоб интереснее было, — ответил я.

— Но так же всё запутывается! — возразила Терюська.

— Конечно! — кивнул я. — И уже настолько запуталось, что люди и сами потерялись в этом всё и потеряли всё, что могли. Но ведь именно в запутках и весь интерес.

— Ой, — икнула Терюська, — но ведь так можно всё настолько исказить, что потом и вовсе не разберёшь, где свои, а где чужие!

— Ну, в общем, ты права, — пришлось согласиться мне.

— А ещё ты мне как-то говорил, что слово выражает материальную мысль, — важно подбоченилась Соня, которая неслышно подошла поучаствовать в беседе.

— Это ты к чему клонишь? — Я также подбоченился, накренился, заплёлся ногами вокруг ножек стула и закусил дужку очков.

— А к тому, — нахлобучила Соня брови домиком вниз, как это только что делал вышеописанный мной Окольцованный мужчина ускользящей от приметности наружности, — что реальность сама по себе искажается донельзя и нафиг, если язык, используемый людьми, непонимаем ими до конца, не имеет чётко сформированной образности, конкретной для всех носителей данного языка, и каждый представляет себе всё весьма смутно и по-своему, когда слышит какое-нибудь словечко или выражение. А если это словечко или выражение ещё и заморско-инакостранное, то и вовсе вместо образа живого, заключённого в фонетическую оболочку, мы все услышим просто фантик из набора букв. И о построении какой-либо согласованной и упорядоченной реальности тогда и речи нет!

Соня запыхалась и разбоченилась обратно.

— Да... уж! — только и пришлось согласиться мне.

Почесав обгрызанной дужкой очков подбородок, я выдвинул контраргумент:

— Соня, ты усеки до кромки, ведь мне по данному описанию совсем и не надобно, чтобы всё стало реальным для всех и сразу. Потому и слова в книге такие чужестранные и куролесные. Чтоб не попали дорогие и уважаемые читатели в эти космические дебри по нашей с тобой вине, начитавшись ясных и образных слов и выражений, несущих в себе осмысленную материальность, то есть я хотел сказать, материальную осмысленность.

— Ооо, — протянула Терюська с теплой батареей, куда она перебралась погреться, — это ты красиво загнул...

— А главное, что не для всех понятно! — улыбнулся я.

— Ну, это пока они сами посреди Леса не проснулись, — хохотнула Терюська и, мигом вскочив опять на стол, наклонилась к монитору: — Ну чё там дальше-то?

— Вам куда надобно? — спросил импозантный... ну хорошо, хорошо: спросил respectable и свежевыглаженный товарищ давеча описанного импозантного (тьфу, оно нас преследует)... Ну, надеюсь, вы уже всё поняли.

— Нам домой, — буркнул Дример, натянув на всякий случай Шапку-Невредимку обратно на лоб, а то мало ли чего от этих ребят можно было ожидать.

— А это где? — осведомились нетерпеливо из общей массы стоявших рядом Окольцованных.

— А это там и сям, — выпалил Слипёр быстро и охотно.

— Классический случай кармического празднотания, или так называемый астрохичхайк, — поставил диагноз седовласый дедушка в неожиданном для такого общества малахае. Дедушка появился словно ниоткуда, и присутствующие Окольцованные склонились перед ним в глубокой уважухе. — Довольно редкое явление в наше время. Сейчас молодёжь только и делает, что снуёт чётко очерченными маршрутами своих судеб вдоль и поперёк Всея Сангхи. Никакого романтизма. Авантюристы перевелись. В реку к русалкам уже никто с цветами не бросается. Под задницу Моры уже никто напалм не льёт. А тут — вот вам здрассте!

— Здрассте! — тут же брякнул Слипёр в ответ.

— И я про что говорю! — ответно кивнул дедушка.

Да и узнал бы Слипёр дедушку сего, если б в своё время обернулся, выходя из заколдованной комнаты Белочкина, на старьёй диванчик, где этот милый старичок и посапывал мирно. Ишь, уважаемый читатель, как разводит-то нас всех по углам Потолочное Разумение, что и рядом мы были уж сколько раз, а не признаём друг друга. И просто, и мудро, и всё в одном, и ни разу ни фи́га не «хед энд шолдерз».

— И я про что говорю! — кивнул, стало быть, дедушка Мытут (а это он самый и был, да про то братья и не знали пока, а он сам не всегда помнил). — Эх, автостопом в звёздные дали, прям как в наши давние времена. Завидую я вам, ребята, — он выскользнул из объятий окружающей столпившейся тусовки, подошёл к братьям и похлопал их по плечам. — Я вот тоже в ваши годы как вышел из дома...

Дедушка Мытут напрягся на мгновение, скукожив и без того сморщенный лоб глубокой мыслью, но тут же расправил физиогномику.

— Да, в общем, из какого-то дома... — продолжил он. — А потом такое началось! Да так и продолжалось! И ни вздохнуть-то было, ни перекурить. Так что...

Дедушка обернулся к Окольцованным, и те даже как-то вытянулись перед ним осанкой, словно кронштадтские матросы перед обратившим на них внимание боцманом.

— Вы, милые мои Братья Кольца, этих автостопщиков отправьте до пункту назначенного значения, а я уж с вами сочтусь. — Дедушка вдруг засуетился, что-то вспомнив, и юркнул в толпу, бросив на прощание внезапное: — Алаверды, кэээрлэ дуслар, увидимся в чайхане!

— Э-э-э, — начал было Слипер, но брат его тут же пнул ботинком не так чтобы очень заметно, но весьма ощутимо.

Слипер послушно заткнулся. Окольцованные зашушукались между собой. Братья посередь них стояли и исподлобья зыркали по сторонам.

— Ну вот что, — выступил вперёд изначально открывший данный маленький симпозиум трижды-ёктить-импозантный мужчина высокой наружности. — По велению Потолочного Разумения даётся по одной штуке в руки для частного и временного владения некий субъект, который вас быстро и без хлопот доставит в следующий пункт значения.

Кто-то из толпы протянул к братьям руки, сложенные «лодочкой», а в ентот колыбельке из ладошек сидел недвижимо на тряпочке странный зверёк, смутно напоминающий смесь тушканистого суслика и сусликоватого тушканчика.

— Ишь ты, — отвис челюстью Слипер, подставляя ладошки.

Ему в них аккуратно опустили сие нирванно-негаданно застывшее существо.

— Мокропопик Падучий! — представил загадочного персонажа один из Окольцованных. — Ему только надо обеспечить определённые условия, чтобы он вышел из катаклизмического своего состояния, и всё произойдёт тут же и быстро, и без хлопот. И енто, осторожнее с ним. Он пострашнее ковровой бом-бам-дировки кроет. Комар камня не подточит, и носа на носу не останется!

— А какие условия ему нужны? — спросил Дример.

— Да можно разные, — неопределённо и путано ответили Окольцованные. — Или в туман его запихать, или туда, где пахнет странно, или где сквозняки гуляют... Короче, Мокропопик Падучий чихнуть должен!

— А, вона как, — осматривал тушканистого суслика Слипер. — А чего его так напряжно величают?

— А ты думал, чего он на тряпочке сидит? — наклонился к братцу Окольцованный молодой гоблин из числа разноликой окружавшей их компании. — Он есть продукт осеннего отпочковывания Морры. Детёныш. Этого вот мы просто Витькой кличем.

— Это той Морры, которая задницей своей всё замораживает? — спросил испуганно Слипер.

— Грамотный, — улыбочиво кивнул ему Окольцованный гоблин. — Точно! Только у Витьки нашего эта способность как-то по-осеннему, соответственно, проявляется. Где зад ни приложит, там сразу мокро и скользко.

— Ну, Мокропопик понятно почему, — ответил Слипер, — но почему Падучий?

— Дык ведь скользко! — удивился непонятливости другой Окольцованный, более напоминающий лицом вырезанного из дерева идола. — Он и падает поэтому всё время!

И тут, словно в доказательство сказанного, Мокропопик Падучий стал заваливаться набок в Слиперовских ладонях.

— Держи его! — хором грянули несколько Окольцованных.

Дример ловко придержал Мокропопика пальцем. Тот икнул, выпрямился и снова застыл, глубоко вздохнув.

— Ему падать нельзя, — назидательно покачал пальцем псевдо-вырезанный-из-дерева Окольцованный. — Он ведь сразу станет Храпуном Лежачим Обыкновенным.

Дример и Слипер уже ничего не понимали. А потому жалобно и растерянно глядели на Окольцованных.

— Храпеть будет до восьмого с четвертью пришествия! А в процессе храпучести может и слинять не сходя с места, — участливо разрешила мозговой тупик братьев Окольцованная дамочка издевательского вида. — Он хоть и Падучий, а шныряет по всем Слойм вселенной, как заправская мышь по чулану! Изловить можно, только когда он в нирвану нежданную впадает. А в бодрости этот тушкан сусястый точку сборки швыряет, аки твой шарик для пинг-понга.

— В смысле, с ним всё время просветление случается? — не поверил своему же вопросу Дример.

— Вроде того, — подтвердила дамочка со светящимся кольцом над ушами. — Только нирвана эта на шлем к нему нисходит, когда он во дрёме нечто невразумительное видит. Он тогда садится прямо и лунатично, замирает, вот как сейчас. Глаза вроде открыты, а не видит ничего. А если увидел бы — пиши пропало, ибо пропал бы тут же, юркнув в какую-нибудь щель пространственную. Потому глядите в оба, чтоб раньше времени ему ни пылинки в нос не попало! Отнесите куда подальше, а то отдачей нам тут всем печёнки перетряхнёт. Чих его образывает дыру во всемирном пространственно-временном поле. Скоропостижимую, но весьма немаленькую.

— А что насчёт утилизации? — осторожно спросил Дример.

— А он сам, не беспокойтесь, — ответила дамочка. — Он со временем проходит целую серию перевоплощений и метаморфоз. Мокропопик Падучий после определённого цикла чихания и заваливаний становится, опять же, Храпуном Лежачим Обыкновенным. А потом, отоспавшись энное количество времени, однажды просыпается самым простым и банальным Ныкальщиком.

— Хныкает, что ли, всё время? — раскрыл широко глаза Слипер.

— Не Хныкальщик, а Ныкальщик! — укоризненно покачала головой Окольцованная дамочка, — Ныкальщик-Щелевик. Ныкает всё, что попадётся под руку, по щелям и углам, а потом сам забывает, что и куда сныкал. К тому же чиханием он распространяет вокруг себя вирус, который поражает исключительно существ человеческой формы существования. Эта болезнь часто у людей встречается.

— Какая? — хором спросили Слипер и Дример.

— Синдром Ныкальщика-Щелевика! Посныкают, понимаешь, по щелям своё добро, кто очки, кто ключи, кто заначку, а потом сами вспомнить не могут, что и куда snyкали!

— Слушай, — шепнул Дример Слиперу, — мелькнула у меня тут идея... — И он обратился к дамочке: — А этот самый вирус как-нибудь излечению подлежит?

— Не знаю уж, кто и с чем там под и над и где лежит, а синдром можно ликвидировать очень даже просто, — она закусила губу, — но неприятно.

— Это как? — с внезапным и непонятным Слиперу интересом увлёкся Дример.

— Газики. Нужно, чтоб на больного свежий Мокропопик Падучий нацелился своим мокрым местом, да ещё и как следует пукнул! А ведь он — очень редкое животное. Непросто найти Мокропопика во вселенной. Да и не каждый захочет, чтоб на него мокрой задницей целился и... ну, вы понимаете... — Дамочка весело скосила глаз.

— Ой, спасибо вам большое, мы уже всё поняли, — поклонился Дример и плечом толкнул напарника. — Уж и не знаем, как вас отблагодарить...

— В левом кармане, — зашипел Слипер брату.

Тот ловко выудил оттуда красную рыбку и протянул Окольцованным:

— Разве что этим.

— Мгм... — довольно заулыбались Окольцованные. — Надо же! Они действительно совсем не такие, как эта современная молодёжь. Умеют дар принять.

Один из Окольцованных, с тёмным загорелым лицом, взял рыбку, разломил в руках, и в глазах у братьев слегка помутилось, ибо наломал он тут же из одной рыбки пару сотен кусков, всем раздал, а оставшееся в короб сложили, тут же поднесённый. И Дримеру четыре кусочка также были даны.

«Всё знают, — как бы подтвердил он мысленно свои догадки. — И сколько нас — тоже у них прописано на извилинах».

— Приятно было иметь с вами дело, — склонился головушкой загорелый.

— Ой, а нам-то, а нам-то, да вааще! — Слипер зашуршал тапочкой.

— Пора, типа, — буркнул Дример, замусолив лямки комбинезона.

— Да-да, конечно, до встречи! — Окольцованные кивнули и тут же потеряли к братьям интерес, вновь оживлённо заговорив о своём, словно и не прерывались.

Братцы вернулись к оставленным товарищам.

— А чего это ты про редкостный во вселенной пердёж с таким пристрастием мучал эту тётку-то? — Слипер украдкой на ходу поднаехал на Дримера.

— Да про Йоша с его кодом подумал...

— Оба-на! Во ты, брателла, с головой! Я и не догнал!

— Ага! — хитро подмигнул Дример.

Они подошли к косящимся по сторонам Загрибуке и Башкирскому Коту. Краснокнижный наш монгол (по прапрадедушкиной линии) явно нервничал, а потому мерцал ненастроенным телевизором и вертел кренделя хвостом.

— Вот! — коротко доложил Слипер, протянув ладошки с восседающим там Мокропопиком Падучим на обозрение.

— Сказали, что будет быстро и без лишних хлопот, — добавил Дример, чувствуя, что его утверждение ничуть не прояснило ситуацию.

— Дёшево, быстро и без лишних хлопот вас похоронит аэеррофлот, — сквозь частокол зубов прошипел на тюркском Башкирский Кот, обходя по кругу Мокропопика Падучего и втягивая воздух затрепетавшими ноздрями. Глаза его сделались недобрыми и фиолетовыми. Завершив полный круг, котище сел и оглянулся. — Как бы то ни было, — заявил он, воровато глянув по сторонам, — нужно лиять отсюда по ускоренной программе. Если этот церебрально-парализованный хомяк и есть наша надежда на более-менее продолжительное будущее, то лучше немедленно пустить его в дело. Аннотацию к нему вам дали?

— Шо? — сконфузился Дример.

— Я об инструкции по применению мяучу тут настырррно! — Кот явно нервничал, топоча лапами в пол.

— Чаво с ним делать-то? — не выдержал и Загрибука, с видом решившегося на всё и вся партизана сжимавший в своей загребушей лапе Черепаху-Тротиллу. — Почто нам сего хомяка сплавили?

— Вачепто, братцы, цари-батюшки сказывали, чтоб мы еного степного зайца будили где-нибудь подальше от места всеобщей дислокации. А тось случиться может крайне неприятное да разнести закрома в мелкий винегрет. Посему...

И тут на веранду, где сие происходило (вы ещё не забыли, где мы вообще? а то я тут увлёкся), влетел, аки ошпаренный, наш нездетутошный приятель Локи и заорал:

— В зале находится Йошкин Код! Внимание!!! Осторожно! В зале находится Йошкин Код! Астрологическая наводка совместила все показатели!

— Тикаем! — бросил Башкирский Кот, сгребая в охапку рюкзак.

Слипер прикрыл ладошки, отчего сидящий в них Мокропопик Падучий получился со слегка насильственно склонённой головой. Впрочем, его сонную нирвану это нисколько не беспокоило.

— Да кидай ты тушканчика в суму! — зашипел Башкирец, крутя головой, словно танк башней.

— А может... — начал было Слипер, но Дример твёрдо взял его руки в свои и мрачно изрёк:

— Нет, уже не сможет!

И сквозь зубы изрёк, словно хирург медсестре на операции:

— Сумку!

Кот распахнул рюкзак, и Дример опрокинул туда ладошки брата. А затем он тоскливо взглянул на Загрибуку и бросил быстро и твёрдо:

— Буди курву!

Тот отчаянно раскрыл глаза, потом героически зажмурился и разжал лапу, а Дример развернул на ней Тротиллу в сторону многоликой тусовки, словно истребитель на стартовом столе

авианосца. Толпа суетилась и жужжала, подобно рою пчёл, и агрессивность её намерений была вне всяких сомнений.

— Бюль-бюль-оглы сим-салабим рахат-лукум эшельме-бельме ё-комонь! — заорал Башкирский Кот в ухо Черепахе-Тротилле, и та послушно открыла жёлтые змеиные глаза.

Кот глянул на черепащенко и заорал на всю веранду:

— Полундррра-а-а-а!

— Амбар аврал! Сохрани нас Потолочное Разумение, — только и произнёс Дример.

И тут стало темно, как давеча у них под ногами в непроглядной воронке чёрной звезды. И воцарилась тишина. Но перед этим всем четверым на мгновение показалось, будто кто-то прямо перед их глазами щёлкнул фотовспышкой. Ведь они никогда не бывали в течении данной отдельно взятой жизни в районе боевых действий с применением пластида конкретного названия «си-4», а потому впервые на собственной шкуре испытали, что сие такое — тяжёлая контузия с затяжным обмороком.

— Бли-и-и-и-и-ин комой, — раздался в проясняющемся свете чей-то скулёж.

В оседающей пыли носился отвратительный запах гари и палёной курицы.

Из дикой смеси камней, бетона и осколков стекла проявлялись четыре фигуры.

— Эй, меня кто-нибудь слышит? — раздался узнаваемый, но весьма нетвёрдый голос Слипера. Он широко открывал рот, пытаясь освободить заложенные напрочь уши.

— Говорить больно, — отозвался Дример, приподнимаясь на карачках.

Сейчас он смахивал на внезапно ожившую мумию, встающую из ада, ибо был покрыт подошв ботинок до самого темечка Шапки-Невредимки толстым слоем строительного мусора. И в этой имевшей весьма неопределённые очертания фигуре только что прорезались две щели, и они оказались глазами. Сиплый кашель отзывался переключкой. Дример натужно прохрипел:

— Хорошо хоть осколками не посекло. Сдаётся мне, у Черепахи-Тротиллы полный панцирь был всяких гвоздей да шурупов.

— Да, нормальненько так шандарррахло, — подал голос большой ком грязи и пыли. И, судя по внезапно отделившемуся от данной кучи отростку, им оказался кот и, соответственно, его хвост. — Все целы?

— Загрибыча не слышать шо-та, — еле произнёс Дример, оглядываясь. Комбинезон его теперь не определялся в цветовой гамме, ибо тоже был покрыт толстым слоем цемента.

Башкирский Кот тем временем чихнул оглушительно и завертелся:

— Эй, профессор! — Комок грязи покрутился вокруг своей оси, взывая к потерпевшим и одновременно пытаясь сбросить хоть часть навязанной маскировки, словно забытая новогодняя ёлка в апреле. — Я не слышу вашего заявления, профессоррр! Аудитория ждёт! Исполнителя на сцену! Страна должна узреть своего героя! Ордена и медали стынут без вашей горячей комсомольской груди, о, сеятель науки среди тьмы невежества мирррского!

— Ёктить, катет мне в гипотенузу! — проскрипел пылью на зубах откуда-то Загрибука.

— Я знал, что вы, профессор, не оставите свой благодарный электорат, то бишь нас, без вашего мудрого слова! — В комке грязи и пыли прорезалась во всю ширину щель, в которой блеснула сотня отточенных зубов. Это была улыбка Башкирского Кота.

— Дрррузья, — он осыпался грязью, — я поздравляю наш боевой расчёт с первым в жизни удачно проведённым террористическим актом! Эшельме-бельме!

Четверо оглушённых террористов-самоучек сползались в кучу. Цементная пыль почти улеглась.

— Триетить твою налево! — ошарашенно вертел головой Дример.

А вертеть было на что. Вкруголя не осталось натурально ничего, что сохранило бы маломальскую форму. Ровное и серое, всё в острых обломках, поле тянулось во все стороны на расстояние, равное приличному огородному участку, а дальше всё обрывалось. За краем белели облака. Точнее, дымка. То ли пыль от взрыва, то ли конденсат влажного воздуха. А что колобродило за этими облачками, и выяснять не хотелось. У всех в памяти ещё свежи были воспоминания о маленьком клочке реальности посреди чёрной космической вертижуги.

— Валить надо, — Дример утёр лицо рукавом футболки, точнее, тем, что от него осталось.

— Мысли читаете, однако, уважаемый, — кот вылизывал себя и обмахивал хвостом. Из-под бетонной крошки уже появились пятна знакомой полосатой расцветки. — Но, позвольте заметить, я пошёл в своих размышлениях чуть дальше. А именно задался вопросом «как бы нам это ухитриться сделать, пока трижды етительная, наскоро спаянная посреди космоса сковорода не осыпалась мелкими чугунками в противосветную чёрную задницу». А задница эта самая, ррребцы, прошу учесть, таки прямо под нашими собственными. Буквально.

— А где рюкзак? — Слипер завертел шеей и тут же почувал босыми ногами, что портянко-полотенца с его ног куда-то сгнули также.

— А где Черепаха-Тротилла? — влился в разговор Загрибука и добавил с опаской: — Говорили же, что она многоцветная. Я лично второго раза не вынесу!

— Рюкзак туточки! — радостно вжикнул пилорамой кот и выудил из кучи мусора потерявшую цвет искомую торбу.

— Черепаха, небось, тоже где-нибудь здесь, — пригибаясь, стал всматриваться в развалины Загрибука.

— Загрибыч, не суетись, — Дример сплюнул пылью. — Если она и осталась тут где-нибудь, то наверняка опять впала в спячку или уползла восвояси. Но сдаётся мне, Черепаха-Тротилла в момент исполнения своего номера ускользнула отсюда и теперь получила продолжительный отпуск в своё распоряжение. Щиплет себе травку и в ус не дует, тем более, что никаких усов у неё нет. В этом летающем борще с фрикадельками, как мне кажется, каждому по-свойски досталось, уж что кому положено и как предreshено. Тапки, понимаешь ли, для папки, ботинки — для батьки, а кроссовки — для массовки. Или, если кратко, каждой золушке по своей головушке. Тротилловна-то, видать, только как ускоритель кармического процесса работает. Чихнула не

глядя, а там уж как кого причешет. У ней, небось, и детонатор срабатывает не на нашей частоте, а где-то в причинном казуальном поле. А взрывага эта — токма отголосок, эхо боёв, так сказать.

И самое чудесное, дорогой и уважаемый читатель, что Дример туточки оказался ну донельзя прав, хоть на любой конституции клянись. И не знал, предполагал ведь токма, а попал в самую что ни на есть. Черепаха-то наша Тротилловна, сама целая и невредимая, словно под Шапкой-Невредимкой отсидевшаяся во время боевого конфликта, была зашвырнута в края благодные и по-телячьи нежные. Видать, заслужила она таки перед Всея Сангхой отпуск на побывку в райские кущи, где теперь и пребывала, утопившись по самые уши в капустных листьях и вдыхая аромат маринадно-солёного моря на далёкой планете Чей-Хуа в пределах Империи Цыц. Короче, это где-то в восточном округе. Да и капуста, нужно сделать пометочку на полях, была там отменная и взрощена на огороде никем иным, как не такой уж дальней родственницей той самой вечно теряющейся принцессы Ли, которую всё время пытался призвать к стабильности телоположения наш старый знакомый Локи. Огородец был вспахан на славу. Капустка посажена и подкормлена с любовью. И никаких хищников там не водилось. Да на грядки редко кто и когда захаживал, ибо всё там делала сама благодная природа. И огород сам был ну нигде не маленький, так что Тротилле можно было не беспокоиться насчёт ограниченности в пространстве или по поводу внезапного урезания капустного пайка. Как её туда ушкындырбало — вопрос метафизический, но вполне пояснимый. Взрывом размётанные ниточки трасс, которые изначально были призваны сопроводить всех гостей на клочок суши посреди мирового космического океана пустоты, словно подожжённые синтетические нитки, тут же свернулись обратно. За одну из таких трасс и зацепилась боевым и отработанным в многократных операциях ухватом Черепаха-Тротилла. И таки была она аккуратно и рассчитанно перекинута нетранспортабельно на ту самую фазенду в Чей-Хуа, откуда подруга Локи и явилась на межгалактический симпозиум по Связям С Обществом. Окольцованным и вовсе все эти взрывы были до лампочек бараньих, но так как шуму было много, и поля энергии исказились до неузнаваемости, то чувствительные к фэншуйности королевские особы попросту, сморщив недовольно носы, срумбабумбировали кто куда в срочном порядке, чтобы тела-свои-костюмчики не попортить в передрыге. Вот так, культурно и по-гринписовски, соблюдая все буддистские наставления, Черепаха-Тротилла разнесла в пух и прах цельную, отдельно взятую, пусть и небольшую, но на совесть сделанную и обжитую астероидину. И при ентом деле не отправив на тот свет ни одной живой души, то есть попросту без потерь личного состава. Вот что называется Мастер своего дела! Ни крови тебе, ни трупов, ни горя, ни плача. Заложники живы и здоровы, только декорации разнесены в щепки и труху, да пара царпин у народа появилась. Учитесь, школяры-подрывники! А то путаетесь тут со своим давно устаревшим и немодным магнием и марганцовкой в придачу...

Город А

— Эй. — Кто-то потряс Дримера за плечо.

— Шо случилось? Уже всё? — Тот лежал навзничь в траве и пытался разлепить веки.

— Всё, гражданин, прибыли, — насмешливо заметил голос. — Уже перрон.

— Ох, — вырвалось у Дримера, и он сел в траве, открыв глаза: — Якорный бабай!

— Ты почти угадал! Но это я, — Стрелочник Белочкин лучезарно улыбался, заслоня собой солнце, отчего фигура его вся светилась по краям. Он был всё в той же оранжевой жилетке, помятых штанах и в фуражке. Его белёсые космы были аккуратно зачёсаны назад.

— Вы откуда тут?! — Дример прикрыл веки и теперь щурился на отсвечивающий силуэт Стрелочкина. — Или я уже того? Ну, на официальный приём, типа?

— О нет, мой юный друг, — Белочкин протянул ему руку и помог встать. — Ты и твои товарищи все живы-живёхоньки, и номерок в очереди к моему кабинету всё ещё желает вам тоскливого коридорного кочумания, насколько можно догадываться. Я тут не по службе. Просто мимо с собачкой прогуливался. Воздухом дышал. Окрестностями любовался. А тут вы, словно дождь за шиворот, свалились... — Вдруг Белочкин резко обернулся и крикнул: — Фрунзик, фу! Не трогай!

Дример очумело заглянул за спину Стрелочнику и увидел — как вы думаете, кого? Да-да, уважаемые читатели, это был Грызлик!

— Грызлик?! — Дример вытаращил глаза, едва окончательно не спятив в тот же миг.

— Помилуйте, мой юный друг, — Белочкин блеснул мутными круглыми очками, — что же вы столь немилосердно о милом и добром пёсике? Так сразу и грызлик... Ничего он не грызёт. Он очень вежлив и никого запросто так не трогает! Верно, Фрунзик?

— Аф! — согласно твякнул пёс.

— А откель он у вас? — продолжал изумляться Дример.

— Да тут одна неприятная дамочка в гости ко мне пожаловала вскорости и на скоростях после вас... — При этих словах Белочкина братец понятливо кивнул. — Шо, есть предположения по идентификации личности?

— О да! Сдаётся мне, это чудовище смогло как-то пролезть за нами. Только с её маньячным любопытством и смоглось бы такое. А пёс-то откуда?

— Дык на верёвке за собой приволокла! То ли стрёмно в одиночку было через линию фронта идти, то ли она его как оружие психиатрической атаки хотела использовать, в общем и целом, сие навсегда останется тайной.

— Так, стало быть, Грызлик теперь у тебя кантуется?

— Я бы сказал, живёт. И живёт припевающе. Верно, Фрунзик?

— Аф! — завилал баранкой пёс.

— Я ему и коврик знатный соорудил на кухне, — Белочкин погладил собаку по голове. — Коврик, между нами, не хухры, а эльфийский заговорённый. Тот, что и летать может, коли

уговоры знать. Фрунзик-то не вытравляет их ни в жисть свою собачью, так что регистрацию не пройдёт и не улетит далече. Отъелся у меня, отоспался в тепле, гуляем мы много, да и гостей чует издалека, помогает в работе. Так сходу обнюхает, что и мне с тубаретки вставить не надо.

— А Зверогёрл куда делась?

— А я её по этапу отправил, на перевоспитание.

— ???

— Ну, типа, как бы всё сначала, тебе сложно будет уразуметь.

— Да прям... — наборщился Дример.

— Ну, была в её карме такая точка, в которой она когда-то оступилась и пошла по нисходящей. И шла бы далеко, если б не вы со своим феноменом, в который стервоза упомянутая и угодила, словно на курорт. А ей ещё полагалось ляжку тянуть и тянуть. Учитывая обстоятельства, ну и за доставку собаки, — Белочкин с умилением взглянул на Грызлика, — я ей скостил пару десятков кругов вокруг Всея Света и вернул в изначальную точку падения. В общем и целом, шанс у неё есть. А к Фрунзику я уж и привязался. Думал его пристроить к кому, а потом решил, что и сам справлюсь. И мне веселей, и ему надёжней. Возражений нет?

— Да нет... — начал было Дример, ощупывая себя.

— «Да» или «нет»? — тут же перебил его Белочкин, улыбаясь.

— Это не ко мне, — отвертелся Дример и тут вспомнил всё, что произошло с ними давеча. — Ой, дядя Гаврила, а где все мои?

— А тут рядышком отдыхать изволят-с, — Стрелочник кивнул на лужайку.

А там действительно в довольно расслабленных позах лежали Слипёр и Загрибука.

— А Башкирец? — напрягся Дример, глядя в окружающее.

— Да не беспокойся, он просто невидим, — Белочкин снисходительно махнул рукой. — Там, на ветке дрыхнет, — ангел указал на деревья, которыми была окружена лужайка, — полкилойки во сне глотает и радуется. Кстати, идея насчёт пожрать перед дальней дорогой была вам весьма кстати ниспослана.

— Шо-сь? — не догонял Дример.

— Да хорошо, говорю, что полкилойку слопали перед Скачком, а то бодун сейчас был бы страшный, да и поискать друг дружку пришлось бы регионально, в смысле по окрестным кустам.

— А, понял, — Дример оглядел эти самые крест-накрестные кусты. — А можно, пользуясь случаем, справочку навести?

— Заводи свою занудятину! — добродушно усмехнулся Стрелочник, перетаптываясь войлочными тапками в траве.

— Мы, ёнто, собственно, где? — Дример пристукнул себя по голове, проверив на всякий случай наличие Шапки-Невредимки, а когда оно подтвердилось, порыскал по карманам комбеза в поисках абы-чего-завалящего.

— На-ка, держи наку, попыхти! — Белочкин протянул ему пачку «Белл а мор чэнел» с завитком реки Ганги на обложке. — Рекомендую и в ус не дую!

Дример хмыкнул довольно и вытянул папироску из пачки.

— Да забирай все! — ангел отмахнулся. — Для хорошего человека фигни не жалко! — Он хохотнул и обернулся: — Фрунзик, ком цу мир битте!

— А почему Фрунзик? — удивился Дример.

— Да очень просто — собака имени Фрунзе! Сокращённо — просто Фрунзик.

— Мумиё моё! Енто хто ж такэ с эдаким именем?

— На ни в раз не исчисляемых в своей многолетательности планетах разные жители любят называть именами заслуженных героев районы и кварталы, жилые массивы, территории садово-парковые, города деревенского укладу, посёлки городского типа и прочую лабудень. Причём герои эти самые на поверку частенько оказываются персонажами весьма сомнительной моральной надёжности и частичной психической нерентабельности. Вот я и покумекал, а чего собаку-то не назвать в честь кого-нибудь, именем какого-нибудь почтенного сапиенса? Вот он и стал — собака имени Фрунзе, или запросто — Фрунзик. Ну так быстрее и проще, сечёшь?

— Ага, звучит неплохо, — улыбнулся уголком рта Дример, отчего сидевшая в этом самом углу папироса описала в воздухе замысловатую закарюченцию. — А кто этот самый Фрунзе?

— Знаешь, я и сам не до конца понял пока, — смутился Белочкин и поправил фуражку. — Вот, книжку о нём читаю сейчас. Там про методологию, политику, социологию...

— Шо?!

— Да не ломай голову! В целом и общем, мутный он дядя, я ж говорю! Вачепта аки я, — хихикнул ангел и, оглядевшись вокруг, гаркнул: — Фрунзик, направь-ка свои стопы в нашу сторону!

Грызлик, таращась щербатой собачьей улыбкой, подбежал к ним. Ангел ласково потрепал его по ушам и проверил ошейник, не жмёт ли. Сняв фуражку, он вытер лоб:

— Надо б твоих будить...

— Дядь Гаврила, ты так и не сказал...

— Вах-вах, заговорился я, бдительный отрок, — согласно закивал Стрелочник. — Верно. Дык вот, вы нынче пригазонились аккурат рядом с мегаполисом здешнего масштабу и значения. Крупный сельпо с напрочь смазанными характеристиками.

— А шо так? — нахмурился Дример чересчур уж заранее, пуская дымные колечки.

— Да там чего только не встретишь. А что встретишь — не всегда будет стоять пред тобою каланчой. В общем, всё меняется в городке том. Ничто не вечно под луной, как говоритца, но в крайне сжатых сельских масштабах. — Он повернулся боком, заложил левую руку меж пуговиц оранжевой жилетки, а правую простёр вдаль, чем смутно напомнил Дримеру виданное им когда-то невесть где каменное изваяние.

— Товарищи! — заорал Стрелочник писклявым дурным голосом с мягким грассирующим «р». — Светлой дорогой идём мы, товарищи, в сторону всеобщего счастья и процветания всех времён и народов. Перед вами прелестный образчик кибуца со всеми кошерными истекающими. Прошу

любить и не жаловаться! — Тут Белочкин шаркнул ногой и издевательски развёл руками. — Товарищи туристы, посмотрите направо — перед вами город А!

— Шо? — смутно буркнул Дример, исподлобья наблюдавший весь этот театр и пыхтевший особенно вкусным десертом, то бишь смолянистым «бычком».

— А, говорю! — ангел обернулся к нему.

— А-а-а, — Дример кинул «бычок» в траву и ввинтил его в газонный перегной винтажным танцевальным па. — Недолго они парились с табличкой на въезде, видать.

— В самую точку, друже! — засмеялся Белочкин и погладил вертевшегося возле ног Грызлика-Фрунзика. — Люди там незатейливые, париться не любят. Баню хрен встретишь, по переулкам надо вынюхивать.

Он нагнулся к псу:

— Фрунзик, иди разбуди ребят!

Грызлик радостно заорал благим матом на собачьем, завернул хвост баранкой за рупь тридцать и поскакал кенгурой в сторону Слипера. Дример облегчённо вздохнул с узнаванием по поводу этого собачачего ора, а то уж сомневаться стал, что это и впрямь Грызлик. Но тут уж сомнений не осталось вовсе.

— Не на-а-а-а-а-до, слы-ы-ы-шу! — застонал Слипер и поднялся из травы.

— Грызля! — радостно заорал также подскочивший Загрибука.

Фрунзик-Грызлик прыгнул к нему и вылизал физиономию.

— Грызлик, ты откель здесь, зубоскал ты мой родимый грызлящурный?

— Ба! Кого я вижу! — заорал Слипер, углядев Дримера в компании Белочкина.

— Я это, я, — закивал ангел, улыбаясь, — а никакие не триетитьные пилюльки.

— Слушайте, чем дальше, тем чужестраньше и чужестраньше! — заикал Загрибука. — Дядя Белочкин, мы, типа, чуть лапы в трубки не завернули! А выныриваем, а тут вы, да ещё и с Грызлей впридачу! Да енто ж просто праздник какой-то! А откель тут псина-то наша?

Пришлось Белочкину прокрутить пластинку ещё разок, дабы все уяснили ситуацию, недолго и с надеждой отскорбели по поводу Зверогёрлы и, конечно, порадовались за судьбу Грызлика.

— Такая вот фигня приключилась, — закончил Белочкин рассказ перед открытыми ртами наших слушателей.

— Век шпроты не видать, — зашипело откуда-то из листвы деревьев. — Чё за пррраздник, а мы не в баре?

Тут ветки окраинно-опушечного дерева зашевелились, и сквозь них нечто невидимое брякнулось вниз, собирая по дороге листья и гусениц. Это самое нечто поднялось из травы, уже изрядно покрытое мусором растительного и энтомологического происхождения. Затем «нечто в мусоре» мигнуло, ополосатилось и предстало пред всеми заспанным крупномасштабным котом с чапаевскими усами и горнопроходным оборудованием в пасти.

— Превед! — Башкирский Кот радостно завилял задницей всему пикничку. — Ребцы, скажите мне сразу как на духу, где тут аккредитуют на раздачу пищи? Я бы сейчас зачистил рыбо-мясной отдел в ближайшем супермаркете до истинного матрросского сияния. Эй, на камбузе!

Кот прошуршал по лужайке, словно корабль на воздушной подушке, и притёрся к ногам Стрелочника, едва не сбив его с ног:

— Мурррр, какие лица!

— Здравия желаю, ара-джан! Салями алейкум каракум! — хохотнул Белочкин и почесал кота за ухом. Башкирец закатил куда-то под широкий лоб свои изумрудные глазища и удовлетворённо скрежетнул зубами.

— Всё в порядке? — наклонился ангел.

— В полном порррядке, начальник! — Котище загибал хвостом иероглифы. — Всё в ажуррре! А натюрэль! Вот-с, гуляем, никого не трогаем...

— А это не вы, случаем, разнесли в новогодний оливье Дом Окольцованных? — прищурясь, нагнулся ещё ниже к коту Стрелочник.

— Шо ты, начальник, эт не мы, это всё шахидка панцирная с тушканчиком марсианским... Ну с этим... Как его там... Который рикки-тикки-тави беспробудный...

— Мокропопик Падучий! — подсказал Слипер, ёжась босыми ногами на газоне.

— Ишь ты, чтоб мне! — изумился ангел, или искусно притворился удивлённым. — И где ж вы собратца Черепахи-Тротиллы откопали?

— Братца?! — хором воскликнули Слипер и Загрибука.

— Да вы, туристы, в рубашке от Дуче Ибн-Габбана родились! — Ангел хлопнул себя по заплатной коленке, выбив пыль из штанов. — Вам втюхали Мокропопика и даже не сказали, шо он за птица?

— Ничё так себе птенчик, — нахмурился Дример, усиленно счищая цементную пыль с комбинезона пучком влажной травы.

— Во-во, чик-чик! — подытожил Слипер и, глядя на братца, занялся тем же.

— Мокропопик Падучий, он же — Хомякадзе, соученик и родственник по дальней стеблющейся линии Черепахи-Тротиллы. Они ж в одном ашраме обучались по курсу «смертник многоразовый одноцелевой». Дык сказать, «внимание, дорогие ученики, показываю только один раз»!

— Рыбёшку мне в поварёшку! — Башкирский Кот мотнул головой, при этом болтанул челюстью, и всех слегка дёрнуло от звука трущихся наточенных зубов. — Полная кюнтэ! Могли б и кишки раскрошить по несознанке.

— И я о чём, — согласно закивокал ангел, поблескивая мутными круглыми очками. — Окольцованным почём зря вечеринку завернули, там самый кипеж начался, а вы тут сразу «ахтунг, всем на пол, ауйсвайс их бин ферштейн нау».

— Вот что, дрррузья мои, — подпрыгнул кот, — лично я за любой кипеж, кроме голодовки! Белочкин, а у тебя самобранной скатёрки, случаем, нет в кармане?

— Не-е, такой клеёнки, да чтоб сама же и себя матюгами крыла, такого чуда нет в наличии. А коли просто чё-нить на зуб положить, — он с сомнением посмотрел в кошачью пасть, — ну, можно подумать...

Тут кот заметил под лапами Загрибуки Грызлика, которому тот трепал уши и чесал спину.

— Оба-на! — Башкирец сузил глаза, и они стали серыми. — А псина взялась откель? Мало ему было по Лесу редких и охраняемых животных гонять, так он и сюда заявился, грызляощуррр вездесущий.

— По поводу грызляощура вездесущего ты почти в точку попал-таки, — ухмыльнулся Белочкин. — Только нынче он немного не при погонах. Придётся ему эту жизнь так походить, с бубликом и соразмерно. А уж в следующий раз... А попал-то он сюда просто...

— Слышь, ара-джан, я уже историю эту слышал дважды, — замахал руками Дример на Башкирского Кота. — Потом расскажу в дороге.

— Ну хорррошо. Коли вы займёте мою пасть чем-нибудь съедобным, я готов подождать с допросом.

— По поводу кулинарии, дядь Гаврила, коли внапряг... — начал Слипер.

— Упокойся с кипежом, отрок, — улыбнулся Стрелочник, — всё в порядке. Мне полдник с компотом на лужайке разбросать — в одно удовольствие и в два! Сто лет за стойкой не стоял! А ну-ка, Фрунзик...

Грызлик-Фрунзик, затисканый обрадованными его живучестью и припевающестью земляками до полусмерти, вырвался-таки из полноохватных загребущих лап и подлетел к Белочкину. Башкирский Кот выгнул было спину, но ангел похлопал его успокаивающе по холке.

— Ну-ка, Фрунзик, сидеть! — Стрелочник указал ему место у ноги. — И не отвечивать!

Грызлик-Фрунзик кивнул бы, да собачья карма такая — хвостом махать.

— Не мельтеши бубликом! — проворчал взъерошенно Башкирский Кот псу, косясь недовольно на Белочкина.

— Кабачок «Пицца богов» открывает свои двери для наших эвон-каких-дальних гостей! — закричал дурным голосом Белочкин, явно радуясь наметившемуся фокусу, и оглушительно хлопнул в ладоши: — Пожалуйста, две пиццы, колу со льдом и один гамбургер!

И он крутанулся на пятках ко всей компании:

— Шучу. Никакой быстрой еды, никакой химии, никакой отравы для народа. Только самое-самое и только в это время дня, да чтоб душа икнула в кошерном свинячем восторге! Хола-а-а-а-хуп! — Он немного отвернулся от всех и снял очки, прочертив в воздухе двумя пальцами сложную закорючку.

Если б после этого посреди лужайки возник самый эдакий такой волшебный джинн со всеми вытекающими «наша компания рада вас обслуживать», то, в общем-то, никто не удивился бы. Но удивиться-таки пришлось! Ибо воздух посреди поляны помутнел, а затем, словно отпечаток на фотобумаге, тонущей в проявителе, появился прилавок. И не просто так себе причал кафешки, а целый раздаточный комплекс неторопливого питания и таки прямо благоухающий горячей

вкусностью. Одна беда — все раздавальщики поедательных чудес и иже с ними раздавальщицы стояли с открытым в изумлении ртом, застыв в полном катарсисе.

— А-а-а-а-а-а-а-а-а! — завизжала вдруг одна девица в фартуке.

— Цыц! — звучным басом рявкнул Стрелочник, и воцарилась тишина.

Прям скажем, картина была странная. Посреди опушки, начинаясь из ниоткуда и заканчиваясь в ничём, благоухала столовка, уставленная тарелками с едой. За прилавком замерли в столбняке человек пять или шесть работников питания в белых халатах. Позади них находилась стойка с тарелками и приспособлениями. А дальше прилавок опять же растворялся прямо в воздухе, переходя в лесопарковый пейзаж. А перед раздачей нервно перетоптывалась вся наша разношёрстная во всех отношениях агитбригада во главе со взлохмаченным Белочкиным, который, лихо напялив фуражку на убранные космы затылка, командирски продолжил:

— Ррррррота, смиррррно!

Как ни странно, перепуганные до смерти произошедшим продавцы вытянулись молча по струнке.

— Равнение на середину! — Белочкин расправил брови и уже более спокойно и дружелюбно, словно пожилой детский психиатр, обратился к личному составу насильственно-передвижной полевой кухни: — Вот что, бойцы, вы тут все представленные, и нифига не к награде: немало натворили всякого в своей житухе-бытухе.

— А чё мы сделали-то? — подал голос паренёк в белом колпаке, но Стрелочник его оборвал:

— Команды «доложить» не было! Равнение на знамя! Башкирец, ара-джан, ну-ка подними хвост, чтоб было на что отравнять!

Кот с удовольствием выступил вперёд и гордо воздел к небу фаллический символ героизма, а попросту свой усыпанный лесным мусором хвост.

— От! — осклабился он в улыбке, и это было сделано зря, ибо повара-раздатчики, увидав в кошачьей пасти камнедробительную пилораму в виде его доброй сотни акульих зубов, чуть по-детски не испортили своё нижнее бельё, уж у кого какое было.

А Белочкин, окончательно оформившись в командующего флотилией, принялся оглашать приговор далее:

— Дык вот, коли вы накосячили всуе и, как говоритца, запятнали бескозырку в супе, то бишь...

— Всё, понеслась душа в рай, — Дример присел в траве. — Это он теперь надолго. Пока всю историю мирочерчения и кармокручения не расскажет — жрачки не видать. Загрибыч, ты не мог бы слегка помочь нашему уважаемому лектору, чтоб дело с воспитательной работой быстрее пошло?

Тот понимающе вздохнул, шагнул к Стрелочнику и потянул его за штанину.

— А? — запнулся Белочкин.

Загрибука молча указал длиннющим своим пальцем себе же в рот.

— Ой, действительно, я тут немного увлёкся, — Стрелочник обернулся к прилавку: — Так вот, указом главнокомандующего флота вам велено команду накормить от пуза, да чтоб пальцы и

когти облизать было отчего! Сие зачтётся вам по карме, а потому скажется на распределении куда кого откомандируют во услужение отечеству. Короче, ребяташки, за недочёты и недочёты придётся вам напрячься сиюминутно, а не то вместо отпуска будете посланы к башкирской матери, а это — триетить как далеко и неприятно! Всё ясно? Вопросы есть у личного состава?

Паренёк в фартуке боязливо поднял руку, словно второгодник с задней парты.

— Доложить! — громыхнул Белочкин.

— Аф! — подтвердил довольный Грызлик-Фрунзик и по-щенячьи расцвёл в улыбке, свесив язык до колен и преданно глаза на Стрелочника.

Паренёк, испуганно бегая глазами, подался вперёд:

— Дяденька, простите пожалуйста, мы больше не будем. Только вы же нас вернёте потом назад? А то мама будет волноваться.

Девка в халате, которая давеча визжала в ужасостях, всхлипнула и стала тихо подвывать, растирая кулаками соплю по щекам.

— Отставить негатив и депрессию! — уширившись улыбкой от уха до уха, закричал щетиной Белочкин. — Так и быть, коли вкусно и быстро всё будет — подброшу вас на попутке до дома. Мамы — дело святое. А ты, дура, не реви! Нефиг, понимаешь, было хамить клиентам и крендельки втягивать по пятёрке вместо тройки!

Девка зарыдала в голос и затряслась плечами.

— Ладно, всё! — Стрелочник принял опять суровый вид, вытянулся и гаркнул, сложив кулак рупором и приставив его ко рту: — Рррота! Равняйся!

Башкирский Кот при этом окрике вытянул хвост попрямее и повыше, по-голливудски одарив весь строй стальной хирургической улыбкой, от которой всем адресатам срочно захотелось в туалет.

— К раздаче пищи приступить! — И ангел уже по-бытовому добавил: — Давайте-ка, братцы, побыстрее, а то мы торопимся, и жрать ребятне хоча уж не вмоготу! Да вот и грызляшур наш нервничает, да?

Грызлик-Фрунзик радостно запрыгал на всех четырёх лапах одновременно, отчего сразу стал похож на неуправляемую детскую игрушку с заевшим механизмом.

Работники прямо-таки сорвались с места и, путаясь друг в друге, словно Тютельки, кинулись накладывать на тарелки еду.

— Прошу! — ангел указал нашим голодным туристам на шустро копошащуюся команду общепита. — Сейчас и столик организуем.

— Ой, а может, не надо? — засомневался Слипёр. — Мы и так, по-босаяцки, со шлёмкой справимся, — и удручённо посмотрел на свои босые ноги.

— Ну, как скажете, — согласился Стрелочник. — Вот тут на травке тады и закусим! Да вот ещё, — он повысил голос, оборотившись в сторону раздачи, — вы за линию прилавка-то не шастайте, государственную границу не нарушайте, а то можно и ПМЖ схлопотать прямо не сходя с места и гражданство сменить на скорую руку ненароком!

Столовские работники замерли на секунду от такой перспективки, затем быстро закивали и принялись дальше за своё дело, нервно поглядывая вокруг и над головой. И что-то там, в небе, им было явно незнакомо и чужестранно.

— Вот, пожалуйста, супчик свежий со сметанкой, — девица, тщательно держа на лице подобострастную улыбку, протягивала с опаской тарелку Слиперу. — Что на второе будете?

— Ррыба есть? — подлетел кот к прилавку, и все общепитовцы отшатнулись.

Но потом, косясь на Стрелочника, парень в колпаке мужественно шагнул к Башкирцу, стараясь не свихнуться тут же на месте от всего происходящего:

— Конечно-конечно, всё найдётся! Вам с подливочкой?

— Какой сервис! — Кот восхищённо покачал головой и подмигнул, отчего поварёнок слегка оттаял и даже немного повеселел. — Ай да Белочкин! Каких молодцов нам тут подогнал! Знать бы, откуда, дык я заглянул бы ещё в гости опосля как-нибудь на досуге.

— Не уверен, что последнее их обрадует, — заметил Дример.

— Конечно, мне с подливкой и срразу куса три, нет, пять, а лучше семь, чтоб я за добавкой не бегал! — не обращая внимания на этот сарказм, проорал котяра.

Башкирскому Коту нашлась большая и глубокая тарелка, в которую ему с горкой навалили жареной рыбы, обильно политой сметанным соусом, да сверху еще и мясной подливой.

— Йи-хааа! — воскликнул усато-полосатый, заполучив провиант в лапы.

Он медленно втянул носом запах блюда, заурррчал и закрыл-открыл ставшие аквамариновыми глаза.

Поварёнок очумело застыл, глядя на эти хвостатые перформансы, но тут же опомнился и бросился помогать коллегам. Белочкин и Грызлик-Фрунзик определили своей лежачестью границы стола лужайного, а получившие тарелки с едой расположились тут же, рядышком, на уже изрядно потоптанной травке. В молчании все набросились на еду. Только Стрелочник задумчиво жевал травинку и пускал зайчики своими мутными очками, рассеянно и чрезвычайно довольно поглаживая завалившегося к его ногам Грызлика по холке. Работники столовки молча стояли и наблюдали.

Башкирский Кот оторвался от еды и обратился к ангелу:

— Слышь, начальник, ты не мог бы их уже откомандировать нах хаус во здравии? А то над душой стоят в недоумениях нерррвозных и дрожью своей страшнучей аппетиту мешают. Так и подавиться можно!

— Дядь Гаврил, — хлюпанул супом Слипер, — действительно, вы их отправьте уж домой. А то они и так на лютой измене от нашего принудительного корпоратива.

— Да я-то чего, — согласно мотнул космами Стрелочник, ибо снял и положил фуражку в траву, разомлев на голубо-жёлтом солнышке. — Добавки никто не хочет?

— Древняя формула всего наилучшего гласит нам из глубины веков: хорошо, но мало, а вообще-то в самый раз! — назидательно отметил Башкирский Кот.

Все одобрительно гугукнули.

— А, ну тады и ладушки. — Белочкин приподнялся и по-адмиральски взглянул на вытасченный им из дальнего тридевятиземелья персонал: — Товарищи матросы! От лица командующего флотом объявляю вам благодарность, и, как говорится, вольно, война окончена, всем спасибо, все свободны! Ахаюм-гамаюм ким-кирдык рабиндранат! Маме привет!

Он слегка приспустил очки на нос и бегло взглянул поверх них в сторону раздачи, отвернувшись от насыщающихся.

Столовка начала таять в воздухе, окутываясь туманом, словно внезапно попала в эпицентр турецкой бани.

— Спасибо, дяденька! — заорал паренёк в колпаке из сгущающейся мороси.

— Фигня вопрос, — прокричал ангел вдогонку. — Токма не шалите там больше, ребятушки!

И всё благоухающее чудо исчезло. Туман резко сконденсировался и осыпался на землю капельками воды.

— Ну шо, ребятушки, — закричал ангел, — вам, наверное, пора, да и мне надо бы обратно, путь неблизкий. Загулялись мы с тобой, Фрунзик, да? Пора на кухню родную. А то мало ли кто зайдёт, а нас дома нет.

Грызлик завилял хвостом. Он тоже отхватил порцайку мяса и теперь славно покачивал из стороны в сторону набитым пузиком.

— Дядь Гаврила, — Загрибука с тоской расставания в глазах поднялся на ноги. — А чего нам дальше делать-то? Уж совсем мозги попутались. Мало того, что и сами не знаем, кто мы, где и откуда, дык надо же ещё и куда-то надо попасть! Да так попасть, чтоб вспомнить всё да вернуться. Далеко ли до порога? Или нам карма прописана — так и шкандыбать по всея вселенной с одними вопросами?

— Ну, профессор, — ответил Стрелочник, — шкандыбать с вопросами по всея вселенной — вы ж понимаете, это общая для всех задачка. Сие есть Путь Всея Сангхи. Это судьба. В том и разумение, и осмысляемость, и веселие разудалое от топотания пятками по дорогам многоэтажного небоскрёбного во всех отношениях мироздания. А если кто думает, что он удачно и стабильно заочумал в уюте дома своего, дык енто ж иллюзия фуфельная непросветлённого разума. Нет у живых дома в своем отечестве, дык сказать. Но, учитывая ограниченность условий конкретного примера, я смыслю ответ на ваш, профессор, вопрос, следующим.

Он протянул спички мусолящему папиросу Дримеру и продолжил:

— В закромах ваших в сей миг прекрасный возлежит чудо несусветное и грозное, и вы ведь непременно знаете, шо за такэ. Не будем всуе упоминать, а то в каждой чаше найдётся свой чрезмерно ушастый вражеский разведчик с любопытным варварским носом, надорванным в дверях. Дык вот, сдаётся мне, что зря вы панику нагнали на танцполе у Окольцованных. А надо было вам сей потаённый предметик расположить в лапы исторически сложившемуся хозяину и самим от него не отставать. А уж он вам крайне быстро всё и оформил бы — и информацию по адресной базе, и доставку на дом. Как говорится, «шеф, два счётчика, машины — в парк, и все гастарбайтеры спят»!

Слипер осторожно встряхнул свой рюкзак, прислушался ко внутренностям оного и молвил:

— Ну нас напужали до невозможности эти сумрачные персонажи с колечками — раз, а второнавторово, так вроде как и никто не знает, что такое будет, если вышеобозначенный хозяин таки ткнёт в замочек своё приспособление и провернёт его там играючи. А вдруг тогда вся вселенная к чертям собачьим отвалится в тот же миг? А?

Белочкин взглянул на Грызлика-Фрунзика. Тот замахал хвостом.

— Никаких чертей собачьих в природе не значитя, — доложил ангел совершенно серьёзно.

— А он вот говорил, что может такое случиться! — Слипер повернулся к Башкирскому Коту.

— Ну, — смутился кот, косясь на Стрелочника, — я лишь пррредположения строил...

Тот махнул рукой:

— Если шо не знаешь заранее — нефиг, конечно, пальцы во все носопырки попутные пихать, но и панику наводить тоже не стоит дюже! А сказать заранее, что там и как будет, — уже и так знаете, мне не положено. Вот Фрунзик вам может налаять, а там уж как поймёте.

— Вот шо, — пыхнул Дример папирской. — В смысле, я вона шо разумею. Всё складывается так, а не иначе, и в руках наших штукенция сия образовалась не случайно. Стало быть, прав дядя Гаврила. Надо Йоша найти и Код ему отдать, а там уж... Ты вот, Башкирец, насколько уверен, что всему кранты грянут, если ключ подойдёт?

— Грррраммов на сто, не больше, — невозмутимо и нагло мявкнул кот, облизываясь.

— Так что ж ты нас пугал, а? — взъерошил загривок Загрибука.

— Да так, Бронходилататор Муколитический накашлял, — поковырял траву когтем Башкирский Кот. — Земля, дык сказать, слухами полнится. За шо подслушал, за то и подсунул! Вам же интересно стало тады, вот я спррравочку и выдал.

— Понятно, — усмехнулся Дример, подтянув лямки комбеза. — Вот что, туристы, ноги в руки и пошли. Ты, Белочкин, может, шо подскажешь в плане азимута заветного?

— А легко, — улыбнулся Стрелочник. — Вы шагайте в сторону звезды, да чуть левее забирайте. Выйдете на дорогу. По ней и пойдёте. А там и сюрприз вам будет. Про Йоша, глядь, что-нить и узнаете.

— Вправо или влево по дороге чипотанить? — Загрибука встал и начал разминать ноги.

— Профессор, вы меня поражаете внаповалочку! — Белочкин поднял кустистые брови над очками. — Такое вы спрашиваете, что и ответ держать крайне неприлично. Ну естественно, там видно будет! И туда, и сюда!

— Аф! — весело клацнул Грызлик-Фрунзик.

Все засобирались.

— Мы пойдём тады, пожалуй, — буркнул Дример под нос, снял Шапку-Невредимку и сунул её в нагрудный карман комбеза, ибо становилось жарко. Сам комбинезон изрядно поистрепался, впрочем, как и футболка, и был весь в цементной пыли, дырах и потёртостях. И даже хваленые ботинки диггеров не выдержали таких передряг и слегка «просили каши» подошвами. Слипер

выглядел не лучше. К тому же он был бос, так как обувь его безвозвратно исчезла в заварухе. В рюкзаке одиноко лежал только заветный ключ. Белочкин оглядел братцев, покачал головой:

— Вот до места доберётесь, там и приоденетесь слегка. Ну-с, ауфидерзейн, товарищи! Фрунзик... Аллес! Шнеля! — Он поднял на руки собаку и потрянул головой, так что очки съехали на край крючковатого носа. Пёс и ангел взглянули в глаза друг другу и... Выключились, словно лампочка над столом из-за вылетевших пробок. Ни звука, ни вспышки. Просто — оп! — и не стало их.

— Мумиё-моё! — буркнул Дример.

— Ххе, — хмыкнул Башкирский Кот. — Знатная у него почта. Небось, за пару шагов уже полвселенной отмахал. Ему бы в курьеры пойти. Быстрррая доставка и всё такое.

— Пошли, — тихо изрёк Дример и зашагал в сторону голубеющего жёлтеньким нездетутышнего солнышка. И они двинулись в редкий подлесок. Слипёр при этом подскакивал и подкидывался, ибо сухая трава колола пятки.

Звезда уж стала закатываться за горизонт, когда они увидели впереди сначала большой камень, а за ним шпили домов.

— Город! — офигел Слипёр, встряхивая рюкзак за спиной. — Вот не ожидал-то!

— Спокуха, ща позырим, шо цэ такэ, — Дример подошёл к указующей глыбе.

На огромной каменюге была красиво и витиевато выбита одна-единственная закорюка — «А».

— Ага, — угрюмо кивнул Башкирец камню и нагло по-кошачьи пометил его.

— Значит, правильно свернули, — удовлетворённо заметил Загрибука.

— Это было нетрудно, пррррофессор, — подал голос осквернитель природных навигаторов. — Шансов ошибиться ну ваще невмоготу. Насколько я помню, по направлению в другую сторону на дороге стояли противотанковые «ежи» и плакат «А ну, канай отсюда, падла!» с пулевым решетом. Не знаю, как вы, но неторопливая прогулка под такое пожелание совсем не располагает к аппетиту. Лично я сррразу принял решение относительно дальнейшего маршрута.

— Сто-о-о-ой! Слыхали, небось? — вдруг раздался крик на дороге.

— Отряд, стой, раз-два! — хохотнул Башкирский Кот, лязгнув зубьями, а Дример скоренько напялил обратно Шапку-Невредимку.

— Разговорчики! Кто такие? Ась? — грозно окликнули их снова с обочины из травы.

— Мантуро гойям! — прошипел злобно кот таджикское неприличное заверение, но тут же вытянулся на задних лапах и заорал со своей смертоносной улыбкой: — Вай, дарррагой, зачэм так кричишь, да? Идём, слюшай, никаго не трогаем, в город, аднака, хотим попасть. На рынок спешим. Машлычок, бугульмэ, шаурма шайтан шашлык, па-а-амидор вкусный спэлый...

— А кто вас там, в городе, ждёт, ась? — не унимался грозный голос.

— Вот кюнтэ! — сплюнул Башкирский Кот под лапы и заорал в ответ: — Вай, дарррагой, как это — кто ждёт? Все нас ждут! Хорошие люди ждут! Хорошие новости все ждут! Мы радость хотели доставить вам! Вай, заждались нас! Новость, слюшай, свежий спэлый принесли...

— Новость? С переполоху, небось? — переспросил угрожающий бас, и из придорожной травы выскочили две пигалицы, одна другой меньше.

Маленькие и нескладные, со взъерошенными волосами, они обе были одеты в ситцевые цветастые платица, полосатые чулочки и босоножки. Только у одной платице отсвечивало розовым, а у другой — фиолетовым. Вглядевшись в их лица, можно было сразу понять, что они, хоть и похожи на людей, но ни разу не человеки. Длинные усики на концах ушей, выпуклые большие глаза, вертикальные зрачки, узкие и тонкие пальцы, редкие и острые зубки. При всём при этом обе имели довольно комичное выражение лица, примерно такое, как бывает, когда маленькие дети корчат из себя серьёзных взрослых. Слипёр зажал ладонью рот, чтобы не рассмеяться. Загрибука уронил челюсть и тут же захлопнул её обратно, чтоб не упала слишком низко. Дример молча полез за папироской.

— Та-а-а-ак, — протянул Башкирский Кот, глянув на двух карлиц. — Вы, карапузята, кто такие? — Он, хищно пригнувшись, шагнул к ним.

Холка его вздыбилась, и котьяра стал попеременными полосами исчезать из видимости, превратившись в маскировочную пятнистость.

Пигалицы переглянулись пучеглазо и полезли по карманам ситцевых платиц. Одна из них попутно отозвалась басом:

— Слышь, не дури! Мы тут в карауле поставлены. Врата, небось, охраняем. Назовитесь, или хуже будет!

При этих словах они достали из кармана по рогатке. Да-да, по самой обыкновенной рогатке, какой мальчишки бьют стёкла в ближайшей школе.

Они вытянули это шмакодявочное оружие вперёд и натянули в атакующем режиме резинки. А потом произошло нечто странное. Земля возле лап Башкирского Кота всколыхнулась фонтанчиками от попаданий. Скорость была неопишима. Как им удавалось так стремительно перезаряжать — осталось непонятным. Видимо, пигалицы умели корректировать быстроту собственной реакции. Маленькие ручонки их так и мелькали. Демонстрация закончилась так же внезапно, как и началась.

— Ась? — подмигнула одна карапузина.

— Ара-джан, — позвал кота сзади Слипёр, — сдаётся мне, то — не пустые понты. Я б на их месте не стал так хамить, если б не был уверен в своих силах. Порешетят нас тут беспонтово за нос хомячий, словно редьку в салат! Загрибыч, а ну-ка, попробуй ты с ними потолковать. Ты у нас обходительный, внушительный, подавляющий искрящимся интеллектом и всё такое. Закрути мозги. Да чтоб у них извилина за извилину запнулась.

— Ла-а-адно, прогиб засчитан, не сотрясай эфир, — нехотя молвил Загрибука и пошёл вперёд. — Отходи подальше и закрой уши, сейчас начну мозги пучить и рискну почебучить.

— Стой, говорю! Не слышал, что ли? Ась? — завопила визгливо розовая платицем пигалица и угрожающе снова подняла перед собой рогатку.

— Уже втоптался в грунт, не визжи тут! — неожиданно заорал в ответ внезапно осмелевший Загрибука и тут же добавил уже более спокойно: — Чё за истерика, мадамы? Мы все, здесь присутствующие, вполне интеллигентные субъекты и укатано с гарантией можем дипломатично подойти к тематике территориального пребывания обозначенных индивидов на вверенном вам участке, коли уж для вас стали принципиальными затронутые вопросы, касающиеся местоположения...

Пигалицы, развесив уши с оттопырчатыми усами, замерли и превратились в слух. Удивлённый вид свидетельствовал о том, что обозлённым шмакодявкам нечасто приходилось слушать лекции по ведению дипломатических пустобрехательств. А Загрибука всячески постарался, чтобы первый их опыт оказался, вне всякого сомнения, самым впечатляющим, да чтоб аудитория осталась в восторге от лектора и, конечно, пришла во второй обязательный раз прослушать продолжение этого не в пример краткого курса.

— ...Возможность проведения двусторонних соглашений в рамках симпозиума с заведомым желанием достичь консенсуса стоит у нас в первоочередных задачах обсуждения на повестке дня, — Загрибука вошёл в раж. — Что касается данного региона и его проблем с трафиком туристических посещений, а также развитие международных торговых отношений...

В то время, пока Загрибука отвлекал внимание, Башкирский Кот успел окончательно исчезнуть из виду и, обойдя пигалиц по широкому кругу, зашёл к ним сзади.

— ...Соответственно, есть все основания полагать, что меры, принятые к рассмотрению, есть, по сути, внеплановые поправки в связи с обострением общего конфликта по углубленным причинам, обсуждаемым нами ежемгновенно и прямо-таки тут! И это — вкратце!

Пигалицы выдохнули:

— Вау!

И тут их плотным кольцом, словно голодная анаконда, сзади обхватил хвост Башкирского Кота, сжав в единый неразлучный гамбургер настолько педально, что сторожата перестали дышать.

— Ффффау! — раздалось шипяще позади них, а потом хвост повернулся слегка вместе с жертвами, и они оказались лицом к лицу с разверзнутой лангольерной мясорубкой кота.

— Здрррас-с-с-сте, — клацнули друг о друга несокрушимые клыки.

Обе карлицы тут же обмякли, потеряв сознание.

— Осторожно, — заметил Дример Башкирскому Коту, — ты из них бутерброд сейчас сделаешь! А нам заложники нужны с развязанными языками.

— За проведённую стратегическую операцию по окончании ведения всех боевых действий выдадим тебе боевой операционный орден! — Слипер подхватил свой изрядно поблекший жёлтый рюкзак и направился к коту. — Вах, дарагой, это было круто!

Башкирец довольно расцвёл зубастой амбразурой:

— Мама была строгая. Занятия по тактике не давала прогуливать. Чего уж там...

Все обступили надёжно упакованных в кошачий хвост пигалиц. Теперь можно было рассмотреть их поближе. Да, так оно и было, челобреками они только издали казались. Вблизи же стало ясно, что их физиогномические рожицы покрывает короткая светло-бежевая шерсть с сиамскими затемнениями. Глаза относительно самого лица были несоразмерно огромны и сильно выпуклы, как линзы в старинных подзорных трубах. Сейчас эти линзы были наглухо закрыты широкими кожистыми веками. С кончиков ушей вверх тянулись длинные и тонкие отростки, издали напоминая одинокий кошачий ус с каждой стороны. А ручки были масенькие и тонкие же, но судя по жилистости, весьма крепкие и сильные. А уж о скорости реакции и говорить не приходилось.

Дример вытер грязные руки о поблёкшие синие штанины комбеза, в задумчивости слезил в широкий боковой карман и выудил оттуда пачку «Белл а мор чэнел» с остатками курева.

— Вот шо, — сказал он, припыхтев папирску и ущурившись на скукоженную добычу, — есть пара соображений. — Он сдвинул Шапку-Невредимку на затылок. — Перво-наперво надо бы допросить эту милую парочку, а второ-навторово неплохо будет нам дождаться, покуда стемнеет, и тады уж шаркать в сторону города. В сумерках незаметно как-нить проскользнём. А то, блин-с-компотом... — Дример, прищурясь, затянулся и тихо спел: — И не ясно проходим в этот день непогожий, на кого мы нарвёмся толпой. А вдруг там полная казарма таких вот? — и он кивнул на пленников.

— Во всяком случае, надо их будить, — прошипел Башкирский Кот и внезапно заорал: — Полундрrrrrrrrr! Все на палубу! Курбат байрам мэнэн!

Пигалицы вздрогнули, икнули и открыли глаза.

— Тс-с-с, — приложил коготь к пасти кот. — Ни гу-гу, ясно? Мы щцца немного побеседуем и спокойно пойдём каждый по своим туснякам. Но если будете фуфел гонять не по фене, то вжик-вжик, и на рею! Усекли?

Огромные линзы пигалиц согласно мигнули.

— Хулиганить не будете? — участливо поинтересовался кот. — Тогда могу и отпустить, чтоб беседа была приятной и непринуждённой. Да и хвост затёк.

Пигалицы опять согласно мигнули.

— Вот и гламурррненько! — Удавка хвоста разжала кольца, и две ситцевые подружки повалились на землю.

— Как дела? — как ни в чём не бывало спросил их Загрибука.

— Ась? — твякнула розовая, отряхиваясь и вставая.

— Больно и страшно! — ответила фиолетовая нехотя и ворчливо, поднимаясь на затёкших ногах. — Небось, сам не сечёшь?

— Вы чьих будете и откель? — напал Слипёр, согласно правилу нерегулируемого перекрёстного допроса без светофоров.

— Аська, — брякнула розовая, шморкая носом.

— Небоська, — шмякнула вослед фиолетовая, подтягивая полосатые чулочки.

— Из Пургопетрика мы. Чай, поняли, ась? — схамила Аська.

— Мы и кофе-то не очень понимали! — невозмутимо буркнул Дример. — А это где?

— Это зеркальный пригород города А. В заливе. Ближайшее Отражение. Архипелаг островов.

— Провинциальные, поня-я-ятно, — прищурился Дример, ничего не поняв, и выпустил колечко дыма.

— Вау! — глядя вертикальными своими глазищами на расплывающееся в воздухе кольцо, хором прошептали пигалицы.

— Небось, на фокусы горазд, — добавила взлохмаченная Небоська.

— Ась? — икнула розовая Аська.

— Хрясь, блин комой! Отвечайте по существу, — Слипер подсурил выражение лица. Но, босиком и весьма потрёпанный, он от этого выглядеть стал ещё смешнее.

— Кто в городе и сколько? — спросил тихо Дример.

Пигалицы переглянулись, но промолчали. Только ушами с усами затрепетали.

— Слушайте, — продолжил Дример, уперев руки в бока, — я уже в курсе, что у вас тут военный конфликт, делёжка поляны со всеми втекающими...

— Мы на дороге видели ограждения и знаки, — вставил Слипер.

— Да только мы, — надвинулся на подружек Дример, — не имеем к вашей Котовасии (Башкирец встрепенулся при упоминании дальнего родственника) никакого отношения! — И, глянув на котяру, добавил: — Ну, разве что весьма и весьма дальнеродственное. То бишь мы — карела, нам — похъелла! Но у нас есть свои важные дела, и они, так уж случилось, касаются этого города, и нам надо в него попасть. Бузить там не будем...

Слипер с сомнением посмотрел на брата, а затем на Башкирского Кота.

— А надо бы нам найти наводку на курс к одному персонажу, — закончил Дример, втянул остатки дыма и похоронил «бычок» носом ботинка.

— Мору ищите, небось? — спросила Небоська.

— Это почему? — удивился Дример.

— Да его все пришлые ищут, — буркнула Небоська.

— А почему вы так уверены, что именно в городе А вы найдёте этот самый курс? Ась? — полюбопытствовала Аська.

— Шо за допрос? Кто тут кого спрашивает, я вас спрашиваю? — возмутился кот.

— Да ладно, погодь, — махнул рукой Дример. — Про Мору мы, понятное дело, слышали, да только видать не видывали и не встречали. И на кой она нам хрен-с-редькой сдалась — в толк не возьму!

— Мора — это, небось, не она. Это — он! — вставила Небоська.

— Хоккей, Грызлик с ним, — согласился Дример. — Да только не он нам нужен. Нам Йош нужен. Слыхивали про такого?

— Что ж мы, глухие, по-твоему? Ась? — насупилась Аська, — Ясный Пень, слыхивали. С ушами у нас всё в порядке. Да только с чего бы ему тут быть? Да и сказки это всё, ась есмь

бандерлогов карму тянуть, без мозгов и без совести. Вот мы и помогаем кому можем. Прививочку делаем. Поймали, «оголите ОКЛЖПэ», «куснул комарик», схлопотал чутка Всешарящего Прочухалова и вали обратно в лес. Да только такие сами вскоре к нам с поднятыми конечностями приходят сдаваться. Ибо разумному существу среди бандерлогов не жисть. Но пока это единичные случаи. Вот и караулим.

— Мы — боевые стичеры, — гордо задрала подбородок Аська. — Ась, всегда в дозоре.

— Что-то я такое слыхивал когда-то давно, — задумчиво проворчал Башкирский Кот, — Стичи... Стичи...

— Вот! — Аська вынула откуда-то из-за пазухи шарик, напоминающий детский «раскидай», только без резинки и как будто отлитый из металла. С чуть выступающей пумпочкой на поверхности. — Стич.

— Шаурма шайтан шашлык! — попятился кот, прижав хвост. — Осторожно держи! — Он оглядел всю компанию: — Я знаю, брррателлы, что это такое! Видал я когда-то, уж не помню где, такие ёлочные игрушки. На пумпочку эту нажимаешь и в сторону противника кидаешь. А потом стич этот, превосходно летающий, сам находит по тепловому локатору кого хошь, тыкается в него, словно в козу-маму, и шандаррражает, аки Тротилла в бугульмэстанском ущелье! Короче, ни один археолог костей не соберёт! На школьный мел токма потянешь.

— От напасть бусурманская, — проворчал Дример. — Триетить туды налево!

— Чует моя печень, мы удачно в бучу не ввязались с этими карапузятами, — вскользь шикнул Загрибука Слипери.

— Выходит, вы тут в полном порядке на боевом довольствии? — приветливо спросил Слипери.

— Мы ж, небось, только разведчики, — дружелюбно, уже поуспокоившись, сказала Небоська, хотя всё ещё с опаской косилась на кота. — А по сигналу, коли чаво, и натасканные грызлящурь есть, и техника микроволновая, и много чего.

— Слушайте, вы на нас обиду не держите, — пожал грязными белыми плечами Слипери. — Ну, вы наехали, мы наехали. Нормальный кипеж. В целом, мы завсегда рады помочь коли чего, и любому за прогресс сознательности, поентому в рядах гражданской обороны можем в любой статье по соучастию пройти. Вы нам только скажите, чё там дальше? Ещё дозорные есть, иль может талончик какой на въезд нужно прокомпосявить?

— Ась? — удивлённо хлопнула линзами Аська.

— Где у вас тут визу отштемпелить можно? — ехидно, сквозь зубы, навёл справку Башкирский Кот.

— Пройти, небось? — переспросила Небоська.

— Дивчины, — шмыгнул носом Дример, — как бы нам за околицу до села бы?

— А-а-а-ась, — поняла Аська. — А шагайте теперича прямо по дороге, да только в ворота не ломитесь. Они, воротца-то широкие, — суть ловушка для бандерлогов безмозглых, для местной шпаны. Да сами увидите, благо, с мозгами у вас всё нормально. Дык вот, туда не ходи. А прямиком вправо шагните и неприметную калитку узрите. Сюда и топай. Стражнику покажите вот

это, — и Аська вытянула из запутанной причёски жёлтый значок на булавке. На значке красовалась смешная рожица с бантиками и зашитым ртом.

— Эт шо? — спросил Дример, принимая «входной билет».

— Угорай и не болтай! Вот шо, — толково пояснила Аська. — Ну как? Всё никак поняли, ась?

— Никак, — подтвердил Загрибука, растопырив уши.

— А, ну и шагайте тады, Потолочное Разумение с вами! — весело кивнули пигалицы-стичеры, потом поглядели друг на дружку, дружно подпрыгнули, хлопнули в ладошки друг дружке и дружно же хххопнули. Вот так — хххоп! Подогнув ноги, они слёту упали вниз и мгновенно разбежались. Сами понимаете, очень они дружно побёгли! Только их и видели. Точнее, и не видать их было уже и вовсе. Хорошая у них была реакция. Ну да мы об этом уже говорили, небось. Помните? Ась?

В город передовые отряды нашей разведроты вошли уже ночью, без приключений. Аська с Небоськой не солгали. Калитка обнаружилась рядом с воротами, и страж в люминиевых латах, лицо которого было замотано цветастым платком, пропустил их, узрев жёлтый значок с рожицей, и спросил сильно простуженным голосом:

— Стихи?

Слипер наморщил лоб:

— Где?

— Стихи какие знаете, говорю? Знак-то я вижу, но вы поймите, лучше уж три раза отмерить, чем потом что-нить отрезать. Стрекозьявки, враги наши, и двух слов связать не могут, так что мы своих проверяем, дык сказать, скоростным сочинением по литературе.

— Вот блин шуба с селёдкой! Минуточку, — Башкирский Кот приосанился, встопорщил усы, задумавшись, а затем, растянув лапами уголки глаз в щёлочки, выдал:

Сел в трррамвай,

Съел билет,

Еду счастливый!

— Ух ты! — изумился стражник. — Искусство хокку и хоккея у нас давно утеряно. Рад пригласить вас в город! Проходите.

— А Карла у карпа урвала Коран, — пробубнил Дример, исчезая в проёме.

— А почему у тебя написано «люминиевые латы»? — гневно фыркнула Терюська. — Это неправильно!

— Вот что, — наборщился в самую сметану я, — книга моя, что хочу — то и пишу. И некстати вот тебе анекдотик.

— О, давай, — закивала Терюсечка усиленно и врезалась ненароком носом в пол.

— Дык вот, анекдот. Стоит строй матросов-новобранцев, а перед ними расхаживает взад-вперёд бравый, но очень потасканный командир корабля. С большого похмела. И громко рычит: «Распорядок на сегодня, значитца, такой. С утра валяем дурака, то бишь никаких занятий. Там, на пристани, стоит грузовик, и куча лома валяется. Ну и вот. Все идём грузить люминь, самое лёгкое в мире железо!» Тут в строю раздаётся: «Товарищ командир, разрешите обратиться!» — «Валяй!» — «Простите, товарищ командир, но нет такого металла „люминь“! Вы, наверное, имели в виду алюминий. К тому же, алюминий никак не может быть железом. Ибо железо является совершенно другим химическим элементом».

— «Молодец матрос! Как фамилия?» — «Шматко!» — «Так вот, Шматко, вам лично и персонально два наряда вне очереди, драить палубу от кормы и до ужина! Приказ ясен?» — «Так точно, товарищ командир». — «Вот так вот! А все остальные идут грузить люминь, самое лёгкое в мире железо!»

Пройдя за стену, наши друзья очутились на выложенной булыжником площади, от которой во все стороны расходились улицы. В спустившейся вечерней темноте мало что можно было разглядеть.

— Ну шо? — Дример прищурился и, глянув на босые ноги Слипера, спросил: — Куды направим свои пятульки?

— Туда и сюда! — весело отозвался тот, взлохмачивая свои светлочие вихры на голове.

— Загррибыч, ты как мыслишь? — Башкирец озирался по сторонам, изводя хвостом кренделя.

— А пойдёмте налево! — твёрдо ответил Загрибука.

— Ну что ж, — подтянул лямки комбеза Дример, — каждый имеет право на лево!

И они зашагали мимо потухших окон домов. Дома, скажем прямо и без экивоков, были тут самые разные. И покосившиеся избушки на невесть каких ножках, и высокие ратуши с резными шпилями, и просто облупившиеся многоквартирные хрущные трёхэтажки. Наша четвёрка прошла кварталов семь-восемь и вышла к набережной. Перед ними несла свои неопределённые в темноте волны большая река.

— Бррр, — содрогнулся кот, — мокро и бесприютно. И рыбой вовсе не пахнет. Сдаётся мне, мы в этой промозглости ничего не сыщем. К тому же все дрыхнут, аки хомякадзы в самадхи. Надо найти, где перекантоваться до рассвета, а потом уж на обзорррную экскурсию валить. Ни в зуб ногой тут не видать!

Он чирикнул когтем о коготь, и на конце одного загорелся маленький огонёк.

Но его света не хватало, чтоб осмотреть что-либо даже в паре шагов.

— Дело говоришь, — Дример невесело взглядывался в берега. — Да только где тут сейчас ткнёшься?

И только он это сказал, как в небе раздалось разболтанное тархтение, и прямо над головами проковылял под тучками странного вида самолёт с лыжами вместо шасси. Заваливаясь то на один бок, то на другой, он неожиданно описал невдалеке крутейший вираж, от вида которого у Загрибуки подкатил желудок к горлу. А затем стал попросту падать по касательной в реку, стремительно приближаясь.

— Опустись мои печёнки! — отшатнулся Дример. — Тикаем!

Но самолёт, не долетев до каменной набережной буквально чутка, брякнулся в воду, обдав всю компанию прохладительным душем.

— Чуяла моя холка, — отфыркивался Башкирский Кот, — беспррриютность тут в ходу! Там ентот шофер жив хоть? У меня есть шо ему сказать за енту тему!

Самолёт накренился, черпнул крылом воду, но выпрямился и закачался на волнах, словно поплавок. В кабине открылась дверь с мутным стеклом, и оттуда вылетела верёвка с примотанным чугунным утюгом на конце.

— Принять швартовы! — раздался весёлый задиристый голос, и из кабины вылез вихрастый светловолосый парень, весь в веснушках.

— Уже утопли! — доложил Загрибука извиняющимся тоном. — Видать, тяжкий был утюг, сразу на дно пошёл!

— А ему и покладено! — ответил с ухахатыванием парень. — Тридцать два винта мне в лоб! А вы чего тут, на прогулке или как?

Он подтянул за канатец самолёт к каменной стенке и ловко намотал на перила ещё одну верёвку, прижав таким образом крылатую посудину к берегу. Затем, легко перепрыгнув на набережную, он протянул руку Дримеру, который стоял ближе всех:

— Здравствовать вам! Я — Мора!

— Ить-ёктить, вот так дык! — Дример удивлённо воззрился на него и с опаской протянул руку ответно. — А не приморозишь?

— Не, — рассмеялся Мора. — Я к известной троглодитной особе по имени Морра отношения не имею нынче покаместь.

— А-а-а, — облегчённо вздохнул братец. — А меня Дримером кличут. А это — Слипер, Загрибука и ...

— Здарррова, что ли, — неожиданно выступил вперёд Башкирский Кот.

— Йи-ха! Башкирец! Заверни-алаверды! — Мора шлёпнул себя по коленкам.

— Я, псих ты морррозный! — весело улыбнулся котяра своей лесопилкой.

— Какими путями тебя Дхарма занесла? — лётчик подлетел к нему и бросился обниматься.

Дример со Слипером растерянно переглянулись. Загрибыч и вовсе глаза выкатил.

— Да тут влип на пару с ребцами в историю с продолжением, — нехотя объяснил Башкирец. — Коррроче, забросило в капкан нейрокосмический, сами не знаем, сколь там кантовались. Я и тебя-

то упомянул только когда вот сейчас увидел, а то память так отшибло по самые гланды, что и вовсе не секу, откель и куда. В целом, у личного состава тут по медкарте массовая контузия, вот и пытаемся мозги собрать да уразуметь, что за засранец подогнал таких кайфов, с которых нас теперь по всему Лабиринту шарахает да не отпускает.

— Да иди ты! — Мора удивлённо захлопал глазами. Одет он был в цветастые попугаистые шорты и несоразмерно большую белую майку без рукавов.

— Да некуда, в том-то и дело! — Кот обернулся на друганов. — Мы тут, понимаешь, пытаемся найти местечко перекантоваться до рассвета, а там уж...

— Да не вопрос это для нашей библиотеки! — Мора радостно притопнул по мостовой своими пляжными тапочками. — Айда ко мне! Сейчас вас устроим со всеми прилагающимися комфортами. Так ты вообще ничего не помнишь?

— Ну, самую малость, и то временами, — замялся Башкирец.

— Это ничего! — улыбнулся Мора. — Я тебе всё припомню! — и он залился хохотом. — Главное, что ты до меня добрался! И молодца, что друзей довёл! Мора в беде никого не бросит! Прошу на борт, ежесекундно и доставим вас до подушки. Отхراпите сколько надо, а там уж и разбираться будем.

Башкирский Кот обернулся к Слиперу и Дримеру и пожал плечами.

— Ну, командуй, — ухмыльнулся Дример.

— Типа, рррота — в ружьё и на борт! — улыбнулся кот.

— Т-т-т-туда? — в ужасе вытянул морду лица Загрибука в сторону самолёта.

— Спокуха! — воскликнул Мора. — Наша авиакомпания рада приветствовать вас на борту со всеми втекающими! Трапа нет, так что придётся слегка сигать.

— Выдержит? — Слипер с сомнением посмотрел на шаткую конструкцию маленького самолёта.

— А то! — Мора подмигнул. — Вот сейчас и проверим!

— Ну, полезли, — сказал Дример и перекинул ногу через парапет, про себя тихо добавив: — Дёшево, быстро и без лишних хлопот вас похоронит аэрофлот!

Как-то где-то, но все перебрались на борт самолёта и кое-как разместились внутри тесной кабины позади кресел пилотов.

— Готовы? — Мора, не дожидаясь ответа, крякнул какой-то ручкой на пульте управления, скрипнул рычагом и щёлкнул тумблером: — От винта!!!

— Крути-верти свои винты, круговентиль! — съязвил Башкирский Кот.

— Вот теперь я узнаю тебя, дружище! — захохотал Мора, обернувшись к нему. — Держитесь. Оторвёмся, а там уж как пойдёт!

— М-м-м-мамочки, — только и пискнул Загрибука в тёмной тесноте.

— Какие такие мамочки? — грозно шикнул на него Башкирский Кот. — Мужайся, подкидыш! А моей мамочки тут вот не надо ни в ррраз!

Загрибука даже возразить не смог, потому что взревел движок, и вся крыломашущая шкындырбобина стала трястись, словно в тропической лихорадке.

— Эге-гей, мля-я-я-я! — заорал Мора, изуверски захохотал и отжал педальку. Драндулет понёсся по волнам, брякаясь с одной на другую, словно пустая жестянка.

— А нам туда? — робко прокричал Загрибука, цепляясь загребущими ручищами за всё подряд, разбросанное в салоне самолёта, чтобы не упасть.

— Нам сюда, нам туда, к третьемоське на рога! — запел Мора и, повернувшись к Загрибуке, проревел, пытаясь перекрыть грохот сухопердищенского двигателя: — К третьемоське на рога в кругосветное пешкодралово-о-о-о-о! Погнали, погнали!!!

С этими словами самолёт икнул, подпрыгнул и взлетел.

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-а! — исчезало в небе Загрибукино напутствие сквозь крик Моры: — Карамбо-о-о-о-оль!

А сонные горожане в близлежащих домах встрепенулись в кроватках и заворчали все разом в разных квартирках:

— Шоб ему икалось до конца кальпы! Опять Мора свои жестянки гоняет над рекой! Тьфу! Сладу с ним нет! Уж и говорили ему, и на собрание вызывали, и даже крокозябрами, то есть, тьфу, стрекозьявками грозились, а он всё своё... всё своё... всё... своё... хррррррр...

Жестянка тем временем набирала высоту. Через какое-то время даже Загрибуке надоело трястись, и он, немного расслабившись, прилип к маленькому иллюминатору. За стеклом было темно. Ровный гул успокаивал. Мора притих, весь сосредоточившись на управлении, крепко вцепившись в штурвал. Башкирский и вовсе уснул на свёрнутых в углу канатах, коробках, ящиках и тряпках, одеялах и плащ-палатках, в общем, на всём том, что всегда в изобилии валяется в любом приличном самолете. Загрибука вскоре последовал примеру кота, уж больно много было у него переживаний сегодня. Лишь Слипер с Дримером не спали и всматривались в темноту за бортом, сидя на ящиках.

— Нормальненько попали, — тихо проговорил Дример на ухо братцу.

— Да уж, котяра-то наш с родословной, видать, — согласился тот.

— Если хвостатый таки правду говорит, то его пошвыряло по свету мамы родные как в своё время!

— Куда ни сунься — сплошь у него знакомые!

— Интересно, а что это он всё мамочку свою поминать боится всеу?

— Да кто его знает. Он и сам непрост. Думаю, мамочка его может оказаться такой фруктой, что чем позже мы её встретим, тем лучше будет для нас же!

— Ну всё-таки сына домой доставим, как-никак.

— А ты уверен, что этому будут все рады, включая нашего усатого и маму его заодно?

— Хм, ладно, доживём-глянем. — Дример подтянулся к пилотному креслу: — Мора!

— Чего? — отозвался тот.

— Далеко ли ещё?

— Э, брат Дример, с маршрутами здесь всё наперекосяк и навыверт! По прямой никуда не долетишь. Искривления в континууме, остеохондроз полный, понимаешь? Тут следы запутывать надо, кренделёчки выписывать, шоб уши на затылке лежали, и тогда мы продвинемся хоть сколько-нибудь.

— Шо, так всё плохо?

— Ну почему же плохо? Некоторым даже нравится. Прикинь, какой скучняк бы приключился, если б всё было шито белыми нитками? Захотел вот в гости пойти — и пошёл, припёрся на «вот, пожалуйста» с пряниками, а тебе и не рады. А так — фигушки. Чтобы куда попасть, нужно учесть все шизоидные кривые, с которыми мозгоимеющие шныряют по своим сновидениям, понимаешь?

— Нет, — мотнул головой Дример.

— Головой не мотай, и так трясёт нормально! — хохотнул Мора, обернувшись. — Да всё просто! Родная ента местность зависит от того, кто чего во сне насновидит, разумеешь?

— Ёксель-моксель!

— О, чую, допёрло!

— То есть это всё — мираж? — Дример напряжённо взгляделся в окружающую темноту, которую натужно резал винтом самолёт.

— А сам ты не мираж? — усмехнулся Мора. — Тебя вот тоже кто-то во сне сновидит, ты в свою очередь — ещё кого-то. И так весь мир со всей его Всея Сангхой! Только в этом месте, в городе А, всё очень быстро проявляется, без тормозов, сечёшь?

— Начинаю...

— Это хорошо. Потом друганам своим объяснишь. Тут материя истончена и легка на подъём, и потому запросто принимает формы, генерируемые сознаниями индивидов во сне. И наяву енто сразу формируется в предметность и осязаемость. Да точно так же, как и везде во всей вселенной, только очень ускоренно, без бюрократии и проволочек.

— Дык енто, тут и спать-то опасно! — Дример заёрзал.

— Ну, коли ты всякое хреновое да луковое в голове держишь, то да, ничего сладенького и не выйдет. Но коли ты существо сознательное, стало быть, самоконтролем мозгов обладаешь, то гастроль будет очень даже сказочной и по путёвке «всё включено»!

— Это ж надо в каждый момент думать о том, что думаешь! — Дример оторопело смотрел на Мору и не верил, что этот парень, вероятно, заглотивший большого хохотунца, а потому не перестающий смеяться ни на миг, может обладать такой недюжинной силищей, как полный контроль своих мыслей даже во сне.

— Точно, братец! Только думать о думалке и её думках не надо, а то к психиатру попадешь! Надо просто научиться кайф ловить от всего того, что находится прямо тут и сейчас же! И так всегда. То есть не давать размышлялке впасть в свои выкрутасы, а то она тебе наворотит своей воображалкой жутей пакостных. Хе-хе, мозгов не соберёшь! Кайфуй! Закон вселенной, понимаешь ли, прост! Кайфуй и не ломай кайф другим! Не вибрируй в пространстве понапрасну извилиной, а применяй её там, где она нужна. Вот, к примеру, есть у тебя разводной ключ, —

Мора достал из-под сиденья большие, похожие на зубо-врачебные щипцы, плоскогубчатые крутилки-вертелки. — Ты же с ним не ходишь постоянно, верно?

— Не хожу, — подтвердил Дример.

— Не крутишь им везде и всюду?

— Не кручу.

— Дык мозги — такой же разводной ключ, понимаешь? Инструмент. Нефиг ими повсеместно крутить, а применять надобно по назначению, вовремя и в нужной дозаци, шоб ты ими пользовался, а не они тобой.

— Слушай, я и не думал...

— И это было правильно! Вот и не думай, а просто кайфы лови! Глядь, какой лес за обочиной-то! — Тут Мора дёрнул какую-то вертлявую хрень, и дверь в кабину на шарнирах отъехала в сторону. Дример отшатнулся. Рёв двигателя ворвался внутрь вместе с ветром.

— Что? А? Падаем? — заикался проснувшийся Загрибука.

— Всё нормально. Тихий час продолжается, — успокоил его Мора весёлым окриком. — Просто профилактическое проветривание.

Но все, конечно, проснулись и потянулись к открытой двери поглядеть, что там и как. А вы бы не полезли? Да ну, не врите, полезли бы, конечно!

Вот и наши все осторожно подкрались к краю и глядели во все гляделки. А ведь и было на что! Самолёт летел низко. Внизу простирался лес. Не простой пригородный лесопарк, но тропически таёжная древозавалюха. Даже с такой высоты и сквозь грохот можно было различить лесное птичье многоголосье. Улюлюкания и повизгивания прорывались, словно крики пьяных соседей через бетонные перекрытия.

— Эвон! — только и смог сказать Загрибука, округлив глазёнки.

— Ага! — кивнул Слипер.

Башкирец усиленно втягивал носом воздух. А воздух был пахучий, мокрый и очень тёплый.

— Теплынь-то какая! — воскликнул Слипер.

— Да, странно, только что дубак был, а тут... — Дример озадачено почесал Шапку-Невредимку.

— Я ж объяснял, — начал было Мора.

— Чего объяснял? — встрепенулся Загрибука. — Я что-то важное проспал?

— Да не, всё в порядке, не кипяти чайник, — примирительно и как-то даже услужливо проговорил Дример.

— Братец? — Слипер глянул на него прокурорским взглядом.

— Ну, короче, всё, что вы тут видите, и местность, которая нас окружает, — это сны! — выпалил Дример.

— Что?! — в один голос зашумели все.

Только Мора и вихрами своими не повёл. И веснушкой не мигнул ни одной даже.

— Ну, здесь слишком тонкая реальность, — виновато ответил Дример. — И... вот, шлёмки-перемоталки, что мне тут — по физике лекции читать? Я ж не Загрибыч! Короче так: что головой своей надумаете, всё тут же и сбывается, поэтому мозгами не трясите особо, а то наутро такое может быть, что и крокозябры, тьфу, стрекозьявки покажутся мелочью.

— Ты чё молчал-то? — мявкнул Башкирский Кот в сторону Мора.

— А я думал, ты помнишь, — беззаботно откликнулся вихрастый пилот. — Да чего вы всполошились? Всё в порядке. Летим себе, скоро дома будем. Пожрём, отоспимся, а по утрам я вас в город подброшу. Всё как прописано, всё путём. Так что не волнуемся, наслаждаемся видами. Кстати, что это у нас на корме висит? — и он уставился в приборы.

— Чё там? — Слипер высунулся наружу, повернул голову к хвосту самолёта, и глаза его округлились. — Сдуй мои пилюльки! Это чё такое?

Но выглядывать уже особо и не надо было. «Чё такое» догнало самолёт в черноте ночи, практически бесшумно прогудело рядом на той же высоте и, обогнав, ушло вперёд. Было такое ощущение, что мимо них в ночной темноте промелькнул в воздухе огромный шкаф дедушки Мытута.

— Энто кто? — опешил Дример.

— Да фигня это! — Мора опять решил не водить понапрасну ушами. — Разведгруппа по периметру шастает, выискивает всякую нечисть на отстрел.

Все вперились в лобовое стекло. «Фигня» быстро исчезала из виду, и её удалось рассмотреть лишь мельком. Но и того хватило. Летательный дедушкин шкаф представлял собой большой прямоугольный ящик, сзади которого во всю плоскость было сопло, а в нём гудело странного тёмного цвета пламя, причём не вырывалось наружу, а именно жужжало внутри. А от ящика в стороны отходили длинные кронштейны, на краях которых висело по такому же ящику, только меньше размером. Штука была совершенно неуклюжая, полностью лишённая каких-либо аэродинамических признаков, но, несмотря на всё это, очень резвая и почти бесшумная. К тому же она пару раз так быстро скорректировала курс, что сомневаться в исключительной маневренности тоже не приходилось.

— Блин с компотом, ну и уродина! — только и выразил Слипер.

— Хе, — хекнул Мора, — боевой корабль, ни хухры мне в тапки! Скакуны с него сыплются прямо через пол пачками, коли что.

— Кто сыплется? — переспросил Дример.

— Скакуны, — ответил Мора. — Там пол раздвигается, они и сигают вниз прямой наводкой. На людей слегка похожи, только прыгают по ветру. Ну, как кенгуру, только не от земли отталкиваются, а прямо от воздуха. Могут и очень быстро прыгать, коли чего. Хрен догонишь. Ещё конечности у них мутируют. В целом, превращаются на ходу. Руки — в крылья, ноги — в хвост, лицо — в морду физиогномическую. Вот и непонятно, по какой их линии классифицировать: то ли ящер это разумеющий с максимально развитой мимикрией, то ли люди,

мимикрирующие под ящера. Скакуны здесь на службе. Ловят всяку тварь опасную, если кто бесконтрольно насновидит.

— Мумиё-моё, — обхватил голову Дример и сел на железный подрагивающий пол. — Ну мы и прыгнули, ребята...

— Мда, Вьетнам, шестьдесят седьмой год, — процедил Башкирский Кот, — Напалмом тут у вас не балуются?

— А это чё? — весело спросил Мора. — Если плющит нормально и отходняков нет — достанем, не вопрос. У нас тут всё что хочешь есть! Только представить надо как следует!

— Нет-нет, не надо, — поспешно ретировался кот. — От него отходняк будь здоррров.

— Ну тады и ни к чему нам такое пойло! — хохотнул Мора. — Всё, граждане пассажиры, пристегните ремни, как говорится. Но у вас их нету, так что держитесь за что придётся! Садимся! — он нажал на педальку. — Карамбо-о-о-о-о-оль!

— А-а-а-а-а! — отозвался Загрибука.

Самолёт, как в лучших фильмах про войну, замер на мгновение, а затем повернулся крылом к земле и начал падать по дуге в пике.

— Та-та-та-та-та! — весело заорал Мора, изображая несуществующие пулемёты. Лица пассажиров позеленели и посерели одновременно. Ну вы же знаете, как это бывает? Не знаете? Тогда вам надо обязательно посидеть пару дней с Морой за стаканчиком какого-нибудь заплющенного пойла.

Вскоре они уже брякнулись лыжами на поверхность речушки. Как в неё Мора умудрился попасть среди непроглядного леса — одному Потолочному Разумению ведомо. Но всё обошлось, и, распугав водных обитателей, самолёт плюхнулся, захлебнулся мотором и затих, журча по реке.

— Вот моя фазенда! — гордо провозгласил Мора, едва самолёт остановился, подкатив к берегу. Все высыпали наружу, встав на лыжу. А там, на берегу, действительно стоял дом. Большой деревянный дом с пристройками и деревянным же ангаром.

— Эй, на берегу, прими конец! — заорал Мора и сам же спрыгнул на отмель с канатом, привязав его там к вбитому на этот случай деревянному столбу. — Вылазьте! Самоль затаскивать не будем. Завтра всё равно в обратку свистать. Пошли соображать, что закинуть в пузико!

При упоминании о еде Загрибуку чуть не стошнило, остальным было не легче. Но лесной воздух сделал своё благотворное дело, и их быстро отпустило. Вся компания прошла по хрустящей хвое к дому.

— Заходите как хотите! — отколупасил замок Мора и сам первый шагнул в темень дома, чем-то там погромел, чем-то щёлкнул, и по дому разлился самый что-ни-на-есть электрический свет. Хозяин брякнул в небольшой колокол над дверью и пропел старую аюрведическую песенку:

— Джинджер беллс, джинджер беллс, гарлик джинджер беллс!..

— Красота! — восхищённо ахнул Загрибука, и лицо его просияло.

Стало уютно и спокойно. Все зашли внутрь и расположились в просторной комнате с несоразмерно низким потолком, ибо дом казался снаружи более чем просто высоким. Мора заметил взгляды и поспешил объяснить:

— Потолок такой, потому что второй этаж есть. Там сопеть и будем. А сейчас огоньку разведём, щипец сообразим. Или ухи? Рыбы тут навалом.

— Ррррыба — это хорррошо, — промурлыкал Башкирец, прогуливаясь по комнате.

— Вот и славненько! А где рыба — там и мадяра! — Мора набрал в углу полешек и подтащил их к вместительному камину, который притулился в углу комнаты. — Натопим слегка, погреемся...

При этих словах все заёрзали, ибо почуяли, что каким-то образом стало опять холодно.

Мора заметил это и сразу ответил:

— Я ж говорил, у нас тут всё зыбко. С погодой тоже. Привыкайте. Слух, ара-джан, чиркни зажигой!

Башкирский Кот подошёл к печи и щёлкнул когтями. Возникший огонёк он протянул в горсть щепок, и те быстро занялись.

— Славно тут у тебя, — заметил Дример, вытягиваясь на полосатом коврик прямо на полу и снимая Шапку-Невредимку. Он скинул ботинки и пошевелил пальцами ног, разминая их.

— Дык, Ясный Пень! — улыбнулся Мора. — Мадяры-то будете?

— Чего? — Слипер тоже разомлел на продавленной тахте в углу, сбросив рюкзак.

— О, мадяра — это мадяра! — пропел Мора, — Ща устроим!

Он метнулся к шкапчику и добыл из его глубин мутную бутылку с такой же мутной во всех отношениях жидкостью.

— Напалм? — усмехнулся зубоскально Башкирский Кот, расположившись у камина и растопорщив шерсть.

— Шо ты! — замотал головой Мора. — Чистая слеза! Сугрев и комфорт обеспечены. Правда, нарушается транспортабельность, но енто дело нам сейчас и ни к чему, верно?

Не дожидаясь возражений, он метнул на стол обычные плакатные стаканы и, лихо опрокинув над ними бутылку, наполнил розовой жидкостью.

— Ну, вздрогнули! — Он лучезарно улыбнулся.

Подняли ёмкости, оттянув локоток.

— За Полную И Окончательную Нирвану Без Нирватрёпки! — провозгласил Мора и осушил стакан сразу наполовину. Остальные с опаской пригубили пойло, но оно оказалось на редкость щадящим. Сладенькое, крепенькое, но без сивушного привкуса.

— Недурственно, — крикнул Дример.

— А и я про что! — радостно согласился Мора, кинув братцу подушечку под голову, чтоб было комфортно вытянуться и вовсе на полу.

А дальше покатила непринуждённая беседа, и пока в котелке булькала уха, Мора рассказал о том, как и когда встретил Башкирского Кота. Все с удивлением слушали его повествование, в том

числе и сам Башкирец. Но с каждой фразой Мора он чаще кивал, морщил усы и всё больше что-то припоминал, вворачивая фразочки типа: «Ага, помню-помню. И вот это было, верно. Век шпрррроты не видать, как же я забыл?»

И выяснилось, что котяра наш не раз тут бывал. Правда, давно. Появлялся из ниоткуда и пропадал каждый раз в никуда без долгих прощаний, по-английски, как говорится. По каким делам он гостил, Мора не знал, но кутили они от души. Пару раз Башкирский Кот даже доставал для Мора какие-то редкие детали к самолёту. Мора же его в ответ катал на самолёте и вместе с котом впадал в длительные запои. В целом, нашлось много общих знакомых и вспомнилось много общеизвестных мест, но так и не пролился свет на то, какими маршрутами сюда кот попадал. Также Мора доложил общие сведения о городе А. Город, как и говорилось ранее, был населён самым разным народом. Тут тебе были и йоги, и гоги-магоги, и налево-ногу-сломит. В общем, кто, так или иначе, добаловался до серьёзных техник осознанного сновидения и к тому же научился держать свои мозги в узде, — все кочумали тут. Разные на внешность и количество конечностей, но более-менее одних стремлений. А интерес был у всех практически одинаков. Жители занимались оттачиванием практики сознательного моделирования реальности. Проводились в городе многочисленные научные эксперименты. Создавалось много техники, и полезной, и напрочь бесполезнейшей и непригодной, но прикольной фасадом. Жисть кипела, и никто не скучал. К тому же, благодаря своим умениям и талантам, здешние удалыцы наладили торговые и не только отношения с близлежащими Слоями мира. А потому многие переженились кто на ком, завели деток и осели в этих местах навсегда. Беда была одна: в этом мире жили — не тужили собственные туземные жители, и они оказались ну совсем недружелюбно настроены к пришлым, пусть и весьма умным и развитым новоявленным соседям. Война началась с пустяков и мелких стычек, как и всегда бывает, но затем переросла в полномасштабные боевые действия. Отдавать с таким трудом найденную территорию переселенцы не хотели. Многие опыты можно было ставить только здесь, в условиях крайнего истончения реальности. Тутошные аборигены, они же стрекозьявки, оказались на редкость смышлёными, но напрочь демонического уклада разума существами. Учиться они ничему не хотели, не терпели поучений и советов, не внимали знаниям о мироздании и его устройстве, а только всё использовали в своих целях, чаще всего оборачивая изобретения поселенцев против них же самих. Как уж было сказано, всё закончилось полномасштабной войной планетарного пошиба.

Теперь города поселенцев превратились в крепости, разбросанные по планете в разных регионах, а туземцы как жили в лесах, так и остались в них, но зато совершали набег за набегом на мирно копошащиеся своей бытовухой немегаполисы. Оказалось, что города являются некими центрами устаканивания реальности, и от них отходили отражения, как лепестки от цветка. Туземцы чувствовали себя во всём этом, как рыба в мадьяре, так что им было по фигам. А вот поселенцам нужно было учитывать постоянно меняющиеся сводки погоды и всяческую изменчивую фэншуйность, чтобы попасть туда, куда надо, а не быть закинутым к третьемоське на рога.

На вопрос о Йоше Мора охотно ответил, что есть некий такой персонаж, который всё бредит какими-то ключами, но он живёт в Пургопетрике. А до данного населённого пункта нужно отдельно добираться, ибо Пургопетрик лежит за городом А, в ближайшем кривозеркальном отражении, на островах, но в виду чрезмерно переменчивой погоды дорога может оказаться не такой уж и простой.

— Нужно ждать отлива, и чтоб северный ветер задул со скоростью «по шнурки», — закончил Мора.

— Это как? — спросил уже сонный Дример.

— Ветер измеряется просто, — бесхитростно ответил Мора, — Если ссышь против ветра и попадаешь перед ботинками, то самолёту трудно подняться, ибо воздух неплотный и горючести понадобится боле. Если ссышь и попадает на носок ботинок — в самый раз, взлетай не думая. А если обоссал шнурки или, ещё того хуже, штанины, то даже из ангара не выкатывай, снесёт нахрен! Так вот, чтобы в Пургопетрик попасть — нужны «шнурки». И не на самолёте туда надобно.

— А как? — Загрибука с удовольствием тянул ноздрями запах ухи.

— Кругосветным пешкодраловым! — подмигнул Мора и опрокинул в себя внушительное количество мадеры. — Ладно, раньше времени срать вообще не требуется, разберёмся. Надо — значит все там будем! К тому же, — добавил он, глядя на Слипера, — босиком ты далеко не учапашь. Нужно тебе обувь подыскать. Да и братцу твоему тоже. Видать, исходили вы нормально круголями. А теперь к столу.

Отведав ухи, гости заклевали носом, и Мора по-быстрому всех распределил по спальным местам. Слипер с Дримером пошли на второй этаж, где в многочисленности подушечек уснули на расстеленных по полу матрацах. Загрибука засопел на тахте. А Башкирский Кот свернулся прямо у остывающего камина.

— Добрых снов! — пожелал всем Мора и сам ушёл спать в ангар, сказав, что у него там своё уютное гнездо.

И надо же такому случиться, что в эту ночь всем всякой всячины во всякие всякости наснилось. И к тому же разной!

Дример очнулся в автобусе.

— Опаньки! — сказал он сам себе. — Это ж мы где?

— Уж до моря почти доехали! — услужливо подсказала ему тётка с кошёлкой, восседающая своим необъятным задом на масюсеньком креслице. Бигуди в её голове посверкивали, словно патроны в ковбойском поясе. — Хорош спать! Уж стоя дрыхнете, как жирафы.

— Жирафы, — автоматом повторил Дример, и ему на мгновение привиделось что-то жирное, стоячее, с шарфом на шее. — Бр-р-р, не надо мне к жирафам!

— И я так думаю. Чего тебе с жирафами делать-то? — утвердительно заметила та же тётка.

Дример оглянулся. Пассажиров было мало. Дядьки да тётки, ну, как водится в обычном нормальном автобусе на всех планетах. Кто щекой к стеклу дремлет, кто уныло таращится в серый пейзаж за окном.

— Чего ж ты так пьёшь-то? — не унималась тётка. — Благоухает от тебя аж на весь автобус.

— Благо... Уха... Рыба... Море... — забормотал Дример и посмотрел на свои руки.

А они были в коротких сетчатых перчатках. И сами пальцы были зелёного с серебром цвета. Но братца почему-то это нисколько не смутило.

Средние двери вдруг открылись, и он машинально вышел из автобуса.

«Не думать! — почему-то подумал Дример и сказал сам себе мысленно: — Каждый имеет право на лево!»

И пошёл влево по брусчатой дороге, мимо чистенького аккуратного трёхэтажного домика, под уклон к морю. Братец вышел к прибою, постоял немного, а затем встряхнулся.

«Не думать!» — опять подумал он и тут заметил дверь.

Дверь стояла сама по себе прямо в песке.

— Опаньки! — воскликнул Дример и направился было к ней. Но тут в его поле зрения появилась рыжая огромная собака.

— Гуля-гуля-гуля-гуля, — почему-то сказал ей братец и присел.

Остромордая дворняга послушно подошла к нему, и тут он заметил, что один глаз у пса слеп. На нём мутнела огромная катаракта.

— Ты тут откуда, шалапутный? — спросил Дример.

— Я — гонец, с поручением к тебе, — ответила собака, не моргнув слепым глазом. — Надобно тебе, братец, дверь эту открыть да пройти. И доставить кое-что по адресу.

— О чём спич, передам! — Дример услужливо кивнул.

Собака молча встряхнулась и стала копать песок. Вскоре под лапами что-то зашкряпало.

— Давай помогу! — предложил Дример и потрепал холку собаке.

Пальцы влипли в какую-то клейкую субстанцию. Он отдёрнул руку, поднёс её к глазам. И сразу почувствовал резкий запах.

— Вот ёктить! — выругался он.

Собака и тут не моргнула слепым глазом и, молча доковыряв песок, вытащила лапами свёрток с наклеенной на него квитанцией.

— Адрес на квитке, — твякнула собака, подняла лапу над ямкой и, пописав, изучила внимательно результат. — Хороший будет ветер! — изрекла она и побежала по пляжу дальше.

Дример взял свёрток и оглядел квитанцию. «Пургопетрик. Йош твою налево. Две трети звонка» — значилось на ней.

— Мудрёно, — покачал головой братец, подхватил под мышку посылку и пошёл к двери.

На деревянной обшивке был прибит маленький плоский бронзовый кораблик.

— Эй, на буксире, прими конец! — бодро гаркнул Дример и потянул за ручку.

Ручка подалась вниз, дверь мягко и неслышно открылась. За ней плескался бассейн. Звуки бьющейся воды, отраженные от кафельных стен, ринулись на него. Он почувствовал в воздухе запах хлорки.

— Хе, триетить мою налево! — усмехнулся Дример и шагнул за порог.

— Сдуй мои пилюльки! — воскликнул Слипер, отплёвываясь в холодной воде. Едва сознание пришло в норму, он тут же с ужасом обнаружил себя посреди бассейна. И ладно бы. Чего страшного? Ну бассейн как бассейн. Однако Слипер сразу понял, что с ним что-то неладное приключилось, а чуть позже, осознав причину, впал в детскую панику. Он барахтался в тяжёлом шерстяном свитере и в шерстяных же носках. Штанов на нём не наблюдалось. Вся его нехитрая одежда пропиталась, конечно, водой и тянула его на дно. Было холодно. В воздухе витал запах больницы.

Слипер оглянулся по сторонам и увидел, что помимо него в бассейне плещутся какие-то дети и тётки в бигудях с необъятным задом. Над тётками по краю ходил дядька со странно отдаленной щекой и приговаривал:

— Гребём! Гребём! Против ветра гребём! Следим за ногами! Что это за ноги?! У вас что, шнурками ноги связаны?

При этом никто не обращал внимания на отчаянно барахтающегося Слипера.

— Тридцать два якоря мне в лоб! — простучал братец заледеневшими зубами и полез на бортик.

Выбравшись из воды, он побежал к выходу, оттягивая намокший свитер до колен, и, толкнув дверь плечом, вывалился в странную большую комнату. Точнее сказать, это был зал с высоким куполом. Посреди зала стояли какие-то автоматы, и к ним нескончаемой очередью шли люди. Понурые человеки бросали в автоматы какие-то кругляшки и, протискиваясь между низкими металлическими тумбами, уходили дальше куда-то под землю.

— Проходим на тройке! Проходим! — загремел вдруг с потолка грубый женский голос. — Двойка, у вас карточка закончилась!

Из-под земли параллельным потоком также выходили люди и шли мимо Слипера куда-то в широкие стеклянные двери.

— Бардак! — отчаянно заметил Слипер, топчась в стекающем свитере и в носках на холодном полу. И тут он увидел среди толпы Зверогёрлу. Она стояла в очереди и медленно двигалась к автоматам, переваливаясь с ноги на ногу, словно пингвин.

— Эй, здорова! — крикнул ей Слипер, подбежал сзади и, сам не понимая как, тут же оказался за пределами автоматов перед лестницей, убегавшей вниз.

Он хлопнул Зверогёрлу по плечу, и она обернулась. Лицо было мрачно. Отпечаток горя и безысходности смазал всю физиономию куда-то вниз, и от этого даже чумазые и пухленькие когда-то щёки теперь были впалыми. Мешки под глазами были синюшного цвета.

— Ты как здесь очутилась? — радостно закричал Слипер.

Зверогёрл тоскливо посмотрела на него и мрачно выдавила сквозь зубы:

— Не вздумай сюда попасть!

Затем она отвернулась и шагнула на убегающую вниз лестницу.

Ошарашенный Слипер посмотрел ей вслед, затем под негодующий голос с потолка проскочил через автоматы обратно и вместе с толпой вышел через зеркальные двери. Оказавшись неожиданно на улице, он завертел по сторонам головой. Кругом было темно, лежал снег. Вдалеке виднелся какой-то парк, а напротив шумела дорога. Огромные каменные дома высились вдоль неё.

— Не думай! — почему-то подумал Слипер и рванул, как был, в мокром свитере, в мокрых шерстяных носках и без штанов по снегу, напрямик в парк. На первой же скамейке сидел странного вида парень в чёрном морском бушлате.

— Слышь, браток, а я енто, где? — уверенно подскочил к нему Слипер.

Парень поднял на него глаза, оторвавшись от книжки. «Проводник» — успел прочитать название братец.

— В каком смысле? — спросил паренёк.

Его лицо казалось смутно знакомым. Словно Слипер видел его когда-то очень давно, но сейчас не помнил, где и при каких обстоятельствах. Он стряхнул наваждение.

— Ну, что это? — братец обвёл рукой окружающее.

— Пургопетрик, — прозвучал удивлённый ответ, — Ну ты даёшь. Это ж чего ты такого замаядрил, что тебя так плющит? И где штаны потерял?

— Да, блин с компотом, фигня вышла, — нехотя ответил Слипер.

— Это и так понятно, — спокойно и как-то по-стариковски ответил парень, — А чего мокрый? Моржуешь, что ли?

— Нет, блин, жирафлю! — огрызнулся Слипер и, махнув на всё рукой, пошёл прочь.

— Эй, жираф, посылку прихватить не хочешь? — окликнул его сзади тот же голос.

— Чё? — обернулся уже ничего не соображающий от холода и идиотизма ситуации Слипер.

— Посылку, говорю! — и паренёк протянул ему свёрток.

— Кому? — прокричал братец.

— А там написано! Держи! — и новообретённый знакомый кинул свёрток. Слипер поймал его на лету и, повертев в руках, прочитал на приклеенной белой бумажке «Город А, Море, три вторых колокола»».

— Бред, — буркнул он про себя.

— Туда автобус 32 идёт! А вот и он как раз! — и парень указал рукой куда-то за спину Слиперу.

Тот обернулся и увидел стеклянную остановку и подъезжающий к ней пошарпанный автобус.

— Спасибо! — заорал братец и, ни в раз не усомнившись, подлетел к остановке и запрыгнул в автобус.

Странный парень поёжился и сказал сам себе:

— Ну что ж, Шматко сделал своё дело, Шматко может уходить.

— Аренда недорогая, — уклончиво пробасил дядька с помятым лицом и тренерским свистком на шее. Он топтался на крыльце.

— А? — переспросил внезапно осознавший свой сон Загрибука, вцепившись пятками в то же самое деревянное крыльцо.

— Говорит, аренда по зубам! — ответил сидящий рядом Башкирский Кот. Он затравленно пригнул уши.

И они вместе с Загрибукой синхронно повернули головы сначала налево, а потом направо.

— Где это мы? — испуганно спросил Загрибука.

— В Каррраганде! — так же испуганно ответил Башкирский Кот.

— Что вы, нет, — заулыбался дядька, — я и района такого не знаю! Мы в двух шагах от развилки между городом А и Пургопетриком. Это очень старый лес. Дом давно уж без хозяев и слегка обветшал, но если приложить немного усилий, то вполне простоит ещё долго. Берите, не пожалее! Да что же я вам всё болтаю и болтаю, пойдёмте, сами посмотрите всё тут!

И дядька направился к парадной двери. Он подмигнул зачем-то Загрибуке и Башкирскому Коту, а затем таинственно произнёс:

— Тут есть маленькая хитрость со входом.

Он демонстративно отодвинул в сторону кусок сыромятной кожи, прибитый рядом с дверью. Под ним оказался звонок. Нажав на него коротко разок, дядёк чуть подождал и собрался было нажать ещё раз, но тут неожиданно поскользнулся на крыльце, и его палец опустился на звонок сам. Второй звонок получился длинным и требовательным, пока дядька обрёл утраченное равновесие. Дверь открыли. На пороге стояла толстая тётка в бигудях.

— Вот, тётя Нюра, привёл вам покупателей! — осклабился дядька.

— Две трети звонка — как это мило! Вы простите, у меня с детства абсолютное чувство ритма. — Увидев посетителей, тётка радушно всплеснула руками: — Наконец-то! Да вы проходите, проходите. Видите ли, дом обязательно снесли бы, если б у него не объявились новые хозяева. А я так боялась, что он попадёт в плохие руки. В общем, я очень рада, что вы пришли. Пойдёмте, я вам всё покажу.

И она поплыла своим необъятным задом в дом. За ней поплелись Башкирец и Загрибука.

— Я вас снаружи подожду! — сказал дядька и вышел на улицу, закрыв за собой дверь.

— Я вам уже говорила, — продолжала тараторить тётка, а Башкирец отметил это её «уже», — дом напичкан до потолка разной магией. Чего только в нём нет. Давайте начнём с подвала.

Она открыла дверцу под лестницей, ведущей на второй этаж, и за ней оказались ступени, уходящие в крошечную темноту куда-то вниз.

— Минутку! — сказала тётка и ударила в висящий рядом колокол.

— Бум-бум бум-бууум, — прозвенел тот медью, а может, то была и бронза.

И тут же в проёме подвальной лестницы вспыхнул свет.

— Три вторых, — улыбнулась тётка, — У меня врождённое чувство ритма. Извините. Шагайте осторожно, ступеньки весьма крутые.

Они спустились в подвал.

— Ну вот, например, раздвижные подвалы, — спокойно произнесла тётка. — С ними нужно осторожно, а то, если меры не знать, можно растянуть их и до бесконечности, и куда они тогда вас заведут?

С этими словами она что-то крутанула на стенке, и подвал прямо на глазах стал расширяться во все стороны. Стены раздвинулись до какого-то предела и встали, а задняя стенка продолжала убегать куда-то вдаль, в темень, пока не исчезла из виду. У Загрибуки закружилась голова.

— В целом понимаете? — дружелюбно спросила тётка.

— Да, основные принципы ясны, — важно изрёк наш лесной профессор.

— Ну и за крокозябрами, то есть, тьфу, за стрекозьявками нужно следить, — продолжила она и пошла по подвалу куда-то налево.

Башкирец с Загрибукой последовали за ней. А там стоял на подставке огромный квадратный аквариум с мутной зелёной водой. В ней копошились какие-то микроорганизмы.

— Эти маленькие создания, — тётка умилённо указала на мерзко колыхающийся планктон, — меняют реальность. Не смотрите, что они малы и к тому же абсолютно беспомощны. Они обладают уникальной формой энергии, которая позволяет им создавать любую реальность в зависимости от генерируемых вами мыслей.

Вдруг из щелей пола вылезли маленькие зелёные человечки с морщинистыми лицами, тонкими ножками и очумелыми ручками, которые деловито принялись чистить щётками стёкла аквариума. Одни забирались наверх и сыпали какой-то корм, другие вылавливали сачками отмершие водоросли, а третьи подметали пол под резервуаром.

— А это и есть стрекозьявки! Они тут за всем следят, — хлопнула в ладоши тётка. — С ними надо быть осторожнее! Они так и норовят попасть под ноги. Ну, пойдёмте дальше.

Они поднялись наверх, в комнату с камином.

— Изба избой! — заметил тихо Башкирец.

— А снаружи кажется — огромный домина, этажа два-три, не меньше. Только действительно очень пошарпанный, — так же тихо ответил Загрибука.

— Я вас сейчас и наливочкой угошу! — захлопотала вдруг тётка. — У меня тут мадеры немного осталось.

Она вытащила откуда-то мутную бутылку и налила в стоящие тут же на столе стаканы розовую жидкость.

— Ну, за ваше удачное приобретение! — воскликнула она и первой выпила до дна свой стакан.

— Уважь тётку! — заметил Башкирский Кот сомневающемуся Загрибуке. — Восток — дело тонкое. Закон гостеприимства. — И он опрокинул стакан в глотку.

Загрибука последовал его примеру. Сразу как-то потеплело и расслабило.

— Ну вот, вы тут посидите, а я улажу всё с документами, — заверила тётка и ушла наверх по лестнице.

А Загрибука с Башкирским Котом сели на тахту и стали ждать. Вскоре веки их отяжелели, а затем и закрылись, и они дружно засопели.

Нагло продирающийся сквозь веки свет заставил Слипера открыть глаза. Только вместо пассажирского салона перед ним предстала большая комната с низким потолком и камином в углу. Слипер аккуратно повернул голову и с облегчением увидел, что лежит в уже знакомой комнате Мора, на матрасе, а рядом сопит Дример.

— Фу-у-у, — выдохнул Слипер.

— Шо? — приоткрыл глаза Дример.

— Да эдакая жуть приснилась, что ни в сказке сказать, ни психиатру пожаловаться!

— Такая же фигня, — мрачно изрёк Дример.

— Солнышко тут у них вполне приемлемого цвета, кстати, — взглянул в окошко Слипер.

— А это вторая звезда! — раздался снизу весёлый голос Мора. — У нас тут две звезды крутятся в ритмичном танго. Вчера светила жёлто-голубая, Соляр. А сегодня маленькая тёмно-жёлтенькая, Тасол. Поэтому сегодня прохладно будет. Надо вас шмотками обмотать для утепления.

Братья встали с тяжёлой головой и спустились вниз. А там уже восседал за столом Загрибука с Башкирским Котом. Они пили чай с травкой-пыжмой.

— Как себя чуем? — спросил Дример.

— Сам знаешь, — ответил мрачно кот, уронив голову ухом на лапу. — Всю ночь обоим снилась такая абракадабrrра, что с утра этот, — он покосился на Загрибуку, — чуть меня не задушил. Как глаза открыл, так сразу заорал, словно ишак при запоре, и на меня прыгнул.

— Я от радости, — смутился Загрибука. — Я таких кошмаров навидался, что думал уж и вовсе не проснусь. А тут глаза открываю, а всё на месте, и вы вот тоже!

— И что? Поэтому душить надо? — кот болезненно поморщился. — Это ты потом бы прокурору рассказывал, с каких таких радостей на тот свет отправил соседа по коммуналке. Не галди. Голова рrrраскалывается.

— Садитесь, чайку жахнем, — суетнул на стол пару чашек Мора, — да и полетим в город.

Мора переоделся в полнометражный лётный комбинезон защитного цвета и тяжёлые ботинки.

— Можно и в город, — Дример сел за стол и взял нахлобученную чаем кружку. — Только, как я петрю, нам в Пургопетрик надо попасть.

— В Пургопетрик — только через две ночи, — ответил Мора, ставя на стол большую миску с плюшками. — Я уже всё узнал. У меня ж тут радиоприёмник есть. Прогноз погоды передавали, как рассвело. Говорят, что завтра ожидается снег с метелью до завтрака и морозящий дождь после

обеда, ночью будет душно и жарко, а вот опосля как раз задует ветер дум-дум. Это то, что нам нужно.

— А при чём тут ветер, — набитым плюшкой ртом спросил Слипер, — если ты говорил, что пешкодраловым надо чапать?

— Да ты чё, — усмехнулся Мора, — я просто поэтично выразился. Не, я вас легкоплавательным средством отправлю.

— Каким? — с испугом спросил Загрибука.

— Легким и плавным! — отрезал Мора и тоже кинул в рот плюшку, захлопнув её чаем.

— А почему ты — Мора? — спросил Дример.

— Ну... — начал было тот.

— Он и есть Мора, — отозвался Башкирский Кот и, видя недоумённые лица друзей, объяснил: — Когда здесь зима наступает, он в спячку впадает. А как впадёт — в Морру превращается. В натуральную, которая всех морррозит.

Все в ужасе посмотрели на вихрастого приятеля.

— Ну я не стал говорить сразу, подумал, испугаетесь впустую, — как ни в чём не бывало прожевал тот.

— Он человекоподобный только в период поступательного вращения двойной звезды, которая тут светит, — нехотя продолжил кот. — А потом звёзды останавливаются и раскручиваются в обратном направлении, и всё меняется. И все меняются. Зима — штука суррровая. Все тёмные стороны каждого вылезают наружу и материализуются. Кали-юга, дружок. И тогда Мора становится настоящей Моррой, морозит всё задницей, аки и положено, и веснушек у него, прррямо скажем, поменьше.

— Ёлки-отмоталки! — только и буркнул Дример. — И как ты с этим справляешься? — спросил он Мору.

— Да никак, — ответил тот. — Для меня ж это естественно. Я тогда совсем другой становлюсь. И видом фасадным, и внутренним убранством, и даже половой принадлежностью. Тут в целом у всех так. Типа, летом я Добрым Волшебником работаю, а зимой Кашеем Бессмертным.

— Так, может, вот почему нас Мокропопик Падучий сюда занёс? — подпрыгнул Загрибука.

— А наверняка, — не смутившись, кивнул Мора. — Места родные почуял близко. Они, Мокропопкины, от меня зимой валяются, что мухи по осени. Почкуюсь я ими, аки инфузория туфлями.

— А что с ними потом происходит-то? — спросил включивший научный интерес Загрибука.

— Как что? — хлюпнул чаем лётчик. — Проходят много стадий перевоплощений, и становятся Моррами.

— Слушай, Мора, а у тебя где-нить в заначках Мокропопика такого Падучего не осталось? — невзначай подал голос Башкирский Кот.

— Вачепто есть один, — согласился тот. — Они все обычно разбегаются сразу кто куда...

— Хе, есть от кого, — ухмыльнулся Дример, глядя на него.

— Да ладно, — засмеялся Мора. — Я ж не злобарь какой. Я ж и в Морру когда натуральную превращаюсь, то не грызлюсь по ночам, что твой грызлящур. Просто тоска смертная заедает. Знаешь, депрессняк накатит, скорбь вселенская, и не справиться никак, ходишь, маешься. И так всю зиму.

— Я тебя понимаю, — грустно сказал Загрибука. — Я вот тоже скучал в Лесу. Сидишь себе один, кругом темно и страшно, и тоска невыносимая. Только вот в заднице у меня холодильника не было.

— Ну, тут уж как кому повезёт, — хохотнул Мора. — А на кой вам Мокропопик Падучий? Как я понимаю, вы и так еле живы остались после свиданки с ним.

— Да понимаешь, — смущённо начал Слипёр, — слышали мы тут давеча от Окольцованных, что Мокропопик Падучий может рассеянность лечить, синдром Ныкальщика-Щелевика убрать да память восстановить.

— Это про пердёж-то? — заржал Мора. — Да, есть такая хохма. Тут мать-природа над нами от души юморнула.

— Ну и вот, — продолжил Слипёр, — имеется в наличии у нас один искомый товарищ, который напрочь кое-что забыл, а хотелось бы, чтоб упомянул.

— Ну хорошо, — легко согласился Мора. — Надо так надо. Сейчас притащу.

И он направился к лестнице, ведущей наверх, но, не дойдя до неё, толкнул неприметную дверцу, и за ней оказался спуск в подвал.

— Мора, — позвал Башкирский Кот, переглянувшись с Загрибукой.

— Чего?

— А у тебя в подвале аквариум стоит? — Башкирец прищурил глаз.

— А ты откуда знаешь? — Мора удивился не по-детски.

— Да так, нам тут во сне пррривидилось.

Мора аж присел:

— И что привидилось?

— Будто дом твой в аренду сдают, — ответил за кота Загрибука. — Типа, давно без хозяина стоит. Вот нам какая-то корова в бигудях тут всё и показывала.

Мора задумался на мгновение, а потом встряхнул копной светлых волос и мигнул веснушками:

— Стало быть, перемены грядут. Перееду куда-нить, наверное. Не бери в голову.

— А правда, что стрекозьявки за домом присматривают? — спросил Загрибука.

— Пока ни разу не видел, — мотнул отрицательно головой Мора. — Но в доме много чего странного есть. Тут до меня какие-то очумелые кастанудисты жили, дык после них столько всего осталось. Не в плане вещей, их-то и не было вовсе. А в смысле непонятности, которая норовит мозги в кренделёк скрутить. Магии в доме полно. Ты не думай, а то извилины в обратную сторону выгнутся. Не думай. Просто кайфуй!

И он вышел на улицу.

— Да-а-а, — протянул Дример. — Только такой оголтелый оптимист, как Мора, и может здесь жить. Другой бы давно в смирительной рубашке корчился.

Мора вскоре вернулся, неся в руках нечто, завёрнутое в тряпицу.

— Вот, нашёл! — радостно заорал он. — За карбюратором от биплана snyкался. Не боитесь. Он в спячке. В самадхи пока не впадал. Просто дрыхнет. У них периоды сна и бодрствования намного длиннее, чем у нас. Коли схлопочет во сне Всешарящее Прочухалово, то закаменеет, и тогда, сами знаете, лучше не будите и бока не щекочите. А покуда просто слюни в тряпочку пускает, можете его под нос товарищу вашему сунуть. Сразу мозги промоет!

Словно в подтверждение этого из тряпочки что-то негромко пукнуло.

— О, исправный! — захохотал Мора. — Натё!

Он протянул тряпочный кокон, и Дример бережно принял презент в руки.

— А есть какие-нибудь обязательные условия хранения? — спросил Слипёр.

— Ты чё? — улыбнулся Мора. — Это ж не банка с огурцами. Дрыхнет себе и дрыхнет. Ему сейчас не до йоги и не до балета, любая поза подойдёт. Вот если в катарсис впадёт светочный, то сразу поймёте. Он сам сядет вертикально и глаза пустые откроет. А видеть ничего не будет. Тогда пиши «пропало собако». А лучше просто линять оттуда, если дважды героями по контузии не хотите стать.

— Рюкзак, — хирургически бросил Дример.

— Да оставьте вы здесь эту авоську! — махнул рукой Мора. — Я вам нормальный баул пешкодральный дам. Сейчас.

Он вышел из дома и вскоре возвратился с целой охапкой вещей.

— Вот оно туточки! — он бросил всё на пол и стал кучковать по сторонам. — Та-а-ак... Вот тебе, братец, ступогрязы, — лётчик кинул Дримеру тяжёлые горные ботинки стёртого чёрного цвета. — Вот нашлись и тебе гряземесы, — он протянул Слипёру прорезиненные чёрные же трекары.

— А его куда? — спросил Дример, всё ещё держа в руках запелёнутого Мокропопика Падучего.

— А ну его сюда! — И Мора бросил братцу морскую непромокаемую сумку ярко-оранжевого цвета, которая заворачивалась краями и пристёгивалась через плечо.

— Удобненькая, — уважительно отозвался Слипёр.

— Дык, — крикнул Мора. — Я ж старый турист. Сам тут в тайге живу и шастаю где ни попадя. А вот вам и одежда. Не бутик там какой, но надёжно и практично.

И он расправил на полу два лётных комбинезона военного образца. Комбезы были цельные, с рукавами, сделанные из прочной брезентовой ткани болотно-серого цвета. Нашивка на одном комбинезоне гласила «32», на другом — «23».

— Тут ещё пара мелочей, — деловито сновал Мора между кучками барахла. — Вот два фонаря налобных, нож и пилюльки для очистки воды. Пригодится воды напиться. Вроде всё. А, чуть не

забыл, вот и для Загрибыча кое-что есть. — И Мора выудил жёлтую шапку с большим синим помпоном.

— Ну, это перебор, — покачал головой Дример.

Но Загрибука подлетел к Море, схватил шапку и напялил на себя, чрезвычайно довольный. Дример со Слипером прыснули в кулак.

— Мне нравится, — улыбнулся Мора.

— Мне тоже! — воссиял Загрибука. Уши его топорщились в стороны из-под шапки, а мокрый нос куксился вперёд, ибо шляпенцию он надвинул так, что едва ли кого из-под неё видел.

— Весьма ррреспектабельно, профессор, — важно кивнул Башкирский Кот. — Вы забываемо смотрелись бы на любой трибуне. Поверь, Загрибыч, аудитория с тебя глаз не сведёт!

Слипер молча трясся от смеха. Дример улыбался исподлобья. Но Загрибука и вовсе никого не замечал. Он был в счастливом нокауте. Попросту говоря, у него от радости мозги отшибло вместе с прочухаловым, и так отнюдь не всешарящим. Видать, давно ему подарков никто не дарил.

Так или иначе, собрав по-быстрому посуду со стола и помыв чашки в прикладном рукомойнике, все собрались на экскурсию в город А.

Мора повёл гостей в ангар хвастаться своими чудесами.

— Узрите, странники мои, что есмь круть несусветная! — проорал он, распахивая двери внушительного сарая.

А там стояли самолёты. Нет, так просто нельзя сказать. Ибо, помимо самолётов, там было много всего прочего. И такого прочего, от одного вида которого у всех мальчишек сразу загораются глаза, и им тут же хочется поселиться в этом гараже навсегда. То есть рай, вариант субъективно-конкретный. Многочисленные бочки из-под масла и горючего с соответствующим волшебным запахом приключений. Коробки с непонятными, а потому манящими детальками, шлангами, трубами, винтиками, пружинками и прочим хламом, которым вечно полны карманы детворы. Ну и наконец, сами самолёты. Все они были разными. Тут стоял и спортивный самолёт, и дышащая на ладан этажерка с перетянутыми кожей и парусиной крыльями, и даже маленький истребитель с реактивным, по всему видать, двигателем. Но Мора таинственно обвёл всех взглядом и пригласил в глубь гаража.

— Вот! — сказал он гордо, сразу став похожим на Юру Гагарина, смотрящего с портретов прямо в открытый космос. — Мой птенчик!

А птенчиком оказался нелепый, бордового цвета, угловатый птеродактиль — самолётом это назвать было трудно. Намёки крыльев торчали из него, словно обгрызанные куриные косточки. И в целом он весь был неуклюжий, хромой и жалкий.

Все недоумённо разглядывали это чудесатое чудо-юдо. Мора заметил сие, ухмыльнулся и, оттянув театральную паузу, важно доложил:

— Друзья мои, вы видите перед собой ни что иное, как самую настоящую виману!

— Ёктить налево! — утвердительно отозвался Дример.

— Поражает воображение, — правдиво заметил Слипер.

— Интересная линия мысли, — кивнул Загрибука, пытаясь совладать со своей помпончатой жёлтой шапкой. — Очень новаторски.

— И что это за бррройлерный огрызок? — безапелляционно спросил Башкирский Кот, шарясь по ангару.

— Вимана, — уперев руки в боки и приняв «позу сахарницы», начал доклад Мора, — это, блин с компотом, межпланетный летательный аппарат, использующий для своего передвижения исключительно энергию мысли. Экологически чистый и безотходный материал. К тому же шкандыбать может куда угодно, даже в горы на Кудык, невзирая на рельеф местности и непогоду. Попросту говоря, он по кривым межпространственным летает и в ус не дует за неимением такового. Мозгами вибрировать нужно осторожно, если не хочешь оказаться за семьдесят земель без скафандра.

— А по виду и не скажешь, — осторожно, чтобы не обидеть, буркнул Дример.

— А давеча виданный ночью корабль-разведчик вас не смутил формой? — хитро сощурил глаз, спросил Мора.

Слипер утвердительно кивнул.

— Так вот, пешкодральные вы мои топоногие, — продолжил Мора, — форма летательного аппарата зависит от условий его реализации. То есть, коли тележка должна по бездорожью громыхать, дык ей и колёса нужны соответственные. А ежели этому кораблю надо преодолевать Барьеры между Слойми реальности, то к чему ему обтекаемые воздухом формы? Он ведь не аэродинамический телом и душой, а наглопролезающий. И воздух тут совсем ни при чём. Не в нём он движется, хоть и трезвым взглядом сие заметить и постичь не дано! А потому пойдёмте-ка, накатим по чутка мадярки на дорожку.

Все потянулись к выходу. Никто и не заметил, как Башкирский Кот, проходя мимо ящиков, запустил туда лапу и выудил крокозябную загогулину немислимого применения. Оглядев её со всех сторон, хвостатый клептоман саркастически хихикнул и, догнав быстро Слипера, незаметно кинул ему в оранжевую сумку добычу.

— Авось да небось прригодится, — хитро шепнул котяра сам себе.

Все наскоро позавтракали, опрокинули по мадярке и собрались в дорогу.

— Слухай, Мора, — икнул Дример, — нам бы до Ключника твоего слетать в Пургопетрик как-нить.

— Сделаем, — мотнул вихрами тот. — только вот ветру дождёмся да условий, и не вопрос. Там есть что посмотреть! Куча разных прямоходячих туда сползается к тёплому времени года. В енто самое время в Пургопетрике начинают разводиться мосты. Мосты там, понимаешь ли, разводные. Полный мостовой развод!

— Представляю, сколько зевак прётся туда, когда эти ммосты снова женятся! — мяукнул Башкирский Кот.

Мора хохотнул и продолжил:

— Да уж, лучше мы покуда пошляемся от души по престольному граду да оттянемся экскурсионно. Пошли на погрузку. Мне там надо бы в магазинчик «Всякая всячина» зайти и всячностей приобрести нужных и просто всякой приглянувшейся фигни.

Они спустились по хвойной тропинке к воде, где плескался на волнах гидросамолёт. Мора перебрался на его лыжу, подтянул агрегат к берегу и весело заорал:

— Занимайте места согласно купленным билетам, а раз уж таковых не имеется, приложите своё ОКЛЖПэ где придётся, лишь бы не болтало. Разрешение на взлёт получено до конца года. Так что поднимемся в воздух как захотим.

Все расположились поудобнее, распределившись по внутренностям фюзеляжа.

— Наша авиакомпания рада вам со всеми пирогами! — обернулся Мора со своего кресла. — Приготовьте желудки и держите крепче завтрак.

Он дёрнул пимпочку, скрипнул рычагом, брякнул пумпочкой. Двигатель, бронхитно кашлянув, загремел винтом.

— Держитесь за поручни! Компосьявьте талончики! Не стоим в проходе! — проорал Мора, и самолёт двинулся по воде, набирая скорость.

Река по ходу их разгона делала крутой вираж в лес, и Загрибукины глаза всё больше расширялись по мере приближения к опасному повороту.

— Ы-ы-ы-ы... — завыл он.

— Спокуха, хрящ, болото наше! — рявкнул в подпитии конопатый лётчик и заголосил весело: — Я обернулся посмотреть, не навернулась ли она...

Самолёт ёкнул, подпрыгнул и взмыл почти вертикально над деревьями. Башкирец поискал глазами по салону парашюты, но их не было. Он развёл лапами и вздохнул:

— Мамочка, я больше так не буду...

И в этот миг на далекой планете Земля посыпалась на голову одному потерявшему надежду археологу щебёнка и мелкие камни.

— Что за... — начал было он и задрал кверху голову. И тут этот учёный копатель с удивлением и ужасом увидел, что лицо огромного каменного сфинкса слегка изменилось, и на нем отчётливо проступило родительское выражение, именуемое «ай-яй-яй, дети!».

Перелёт обратно в город А занял меньше времени. Может, оттого что ранее в темноте Мора летел медленнее и осторожнее, а теперь, закладывая лихие виражи, уверенно рвал когти вперёд. А может, оттого что настроение у всех было, как ни странно, поднятое донельзя, ибо все чувствовали себя вполне выспавшимися и напивавшимися по самое не икай. Загрибука занимал Мору в пути разными бесполезными вопросами, от которых всегда и всем становится веселей на душе. Нелепых кораблей-разведчиков они не встретили, и Мора поспешил прокомментировать это наблюдательное замечание Загрибуки тем, что днём нечего и некому бояться. Ведь даже самые

ужасные надуманные кошмары днём становятся лишь поводом для смеха, сами скукоживаются, стесняются и перестают вызывать поджильные нервотрясучки.

— Утро вечера смешней! — гоготнул он в конце разъяснительной беседы и повернулся в своем кресле ко всем: — Дорогие туристы! Спешу вас надоумить вкратце, что город, в который мы с вами непременно вскоре прибудем, имеет весьма разные районы в своем наличии, отличающиеся ну натурально всем.

— Чем всем? — потянулся затёкший в одной позе возле иллюминатора Слипёр.

— Архитектурой, назначением, освещением, жителями, настроением и много чем ещё.

— А как у них так, ёжки-матрёшки, получилось? — заинтересовался Дример.

— Вопрос, скорее, надлежит задать всем остальным городам Всея Сангхи! Ибо город А является-таки как раз идеальным проектом жилища городского уклада и типа. То бишь по вашему конкретному запросу я имею что сказать за эту тему!

— Набрался у меня одесского жаррргону, — проворчал с ухмылкой Башкирский Кот.

— О! Ворчание — знак согласия! — хлопнув по штурвалу, бугульмекнул Мора. — Тут, типа, такая история... Город расположен точно по частям света. Но так как части этого конкретного свету полоумно меняются местами, едва стоит одному светиле-солнышку затмить другое, то и город воротит свои бока, словно лесная избушка Бабы-Ёги с вращающимся фундаментом, многократно описанная во всех народных сказаниях всех планетных систем Всея Сангхи. Получается, что районы города непосредственно повязаны с астрономическими особенностями площади застройки. Так, северный район города именуется Зимним, восточный — Весенним, южный — Летним...

— А западный — Осенним, — закончил за Мору, зевнув, кот и пропел тягуче: — Лица жёлтые над городом клубятся...

— Точно! — Мора кивнул, мотнув вихрами. — Но и это ещё не всё. Улицы в каждом районе также имеют названия, тесно связанные с надлежащим временем года. То есть в Весеннем районе, к примеру, указаны улица Подснежников и улица Рассветная. В районе Летнем пролегают Жаркая улица и улица Знойная. В Осеннем районе — улицы Листопадная и Дождливая. И так далее.

— Очень удобно! — заметил Загрибука.

— Конечно! — Мора подмигнул. — Можно посмотреть название улицы на любом доме и сразу понять, в какой части города ты находишься и что можно тут найти, чем заняться и кого повстречать.

— Например? — Дример полез по карманам, но, увы, курева не было. Выстиранные глубины комбинезона сияли пустотой. Он попытался вспомнить, куда делось его вселенско-важнющее полотенце, и отметил, что тряпицы эти, послужив Слипёру портянками, безвозвратно потерялись при буче, устроенной Черепахой-Тротиллой. Немного огорчившись по этому поводу, он вдруг упомянул про подарки Мора и удовлетворённо погладил нож, который пристроил у себя в ботинке. Фонари и таблетки для очистки воды теперь кочумали в новой непромокаемой сумке Слипёра.

«Ну и нехай, обойдемся без полотенец», — кивнул про себя Дример и успокоился.

— Почти весь Летний район застроен старыми низкими домами и уютными двориками с беседками, — болтал весело Мора за штурвалом. — Ну да вы и сами вошли в город через Летние Ворота, а потому всё видели. Все эти ратуши, башни старинные, черепичные крыши с флюгерами...

— А вот на отдалённых Слоях вселенной, — лениво заметил Башкирский Кот, — улицы в городах частенько называют именами героев, погибших в битвах, разных там пррредводителей походов и замыслов, вошедших в историю...

— Напрочь не фэншуйно сие, друже! — замотал вихрами Мора.

— Это точно! — фыркнул кот, свернувшись на подозрительных пыльных мешках.

— В месте своего проживания и крайне желанного процветания называть улицы именами умерших людей, по сути, трупов, очень плохо. И, конечно, такое неблагоприятное поведение ни разу не способствует радостной жизни и расцвету такого города. Получается, что люди живут практически на кладбище. Это ж надо додуматься, улицы именами мёртвых называть! Ужас! Наверно, жители таких городов постоянно болеют организмами и страдают депрессиями. В городе А дела обстоят совсем иначе, друзья мои. Тут всем жить хорошо и удобоваримо в разношёрстном соседстве. В Весеннем районе, скажем, продаётся всё, связанное с весной, с возрождением, строительством, проектированием. То, что имеет отношение к зачинанию новых дел и занятий.

— Совсем неплохо устроено, — заметил Слипер. — А что в других районах, скажем, в Осеннем или Зимнем?

— В других? — обернулся на него Мора, и в его глазах блеснул опасно-озорной огонёк. — А вот что! — и он крутанул штурвал со всей дури.

В головушке у всех на мгновение потемнело от перегрузки. Самолёт завалился крылом в пике и начал с нарастающим рёвом падать.

— Перед вами Зимний район города А! — торжественно объявил Мора. — Идём на посадку!

— Триетить мои печёнки! — прохрипел было Дример, но тут он в иллюминатор узрел лежащий внизу пейзаж и обомлел. Да, там уж в который раз было на что глянуть.

Зимний район города А представлял из себя планомерно застроенную небоскрёбами огромную территорию. Небоскрёбы были разные формой и высотой. В основном количестве стеклянные и зеркальные. Цвета покрытий стен и окон варьировались между всеми оттенками небесного, от белого через серый и синий до тёмно-фиолетового. Улицы простирались прямые, словно расчерченные по линейке. Высота некоторых зданий была совершенно умопомрачительная. И главное, Дример не мог понять, как удалось не заметить издали эти громадины, когда они давеча подходили к городу и имели тёрки с караульными пигалицами. Самолёт плавно описал дугу над пиками зеркальных башен и ушёл вглубь, шнырять между домами в поисках посадки. Вскоре Мора разглядел то, что ему было нужно, и уверенно повёл аэроплан в узкий проход между двумя синими, вздымающимися к небу жилыми комплексами. Мерцающие в проходе бирюзовенькие огоньки свидетельствовали о свободной посадочной дорожке. Загрибука вцепился в нечто,

подвернувшееся под руку, но напрасно. Мора учтиво и мягко коснулся земли и, как на показном параде, слегка прокатившись по полосе, остановился перед заграждениями.

— Ждите меня там и тута, у того и ентого бетонного забора, — сказал он, не глуша мотор. — Я только определю своего крылатого в стойло под заботу и подойду.

И лишь спустившись на твёрдую землю и отойдя в сторону от самолета под навесы зданий, вся наша компания смогла как следует осмотреться.

Между многочисленными, отражающими друг друга домами неприличной высоты парили вертикально в воздухе огромные, почти треугольные, серебрянные птицы-корабли. Здрава кверху нос, они практически неподвижно висели, словно чудные скаты в морской глубине, и некоторые едва шевелили кончиками треугольных крыльев. Корабли были явно из очень гибкого материала. Один из них на глазах у изумлённых Слипера и Дримера вдруг завернулся в собственные крылья, словно в плащ. Затем он погасил мерцающие по периметру огни и замер в воздухе, похожий на куколку бабочки, свисающую с дерева на шёлковой нити. Некоторые из этих скатов-кораблей оживали, разворачивались в треугольник наподобие воздушного змея. По их брюху начинали пробегать огоньки, а затем искусственные птицы медленно поднимались в небо. Несмотря на огромные размеры, двигались они чрезвычайно плавно и ловко проделывали сложные манёвры прямо между хрупкими на вид высоченными домами.

— Вот это птички так птички! — ахнул Дример, сдвинув Шапку-Невредимку на затылок и уставившись в небо.

— Ничего похожего никогда не видел! — подтвердил Слипер, попутно радуясь обрётённой обуви.

— Знаете, ребята, — сказал Загрибука, не отрывая глаз от парящего в небе чуда, — спасибо, что так всё получилось и я тут оказался вместе с вами! А то ведь прожил бы себе там, в Лесу, свою жизнь, словно кикимора огородная, и никогда б не увидел этой красоты!

Один из громадных птиц-кораблей затрепетал краями крыльев, медленно поднялся над небоскрёбами, а затем, полностью распрямив себя в плоский треугольник, вдруг неслышно взмыл вверх и исчез в слегка сиреновом небе. При этом все поразились, с какой скоростью и одновременно плавностью он это проделал.

— А-а-а-а, любуетесь, — подошёл к ним Мора.

— Это шо? — кивнул на невиданное чудо Дример.

— Это лайнеры дальних перелётов, — став серьёзным, оседлал любимую тему Мора. — Виманы. Я ж вам говорил давеча, помните, в гараже? Это корабли, способные пересекать Барьеры между Слоями мира. Каждый корабль — живой, кстати. В смысле, обладает собственным искусственным интеллектом, имеет своё смоделированное «я». И каждый состоит из энергии чрезвычайно подвижного состава. Может изменять форму, плотность, размеры, конфигурацию, даже саму материю корпуса в зависимости от того поля движения, где находится.

— Сам летит куда захочет? — Загрибука вытаращил глаза.

— Ну почему же куда захочет, — засмеялся Мора. — Он вообще сам никуда не хочет. А летит он туда, куда курс укажут. Капитан, садясь в такой корабль, полностью сливается с ним. Как бы вырастает в него всем своим телом. Даже разумом. Получается сдвоенный интеллект — пилота и корабля. Только один из них всё-таки существо живое, личность, со своими задачами и желаниями, а второй — лишь созданная выполнять приказы сложная машина.

— Одни мозги на двоих? — изумился Слипер.

— На время полёта — типа того, — подтвердил Мора. — Зато капитану не нужно держать в голове кучу информации. Все маршруты, звёздные карты, чертежи подпространственных переходов и тоннели Путей С Общением — всё это лежит в памяти корабля, но в любое время доступно для непосредственного использования разумом пилота. К тому же управляющий телом корабля чувствует его как своё. Не на датчики глаза шурит, а всё сразу своими печёнками чует сам. Ну и птах летучий в ответ выполняет и повторяет любые умоблуждания хозяина.

— Получается, машина управляется мыслью? — выкатил глаза Загрибука.

— Он тебе это ещё вчеррра пытался вгугарить! — проворчал Башкирский Кот, тоже не без интереса поглядывая на плавающих в воздухе искусственных полуптиц-полускатов.

— Не только мыслью, — подтвердил Мора, — но и любым движением эмоции и даже предчувствия. Так что мозги свои там нужно уметь держать в полном порядке и контроле.

— Понял, Загрибыч? — хмыкнул Дример. — Под контролем извилину нужно держать! — Тут он поглядел на Слипера и усмехнулся: — А уж с тобой и так всё понятно, как и со мной! Чайник набекрень и свистулька без цепочки! Я разве что кота охотнее пустил бы за руль...

— Благодарррю за доверррие, — поклонился Башкирский Кот. — Но глубоко сомневаюсь в своем искусстве шпорить себе мозги. Уж лучше на трамвае Красной Тюбетейки трястись по окружной, чем в брюхе этой пташки с откидным верхом по магистрали. Не по мне эти понты с крутыми тачками.

— Тут помимо лайнеров много чего вертляет под облаками. — Мора махнул рукой: — Пойдёмте. И не зевайте особо по сторонам. Коли потеряетесь, выходите к реке. Тут любой знает, где она и как к ней попасть. А там есть буксирная станция. Вот ежели шо приключится, там будем стрелку забивать.

— Гы-гы, и белку окучивать, — кот поднял хвост трубой и зашагал вперёд.

Не прошли они и пары кварталов, как убедились в правоте слов Мора. В небе то и дело появлялись и совершали головокружительные виражи странного вида штуковины. Одни были похожи на самый что ни на есть сдвоенный автобус или на трёхвагонный трамвай. Они были утыканы антеннами и выростами и с глубоким, но тихим гулом проносились то там, то сям, выныривая из-под облаков, мгновенно снижаясь и меняя курс.

Загрибука крутил головой во все стороны, грозя свернуть себе шейные позвонки.

— У тебя, говорил, дела были какие-то, — вскользь заметил Башкирский Кот Море.

— Да, надо найти одного кренделя. Есть у нас тут персонаж одиозный, занимается исследованием спонтанно и подконтрольно сжимающихся измерений.

— Ой, а что это такое? — затрепетал ушами профессор болот и лесопарков.

Кот закатил глаза и скривил в ухмылке пасть, а Мора принялся пояснять Загрибуке заветно искомую истину всех выпусков киножурнала «Хочу всё знать»:

— Понимаешь, существует много способов спрятать что-либо. Но один предприимчивый мужичок, из живущих ныне где-то в этом городе, изобрёл способ ныкать не только предметы, но места, где убаюканы до поры эти предметы.

— Это как? — прищурил глаза Дример и стал в полуха ловить на ходу Морину беседу. А для пущей уверенности, что ему и вовсе не интересно, о чем идет речь, он засвистел легкий мотивчик и стал пинать попадающиеся камешки. Его мнимое равнодушие вызвало придирчивый интерес Башкирского Кота, который, в свою очередь, теперь тоже наострил уши. Ну так бывает, сами знаете, когда один что-то сказал, второму до жути интересно, но он показательно понтуется, что, мол, мне пофигам, а потому третий, видя всё это, понимает, что сейчас он может услышать действительно нечто важное, и так по цепочке все присутствующие при сказанной изначально фразе впадают в коллективную паранойю и усиленно выпячивают уши. И это в то время, когда первый рассказчик, кинувший заповедную тираду, продолжает нести полную ахинею и околесицу, чем вносит в общий мандраж только ещё большую таинственность и доказывает важность происходящей бредятины. Узрите, о люди, сколь хитроумны и идиотичны игры разума в замкнутом пространстве приятельской беседы. А главное, что эхо всего этого можно услышать ещё и на третий опосля день и сказать наконец-то: «Да вы чё, совсем мозгов лишились все?! Я так и думал! А потому вот вам всем талончики на приём к психиатру! Я лично взял заранее, ещё вчера». И тут же понимаешь, что ты — такой же параноик, как и те, кого ты только что настоятельно отправлял на медицинский допрос с пристрастием. То бишь задело всех и посекло нещадно. А кто виноват? Эээ... О том и речь. Попробуйте начать с начала всего этого абзаца и проследить историю болезни, а когда закончите, я буду ждать вас в конце с номерным талончиком в тот же кабинет. Так что там у нас?

— А так, — увлеченно лопотал Мора, — что можно взять и какую-то часть местности, ну, там, лужайку с домом, а можно и весь район города заныкать в подпространственный щелевой кармашек.

— Есть тут у нас жертвы синдрррома Ныкальщика-Щелевика, — заметил кот, сплюнув веером сквозь полсотни зубов.

— И никто ни в жисть свою потрёпанную не узнает, — увлеченно орал Мора, — куда енто запропастилась любимая улица со всеми потрохами, включая обожаемую булочную и собственный дом.

— Да иди ты! — изумился Слипёр.

— И так уж шаркаем всюю! — Мора аж запыхался совмещать экскурсионную трепотню с ходьбой. — Скоро у цели будем. Да вот и оно!

Они вплотную подошли к серому небоскрёбу. Загрибука поглядел вверх, задвинув свою помпончатую шапку на затылок. Головушка у него закружилась, а где-то под желудком сделалось

пусто и вызывающе попросилось слиться всенепременно тут же с пустотой внешней. Но профессор решительно отклонил эту встречу и лишь шумно выдохнул носопырками.

— Нам навверх? — спросил Загрибука, и, судя по обреченному виду, ответ был для него уже печально очевиден. За время совместного выкрутасветного путешествия он уже стал привыкать к собственному везению по части перепрыгивания через свои же голову и задницу. Проще говоря, судьба всё никак не хотела оставаться равнодушной к спокойному существованию Загрибуки и продолжала раз за разом испытывать прочность его психики наряду с нервами и устойчивостью пищеварения.

— Путь твоей Дхармы, дорогой прррпрофессор, принимает ныне чрезвычайно вертикальный оборот, — Башкирский Кот ободряюще обтёрся о Загрибуку, чем едва не сшиб его с ног вовсе. — Крепите желудок и обмотайте бинтами свои потрёпанные невзгодами нейроны. Вас ждут не какие-то там великие дела, обещанные в глубокой древности графьям с графинами, но самая настоящая высота, взятие которой позволит вам соприкоснуться с тайной неизлечимой наркозависимости альпинистов, кои всю свою жизнь лезут в горы, словно муравьи на сосну. При этом, многовсемиуважаемый прррпрофессор, хочу заострить ваше внимание на том, что муравьи те самые ни в раз не глупые, и лезут на сосны эти свои не просто так и не ради праздной веселухи и развлечения, а за провиантом и строительным материалом. И таки наличие сего на долбаной треклятой сосне было заранее определено, удостоверено и зафиксировано доблестной муравьиной же разведкой, частично погибшей при исполнении этого великого для всея муравьиного народа задания. Чуешь, брррат? — Кот грозно сдвинул брови, полинял глазами и героически посмотрел на Загрибуку.

— Честно? Нет, ничего не чувствую, — ответил тот, слегка потряхиваясь от предвкушения героической гибели во имя всея народа. — Ни жратвой, ни кирпичами здесь и не пахнет. И в разведку не пойду.

— Всяко, Загрибыч! — мурлыкнул кот и ободряюще улыбнулся фрезерно-токарной пастью. — Ты ж не муравей. Снимай ногу с торрррмоза, пинай мозг и узри высочайшие свершения своей личности на пути Дхармы, которые тебя всенепременно ожидают на вершине этой стеклобетонной хижины. А иначе придёт серый напрочь шайтан-оглы и укусит тебя за филе!

— Тьфу тебя! — вздрогнул Загрибука. — Только и знаешь, что страсти мордастые наводить. Сам потом психиатра будешь мне оплачивать.

— Что ты там за Дхарму тёр? — услышал краем уха разговор Мора. — Я вот только ругаюсь этим словечком, когда невезуха обрушивается, — он хохотнул. — А чё это по теме и развёрнуто?

— Дхарма, о сиятельный вихрами наш юный ддрруг, — важно подбоченился Башкирский Кот, — согласно среднему арифметическому толковательных словарей всея заселяющих Всенебесную Загогулину означает следующее в прямом переводе: постоянство, закон, долг, обязанность, верность, традиция, путь служения. А теперь всё это соединяем в одно, и н[а] тебе — получилась ента самая Дхарма. Во всей кррррасе. Если по-застольному и проще некуда, Дхарма есть то, что нам всем и каждому в отдельности одиночной надлежит сделать в обязательном порядке в течение

всех своих жизней, последовательно и всенепременно, и что повелено нам Потолочным Разумением без всяких на то объяснений и инструкций. Коррроче, типа, хорош трепаться и плати по чеку! Понял?

— А-а-а... — протянул Мора. — Ишь ты, высшая экономика, все дела...

С этими словами он ввалился в высокие стеклянные двери, а за ним последовала и вся компания. Они прошли сквозь чрезмерно вместительный холл и остановились перед совершенно плоскими эбонитовыми дверями без ручек.

— Шо дальше? — спросил Дример.

Мора молча нажал на кнопку в стене. И над дверью засветились какие-то значки, сменяя друг друга.

— Круть! — воскликнул Слипер. — И чё там?

Тут значки перестали мигать, и дверь распахнулась, причём половинками разъехалась в разные стороны. За ней была маленькая комната с зеркалами.

— Прошу всех сюда, наверх поедем, — сказал Мора и зашел первым.

— Круть! — повторил Слипер и шагнул следом.

Дример осмотрел косяки проёма и молча присоединился к брату. Замешкавшегося Загрибуку пришлось слегка подтолкнуть Башкирскому Коту, который не преминул вставить:

— Не дрейфим, прррrofессор! Помните о вершинах! Вы сейчас на порядок выше любого альпиниста хотя бы по разумному соображению касаясь поставленной задачи и полезности оной. Только вперррред!

Едва они упихались все внутрь, Мора нажал кнопку в стене, и двери мягко закрылись.

— Алга! — сказал Мора, и комната ощутимо дрогнула под ногами и плавно взмыла в высоту.

Загрибука прикрыл с тошнучести глаза, ибо воображение услужливо нарисовало ему, как они несутся по неведомому тоннелю к самой крыше, а потом лифт (а это был он) пробивает её и взлетает по инерции в небо, словно ракета. После чего, естественно и сообразно законам физики, испытываемые описывают широкую дугу и падают с умопомрачительной высоты, чтобы расшибиться в армянский лаваш. А армянский лаваш, дорогие читатели, очень и очень тонкий. Что, вы тоже видели такие сны? Стало быть, разговор о талончике к врачу и паранойе был не так уж и некстати. Эге-гей, ёктить, я не один в очереди...

— Химиё-моё! — только и изрёк Слипер.

К неожиданной радости Загрибуки, комната вскоре замедлила движение и остановилась. Эбонитовые шторы разъехали в стороны. Перед ними вправо и влево уходил коридор с множеством дверей.

— Чумовой он мужик, вот увидите! — весело заметил Мора попутчикам, выходя из лифта и двигаясь по коридору направо. — Изобретатель! Мы с ним столько всего наизобрели, что в какой-то момент оба опухли извилинами. Стригунки боевые, которыми от стрекозявок отбивались, — наша работа. Он боевой патрон снарядил, а я всё дело на ветроляцию поставил. Такая штука получилась! Летит эдакий крокозяборный триждыгидрид пердохлоридованный и метит

пулятельными стрелами все лесные углы, словно соплями в оттепель, и ни единожды триетитьную стрекозьявку не пропустит! Нам в ту пору за енту штуковину отвалили много чего хорошего. Я тады на радостях и начал строить виману по кускам. Думал, вот соберу умолёт этот мозгометательный и подамся куда-нибудь подальше, мир посмотреть. Как в книжках. Читал, Дример, когда-нибудь про разведчиков далёкого космоса?

— Ну... Хм... — Дример замялся на ходу, поглядывая на двери с табличками.

— А я читал, — Мора мечтательно катнул зрачками к потолку. — Ну да ладно. Это ж потом только выяснили, что по космосу никакие корабли шастать не могут, и ни к каким планетам на них не добраться. Ну, там, про радиационные барьеры додумались, про гравитационные пропасти между звездами, про залежи тёмной материи с её кишковыворачиванием. А раньше — тогда ведь все такой надеждой жили, все мечтали о покорении космоса, о ракетах, о дальней космической разведке. А всё, блин, оказалось под самым носом, все эти Коридоры По Связям С Обществом и Лабиринт, Загогулина ента Небесная, чтоб ей крутилось фигуристой на катке! — Он неожиданно встал как вкопанный и тихо изрёк: — Пришли!

Перед ними была тёмного дерева дверь с золотой табличкой «Шкындырбыр Шкындырбаевич Шкындырович».

— Вот тута друган мой и живёт-поживает! — И Мора постучал в дверь кольцом, вдетым в ручку. Сначала три раза, потом один, потом четыре.

Загрибука очень выразительно поднял брови.

— Число «фи» — 3,14, — пояснил Мора.

— А-а-а... — протянул Загрибука, — Я знаю. Только у нас его называли числом «би».

— Почему «би»? — удивился Мора.

— А почему «фи»? — изогнулся бровями в ответ Загрибука.

— А не знаю.

— А вот такая же фигня! И никто не знает.

Дример задумчиво посмотрел на Слипера, явно что-то наморщив внутри своих мозгов. Слипер поймал этот многозначительный неоформившийся взгляд и спросил Дримера одними глазами «ты думаешь, в этом что-то есть?», и получил также одними глазами с применением левой брови ответ «ну кто его знает, стоит подумать».

Дверь распахнулась. На пороге стоял Шкындырбыр Шкындырбаевич Шкындырович.

— Сдуй мои пилюльки! — оторопел Слипер.

— И вам... того же... В смысле, не болеть! — ответил невозмутимо Шкындырович и сделал шаг в сторону, улыбчиво приглашая войти.

Он был как две капли портвейна похож на третьего дня виданного ими Духа Кого, и, судя по приятельскому подмигиванию в сторону Загрибуки, он им и был в той самой, часто упоминаемой пацанами на районе, натуре.

Всё те же немного сутулые плечи, морщинистые пожелтевшие руки в коричневую крапинку, пенсне и даже потрёпанная шаль, только нынче завязанная на поясе. На голове у Духа теперь пылилась побитая веками, бывшая когда-то чёрного цвета шляпа с пожёванными широкими полями. К тому же Кого совсем отпустил бороду. Ну, вообще отпустил. И она радостно стала шириться и расти во все стороны. Башкирский Кот пятой точкой, или попросту своим хвостатым ОКЛЖПэ, тут же почувствовал, что Дух Кого не особо желает раскрывать Море свою истинную должность по всем регламентам красы и статуса. А потому котяра, мягко обернувшись вокруг Загрибуки, ненавязчиво заткнул ему рот хвостом и оттеснил мимо Кого за дверь в сторону предполагаемой по запаху кухни со словами:

— Дорогой Шкындырбыр Шкындырбаевич, кэээрлэ, понимаешь ли, наш дуслар, если б вы только могли знать, как мы все рады с вами познакомиться! Глубокое уважение вам! — Кот старательно запикивал вперёд себя Загрибуку в коридор, пока тот тщетно пытался что-то пробубнить сквозь жёсткую поросль кошачьего хвоста.

Слипер и Дример тут же всё поняли и быстрыми пинками помогли коту. Мора в пылу встречи и не заметил ничего, весело притоптывая в хвосте гостевой процессии и радостно улыбаясь приятелю:

— Ну как ты, Шкындырбаевич?

— Отлично, друже! — ответил ему Дух Кого в той же свойской манере и хлопнул своей ладонью по ладони Мора. — Столько движухи вокруг происходит, аж голова круголями! Ты там сидишь на своей фазенде, аки Небоська с Авоськой, природа, погода, огурчики с грядки, и ничё тебя не колышет. А вот и правильно, Мора! Я тебе всегда это говорил. Ни к чему уважающему себя исследователю вся ента шоб-её-затык-цивилизадница. Уважаю я тя за мудрую задвинутость твою от суетных и бесполезных дел цивилизанных. Живи там и радуйся. На то у тебя и есть приятель навродь меня, чтоб новости последние рассказывать. Проходи, друже, сейчас чайником свистнем на кухне, разольём по пиалушкам корешки с листиками и отмолотим язык как последует!

Пока Кого с Морой обрядствовали (в смысле, совершали товарищеский обряд вступительного словоблудия), наши туристы уже воссели на кухне, и Башкирец аккуратно освободил пасть Загрибуке.

— Слышь, брррателла, — котяра назидательно выставил перед Загрибукиным носом указательный коготь, — ты за правду-матку не шурши, понял? Все остальные уже давно допургопетрили, что Кого за другого себя выдаёт, один ты тут в бой рвёшься с шашкой комсомольской правды наперевес! Так что, боец, ксиву в карман, сдать оружие, и никаких «давно не виделись»! Усёк?

— Усёк! — Загрибука закивал головой, отчего нелепая жёлтая шапка стала бить его по носу своим синим помпоном. — От, блин с компотами, я чуть не...

— Потому с хвостом во рту и зашёл, — закончил кот. — Хорошо хоть не кусил. Бешенством не болел, часом? Да ладно, шучу, шучу... Короче, Загрррибыч, ты енто...

Но тут в кухню зашли Дух Кого, то бишь, как мы договорились сейчас же и туточки, Шкындырбыр Шкындырбаевич Шкындырович собственно с персоной Моры под ручку. Загрибука отчаянно закивал Башкирскому Коту, мол, я всё понял, но тут Дример наступил ему на лапу ботинком и прошипел:

— Голова отвалится. Не вибрируй — не пейджер!

Шкындырович без умолку болтал, развлекал гостей шутками, прибаутками и хохотунцами, совсем не похожими на его прежние велеречивые манеры. Странный чайник, привязанный диковинным шнурком к стене, действительно засвистел в какой-то момент и одарил опосля сего кипяточком, кой залили в посудину поменьше, куда заблаговременно покидали скрученных листиков и пару благоухающих корешков. Нашлись тут же крендельки печёные. А покуда все чаёвничали, Шкындырович успел и супчику согреть наваристого. Мора лишь изредка задавал вопросы и хохотал по поводу ответов, а сам доклад вёл Шкындырбыр Шкындырбаевич. Он рассказал про город А более подробно. О том, что город сей действительно является некой базой для многих и многих исследователей, которые стекались сюда в течение нескольких поколений со всех концов Небесной Лабиринтовой Загогулины. Рассказал и о том, что расположение города А делает его действительно уникальным местом для проведения многих экспериментов по части освоения новых Слоёв виброчастот реальности. И что случаются в городе и плановые крупные опыты с новыми измерениями. Подтвердил также, что архитектура города и его географический статус имеют свойство меняться в зависимости от погодных условий, астрономических особенностей и влияния близости других, чужих нашему пониманию измерений. Некую стабильность реальности, конечно, удаётся сохранять, иначе и вышедши за хлебом можно было б своего дома уж и вовсе никогда не увидеть боле. Но всё-таки периодически разнокалиберные предметы странным образом подменялись, а иногда метаморфозам подвергались и жители.

— Любая ж[и]ва ко всему, понимаешь ли, привыкать способна и всегда ратует за скорейший «коннектинг пипл», так что ужились мы тут как-то со временем, все разные и несурзные, — дзынкал ложкой в кастрюльке новоявленный нашим туристам Шкындырович.

— А что такое «жива»? — с набитым крендельками ртом спросил Загрибука.

— О, это — одно из самых старых определений души, — умилительно и по-матерински посмотрев на Загрибуку, ответил Кого-Шкындырбаевич. — «Жива» означает на языке Кхе живое осознающее существо. Это ампутированная от цельного и неделимого Потолочного Разумения световая часть, которая невозмутимо и нагло самоосознаёт своё собственное отделённое существование в любых условиях и при любой погоде, то есть, по-нашему, по-бразильски, просто душа, обособленное «я», в любых ему заблагорассудочных формах. Изначальное личностное осознание. Дух!

Тут Шкындырбыр-Дух-Шкындырбаевич-Кого-Шкындырович издевательски подмигнул всей нашей честной туристической компании, и в особенности Загрибуке.

— Вот это и есть жива, — закончил он. — Все мы да на каждого в отдельности.

— А что за язык Кхе? — не унимался Загрибука.

Шкындырович улыбнулся и, наклонившись к нему, доверительно прошептал:

— Видите ли, профес...

Слипер выразительно поднял бровь и наступил на ногу Шкындыровичу.

— ...профессиональный интерес заставил меня обратиться к древним боевым языкам, — Дух Кого благодарно глянул на Слипера, чуть ли не оговорившись званием Загрибуки, которого, по своей шпионской легенде, он ну никак знать был не должен. — В частности, к языку Тори. Это боевой язык, использовавшийся в древности почти во всех Слоях мира, один из диалектов изначального языка. В несколько искаженном виде он до сих пор употребляется при навигации пилотами виман, которые вы видели по пути сюда.

— Да, грандиозные штуки! — подтвердил Слипер. — И как таким птенчиком можно управлять — не представляю! Мозги же вскипят!

— Вот-вот, — продолжил Шкындырович. — А далее всё непросто. Древний язык Тори делится на несколько языков и наречий в свою очередь, и не просто так делится, аки бессистемная инфузория под микроскопом, а в зависимости от условий применения. То есть весьма разумно, ибо язык сей, по преданиям бабушек наших, которые были все уже тогда крайне «пра-», дан был живам самим Потолочным Разумением для всеобщего общения и наведения того самого «коннектинг пипл» в различных закоулках Лабиринта. Так вот, как известно всем живучим с детства голопопого, реальность имеет несколько стихийных состояний. Сейчас разложим по порядку. Первое её настроение: измотательный застоячий сушняк, ломколомающий с перцем и специями, придающий всему осязаемому легкомысленную хрупкость. Второе: всепрелезающая мокрочность под- и над-изливающаяся, туманами ползучая и ведром за шиворот запрокидывающаяся. Третье: стеклорежущая железоканальная остроугольность, травматологически недружелюбная и кармически-хирургическая. Четвёртое: текучая взаимопроникаемость, через-голову-жопу-ноги-становящаяся, форму обновляющая. Пятое: суетливо-скоропалительное смещение по всем статьям, чтоб нефиг. Это когда всё летит и падает, устойчиво приближаясь к полу или земле своим фейсом. Шестое: вязкое пекло грязевого болота с перемежающимися холодильно-пробирающими нервндрожилками и зубостучанием. И седьмое настроение: заоблачно-потолочное состояние висючести в головокружительном затвердении мягкого в твердое, а твердого в мягкое. Чердачная мансарда мирового шара, пентхаус вселенной. Все эти неврозные состояния реальности называют Семейю Сезонами Семи Зверей. И все они соответствуют разным сочетаниям стихий. Так вот, слово «Кхе» и обозначает описанный мной в самом начале Сезон Засухи. Закатной засухи, как ещё его называли, ибо сопровождается определенной закатной палитрой цветов. Или Сезон Тростника, как его называли на Барьерных Краях мира.

— Почему тростника? — Глаза Загрибуки окончательно округлились до состояния полнолуния.

— Потому что сухой, ломающийся, высохший донельзя изнутри и снаружи тростник — самый близкий образ этого состояния. Кхе — не только понятие, определяющее состояние природы, но и сам по себе цельный язык образов, связанных непосредственно с этим состоянием, ибо есть миры

и территории, которые пребывают в нём доминирующее количество времени, — пояснил Кого, снова сбиваясь на прежний научный тон. — Кхе — это также целая школа боевого искусства, построенного на владении своим телом в условиях данного состояния мира. Кхе — это отдельный самостоятельный образ мышления. Кхе — это состояние разума. Кхе — это целый раздел философии. Как и любое значение в изначальном языке, слово «Кхе» означало широчайший раздел, включающий в себя всевозможные части и направления развития данного образа. Кхе — это даже не что-то внешнее, а именно внутреннее состояние. Состояние духа и разума, возникающее в ответ на определенные условия существования. Изначальный язык был многогранен и предусматривал под собой не только вербальное общение, но и язык жестов и мимики. К примеру, этот жест, — Шкындырович показал вывернутый вниз кулак, как при ударе под дых, при этом выставил вверх вытянутый мизинец, а большим пальцем прижал фалангу указательного пальца сверху, — это и есть слово «Кхе»!

— Пррроглоти мою пельмешку, ну вы даёте! — Башкирский Кот заворожённо слушал весь этот доклад и был явно поражён столь таинственными и древними познаниями. — Прям шалашом родным пахнуло! У нас дома тоже вот так объясняли, похожим образом...

— А у вас — это где? — спросил, прищурившись сквозь пенсне, Шкындырович.

— Я и сам не очень помню, — отступил кот. — Но вот когда вы всё это говорили, дык прям, как свет в тоннеле Красной Тюбетейки, что-то забрезжило, осветилось в памяти. Только не удерживать. Но насчёт боевого языка и про Кхе я уже точно не в первый раз слышу.

— А что-нибудь ещё про язык Тори можете рассказать? — попросил Слипер. — Уж больно интересно.

— Ну хорошо, — согласно кивнул Шкындырбыр Шкындырбаевич. — Язык первых заселенцев вселенной был очень практичен. Он создавался сложнообразным. Одно слово могло означать целые системы понятий или даже общее направление, в котором существо могло развивать мысль далее. К примеру, слово «кель-ке-даль-ё». Оно обозначало изначальное свойство существа на уровне души. Духовный талант. Например, знавал я одну девчущку по имени Бузябузя. Она в жизни ничем не отличалась от других, в смысле ноги-руки на месте, голова сверху. Только вот в некий важный момент, когда нужно было что-то спрятать, желающий заныкать свой ништяк обращался именно к ней. И она прятала любую вещь, да так, что никто чужой ни в жисть свою задрипанную сего не мог найти. И точно так же она могла найти потерявшуюся вещь. Вот бывает, что человек потерял нечто важное и повседневное, к примеру, свои очки или ключи от дома, или любимую побрякушку, или амулет. И если рядом оказывалась эта самая Бузябузя, то она просто на какое-то время вставала молча посреди дома, а потом быстро и безошибочно находила потерявшуюся вещь. И талантом этим она владела с самого рождения. Вот это и называется — «кель-ке-даль-ё». Изначальный талант живы, отличительное свойство души. То, что конкретно ты умеешь делать лучше других. И если, к примеру, существо в своей жизни быстро сообразило, в чем состоит его кель-ке-даль-ё, то может руководствоваться им в плане выбора дела своей жизни, профессии. И в этом случае индивидуум не только становится признанным Мастером своего дела,

но и обретает истинное счастье от того, чем занимается всю жизнь. Настолько велико знание о своём кель-ке-даль-ё. Или, наглядного пособия ради, слово «йох-ха-нга». Это понятие означает скользящее движение вперёд с предельно сконцентрированным вниманием, причём в самой низкой стойке, распластавшись по горизонтальному периметру, при максимальном продольном ускорении. Сочетает в себе движущие силы быстрого острого воздуха и прохладной воды сильной горизонтальной текучести.

— Это всё очень сложно, — проговорил Дример, нависая над тарелкой с супом.

— В теории, возможно, да, — отозвался Шкындырович, открывая форточку окна и любуясь высотным видом, — но именно поэтому языку Тори учили почти всегда практическим способом, через ссадины и ушибы, и с самого малолетства, ибо у любого живого существа есть генетически заложенная программа потенциальной возможности самообучения, и она, зараза такая, отводит существу на каждый урок весьма короткий промежуток времени.

— Чё-то я ничё не понимаю, — застыл с ложкой в руке Слипер.

— Да шо непонятного, — проворчал Дример. — Дык всё ясно как Пень Святочный! Уронили вот тебя башкой в пол по малолетству, а покамест ты лечился да очухивался, в себя приходил, время, отведённое тебе твоими внутренними генетическими часами на овладение навыками логического мышления, прошло. И второгодников в этой школе нет. Не успел — всё, аля-улю, гони Мудода, останешься на всю жизнь с подкошенными мозгами.

— Эт чё, он верно говорит? — возмутился Слипер, оборотившись к Шкындыровичу.

— Точняк, братан! — согласился тот. — На доступном дошкольном примере это выглядит омерзительно и наивно в своей простоте. Коли чувака вовремя языку общения не обучили, то в какой-то момент его генетическая прога говорит: «Хорош салаты мусолить! Переходим к первому блюду, готовим ложки, борщ в студию!» И всё. И сколько потом чувака словарями не мучай, сколько ему указкой по шее не мутуз, сколько педагогов в психушку не отправляй — всё ему до фени с фонарём. И ничего паренёк толком уже гутарить не будет, ибо время его внутреннее на обучение гутаренью ушло безвозвратно. По крайней мере, в этой жизни. И так со всем остальным интеллектуальным знанием.

— Мумиё-моё! — ёкнулось Дримеру.

— Где же вы, ррродители, куда же смотрит школа... — запел Башкирский Кот и тоже подтянулся на подоконник к Шкындырбаевичу.

— Мда... — только и промямлил Загрибука закрывшимся наконец-то ртом и, хрумкнув крендельком, заарканил себе первую ложку борща.

Все занялись своими тарелками, и какое-то время было слышно только звяканье ложек.

— Знаете, — начал было осторожно Башкирский Кот, который задумчиво отмалчивался некоторое время на окне, — а ведь я тоже памятую кое-какую историю из своего прошлого, удивительным образом пересекающуюся с тем, что поведал нам токма шо уважаемый Шкындырбыр Шкындырбаевич, глубокое уважение его семье.

— Что за история? — хлопнул Загрибука и тут же виновато отложил ложку.

— Да ешь, ешь, Загрибыч, — как-то уж совсем по-отцовски, ласково успокоил его Башкирский Кот. — Сказка та не моя, но странным образом она во мне есть. А также есть у меня уверенность, что я к ней был каким-то образом причастен. Может, пробежал где-то рядом?

Шкындырбыр-Дух-Шкындырбаевич-Кого тоже уселся за стол с гостями, налил себе чаю и приготовился слушать. Все замолчали. И в этой тишине раздавалось только сопение кота, который собирался с духом или памятью. Наконец Башкирец повернулся на подоконнике, свесил лапы на кухню и, встопорчившись шерстью, начал рассказ, нечаянно скрежеща время от времени отточенными клыками.

Сказка дедушки Мыгута номеро трес: Кошачья история о собачьей жизни

Жил в одном городе на одной планете паренёк. Обычный паренёк. Челобречной породы. Ну, вот как Шкындырбаевич сказал бы, ноги-руки на месте, голова сверху. И приключилась с данным жителем Страстная Напасть. Напала она страстно на его малолетнюю головушку ещё в детстве, когда жисть мальчишки насчитывала всего лишь пять оборотов планеты вокруг местной звезды. И схлопотал он тогда по карме своей воспаление мозга. А так как медицина на той планете едва начала переходить, образно выражаясь, с дубины на лук со стрелами, то паренёк тот имел все шансы и вовсе задвинуть лапы в угол и склеить их там прочно, но Потолочное Разумение приготовило для него юморной сюрприз. Ха-ха-ха, с юмором-то у Него всегда было ха-ра-шо! И парень вместо белотапкового Великого Ежемгновенного Обновления ухнул в кому, узрев таким образом на практике не только возможность своего существования вне тела и, соответственно, получив во владение понятия о душе, но и познав краткий обзор своих прошлых инкарнаций в виде занятого короткометражного экшен-фильма. Фильм был без рекламы и с неприлично короткими титрами. Родители паренька тем временем оставались в глубоких непонятках относительно его будущего, типа, то ли ему апельсины нести в авоське, а то ли уже потихоньку составлять икебану поверх мраморной плиты. Кстати, зачем люди кладут на своих покойников железобетонные плиты? Неужто в глубине души они всё-таки думают, что те могут вот так запросто вылезти из-под земли наружу в какой-нибудь прекрасный и погожий Судный день? А потому решают прижать их понадёжнее, пусть, блин, потруднее будет! Пусть, мол, совочком пошкрябают подольше из-под низу! Хе-хе! Такой у них, человек, юмор. Практичный и сапиенсный. Мда уж... И восславим же мудрость мира всея, ибо паренёк очухался через суток десять и вроде даже внешне головушкой не повредился. Всё осталось при нём. Помнил, как звать, где живёт и кто все остальные. И зажила семья счастливо, словно беды и не знала. Да только у паренька видения всех жанров космического кинематографа начались, и стал он подмечать странности всеразличные, которые люди другие и вовсе в упор не видали ни в раз, ни, тем более, в два. То бишь за время внетелесного подвисания «точка сборки» паренька настолько расшаталась, что мозг начал пошаливать, и диапазон воспринимаемых частот энергии стал периодически

заваливаться за края предписанной «радиостанции» в данном мире — на его конкретной, не столь уж обетованной, как многим казалось раньше, планете. Паренёк сначала принял это за чудо, потом за некую игру воображения, а затем и вовсе решил, что видения енти самые и голоса есть следствие повреждения у него мозгов, и что сие означает начало психической болезни. Катушки, мол, съехали. Предохранители перегорели. Винтики со шпунтиками перепихнулись. А болезни те самые психиатрические лечили у них на планете так, что потом никакие другие лечения опосля первых и вовсе уже не были нужны. Ибо превращался ты в миленький, истекающий на пол слюной фикус, который кроме рефлекса «жрать-срать-спать» уже ничего не воспринимал до конца дней своих. Знай только поливай физраствором. Паренёк хоть и молод был, но к своим семи (а в своих разных сомнениях он таки дотянул без приключений, со ртом на замке до образовательной школы, в которую отдавали детей, когда им исполнялось семь оборотов планеты) уже усёк, что мама и папа — это, конечно, прекрасно, но расскажи он им всё как на уху, и судьба подоконного растения, наподобие Волосястого Мухолова, ему обеспечена. И покуда спрятал язык за зубами, и надолго. По челобреческим меркам. На целых восемь оборотов планеты. Пока мальчишка учился в школе, странные способности почти не проявлялись. Их заглушила обычная напряженная школьная жизнь со своими переживаниями. Друзья, футбол, уроки, контрольные, познание двора и прилегающих территорий, игры, первый интерес к девочкам. Но когда паренёку стукнуло пятнадцать, всё началось снова, по той же схеме, только ещё более эффектно. Вещие сны, предчувствия, непонятные и фантазмагорические места в видениях, прямое интуитивное чувство людей, угадывание развития событий, принятие спонтанных и единственно верных решений в сложных ситуациях. И тогда паренёк взмолился к Потолочному Разумению с просьбой объяснить ему всё, что с ним происходит, а также предоставил список вопросов по пунктам, начиная с основных, касаемых его собственной природы, местоположения его мира, примерной поставленной задачи и далее и далее. Было озвучено много не менее важных пунктов, которые, вачепто, должны стоять у каждого разумного челобрека на повестке дня. Но не будем забывать, что планета сия находилась на демоническом уровне бытия, то есть висела в адской-преадской пустоте. В той самой пустоте, которая, как знает любой малыш на высших планетах, находится прямо под нижней поверхностью мирового причинного океана, и которую жители этой планеты называли чудесным и таинственным словом «космос». Ррромантики... Назвать адскую бездну «космос»... Ха-ха-ха. А потому средний уровень разума в данном мире представлялся весьма и весьма низким. Можно сказать вкратце, что вразумительные жители этой планеты по всем статьям кучковались совсем ещё неразумными малышами, и потому подобные задаваемым паренёком вопросы возникали едва ли у одной десятой одного процента всего населения. Да и то от скуки через зевоту. Остальной контингент всё ещё продолжал влачить свою карму в пределах четырёх животных инстинктов, известных как еда-совокупление-сон-оборона. И разум этого контингента, соответственно, находился в зачаточном состоянии, едва отличаясь от понятий собаки или обезьяны. Учитывая, что в разуме паренёка произошёл качественный скачок, а потому направление вращения его энергии поменялось в обратную сторону, Потолочное Разумение

приняло решение откомандировать к нему на время Окольцованного засланца и внедрить его во временно родную среду обитания данного человеческого индивида. И внедрили. Самым непосредственным образом. То есть прямо мальчишке в разум.

Ну, вы же понимаете, даже подростки на высших планетах это умеют делать без труда, ибо с рождения все обладают единым ментальным и информационным полем, то есть общей территорией мыслей и образов. И случилось так, что проснулся как-то ночью наш паренёк, и думать забывший о просьбе своей, и свыкшийся уже как-то с отчаянием провести свою жизнь изгоем и вечно шифрующимся психопатом. И чувствует парень, что вот не спится ему вовсе. И ощущение внутри него странное-престранное. Сел он на кровати, задумался, притих. И вдруг что-то шевельнулось внутри его ума. Да-да. Именно шевельнулось. И парень осознал присутствие внутри себя чужака.

— Ой, привет! — сказал парень молча, то есть внутри себя. А сам испугался так, что едва не намочил штаны. Ну самую малость, может, даже и намочил.

— Привет! — ответил ему в ответ также внутри совершенно незнакомый голос. И спокойно так преспокойно ответил. Как добрая воспитательница или как самый лучший друг, или как мама на ночь.

— А ты кто? — осторожно спросил парень.

— Вопрос изначально неверный. Ответ на него ты когда-нибудь дашь сам, если сумеешь.

— А как ты вот так смог? Ты чё, прям внутри?

— А я много чего могу.

— А ты откуда?

— Опять неверный вопрос. Праздные у тебя вопрошайки. Давай начнем с того, что научимся с тобой задавать верные вопросы.

— Давай.

В течение этой короткой беседы страх парня, поначалу трясущий его ноги и руки, понемногу сошёл на нет. Да и вы сами знакомы наверняка с подобными ситуациями. К примеру, когда встречаешь на дороге великого и ужасного, страшного и злого хулигана, и всё внутри тебя понимает, что, мол, всё, кранты, труба, финита ля комедь, и руки начинают дрожать, и слова не вымолвишь, и мозги перестают соображать. Но если ты с этим самым хулиганом неожиданно заговорил и вынудил его на более-менее длинную беседу, то с каждой минутой этого разговора твой страх перед ним ослабевает и улетучивается. А почему? Да потому что начинает разрушаться понемногу твоё неведение в отношении этого человека. Ты мало-помалу узнаёшь его. Его внутреннее состояние, его мысли, его способ размышлять, его жизненную позицию. Он перестает быть для тебя неведомой тайной. И страх уходит.

Так случилось и в этот раз. Поговорив несколько минут с таинственным существом, оказавшимся внутри его головы, парень понял, что время идёт, а ничего страшного пока не происходит. Он всё ещё жив, прекрасно себя чувствует, и даже наоборот, его уверенность и физические силы как будто растут. И он успокоился. Втянулся в диалог. И гость задержался у него

в разуме на долгих два с половиной оборота планеты. И принялся за его обучение и натаскивание через ссадины, ушибы, порезы, боль, страхи, в общем, через всё то, что называется простыми человеческими словами «личный опыт».

Тут Башкирский Кот сделал паузу, словно вспоминая продолжение истории, наморщил лоб, поводил ушами.

— Очень, очень интересно, — сказал в полной тишине Шкындырбыр Шкындырбаевич.

— Ну а что дальше-то было? — Загрибука сидел с вытаращенными глазками и крошками на подбородке.

— Да и к тому же как это связано с рассказом Шкындырбыра Шкындырбаевича? — спросил Слипёр.

— Мда-а-а, — только и промычал Дример и инстинктивно полез по карманам.

— Прошу, — протянул ему неизвестно откель взявшуюся смурную папиросу Шкындырович.

— По уши благодарен, рэхмэд, — поклонился головой Дример и улыбнулся, — а то организм истосковался уж по ядам.

Мора кинул ему спички, и братец с наслаждением втянул в себя дым и выпустил сизое облако в потолок кухни.

— Я в раю, — хрипнул он и закашлялся.

— Сомнительно, мой друг, — заметил Шкындырович, похлопав его по спине. — Лучше б вы курить бросали. Я вот давно завязал, для друзей токма и держу. К чему карму портить по пустякам? И вам не советую. Куда лучше это, — и он протянул связку ароматических палочек-благоний. — Ну так что там с парнем-то далее? — оборотился он к коту.

Башкирский Кот, помутневший и поглубевший было глазами, встрепенулся. Глаза его опять стали зелёными и ясными. Он облизал усы. Ощетинился хвостом.

— А, да, ну вот, — как ни в чем не бывало продолжил он, — к чему это я всё. А к рразговорам об изначальном языке.

Лазутчик сей засланный, или засланец лазутчатый, как вам угодно, проявлялся по-разному. Прошло несколько дней с момента его возникновения, когда он сделал следующий шаг. Парень сидел ночью за столом и зарисовывал вещи и схемы, увиденные во сне. Он делал на них поясняющие надписи, чтоб не забыть со временем, что это такое, как вдруг в некий неуловимый момент его рука вычертила сама по себе рядом с поясняющими словами какой-то значок. Парень остановился и напрягся.

— Это — Кхе! — сказал лазутчик внутри его разума. — Этот символ означает Кхе.

А дальше последовало длинное объяснение этого понятия, которое мы буквально недавно прослушали от Шкындырбыра Шкындырбаевича, глубокое уважение его семье. Затем рука парня

сделала неуловимое движение и начертила рядом ещё один значок. И тогда парень понял: лазутчик не только находится в его разуме, но может и управлять его телом, подавляя человеческую волю. И эти фокусы с ручкой — лишь первый опыт, первый шаг. И он не ошибся. С каждым днем лазутчик всё больше осваивался в теле парня. Он владел им всё лучше и лучше. Паренёк как бы заключил негласный договор с лазутчиком: он добровольно позволяет получать нужный чужаку опыт управления физическим телом, а лазутчик делится с ним своими знаниями. Поначалу они учились в то время, пока все нормальные люди, включая пап и мам, спали. Полночи лазутчик в теле парня учился ходить, управлять зрением, слухом, соизмерять пространство, трогал предметы, учась осязанию, в целом постигая навыки управления телом. Затем полночи он отвечал на вопросы паренёка и учил его начальным этапам высших техник управления разумом, памятью, вниманием и энергетическим телом. Дальше — больше. Через полгода они уже легко и надолго менялись местами. Бывало, что несколько суток подряд лазутчик жил в теле парня, выполняя за него все житейские дела. В это время парень находился как бы в осознанном сне, то есть всё чувствовал, понимал, но со стороны, не имея возможности вмешаться. В такие дни парень учился у лазутчика выходить из сложных жизненных ситуаций. Наблюдал, как тот с лёгкостью справляется не только с бытовухой человеческой жизни, но и запросто добивается нужного результата с людьми, видя их насквозь. Чужой жил в прямом смысле за него, в то время как на этом примере парень учился многогранному искусству бытия на более высоком уровне. По прошествии нескольких дней они снова менялись местами, и эта чехарда продолжалась довольно долго. Но вот однажды лазутчик рассказал парню о Лабиринте. И не только рассказал, но и научил непосредственно его видеть и чувствовать.

— Ух ты, — произвольно буркнул Мора. — Если всё это — правда, то парню здорово повезло. Насколько я понимаю, Окольцованный засланец скостил ему срок пребывания на адских планетах практически до полной амнистии.

— Верррно, — ответил Башкирский Кот. — Только продолжать жить со всем этим знанием в той местности, среди аборигенов, стало нешуточным испытанием. Можно было и мозгами прикручиниться вплоть до синьки горловой.

— Это вы о синдроме Шивы толкуете, уважаемый Башкир-Ата? — невозмутимо вставил Шкындырович.

Загрибука переводил взгляд с Башкирца на Шкындыровича и всё больше преисполнялся уверенностью, что ему в жизни очень и очень повезло, и похоже, он вытащил самый главный загребущий билет.

— О нём самом, ара-джан, — подтвердил хвостатый.

— Слушай, — умоляюще взглянул на кота Загрибука, — а ты мне потом расскажешь про синдром этот самый?

— Конечно, ддрружище! — сверкнул зубоскальной сотнезубой улыбкой Башкирский Кот.

— Ребята, — неожиданно встал Загрибука из-за стола, — мне срочно надо сказать вам кое-какую вещицу.

Все поворотились к нему. А наш профессор принял торжественный вид и изрёк:

— Я хочу сказать, что очень счастлив находиться среди вас, и что вы — мои самые дорогие дружищи! Спасибо за то, что я тут с вами. Вот.

И он сел, засопел носом и уткнулся в пиалушку. Все улынулись, а Дриммер потрепал Загрибуку по голове:

— Друзе, такая же фигня! Мы тоже жутко рады, что ты с нами. Ну, давайте же дослушаем Башкирца. Чего там дальше-то?

И кот продолжил.

О да, Лабиринт. Таинственное невидимое, управляющее всем.

— Представь себе твой мир в виде маленького мячика, — Окольцованный засланец терпеливо и монотонно читал лекцию парню, пока тот топал по улице, торопясь на встречу с друзьями. — А также представь большую замкнутую комнату, всю заполненную, а точнее, ну просто набитую под возможную завязку разноцветными воздушными шарами. Шары внутри надуты разными субстанциями. В одном — плотный и душный воздух, в другом — пузырящаяся вода, в третьем шаре — огонь и мелкие осколки стекла, в четвертом — воздух свежий и ледяной вместе с земляным крошевом, и так далее. Шаров, понятное дело, ограниченное число, так как комната замкнута со всех сторон. А теперь вообрази, будто мячик отскакивает от стенок этой комнаты произвольно и летает по ней сквозь эти самые шары. К тому же у мячика нет угасания инерции, то есть скорость его прыгания по комнате постоянная. И прыгает он так очень и очень долго. Но ты должен понимать, что в разных шарах мячик проходит сквозь содержимое по-разному. Один шар он пересекает прямо по центру, второго шара он едва касается, от третьего захватывает лишь треть. Нарисуй себе схему, чтоб лучше представить.

Парень остановился прямо на улице и стал чертить схему на заиндевевшем от мороза стекле витрины.

— Верно, — дал оценку рисунку лазутчик, — ты всё верно понял. Можно то же самое представить и по-другому. Скажем, заменить шары комнатами. И сказать, что мир идёт всё время сквозь комнаты. И каждую комнату он проходит за разное количество времени. Одну преодолевает за сутки, через другую может ползти и до трёх суток, а третью пробежит за пару часов. И не подгадаешь, ибо спонтанно. А теперь вспомни, что я тебе говорил о Сезонах Зверей. Так вот, в каждой такой комнате свой Сезон. Обычные люди не могут заметить, как мир переходит из одной комнаты в другую. По нескольким причинам. Во-первых, переход происходит достаточно плавно, не сразу, мир как бы втекает из одного состояния в другое. Во-вторых, при переходе у людей меняется восприятие, то есть и слух, и зрение, и осязание, и обоняние, и вкус. Всё сразу и одновременно. Поэтому не с чем сравнить. Ничто не остаётся на месте. Ничто не

является точкой отсчёта. Смещается сразу всё. А потому не заметить. И в-третьих, скорость реакции любого человека есть заложник общечеловеческого времени. Поясню. Если бы кто-нибудь из людей додумался, как ему хотя бы на чутка отстать от других во времени, то переход мира из одной комнаты в другую стал бы для него очевидной и ошеломляющей реальностью во всей своей мокроштанной красе. Штаны у тебя чистые?

— Чистые, — чувствуя подвох, ответил парень.

— А зря, — усмехнулся Лазутчик. — Смотрим внимательно! Сейчас будет фокус! Во-ба-на!

Дыхание спёрло. Ноги стали ватными. Зрение поплыло. Потом нечто осязаемое собралось внутри тела в комочек, где-то возле солнечного сплетения, обособилось от организма и стало само по себе. Звук исчез.

И они отстали во времени. Мир на глазах подростка шагнул через Барьер из одного Сезона в другой. И что? Да ничего. Штаны пришлось стирать снова.

Способности ощущать Лабиринт у парня со временем росли и росли. Он научился благодаря чужаку говорить с Лабиринтом, отвечать на его действия своими действиями, в общем, входить в резонанс. Он уже ясно понимал, что тот мир, в котором пришлось оказаться, вовсе не таков на самом деле, каким его видят человеческие глаза. Всё чаще парень слышал тяжёлые неизмеримые шаги за стеной мира, как будто вся его вселенная была лишь маленькой комнатой. Иногда мимо «комнаты его мира» проносился невидимый корабль.

(— Вимана — улыбнулся Шкындырович.)

Иногда «комната мира» замирала, а иногда срывалась с невидимого обрыва, иногда засыхала, а иногда начинала течь

(— Смена Сезонов Зверей, — вставил опять Шкындырбыр Шкындырбаевич, подмигивая Загрибуке.)

Парень не знал, что со этим всем делать, но понимал: его соотечественники по планете и вовсе этого не замечают, а объяснять им это не представлялось возможным.

(— Это как слепому пытаться рассказать, что такое солнце, — откомментировал Шкындырович. — И невозможно по сути, и к тому же опасно для своего здоровья. На костре сожгут, и к гадалке не ходи! Или распнут на вешалке! Дикари это любят.)

Парень и не знал, что лазутчик задумал нечто воистину грандиозное, а именно: совершить парный тандемный Прыжок из одной вселенной в другую. И однажды откровенно развёл парня на этот опаснейший аттракцион. Лазутчик знал, стоит заиграться с Лабиринтом достаточно глубоко, как рано или поздно наступит миг, когда тот подтвердит статус, прочтает азимут и возьмёт дальнейшую инициативу на себя. Так и случилось. В какой-то момент, увязнув в не до конца понятной его разуму игре, парень неожиданно понял, что реальность уж больно как-то быстро реагирует на его мысли, слова и действия, и на мгновение испугался, но тут уравновешенный и крайне спокойный голос лазутчика сказал ему:

— Не бойся. Страх — плохой попутчик. Он всегда недоговаривает, а по сути, лжёт, ничего не зная наверняка. Иди до конца. Ведь ничего плохого с тобой пока не произошло, даже наоборот!

Смотри, твои отношения с родителями стали лучше, друзья больше не тыкают в тебя пальцами, ты становишься авторитетным человеком среди своих товарищей. Ты учишься всё быстрее и эффективнее. Ты уже почти являешься самостоятельной боевой единицей. Ты скоро узнаешь, что означает быть Воином. Дойди до конца и увидишь чудо!

И парень пошёл. И мы все знаем, чем это кончается. Хе-хе. Парень и понятия не имел, что именно перед ним находится, когда спустя несколько недель на последней стадии прохождения Лабиринта увидел парящие над землёй, невидимые другим людям мерцающие неоновые следы.

(— Следы коллег Стрелочника Белочкина, — улыбнулся Шкындырович. — Ай-яй-яй яй-яй яй-яй!)

И парень вступил в первый из них ногой.

(— Ох-хо-хо! — протянул Шкындырович.)

С этого мгновения он полностью потерял контроль над своим телом, и каждый последующий его шаг ложился безошибочно в очередной отпечаток следов, причем скорость движения стремительно нарастала. Ум его перестал что-либо понимать. Люди же со стороны видели и вовсе несусветную картину. Между трамвайными рельсами и заполненным машинами шоссе по полоске выцветшей травы прыгал и танцевал странного вида взлохмаченный парень. Он то вставал на одну руку, то вертел кульбит, то проделывал несколько па из классического вальса, то шёл чрезвычайно резво спиной вперёд, то перекатывался «солнышком». Но главного зеваки, конечно, видеть не могли. А именно того, что парень, безукоризненно следуя оставленным над землёй ангельским следам, шаг за шагом приближался к самой сердцевине Лабиринта. Этот безумный брейк-данс закончился для него в маленьком дворе на скамейке, на которую его буквально привели. Парень рухнул на неё, вытянул струной спину и шумно выдохнул. Все эти движения происходили с ним абсолютно автоматически, без какого-либо участия воли и разума. И вот последние кубические миллиметры воздуха покинули легкие. Он замер. И стук сердца стал замедляться. Тук-тук... Тук... Тук-тук... Тук... Тук... Сердце остановилось. И вдруг мир сдвинулся.

— Как сдвинулся? — ахнул Загрибука. Крошки печенья из его разинутого рта просыпались на пол.

— Мир сдвинулся весь и сррразу, — пояснил Башкирский Кот, свисая хвостом с подоконника. — Тотально и бесповоротно, ибо парень только что совершил Прыжок и сменил вселенную. Навсегда. Безвозвратно.

— И что, так там и остался? — Слипер, постукивавший нервно ложкой по краю стола, замер.

— Не гони, аднака, волну, начальника, — хмыкнул Башкирский Кот. — Гутарим по порядку. А было так.

Сердце стукнуло вновь и пошло. Посидел он на скамеечке. Глядь, а всё вроде и на месте. Только чуть другое. Те же дома, та же улица, двор тот же. Но всё не то. А в чём разница — и объяснить невозможно. Да и разница эта показалась парню настолько незначительной, что скоро и замечаться перестала. Паренёк отдышался слегка. Очухался. Вытер пот со спины. Да и поехал домой. Дошёл до остановки, сел на трамвай, потом пешочком через дворы, тут и подъезд родной. Поднялся по знакомой лестнице на первый этаж, и вдруг глядь, а дверь-то в родную квартиру красно-коричневая. И всё бы ничего, но вот, сколько он себя помнил, она всегда была зелёной.

— Быстро покрасили, — усомнился парень и даже принялся. — Хм, а краской вроде и не пахнет.

Лазутчик, как назло, пропал в глубинах мозгов, а потому молчал.

— Ну и ладно, — скривился парень, открыл дверь ключом и зашёл домой.

А там мама на кухне шуршала, мыла тарелки, едой вкусно пахло.

— Мам! — позвал парень.

— О, пришёл. Чего? — отозвалась она.

— А давно дверь покрасили?

— Какую дверь?

— Ну, входную...

— А что с ней?

— Ну как, она вроде коричневой стала.

— Чего?

Мама вышла с кухни, замотанная и задёрганная жизнью, прошла мимо него в коридор. Открыла входную дверь, выглянула на лестницу и осмотрела проём с той стороны.

— Ну и чего? Дверь как дверь! — Мама недоумённо смотрела на парня. — Никто её не красил.

— Как же так? Она ж зелёная была.

— Когда это?! — вытаращила мама глаза.

— Да всегда! — Парень чуть не плакал, но ползущий страх тушил обиду.

— Ты чего это?! — Мама обеспокоенно смотрела на парня. — Сыночек, что это с тобой? Она всегда была такая. С тех самых пор, как мы сюда въехали. Мы ж сами её тогда в коричневый и покрасили.

Так парень понял, что попал в другую вселенную. В этом неуловимо изменившемся мире его родную маму звали уже по-другому. Когда соседка назвала её чужим именем и чужим отчеством, а мама и глазом не моргнула, он ещё надеялся, что его просто подвёл слух. Но затем парень проверил паспорт матери. Ошибки не было. И парень едва не потерял сознание. А вскоре Окольцованный засланец сказал пареньку, что пришло время расставаться:

— Мне пора. И я хочу, чтобы ты знал. То, что мы с тобой делали последнее время, эти несколько лет, — всё это я делал исключительно твоими силами. Я просто использовал по назначению и в полном объёме твои собственные возможности. Вы, люди, и понятия не имеете, на

что вы способны на самом деле и какими ресурсами и силами обладаете. Тем более, такими, как у тебя.

— Но Прыжок? — изумился парень.

— О да, тут мне с тобой повезло! Я и не надеялся на такой подарок! — Лазутчик рассмеялся эхом в его мозгу. — Прыжки оказались твоим собственным кель-ке-даль-ё! Пока, попрыгаец! — и он расхохотался напоследок.

А затем парень пролежал пару лет в больнице, чтобы всё его многомерное тело пришло в норму и смогло начать постигать всё пройденное заново, только без помощи лазутчика. Потолочное Разумение хихикнуло, всплеснуло ладошками довольно, да и занялось другими делами, оставив парня разбираться дальше со своей внезапно изменившейся кармой самостоятельно.

Кали ты калюжная, никому не нужная

(Инструкция в холодильнике)

— И вот где-то тут я и пробежал и историю эту на хвосте унес.

Кот замолчал. Затем спрыгнул, мигнув в воздухе, на пол.

— Во дела, — пыхнул папироской Дример и напялил на голову снятую было в начале рассказа Шапку-Невредимку.

— Да... — прогудел Слипёр.

— Уж, — закончил за него Загрибука.

— История великолепна! — закивал вихрами Мора. — Слушай, Шкындырбаевич, а не пойти ли всем после такого чудесного рассказа немного проветриться до какого-нибудь милого сердцу кабачка, где нам подадут в это время дня прекрасный коктейль «Роза в горло»?

— Или не менее прекрасный коктейль «Гвоздь в печень»! — захохотал Шкындырович. — Золотые с ободком слова твои, Мора! Конечно, пойдёмте прогуляемся! Вот только отлучусь слегка, привести в порядок кое-что.

И Шкындырбыр Шкындырбаевич Шкындырович направился из кухни в таинственную глубину квартиры.

— Я пока с посудой справлюсь! — Слипёр выскочил из-за стола, засучил рукава лётного комбеза и встал за мойку.

— А я чашки составлю! — Загрибука кинулся помогать Слипёру.

— А мне что, пепельницу вытряхивать кругами? — обидно заметил Дример из-под Шапки-Невредимкию — Давайте и я подшуршу.

Он взял тряпку, намочил в мойке и стал протирать стол и подоконник.

— Это намёк? — ехидно прошипел Башкирский Кот с улыбочкой. — Моя задница кажется вам, милейший, столь потасканной, что подоконники сереют подо мной али покрываются плесенью?

— Так, я вижу, тебе нечем заняться? — обернулся Дример. — Полезай тады обратно на подоконник и погляди сверху внимательно окрестности. Примечай всё. Авось да небось пригодится.

— Енто ммможно, — кот запрыгнул на окно, поморщился от оставшегося запаха мокрой тряпки и стал крутить бинокулярами прицелов вниз на улицу.

Шкындырович недолго собирался. Он предстал перед гостями элегантным, чуть придурковатым миллиардером, желающим на закате лет тряхнуть сединой. Ветреная шляпа, белёсый пиджмак, бамбипуковая трость, брючки со стрелкой и длинноносые штиблеты помрачительно-фиолетового цвета.

— Мумиё-моё! — воскликнул Дример.

— Вы неподрражаемы, Шкындырович! — лязгнул с окна Башкирский Кот.

Шкындырбаевич тем временем, явно наслаждаясь произведённым эффектом, томительно вынул из нагрудного кармашка кисло-оранжевый галстук-платок и витиевато повязал его на шею.

— Бррраво! — Кот захлопал лапами со скрежетом когтей. — Вот это винтаж! От этого галстука у меня зубы сводит! Учитесь, пионеррры! А то посмотришь на вас — рыбаки на охоте, туристы-погрибысты. Минуточку!

Кот свинтил куда-то с подоконника, исчезнув на ходу. Все переглянулись с улыбками.

— Эшельме-бельме! — моргнув свечой в окошке, проявился Башкирчатый посреди кухни. Вокруг его шеи красовалась шёлковая ленточка ядовито-зелёного покроя, завязанная морским португальским тройным. — Не было и нет на Торрртуге более стильного пирата, чем наша глубочайшая низость, — прохрипел он и взвизгнул зубами в улыбке. — Я готов препровождать уважаемого дона Шкындыровича в любую таверну этого захудалого городишки и клянусь всеми шпротами на свете, что нас таки угостят парой штофов угашенного во все стельки мескаля!

— Оба-на! — захлопал Мора. — Вы, парни, отлично смотрите вместе! А мы сзади будем изображать собой толпу зазевавшейся черни! — Мора мигнул Дримеру, и тот напялил Шапку-Невредимку на самый нос, оттопырив уши.

— Примерно так, — ухмыльнулся хрипло Дример.

Все покатались со смеху.

— Хорошая погода, прекрасная компания... Что ещё нужно для такого чудного дня? — Шкындырбыр Шкындырбаевич крутанул тростью. — Пожалуйте за мной, господа флибустьеры.

Он завёл всех в соседнюю комнату и указал на некий переливчатый с прожилками ковёр, расстеленный на полу. От чудн[о]го половичка создавалось странное ощущение, будто кто-то пролил на пол ведро тёмно-медового жидкого янтаря с золотистыми искорками. Казалось, что субстанция живёт своей жизнью, перетекая постоянно сама в себе.

— Присядьте, сейчас стартуем, — заверил Шкындырович.

Слипер с Дримером переглянулись, пожали плечами и осторожно сели на чудо-ковёр.

— Прошу и вас, — закивал Шкындырович Башкирскому Коту и Загрибуке.

— Данке шён, сеньоррр, — чиркнул когтём кот и шагнул в янтарную лужу вместе с Загрибукой.

Мора сам расположился там же. Шкындырович подошёл к стене и что-то нажал на ней.

— Не волнуйтесь, будет немного непривычно поначалу, — предупредил он и присоединился к гостям.

Тут произошло нечто уж совсем невразумительное. Комната, в которой они находились, съёжилась и обтекла их со всех сторон. При этом присутствующая до сего момента в ней мебель слилась с пейзажем стен, словно камбала на черноморском дне, и превратилась в такой же переливчатый буро-золотой материал, что и коврик давеча. Пол стал повторять контуры их тел, словно делая слепок.

— Эй-ей-ей! — оторопело прикрикнул на сдвигающуюся архитектуру Слипёр.

— Не волнуйтесь, это — пилотируемый корабль, — улыбнулся Шкындырович. — Он только на стоянке прикидывается комнатой. Сейчас будет немного стремновато. Я и сам в первый раз слегка стухнул. Внимание...

Странная материя окончательно сомкнулась вокруг всей компании и, казалось, подоткнула их со всех боков, словно заботливая мама одеялом.

— Алга! — коротко и решительно произнёс Шкындырбаевич.

Стены корабля в один миг стали прозрачными, обнажив вокруг серые бетонные перекрытия гаражного бокса. А затем корабль выехал на улицу. Прямо на уровне сорокового с копейками этажа. Он словно вытек из квартиры, принимая на ходу форму горизонтально развернутой водяной капли. Но нашим пассажирам казалось сейчас, будто их просто за шкуру вывесили с балкона. Прозрачный пол создавал полную иллюзию отсутствия корабля. Ощетинившийся шерстью Башкирский Кот в ужасе смотрел на сорокоэтажную пропасть у себя под задницей. Загрибука, уже заранее всё навоображавший, теперь сидел с закрытыми глазами и усиленно чувствовал своим ОКЛЖПэ спасительный пол.

— Эт-т-т-т-то, конечно, восхитительно, — обрета дар речи, изрёк Дримёр, — но нельзя ли вернуть как-нибудь стены обратно? А то, боюсь, Загрибыч проведёт всю экскурсию в версии «Окрестности города А специально для слепых».

— Да-да, простите, — спохватился Шкындырбыр Шкындырбаевич, и стены помутнели, обрета свой странный янтарный оттенок.

— Почём матерриальчик? — осведомился Башкирский Кот, оглядывая диковинный материал и чувствуя, как дрожь стрёмная унимается в лапах. Он попытался ковырнуть когтём стенку корабля.

— Это энергия Камы, силы устремительности живности друг к дружке, — пояснил Шкындырович. — Может принимать любые формы в зависимости от обстоятельств, мимикрирует и морфирует как хрен на редьку слаще, к тому же хорошо поддаётся контролю, если, конечно, у пилота всё в порядке с головушкой и воображением. На более высоких планетах этот материал используется не только для создания виман, но и в медицине, и в искусстве, и в строительстве

жилых помещений. К примеру, если у вас из Камы спроектирована квартира, то, в зависимости от настроения и погодных условий, вы можете легко менять её планировку и величину площади. Это, кстати, и к разговору о том, как больший объём спрятать в меньшем.

— И как же? — внезапно заинтересовавшись, спросил Дример.

— Кто знает, что кроется в тщедушном теле? Может, эта маленькая форма скрывает святого монаха или маньяка-убийцу? А ведь и то, и другое — огромный объём энергии.

— Кажется, я начинаю понимать, — наморщился Дример. — Но как же такой корабль выглядит изначально?

— Да очень просто и бытовушно, — рассмеялся Мора. — Присылают тебе по почте сумку-холодильник. А там внутри корабль в виде большой пачки жирного маргарина, завернутый в вощёную бумагу. Кама в холоде становится пассивной и медлительной, съёживается и дикобразится. Так что лепят из нужного количества — тридцать граммов на килограмм в кирпич, и в авоську ледяную. Инструкция там же.

— Странно, так всё просто, — завернул трубочкой губы Слипёр, — и так удобно. А мы вот проходили мирами, в которых люди летают на ужасных гремящих жестянках, откуда валит чёрный дым и вонь никудышная.

— Это потому, — назидательно изрёк Мора, отчего стал ещё смешливее, — что вы шли по низу Небесной Загогулины, то бишь по краям адских планет. Там энергия бытия уже вязкая, тяжёлая, загрязнённая. Поэтому Кама в тех местах обитания становится неуправляемой. Из неё в таких мирах ничего не построишь. Она даже на физическом плане форму не сохраняет, но переходит практически целиком в состояние огненной стихии. А как можно из грязного огня сделать нечто холодноразумное и строго управляемое? Никак.

— Весь вопрос только в уровне конкретного мира? — спросил Слипёр.

— А в чем же ещё? — улыбнулся Шкындырович. — От уровня осознания зависит практически всё во всех мирах. Так и во времена века Кали, когда миры один за другим начинают деградировать и тает весенними снегами этот самый пресловутый осознательный уровень, энергия Камы не только не используется, но даже память и знание о ней теряется в глубине распрямляющихся извилин живущих во времена Кали-юги. Калюжная, то бишь грязная энергия не нужна никому. А здесь, в городе А, который во времени своём преимущественно находится в поле Сезона Текучей Воды, Кама успешно используется для строительства межземельных кораблей.

— Межземельных? — переспросил Загрибука.

— Мы называем миры «землями», — ответил Мора, — что наиболее точно отражает суть Слоёв реальности. Ибо миры, подобно островам, разбросаны по Лабиринту и имеют разные системы координат. Но все они суть земли разные. Или, как говорят пилоты, «варши», то есть острова в мировом пространстве.

— Ну, это понятно, — кивнул Загрибук., — Потому, видимо, и говорят «за тридевять земель».

— Вы очень точно и быстро ухватываете суть, профес... — Шкындырович поймал быстрый прищуренный взгляд Дримера, — профессионально прямо-таки по косточкам раскладываете!

Загрибука расцвёл. Мора рассеянно улыбался и, судя по всему, опять ничего не заметил.

— Вы правы, — продолжил Ш. Ш. Шкындырович, — «тридцать земель» — это совершенно точное астрономическое расстояние до указанной земли, то есть до определенного Слая реальности, до конкретной варши. То бишь три в девятой степени. Приблизительно это равняется 19 683 перебежкам Света. А одна перебежка Света равняется тому расстоянию, которое проходит Свет на частоте сорок восемь за один оборот планет Срединного Барьера.

— Мама, я окончательно запутался! — закрыл голову загребущими лапами Загрибука.

— Мама, я окончательно запуталась! — воскликнула Соня.

— Мама в Лесу! — строго посмотрел на неё я. — Так что мявкать тут на всю кухню совершенно ни к чему!

— Не придирайся, мы всё равно ничего не понимаем! — подпрыгнула Терюська. — А чтобы дальше жить-поживать в книжке, мы должны всё понимать. Хотя бы более-менее. А то как можно пожить в том, чего не знаешь? Только плохо! А я плохо жить не хочу! И пожить тоже! Кстати, у тебя нет ничего пожевать?

— В холодильнике! — буркнул я и задумался. А ведь Терюська права. Надо как-нибудь прояснить весь этот научный доклад.

— Инструкция там же! В холодильнике! — крикнул я ей вслед. — Только брикет жирный не трогай на верхней полке. Там вимана запакованная лежит.

Капля корабля снизилась с тошнотворной высоты и потекла над полосой широкой автострады. В принципе, дорога могла бы служить для вполне себе наземного транспорта, так как была отполирована, словно зеркало. Но тут и там навстречу им попадались такие же капли-корабли. Все они скользили над отражающей небеса поверхностью в разные стороны. Полосы дорог сходились и расходились, представляя собой систему сложных развязок, которые кружились и вертелись вокруг синеватых и серебристых небоскрёбов.

— Почему над полосой надо лететь, если вокруг небо свободно? — спросил Загрибука. — Корабль же может летать высоко.

И словно в ответ на его вопрос из-за очередного здания вынырнул на огромной скорости двухвагонный летающий трамвай с нелепо торчащими отростками, заложил над ними крутой вираж и опять взмыл вверх.

— Понял, — буркнул Загрибука.

Шкындырович лишь улыбочато кивнул.

Но наш профессор не унимался:

— А почему у них такие странные траектории полёта? Зачем он так ныряет сверху вниз, а потом разворачивается и опять вверх?

— Хороший вопрос! — подтвердил Мора. — Мне тоже всегда это было интересно. Но вот беда, это корабли Элиенов, а они — парни неразговорчивые. То есть добиться от них, что да как да почему, не представляется ну никакой возможности.

— Поэтому данный факт, как и многое в жизни, до поры до времени приходится просто принимать как есть, — закончил за Мору Шкындырович, откинувшись с тросточкой. — Элиены принесли в этот мир свои чудесные знания и изобретения, но, кроме научных и чисто деловых отношений, не ведут ни с кем никаких диалогов. Держатся отдельным замкнутым кланом. Наверное, на это есть какие-то свои причины. По крайней мере, они никому не мешают, даже наоборот, всем и каждому приходят на помощь, если в таковой имеется потребность.

— В смысле? — оторвался от становящегося то прозрачным, то мутным иллюминатора Дример. Его, как ребенка, забавляло, что отдельные части корабля меняются, словно окраска хамелеона, послушные мыслям пилота.

— Элиены не только телепаты, — заметил Шкындырович, медленно выкручивая кренделя пальцами рук в воздухе, видимо, помогая своим мысленным приказам кораблю, — и способны чувствовать на огромных расстояниях, если кто-либо попал в беду, но и обладают явными признаками телекинеза, то есть могут двигать силой мысли предметы. Это часто спасает многих незадачливых жителей города А и тех, кто сюда недавно приехал и ещё не освоился с зыбкой реальностью этих мест. Между нами, мальчиками, говоря, — он странно покосился на Слипера, — Элиены имеют многие привилегии в городе А. Так что странности их кораблей — это далеко не всё.

Капля корабля, в которой они летели, тем временем пару раз меняла на ходу геометрию формы, а также дважды мутировал материал корпуса, словно хамелеон или камбала, когда поверхность, над которой они летели, становилась иной. Неприятных ощущений это не вызывало, но происходило крайне чудн[о]. Привыкший к плавному ходу корабля пассажир в какой-то момент чувствовал плавное нарастание скорости. При этом стены, потолок и пол единым цельным организмом принимали другие форму и размеры, хотя точки соприкосновения пассажиров с кораблём оставались теми же. Получалось головокружительное ощущение, что сидишь в постоянно мимикрирующей маленькой капсуле. Опираясь иногда руками на стены или пол, можно было ощутить в такие моменты, что материал меняется прямо под пальцами. То он становился скользким и гладким, словно стекло. То превращался в шершавую поверхность, всю слепленную из микроскопических шариков. А то и вовсе становился вязким и полутекучим настолько, что тело как бы проваливалось слегка сквозь него.

Ландшафт вокруг тем временем тоже становился другим. Высоченные здания Северного района города А постепенно теряли свою высоту и напичканность на квадратный километр. Неожиданно путь виманы пересекла река. Наши авиатуристы взлетели над ней дугой по широкому мосту. Стены корабля наполовину обрели прозрачность по велению Шкындыровича, и вся компания любовалась открывшимся видом.

— Приближаемся к Осеннему району, — весело подал голос Мора.

— Там у меня для вас есть интересный аттракцион, — таинственно произнёс Шкындырбыр Шкындырбаевич, — а для Мора уж и тем более.

— Да ну? — Мора раскрыл глаза и весь аж засветился. — Если я правильно понимаю, ты нам Ползунки покажешь?

— Угадал, — кивнул Шкынлырович.

— Ползунки?! — Слипер и Дример переглянулись и засмеялись.

— Ползучий ход из одного измерения в другой, — объяснил Мора. — У нас так называют Блуждающий Коридор По Связям С Обществом. Про стабильные вы уже знаете, чай, откушали кильки заморской с Красной Тюбетейкой.

— Ррыба была что надо, — мечтательно забулькал Башкирский Кот.

— Помимо статичных Коридоров есть блуждающие, — подтвердил Слипер. — Мы тоже о них немного наслышаны.

— Вот сейчас мы сей феномен булавкой к месту и пришпандорим, — потёр руки Шкындырович, — и немного обнюхаемся на месте, что сие такое и к чему.

— Что? Внутрь полезем? — икнул Загрибука.

— Непременно! — замотал вихрами Мора. — Это ж целое открытие! Это перевернёт новую страницу в истории строительства виман и пилотирования подсобно-ручных аппаратов! Это ж какие горизонты помашут плакатами нам!

— Про горрризонты у нас Загрррибыч обычно классно толкует, — довольно промурлыкал откуда-то сбоку Башкирский Кот.

— Мы запустим новые маршруты переправки грузов! — замечтался Мора. — Даже, может, будем проводить туристические экскурсии по ближайшим Слоям мира! Новые знания! Да к тому же я наконец свою виману соберу да благодаря этим Ползункам опробую, дык сказать, по полной!

— Слышь, улетающий крышей дррруг, — проурчал кот Море, — дык она ж и так вполне себе может мотаться тут по закоулочкам. Вон сколько у вас виман летает тут.

— Ты чё? Ты не понял, — засмеялся было Мора.

— Он собирается Прыжок на ней совершить за Барьер! — пояснил Шкындырович и покрутил пальцем у виска.

— А это возможно? — спросил Дример, стараясь не ёрзать по полу виманы ботинками. — Я так понял, что вимана способна к движухе только в определенных частотных диапазонах вселенной.

— Существует во вселенской науке некий Парадокс Уттаматикайна, — ответил Шкындырович, явно нацеливаясь куда-то в начинающийся прямо по курсу квартал низких желтоватых домов с квадратными, заросшими плющевым листом и невспоминайками балкончиками, — который голосит во всеуслыхание, будто вимана с одного боку возможна к передвижению в пределах Коридоров По Связям С Обществом, но только внутри оных. То бишь коли она из него вывалится где-нить в неполюженном по статусу месте, то коллапсически счихнёт нафиг. Исчезнет карета, типа, оставив пилота в чём маме положено рожать на той

планете, согласно карме. А с другого боку, Коридоры эти вездесущие и ползучие, что твой лист плющевый через все балконы, — Шкындырович небрежно указал на ближайший дом с увитым до почти полного неразглядения боковым пристроением, — могут носиться где угодно, пересекая собой всё и вся.

— Ах вот оно что, — протянул тихо и с сомнением Башкирский Кот сам себе, припомнив свои мультипликационные путешествия, устроенные ему Чакмулами. — А можно я выйду прямо здесь? Чую печеню, мне там не понравится.

Шкындырович парковался уже у низенького здания и продолжал:

— В общем, вроде как вимана горазда двигаться в довольно ограниченных территориях вселенной, но при этом может внутри Ползунков, то есть в самых кишках Блуждающих Коридоров По Связям С Общественностью, пересекать любые районы и дойти даже до Барьеров самой вселенной.

— Может — не может, — Загрибука напряг мозг, и его жёлтая шапка съехала ему на одно ухо.

— Любит — не любит, — нахмутив край Шапки-Невредимки со скрытыми под ним бровями, проворчал Дример. — Честно говоря, я из этого Парадокса ромашкового ничё не понял особо. А вот про Уттаматикайнена что-то слышал...

— Да я вам про него вчера гутарил, — отголосил Мора, — Смышлёный парень он, пилот экстра-класса. Только с головушкой не совсем улажено, ибо рвёт его всё время на дальние кордоны искать жуть околосветную всякую. Много он где нашарился по вселенной. Уттаматикайнен для науки кучу всего сделал. Невиданные вещи привозил. Вот, микроволновку, например, нам когда-то притаранил! Мы из неё оружие сделали против стрекозьявок!

— Так-так, дык что там с Барьерами-то? — Дример сверкнул глазами из-под Шапки-Невредимки.

— Никто, рождённый внутри этой вселенной, — голос Ш. Ш. Шкындыровича поважнел и посуровел крайне таёжно, — не может выйти за край Барьера, разве что через Великое Ежемгновенное Обновление с обязательным стиранием личной истории. То есть, попросту говоря, думай что хочешь, делай что хочешь, живи как хочешь — сдохнешь как собака! Шучу. Я всю свою жизнь потратил на то, чтобы попытаться одним глазком заглянуть за Барьер. Дык, хотел открыть и разработать хотя бы возможность этого. И спустя столько веков таки приблизился к разгадке этой тайны.

— Но ведь по вашим словам всё получается очень просто, — возразил Дример. — Помещаем виману в Коридор — и вперёд!

— Верно, — кивнул Мора, — только Коридоры эти даже близко к Барьерам не подходят. Некоторые из них вполне поддаются вычислению в плане орбит...

— О, я это хорррошо знаю! — вздрогнул Башкирский Кот, которого при очередном воспоминании передёрнуло от хвоста до кончиков усов.

романтических поэм и дуэлей по всякому пустяковому поводу, лишь бы порезать кого во славу понтов. Шкындырович провёл манипуляции с ковром, и он, словно камбала, притворился частью пейзажа, полностью с ним слившись.

— Ловко, — заметил Дример.

— Дык! — подтвердил Шкындырович, пригладив костюмчик. — Прогресс! — и он повёл их под колонны здания, туда, где темнела очертаниями трухлявая на вид деревянная дверь.

Но дверь оказалась хилой только на вид. Ни Шкындырбыр-Дух-Шкындырбаевич-Кого-Шкындырович, ни Дример, ни Слипер, ни Мора не смогли справиться с надёжно спаянными и вколоченными в самое сердце двери засовами и тяжеленным амбарным замком. Дример поковырял дверь ножом, но сие также не принесло успеха. Затем Мора ещё раз попытался отжать её плечом, но тщетно.

— Ф-у-у-у, — выдохнул Мора, оттерев со лба пот и отбросив с него же вихры.

— Незадача, — кивнул Шкындырович. — А прибабахами магическими тут нельзя.

— Слушайте, — подал голос развалившийся в листьях посреди двора Башкирский Кот. Его уж и заметать этими самыми листьями начало понемногу. Он чихнул, словно стальной волчий капкан клацнул в тихом дворе, и отёр нос: — Я тут в авоське у Слипера видел железку одну завалючую. Может, пррригодится? Ею можно попробовать откалупасить.

— Какую-такую железку?! — удивился Слипер. — Там у меня токма пилюльки зачистительные по воду ходить да фонари головастые. Ну и Мокропопик Падучий храп наводит спячный свой.

— Вай дод! Да говорю ж, в сумке посмотри, ара-джан, — кот невинно мигнул оптическими прицелами глаз. — Лежит там какая-то крокозябная загогулина. Мы когда к самолёту спускались, она на дороге валялась. Ну я и подумал, а чё это она под ногами бесхозная пригорюнилась, покинутая всеми сиррротинушка? Ну и определил к тебе на временную прописку.

Мора укоризненно покачал вихрами и заулыбался.

Слипер снял с болотно-серого комбезного плеча оранжевую сумку-непромокайку, развернул её и вытащил на свет железную кривую трубу:

— Ох ты, нифигушки себе!

— Ба! — радостно заорал Шкындырович. — Да это старая добрая одесская фомка!

— Шо? — переспросил Дример, топочась возле двери.

— Фом-ка! — утвердил по-пахански Шкындырбаевич. — Воровской инструмент прикладного действу и завсегда предвзятого назначения. Описан во многих Кодексах различных Федераций, — он отложил свою тросточку и взялся за изделие. — Короче, статья. Ну-ка, помогите мне...

Он вставил описанную железку в перекрестие засовов и указал на её конец:

— Тут надо бы навалиться как следует. У меня не получится. Весу во мне крайне символически. Еле дух в теле держится, — он хихикнул.

Мора с Дримером навалились на фомку, и засовы затрещали вековыми гвоздями в слежавшемся дереве.

— Взяли ещё разок! — К ним присоединились Слипер и Загрибука, ухватившие железку за оставшееся свободное место.

Повисли. Дерево скрипнуло, но выдержало. Гвозди засовов лишь чутка выдвинулись из двери.

Шапка у Загрибуки съехала на глаза. Помпон повис на носу.

— Ну-кась, дайте старому коту тряхнуть костями по воровским понятиям! — Башкирский Кот мерно подошёл и, когда все опять повисли на фомке, вспрыгнул на неё. Вцепившись лапами в дверь и засовы, он стал отдирать их друг от друга с натужным шипением.

— Вжжжить! — взвизгнули гвозди и вылетели из двери.

Все повалились на строительный мусор, покрывавший в изобилии территорию вдоль дома. Встали, отряхнулись. Ш. Ш. Шкындырович оглянулся, словно заправский одесский вор, поднял тросточку с земли, вынул из кармана маленький приборчик, схожий с амперметром, и махнул ветреной шляпой:

— За мной, товарищи, нас ждут тайны и чудеса, а если выразаться точно и по-научному, так, стало быть, один пёс знает что!

(Далеко-далеко, на одной очень труднодостижимой планете, в одной уютной кухонке, под столом, внезапно среди ночи заворчал и беспокойно заёрзал лапами по линолеуму милый пёсик Грызлик-Фрунзик.)

— О, святая мама пуста не бывает, как это волнует! Пошли! — Дух показал пример первым.

И они гуськом вошли в здание. Внутри всё было разрушено. Перекрытия лестниц висели обгоревшими балками в пустоте этажей. Битый кирпич хрустел под ногами.

— Осторожно! — обернулся Дример на кота и Загрибуку, которые шагали босыми, аки отродясь и было им покладено.

— А чего мы здесь конкретно и в натуррре ищем? — Башкирец водил усами, наострив носопырки на все четыре.

— Именно тут, — шёпотом начал сообщение Ш. Ш. Шкындырович, отряхивая фиолетовые штилеты, — по последним данным личных приборов находится хвостик грандиозного Блуждающего Коридора По Связям С Общественностью. Исследования привели меня к возможности контролирования таких феноменов и даже, — он поднял крючковатый палец к испещрённому трещинами потолку, — к возможности их консервации.

— Пррредставляю, — мрачно шикнул Башкирский Кот, ступая по измельченному кирпичу. — Вот покупает какой-нибудь добрый кот банку с кильками в сомалийском томате. Или там шпроты с пальмовым маслом. Хрясь крышку, а там вместо килек, нате пожалуйста, Коридор По Связям С Общественностью в аварийном красном освещении! И голос из банки: «Расконсервация началась! Отвалите от края платформы!» И только мяу. И котик уже вместе со своими кильками заброшен через пару сотен парсеков куда-нибудь в угрюмые казахские пески. Жуть! Куда смотрит Фонд Охраны Прррироды?

— Ну, не так уж всё и мрачно, — улыбнулся Шкындырович и указал влево на железную ржавую дверь: — Нам туда.

Дверка была толстая, маленькая и низенькая, обитая листовым металлом. Ну, как во всякий приличный подвал. И наши тоже не дураки были, сразу поняли, шо, мол, подвал и есть. Натужненько скрипанув, словно настраиваемая виолончель перед концертом в филармонии, дверь отворилась. Как и предугадано было бы с отсутствием погрешностей, лестница за ней вела куда? — верно, вниз. Туда весь разведотряд и направился, аккуратно ступая по обветшалым ступенькам, сваренным ацетилсалициловой сваркой из нескольких кусков арматуры. Внизу был подвалище. Ура, мы с вами, дорогие читатели, оказались правы!

— Подвалы — это хорошо! — авторитетно мявкнула Терюська, вламываясь головой в кухонную дверь.

— Можно подумать, ты много по подвалам исходила! — хмыкнул я.

— Все Терюськи на свете знают, что подвал — это и защита, и тепло, и еда, — Терюська запрыгнула на стул рядом.

— А я вот по подвалам ползил от души в детстве! — неожиданно для самого себя разоткровенничался я.

— И чего?

— Да много всего!

— Пил, курил? — презрительно фыркнула она.

— Нет, блин, марками обменивался! Да астрономию учил!

— Вот, теперь всем понятно, что кроме еды, тепла и защиты, в подвале можно встретить ещё и филателистов и ученых! — Терюська спрыгнула и направилась в ванную. — Слухай, открой мне воду, я погляжу, как она утекает в глубокие непролазные подвалы. Нравится мне енто дело — воду провожать.

Это таки был самый подвальный из всех подвалов подвал. Андеграунд во всей красе. Милый сердцу любого диггера дом. Землянка дружбы алкашей и наркоманов в густом городском лесу. Если б археологи были умнее, они, конечно, искали бы следы прошлых цивилизаций по подвалам. Именно там зарывают свои сокровища и послания далёким потомкам все достойные своего поколения люди, будучи ещё в подростковом возрасте. Сколько предупреждений и мудрых наставлений, сколько искренних слов, завёрнутых в конфетные фантики и захороненных в песке под цветными стёклышками лежит там, среди теплоцентралей. А между тем, ни в раз не поумневшие историки, в напрасной надежде поправляя съезжающие на нос очки, роются в черепках горшков, в остатках кастрюль, среди древних ложек и вилок, пытаясь разгадать психологию наших предков. А что можно раскопать на кухне среди горшков и кастрюль? Какую психологию? Какие мечты? Разве что кошачью мечту о банке рыбных консервов.

— Что видим? — тихо спросил Дример.

— Песок, — ответил Слипер.

— Трубы, — испуганно отозвался Загрибука.

— Мусоррр, — оптимистично отметил Башкирский Кот.

Шкындырович добыл из кармана пиджмака приборчик, который мусолил в руках, то доставая его, то убаюкивая обратно в хлопчатобумажные глубины. Взглянув на экранчик, Дух спокойно и деловито доложил:

— Он здесь. — И улыбающийся Кого аргументировано приложился к своей шляпе.

— Кто? — подскочил Загрибука.

— Трынтразябр! — гугукнул на него сзади Башкирский Кот. — Вы, уважаемый, присутствуете на научном экспириенсе! Так шо без эпилептических подёррргиваний! Соберитесь.

— Гут, — коротко буркнул Загрибука и принял мужественный вид. В шапке с помпоном это было трудновато, прямо скажем.

— Хвост искомого находится супротив нас! — важно отрапортовал Шкындырбыр Шкындырбаевич. — Виляет беспардонно, если можно так выразиться.

— Хвост или есть, или его нет! — отрубил, как отрезал, Башкирский Кот, крутанув хвостом для убедительности. — Давайте же его поймаем!

— Мора, помнишь, как мы это делали у тебя на фазенде? — Шкындырович обернулся на Мору.

— Помню.

— Тады давай! — Дух протянул ладонь с приборчиком, сам защемил себе второй рукой нос и надул щёки.

— Это зачем он? — изумился Дример.

— Давление! — кивнул Мора, мол, всё в порядке. — Долго объяснять. Смотрите.

Он нажал какую-то пимпочку сбоку. Крышечка прибора откинулась. Оттуда вылезла на тонкой ножке какая-то усястая масипусечка и тихонько пискнула. А потом писк стремительно стал нарастать и становиться всё громче.

— Ой, мамочки, а может, не надо? — попятился Загрибука, но было поздно. Писк дошёл до крайней верхней точки и как будто растёкся вдруг по всему помещению, теряя силу. И в тот же миг подвал двинулся. Именно двинулся. Его стенки стали удаляться и расширяться в стороны.

— Сдуй мои пилюльки! — офонарел Слипер.

Подвал натурально улепётывал во все стороны.

— Ишь его тарацит! — зашипел кот. — Распёрло-то не по-детски!

А подвал всё ширился и ширился куда-то вдаль, и исчезал из виду в непроглядной гулкой дали.

— Ёктить! — обрёл дар речи Дример. — Дык теперь туда разве что на самолёте Мора лететь. Куда его унесло-то?

Теперь за сплетениями труб теплоцентрали маячила тёмная тоннельная синь, уходящая, судя по низкому бабахющему эху, очень и очень далеко. К тому же она, даже по наблюдению невооружённого усё-вижу-скопом глаза, была крайне нестабильна краями и натужненько мерцала, словно телевизор на кухне тёти Нюры в Кронштадте.

— Чё делать будем, начальник? — воззрился на Шкындыровича Башкирский Кот. — Чипотанить в светокруговое пешкодрралово али тута замеры проводить?

— Пойдёмте, — выговорил Шкындырович, явно тоже не очень готовый к такой метаморфозе. — Надо углубиться и самими посмотреть, что да как.

— Ага, — кивнул кот и, мигнув, на всякий случай стал невидимым. — Я вперрёд. А вы за мной. Углубим и расширим, так сказать, и поведём всея народы через тернии досужих домыслов и псевдонаучных слухов к Полной И Окончательной Нирване Без Нирватрёпки! К свету знания полным ходом!

И следы его лап на песке потянулись в сторону широченного бескрайнего тоннеля. В одном был неправ Башкирский Кот, а именно в том, что аварийных красных ламп в тоннеле не имелось. А потому и света тоже ни шиша не наблюдалось. Там царили темень и жуть. И что-то всё время ухало, словно филин в ночном рязанском лесу. А может, это просто капала где-то далеко вода?

Слипёр снял непромокаемую сумку и достал оттуда два налобных фонаря, свой и Дримера. Братцы надели их и включили, как показал Мора.

— Надолго заряда хватит? — спросил Дример.

— Надолго, — кивнул Мора. — Там внутри масюсенький пропиленопенный реактор. Его хватит, чтоб ты башмаки стоптал. А когда стопчешь, откроешь аккуратнo крышечку сзади и туда дунешь туда, плюнешь чутка — и снова стаптывай.

— Лучше тут ничего не трррогать, — раздался кошачий голос впереди.

— А чт-т-т-то такое? — застучал зубами Загрибука.

— Да тут на стенке кто-то намалевал знаки странные, — усомнительным тоном подразмыслил кот. — Вроде как предупреждение. Я таких не видал. Да только чую я, что «угроза радиации» на месте этих знаков меня бы более порадовала.

— А что может быть сие такое? — не унимался Загрибука.

Кот внезапно материализовался посреди темноты между трубами, чем испугал всех, и зловеще хохотнул:

— Угу-гу! Будешь сопли ронять чёррными козявками!

— Да ну тебя! — весело сплюнул Мора. — Вечно ты со своими шуточками!

— А чё, — пожал плечами Башкирец, — я ж так, ситуацию расслабить. Не дрейфь, Загрибыч. По всему видать, на нас глядучи, что мы все тут напрочь шизанутые с большой буквы «Е». А таким везёт. Пошли, нас ждёт большой Шнобель с портфелем премий! Долой ррразмышлюхи и мозгометания. Дорогу молодым и сердечным ритмам доверия. Ты мне веришь, Загрибыч-джан?

— В-в-в-верю, — пролепетал Загрибука, но уже более спокойно.

— Вот и алга! — Башкирский Кот опять исчез, но отозвался из темноты: — Ты, Загрибыч, не шибко пужайся невидючести моей. Помни, что я всецело над тобой нависаю и всегда готов, как учила паррртия.

— Какая такая партия? — ухахатывался Слипёр, слушая кота. — Что ты несёшь?

— А что, у котов партий быть не может? — ухнуло из тьмы. — Шагайте давайте. Вот гляди, брррателло, я уже навряд как и в голове процессии иду, а это что значит? Верно. Предводительство. А где предводитель, там и электорат, аудитория, понимаешь ли. Оглядываемся назад, есть ли аудитория? Есть! Вот она топает почти браво вслед за свеженьким предводителем. А сия процессия что означает? Нет, дорогой брррателла, не просто подвалошатания молодёжи, а именно партию на променаде! Вот тебе и паррртия! А в названии ли суть?

— Скажи мне кто раньше, что я буду шастать по подвалу в рядах некой кошачьей партии — точно бы диагноз выписал, — усмехнулся Дример, водя головой с фонарём по сторонам.

Слипер пустил слезу от хохота, отчего фонарь на его голове запрыгал, словно светомузыка на адекватной дискотеке. Загрибука расслабился и стал приставать с научными вопросами к Шкындыровичу. Песок поскрипывал в темноте.

Они прошли за приятной болтовнёй уже достаточно далеко, когда вдруг обнаружили, что прямо посреди тоннеля возникли новые продольные стены, как будто он начинал делиться на несколько ветвей, а потом в каждой из стен нашлись ещё дополнительные проходы в виде дверей.

— Ты уверен в стабильности этой штуки? — спросил Мора шагающего рядом с ним по тому же подвальному песку Шкындыровича.

— В приборе я уверен, — ответил тот. — Он будет сдерживать Коридор ещё долго в таком состоянии. Но вот гляди, пошли разветвления. Что бы ты тут делал с виманой? А если дальше тупик? Или ловушки? А может, просто путевой ремонт?

— Мда, — только и кивнул Мора. — А что, думаешь, есть реальные ремонтные бригады, которые работают в Коридорах По Связям С Обществом?!

— Ну Коридоры же есть? — Шкындырбыр пристально взглянул на Мору. — Есть. Значит, есть и бригады. Это ж природный закон. Где появился унитаз или раковина — жди сантехника, готовь взятку!

— Логично, — согласился Мора.

— Только думается мне, что встречать их нам ни к чему, — прибавил шаг Шкындырович.

Слипер и Дример шарили глазами по сторонам, освещая рассеянным лучом фонарей дорогу. Загрибука ощупывал стены загибающимися дланями, отбрасывая помпон своей шапки с носа. Вся десантура выбрала центральное направление и почипотанила вперёд. Шкындырович отмечал путь на своём приборчике.

— Надо бы дойти до какого-нибудь понятного отрезка, чтоб уточнить течение энергий, — объяснил он остальным. — Я зафиксирую место изгиба тоннеля и смогу перенаправить его астрофиксией к орбите звезды Гори-Гори.

— Это как? — спросил Загрибука.

— Методом удушения его орбитами попутных звёзд, — ответил Кого-Шкындырович. — А там уж по нему шмальнёт Мора в благоприятный момент. Дэус-дэус-краснадэус-бац! — и наш бравый лётчик окажется в считанных шагах от Барьера.

— Хм, — переглянулись Слипер с Дримером. Похоже, в их головах появилась одновременно одна непростая догадка, а затем идея. Но они решили промолчать.

В пространстве стали попадаться непонятные сооружения, напоминающие остатки заводских цехов. В какой-то момент тоннель, который они выбрали для исследования, пошёл под уклон, затем резко повернул вправо и вдруг превратился в узкий-узкий проход.

— Мда, — покачал вихрами Мора. — Вот тут бы я и остался среди винтиков и шпунтиков. Ты был прав, — он повернулся к Шкындыровичу, — это ловушка.

— Думаешь? — замедлился тот, вытянул вперёд на руке прибор и стал внимательно смотреть на показания. — А ну-ка, попробуем пройти дальше.

Экспериментаторы очень осторожно, шаг за шагом стали продвигаться по узкому тоннелю. И вдруг проход внезапно оборвался, и всей группой они вышли на освещённую огромную каменную поляну.

— Ёктить налево! — заорал Дример весело. — Подлечись мои печёнки, я знаю, что это такое!

— Кажется, я тоже! — заулыбался Слипер.

Загрибука радостно закивал. Башкирский Кот взъерошился и напрягся. Его опасения, видать, не были напрасны, ибо в последний раз он передвигался по этим тоннелям не самым комфортабельным классом поезда, а точнее, багажным отделением в виде живой посылки. Шкындырович и Мора удивлённо вертели по сторонам головами. Было отчего дать круголей мозгами! Ибо они вышли из бокового прохода прямо в окончание тоннеля перед станцией метро. Но совсем не на ту, на которой когда-то собрались воедино наши brave туристы и повстречали Красную Тюбетейку. Эта станция была полностью разгромлена. Под потолком горело всего несколько ламп. Стены были отбиты и покрыты трещинами. Потолок осыпался. Повсюду свисали провода. Кое-где искрило.

— Ну, привет, вот так забрались, — угрюмо промычал Башкирский Кот. — Маха-кюнтэ! Или пррросто большой, аднака, зад!

— Вот что мне видится, уважаемый Шкындырбыр Шкындырбаевич, — повернулся к Духу Дример. — Пути С Общением здесь явно старые и давно не используемые. Стало быть, могут быть недочёты в расчётах по подсчётам о недостачах достаточных результатов. Это я к чему? Пошкрябали обратно пока что. Сдаётся мне, что Коридорчиком этим мы ещё воспользуемся. Есть пара идеек на сей счёт, и, возможно, мы с братцем вам в этом деле поможем. Но чутка позднее. Как только до Ключника доберёмся.

— А что за Ключник? — поинтересовался Шкындырович.

— Да я им обещал в Пургопетрик смотаться, — забубухал в бетонной коробке объяснительную Мора. — Есть у меня там один, в ключах шибко разбирается, да только напасть у него изворотливая мозговая. Типа, ни шиша не помнит, чего куда и когда положил. Но в ключах он дока!

— Смотрите-ка, — прищурился весь Шкындырович, — значит, мы прямо-таки параллельными путями движемся.

Мора удивлённо на него воззрится. А вот Слипер и Дример всё сразу же поняли. Башкирский Кот нахмурился и пожелтел глазами. Загрибука был занят изучением помещения, а точнее, просто обалдело шарился глазами по всему периметру.

— Ты что, тоже в Пургопетрик собирался? — Мора поднял брови.

— Нет-нет, — заверил Шкындырович. — Но у меня есть твёрдое интуитивное прозрение, что опосля вашей встречи с Ключником я вернусь сюда. Ибо наш с Морой проект, похоже, имеет с вашими поисками больше общего, чем мы все предполагали.

— О чем это ты? — спросил Мора и повернулся к остальным. — Это он о чём, а?

— Не парь мозг, Мора, — весело отмахнулся Слипер. — Интуитивные прозрения на то и интуитивные, что никто в них ни гу-гу не шарит своими роликами, а попросту следует инструкции, как при сборке охлаждённой в холодильнике виманы.

— Иди ты! — воскликнул Мора.

— Давно пора! — согласно отозвался Дример и мигнул Шкындыровичу сурово: — Почапали, господа учёности, почапали отседова. А то проводка тут никудышная, ходы запутаны... Вы как раз всё подготовите к нужному моменту, в чем я лично нисколько не в сомнениях.

Слипер и Башкирский Кот удивлённо посмотрели на Дримера. Но братец как ни в чем не бывало продолжил:

— Кстати, а сколько вам может понадобится времени на зачистку данного тоннеля по полной боевой выкладке и подготовке, дабы мы решились попытаться привести задуманный безумный эксперимент к удачному Шнобелевскому финалу?

— Ну... — протянул Шкындырович.

— Местных суток семь-восемь, — отрапортовал Мора и взглянул на Шкындырбаевича. Тот кивнул.

— Время в Пургопетрике, как я понимаю, течёт быстрее? — спросил Дример, и Слипер улыбнулся, поняв, куда клонит братец.

— Верно, ненамного, но быстрее, — кивнул Мора. — Скажем, на треть.

— Тады давайте сделаем так, — подытожил Дример. — Мора нас закинет в Пургопетрик. Мы там обтяпаем дельце с Ключником за пару суток, и кое-что сразу прояснится-таки и в вашем эксперименте. Я так думаю.

— Отлично! — воскликнул Шкындырович. — Так и сделаем.

— С чем они вернуться? — переспросил тихо Мора Шкындыровича.

— Сдаётся мне, что кипятить мозг тут ни к чему, — таинственно произнёс тот. — Не вибрируй пока что, Мора. Я не хочу забегать вперёд по одним догадкам, но коли мыслишки у меня и у твоего знакомого Дримера текут в одну водопроводную трубу, то, глядишь, наш эксперимент не только удастся, но и обретёт тот самый осмысленный и осознанный долг Дхармы, который сделает сие мероприятие успешным и одобренным свыше. Короче, всё выгорит, и мы попляшем на головешках танец кого-пого, или пого-кого, уж как тебе больше нравится!

— А что это за танец? — засмеявшись, спросил Мора.

— О, это старинный ритуальный танец на тот случай, когда всё выгорело! — подмигнул Шкындырович. — Когда пираты, подбрасывая в воздух сверкающие пиастры, безумно пляшут на пятнадцати скелетах своих погибших товарищей вокруг сундука. В целом, глубокий подсознательный фольклор с психологическим портретом участников в виде гордости, побеждённого страха соперничества и алчности без сексуальной подоплёки. Не бери в голову, а то лопнет.

— Ладно, я всё понял, пошли, — и Мора повернул обратно, ускоряя шаг, дабы догнать Дримера и Слипера, освещающих дорогу фонарями. Загрибука и Башкирский Кот аккуратно ступали с ними рядом.

Зунграм уе рукша еба — выпил сто грамм, и вперёд! (бурятск.)

После странного путешествия по городу А уткло несколько дней. Шкындырбыр Шкындырбаевич Шкындырович с головой ушёл в расчёты и теоретические вычисления по найденному им блужающему Коридору По Связям С Общественностью. Вся остальная компашка во главе с Морой вернулась на лесное ранчо. Пару дней они валяли дурака, что значительно повысило у всех боевой настрой, и сразу же забодрилось их физическое состояние организмов. Сон на свежем воздухе, купание в реке, гуляние по лесу и незатейливые занятия всяческой незатейливой фигнёй всегда весьма и крайне позитивно влияют не только на физическое самочувствие, но и на сложноустроенное многоэтажное здоровье душевное, то есть устаканивает все ментальные, астральные, казуальные и прочие всячески-альные поля в один стакан и не взбалтывает. Так что все они занимают соответствующие места, словно слоёное разноцветное желе «Светофорик» на полке в супермаркете «Карусель». А сам владелец этих полей и вовсе цветёт и пахнет дорогими гламурными духами.

Башкирскому Коту нашлась в гараже удочка, и он пропал с нею на реке. Изредка он появлялся на пороге, глубоко втягивал воздух, и Мора, всё понимающий с первого такого вздыхания-вынюхивания, что-нибудь находил ему вкусного на камбузе, и кот пропадал снова на полдня. Загрибука поначалу ходил с ним, но потом засел в гараже с Морой.

— Ну шо вы там? — запрашивал профессора Дример, расположившийся на крылечке с подаренными ему Шкындыровичем папиросками.

— Да шо-шо... — тянул Загрибука. — Этот полосатый сидит, словно радиоприёмник, со своей удочкой и молчит. И так часами. Смотрит на воду и молчит. И только урчит довольный. Мне кажется, он ещё ни одной рыбы так и не поймал! Чего мне там с ним сидеть?

— Вот лопух околоухий, — мирно полуохнуло в воздухе, и из лесного полуденного зноя материализовался Башкирский Кот наперевес с удилицем. — Кто медитацию совмещает с ловлей и мучением живых существ? Темнота! У меня и крючка-то на удочке нет! Я дык сразу и тут же попросил Мору его снять. На кой он мне нужен? Для созерррцания наглядного пособия по

философии «у-вэй» и поплавка достаточно! Я таким образом во единожды момент практикую ускоренным курсом буддистскую медитативную практику, совмещая её непосредственно с практикой ахимсы.

— Кого?! — Загрибука подпёр загребущими руками бока.

— Ахимсы, прррпрофессор, — невозмутимо шаркнул лапой по хвое кот, — что означает на сан-эпидем-скрите, языке древнем и крайне мёртвом, принцип ненасилия. Не навреди, типа. Не пинай ботву напрасно! Не кидайся с балкона морскими свинками в прохожих! И вообще клыками не отсвечивай!

— Да? — с сомнением протянул Загрибука. — Ну тады ладно. Токма я лучше пойду в гараж к Море, а то я там, на реке, пока ты медитировать будешь, плесенью и грибами покроюсь от скуки.

— Беспокойный ум учёного, — печально закатил сиреневые глаза Башкирский Кот. — Никакие грибы тебе не помеха. Никакая плесень космически занесённая тебя не возьмёт. Да вашему учёному брату хоть пентотал натрия вёдрами разливай по извилинам, всё одно вывернетесь и подпишете отказную от Бога и матери ррродной.

— Ой, а чё это такое? — подпрыгнула Терюська у меня на коленке.

— В каких смыслах? — подставил я ей вторую коленку, ибо кривая риска травматологии Терюсек только что поползла вверх своим извилистым графиком.

— Пентотал натрия чё такое, — мявкнула она, уставившись на меня так, словно я отсталый фокус с лоботомическим насморком.

— А, — распрямил я физиономию лица, — это так называемая «сыворотка правды». Использовалась многими военными службами разведки в целях быстрого насильственного задружения и скоропалительного согласия на сотрудничество по всем статьям. Поделись прививкою своей, и она к тебе не раз ещё вернётся. Пациент выкладывал всё тут же аки на духу всем подряд и кому не лень. В принципе, священники разных религиозных конфессий всю дорогу пытались сотворить то же самое, только без вмешательств фармакологии, и называли сие исповедью. Разведчики же всегда были не столь терпеливыми ребятами, а потому сразу призвали на помощь успехи в исследованиях химического воздействия непосредственно на центры мозга, превратив разумных существ в кроликов, реагирующих инстинктивно на тупые солевые раздражители.

— Не умничай, мы химию прогуливали, — буркнула Соня, показавшись из-за угла. — А до всяких милитаристических прививок нам и вовсе дела нет. Мы же существа разумные, а потому толерантные к любым и по-любому. Пошли лучше, Терюська, на балкон, погреемся.

— Пошли, — согласилась Терюся и поскакала смешно вслед за Соней, на ходу мявкая мне: — Только ты потом расскажи, что там дальше случилось, хорошо?

— *Идите, идите, — заболтал головой я, — я тут сам пока не разберу, что к чему. Кто бы мне этот самый пентотал натрия замешал? Может, я быстрее бы понял маршрут написания книги. Эх, доктор едет-едет сквозь снежную равнину...*

— А всё почему? — кипел кошачий разум, возмущённый в загрибукинскую сторону. — Да потому что суета у вас пестрит в стройных рядах нейронов и аксонов. Суета... Суета... О хлопотливый дух библиотеки! Взять всё, познать и на полочку положить, и лишь пыль смахивать. Можно подумать, что Потолочное Разумение читательский билет тебе прокомпозирует и тринадцатую зарплату выдаст в окошечке, когда твою задницу догонит желанный день зарплатный, или попросту Великое Ежемгновенное Обновление. На потолке нет книжек, Загрррибыч! Усеки себе на усах, проставь насечки! На потолке всегда одни кайфы и медитационные мультики. Вот ты сам в каких ситуациях в потолок глядел чаще всего? Ладно, гашиш ты не куришь, я понимаю. Тогда каким боком и вывертом? Верно, когда плевал в него художественно и дурел от скукотищи, которая извилины спрямляет. Много познал ты интеллектуально в сии моменты отдохновения? Зеро! И вот поведай мне как на уху, ты какие-нибудь книжки на потолке хоть раз видел или, скажем, надписи? Ну там, томик Рододендрона Битрата Тагира или подшивочку Хаямы Омарной? Так и скажи нам всем честно, аки на присяге, — нет! А вот я тебе сейчас продекларирую кое-что из ранней Хаямы Омарной! Узри суть всеосветную поэтическую о мудрррёностях и прозе житухи бытовой!

Кот отключил заднюю лапу, вытянул по-ленински противоположную лапу переднюю и, откашлявшись, раскатисто заорал в тиши лесной:

Вхожу в мечеть в час поздний и глухой

Не с жаждой чуда я и не с мольбой.

Когда-то коврик я стащил отсюда,

А он истерся. Надо бы другой. <Перевод Г. Плисецкого.>

— Ох, — только и протянул Загрибука, — я пошёл.

— Иди, мой дррруг, шагай в науку широкими шагами со всеми прилагающимися, — ласково улыбнулся ему вслед Башкирский Кот. — И когда ты устанешь пялиться в свои научные книги и наконец-то завалишься отдохнуть, потолок всегда будет к твоим услугам и до тех пор, пока ты не осознаешь всю детскую и наивную тщетность литературы наряду с величием ррровой поверхности спокойного озера ума. Ом Маня падмила хум[ы]!

Кот подхватил удочку и исчез в воздухе, нервно моргнув.

— Кхе, — только и усмехнулся Дример и достал папироску.

— Эй, хорош тарашиться в чушь лесную, — на тропинке показался Мора. — Радиоприематель хрипит, мол, прогнозы нынче обещаются прибыть за любо-дорого. Пургопетрик вам светит, други мои, в обозримом формирующемся будущем.

— И чего и когда? — Слипер высунулся из-за двери дома, услышав беседу.

— А вечерком и стартанём, — отвечивал Мора.

— Дык, — недовольно крякнул Дример, — мы ж к ночи прилетим, и что там в темноте сыщешь, кроме неприятностей на своё ОКЛЖПэ?

— Есть у меня наводки на вашего Ключника, — хитро сщурился Мора. — Наводчики-налётчики одни подсобили. Похоже, шо адресок верный. Думается мне, к ужину и поспеем в аккурат. А по тому, чем хозяин гостей ужинает, можно многое о хозяине том узнать сходу-то!

— Только без лекций о кулинарии! — отмахнулся Дример. — Я так понимаю, что резон свой имеется?

— Кое-что есть, — согласился Мора. — Расчёты Шкындыровича ясно говорят, что ключи к Ползункам, которыми открываются внешние пределы Коридоров По Связям С Общественностью, ну те, что на очень дальние расстояния бьют, имеют по всем фэн-шуям западный окрас. Энергию заката. По всему будет верно, если за ключами этими мы явимся в соответственное время.

— Как скажешь, — кивнул Дример. — Ибо что там по нашим ключам — вообще пока не ясно. Давай хоть с вашими сразу разберёмся.

— А покуда можем уши сварганить! — весело заорал Мора, мотнув по ветру вихрами. — Я тут утречком кой-чего наловил. А то буддист наш усатый кроме Всешарящего Прочухалова ничего, похоже, не поймает на речке. Придёт сейчас, светлый, шо твоя лампочка в подвале, и будет за обе полосатые щёки навораживать отнюдь не ахимсную ушицу да урчать разборчиво.

Дример рассмеялся и поднялся с крылечка:

— Ворчание — знак согласия! Да уж. Ну, пойдём подсоблю, что ли.

— А я покуда миски с ложками провентилирую, — исчез в дверях Слипер.

Вскоре уже все сидели в большой комнате на первом этаже и ели рыбную похлёбку. При этом Башкирский Кот подозрительно посверкивал застрявшей у него в шкуре рыбьей чешуёй. Видать, успел по внешней неузречести своей и свежатинки прихватить с разделочного процесса.

Мора верно сказал. К вечеру погода изменилась. Всё затихло сказочно, птицы редко поцвиркивали, деревья напряжённо замерли.

— От! — утвердительно крякнул Мора, выходя на крылечко. — Теперь можно шуметь винтами в сторону Пургопетрика. Срочно собираемся, и в круть-дорожку.

— План такой, — тихо изрёк Дример, также вышедший на воздух. — Проводим познавательную экскурсию в славный город Путропетрик, выясняем, шо там да как с ключами, возвращаемся и с помощью нашего дорогого Шкындыровича пытаемся добраться с ключами до Барьера. А там видно будет.

— Да запросто и легко, — хекнул Мора откуда-то снизу. — Вроде как народ отсталый во всех отношениях, эгоистического укладу жизни, дык сказать, но что один подумал, то тут же знают все. Налицо проявление самого что ни на есть признака Высших Планет. Нам со Шкындыровичем вообще сдаётся на досуге, что планета сия, на которой мы с вами имеем нынче удовольствие твёрдо стоять пятками, на самом деле является обломком Высшей Планетарной Системы, то бишь она самого что ни на есть Райского Уровня. То ли экспериментами какими, а то ли по наказухе потребной, да только ухнула в свое время планета эта с верхнего этажа вселенского аккурат сюды вместе с народцем населяющим, стрекозьявками как они есть. Может, за вреднючность свою и стервозность стрекозьявки и получили такой вот вразумительный круиз в округ Адских Систем. А не долетели и застряли тут у нас в междумирье. Потом уж всё одичало. И они превратились в жалкое подобие домовых, крадущих картошку из кастрюль.

Все спустились в подвал. Оглядев его, Слипер и Дример удивлённо обернулись друг на друга, а Башкирский Кот и Загрибука скривились в узнавании.

— Как живой, — изрёк Башкирец.

— Он и есть, — ответил Загрибука.

— У меня с крышей не в порядке, или он действительно похож? — спросил Дример Слипера.

— Похож, ещё как, — кивнул Слипер.

Подвал был, как две капли портвейна, похож на своего собрата из города А, в котором находился, собственно, Блуждающий Коридор По Связям С Обществом. Только в этом чуть поодаль справа стоял огромный аквариум с мутной зелёной водой.

— Вот его мы и видели во сне, — обратился к Море Башкирский Кот.

— Мора, — подался вперёд Слипер, — а то, что твой подвал так похож на давеча нами посещённый подвал в городе А, тебя не смущает?

— Ну, я думаю, они все тут типовые, — недоумённо мотнул вихрами Мора. — А что, сильно похож?

— Да не то слово, — подтвердил Дример.

— Хм, — пожал плечами Мора, — я и не замечал. А аппаратец вот там, за аквариумом.

Они обошли аквариум, внимательно оглядев его внутренности. В баламутной воде мало что можно было разглядеть, но иногда угадывалась тайная движуха каких-то малюсеньких организмов невнятной наружности.

— Лучше тут ничего не трогать, — предупредил Мора. — От старых хозяев, от кастанудистов, могло ёктить знает что остаться. В том числе, аквариум этот — их рук дело. Чё за рыбок они тут разводили, я уж не знаю, но уверен однозначно, они точно были не из числа членов общества аквариумистов, и на гуппи там разных и скалярий им было с фонарём положить и с колокольни сморкнуться. Памятуя об их чёрном юморе, должен смело заверить, что аквариум сей может представлять собой исключительно хитроумную и не самую добрую ловушку.

— И кто ж такие были эти самые кастанудисты? — спросил Загрибука.

— А ты никогда не слышал об Чакмулах? — спросил Мора профессора в ответ, и Башкирский Кот внезапно поперхнулся на ровном месте. Он метнулся к мохнатому приятелю и, положив ему лапу на плечо, авторитетно заявил:

— Я тебе всё про них расскажу, дррруже, только как-нибудь потом. Это длинная тема. А ныне поминать всуе не станем в сей прекрасный день.

— Хорошо, замётано, — согласился неожиданно легко Загрибука, почуяв макушкой под помпониистой шапкой, что тема пахнет трясущимися коленками.

— Мне Шкындырович говорил, — продолжил Мора, — что аквариум связан со временем. Организмы, там живущие, способны искривлять время и что-то там такое неопишное с ним творить.

— Понятно, — тихо сказал Дример и скоренько отошёл от водоёма подальше.

Несуразные микроорганизмы в аквариуме потянулись было за братцем, но тюкнулись в стекло и отпрянули в обидке, несуразно же зарывшись снова в мутные водоросли.

— Связь тут! — Мора открыл в стене подвала неприметную панельку, напоминающую обычный электрощиток. А там, за панелькой, стоял странный агрегат, на вид сочетающий в себе симбиотично мясорубку и УВЧ-аппарат, ну, тот самый, который используют во всех поликлиниках, дабы прогревать уши, горлы и носы всех мастей.

— Хола-а-а-хуп! — жестом фокусника Мора выудил из него подобие лейки массажного душа с резиновым шлангом и протянул Дримеру. — Держи, к уху прикладывай. Слухай оттуда, — он указал на дырочки в лейке, — а говори в кренделёк с другой стороны.

Дример приложил лейку к уху, а Мора крутанул какую-то патефонную ручку сбоку УВЧ-мясорубки.

— Ола! — раздалось из трубки скрипучим голосом с усами. — Ола, амиго! Это брухо Сан-де-ля-Педр-Эста-ля-Каретера-а-Оахака. Говори, не тяни! Чё ручку крутил?

— От, блины с компотом, — изумился Дример в сторону Моры, а затем буркнул в душ: — Слышь, друже, мне б надобен Шкындырбыр Шкындырбаевич Шкындырович. У меня к нему важный вопрос назрел.

— Так-с, сейчас, — засопел голос с усами. — Шкын-дыр-рович... О, нашёл! Э, амиго, нашёл! Есть твой Шкындырович. Сейчас соединю. Замри слегка, пор фавор.

— Гут! — неожиданно для самого себя ответил Дример.

Все присутствующие в подвале с нескрываемым интересом наблюдали.

— Я про аппарат слышал, когда дом покупал, — шепнул Мора Башкирскому Коту на ухо, — да сам как-то не решался ручку крутить. Шаманизм усё это. Наверняка и енту хрень кастанудисты оставили. А тут Дример кстати запросил. Прикольная штука, — хохотнул он. — А с кем он там гитарит, интересно?

Башкирский Кот пожал плечами и снова уставился на Дримера.

— Э, амиго, — загундело гайморитно в лейке душа. — Шкындырович на проводе. Прослушки нет.

— Спасибо, — ответил Дример.

В трубке скрипнуло, пискнуло, пукнуло, и сквозь треск и шипение раздался совсем близко голос Шкындыровича:

— Да-а?

Дример обернулся на всю честную компанию и сконфузил физиономию.

— Пойдёмте, — сказал, поняв намёк, Башкирский Кот, — я вам тоже кое-что покажу.

И он повёл всех в противоположный дальний угол подвала.

— Здравия вам, Кого! — шепнул Дример в лейку.

— Здравствуй и ты, мой друг, — мягко ответил Дух Кого. — Вы что, нашли передатчик?

— Да. Точнее, Мора нам его указал.

— Ага. Как я понимаю, нашего бравого лётчика рядом нет.

— Башкир-Ата отвлёк его. Послушайте, Кого, прежде чем мы отправимся с друзьями в Пургопетрик, мне необходимо задать вам пару самонаводящихся вопросов.

— Уверен, что уже знаю их, — Дримеру почудилось, что Кого улыбнулся.

— Почему Мора знает вас под другим именем? И почему вы явно не хотите, чтобы он узнал, кто вы на самом деле? — Дример нервно затопал ботинками.

— Знаешь ли, мой юный друг, я провожу свои исследования на разных планетах, в различных Слоях мира. И мои опыты здесь не связаны с перемещением между планетами посредством Коридоров По Связям с Обществом, кои мне, как ты догадываешься, и вовсе для сего не в потребности. Мора бы наверняка обиделся, знай он, кто я таков и на что способен, ибо тут же уразумел бы, что все наши с ним опыты для меня суть сущий пустяк. Но меня на самом деле в них интересует немного другое. Я помогаю Море с его проблемами и интересами, а он мне — с моими, даже не подозревая об этом.

— Тонкая политика... Большой замут.

— Верно, мой друг. Здесь, слава Великому Тутытаму, я могу быть достаточно материален, чтобы Мора не заподозрил во мне бестелесную сущность. Ни к чему сверкать ксивой, — неожиданно сбился Дух на блатной жаргон, но тут же поправился: — Я хотел сказать, мудрость состоит в том, что не нужно светить лицом в окно сберкассы, если на тебе надета шерстяная шапочка террориста. Могут начаться сложности и неразбериха. Причём с незапланированными травмами.

— Но ведь вас, кажется, всерьёз увлекают опыты Моры, и вы сами рвались найти эти Блуждающие Коридоры.

— Ваше сознание материально воплощённых существ не даёт вам полной картины происходящего во вселенной. Вы находитесь внутри её, а стало быть, не можете взглянуть на творение со стороны. А между тем, механизм различных перемещений зависит не от материи, как вы думаете, а от времени. И мои опыты связаны с этим.

— То есть?

— Всем пользователям различных средств перемещения кажется, будто они меняют своё местоположение, а на самом деле вы сдвигаетесь каждый раз во времени происходящего. Всё суетное единомоментно, мой друг, если смотреть на жизнь сверху. Понимаешь?

— Нет.

— И я о том же. Пока чистым духом не станешь — не усечёшь.

— Э, ёктить.

— Если очень натурально и по буквам, то всё просто. Мир один. Несмотря на это, он кажется вам разделённым на Слои, планеты, уровни и так далее, что по сути является всего лишь Конами Всеобщей Игры в бытовуху жития. Мир на самом деле один. И если вы желаете увидеть миры другие, вам надо двигаться во времени, а не в пространстве, ибо другие миры — это вы же сами, только видоизменённые со временем. Это то же самое, что вокруг вас и внутри, только в другом времени. Все миры вашей вселенной таковы.

— От, блин с компотом.

— И причём с наваристым, мой друг Дример, с наваристым компотом, — в лейке душа зашипели помехи.

— Ладно, я понял, что ничего не понял.

— Это пройдёт, — усмехнулся Кого из лейки. — Как ни странно, но ваш учёный товарищ Загрибука ближе всех вас подобрался к решению данного вопроса. И уверен, ему лучше перебраться ко мне, дабы с пользой для Всея Сангхи жить возле и совершенствовать свои познания под чутким моим руководством. Он ещё всех вас удивит.

— А вы знаете, откуда сам Загрибука?

— Знаю, Дример, знаю. Как знаю и то, откуда вы все. Но объяснить это вам не представляется возможным ныне же и сейчас по причине вашего временного проявления в обусловленных житием телах. Я могу только одно сделать для вас. Постараться отправить по домам, как вы того и хотите. Это непросто. Но думаю, я смогу помочь. Езжайте спокойно в Пургопетрик, найдите Ключника. Он и есть ваша следующая подсказка.

— Хорошо. Я вам верю, — Дример поглядел по сторонам и убедился, что товарищи отошли далеко, и никто не подслушивает.

— Вот и прекрасно, — прокряхтел помехами Кого из душевой лейки. — Хотя, возможно, Башкирскому Коту достанется от мамы за столь долгое отсутствие и за порчу семейного имущества.

— Это вы о чём?

— Дример, неужто ты так и не понял? Его маманя и вся родня — сфинксы. Самые что ни на есть. И вся эта Котовасия (дальний родственник Башкирского Кота, толстопузый деревенский кот по имени Вася, беспокойно заворчал во сне на завалинке) заварилась именно в тот момент, когда наш не в меру зубастый товарищ тяпнул когтем волшебный шар с заключённой в него вселенной на столе у своей мамы. Шар этот — не просто пресс-папье для квитанций и бюллетеней, а упрятанная в сферу мировая круговерть. Чужая вселенная. Понимаешь?

— Как это возможно?! Вселенная в шарике на столе?! — Дример оторопел.

— Ты Василиска видал в Лесу?

— Нет.

— А-а-а-а, так это твой братец Слипер на него набрёл, наверное. Ну так вот, Дример, Василиск — это не только праздношатающаяся по лесной глуши живая боеголовка, лишённая какого-либо механизма наведения. Если принять во внимание позитивные качества данного существа, научиться ими пользоваться и управлять, то вам откроется то, что сходу поняли родственники Башкирца.

— И что же они поняли?

— А то, что Василиск создаёт вселенные. Если его чудесным образом заставить перестать мельтешить без дела крылами и унять совершенно оголтелый нрав, затем задобрить зубоскала кайфовостями и вкусоностями и неожиданно подсунуть специально отлитое зеркало из безупречно чистого льда пентотала натрия, то... Что произойдёт?

— Э-э-э-э..

— Именно, Дример. Василиск скажет «э-э-э-э», то есть увидит в этом зеркале себя. И это будет последним, что он скажет на ближайшую кальпу. И Башкирский Кот намекал на это Слиперу при встрече с данным Васей в Лесу. Что будет, если Василиск увидит себя самое в чистейшем зеркале?

— Даже не знаю. Он ведь парализует всё живое взглядом.

— Ну и? — Кого улыбнулся незримо на другом конце связи.

— Он сам себя, что ли?..

— Верно. Но сознание Василиска, как и всякой волшебной зверюги, очень сложное и многоуровневое. Он — существо, изначально появляющееся у нас из миров, чрезвычайно близких к самому Барьеру вселенной. Таким образом, Василиск впадает в летаргическую кому и начинает генерировать в этом запредельном сне новую замкнутую реальность, то есть вселенную. Настолько же сложную и многоуровневую, как и его собственный разум.

— Кого, вы хотите сказать, что вся наша собственная вселенная — это всего лишь сон какого-то Василиска?!

— Не какого-то, а совершенно конкретно взятого. По-хорошему говоря, Тутытам и Василиск не сильно отличаются друг от друга в этом плане. Я вообще подозреваю, что они родственники. От характера и уровня развития разума конкретного Василиска зависит характер и развитость конкретной вселенной. С Тутытамом такая же история.

— И мы сами — порождение его разума?

— Не вы, а ваши воплощения, тела. Как и ваши житухи-бытовухи в этом мире. Игры, в которые вы играете здесь и кои называете словом «жизнь», действительно генерируются разумом Василиска, ибо он творит ежемгновенно всю вселенную. А вы, как индивидуумы с паспортными данными, — сами по себе в этой заварухе.

— Но как?!

— Я с этого начал. На нашем кассетнике кончилась плёнка, мотай! Пока души запелёнуты в тела, создаваемые в бесчисленности Василиском или Тутытамом, вам не уразуметь свою природу на опыте. Но вы есть чистый дух, как и я. А дух может житиять и бытовать где ему угодно и заблагорассудится. Если не забывается в супермаркете сна Василиска.

— То есть мы сами того этого?..

— Не вы, а ваши желания. Всё вокруг вообще есть чистое сознание. Когда создаётся тело, форма, то её исподволь должна-таки заполнить индивидуальная думалка. И вот тут-то вас и приклеивает. Как муху на варенье или чего похуже.

— А вы? Как вы остаётесь свободным? — шепнул Дример в лейку.

— Я? — Кого усмехнулся сквозь помехи. — А во мне нет никаких желаний, кроме ваших же собственных. Я сам есть лишь отражение. Но это ещё сложнее объяснить. Береги голову смолоду.

— Но получается, что вселенных может быть очень много?

— Да просто Союз Нерушимый Республик Свободных! И мало того, одни из них могут вполне находиться внутри других, ничем не связанные с первыми, и так далее. Всё очень сложно. Я ж говорил, Дример, этот компот сильно наваристый. Аж ложка стоять будет.

— Ёлы-палы, дык и шо нам теперь делать?

— В Пургопетрик, други мои, в Пургопетрик. Однозначно. И не загибайте себе понапрасну извилины пуше прежнего, ибо на сей счёт есть я. Раз уж мне довелось с вами толкнуться у Окольцованных, значит, неспроста сие. А потому я помогу вам, аки и подсказывает мне Потолочное Разумение.

— Я на вас очень надеюсь, Кого.

— А я кое в чём надеюсь на вас, — улыбнулся невидимо в лейку душа Дух Кого и внезапно дикторским голосом рявкнул: — Конец связи. Генерал на линии.

Лейка зашипела, а потом и вовсе поперхнулась и замолчала.

И в этот момент в глазах Дримера потемнело, а в ушах раздался радостный вопль Башкирского Кота:

— Завали меня корюшкой! Получилось!

Подвал стремительно менялся. Стены разъезжались куда-то в тёмные непроглядные стороны. Дример в испуге оглянулся вокруг. И увидел в отдалении стоящих друзей, которые с не меньшим испугом смотрели на метаморфозу повально-складского помещения.

— Ты чего натворил?! — крикнул Дример коту.

— Да так, дизайн подладил, — радостно гикнул Башкирец, прыгая мигающим мячиком к Дримеру. Остальные так и стояли с разинутыми ртами.

— Мы с Загрррибычем штуку эту во сне давеча видали, — затараторил кот. — Вот я и вспомнил эпизодно, в каком примерно месте тётка колёсико крутила, чтобы шторы раздвинуть. Ну и нашёл.

— Что-то мне это насильственно напоминает, — начал было Мора.

— Так то же самое творилось в том подвале, — тихо сказал Слипер, — в городе А, куда мы со Шкындыровичем ездили.

— Точно! — кивнул Мора. — Выходит, у меня тут в доме свой Ползунок имеется?

— Ой, ребята, — задрожал ещё больше уже и так дрожащий Загрибука, — а давайте пойдём отсюда.

— Зачем?! — удивился Мора. — А, так я вам не сказал... Друзья мои, тут дело такое, для путешествия в Пургопетрик нам всё равно пришлось бы воспользоваться неким слабым подобием этого феномена. А раз уж у нас под носом Коридор, так давайте его и опробуем.

— Этого я и боялся, — закрыл глаза Загрибука и надвинул свою помпонистую шапку на нос.

— Только как нам сквозь подвальную дверь сюда самолёт протащить? — нахмурился Мора.

— Ну, раз нельзя протащить самолёт сюда, — встопорщил усы Башкирский Кот, — значит, мы вытащим этот Корридорчик за хвост к тебе в гараж!

— А вы уверены, — засомневался Слипер, — что можно вот так запросто закручивать в кишки реальность где вздумается?

— А сейчас и проверим! — И кот опрометью бросился к выходу из подвала. — За мной, пока не остыло! У меня идея!

— Его идеи, сдаётся мне, выйдут нам боком через ОКЛЖПэ, — покачал головой Загрибука.

— Главное, чтоб не поносом! — заключил Дример и пошёл вслед за котом. — Алга за мной, а то он там сейчас без нас всё разнесёт!

Они вышли на улицу как раз в тот момент, когда из дверей гаража послышался грохот падающих железяк.

— Сдуй мои пилюльки, — Слипер перешёл на бег, — что там происходит?

Они забежали в гараж и увидели шныряющего и нервно мигающего полосами кота, который рылся по ящикам и бочкам, словно домохозяйка на кухне среди кастрюль.

— Оть! Нашёл! — Кот радостно вынырнул из большого квадратного бака с загогулиной в лапе. — Я ведь помню, что где-то её видел!

— Братцы, — оглянулся Мора, — на меня не смотрите. Я и сам не знаю, чего там у меня валяется. Всего по маленьку. По всем углам города А насобрано всячины.

— Такая же загогулина только что растопырила твой подвал, Чкалов ты наш перелётный! — Довольный кот подошёл к нему: — О, гляди!

— Хрень как хрень, — установил Дример, глядя через плечо Мора, — ржавая нафиг вся.

В лапе у кота был обрезок самой что ни на есть водопроводной трубы с вентиляем и какими-то насаженными гайками.

— А ну, зырь, уважаемая публика! — Башкирец схватил хрень и как следует со скрипом провернул на ней закисленный кран.

Ничего не произошло. Слипер и Загрибука смотрели на всё это в большом сомнении.

— И шо? — захмурился Дример, заложив руки в карманы комбеза.

— Хм... — смутился кот, — странно. А там сrrработало. Да шоб твою кильку! — и он брякнул хренью об камень.

И тут враз потемнело вокруг.

— Эй, эй, — попятился Дример, — шо это?

Хотя пятиться, по сути, было некуда. Прямо у них над головой расцветала не так уж и давно виданная ими в Лесу Страстная Напасть.

— Мам-м-м-мочки, — глянув вверх, вякнул Загрибука.

— Корридо-о-о-о-о-о-ор! — радостно заорал Мора. — Котяра, ты гений! И как эта штука работает?

— Что, умного нашёл? — скривил физиономию Башкирский Кот. — Откель я знаю-то? Я ж дедуктивным методом. Раз сrrработало там, значит, могло прокатить и здесь. Ну, я и повторил. Токма сдаётся мне, хрень ента как-то не в раз соглашается на сотрудничество. Помнится, я её крутил и вертел давеча у тебя в гараже, и ничё не происходило. Значит, что-то совпало где-то. Короче, Мора, коли долго будешь лоб скукоживать, пешком идти придётся. Выкатывай самолё быстрее.

— Понял! — радостно крикнул Мора сквозь зарождающийся в воздухе гул.

Мутное облачко над деревьями стало стремительно темнеть и разрастаться.

— А эта штука тут всё не того? — поднял бровь Загрибука. — Дом-то устоит?

— Ну, если он устоял при кастанудистах, — отозвался залезший уж в кабину маленького спортивного самолёта Мора, — то и эту непогоду выдержит.

Двигатель захрюкал. Винт шевельнулся и, подрагивая, завертел лопастями. Мора, не закрывая пластиковый колпак, махнул из кабины, чтоб все разошлись. Самолёт стал медленно выезжать из ангара. Вырулив на поляну, Мора заорал, перегнувшись из кабины:

— Залазьте быстрее! Места мало, но потеснимся. Он, в принципе, трёхместный. Ну и нас тут пятеро. В самый раз.

Дример покачал головой и полез на крыло.

— За что?! Опять? — воздел очи к небесам Загрибука, но оттуда в ответ без юмора и буддистского сострадания глянула Страстная Напасть, так что профессор тут же заткнулся и послушно полез следом.

— Сейчас мы нацелимся, — прокричал Мора сквозь грохот мотора, когда все упихались, — зададим координаты, вертанём шпиндель, крутанём маховичок, и... — Он вынул из-за пазухи фляжку и крепко приложился. В кабине запахло смесью парфюмерного магазина и бензоколонки. Мора икнул.

— Вот именно это «и» меня слегка и нервирует, — закончил за него Загрибука, вцепившийся в железячные выступы фюзеляжа.

— Зунграм уе... — прокричал Мора.

— Рукша еба! — рявкнул ему в ответ Башкирский Кот с прищуренными глазами и сложил уши.

Самолёт развернулся носом к реке и, на мгновение замерев, рванулся к берегу. Все повалились друг на дружку позади Моря, ибо никаких сидений, кроме кресла пилота, в самолёте больше не было. В последний момент, когда казалось, что вода вот уже совсем-совсем близко, и самолёт собирается скоротечно превратиться в подводную лодку, пол внезапно прижало к ОКЛЖПэ, и они взлетели под вопиющий дискант Загрибуки и оглушающе декларируемое нараспев с кресла пилота стихотворение:

Мой небосвод кристально ясен
И полон радужных картин,
Не потому, что он прекрасен,
А потому, что я — кретин!

А затем хохот Моря был заглушён рёвом ураганного смерча, в самый центр которого они завалились крылами, словно осенняя муха меж рам тоскливо-пластикового окна.

Пурга Петручая, или «нам всё похъелла!»

Похъелла — территориально северный (*финск.*).

Масюська сидела с книжкой-записнущкой на кухне и чаёвничала. Одета в белую тёплую распашонку, меховую овчиную безрукавочку и шерстистые чёрные рейтузики. Потому что было мерзлоче. В Пургопетрике, аки почти всегда, начиналось серое и мокрое утро. Воздух с Большой Заливной Лужи дул простудным сквозняком. Но посверкивало сквозь пучеглазые тучи солнце, лучи которого настойчиво стучались в окна. И Масявка, в военного цвета широких штанах и защитного цвета свитере, на балконе по этому случаю высаживала бешеные огурцы. Определять на место жительства их нужно было осторожно и без торопыжничества. Огурцы были без прививок и могли укусить. Едва появившись из земли, насыпанной в ящики, они яростно грызлись за пожизненное пространство с другими растучими животярами и обвивали балкон гибкими и тонкими закорючками. Но к концу короткой сумбурной весны каждая веточка выдавала по скудному цветочку, и в целом всё становилось мультурно и ботанически.

— Эй, Масюська, — позвала с балкона Масявка, — бери чашку и давай ко мне. Тут, глядь, сейчас распогодится, пойдём на лисапедах покрутимся на улицу. Я вот только этих психанутых насажу в земельку да настоем залью, чтоб росли спокойно и не кусали соседей по грядке.

— Сейчас приду, — отозвалась из кухни Масюська, что-то куркулякая в финтифлюшной своей книжице и отхлюпывая с блюда.

Масявка на балконе вытерла руки тряпочкой, оглядывая посадку. Огурцы молча злились в ящиках и скрежетали тихонько корешками. Взяв в углу балкона пузатую бутылку, Масявка повертела её в руках и, углядев этикетку, стала читать.

— Та-а-ак... Что тут у нас... Состав. О, ну-ка, — она вцепилась глазами в криво наклеенную на стеклотару бумаженцию. — Двуокись углерода, регуляторы кислотности E330, E331 и E338, краситель E150D, ароматизаторы, идентичные натуральным... Ага, значит не натуральные ни разу, — хекнула она. — Тут ещё загуститель, замутнитель, подсластитель, окислитель и проявитель. Ну, блин шкындырпыть! Хорошо хоть фиксаж не положили! И где такую хрень разливают? Ага. Изготовлено из концентрата, — она отъежилась и вздрогнула, — по технологии компании «Скока с Колей». Да уж, скока ты, блин с компотом, с этим Колей протянешь — один пёс знает!

(Валяющийся среди лиловых огромных цветов на полянке Грызлик-Фрунзик вдруг вскочил, навострил уши и тявкнул невесть куда в сторону раскатистого неба.)

— Тутма недолго и лапы за шкаф свернуть, — сконфуцилась Масявка. — Надеюсь, молодцы-огурцы, вам это пойдёт на пользу, аки тама и написано!

Огурцы в ужасе скапутились в клубочки, но это не помогло, ибо убежать было некуда. Карму ещё не заработали такую, чтоб прыгалки-бегалки отросли. Они только вжались в земельку, норовя срочно окопаться в блиндажике, но с небесятин грозно, словно навеянные вихри враждебные, нависла горловина стеклянной посуды, откуда на огуречные головы щедро вылился этот самый не в меру пищевой денатурат, сделанный по технологии Скока с Колей.

— Фу-у-у-у-у-у, — выдохнули огурцы и стали ещё злее. Как только Масявка отвернулась поставить бутылку на место, они тут же первой закорючкой зацепились за балконный шпингалет и потянулись неслышно и незримо в сторону стеклянного врага, чтоб смести его с балкона, как только у ихней мафии отрастут достаточно длинные руки. В коварных планах это должно было занять около двух месяцев. Но огурцы не торопились, ибо, как известно, месть — это блюдо, которое подают от души полежавшим в морозильнике, то есть мерзлочим и безвкусным.

Масявка с Масюськой попили чаю на балконе, потом попили чаю в ванной, потом в коридоре, и решили наконец, что пора выводить лисапеды в люди.

И только они поймали лисапеды за рога и покатили их к двери, слегка переодевшись (переделась только Масюська, нацепив тёпленькие штанцы поверх рейтузиков и голубую шуршащую курточку), как вдруг раздался звонок. Нет, вы не подумайте, он не вширь и не вдоль раздался. Он вачепто был скромный и маленький. Просто странно, что некоторые вещи появляются в природе, а некоторые раздаются. И вот тут как раз такой случился случай случайный. Звонок взял, да и раздался. Бе-бе-е-е-ень!

— Ыш ты ёксель-моксель! Это кто это к нам спозаранку да на баранку с чаем? — вздрогнула Масявка.

— Это я, Мора! — гугукнуло из-за двери глухо и радостно.

— Гу-гу! — отозвались хором Маськи и стали отколупывать дверь.

— Ух ты, — изумилась Масявка, едва замок отщёлкнулся, — да ты, похоже, раздался в численности! — Обе хозяйки захихикали.

На пороге стояли Мора, Дример и Слипер, Загрибука топтался позади, а в воздухе нечаянно запахло кошками.

— А мы тут собирались на лисапедах оттопыриться. Ну, раз такое дело, пожалуйста, гости дорогие, почаёвничаем! Только на балкон не ходите, там огурцы психологически неуравновешенные, могут кусить.

— А мы тут пролётом, — Мора перевалил за порог. — Знакомьтесь, прошу любить и не жаловаться: это — Дример, это — Слипер, это — Загрибука. А ещё один наш товарищ немного скрытно-шпионажный, поэтому явится на свет мирской чутка попозже. Но наверняка он уже на кухне.

Звяканье по указанному адресу подтвердило слова Мора.

— Ну и гы! — согласно кивнула Масюська и стала усиленно прислонять лисапеды рогами к стене. — Заходите. Только к чаю, думается, нет ничего, — она погрустнела.

— А мы тут бубликов и тошнотиков привокзальных прихватили на аэродроме, — радостно проорал Мора, встряхнув пакетом в руке.

Масюська просияла:

— Енто в тематику, как пить подать!

Они прошли на кухню, и точно, там уже хозяйничал с чашками и чайником Башкирский Кот.

— Шалом бакалейкум! — весело мявкнул он, суетясь с ложками.

— Байрам мэнэн! — весело же откликнулись Масявка и Масюська, переглянувшись. — А вы кот настоящий или прикидываетесь?

— Ну вы такие ррриторические вопросы с ходу задаёте! — удивился кот. — Над этим стоит не одну чашку просидеть!

Масюська с Масявкой блаженно переглянулись и с понимающим одобрением снова воззрились на кота.

— Честно говоррря, — продолжил Башкирец, приложив хвост к подбородку в задумчивости, — я и сам хотел бы услышать пару тезисов на этот счёт. Светит мне ясно по погодным условиям, что моё присутствие на бытие житиушном прояснилось бы наскоро, если б я уразумел суть давеча и нынче же озвученного вами запроса. Загрибыч, объясни вкратце!

— Э-э-э-э, ну разве что вкратце... — бросился в атаку профессор, но тут же был перехвачен ладонью Дримера, которая перекрыла способность к вербальному общению, а заодно и ограничила подачу воздуха в легкие Загрибуки.

С извиняющимся выражением лица Дример тихо произнёс:

— Мой друг хотел сказать, что тут и говорить особо не о чем. А тошнотики остынут, да и чай уже заварился.

Загрибука прыгнул бровями вверх, подперев ими свою жёлтенькую шапочку с синим помпоном, но тут же согласно закивал. Дример открыл ему доступ к выраженному словарному запасу, то бишь освободил рот, и сам зашаркал на кухню.

Они заварили травок, расселись кто куда.

— Только вот вода наша будет вам непривычна, — заметила Масявка, — у нас тут всё радикально по всем схемам: погода жёсткая, вода мягкая. Мягкая напрочь и болотная.

— Это ничего, — кивнул Дример.

А Слипёр украдкой, стараясь не волновать спящего Мокропопика Падучего, добыл из своей сумки таблетки для очистки воды и незаметно кинул парочку в кружки.

Дример своим ножом порубал на кусочки бублик.

— Какими путями и по какие грибы? — хлюпнула Масявка из блюдца.

— Ключника ищем, — первым сходу отозвался Слипёр, замешивая ложечкой сахарец.

— Спеца по ключам и отмычкам, — пояснил Дример, присаживаясь на табурет. — Говорят, у вас такой водится.

— Был в наличии, — кивнула Масюська, утонув пальцами в блюдце, — да уехал в деревню. Природа, душевное здоровье и всё такое. Рассеянный он стал донельзя и напрочь. Вот и решил привести в упорядоченность нервную систему. Теперь там живёт. Иногда к нему с заказами ездят.

— Далеко это? — хлюпнул тоже из блюдца Дример, и Масявка с Масюской одобрительно на него покосились, мол, видно, существо разумное, знает, как чай надо пить, чтоб внутренний весь ништяк прочувствовать.

— Рядышком да сбоку, — ответила Масюська, глянувшись с Масявкой. — Есть у нас тут поблизости сельцо неприметное.

— Ага, — подагакнула Масявка, — Малая Нижняя Жёсткая Пупырловка. Три броска на санках. Короче, рядом.

— А что, коли не секрет, от него надобится? — скосила хитрый глаз Масюська. Второй глаз у неё был простой и бесхитростный.

— Ключ от парррадного входа во вселенную, — мявкнул Башкирский Кот с подоконника, лакая из пиалушки.

Слипёр укоризненно на него глянул.

— А чё?! — встопорщился усами Башкирец. — Чё я сказал-то? Как есть, так и сказал.

— От вселенной ключи? — удивилась Масюська. — А что с ними делать-то? Из чашки ими не хлюпнешь. Долго не налюбуеться, чай, не бешеные огурцы цветущие.

— Угу, — подугукнула Масявка, — совершенно бесполезная в быту вещь. И на кой чай с компотом вам они сдались?

— Тут дело такое, — взял долгожданное слово Загрибука, — нам бы по домам попасть. — Масюська с Масявкой понятливо кивнули, мол, не дуры, понимаем, всем по домам в кои-то веки надо. — А мы и не упомним, где чей дом находится, и куда нужно идти, чтобы в аккурат куды надо прийти.

— А вам чё, вместе плохо? — неожиданно спросила Масывка.

От такой постановки вопроса повисла незапланированная в регламенте пауза.

Гости переглянулись. Им как-то и в голову не приходило, насколько сблизило их это путешествие, пока они искали свои берлоги. И явственно стало понятно, что как только эти самые берлоги найдутся, у кого уж какая, так в сей миг придёт пора прощаться, и, возможно, очень надолго, если не навсегда, коли уж рассматривать сие слово в рамках одной отдельно взятой кальпы, то бишь жизненного кругоцикла и вертикала вселенной. И от этого как-то сразу засосало под ложечкой (интересно, врачи когда-нибудь обнаружат в чьём-нибудь организме эту самую «ложечку»? И из чего она там сделана? А вдруг она вовсе и не ложечка, а окажется по всем понятиям очень даже вилочкой? А у злых людей там, на месте этой самой ложечки, возможно, и вовсе спрятан острый ножичек! Ну да ладно, вернёмся к нашим ложкам...). А ещё как-то защемило в груди (чего там и чем можно прищемить? Тоже ведь открытый вопрос на повестке дня у медиков всея мировой культуры!). И заняло в душе (ну тут уж и вовсе нет слов. Хотя по части кошачьей души ещё можно как-то порассуждать). И, стало быть, всеильное устремление оказаться нынче и тут же на пороге родной хаты у всех одновременно поубавилось. Но тут к месту шмякнулась об пол и разбилась пиалушка, нечаянно и некофейно смахнутая с подоконника кошачьим хвостом, и защемлённое ложечное нытьё куда-то сгнуло.

— На счастье! — быстро мявкнул Башкирский Кот, обворожительно улыбнулся бритвами зубов и прыгнул подбирать осколки.

— Ребятунки наши, по всему видать, направляемы с Потолочного Разумения, — пояснил Масывке и Масыуске Мора, — а потому имеют в своем путешествии незримую задачу и постановление, которые ни в раз нам, проявленным в миру, не понять, а исполнять-таки надобно. Потому и окончание всей этой турпоездки видится мне лично веселушным и дарующим всем радостей и вкусностей.

— Мудро, — кивнула Масыуска. — Ну, раз такое дело, споможем мы вам отыскать Ключника. Пошли в дорогу собираться. Погода нынче будет — не приведи на порог.

— У вас что тут, тоже погоду объявляют? — Мора искренне округлил глаза. — А я думал, что радио только в городе А транслируется да по району.

— Хе, тож мне, удивил, — хохотнула Масывка. — У нас и телевидение есть! Мы ж город продвинутый, впереди планеты всей, как говорится.

— Да только у нас телека нет, — предупредила Масыуска, — мы так, по старинке, едим грибы и смотрим ковёр!

Дример взглянул на потолок, словно узрев там что-то жутко интересующее его, а на самом деле тщетно попытался припомнить, где же он это уже мог слышать. Загрибука печально вздохнул, ибо знакомство с чудным явлением телевидения, конечно, интересовало его как учёного, но, судя по всему, откладывалось нынче за неимением такового в наличии.

Приняв эту учёную грусть за буддистское сострадание, Масывка поспешила его успокоить:

— Ты не парься. Мы ж — карела, нам — похъелла!

И тут Дример сразу припомнил братьев-диггеров с такими же фразочками, и как подземельцы упоминали Пургопетрик. Вот уж воистину, вселенная мала, словно деревня от кола до двора.

Идти было недалеко по части собирания, и Масявка с Масюськой просто наскоро забрели в кладовку, откуда добыли примус, походный чайник, пакетики с чаем, сахарку в мешочке и неприкосновенный запас: полкило сушек. Там же нашлись одеяльца.

— А курева у вас нет? — с надеждой спросил Дример, оставив пустую чашку.

— Бррросать надо давно уж! — буркнул Башкирец, крутясь по кухне и вынюхивая по полочкам что-нибудь привлекательное для кошачьего вкуса. — Неактуально это сейчас и немодно. Весь мир движется к здоровому образу жизни, к спортивным достижениям, а ты, Дример, поррртишь нам показатели в дневнике по годовому отчёту! Где твоя тетрадь наблюдения за природой?

— Да ладно, не ворчи, — грустно отмахнулся Дример и, откинувшись на спинку стула, проныл в потолок: — И перед смертью никто не подаст мне папироску, не поднесёт спичку...

— Ага, — мигнул цветомузычными глазами кот и ухмыльнулся, — так, типа, и умру ненакуранный! Пошли, рррастаман с фиговым листком. Фомку добывать будем от портала несусветного. Сейчас в городе добудем и пыхтелку твою, чтоб мозги обдымить как следует, а то, глядишь, запахнешь по-человечески.

Все улыбнулись, а Дример смущённо скривил нос.

Они вышли в город. Здания в нём были хоть и солидные на вид, но явным образом то тут, то там покосившиеся. Трещины пересекали стены. Мутные окна ютились в облупленных рамах. Лампочки над подъездами по большей части не горели, а некоторые и вовсе отсутствовали. Но тем не менее, всё это придавало городу некую совершенно непонятную притягательность и магичность, даже уютность. Знаете, как иногда становится уютно в старой бабушкиной квартире, где пахнет старыми вещами, где всё заставлено древними потёртыми книгами, которые уже наверняка никто никогда не раскроет, дабы прочитать. Так же и Пургопетрик производил впечатление некоего пыльного и забытого волшебства, чем весьма и неуловимо смахивал на затерянную на краю вселенной кухню Стрелочника Белочкина. Стояла никак не долгожданная погода, то бишь сквозило отовсюду, и ветер был едва ли приятным и лёгким охлаждающим бризом. О нет. Он был по-пургопетриковски колюч, склочен, тяжёл, от него так и веяло простудой.

— Апч-хой! — громыхнул Слипёр тут же и полез по карманам своего лётного комбинезона в поисках ну случайно оказавшейся там как бы невзначай тряпочки или бумаженции, которые наскоро могли бы заменить ему сейчас носовой платок.

— И-я-я-я-щ-а-а-а! — завторил ему тут же Мора и тоже стал хлопать себя по карманам.

— Кутунгескэ джальяб! — выругался Башкирский Кот. — Так можно и полечь костями под батарею! В смысле, ни печки ни почени отогреться не получится! Заболеем тута все. Я, конечно, уколов не боюсь и если надо уколюсь...

— Даже не сомневаюсь! — хохотнул Слипёр, закинув за спину свою оранжевую сумку-непромокашку и смело шагая по лужам трекерами.

— Чихание и сопливости — отличительные черты характерности территориального проживания местных горожан, — пояснила важно Масюська, поспешая рядом.

— Я бы предпочел другие черты, объединяющие жителей, нежели градусники и горчичники, — проворчал Дример.

— Пути Потолочного Разумения ни в раз не вменяемы, и по сути многообразными возможными образами так или иначе ведут к симбиотичному слиянию, к союзности, — заливаясь соплями, произнёс Загрибука гайморитным тенорком. — Я уже давно вам толковал про неизбежность слипания всех возможных форм в единую всеохватывающую разумную сущность. Кому костёр в лесу служит объединяющим началом, а кому и горчичники.

— Это что ж, — покосился недовольно Башкирский Кот, брезгливо вышагивающий по лужам, — я должен буду когда-нибудь слиться в единый паштет с полкилойкой?

— От «я» до «мы» — один шаг, и этот шаг — ступень к раю, — невозмутимо заметила Масявка.

— Тож-ж-же мне рай, — прошипел кот, дёргая задней лапой, чтобы стряхнуть налипающую мокрую грязь. — Ни пожрать будет, ни тебе на солнышке погреться. Я вот, к пррриимеру, не хочу объединяться с этой мокрой жижей! — и он смачно и показательно плюнул в очередную лужу. — Кюнтэ, семь килек мне в томат!

— Далеко ещё до стартовой точки-то? — тоскливо глядя на пелену мелко морозящего дождя, спросил Дример. Он чувствовал, как Шапка-Невредимка снова набирает воду.

— Да нет, — дала совершенно невразумительный с точки зрения логики ответ Масявка.

— Ещё пара кварталов, а там на трамвай сядем, — пояснила Масюська. — Он-то нас и отвезёт прямиком к Ключнику.

— А чем вообще он тут у вас занимался? — поинтересовался Мора, кутаясь в свой лётный комбез.

— Да что под руку попадалось! Мастер на все руки. Фанатё беспринципное, — ответила Масявка и, суетнувшись к какой-то пошарпанной будке, провела короткие переговоры с торчащей оттуда лохматой головой, после чего вернулась с несколькими носовыми платками. — Нате вам вот.

— Ключник за всё брался, — пояснила Масюська. — И ключи потерянные восстанавливал гражданам, и отмычки вора́м делал.

— И песни пел несуразные, — поддержала Масявка.

— Песни пел? — удивился Слипёр. Вода стекала с его чёлки прямо на нос.

— Ну да, доморощенный бард, — весело засмеялась Масявка, перепрыгивая лужу. — Да только песни у него такие, с каких крыша съезжает и мозги в трубочку сворачиваются. Про смысл жизни и всё такое.

— Его тут даже одна контора пыталась записывать и издавать, — подтвердила Масюська. — Какая-то «Отщепенская Шелупонь Рекордз». Только после первого проданного тиража нескольких человек, наслушавшихся этих опусов, сразу отвезли в психушку, и совет старейшин

города решил сие дело прекратить. А Ключника и вовсе попросили свалить от греха подальше куда-нибудь за город, чтоб добропорядочные граждане окончательно тут все не сорвались с вентилей.

— Круть! — уважительно заметил Башкирский Кот. — Ходячий кислотный препарат! Оорружие массового поражения! Новый жанр можно открыть — психотропные частушки!

Загрибука на него поглядел из-под намокших бровей и недовольно покачал головой. Кот сие заметил и поспешил оправдаться:

— Коллега, не укачивайте мозг! Подумайте напрямик! Это можно было бы применять для воспитания молодёжи в высоких моральных принципах! Вот, например, взять да сочинить что-нибудь о вррреде курения гашиша или о нежелательных взаимоотношениях с представителями коррумпирующей прослойки населения. Что-нибудь типа:

Во дворе трава,
 На траве дрова,
 На дровах братва,
 У братвы трава,
 Вся братва в дрова.
 Не кури траву
 У братвы двора.

— Уймись, полосатый! И без тебя тошно, — бросил через плечо жаждавший покурить Дример и потуже натянул Шапку-Невредимку, которая, намокнув, стала больше напоминать грелку наоборот. То есть вода её намочила, а голова нагрела. Получилась Шапка-Водогрейка.

— Ну, как скажете, — нисколько не обидевшись, весело мявкнул кот. — Будете ещё много поколений придумывать разные способы очистки ррразума шебутного населения. И потом, через много веков, вспомните меня добрым политкорректным словом, мол, вот как нам Башкиррр-оглы предлагал решить национальную проблему, используя передовые технологии. И к тому же придёте во конце усея концов.

— Уже пришли, — улынулась Масявка и указала на трамвайную остановку, ютившуюся за углом на косой и разбитой улочке.

Остановка была, как ей и подобает, напрочь обычной. Из стекла. Ну и что? Да, бывает. Видать было и сквозь неё, и поперёк что хочешь и во всех направлениях. Вот Слипёр и ходил теперича вокруг стеклянной будки, засунув руки в болотного цвета карманы, и разглядывал окружающий пейзаж сквозь остановочную призму. Цифры на рукаве его комбинезона отражались наоборот. Он хихикнул и попытался читать наоборот другие надписи. А затем достал из своей оранжевой сумки-непромокашки налобный фонарь, надел его на голову и стал мигать им в стекло.

— Ну что ты, триетить налево, в самом деле, — буркнул на него Дример. — Нашёл себе развлекуху...

— Верно всё делает, — невозмутимо бросила Масюська. — Именно таким образом в трамвай и сядешь. Только так его вызовешь. Нам не обычный трамвай нужен, не местного хождения, а тот, что за околицу петляет. На нём и можно к Ключнику попасть. Да и номер евоный сходу не поймёшь, коли в отражуху не глянешь.

Мора и Загрибука сконфузились друг на друга в надежде, что кто-нибудь из них знает, о чём говорит Масюська. Но взаимно хмыкнули и пожали плечами.

— Трамвай тот можно только в отражении увидеть, — объяснила Масявка, замороженно глядя на дождь. — Это оседлые трамваи ходят за просто так на видухе у всех, те, которые промеж домов по островам шоркаются.

И словно в подтверждение её слов из-за угла скрежетнул и появился обычный трамвай, старенький, если не сказать дряхлый. Вся наша компания молча наблюдала, как потрескавшийся вагончик с тронутой ржавчиной дугой аккуратно подкрался к остановке, замер и распахнул единственную среднюю дверь. Из неё никто не вышел. В нём как сидели, так и остались сидеть две кудахтающие тётки в бесформенных полупальто, с таким же бесформенным чем-то на головах, да скучающая девица-кудрица, бритая наголо, но с откровенно красным чубом, свисающим на нос. И она, и тётки висли над газетными листками.

— Следующая остановка, — раздался томный баритон. — Ухопятковый переулочек. Не забываем читать свежую прессу, дорогие посетители! Несвежие новости дурно пахнут. Только у нас свежайшая информация на свежайшей мягкой бумаге! Осторожно, двери уже того!

Водителем трамвая оказался высокий бледный тип журавлино-жирафьей породы, с часто моргающими влажными глазами и рыжими ресницами. Одетый в форменный пиджмак букинистического цвета, он с интересом смотрел на дрожащего, топчущегося на улице Загрибуку и жевал невесть откуда взявшуюся в кабине травинку щавеля конского лекарственного. Так же жуя и не переводя взгляд, он рассеянно повернул рычаг. Двери с грохотом захлопнулись, и трамвай, сняв стружку с рельс, двинулся дальше по маршруту.

— Жирафы трамваи водят! — испуганно мигая глазами, пролепетал Загрибука, пригвождённый к месту. — Катет мне в гипотенузу!

— А кто такие жирафы? — спросил его Слипер.

— А я и сам не знаю! — ответил ещё больше перепуганный Загрибука. — Ёктить-октить, откель во мне это взялось?! Само с языка сорвалось!

Масюська и Масявка переглянулись.

— Тут дело такое, — начала первая. — Вот вы чё думаете?

— Ничё не думаю, — быстро бухнул Мора.

— Да нет, — влезла Масявка, — то есть, да. Тьфу, нет, совсем нет! — Она замотала головой, словно стряхивала с волос пчелу. — Я в смысле того, что как же вы так думаете, мол, погода в городе — не пожелай Мудоду, кругом — серо и бетонировано, а живчики так и тянутся пожить-побывать в Пургопетрике. Дык а почему?

— Нет, кстати, — подбоченился в карманы Слипер, то есть запихал в них руки, насколько влезло. — То есть, наоборот, да! Да, почему едут и едут?

— Да потому что! — Масюська вытянула масюсенький пальчик вверх и после театральной паузы в лучших традициях продолжила: — Жители тута кочумающие, вспоминают всякие разные разности, которые всегда умели да забыли как навроде, да спрятали и не припомнили где, да узнали, но не признают в лицо. То есть всплывает в них то самое родное, неотделимое от них самих, что они сами о себе и не подозревали в своих самых что ни на есть параноидальных подозрениях!

Дример и Слипер переглянулись.

— Слушай, а они у тебя в этой главе не часто переглядываются? — мявкнула из-под стола Терюська.

— Шею свернут, — словно подстрелив, гаркнула Соня с холодильника.

— Травматология нам ни к чему! — взял под козырёк я (как можно взять под чего-нибудь, чего нет в помине? Странные существа люди, придумают же тоже) и закусил карандаш как следует. — Мда, увлёкся... Забылся... — Я принялся медленно разгрызать карандаш с обратного конца. — Точно! Немного перестарался... — Я перечитал текст, добираясь зубами до середины карандаша и не обращая внимания на то, что весь язык у меня уже был в раскрошенном грифеле. — Ну вот, пожалуй, в этом месте можно и убрать енти самые переглядывания! — утвердительно бацнул я по столу деревянным огрызком, и он окончательно покинул сей бренный мир, отправившись в Великое Ежесекундное Обновление.

Терюська и Соня переглянулись.

Вот блин с компотом!!!

— Кармическая память вскррывается, — предвидя долгое и нудное копошение всея мозгов, сходу разъяснил Башкирский Кот.

— То есть я наверняка когда-то точно и очень ясно представлял себе, кто такие эти самые жирафы? — Загрибука воззрился на кота, и тот невинно пожал кошачьими плечами в ответ — мол, а я-то тут при чём?

— Сдаётся мне, он прав, — задумчиво сказал Слипер, глядя на стекающие с кошачьих усов капли дождя.

— Что, тоже кого странного вспомнил? — усмехнулся Дример.

— Не кого, а слово, — подтвердил Слипер, всё так же топоча вокруг остановки трамвая. — Мне всю дорогу вот в ушах кто-то нашёптывает слово. Одно и то же. Я сначала было думал, что мерещится. Потом решил, может, радио какое. Но мы прошли уже достаточно много, а оно всё так же периодически шептается у меня в голове.

— Что за слово-то? — глаза Загрибуки засияли неуёмным загрибукинским интересом. Шапку свою он выжал на асфальт и теперь держал под мышкой.

— Начспигайнен! — произнёс Слипер, и вдруг ветер гулко выдохнул и, закрутившись вокруг него волчком, улёгся.

— Эвона! — уважительно протянул Башкирский Кот. — Да ты фокусник, Слипер-ара-джан! Крекс-фекс-пекс-брекекекс, сквознячок давай того!

— Да я серьёзно! — обиделся Слипер.

— Как ты сказал? Начесапога... Чего? — сощурил мокрые глаза Загрибука.

— Он сказал — Начспигайнен! — очень точно, ясно и коротко выговорил Башкирский Кот и почему-то при этом хищно оглянулся.

Ветер опять коротко выдохнул и тёплым маленьким вихрем пронёсся вокруг них и улёгся у кошачьих лап.

— Так ты знаешь, что это? — Слипер разинул рот.

— Знаю, знаю... — протянул кот. — Только вот ты откуда это знаешь, интерресно мне? И не нужно повторять само слово, ладно? — Он опять прищурил глаза, постепенно ставшие ядовито-жёлтыми, и обвёл ими переулок, а потом тихо прошипел сквозь сотню зубов себе под нос: — ...пока гости не пожаловали...

— А шо? — усмехнулся Дример, — Может, хоть дождь прекратится наконец?

— Скорее, возможно обррратное! — нахмурился кот. — Это слово изначального языка, языка Тори. На него реагирует материальная энергия. Так что будь осторожнее с этой «абвгдейкой».

— А ты-то откуда такой осведомлённый по таким статьям? — усмехнулся Мора.

— Видимо, оттуда же, — неохотно признал Башкирец и покосился на Масюську с Масявкой. — Похоже, действительно город действует на нас, причём намного сильнее, чем на других обитателей.

— А это зависит от последнего места Прыжка, — невозмутимо заметила Масявка.

— То есть откель вы к нам пожаловали, — кивнула вслед Масюська.

— Ну и что такое этот твой Нач... — начал было Мора, но котище приложил коготь к пасти.

— Это то же самое, что тотем, — тихо сказал Башкирский Кот. — Исходная духовная форма, соответствующая определенным формам жизни на разных планетах в разных физиогномиях. В общем и целом, тут довольно мокрое и бесприютное место для толкания речей и замутнения дискуссий. Так что давай как-нить в другой ррразок. Ты, Слипер, просто пока помалкивай на сей счёт и всё. А то как сейчас начнёт вскрываться по крючку по загогулинке... Я тебе потом всё растолкую, ок?

— Ну дык, как мурлыкнешь, я сразу готов, — согласно клюнул Слипер и тут же вдруг наострился весь, с подошв трекеров до налобного фонаря. — Э, слушайте, а это не наш шкандыбают, случаем? — Он ткнул в стекло остановки пальцем.

— Я ничего не вижу! — сощурился Дример в сторону тонущих в водной пыли рельс.

— Ни самоля не видно! — подтвердил Мора, облепленный мокрыми вихрями, словно шлемом.

— Да во-о-о-от! — яростно ткнул пальцем опять в стекло остановки Слипёр.

Масявка и Масюська подошли к нему и заглянули через плечо.

— Точно. Он. Рота, готовь к посадке, — хором рявкнули они.

Мора и Загрибука тоже подошли к стене остановки, воззрились в текущее дождём отражение и действительно увидели там мутно выползающий издалека трамвай. Оглянулись на реальные рельсы. Там ничего не было.

— Чур, чур меня! — замахал руками Мора.

— Но ведь это невозможно с точки зрения науки! — жалобно проныл Загрибука, переводя взгляд с отражения в стекле остановки на уличные рельсы и обратно. — Это противоречит всему и всякому! — Он выглядел совсем поникшим. Его жёлтая шапочка снова набухла, намочила и обрюзгла под непрекращающейся моросью, холодея подмышки. С морды лица капало. Настроение было опущено до пяток. А тут ещё и откровенное надругательство над основами научной мысли!

— Всем зырить в стеклышко! — скомандовала знаючи Масявка. — Глазёнками не рыскать. Упёрлись в средство транспортировки и не отводим очей. Как причалит, пятимся в него, прямо в широко и гостеприимно распахнутые, но глазики свои держим на указанном и не зыркаем сторонами никуды. Так спиной в двери и залазим.

— Всё понятно? — рявкнула Масюська.

— Да ладно, ладно, — смутился Мора, — чего тут невнятного? Самоль непростой, подход колдовской. Всё как Ясный Пень!

— Налицо новый метод исследования законов движухи! — ахнул Загрибука. — Как же я не понял сразу... Это объясняет и экспоненциальную сингулярность, и...

— Дорррогой проф-ф-фессор, — мягко и угрожающе, словно потомственный хирург, произнёс Башкирец, — лапы за спину и шагайте, смотреть в стену, как говорится в сибирских лагерях, и не отвлекаться от производимых движений, будь они трижды сингулярны сельдь-в-твою-масло! Обсудим всё в трамвае! А покуда лезь, Загрибыч, и хвост подбери! А то от мерзотности мокрючей здешней у меня уже все кости заломило крендельками, шо у йога твоего заморррского.

Трамвай скрипуче подкатил к остановке и распахнул дверь. Понятное дело, будь в обозримом наличии улицы какой-либо прохожий, он бы ни зги не увидел на рельсах, то есть вообще ничего. А только слышать было призрачно, как подсолённые ржавчиной колёса натужно скользят всё ближе к месту временного кочумания будущих пассажиров, а затем громыхнула сквозь мелочно-дребезжащую водяную морось старая несмазанная дверь. Туристы наши совместно с гидами побежали гуськом к двери задом наперёд, словно пингвины переваливаясь с боку на бок и не сводя глаз, как было велено, с отражения в стеклянной стене остановки. Масявка с Масюської отработанным движением замахнули в трамвай и помогли другим верно прицелиться на подножку и тоже загоститься в салоне.

— Мо-ло-дца! — заметила Масявка. — Всё, таперича можем спокойно охватить обстановку и поглазеть достопримечательно.

А посмотреть-то было особо не на что. Так-то вот. Обычный трамвай. И вовсе без Красной Тюбетейки, даром что по интерьеру похож. И народу никого. А в кабине — обычная себе тётка на бигуде, в расхристанном сарафане и накинутой на плечи фуфайке стёршегося во времени цвета. Лица видать не было, но щёки заплывшие светили с боков из-за ушей.

— Следующая остановка... Брундершмыгская! — вывалила она как бы нехотя, уцепилась за рычаг и пухлой рукой потянула на себя, одновременно щёлкая двойным тумблером. Всё это она сделала играючи и изящно — старый генерал походя козыряет из машины, объезжая строй. Трамвай снялся с места, на ходу схлопывая дверцы.

— Дык поехали, — улыбнувшись, заметил Дример, сел на ближайшее сиденье, закинув ногу на ногу, и снял окончательно промокшую и утерявшую форму Шапку-Невредимку.

— Давай, Загрибыч, гони про свою сикуляку дальше, — велел Слипел и плюхнулся рядом. — Ехать нам, как я понимаю, далеко.

Масявка и Масюска кивнули. Мора прошёл до кабины, посмотрел вперёд, удостоился уничтожающего взгляда шоферицы и, скукожившись, вернулся обратно. Молвил, присаживаясь:

— Впереди жуть, сплошной ливень. Тётка с рулём — суций дьявол.

— Да пёс с ней, — мирно мявкнул Башкирский Кот.

(Грызлик далеко, у себя дома по-нынешнему, беспокожно перемахнул ушами справа-налево среди лиловых цветов. Он был на прогулке.)

— Пушай рулит, — котище расслабился. — Загррибыч, мути свою лекцию. Чё там насчёт «общим строем по жизни, или в общем строим по жиже»?

Загрибука сидел и очумело тарачился перед собой с остекленевшими зрачками.

— Ты чё, Загрибыч? — обеспокоился кот.

— Слухай, мне тут угляделось...

— Ну чё, чё?

— Да не знаю, муть какая-то. Вроде как предки мои привидились.

— Ишь тебя кроет... — закачал головой Башкирец и повернулся к Масявке: — Дррруже, а это нормально, что товарища нашего так крючит? С ним, того этого, ничего не случится?

— Я ж гутарила давеча, что каждому своё видится по приезду в Пургопетрик. Может, у него дела какие незаконченные по карме остались, или там чего с роднёй повязано. Не, ничего страшного. Помутузит по мозгам да отпустит.

Кот немного расслабился:

— А, ну ладно. Я так понимаю, Загрибыч, тебе сейчас не до лекций.

— Ну, — замялся тот, — блин с компотом, понимаешь, какой-то Загрипук Крепыщенский тут мне явился с авоськой. И навроче как я его смутно, да помню, прикинь? А откель? Ума не подложу.

— А ещё чего приглючило? — Кот вальяжно разложился на двух сиденьях и, встопорщив шерсть, стал её сушить. Надо сказать, печки трамвайные шпарили как нельзя более кстати. Сухое

и вонючее тепло от них так и наползало по ногам. Дрожь промерзлая стала от туристов наших отступать и испаряться.

— А вот чего, — Загрибука встал, устремил взгляд в невидимое глазу светлое будущее и, протянув руку в том же таинственном направлении, зачарованно твякнул на весь салон: — Быгыдыщец — это звучит гордо! Град непрестольный Дрезище на путях наших ярко нам сияет, и в путь идём мы, и потомками нашими будем прославляемы!

Дример поперхнулся, Слипер широко раскрыл глаза, а Мора покотился со смеху. Масявка и Масюска мимолётно глянулись и прыснули кто куда.

Кот и ухом не повёл:

— Стало быть, бывал ты ранее на Быгыдыщах... По всему знать, бывал. Рррайон, дык сказать, Клюкино-Калякино, справа село Епня, слева родимое Дрезище... Пятый дом справа по Ябской, четыре окна наперёд, линолий на калидоре, третий чердак не предлагать.

Пассажиры заламывались в задушенном хохоте, давась ржой ы-гы-гыкающей.

— Чего ржёте, босяки блохастые? — сверкнул окуляром котяра, сам едва не трясаясь. — Ишь, тут паррррень, быдыгыщ твою разъети в мелкий винегрет, нашёл родню устаканенную. Вот закончит тут с вами елозить по бытию нежителейскому и поедет на побывку к своим. — Башкирец закрыл вещий искрящийся золотистый глаз и, открыв другой, бытовой и мутно-осадочный, обратился к Загрибуке: — Шо, Загрибыч, а махнём с тобой в Быгыдыщ, а? На сметанку натуральную, на молочко, на колбаску домашнюю... Сальцо... Творррожок...

И он зажмурился окончательно. И вдруг внезапно, то ли от мечтательности такой, то ли от тепла, которое развезло не по-шуточному, котище захрапел, завалившись на спину да подворотив под себя лапы с кривыми дамасскими когтями.

Дример отхрюкался ржачкой и, утирая слезу, глянул на Башкирского Кота:

— Всё, умаял ты его, Загрибыч. Пушай спит. Клади свой зад на седлуку и не маячь в проходе. Гляди на окрестности. Зырь, красота какая!

А за окном раскачивающегося трамвая ни шиша было не видать. Ливень пошёл такой, что причудилось на мгновение всем им и сразу, будто и не трамвай вокруг них вовсе, а корабль какой, шхуна там деревянная, и качает её на волнах, и буря мглою небо кроет, и вихри прежние кутят, и то как зверь они заноют, то заплачут как Мудод.

— Жаль, он про язык изначальный не успел нам рассказать, — с сожалением протянул Дример и посмотрел на Слипера: — Шо, братан, вихри прежние вокруг тебя кутят? Вспомнил, может, ещё чего?

— Не, но слово вертится на языке, как пельмень на сковородке.

— Мы много знаем про язык изначальный, — вдруг буркнула с заднего ряду Масявка и, словно в доказательство, весело показала язык.

— Вот те раз! — хохотнул Мора и сделал ногами рокировку, то есть перекинул их наоборот, из-под левой на правую, типа с одной на другую — короче, блин с компотом, вы всё уже поняли, верно?

— И два будет непременно сейчас! — подтвердила Масюська — Присаживайтесь удобнее, — все заёрзали задницами по потрескавшейся коже сидений, а Загрибука пошире на всякий случай открыл свои глазки, — вводный материал, страница энная и бенная, берём с середины, и нате вам.

— Случилось всё! — начала Масявка.

— Шо? — не понял Дример.

— Вообще случилось всё и сразу! — отштемпелила она снова. — Вселенная, типа, началась. Тута же! Цельно и едино она тут же замутила свои тусовки, и пошёл движняк. И чтоб как-то наладить подобие порядка и ритма чёткого, сразу понадобился язык общения. Ну, кому и что наливать за стойкой, ибо всех же пёрло одновременно и во все стороны, куда кого трипануло.

(Дух Кого в дальнем отдалении на мгновение оторвался от бумаг, спустил запылённое веками и временем пенсне на кончик хищного подобия носа, оглядел комнату. Хмыкнул недовольно, пенсне нацепил обратно и продолжил шкрябать пером по пергаменту. Откуда он только перья взял в городе А?)

— Населенцы хотели поделиться впечатлениями, — продолжила Масявка. — И тут оказалось, что средства-то общения нет. Все мычали как могли, но ни бэ, ни мэ не выходило продуктивным.

— Посуху говоря, Шекспир там и рядом не курил! — поддакнула Масюська.

— И стали придумывать язык, — Масявка разошлась, выскочила в проход и замахала ручонками. — То есть он, понятное дело, просто появился, как и всё во вселенной происходит по заявке молчаливой. Определили нехватку товара, подали прошение и оформили заказ. И вот он — тут как тут, с квитанцией на выходе.

Дример нетерпеливо сморщил брови и стряхнул об колено Шапку-Невредимку:

— Ты подтягивайся, Масявыч, к сути. За вечерину мы уже таки поняли. Шо там дальше-то было?

— А дальше всё пошло-поехало и с маслом! Язык был основан на простом и логичном, на детско-пелёночном наречии. Шоб на всех было похоже, когда в штаны мочатся. Звук «ай» стал означать точку в пространстве-времени. Но не только саму точку...

— Язык изначальный очень и очень многомерен, — пояснила в свою очередь Масюська и засунула свои ручонки глубоко в карманы голубенькой курточки, чтобы хоть немного их согреть, да только одежка была насквозь промокающая и мокрая нынче донельзя, а точнее, до подкладки. — Слог «ай» означал не только точку на местности, но и событие или действие. Ясен же Пень, что любое место и время связаны с неким событием или действием, что одно и то же по сути, и сливается однозначно воедино, стоит только напрячь мозги получше и уразуметь сию простотутошную мудрятину. «Ай» — это простейшее событие, как инфузорная туфля на биологическом прилавке. К тому же, происшествие напрочь внезапное.

— А шо, логично, — свернул в трубочку губы Дример.

— И наглядно, — кивнул Слипёр.

— Именно! Наглядно! — радостно подпрыгнула на месте Масявка, подтянув защитного колору штанцы. — То бишь язык был образинным!

— Образным, — смутилась Масюська, поправив дружищу. — Образины потом уж появились и как раз таки язык весь испортили.

— А как они это сделали? — удивился Мора и ещё больше вжался в сидение, скукожившись в своём лётном комбинезоне.

— Да были такие беса два, Киреич и Фябодий, — обозлённо фыркнула Масявка, вздрогнув свитерком. — Взяли да и обрезали всю азм-буку...

— У нас в Лесу тоже росли буки, бяки и вязы! — подпрыгнул Загрибука на креслице.

— Отвязные росли вязцы! — хохотнул Слипёр. — Засадные хыщники! Идёшь вот по Лесу, а они тебе только и знай, что по физиономии — хыщ-хыщ! — Тут Дример сурово оборвал братца дедовским взглядом, мол, цыц, тута чуваки и чувашки о важном толкуют.

Масюська тем временем сняла свои мокрые кедульки и поставила их на трамвайную печку. Послышалось шипение, и по салону поплыл запах нестиранных носков.

— Ну и ароматец, — ухмыльнулась по-доброму Масявка, а Масюська показала ей язык.

— Дык я продолжу про изначальный язык, — Масюська стянула штаны и осталась в рейтузиках, чтобы как-то просушиться. — Так же естественным ходом возникли образы и звуки, их означающие, по всем другим вопросам.

Трамвай взвыл на повороте, стирая колёсами с рельс мелкую ржавую пыль, и изобразил звуковое сопровождение, отдалённо напоминающее апокалиптическое хоровое пение ангелов, которые псалмируют с небес что-то типа «а мы вас предупреждали, а теперь всем кранты». (Ты и сам, дорогой читатель, можешь насладиться этими грозными ангельскими псалмами, если будешь ехать ночью в поезде, и участок рельс где-нибудь окажется слеганцухи подржавевшим, и поезд твой будет совершать в этом месте длинный и неспешный поворот.)

Все вздронули, хихикнули, и Масюська, уже слегка нервничающая, что её всё время обрывают, стала вещать дальше:

— Например, звуку «у» соответствовало понятие расстояния. Вот вас спрашивают — «как это далеко?», а вы тут же и отвечаете — «у-у-у-у!». Причем звук имеет очень широкий диапазон в зависимости от интонации, шо означает «весьма и весьма далече, товарищи!». И ваше «у-у-у» может быть совсем разным. И такое, что вы типа летите со снежной горки в ошизении восторга. И такое может быть, что пригорюнились кручинисто над пакостью внезапной. И такое «у-у-у», что, взлетая, оставляет земле лишь тень. Прибавляем приставку «н», означающую направление «на нечто» и отделительный суффикс «д», и вот уже вам слово «нн-ай-д-ууууу». То есть известное всем слово «найду». Что означает примерно следующее: точка в пространстве, находящаяся далеко, лежащая на поверхности, то есть не скрытая специально, и к которой приблизиться в принципе представляется возможным, но с некоторыми трудностями. И это только одно, повторяю, одно слово!

— Соль мне в почки! А ведь это очень просто и мудро! — одобрительно скустился бровями Дример.

— Дык потому и действовало! — Масявка не унималась, нороя перебить подружку. — Вот звук «с-с-с» означал маленький отрезок времени, а «щ-щ-щ» — большой. И я ведь уже говорила, что язык был многомерным. Он использовался в совокупности с жестами, которые также входили в состав языка на общих основаниях. Жестами определялось порой и расстояние, причём определение высоты указывалось в соответствии с углом зрения, а не по величине предмета, то есть «куда нужно примерно смотреть». И уровень обсуждаемости предмета — мол, говорим о высоком смысле или на бытовом базаре.

Трамвай подбросило и качнуло.

— Не анализы везёшь, дура уелапая! — огрызнулась по-доброму Масявка в сторону кабины.

— Ну дык, понятно, — хмыкнул Мора. — Я примерно так себе и представлял. Мол, не машинкой «Зингер» мы шиты! А всё ж разумение изначальное в себе носим. Только затихарили его до времени, али с перепугу.

— А что такое этот самый его, — Дример покосил бровь в сторону Слипера, — нач-спич-сигай-налево?

— А, вот ты о чём, — Масюська ёжила босые пятки над печкой. — Тут дело такое, что каждое слово на изначальном языке изменяет реальность, то есть фактически действует на неё. Так вот, слово, произнесённое Слипериом, означает суть природную. И призывает силы соответственные. Стягивает их как бы в точку заданную. Ну представь, вот есть разные существа разных уровней осознания, разной разумности, кто на двух ногах ходит, а кто на трёх прыгает, а кто на четырёх летает, но все они повязаны между собой одним как бы признаком, одним направлением, как разные матросы с одного корабля. Сечёте по теме?

— Примерно, — кивнул Слипери.

— Ну и вот, получается, что шакалюга обычный, кенгура попрыгучая заморская, вирус штамма 9987, дракон ушастый, Послы Межмировые Вселенские и волки позорные — имеют один общий непроявленный тотем: все они собачьей породы. Ну никак не кошки. Нигде не мышь. Не рыба, как ни крути. Так вот, в данном случае, собака — это их...

— Не надо вслух произносить, — Дримери прервал её жестом. — Мы и так поняли. А то вдруг чего случится. То есть, как я понимаю, словом изначального языка он, — братец кивнул на Слипери, — может призвать прямо к нам сюда этот самый тотем?

— Верно! — подтвердила Масявка. — Он этим словом зовёт к себе всех возможных существ по родственному признаку, так сказать.

— «Помощь зала» или «Звонок другу», — закивал Слипери. — Я так примерно и почувял это.

Мора изумлённо обвёл всех взглядом:

— Ничё себе! А таки древние были не дураки!

— К тому же, слово «ду-ра-к», — заметила Масюська, — означает «вдвойне светящееся Изначальным Светом существо». Короче, шибко умный.

— Круть, — вынес краткое и неожиданное резюме услышанному Загрибука и опять уставился в окно, о чём-то задумавшись. Видать, мозги его, получив пищу для своих мельниц, принялись

крутить свои колёса, перерабатывая полученные файлы информации во что-то сугубо загрибукинское.

— Ехать ещё далече, так что можно и посопеть, коли есть желание, — заметила Масявка. Она, стянув свитер и подложив его под голову, осталась в маечке, которая открыла на руках ветвистые чужестранные татуировки, и, растянувшись на двух сиденьях, закрыла глаза и засопела.

— Доброе дело, — подтвердил Дример и, пересев на задний ряд, тоже завалился на два сиденья, да ещё и перекинул ноги через проход на третье. Обхватив себя руками, он сомкнул веки. Остальные последовали его примеру.

Трамвай медленно плыл по серой водяной пыли, мимо облупленных домиков, мимо кафеюшек и уголочных магазинчиков «Всякая всячина».

— Граждане пассажирные! — заорал голос откуда-то с небес.

— Ить-ёктить налево! — подкинулся Дример, а Загрибука и вовсе чуть не сбил головой плафонистую лампочку на потолке.

Динамик в верхнем углу, откашлявшись, дал ход делу дальше:

— Наш вагон прибудет на станцию Малая Нижняя Жёсткая Пупырловка аккурат скоренько и без замедлений. Так что подхватываем вещички, одеваемся, застёгиваем пуговички и готовимся десантироваться в места окольно прекрасные. Смею предложить вам посетить прямо на вокзале прелестную забегательную кафеюшку, где подают в это время года дивный шмат-штрумдель.

— А что это такое? — испуганно спросил Загрибука у Масявки.

Та уже проснулась и натягивала теперь свитер, который к вящей радости таки успел значительно просохнуть над шпарящей вонючей печкой.

— Полупирог, полупирожное, полузапеканка, полуватрушка, — пыталась она попасть в рукава.

— Бублик-мутант! — оборвала её Масюська.

— О-о-о-о, — многозначительно протянул Загрибука, и стало как бы невзначай понятно, что пробовать он это не хочет.

Пока все спали, за окном посветлело. И теперь стало явственно видать, что трамвай катится меж густых зарослей, и что ветки этих зарослей так и хлещут его по бокам и окнам (хыщ-хыщ, как говорил давеча Слипеп). Вагон петлял и уворачивался, насколько позволяли рельсы. С листьев капали остатки дождя, но странное мутное солнышко уже пробивалось сквозь тучки, и на душе у всех немного полегчало, зауютилось. Как было обещано, не прошло и времени-то, а тётка-водительница потянула «ручник», и трамвай, яростно скрипанув, выкатился на кольцо, в которое тут сворачивались рельсы, чтобы начать свой бег назад.

— Конечная! — противным дребезжащим дискантом проскрежетала шоферица. — Покидаем вагончик, покидаем! Не задерживаем транспорт. Подхватили вещички и дали дёру по своим делишкам!

— Вот дура улапая! — беззлобно фыркнула в её сторону Масявка и первой скатилась по трапу на земельку из распахнутых дверей.

А местечко было и впрям приятное. Командос наши обсохшие повылезли из фанерно-жестяного трамвасика и славно потянулись, щурясь на солнышке.

— Ляпота! — довольно изрёк Дример, натягивая Шапку-Невредимку, сухую и тёплую.

Кот отряхнулся, отболтался всем своим упитанным тельцем от носа до хвоста совершенно по-собачьи и, хищно сузив ставший жёлтым глаз, сквозь зубы пробурчал:

— Перекуррррите чутка, я сейчас, — он потрусил в сторону обшарпанного вокзальчика.

Слипёр развёл руками:

— Чего это он?

— Растудить мою налево, если наш котяра не повадился по жратву! — ухмыльнулся Дример.

Мора согласно и весело закивал:

— Ну а чего? Верное дело. Было б неплохо перекусить чего-нибудь.

— Да уж, с его-то зубным набором можно перекусить что хочешь, — засмеялся Слипёр. — Хоть колючую проволоку, хоть кабель высоковольтный! Ладно, куда нам дальше-то?

— А туда и сюда! — закивокали Масявка и Масюська, разведя руками.

— Дык это и так понятно, — добродушно ответил Дример, завязывая шнурки.

Они ещё немного потоптались в обзорном режиме, и тут же показался Башкирский Кот, переваливаясь, аки пароход на волнах, и неся в зубах солидную потёртую кошёлку в подозрительно яркий цветочек.

— Опаньки, — разжал он заточенные тиски и выложил на землю добычу.

— Чего тут? — Слипёр поглядел сверху на кошёлку.

— Как что? — изумился кот. — Конечно, размаханные рррекламой бублики-мутанты!

Мора хохотнул.

— Главное в войнах — это снабжение! — важно утвердил Башкирец.

— На что сменял? — улыбнулся Дример.

— На интеллект и сценическое искусство! — не повёл ухом котяра. — Кстати, тебе тут тоже кое-чего есть! — и он выудил из кошёлки пачку сигарет.

— Ёу, брат! — чуть не прослезился Дример. — Как ты умудрился-то?

— А вы что думаете, излагающие мудррррость несусветную коты на каждом углу тут шастают?

— Чего ты им там наплёл? — Мора ухватил шмат-штрумдель, бегло изучил со всех сторон и отправил в рот. Хрустнул, хрумкнул. — А ведь не дураки они на пожрать-то! Весьма недурственно!

— Не наплёл, а изложил верррсию, — Башкирец тоже запустил лапу и сцапал чутка шмат-штрумделя. — Им же надо украсить свой досуг, понимаешь? Ну что тут у них происходит? Да тоска бытовушная! Ну, одна кувырлица увела ухажёра у другой кувырлицы... Ну, один пузыкантный мужжичок набил хряську другому мужжичку... Кручинушка натуральная, как ни верти! Кумыс и тот прокиснет от такой жизни! А тут бригада учёнистая за исследованием мутным

приехала. Это ж новость какая! Да ещё и по вопросу ни в мозга ни в извилину непонятному. Ищут, замудренные, — он подмигнул, — мы то есть, бактерию малявчатую, которая только под корягами шмать-травы водится и которая жуть аки полезная для здоровью ихнего же сельского! От икоты и зевоты, слепоты и глухоты, как говоритца! И никакой, самое главное, импотенции! Веселится и ликует весь аул!

— И чего? — изумился Мора. — Они тебе за это бубликов накидали полную авоську?

— А ты б не кинул? — чуть не подавился кот. — Да за хорошую историю можно во вселенной что хошь получить! А коли пообещали первому и сразу принести этот чудодейственный препаратик шмать-травушный, который восстановил бы тебе все старческие недуги, да и разрумьянил бы моську лица, а и коса шоб вновь заколосилась? Я уж не стал им предлагать ставить заряжать воду в банках возле нашей палатки... Я ж порррядочный кот.

Дример взялся за голову и покачал ею.

— Авантюрист! — развёл ручищами Загрибука. — Нас же потом побьют!

— Не побьют, — улыбнулся Башкирский Кот. — Мы им и впрям зелье-то впарим!

— Какое?! — вытаращились на него Мора, Слипёр и Загрибука. Один Дример стоял, держась за бока со смеху.

— Слушайте, ну вы, блин комой, даёте! — искренне сел на задницу Башкирец. — Вы чё? У меня всё-таки нюх, не хухр-мухр! Я ж чую, какая трава полезная, а от какой — три дня поноса и заикающийся кашель. Подсуну им смесь из дыролистника, кустистой душевицы и ветряника.

— И чего? — не понимал Мора.

— Да то, что давление выровняется, сон наладится, понос и пучение отвалят восвояси. Я их ещё к этому в придачу обяжу, чтоб омывались по утрам в приказном порядке да медку перед сном тьяпали. И шобы гадости вокзальные, — он усомнительно посмотрел на шмат-штрумдель в своей лапе, — не ели, а питались исключительно натурально и подножно! И шо? Да то, что настроение их улучшится, и общий тонус повысится, и всё, как ни крррути, сбудется, аки я и сказал. Ну, разве что с косою золотой и импотенцией я перегнул, но, в целом, кто знает? Аутогенная терапия и пунктурное самовнушение к чему только живчиков не приводили! Короче, какой кошке вред от валерианки?! Токма веселуха и глюч всерадостный! Плодитесь, как говорится, и размножайтесь с огоньком! Да вы бубликов-мутантов хватайте! Там на всех хватит с добавкой!

— Я ж говорю, — укоризненно, но с улыбкой протянул Загрибука, — авантюрист!

— Пойдёмте, — подытожил Дример и выудил сигарету из пачки, покрутил её пальцами и с наслаждением ухватил губами.

Кот подскочил и чиркнул когтем, высекая огонёк.

— Пасибки, уважил! Век не забуду, — мягко посмотрел на полосатого товарища братец.

— Не во что! — довольно мявкнул Башкирец. — Что ж я, бррррата по упыхтению насухую брошу? Я ж тварь понятливая. Сам люблю кальяничик разбухтеть при хорошей компании! Пошли.

И они двинулись огородами вдоль покосившихся заборов.

— Привыкай, Загрибыч! — через спину бросил Башкирский Кот, вышагивая вперёд. — Скоро и ты на вотчину свою попадёшь. Небось, в твоих Дрезицах, возле Епни которые, так же всё житует. Отъ, глядь, тут тебе и цыполят разводят, а тут вона за заборчиком и пуршистые пыгунцы. Заглядение!

Все чапали за ним, улыбочные под солнышком. Попетляв по закоулочкам, они вышли к отдельно стоящему приземистому домику, целиком и полностью заросшему растительностью всех размеров. Домик был беленький, замазанный понизу бурёно-фекальной штукатуркой местного производства, три окна наперёд, с крылечком. Крышу его бордово-черепичную венчали усы размашистой антенны. В глубине двора виднелись пара тепличных гаражиков, колодец и табуретка-качалка. Ребятунки наши прошуршали по пыльной дороге к калитке. Рядышком с ней висел синенький с золотым ободком колокольчик.

— Тилинь! — отозвался он, когда Масявка ткнула его пальчиком.

— Иду, — послышалось с лентой из пятнистой тени дворика.

И на свет дневской показался эдакий добрятский хоббит, возрастом «по девкам на балкон уж не полазешь». Спутанные с сединой космы по плечам, подсобранные сзади в несколько хвостиков цветными резиночками. В разводах широкая лиловая рубаха с вышитыми ветвистыми рунами. Штаны с неохватными карманами, бывшие когда-то белыми, но давно утратившие свою рио-дежанейность. Босиком. Большое с вязью кольцо в ухе.

— Хы-хы! — радостно осклабился хоббит. — Вот уж кого не видать было аж с Мировой Заутрени! Масявыч, каким лисапедом тебя сюда? Ыкть! Да и Масюсич с тобою! Добрэ гости!

Он оглядел сузившимися, но не потерявшими добрятской лучистости глазами остальных.

— Ну дык, представляйте друзей ваших!

— Дример, — шагнул вперёд Дример и протянул руку.

Рукопожатие было крепким и мужественным.

— Слипер, — присоединился братан.

— Загрибука, — смутившись и опустив глаза, подтянулся профессор.

— Мора, — с лёгким огоньком испуга подошёл лётчик, ибо боялся, что при репутации с превращениями его не пожалуют. Но хоббит и кольцом в ухе не повёл, размашисто хлопнул ладонью в ладонь Моры и улыбнулся. Вихрастый лётчик расслабился и тоже улыбнулся в ответ.

— Хо-о-о-о! — удивлённо воззрился хоббит на внезапно оформившегося в воздухе огромного полосатого кота. — Яхши ми сиз, ара-джан! Ты-то тут как оказался?

Слипер и Дример, уже не особо удивляясь, переглянулись и пожалы плечами.

— Саями в бакалейку! — шаркнул лапой Башкирский Кот. — Да вот, гуляю по прогону с дрруганами. Дай, думаю, коль у братвы на районе зачумал, зайду на блюдечко кумыса. А то давненько вас не видать было, Батый-Ата...

— Отлично подумал, ара-джан! — засмеялся хоббит и поклонился всем сразу. — А меня зовут...

— Йош! — внезапно перебил кот, и улыбка его стала жёсткой и хирургической. — Тебя зовут Йош.

Масявка и Масюська глянулись друг на дружку, не понимая происходящего, а хоббит смутился:

— Тут меня зовут просто Ключником.

Наши четверо туристов замерли, не двигаясь. Понимая, какая перед ними сейчас стоит на самом деле могущественная фигура, никто не знал, что и как делать. Гости просто пялились на Йоша и не рыпались. Тем более, что все они тут же сообразили про ключ! Да, ключ, аки ему и положено было, кочумал сейчас в непосредственной близости, в ярко-оранжевом непромокаемом мешке Слипера. Запахло неприятностями и кипежом. Масявка и Масюська смотрели на всю компанию в недоумении. Они-то ничего не знали о древнем неоконченном пророчестве, которое рассказывало о потере ключа и возможном коллапсе всея вселенной, коли Ключник его таки снова найдёт и вставит куда надо.

— Да чего вы встали, аки закопанные? — совершенно спокойно спросил Йош. — Да вы енто, заходите. Сейчас глубинички нарвём, чаёвского согреем, салатика из пакурцов с охмидорами сделаем. Красота. Посидим, поокаем, о делах калякнем, — и первым неспешно зашагал в глубь сада.

— Ну и чё? — тихо шикнул Башкирский Кот на остолбеневшую братию. — Чё встали, действительно? Пошли, нехорошо ж стекленеть вот так сходу пред калиткою! Нормальный мужик. Я отвечаю.

Дример со Слипером, как во сне, двинулись по тропинке. За ними поспешил Мора. Загрибука собрал поджилки, унял трясучку нервную и тоже вразвалочку почапал. Кот уставился на замешкавшихся Масюську и Масявку:

— Ну чё?! Ну бывает. Ну столбняка чуть братцы схватили с недосыпу. Акклиматизация, деревенский воздух, кислорродное отравление. Всё пройдёт. Пошли.

— Слушай, нет, ты лучше скажи, — зашуршали Масявка с Масюської на кота. — А чего это они так Ключника испугались-то? Он вам, поди, теперь и ключ делать не будет! Вам же, небось, ключ с него надобно, да?

— Да нет, — неохотно буркнул Башкирец. — Это, похоже, мы ему ключик доставили!

— Хм, — зенкнули на друг дружку Масявка с Масюської.

— А что, давно у вас тут Ключник-то обитается в целом?

— Да уж зим восемь-десять валенки оттаптывает, — ответила Масявка.

— А-а-а-а, — раззявил пасть кот и что-то там себе в уме подчеркнул, — ну понятно. Дык и чего размусолили на заваленке? Пойдёмте уже чаёвничать! По бублику-мутанту закинем на кишку!

— Это мы всегда! — радостно хрюкнули Масявка с Масюської и запрыгали в дом, словно две степных кенгурятины.

— Хе! — коротко хекнул им вслед Башкирский Кот и огляделся вокруг. Он просканировал биноклями местность в семи диапазонах и, не найдя ничего подозрительного, побёг догонять гостей, срывая на ходу с грядки ягоду.

В доме пахло странно. И он оказался внутри намного больше, чем снаружи. Комнаты были заставлены всякой всячиной, видимо, из одноименного магазинчика. Едва Дример присел на потёртую трамбуреточку, как к нему на колени тут же залез невесть откель взявшийся большой и чёрный морской свинтус. И сразу уснул.

— Видишь, сходу признал! — довольно прокомментировал Йош. — Свинтус добрый, не кусит, прибился тут к дому во время затяжных дождей, точняк с моря принесло муссоном. Нашёл я его как-то на крылечке. Сидел грустный, ни грамма рыбного в пасти давно уж, видать, не было. Ну и пустил. Теперь вот в библиотеке на чердаке ошивается. Рыбок там разводит. И в садовом пруду их прикармливает. И в колодце пытается. Он же свинтус не простой, а морской, так что на рыбе помешан. Глядишь, селекционным путём полкилойку выведет!

Дример уважительно погладил по чёрной шелковистой спинке морского свинтуса, который в дремоте довольно захрюкал и зачмокал и ещё ту же свернулся калачиком на Дримеровских коленях. Башкирский Кот мельком лишь посмотрел на морского свинтуса и потерял к нему тут же всяческий интерес. Видимо, углядел в нём конкурента по поеданию возможной рыбной деликатесины. Даже изобразил некое «фи» едва сморщенным носом. На довольный хрюк свинтуса прибежали ещё две живности, и вот они-то вызвали большой блеск в глазах у кота. У Загрибуки же от живчиков новоявившихся сначала защекотало под мышками, а потом возникло желание залезть на трамбуреточку с ногами. А всего-то ничего, прибежали два мыша двузубых. Ну, по два острых зуба у них торчало из пасти сверху, аккурат посередь, словно из носа растущих. Один мышастый чурчель пребывал в белом оттенке, другой в пятнах бурых, словно медведи лишайные далёкой планеты земельной. Хозяин дома с умиленной улыбкой на них посмотрел и занялся гремением посудкой чайной. А два мыша всех обнюхали поначалу, словно пёс в прихожей, да и вскарабкались по одежде. Белый к Слипелу забрался по рукаву, побегал по плечам и полез за шиворот.

— Хи-хи, — съёжился Слипел, — щекотно!

А второй мыш двузубый, пятнистый был который, облюбовал лётный комбез Моры. На Загрибку не позарились, хвала Великому Степному Духу, а то бы профессор впал в истеричную трясушку нервячную. Пробежавшись по одежкам, мышатки спрыгнули и так же стремительно исчезли где-то в домушних закоулочках.

— Всё, теперь их не поймашь, — заметил Ключник, углядев на башкирской кошачьей морде хищно раскрывшиеся раскосые монголоидные глаза ясного жёлтого цвета.

— А надо? — лениво протянул кот. — Прошагать столько парррсеков, чтобы потом мышей гонять по чердакам, словно сельпо тузиковое? Я ж интеллект в черепной коробочке ношу, а не инстинкты несмышлёные.

— А я и без сумнений! — не поведя кольцом в ухе отвечивал по-доброму Ключник.

— Давайте подсоблю чего, — суетнулся Слипер.

— Ага, и я могу чё-нить настругать-посолить, — присоединился Мора.

Йош их заслал в огород по салатик, а сам покуда магичил вкусность чайную.

Масявка и Масюська засунули в рот по печенюшке масенькой, но просто страшно как вкусной, и довольно жмурились на солнышко в мутном окошечке, втягивая носом переполненный запахами воздух.

Слово за слово, поболтали о пустяках житейских. Вернулись Мора и Слипер с корзинкой. Нарубили клубней и травок в мелкий винегрет, посолили-поперчили, залили сметанкой деревенской. Йош с Масявкой разлили чаёк по керамическим кружкам. Сели вразвалочку. Свинтус морской на коленях у Дримера так и не проснулся. Видел, наверное, свой по-свинтусовски крепкий сон о морских бушующих ветрах и бурях, о дальнем мореплавательном походе. И чудился ему во сне том расчудесном винтажного дизайну корабль. А также виделся совершенно незнакомый вид какого-то пёстрого крылошногобеля, который сидел в прокуренной каюте и хриплым поставленным голосом кряхтел на иврите:

— Шекели... ш-ш-шекели...

И от голоса этого во сне у морского свинтуса почему-то будоражилась внутренность, и захватывало дух от смутного узнавания чего-то кошерно родного — но узнавания чего? Свинтус так и не мог до конца понять, только слегка повизгивал во сне и похрюкивал.

Свинтус и Вантус

Шкындырбало шхуну по всея периметру. Два литовских еврея, Вантус и Свинтус, бороздили Балтийское море уже который месяц. Они надеялись, что море сие всё ещё таки Балтийское, но надежды эти стали таять со временем, ускоряя свою необратимую энтропию. Ибо за месяцы последние не предвиделось им ни разу не то что окончание, но даже хотя бы примерный край этого самого водоёма, который вообще-то, между нами, литовскими евреями, говоря, был изучен вдоль и поперёк ещё на родине по зачириканным картам уважаемого картографа Шмуэля Брандыршмана. А только шхуна их летела, не сбавляя узлов, и так уже набранных по самое то, срывая края огромных волн, и мелкое водяное крошево не исчезало вокруг них, а становилось всё плотнее и мокрее с каждым днём. И куда уж зловещее и завихрённое.

А ведь жуть несусветная изошла с лёгкого тумана. Свинтус и Вантус поначалу лишь бросили пару хмурых взглядов на горизонт, ибо над ними сияла благодать небесная, и солнышко грело, и вода мирно и спокойно журчала в кильватере. Шаббат, да и только! И Гидрометцентр им сулил удачу. И попугай зелёно-жёлтый, что был сторгован у таких же пиратов, как и они сами, только турецко-подданных, сулил им фортёж и прибыль. Едва он проглатывал свой попугаичий завтрак, как тут же начинал орать:

— Прррошу пани, гэвэрра, я имею шо сказать за энту тему. И таки рррразве этот поц знает, где Абррраше во славу тех добрррых фррраеров найти кошерррные пиастры на этом районе?! Я вас умоляю!

«Добрые фраера» Свинтус и Вантус шикали на него, но Абрахам Грэй Ибн-Хоттаб (так звали попугая по штемпелю в его птичьем паспорте, хотя Вантус был уверен, что это подделка) тут же прикидывался ветошью, то есть ветхим и ненадёжным на интеллект пернатым, которое тупо начинало заезжать пластинку кратким выводом: «Шекели! Шекели!» А что с него было взять, коли ему уже третья сотня пошла от рождества? Но дело-то не в этом. А в том, что попугай накликал — но совсем не финансовый подъём в закромах корабельной родины, а невесть откуда взявшийся тайфун. Да такой, какого не видывали братья наши кошерно-литовские ни в жисть свою. Как я уже давеча намекнул, всё началось с тумана лёгкого в тот самый день, когда минуло уж два месяца планетарных от заглавной страницы ихнего похода. И за поход этот нудный во всех отношениях пока что не встретили джентльмены удачи ни одного подходящего судна, которое можно было бы грабануть. Потолочное Разумение их от греха отваживало как могло и готовило к несусветному, но кошерная братия пока об этом даже не догадывалась. И вроде команда у них была подобрана славная, все как один — запорожцы, москвичёвые да жигулёвские: Штурман, Лоцман, Боцман и Кацман. Все не добрые ни в жисть хлопцы, готовые на раз шашкой махнуть и карту тузовую с рукава через портянки на стол выложить, и в шахматы урезонить самого адмирала литовского Скумбриявичюса. У всех морячков этих бравых за плечами было немало замученных жизнью душ, которые они сострадательно освободили от этой тяжкой ноши. И если бы пираты были совсем уж бандерлогами, то просоленные иудейские шеи украшали бы ожерелья не из одного десятка черепов. Ну то есть вы понимаете? Их карма была давно и окончательно испорчена. Под кипой парни ходивши были, а потому рьяно отстаивали в миру свои радикальные взгляды на арабский вопрос, не ведая ни в раз буддистского состраданию, а уж о теории общего единства адвайты и вовсе не ведали покуда ни в зуб. Потому совершали множество детских и плачевных кармических ошибок. А хоть и добром светились внутри, но на лицо и движуху оказывались-таки весьма ужасны. И мотало их вдоль и поперёк благодатного балтийского побережья уж невесть сколько одиноких мужских ночей, как вдруг... Короче, налетела напасть такая, что не приведи Потолочное Разумение! И накрыло. И сокрыло от них мир внешний. И очень надёжно. То бишь уже через неделю нескончаемого дождя, что стеной стоял вокруг шхуны, Свинтус спустился в каюту к Вантусу и, взболтав в рюмашке остатки «балтийского чая»...

— *А что такое «балтийский чай»?* — *спросила Терюська, выгнув любопытный свой хвост.*

— *Ну, — смутился я, — это вроде как средство народное морское, которое широко использовалось для поддержания боевого спортивного духа в рядах матросских и выдавалось начальством адмиральским по талонам и карточкам всем и каждому в тельнике. Короче, чтоб не скучно было и чтоб никакой вялости в частях телесных.*

— Ты вокруг да около не крутись, — хитро сузила глаз Соня с холодильника, — скажи братве кошачьей как есть, шо цэ такэ за «Вискас» и как быстро отпускает?

— Ох, — вздохнул я, поняв, что открутиться ни вокруг ни около не удастся. — Ну, «балтийский чай» — это водка с кокаином! Точнее, даже не водка, а спирт пополам с водой. И туда сыпали кокаин. Размешивали. И пили. И вот такое пойло выдавали в давние царские времена всем матросам на Балтийском флоте вполне себе легально и даже в обязательку. То есть по военному приказу адмирала всея Балтийского округа с печатью самого царя-батюшки Руси тогдашней. И не хочешь, типа, а надо! И попробуй не кайфани! Сразу в Сибирь поедешь заготавливать свежесжатый берёзовый сок с мякотью!

— Так тут легализованный торч какой-то получается! — возмутилась Соня.

— А это к тому, — поднял я палец к потолку многозначительно, — что понятия «хорошо-плохо» весьма изменчивы в челобреческом обществе, когда дело касается искусственно договорённых моралей и прав. И меняются они от века в век и весьма радикально!

— Но сметана-то — это всегда хорошо? — с сомнением мявкнула Терюська.

— Сметана, Терюсечка, — всегда хорошо! — без запинки утвердил я.

— Господи, как мило. Ну хоть что-то в мире есть стабильное! — по-старушечьи заметила Терюся и успокоилась на диване, завернувшись в оранжевый плед по самые уши.

— Фу, — выдохнул я, — выкрутился-таки... Боже, сколько же ты чаёв всяких разных напридумывал!.. И так...

...и, взболтав в рюмашке остатки «балтийского чая», он тускло изрёк:

— Вантус, друг ты мой ненаглядный, я таки понимаю, шо мы тут будем до пришествия спасительного болтаться в этой балтийской проруби, как гуано бакланное, если сейчас же не поднимем наши гордые еврейские паруса и не попробуем аккуратно, но всё же несгибаемо с намерением, как завещал нам аргентинский наш амиго, шаманист-блокнотник Карлсон Ибн-Каштанов, добратся-таки до приемлемой гавани с горячим хумусом.

— Верно говоришь, Свинтус, брат ты мой, глубокое моё тебе уважение! Хорош уже тут мучиться похмельем и праздною беседой за шахматами! Пора и в дело пустить наше мужество морское и взглянуть-таки в глаза удаче, как и подобает её истинным джентльменам! А ну...

Вантус спотыкнулся, рыгнул и еле удержался на ногах, пытаясь встать. Собрание философских сочинений Моше Хаима упало в литовский портвейн, разлитый по полу.

— Свистать всех наверх! — заорал Вантус и не преминул сие тут же воплотить, засунув в рот четыре пальца, но вместо свиста раздалось обиженное кошачье шипение. — Тьфу ты, тридцать три кильки мне в бочку! В общем, свищи, Свинтус, всех тудой, — он ткнул пальцем в потолок, немного обмяк, прикрыв глаза, и уже менее внятно добавил: — И не забудьте-таки зонтики, а то, не дай бог, вы у меня простудитесь. Нынче на Балтике сквозит, и пляжный сезон ну вообще не в разгаре на минуточку.

— Вантус, дружище, может, тебе помочь? — участливо осведомился Свинтус.

— Я вас умоляю, дружочек, мне уже ничто не поможет. Идите. Я сейчас к вам всенепременно присоединюсь.

И вот эти бравые моряки подняли паруса среди бушующих волн, а ведь это, между нами моряками говоря, строго запрещено делать, что чётко на идише и было прописано в инструкции по эксплуатации корабля. Но, как и большинство взрослых людей, они, конечно, проигнорировали по факту приобретения продукта большую ярко-красную надпись на борту свежесторгованной шхуны. А там было чётко выведено по-аглицки: «Рид зе факинг мануал!» И моряки таки подняли их, эти паруса, и корабль неожиданно тронулся с места. То есть его перестало болтать, словно бакланное гуано в балтийской проруби, и он таки определился с курсом. И даже не перевернулся, хотя ему сие пророчила и аглицкая инструкция, и турецко-подданный Абрахам Грэй Ибн-Хоттаб с растопыренными перьями. И полетели они на крыльях отнюдь не любви, но тоски по дому и жути нагоняемой по волнам суровым. Над компасом нахмурился, качаясь на локтях, Штурман. На руле повис плечами Лоцман. По палубе метался и спотыкался среди канатов Боцман. Мешался под ногами и балагурил, поддерживая бодрость духа одесскими шуточками, Кацман. Свинтус и Вантус стояли на капитанском мостике и в два бинокля пытались разглядеть на горизонте заветную маячащую лампу. Но все маяки как сгнули. И вот теперь, когда прошло уже несколько месяцев с того мужественного момента, они начали потихонечку врубаться, что такого просто не может быть. Что, как ни гоняй по Балтике вдоль и поперёк, а таки рано или поздно нарвёшься на какой-никакой, но берег, ибо Балтика — не Тихий океан всё-таки ни разу, да и шли они стабильно в одном направлении.

— Ветер северный, компас кажет на 32 градуса отклонения, стало быть, Вильнюс там! — уверенно ткнул пальцем в непроглядное мокрое стекло рубки Штурман. Лоцман послушно повернул рулевое колесо вслед за пальцем Штурмана. Боцман подтянул канаты и переложил парус с пустого на порожнее. Кацман хохотнул и выдал пошлую иерусалимскую присказку.

Шла аккурат тринадцатая «счастливая» неделя. Запасы провианта заканчивались. Вода, спирт и кокаин тоже грозились отдать последние концы. Отпускало. Настроение портилось. Отходняки усугублялись насморком. А земли всё не было. И по мачте вверх-вниз ползал неизвестно откуда взявшийся иссиня-чёрный шершавый слизняк, модель «улитка без прописки», и когда Боцман, шастающий по палубе, случайно задевал его рукой или рукавом, улиточный персонаж съёживался и начинал щекоточно хихикать. Не фэншуйно всё было ни разу, в целом!

И тут вдруг, среди всего этого закручивающегося, словно смыв в унитазе, ада, Свинтус подпрыгнул на пятках и ещё пристальнее уставил свой бинокль в бушующую тьму.

— Да не... — усомнился он. — Да шо вы... Да я вас умоляю! Нет, точно, этот поц решил-таки заняться водными процедурами в такую непогоду! Так же недолго и сопляк с кашлюком подхватить! Не, ну шо вы скажете? — Он повернулся как бы ко всем сразу и заорал дурным голосом: — А вот что хочу сказать я, друзья мои! Прошу прощения, что отрываю вас от важных дел, и не поймите меня превратно, но у нас тут уважаемый некто за бортом!

— Да шо вы говорите? — Вантус тоже вгляделся во тьму через два выпуклых стекла производства некоего добропорядочного Цейса и тут же вздрогнул: — Да вы подумайте только! А у нас как раз еда к концу близится! Вот незадача. Ну да шо мы тут будем долго думать, а? Свистать всех... Ах, вы все уже здесь? Тогда киньте этому уважаемому что-нибудь вспомогательное, ну, там, плавсредство какое.

— А ведь его ещё и поискать придётся-то! — нахмурился Штурман. — Или опять всё по инструкции да по накладной?

— Серьёзная ситуёвина, — скривился Боцман. — Вот вы мне тут говорите — плавсредство, понимаешь, кинуть. Ясный Пень, что попугая кидать туда нет никакого смысла! — Он порыскал в куче хлама, сваленного под ящиками на палубе. — Хм, а таки нашёл я прописанное инструкцией! Сейчас опробуем! А то мы всё больше топить и топить кого, как я погляжу. Никакого применению не было до сих пор спасательному снаряжению! Непорядок! Так, Кацман!

Тот возник из ниоткуда, взяв под козырёк фуражки давно уж неизвестно какой страны, помятой, что твой носовой платок.

— Кацман, срочно попадите в цель, так сказать, снарядом спасения и даже не думайте мне тут, без обсуждений!

— А я таки шо... Я таки шо? Кацман, аднака, тута главный по прицельному захвату, нет, вы видали? — Он взял спасательный круг из пористого пробкового дерева, взвесил его в руке. — Таким можно и голову проломить! Вы уверены-таки, шо надо? Ваше заднее слово? — повернулся он к Боцману.

— Кидайте, Кацман, шоб я так долго жил, как вы думаете!

И Кацман лихо завёл руку с кругом назад, оттопырил плечо и таки метнул ярко раскрашенную спасательную окружность в море. И что вы думаете? Попал! Накрыл в самую «десяточку»! Круг лёг аккурат вокруг жертвы прохладительного отдыха, и Кацман передал конец Боцману:

— Тяните тепер уже! Я вижу, Господь непременно таки решил посадить своего очередного племянника на наш ковчежец. Ну дык Кацман сделал своё дело, Кацман может уходить, — он вздёрнул завсегда узнаваемым носом и направился на корму любоваться ужасами мирового потопа, в который они все, как он был теперь уверен, наточняк попали.

Утопающего вытащили по всем правилам. И он таки был поначалу сомнительного статуса пребывания на свете, то есть то ли жив, то ли мёртв. Но всыпанная ему в нос понюшка кокаина тут же сделала своё дело.

— Апч-хой! — громыхнул спасённый.

— А вот и славно! Хой, хой, — умилённо улыбнулся подошедший Штурман. — А вот сейчас и чайку сообразим. Вы вот как к свинине относитесь?

— Не ем вовсе! — отвечивал спасённый.

— А вот мы так и знали! — радостно кивнул Штурман и посмотрел на остальных как бы говоря: «ну вот что я вам говорил, спасли-таки добропорядочного еврея», и добавил: — Таки Господь нам на судно не пошлёт же неверного какого прощельгу с Привоза! Добро пожаловать на

наш лайнер. Фамилия моя Штурман. Приятно познакомиться. Вот этот милый человек — Боцман, — тот ослабил неровными, жёлтыми от морской соли зубами, — далее всеми нами уважаемый Лоцман, — названный приподнял учтиво козырёк фуражки, — ну и этот шлемазл, который вас метко ухватил за подмышки да жизнь спас-таки, — Кацман, — тот лишь издалека помахал рукой, мол, да чего уж там, все тут сдохнем всё равно.

Спасённый вертел головой вокруг и явно многого не догонял пока. Но, подняв взгляд и увидав на мачте к данному моменту уже весьма потрёпанный развевающийся чёрный флаг с белеющими на нём черепом и перекрещенными костями, вдруг неожиданно улыбнулся:

— Все ветра мне в форточку! Да вы никак пираты?

— Верно, милый вы мой человек! — ещё шире растянулся лицом в ответ Штурман. — А это, — он указал на рубку, смутно светящуюся среди всполохов молний, — наши два бравых командора! Наши орлы! Наши морские волки! Позвольте непременно представить: господина Свинтус и Вантус, наши кровные братья по литовскому колену сынов земли обетованной!

— Как я вижу, вы все — весьма и весьма уважаемые люди! — кивнул серьёзно экс-утопающий.

— Точно так-с! — щёлкнул каблуками Штурман и ослепительно улыбнулся. — Очень рад, что вы удостоили своим вниманием нашу скромную компанию.

— Ну что ж, господа, — спасённый приподнялся на локтях, оглядел судно, чему-то там внутри себя довольно хмыкнул. — Вам несказанно повезло! Я, конечно, не славный пророк Моисей, чтоб раздвигать тут моря и океаны. Но я не премину отблагодарить за своё спасение. И раз уж мы оказались в нейтральных водах вашего мира, — тут все пираты переглянулись, явно не понимая смысла сказанного, — я вам не только сокращу расстояние до земли, но так и проведу сей прекрасный корабль в земли куда более обетованные, нежели исторический центр славного Иерусалима! — С этими словами он снял со своего пояса связку ключей. — Будем знакомы. Меня зовут Йош!

Так заканчивается наша история о ещё одном корабле, исчезнувшем с лица нашей планеты, но никак не канувшем на дно морское, а прошедшем сквозь портал азимутом 32-23 в параллельный мир, так находящийся в линейной плоскости земного пространства на расстоянии примерно 13 000 световых лет от данной звёздной системы. И пусть история сия ясно светит нам и маячит в бурях нашей земной бытовой смуты по вопросам, следующим за нею. Мол, если человек в искренней сути своей всё-таки добрый и милосердный, то Потолочное Разумение приведёт его таки к очистке кармы и вознаграждению за труд душевный. И что Пути у Потолочного Разумения весьма неожиданные бывают и несбыточные вроде бы как ни разу, а таки сбывающиеся на раз. И что не каждая неприятность внезапная достойна ярлыка «плохо» или, как выразился бы Кацман, «да всё понятно, я вас умоляю». Но весьма часто, и даже почти всегда бывает так, что нечто, что мы считаем очень и наточняк плохим, оказывается на поверку даже весьма и весьма хорошим, да таким хорошим, что и пожелать-то не смелось!

Моги нокрые

Морской свинтус будоражено вздрогнул, громко фыркнул, пукнул и проснулся на коленях у Дримера. Оглядел всех в ужасе. Но почти сразу же остатки сна выветрились из его зрачков, внутренний навигатор поймал в прицел сигнал всех биоспутников, и он облегчённо вздохнул — мол, фу, дома! Ну и заглохнет же на такое! Все вежливо хихикнули.

— Бывает, — протянул Ключник, краем глаза оглянувшись на свинтуса, — мало ли что привидится...

— Это точно! — поддержал осмелевший и весьма подобревший от салатика Загрибука. — Мне вот порой такое приснится!!!

— Ага, — хмыкнул Башкирский Кот, — знаем мы, знаем... То небо звёздное покоя не даёт, а то курлицы заквахтают, а то и мракобесь какая по прогону ночью шастает да матюгами песни орёт! Эх, жисть деррревенская...

— Ну и пожалуйста, — надулся Загрибука и заел свою дугость вкусной ягодкой глубиничкой, которая тут же растопила и отпустила нутро. А затем он и вовсе забыл о каких-либо обидах, ибо узрел ползущего по раме окна большого чёрного шершавого слизняка.

Ключник заметил испуг Загрибуки и поспешил его успокоить:

— Уважаемый, не парьтесь! Улитыч этот совершенно не опасен и мало того, что чрезвычайно разумен, но ещё и весьма не дурак понежиться, когда ему спинку чешут. Он за это дело выделяет особую жидкость с мурашек, которая омолаживает кожу и заменяет сильнейшие дезинфицирующие средства. Природа его таким вот врачевателем сделала, хоть и несуразным на вид. Он сюда случайно угодил, в Коридор По Связям С Общественностью засосало. Да только метаморфоза перестроечная его не коснулась. Так что переселился на следующий этаж без всяких там отработок по карме. Повезло жуку! Вот теперь здесь ползает. Ну а куда его? Пусть пользу приносит.

И как бы в доказательство своих слов Йош пощекотал слизняка пальцем по шершавой спинке.

— Хгы, — хгыкнул слизняк, весь сморщился от удовольствия, захихикал и покрылся мурашками.

Йош взял на палец немного жидкости с этих самых мурашек и демонстративно помазал прыщ на лбу. Прыщ скривился и скапутился сам в себя, на глазах иссыхая.

— Круть! — уважительно отвалился челюстью Загрибука и тоже смело протянул всеохватывающие длани к слизняку. Тот как почувал, что фортуна ему улыбнулась, и весь аж вытянулся к профессору, чуть ли не хихикая. Короче, они друг друга нашли на ближайшее время во взаимовыгодном сотрудничестве.

— А мне, — приложил Мора подбородок на руку и мечтательно глянул в окно, — бывает, такие сны снятся, что навроде как я это на самом деле пережил. То есть узнаю усё как на духу. И друганов тамошних, что во сне встречаю, как будто век знаю. И вроде замуты знакомы, и места. А

потом вот проснусь, и н[а] тебе, не признаю ничего. Только что лицо было как родное, и тут же вроде как и не видел его никогда. Бред какой-то.

Морской свинтус как-то печально и с пониманием посмотрел на Мору. Вдохнул тяжело, да и повалился с колен Дримеровских на пол, посеменял куда-то за шкафчик заполированный.

— Хм, — пожал плечами Мора.

— Ох, да кто ж енто знает, что тут к чему, — покачал головой Йош. — Много ж на свете странностей всяких волшебных. Может, то память тебе кармическая открылася, типа, жизни прошлые свои вспомнил зачем-то. А может и наоборот, будущее какое привидилось. А может и вовсе это сумбур хаотичный.

— Это как? — полюбопытствовал Дример, булькнув в чай кусочек сахарку и заглядевшись на пузырьки.

— Да так, что навреде влез ты в общую информационную сеть, где все «хочу» и «могу» в изначальном перемешанном состоянии находятся. И зачерпнул оттуда совочком нечто, во что случайно пальцем ткнул. И вот теперь оно родное.

— А что, можно лазить в такую сеть и ковырять оттуда разности? — хитро заблестел глазками Загрибука.

— Можно, — подтвердил Йош, — да токма коли лезешь, сразу должен чётко понимать, зачем и по какому поводу, а то гипермаркет там — укачает на тележке ездить до посинения. Будешь зенки лупить на всевозможные формы всего и всякого, насколько тебе твоего воображения хватит.

— То бишь бланк конкретного запросу требуется, — лениво мявкнул Загрибуке Башкирский Кот, утерев с усов сметану, которой его одарил хозяин дома.

— Верно! — кивнул Ключник. — Вот и вы слово своё скажите, да не ляпните чего ни попадя. Чего хотите с прилавка получить?

Все переглянулись испуганно. Поняли, что момент настал. И тут уж лучше не мельтешить.

— Батя, ты пойми, — заёрзал на своём ОКЛЖПэ Дример, — мы тут с одной вещицей маемся, и нас к тебе подслали с ней, похоже. Вроде как давно ты её ищешь. А нам бы за доставку маршрут до дома определить.

— Какую-такую вещицу? — сузил глаза Ключник да улыбнулся.

— Вещица знатная, цены немалой, — прирос в статусе Башкирский Кот, подмигнув братве. — Да только прежде мы хотели бы удостовериться, что всё будет по-добррррому и по-миррррному, коли она у тебя в руках окажется.

— Совсем вы меня заинтриговали! — хлопнул себя по бокам Йош. — Ничего не понимаю.

— Всё ты понимаешь, — неожиданно по-прокурорски заявил Башкирский Кот, уставившись не мигая на Ключника. — Нам тут сцены по Станиславскому разыгрывать ни к чему. Комиссия «из эбсент тудэй», как говорится. Как и прописано по накладной, твоя отмычка при нас. Однако мы по бррратскому одесскому уговору хотим-таки за доставку получить вразумительные пояснения по собственному маршруту и путёвку без контузии до конечной с диваном и телевизором!

— Хм...

— Слышь, Йош-Ата, ара-джан, — деловито вступил Башкирский Кот, — ты нам мозг коксом не пудри, а скажи по-чапаевски с плеча, шо делать и как быть. Куды ломиться, кому морду царапать. А то меня мама заждалась уж. А с мамой моей даже тебе ссориться не стоит, верррно?

— Верно, — забеспокоился Йош. — Да я и не пудрю, говорю как есть. Рад помочь следствию, да по статье пройти. Суть такова. Даёте мне ключ. Я сверяю маршруты. Ломимся вместе до несущей стенки Всея Мирокручения, находим дырочку в обоях, суём отмычку. Крутим по инструкции, а там, сами понимаете, Небесная Загогулина распрямит все свои гогоулины, и тропа обратная, что до дома до хаты ведёт, засияет нам всем звездой-Кукульканом! И провожу лично до крыльца, обещаю, и положу в целости и сохранности в заданную квадратуру круга.

— Слово даёшь? — набычился левой бровью Башкирский Кот.

— Век шпроты не видать! — Ключник два раза отхлопнул себя указующим пальцем за ухо.

— Ну смотри. — Кот покосился на Слипера: — Так шо? Поверим этому сиррроте?

— На, — Слипер вытащил из оранжевой сумки-непромокайки ключ и положил его на стол.

Масявка с Масюской из угла молча замигали глазами на чудо околосветное и нервно захлюпали с блюдечка. Загрибука зажмурился. Дример ещё поднатянул Шапочку вроде как на брови, а уж и до подбородка осталось недалеко. Море было поднатянуть нечего, так что он просто напрягся по всему периметру фюзеляжа.

Йош подошёл к столу и взглянул на ключ.

— Дык красота-то какая! — умилённо сглотнул он. — А я ж и обыскался весь, думаю, вот блин с компотом, ну куда я его мог...

— Далеко ты его смог, — кивнул Ключнику кот недовольно и назидательно. — Еле живые остались.

— Вай, молодцы! — Йош аккуратно осмотрел ключ со всех сторон, но брать его в руки пока не брал. — Ну дык и чего ж мы тут сидим? Может, и чемоданчик паковать пора? А? — Он радостно оглядел всех: — Чего смурные такие? Сейчас и поедем, и помчимся, и на оленях, и утром ранним...

— И отчаянно ворррвёмся, — скептически мявкнул кот. — Знаю я эту канитель. Врываемся, берём почту и вокзалы, потом захватываем аптеку с заложниками и в конце концов требуем две упаковки реланиума и шприцов. Весь этот сценарий мне не по вкусу, не знаю уж, как вам. Я бы предпочёл всё заранее и спокойно углядеть в картоне макетном, провести тактическое совещание и уж потом совать бескозырку в зубы.

— Ну, убедил, — согласился Йош и, так и не тронув ключа на столе, вышел из кухни и полез рыться в шкафу, за которым скрылся давеча всеу поминавшийся морской свинтус. — Так-с, это не то... А это тем более... А этому вообще место не быть... А, вот!

Он выгреб из дедушкиной внутришкафной тьмы пропахший нафталиновой пылью свиток пергамента. Осыпав с него прах времён и попросту слежавшуюся огородную грязь, он шмякнул свиток на стол и развернул его, смахнув пожухлую свекольную ботву.

— Мы вот тут! — уверенно ткнул Йош узловатым пальцем с жёлтым ногтем в скрипучую бумагу.

Вся наша туристическая братия на выезде сгрудилась вокруг стола и заглянула в документ. И тут же присвистнула нестройным удивлённым хором. Было отчего. Свиток залежавшейся картонки оказался подробной картой Всея Кругосветности. Со всеми уровнями и закоулками. Вся эта жуть космического проявления была аккуратно вписана в схематичное изображение Небесной Загогулины. И сие ясно и наглядно теперь давало возможность понять, каким образом устройство всего сущего влияет на всё это самое сущее, и какими углами за какие косяки цепляется. Палец Йоша упирался в маленькую бело-голубую точку. Рядом с точкой стояли цифры и непонятный значок, схожий с иероглифом.

— Ясно, как Пень! — издевательски заметил Башкирский Кот. — Слушай, Йош, если ты думаешь, что кто-нибудь из нас понимает, как и куда гонять мышь по этой коммуналке, то ты ошибаешься. Мы уже давно потеряли всяческую ориентацию, исключая разве что половую, но это само по себе уже неплохо. Хотя вот Слиперу пару раз досталось юбку примерить. Посему, без обид, но будь любезен тут пальцы веером не гнуть и по-колхозному нам сказать, шо да почём нынче на Привозе, а мы уж не обвесим.

— Ладно, не гунди, — Йош раздражённо поёрзал ногтём по карте. — Всё просто. Есть несколько проходов круголями в нужный квадрат. Можем гипотенузой посуху на карачках, но лучше катетами вплавь.

Кот поморщился. Загрибука упротителью запрокинул брови.

— Мокнуть как-то не хотелось бы, — протянул с сомнением кот.

— Стало быть, придётся! — тут же с готовностью отозвался Йош.

— Слушайте, други мои, — подал усталый голос Дример, — давайте уже приговор огласим, а там уж или по камерам, или как придётся.

Йош возвысился морально и ораторски над кухней и провозгласил:

— Слушать мою команду! Короче, дело непростое. Наглядно скажем, мокруха! Я, как выразился наш усатый товарищ, по коммуналке сей долго шнырял, каждый закуток знаю, а потому смею доложить: до двери заветной, которая по указанию высшего командования должна быть отколупаема, будем добираться вплавь и железнодорожными подкидышами. Не смотрите, что по карте это в тридевятое семиземелье переть через восемь измерений по голой космической пустодырности. Йош знает короткий путь! — Тут он гордо всех оглядел. — Потому за пару средних суток управимся. А там на месте могу прогарантировать, что обратный адрес на штемпеле вашей путёвки станет ясен, как названный пень в лесу. Коли поможете мне взломать калитку вселенскую, тут же счётчик вашего такси обнулим, и окажетесь на родном вокзале, словно и не было никакого похода, каждый на своей кухне со своей любимой чашкой в руке. Идёт?

— А есть выбор? — без сомнений в ответе спросил Дример.

— Нет, — так же без сомнений отозвался Йош.

— Тады пошли прогреть моторы, — поднялся Мора. Он обернулся к Масявке и Масюське: — Вы-то как, домой доберётесь?

— Да нам тут рукой подать, — согласно мигнула Масявка. — Два коленца выкинул, и уж «вот моя деревня», в рог её ети.

— Ага, — поддакнула Масюська и поворотилась к Ключнику: — А когда конца Света-то ожидать?

— А с чего это вы решили про концы световые? — удивился он.

— Дык а как же, — влез Слипер, — по вопросу этому весь кворум и дрожит коленками! Так нам и гутарили, мол, когда Йош свой ключ отыщет, Код вспомнит, в скважине вселенской ключик тот повернёт да кнопочки нужные натывает пальцем, то и сразу дверь та отверзнется. И уж ползет тогда из мира соседнего сюда жуть несусветная, али всё ёкнется к бесям кошачьим. Загогулина Небесная распрямится, и наступят всему кранты окончательные и неповоротные.

— Ну вы даёте! — изумился Йош. — И вы все, стало быть, верите в это мракобесие невразумительное? Вы чё, брателлы? Алё!

Аудитория в непонимании на него воззрилась.

— Но нам же говорили... — протянул неуверенно Загрибука.

— И вы, думая такую вот хрень несладкую, всё-таки решились мне ключ отдать? — Йош обвёл всех восхищённым взглядом. — Ну вы героические, блин с компотом, личности! Видать, сильно вас до родного сортиру прихватило!

Гости стали смущённо исподлбья переязыкиваться, чуя, как лапша на их ушах предательски зашевелилась.

— Нет, ну вы чё, в натуре, — обиделся Йош. — Думали, что я вот так из-за личного сумасбродства всё Мирроверчение завалю под фанфары? Вот уж точно на околице пукнешь, а в сельсовете заорут, что штаны засрал, подлец. Да вы всё не так поняли! Я вовсе не засранец деревенский! — Он засмеялся.

— Говоря «вы», он имеет в виду всю вселенную, на минуточку, — вставил Башкирский Кот.

— Да честное буддистское слово, клянусь мамочкой, — замахал-закрестил перекрёстно Ключник через всю грудь, словно обмахивая подтяжки с патронташами. — Ничего такого и вовсе в виду не имелось! Дело-то обычное. Как в любой виртуальной системе, в проявленной материальной вселенной накапливается ряд погрешностей и ошибок, неиспользуемых ярлыков на рабочем столе и прочей процессуальной дребедени. Потому Загогулина Небесная всё больше и крючится, и уж извивается как может, и прогнулась уже по полной в асане немислимой, и все бандхи замкнула и дыхалку задержала. Мир сдвинулся. Никто уж ни шиша не понимает, где верх, а где низ, и то колбасу со сгущёнкой жрут, а то борщ с шоколадными конфетами. Полный бардак в казармах! Потому калитка сия служит для вентиляции системной. Обычный перезагруз, дык сказать, без удаления файлов. А то ишь, навели беспредел! — Ключник внезапно огрубел голосом, и в тембре задрезжали суровые обертона милицейских свистков: — Давно пора обновить

командный состав и кой-кого посшибать с кресел, понимаешь, а то откормили пузо на казённых-то...

— Стой, тпру, батя, — оборвал распалившегося Ключника Мора. — Дык ты вкратце нам доложи, мы не догоняем. Типа, ничё с миром-то не случится, если ты его вскрыешь ключом этим?

— Как не случится? — мигнул Йош. — Да очень даже случится! Чудо случится! Вот что! Свет Первозданный по всея периметру пройдёт из двери той, да вычистит грязь всю, да вымоет углы, да мусор отработанный ясным огнищем пожжёт, словно листья в парке. И живущие снова сразу вспомнят самое главное!

— Что главное-то? — округлил глаза Загрибука, осознав, что сейчас он услышит-таки заветный ответ на главный вопрос о смысле жизни и обо всём прилегающем.

— А то, что давно пора позвонить родителям! — грозно скустив брови к носу, рявкнул Йош. — Шляетесь тут, понимаэш, без спросу и толку где не надо, а дома, поди, обед стынет!

— Дело говорит, — кивнул авторитетно Слипер.

— Да... Уж, — снял Шапку-Невредимку Дример и утёр ею вспотевший от напряжения лоб.

— Вот! Мудро сказал! — весело хлопнул себя по коленке Мора. — Я так и думал!

— Все так думали, — заворчал Йош, — а получилось как всегда... И так уж какую кальпу... Ладно, ноги в руки, и в путь-дорогу! — Он повернулся к Масявке и Масюське: — Так шо вы мне тут панику не наводите! Концы в воду отменяются! А вот чистый воротничок никто не отменял. И палубу драить надо чаще! Всё понятно?

— Так точно! — испуганно мигнули Масявка и Масюська.

— Выполнять! — коротко скомандовал Йош.

— Есть! — стукнули друг друга пятками Масявка с Масюськой и шмыгнули за дверь. — Покедова! — заорали они уже от калитки.

— Увидимся ещё! — закричали им в ответ Слипер и Мора.

— ...в следующей жизни, гы-гы, — хохотнул Йош. — Так, теперь с тобой, друже, — он воззрился на Мору. — Тебе, стало быть, придётся коловратиться домой...

— Кудой? — испугался Мора.

— Тудой! — сверкнул глазами Йош, от серьёзного тону своего внезапно начавший молодеть на глазах. — В город А тебе путь-дорожка, хватать под руку уважаемого Шкындыровича, сажать в трясолёт свой и греметь хрящами по вот этому азимуту, — он прочертил пальцем по карте и удостоверился, что Мора запомнил маршрут, — пойдёте тоннелем 23/32...

— Это где? — Мора чувствовал себя студентом на экзамене.

— Не напрашивайся на рифму, воздухоплаватель! — Ключник укоризненно сощурился на Мору. — Это там, где вы давеча по подвалам неуклюже ползали и ручки крутили какие ни попадя.

— Дык мы ж так ничё и не поняли, как там шо открывается и куда править-то...

— А я тебе зачем ёксель-дрексель заветный даю? — Йош выудил из всё того же мутного дедушкиного шкафа странную металлическую шкындырбобину и мотнул её за пружинистый

хвостик. — Всунешь её сам узнаешь куда в самолёте своём, заведёшь моторы, задашь координату, а дальше конопульку вот эту нажмёшь, понял?

— Ага.

— Смотри не перепутай... Чкалов...

— Да вы не ругайтесь, я смекну, — Мора насупился зардевшимся борщом.

— Да уж куда денешься, — Йош ещё помолодел по ходу беседы лет на «-дцать». — Коли не смекнёшь, будешь салют смотреть с околицы через забор. А мы, сам понимаешь, проведём карнавальную вечерину под кодовым названием «балдеем без тебя».

— А как бы мне до Шкындыровича? — Мора замялся.

— Сейчас на маршруську запрыгнешь, доедешь до излучины реки, до станции Борьковская, до музея морского, что у колонн Астральных, возле них пересядешь на баркас, что доплюхает тебя по фарватеру до острова крайнего, а там и аэродром близко. И летишь во всю прыть своего пропеллера напрямки в город А. Далее дело техники. Встретимся в конечной точке у двери. Доставить мне туда Шкындыровича по всей форме и к самой раздаче компота! Ясно?

— Понял.

— Шаго-о-о-ом...

— Уже ушёл! — Мора выскочил за дверь, зачёсывая пальцами вихры на затылок.

— Ну а с вами, братцы, мы решим вот что, — улыбнулся Йош, распрямивший почти окончательно все морщины на лице и утеревший на глазах седину: — Бежим сейчас до станции и валим перекладными.

Лиловая рубаха с рунами на Йоше совсем обвисла, патлы укоротились, и вообще у всех на глазах происходила невообразимая метаморфоза с переменной гардероба, только в роли пальто нынче было само тело Ключника. Он превращался мало-помалу в озорного подростка.

— Дык мы ж не при валюте местной, — пожал плечами Слипер. — Да и документов у нас нет. А тут ведь, как я понимаю, муниципальное паровозное разобщение и всё такое.

— Ребята, вы меня, романтика, просто на ходу штырите! — Йош скривил улыбку к правому уху. — Какие билеты? Только хичхайк! По старинке, автостопом. Спальнички прихватим с чердака, и в путь.

Слипер и Дример зыркнули друг на дружку. Хмыкнули. Загрибука заблестел глазами от перспективы поучаствовать во всемирной зачистке, да ещё и в такой компании.

— Как скажешь, начальник, — макнул кот печеньку в чай. — Направление-то знаешь?

— Сейчас узнаю, — хитро хихикнул Йош и осторожно взял ключ со стола.

Ключник возрился на артефакт сурово, но тот остался обычным ключом. Ничего не происходило.

— Вот те раз! — пригорюнился Ключник. — Забыл я, как это делается. Не получается! Вот зараза! — Он сник и стал стареть обратно на глазах. — Ребята, а ещё я не могу вспомнить, каким шифром открывается сама дверь. Ключ ведь заговорённый. Ему шифр нужно сказать.

Дример выразительно глянул на Слипера. Тот кивнул и полез в оранжевую свою сумку.

— Слушай, Йош, мы тут тебе ещё подарочек привезли... — начал было Дример.

— Какой? — рассеянно спросил Ключник, морща лоб, пытаясь копаться в памяти относительно отмычки.

— Да вот, — Слипер осторожно вынул из сумки свёрток, положил его на ладонь и развернул тряпочку. На ладони сидел Мокропопик Падучий.

— И что это такое? — отвлёкся Йош.

— А ты у него под задницей посмотри, — ответил Дример, ухмыляясь.

И только Йош приподнял хвост Мокропопика, как подскочивший Башкирский Кот точно и коротко щёлкнул когтём по падучему брюшку заморского тушканчика.

Мокропопик Падучий надулся на мгновение, а затем протяжно пукнул прямо в лицо зазевавшегося Ключника.

И случилось предвиденное: Йош окончательно обратился в пацанёнка-подростка, и глаза его прояснились.

— Парфюм ещё тот! — весело засмеялся он. — Но таки фокусники вы славные, братушки!

Загрибука улыбнулся и забрал из рук Слипера Мокропопика.

— Вспомнил? — подозрительно спросил Дример Йоша.

— Ещё как! — кивнул тот. — С такого запашку и что не хочешь, всё припомнится. Ай да суслика вы мне подогнали!

— Это Мору надо благодарить, — мявкнул Башкирец. — Мы про синдром Ныкальщика-Щелевика узнали, а он вот лекарство подсунул.

— Значит, за мной должок будет, — согласно засмеялся Йош.

— А его-то куда теперь? — Загрибука в сложенных лодочкой ручищах аккуратно держал завалившегося нынче набок Мокропопика Падучего, который постепенно превращался в Храпуна Лежачего Обыкновенного.

— Да пускай в старых одеялах и отсыпается! — ответил Ключник, указав на шкаф. — Тут за ним морской свинтус присмотрит. А мы пока делом займёмся, — и он подкинул на руке ключ, а затем уставился на него.

Все замерли в ожидании.

— Значит так, — сосредоточенно произнёс Йош, — берём ключик этими пальчиками, зажимаем точки Ёп-ци и Щип-ци, а потом... — Он шумно вздохнул и на выдохе понёс инопланетную ахинею: — Яко званы аз приемсь иш царь езьми тута же во сламене навах во ежи небеси ако...

Ключ в его руке внезапно осветился, теряя твёрдость и превращаясь в переливающуюся ртутную субстанцию. И с этой субстанции прямо по руке Ключника потекла вязь древних символов, цифры и закорюченные письмена.

Йош немного встрепенулся, окончательно принял вид взбалмошного подростка, доболтал окоlesiцу и радостно заорал:

— Ну вот, теперь я всё знаю! Куда нам и как рулить! Алга!

— Алга, хан Батый, алга, — согласился без энтузиазма Башкирский Кот и соскользнул с трамбуреточки, — эшельме-бельме твою напррраво...

Тёмная ночь, только ветер кутит в проводах

Товарный вагон тихо ржавел на одиноком запасном пути. В открытый проём распахнутых дверей дышала тяжёлая и душная ночь. Стены буквально текли. Маета плавала. Оранжевая сумка Слипера и прихваченный из деревни рюкзак Йоша пылились в углу. Ключник сидел в проёме дверей, свесив ноги в темноту, и крутил на пальце связку ключей и пластиковых карточек. Иногда скорость этого кручения возрастала, а иногда спадала. То они мелькали, словно пропеллер самолёта Моры, то вязко описывали восьмеричные круги, разгоняя духоту. Судя по всему, мысли Йоша в его голове текли сейчас так же неравномерно. Теперь он выглядел таким же подростком, как Слипер и Дример после памятного Скачка. Всклоченные волосы, рубашка в сине-голубую клетку, изношенные штаны и потёртые коричневые ботинки. Тёплая чёрная кофта с капюшоном и надписью «Toots and the Maytals. 791 Was My Number» лежала рядом. Слипер и Дример спали, раздевшись до подогнанных им Морой попугаичьих расписных трусов, подложив под голову свои лётные комбинезоны и поставив в уголок ботинки и трекары. Шапку-Невредимку, правда, Дример так и не снял. Загрибука свернулся в углу калачиком, накрыв себя загребущими руками, и сопел в помпон своей желто-синюшной шапки. Башкирский Кот сидел рядом с Йошем и заунывно вёл какую-то восточную песнь про иллюзорность бытия сущего:

— Мираж в пустыне... мираж в пустыне... жаррра такая, что сердце стынет...

Две луны обвисли тусклыми аптекарскими фонарями, оттеняя извилистые рельсы и шаткий деревянный вагон неразличимого в темноте цвета.

— Долго мы тут будем ОКЛЖПэ уютить? — спросил внезапно Башкирский Кот, прервав эпос о неудавшемся круизе по пескам боевой талибанской славы.

— Как карма ляжет, — задумчиво ответил Йош. — Сами ломиться не будем. Попутного ждать надобно. Тут тебе не устаканенная бытовуха со всем логично прозреваемым, а смещающаяся по всем статьям реальность. Пургопетрик со своими областями ближайшими тем и славен. По одной и той же рельсине можно куда хошь укатить. От много зависит. От погоды и настроения. От танцевальной фигуристики двух лун. В целом, от всего и сразу.

— Дык уж вторые сутки кочуемаем! И почему именно здесь? Тут же на семью-восемьдесят колёс вокруг ни зги не пробегало. Ни ларька тебе, ни рррюмочной. Только степь да степь кругом.

— Точно сидим, хорошо. По всему видать, — отмотался головой Йош, указывая на обочину ржавого дорожного полотна.

Там, на обочине, в свете луны прыгали друг в друга Тютельки.

— Эти спиногрызы нам явственно свидетельствуют, что мы вышли в заданный квадрат, — Йош спрыгнул с вагона, сорвал на бегу травинку и запрыгнул обратно. Он сел, сунул стебелёк в зубы и снова завертел ключами.

— Или в ттрреугольник матушки Бермуды, — сузил и без того узкие бекские глаза кот в ночную темень.

— Не елозь мыслеформами по астралу, иди спать, — завернул ключами изворотливую финтифлюшку Йош. — Утро вечера смешней. Чует моя печень, на подходе судьбинушка наша. Тюкнет в правый бок копьём и покатит нас. А там уж приноровимся да стрелки будем переводить. Уже недолго осталось.

— Как скажешь, начальник, — пожал мохнатыми плечами Башкирец, просканировал метность вокруг зелёным радаром глаз и ушёл в сумрак вагона заворачиваться носом в хвост. Подоткнувшись под бок Загрибуке, он прикинулся кренделем и сложил уши.

Вскоре и Йош стал слипаться глазами и тоже растянулся на полу, покрытом опилками. Чёрную тёплую кофту он подложил под голову, а побитые коричневые ботинки поставил возле. Обе луны в небе становились всё меньше, уходя в зенит. Стрекотание Тютелек дополняли храп и посапывание из чернеющего провала дверей вагона. Камыш не шумел. Деревья не гнулись. Пули по степи не свистели. Но уж пятый сон как был на счету, и ничто не нарушало оцепеневшей глубокой полночи. Мир замер. Даже Тютельки в какой-то момент перестали стрекотать и прыгать друг в дружку. Медитацию мирроверчения нарушал лишь неслышимый челобреческому уху низкий гул гравитации планеты. Шло неощутимой поступью время. В какой-то миг луны растаяли в зените, и стало совсем непроглядно темно. Видимая реальность ограничилась до конкретно самого вагона и нескольких метров рельс, уходящих в чернильное никуда по обе стороны. И вот, когда уже ни пса ни суслика было не видать, и, казалось, весь мир поставили на паузу, в самом конце (или в начале) сгустившейся темноты, на обрывающихся в бездонной ночи рельсах появилось ещё более густое, большое тёмное пятно. Беззвучным призраком. И стало приближаться. А вскоре это пятно оформилось в такой же товарный вагон, в каком спали наши друзья. И вагон этот без единого стука и скрипа поплыл на сближение. А за ним вынырнул ещё один. И ещё. И стало понятно, что это целый состав скользит в безлунной степи, словно таджикский контрабандист через афганскую границу. И когда флагманский вагон подкрался на своих колёсных цыпочках к храпящему хостелу бравых туристов, он мягко и незаметно подтолкнул его и покатил перед собой, присоединив таким образом к призрачному сочленённому телу состава. Так незаметно судьба вмешивается в наши дела и суеты, пока мы мирно дремлем нашим неосветлённым сознанием и с голодухи визгливо сучим лапками во сне на образ такой желанной, но совершенно недостижимой астральной колбасы. И как выразился бы Башкирский Кот древней узбекской пословицей, собака лает — караван идёт.

Министр внутренних тел

Неприятный во всех отношениях стук собственной головы о стену разбудил Слипера.

— Сдуй мои пилюльки! За чё? — схватился Слипер за отшибленный затылок и приоткрыл глаза. — Ух-тить!

Он сидел на полу и изумлённо таращился на проносящиеся в открытых дверях дерева. Раннее утро холодило сизым воздухом. Вагон ощутимо болтало на хорошей скорости. Мало что соображая спросоня, Слипер решил сначала разбудить остальных:

— Ребята, есть новости! Наш караван в пути!

Остальные заворчали с обычными для такой ситуации звуками «эээ» и «ммммг» и «ооооох». Дриммер проснулся, посмотрел в импровизированное настёжь открытое окно-дверь и стал надевать комбез.

— Давно уж? — коротко бросил он.

— Да я сам только глаза продрал, не знаю. — Слипер тоже оделся и оёжился от холода, подойдя к краю распахнутых дверей босыми ногами.

— Я говорил, всё будет пучками укропными! — весело отозвался Йош, оттирая затёкшую физиономию, затем тоже выглянул на улицу. Вагон сильно качнуло, и они отпрянули от двери.

— Ишь как шкындырбаёт! — заворчал Башкирский Кот, встряхиваясь вдоль собственной оси. Он пошатался на четырёх лапах, примеряясь к качке вагона, затем высунулся на улицу и долгим взглядом посмотрел назад, на длинный товарновангонный состав, который гнал их вперёд нынче., — И всё-таки я не пойму, Йош-джан, как ты определил эту самую заданную квадратуру трреугольника бабушки Бермуды, где нас так удачно подхватили?

— А это мой Начспигаинен, уважаемый Башкир-Ата! — улыбнулся Йош, — Каждый из нас нечто своё умеет. Ты — мутить, я — разматывать. Ты вот когда на рынке зуб свой ломал, чай да компот, о судьбах стоматологов не думал. Верно?

Кот смутился:

— Откуда знаешь? Да я ж с безвыходности ситуёвины отмутил тогда.

— Но ведь воспользовался своим Начспигаиненом? — Йош застегнул клетчатую рубашку и сверху надел кофту, ибо было зябко.

— Ну, прррижал ты меня, прррижал, прокурор, было дело! — Кот заходил по вагону, принохиваясь.

— И я вот так же. Знаю, знаю, о чем хочешь намяукать. Мол, по карме потом не считаешься за сие пользование.

— Как рентген глядишь, начальник!

— А я вот так думаю, что за всея действия, связанные со спасением жизни, аки своей, так и затесавшейся возле, ответственность ложится... На что?

— Да, на что? — встрял в разговор Слипер, натягивая трекееры.

— Да на болт она ложится! В смысле, до пилы вся эта самая ответственность, когда речь идёт о спасении утопающих! — Тут Йош на мгновение как бы призадумался, явно что-то вспомнив.

— А вы видели, там за вагонами дальше какие-то цистерны тащатся? — Загрибука трепетал ушами на ветру, вглядываясь в убегающий пейзаж вдоль поезда.

— И чего? — вяло отозвался Дример, размахивая Шапкой-Невредимкой для просушки её пушей от следов влажной ночи.

— Да как-то выглядят они не фэншуйно, — помрачнел Загрибука и потуже приладил к своим ушам жёлтую шапку с большим синим помпоном.

— В смысле? — удивился Слипер.

Загрибука приглашающее махнул загребущей дланью.

Все высунулись из вагона и вытянули шеи. И увидели, что за десятком пошарпанных деревянных вагонов действительно покачиваются цистерны. Нестерпимо ярко-красные с чёрными полосами. И на каждой из них «счастливой радостью» светится улыбка нарисованного черепа с перекрещенными под ним костями. И сами цистерны крайне ветхие. Того и гляди развалятся на ходу.

— Хм, — хмыкнул Слипер и нахмурился. — А вот, кстати, почему черепа всегда улыбаются?

— Это глубокий вопрос, ара-джан, — философски заметил Башкирский Кот. — Вопрос, уходящий корнями в самую суть жизни.

— Да уж, — подтвердил Йош. — Сие есть проявление тонкости юмора Потолочного Разумения относительно временности всего проявленного, — и, взглянув на оторопевшего Загрибуку, срочно добавил: — Не берите в голову, уважаемый. Шутка это вселенская. Бу-га-га.

— А что там на цистернах написано? — вглядывался Дример.

Кот сощурился, сузил зрачки до минимума, пожелтел глазами и изрёк:

— Там написано «Два-три-дебилобан. Тёмное».

— Это что-то из органической химии, — напрягся мозгами Загрибука.

— А точнее, биологическое оружие, — констатировал Йош, подтаскивая свои ботинки. — Вещество, делающее живых существ дураками. Влияющее на них исключительно дегенеративно. То есть сие отдупливает им мозги до состояния полной неврубчивости и оттормоза. Дебилотатор спазмолитический. Вызывает у поражённых явные признаки аутизма, общий спазм интеллекта, необоснованное веселье, усыпляет внимание. Понижает скорость реакции почти до нуля. В кратком передозном случае может спровоцировать похотливую чесотку в области органов размножения.

— Ёктить и приехали, растудить твою в тельнике! — буркнул Дример, перестал махать Шапкой-Невредимкой и срочно напялил её на голову. — И чем нам грозит такое соседство?

Кот пошарился глазами по вагону:

— Вот удача-то! Надо набрать баночку с собой! Пррригодится!

— Баночек нет, успокойся, милитарист, — Дример наморщил под Шапкой-Невредимкой лоб, — А куда его везут-то и зачем? — обратился он к Йошу.

— Видите ли, в Нижних мирах на основе этого вещества делают крайне популярные среди местного населения напитки.

— Не понимаю, — не догонял Дример.

Остальные присоединились к нему в этом.

— Ну как вам сказать, — смутился Йош, шнуруя боты. — Это ж понятно. Контроль над массами. Власть. Чтобы быстро и необдуманно размножающиеся существа низкого уровня разума не мешали более высоким личностям развиваться и упорядочивать реальность, им на прилавках ларьков и магазинов выкидывается в свободную продажу большое количество жидкости, носящей в себе разрушительный аспект Стихии Огня, которая синтезируется как раз на основе «два-три-дебилобана». Таким образом их не по теме вибрирующее сознание сдвигают в область такую, где оно не мешает общему процессу созидания. На скамейку надолго-запасных.

— «Бухло» называется, — кратко резюмировал Башкирский Кот. — «Пойло», «водяра», «портвешок», «косорыловка» и так далее. Утро после мадьяры помнишь? — он обратился к Дримеру, и тот поморщился.

— Но зачем специально население отдупливать до неврубчивого гопарьского оттормозу? — изумился Загрибука.

— А чтоб под ногами не мешались при процессе эволюции да мозгами своими неконтролируемыми не лезли в астрал, где формируется личностями развитыми будущее местной реальности, — по-армейски отрезал кот. — Пусть лучше себе хихикают над глупостями недогонятельными, да внималкой своей спят крепко, покуда вокруг них трансформируется пространство по плану и замыслу. Плохо только, что дебилотатор этот имеет побочные действия...

— Какие, например? — пытливо заинтересовался Загрибука, трепеща ушами на ветру.

— Вспыльчивость агрессивную и бессознательную тягу к размножению, — ответил Йош.

— Но почему так? — Слипер заходил кругами по вагону.

— Да потому что чувствуют они, — Йош тоскливо всмотрелся в проносающиеся деревья, — что скоро эволюция их выкинет без выходного пособия из несущегося в светлую даль Всея Сангхи вагона на обочину расходного материала бытия, где они во всеобщей энтропии этой самой обочины и дождутся всенепременно Великого Ежемгновенного Обновления. А попросту, каюкнут. И страх этот перед неминуемостью толкает их к бесконтрольному желанию оставить себя в любом виде в житухе окружающей, а точнее, к воспроизводству себя в виде детёнышей. Чем больше существо боится смерти, тем больше у него развито сексуальное вожделение, подспудное желание почковаться и множиться. Рефлекс. Собака Павлова. Биология, пятый класс средней школы.

— Так почему бы им, зная всё это, не изменить свою жизнь и не начать участвовать сознательно в радостной эволюции? — грустно возопил Загрибука в порыве поистине буддистского сострадания. — Вместо того чтобы дожидаться этого самого каюка?

— Бандерррлоги потому что, — зло прошипел Башкирский Кот. — Им «два-три-дебилобан» ближе и дороже. И проще. Ни о чём думать особо не требуется, ответ ни за что держать не надо, живи себе дурой уелайпой, жри колбасу, пей смазмолитический дебилотатор и совершай фрикции.

— Мда, — изрёк неторопливо Дример замечание «по Фрейду», — тут палка о двух концах.

— Вроде бы как они сами этого хотят, — добавил Слипёр, — а вроде как их оружием этим травят совершенно открыто.

— Испытания порождают развитие разума, — назидательно поднял палец Йош. — Да и как мы оставим братьев наших продвинутых на произвол? Вот и дали им возможность бандерлогов обезвреживать. Это ж как больную собаку усыплять. Только в растянутом и мягком виде. И гуманно вроде, когда понимаешь, что надежд на выздоровление нет уже.

— Ну не знаю, — засомневался Слипёр, — как-то всё-таки это мне не нравится.

— Кадров в Министерстве Внутренних Тел не хватает по работе перевоспитания, — признал Йош. — Кого можем — того спасаем. Да и то без желания оно не получится.

— Ладно, — кот махнул лапой, — не будем в баночку набирать, карму себе портить. Да только цистерны прохудились по-стрррёмному, видать же сходу. Что если?..

— Если то — иначе всё, — отрубил Йош. — Лучше поглядим, что у нас в рюкзаке.

— О, вот это дело! — радостно клацнул зубастым капканом пасти Башкирский Кот. — Как говорил Мора, лично я за любой кипеж, кроме голодовки!

Двери вагона прямо на ходу стянули и скрутили верёвкой, оставив щель для света и воздуха. Постелили посреди вагона тряпочку и выложили на неё еду. Картопля, борковка, лепёшки, бутылка с колодезной водой, сырец, хряпу кустистую, тыблоки. Молча поели. Йош добыл из недр рюкзака мешочек с махоровым табачком и нарезанные бумаженции, протянул Дримеру.

— Дык спасибо, — улыбнулся Дример и скрутил папироску. Запыхтел.

После еды все сели обсудить дальнейшие планы.

— Я разумею так, — взял слово Йош. — Доберёмся до Синего моря, там наведём справки, может, какая посуда идёт в нужном нам направлении, а уж по ходу в море скорректируем Прыжок, ну и...

— И алга, — кивнул Башкирский Кот, крутанув хвостом.

— Дык корабль-то вместе с нами в Прыжок отправится, — заметил Дример.

— Отправится, как пить налить, — согласился Йош. — Ну и чего?

— А команда? — склонил бровь Слипёр.

— Вместе весело шагать по просторам, и, конечно, распивать лучше хором! — пожал плечами Йош.

— Гы-гы, особенно при распитии «два-три-дебилобана», — хохотнул кот.

— Да серьёзно! — шикнул на кота Дример. — Мы что, всю команду с кораблём забросим на горы в Кудык?

— Уважаемый, — мягко улыбнулся Йош, — если б ты только знал, сколько Потолочное Разумение потратило времени и усилий, чтобы эту команду собрать и именно на этот корабль, зная, что их ожидает. Карма не ошибается. Так что никаких трепыханий. По приземлению будем разбираться.

Слипер и Дример переглянулись и пожали плечами, мол, смываем с себя всю ответственность. Загрибука с надеждой посмотрел на кота. Тот ему утвердительно по-отцовски кивнул, типа, не вибрируй, всё уляжется.

— А скоро мы там будем, у моря? — спросил Слипер.

Йош выглянул в щель двери вагона на проносщееся пространство, помусолил несуществующую ныне бороду, уставился в потолок, прикинув что-то в уме и ответил:

— К вечеру завтрашнего дня как штык!

— Слушаюсь, господин Министррр Внутренних Тел! — козырнул лапой Башкирский Кот.

— От, другое дело, — улыбнулся Йош.

Они собрали оставшееся в рюкзак, провели ревизию вещей. Йош положительно отметил набор Слипера, которым его снабдил в дорогу Мора:

— Таблетки для очистки воды очень пригодятся! Они также могут из солёной воды делать пресную. В море может быть очень кстати. Нож есть? — Дример молча вытащил на свет нож из-за голенища ботинка. — Это тоже пригодится, хорошо.

— А говорили-то, что я милитарист, — усмехнулся кот, — а сами словно на войну собрались. Вот помяните моё слово, бутылочка с «два-три-дебилобаном» тож не залежалась бы.

— Сдаётся мне, на корабле мы кое-кого встретим, — обвёл всех взглядом Йош. — И этот кое-кто, возможно, составит нам компанию в дальнейшем путешествии.

Загрибука поднял брови. Слипер и Дример хором махнули рукой, мол, удивляться уже немодно нынче. Башкирский Кот и ухом не повёл, ни вправо, ни влево. Вагон нёсся среди лесной чащи, день набирал силу, а сзади пугающе скрипели на поворотах готовые развалиться в любой момент цистерны с «два-три-дебилобаном». Где-то впереди путешественников ждало Синее море.

Лица жёлтые по городу кружатся, лица жёлтые нам под ноги ложатся

(народная опишная песня)

Море оказалось таким, каким и было названо. Синим то бишь. Поезд, как и обещал Йош, к вечеру вторых суток стал притормаживать возле появившихся справа и слева покосившихся домиков. Цистерны так и не развалились в пути. И туристы наши заблудящие таки прибыли все в целостности и сохранности на конечную станцию «Сева-с-Тополем». Городок был масенький. Проще сказать, поселение. Жили в основном рыбацеством и всем, что давало море. Рыбы там не было, но были карапутицы, кобрюшка, лосиный ось, стервядь и много всякой живности. К тому же вдоль берегов на камнях в изобилии росли съедобные водоросли разных мастей и бугристых пятен. На склонах возле побережья выращивали огородную хряпу. Было весело. Но главной приметой данного почтового индекса было несомненно контрабандное направление деятельности. То бишь отплывало отсюда много кого леший знает куда, и приплывало так же много чего такого, что в законах местных федеральных значилось как «ой, не надо нам этого, не надо». А если кому-то это

было надо, то закон на это отвечал «а мы ведь говорили — не надо» и сажал нарушителя в тюрьму. Смазмолитический дебилотатор был из разряда тех веществ, которые закон и не запрещал вроде как, но и не приветствовал открыто, а потому через главные порты свои им не торговал. Но у того же закона, понятное дело, всегда найдётся некое количество смутных личностей, которые шустро, радостно и за некоторую награду помогут этому самому закону закон же и обойти. Ибо закон, если только это не Закон Всея Дхармы от Потолочного Разумения — штука весьма гибкая, если не сказать бесхребетная, и существует только для острастки бандерлогов местного разлива, как и продаваемый этим самым законом абсолютно незаконно «два-три-дебилотан». Вкратце говоря, в посёлке жили авантюристы и скользкие типчики всех мастей. А станция «Сева-с-Тополем» служила перевалочным пунктом, где незаконные всякие штуковины переваливали с боку на бок и делали вполне себе законными. Была, конечно, налажена здесь торговля с разными граничащими областями и мирками. Ибо почти любое плавучее судно (не инвалидная принадлежность к утреннему перессыку, а корабль о мачтах и парусах) из Севы и из Тополя его могло очень даже себе перемещаться не только по поверхности морской, но и в разумных пределах соседних реальностей, то бишь торговать с ближайшими соседями по разуму. Во как!

Исходя из всех этих параметров, появление на пристани Башкирского Кота никого не ввёл в ступор али в возбуждение. Ну пришёл и пришёл. Чего мы, котов полосатых не видели? Так что представитель кошачьего башкирского племени вышагивал сейчас с бодро оттопыренным хвостом и выглядывал плавучие посудины. Искал нужную, по всем признакам фэншуйности.

— Э, алё, чего по лапам ходим-то? — Башкирец зашипел негодующе на проходимца, который ему только что наступил ногой на лапу.

— Виноват, пардон, сорри, — тонким взвизгом отпрыгнул тот. И воззрился на кота: — А вы ведь издалека сюда?

Теперь и котяра уставился на нарушившего суверенитет. А существо это было весьма неоднозначное. Из-над воротником расписанной во все цвета рубашонки в упор сияли непонятно почему синие, но упорно китайские глаза курносой по-украински девчухи. Вся её голова была облеплена множеством колбасок и сосисок, заплетенных из волос. На них причудливым образом держалось подобие берета такой же попугайской наружности, что и рубашонка. Из-под низа военных штанов виднелись тростниковые тапочки. В ушах висело множество железа: кольца, полумесяцы, звездочки, фенечки, финтифлюшки. Из коротких рукавов выглядывали две худые, пёстро забитые цветными татуировками ручонки. От девицы пахло хмарь-травой и заморскими специями. И она жевала огромную пузырящуюся фиолетовую жевачку. На первый взгляд, вполне себе челобрек. Дык вы уже и поняли, сказать о ней особо нечего, ибо мутный был персонаж напроць. Да только синь светила из глаз тех яркости люминесцентной. Кот в них глянул, словил пару короткометражных галлюцинаций и мявкнул:

— Да, мы тут по гостевой визе пррроменад совершаем. Прибыли транзитом и вот думаем транзитом же свалить.

— Уж больно вы на местного не тянете, как я и нагляжу. Но нечто смутное и знакомое чудится мне в вас, сударь. Пыц, — она щёлкнула жевачкой.

От слова «сударь» Башкирского Кота перетряхнуло. Как-то не вязалась эта оттопыренная дамочка с подобной вербальностью.

Котище принялся:

— Мы корабль присматриваем. Видите ли, у нас намечается дальняя прррогулка по морю...

— Насколько дальняя? — размагниченная напрочь девица колыхнула железяками в ушах.

— Думаю, что дальше не бывает, если рассмотреть вопрос в значимости местного масштаба, — учтиво отмяукался кот, пряча дробительные зубы.

— О, как кстати-то! Пыц! А я вот как раз и ищу нечто в этом роде.

Кот оглядел свою визави повнимательней и сконцентрировался на сумке-бауле, которая висела на длинной лямке через плечо, упещрённая наклейками и нашивками типа «Острова Боа», «Пляжи на кряже», «Бэд трип, парниша» и тому подобное. Улохмаченное существо тем временем продолжало:

— Бывает, знаете ли, опостылеет всё, хочется куда-нибудь надолго и так далеко, чтоб ни сыскать, ни доаукаться.

— Ну, коли мои сотоварррищи не супротив будут, то, мне кажется, мы можем вам такое устроить, — хитро сощурился кот и ухмыльнулся: — Уж не сыщете вас точно никто! — Он содрогнулся во внутреннем приступе смеха.

— Вы в самую суть зрите, сударь, в самую суть! — довольно улыбнулась и встряхнула железом в ушах девчушка. — Я с удовольствием поговорила бы с вашими друзьями.

— А вот и они, — кот указал на приближающихся Слипера и Дримера, которые напоминали в своих лётных комбезах внезапно высадившуюся на берег десантуру. Позади них брёл, едва не волоча по земле свои загребушие хапалки, Загрибука, размахивая синим помпоном на жёлтой шапке.

Все поздоровались.

— Разрешите представиться, — сверкнула синими глазами чудосветная особь.

Тут подошёл, руки в карманы, замешкавшийся где-то Йош.

— Фрикудолька! Ты чего тут делаешь?! — Йош уставился на девчушку, словно Зверогёрл на шахматы.

— Ой, дядя Йош, я не специально.

— Тебя уже обыскались везде! — удивление Йоша сменилось родительской суровостью.

— Да я тут... путешествую, — Фрикудолька засмушалась.

— Это я вижу, — Йош с сомнением оглядел её с тапочек до расписного берета.

— У меня ж карма такая, вы ж знаете, — дыхнула она хмарь-травой.

— Карма кармой, а родичи-то волнуются, — наборщился Йош. — Ты бы хоть открытки им присылала, что ли...

— Я это... в общем... — Фрикудолька заковыряла в камешках носком тапка.

— Друзья мои, разрешите представить вам... — начал Йош.

— Да и так всё аки Ясный Пень! — закрыл вступительную часть Башкирский Кот и протянул лапу: — Башкир Шайтан-оглы Ибн-Батый Хан Осман Бугульмек Тринадцатый! Можно запросто Башкир-Ата.

— Дример.

— Слипер.

— Профессор Загрибука, — представил Загрибуку Башкирский Кот.

— Ва-а-ау! — продемонстрировала реверанс Фрикудолька, раскинув татуированные ручонки.

— А ваше имя, сударрыня, — кот сделал акцент на этом слове, — нам уже известно, — Башкирец оглянулся на Йоша, — благодаря нашему товарищу и его способности искренне удивляться.

— Очень, очень распрятно! — хохотнула Фрикудолька и лопнула пузырь жевачки: — Пыц!

— Пока вы, дрруганы мои ненаглядные, гуляли, дыша морским воздухом, — вальяжно раззявил пасть кот, обнажив обоюдоострые лезвия, отчего Фрикудолька сразу сделала шаг назад, — леди рассказала мне, что не прочь отправиться с нами на прогулку. Гм? — он вопросительно мигнул Йошу.

— Ни в коем разе! — подпрыгнул Йош и навис над чудачкой: — Твоя мамаша мне шею свернёт! Ты где должна быть? Где?

Фрикудолька потупила синие глазищи. И хлопнула пузырь жевачки. Пыц.

— В ашраме, на занятиях! — поднялся на носочках Йош, — Где шест? Где пояс бойцовский? Ты учиться должна, а не шастать по злачным закоулкам и курить енту самую... как её... тринь-траву вашу...

— Не нависай ты, — дружелюбно обтёрся об Йоша кот. — Ну, нахлобучился челобрек заморскими далями, начитался Жюля, понимаешь, Верррна...

— Я не челобрек, — заметила Фрикудолька.

— Фея она, — сквозь зубы недовольно ответил за неё Йош. — Феечка-фенечка, шкындырпыть мои замочки...

— Что, натуральная? — поднял бровь Слипер.

— А то! — напустила понты Фрикудолька. — Пыц! — она щёлкнула жевачкой.

— Только этого нам не хватало для полного ажуррра, — теперь и кот напрягся.

— А чё? — почесала кольца в ушах Фрикудолька.

— Чё-чё, голову нам снесут, вот чё, — Башкирский Кот с пониманием глянул на Йоша.

— Именно! — кивнул тот. — Коррроче, делаем так. Нет у нас желания черепахами по Сонорской пустыне шкандыбать триста планетарных оборотов! А потому ты со своими родственниками сама разбирайся, а мы тебя видать не видели.

— Запах счуют, — грустно поникнула Фрикудолька.

— Точно! — Йош топнул коричневым ботинком. — Вляпались. Теперь тебя по-любому в ашрам сдавать надо. А то на родительское собрание вызовут по «02» с повесткой.

— Слух, Йош, а может мы её того?.. — Слипер задумался, сунув руки в карманы комбеза.

Башкирский Кот изумлённо воззрился на Слипера.

— Чего того? — испугался Йош.

— Ну, с собой заберём? Пока хватятся, мы уж и на месте будем.

— Авантюра! — отмахнулся Йош.

— А ты на себя посмотри, — посоветовал Дример Йошу. — Ты и есть авантюрист. И Сева-с-Тополем эта самая — самое что ни на есть авантюрное место. Всё одно к одному, и за всё одной метлой по заднице получать.

— А-а-а, делайте что хотите! — грустно повесил голову Йош, нырнув в воротник клетчатой рубашки.

— Вот и славненько! — подпрыгнула весело Фрикудолька и хлопнула жевачкой: — Пыц! Так говорите, корабль нужен? Енто мы ща! — она завертела головой с беретом и уж было сорвалась с места.

— Да стой ты, неугомонная! — притормозил её Йош. — Нам не просто корабль нужен. А тот, что...

— Чё я, дура уелапая? — обиделась Фрикудолька. — Я ж в понятиях. Тот самый нужен, понимаю. Говорю ж, ща найду!

Слипер и Дример глянули друг на дружку.

— Не очень ли часто они у меня теперь глядят друг на друга? — спросил я Сонечку, которая развалилась на нагретом солнце полу кухни мохнатым животом кверху.

— В самый раз, — зевнула она, так, по-моему, и не услышав, о чём я спросил.

— А ты как считаешь? — задал я тот же вопрос Терюське.

Терюська перестала на мгновение грызть свои когти и, облизнувшись, задумчиво уставилась на потолок.

— Чего там? — поинтересовался я. — Муха, что ли?

— Думаю я! — обиделась Терюся.

— Чем ты там думаешь? — лениво мявкнула Соня.

— Что?! — подпрыгнула Терюся и погнала Соню по квартире, только шерсть полетела по углам.

— Бам-барам! — зазвенело падающее что-то в комнате где-то.

— Поня-я-я-ятно, — упёрся я локтями в стол. — Так, стало быть, глянули они...

Слипер и Дример глянули друг на дружку. И едва Фрикудолька вихрем сорвалась в направлении причала, Башкирский Кот участливо повернулся к Загрибуке с навевающей всем нормальным людям ужас и содрогание улыбкой:

— Как вы думаете, прррофессор, не слишком ли сильно нам фортит в последнее время?

— Сплюнь! — ответил Загрибука и почесал свою шапку с помпоном. — Только причал не прожги!

Не успели наши brave командос пройти и половины пирса, как навстречу им уже неслась, потрясая дредами и разбалтываясь сумой, Фрикудолька:

— Нашла! Пыц!

— Чего там? — недовольно скорчил физиономию Йош.

Со стороны было очень странно наблюдать, как вполне себе взрослому подростку женского пола отчитывается, словно нашкодившее дитя, перед таким же пацанским подростком полу мужского в клетчатой рубашечке. Но мы же с вами, дорогие читатели, не бандерлоги какие-нибудь и прекрасно всё понимаем. Нас с вами возрастом кожного пальто, то есть физического тела, не обманешь. Ведь так? Мы-то с вами в курсе, что некоторые дети куда старше своих родителей. И насколько старше-то... Даже страшно представить!

— Шхуна отходит к вечеру! Курсом на острова Самэ. Наш ведь азимут! — Девчушка прищурила синий глаз. — Если я всё правильно понимаю по теме нашего общего пункта назначенного. А понимать тут недолго. Куда ещё Йош может так спешно лапами мутузить? — Она ухмыльнулась, оглядев всю компанию, а затем посерьёзела: — Шхуна неприметная. Вся команда на подбор — отъявленные негодяи и опиушники! От них опией воняет — Баба-Ёга не горюй! Того и гляди, все на полусогнутых будут по палубе передвигаться, — тут она хохотнула. — Да и груз что надо! Короче, полная несознанка по всему личному составу!

— Правильно всё понимаешь, — обречённо вздохнул Йош. — И откель только?

— А я, между нами, девочками, очень даже хорошо училась! — Фрикудолька гордо вскинула нос, а затем грустно опустила: — Пока наш Мастер Самсумей куда-то не делся.

Дорогой читатель, надеюсь, ты простишь меня, писателя-самоучку, если в этом месте я ещё раз напишу, что Слипёр и Дримёр переглянулись? А Терюся и Соня всё равно где-то носятся, так что они не заметят. Только тс-с-с! Договорились?

Слипёр и Дримёр переглянулись. Загрибука во внезапной догадке заелозил зрачками. Башкирский Кот приошестинил шерсть.

— Самсумей, говориш-ш-шь? — тихо прошипел он.

— Да, а чё? Пыц!

— Да нет, ничего... Совпадение стрррранное...

— Простите, Башкир-Ата, но Самсумей учил нас, что случайных совпадений в мире тотальной взаимозависимости не бывает и быть не может. Странные быть могут. А вот случайные — нет. А

уж то, что все миры Всея Дхармы тотально взаимозависимы, знают все, ибо учат этому на всех Высоких планетах в первом классе общеосознавательной школы.

— Ну вот, — заметил Башкирский Кот Йошу, — а ты на ребёнка гнал. Дитё, понимаешь ли, экзамен готово экстерном сдавать в ряды золотой нашей молодёжи, что впереди планеты всей. — Он снова повернулся к Фрикудольке, которая яростно пыталась запихать мешающие макароны волос себе за длинные уши: — Так когда пропал ваш Самсумей-то, говоришь?

— А я ещё и не говорила. Да давно пропал. С тех пор все и разбежались кто куда. А что? Мастера нет. Ашрам без контроля. А места вокруг, вон дядя Йош знает, какие. Чего ждать-то? Пока Мудоды всё загадят? Я и подалась опыту набираться. А с шестом разве потрипуешь? Я его и припрятала.

— Может пригодиться, — заметил Йош.

— Дык я его мигом, — Фрикудолька взялась сильно тереть ладони друг о друга.

— Ну не здесь же! — встрепенулся Йош. — Позже, на корабле.

— Да как скажете, — пожала плечами она. — Я ж девочка послушная, — она расцвела обезоруживающей улыбкой и лопнула пузырь жевачки: — Пыц!

Башкирский Кот ощерился пастью в ответ. Наверное, любой житель нашей планеты, дорогой читатель, от этой улыбки схватил бы мгновенный Инфаркт Имени Миокарда, но гордость вселенской стоматологии на этот раз нисколько не смутила Фрикудольку. И наши друзья все вместе зашагали в дальний конец причала.

Загрибука тихонько дёрнул за рукав Йоша и спросил его на ухо:

— А что ты имел в виду, когда назвал её феей?

Йош вздохнул:

— Она и есть фея. Фея карапузят. Это существа, которые проводят всю свою жизнь в путешествиях. Дорога — их судьба, их дом, их Дхарма. Правят ими Окольцованные, то есть наделённые Высшей Магией существа. Феи. Так вот, её родители и есть самого что ни на есть высшего эшелона в этом роду, так что и ей туда прямая дорожка. Как в старом анекдоте говорится, с мамой спорить не надо.

— А что за анекдот?

— Да старый, с бородой, по всем мирам уж прошёл.

И Йош рассказал его Загрибуке.

Анекдот

Встречаются в кабаке собутыльники.

Один говорит:

— Мужики, коли выпивку мне поставите, я вам такое чудо покажу — закачаетесь!

Плѐвое дело. Заказали, сели за стол, подлили водочки в пиво, выставили закусточку. Налили по стаканам.

Обещавший чудеса пьяница достает сначала напёрсток, наливает в него водки с пивом.

Потом вынимает спичечный коробок, ставит на стол, открывает. А из коробка, глядь, вылезает ма-а-аленький мужичок. И к напёрстку бежит. Припал, пьёт и плачет.

Пьяница ему и говорит:

— Ну, Петрович, расскажи братве, как ты шамана алтайского на хер послал!

Лица жёлтые. Серия вторая

Фрикудолька привела их к кораблю. Сама посудина была не маленькой, но и не лайнер круизный. Так, баркас полубаржевый. Суетились кругом мужички. Все как на подбор: без особых примет, крайне ненадёжного виду. Но самое неожиданное таки ожидало наших друзей возле корабля. Рядом с ним стояли на подкатах те самые цистерны с «два-три-дебилобаном».

— Это судьба, — склонил голову Загрибука.

— Да... Уж, — пришлось признать и Йошу.

— Ну что? — оглядела всех Фрикудолька. — Я уже договорилась.

— Цена вопрооса? — сузил по-бурятски монгольский глаз Башкирец.

— Драим палубу, помогаем чем можем. Вкратце, изображаем из себя юнгу, — фея прыснула и пыцнула жевачкой.

— Ладно, — Йош приободрился, почуяв удачу, — заработала ты свой билет в круиз.

— У-ра! — воскликнула Фрикудолька, сунула татуированные ручонки в свою суму и протянула Слипелу упакованную жевачку: — Держи наку!

А знаете ли вы, уважаемые читатели, что возглас «У-Ра» имеет совершенно чёткий смысл и точный перевод? Нет, дорогие мои, это не просто одобрительное восклицание. И не выражение смутных праздничных эмоций! И не боевой клич! И уж, конечно, кричать «Ура» на свадьбе и вовсе странно, коли смысла не понимаете. А дело в том, что словосочетание «У-Ра» означает на изначальном языке, как и на позднем его земном диалекте, сан-эпидем-скрите, дословно «Возле Бога», и толкуется однозначно и просто — «с нами Бог». Где «У» означает «возле», а «Ра» — «изначальный всепорождающий Свет, Бог».

Так что идущие в атаку советские войска, солдат которых принуждали к радикальному атеизму, орущие при этом «Ура!», — более, чем просто шутка Потолочного Разумения. Бу-га-га! И пусть мне кто-нибудь теперь скажет, что у Потолочного Разумения плохое чувство юмора.

Дример и Слипер взялись помогать команде перетаскивать ящики на палубу. Загрибука тут же принялся натягивать леера. Йош и Фрикудолька занялись камбузом, а точнее, чисткой картопли для ужина. Все впряглись в работу.

Кроме Башкирского Кота, который попросту исчез из видимости и пошёл шнырять по шхуне, добывая разведданные.

Грузить «два-три-дебилобан» никто новоприбывшим не доверил, и они поблагодарили судьбу за это. Перекачивали его контрабандисты очень и очень осторожно в малые вакуумные пневмобидоны с такими же весёлыми улыбками черепов на боках, а затем таскали лебёдкой куда-то в глубокое нутро корабля, в трюмы.

— Сразу на Самэ идём, без заходов? — весело поинтересовался Слипер у одноглазого бородача, явно гоблина по роду.

— На Самэ, будь он трижды проклят! — подтвердил тот угрюмо.

— Так, а почему у команды всей такой настрой тусклый? — спросил его братец.

Тот аж остановился и внимательно посмотрел на Слипера:

— Ты что, сынок? Мы же на Самэ идём!

— И чё?

— Так ты будто не знаешь, куда попал?

— Э-э-э... — Слипер откинул чёлку со лба и поправил сумку за спиной.

— Это же острова Са-мэ! Дом демонов! Ты что, не слыхал песню про безмучительную смерть матросов? — Бородач заугрюмился.

— Нет.

— Ну как же, — пират закатил глаз и фальшиво промычал: — Бес Самэ, без самой мучи... Бесы там. Бесы. Эх, сынок, ну угодил ты. Может, сойдёшь, пока не поздно?

— Нет, не сойду. Надо мне туда, — твёрдо ответил Слипер.

— Ну смотри... — Бородач оглядел братца: — Все вы, вояки, с головой не дружите. Рвётесь в пекло. Да только результат тебе не медальками обернётся. И к шаману не ходи, обратно не всем билет пробьют!

— Я не боюсь.

— Как знаешь, «двадцать третий», — проворчал бородач, покосившись на нашивку, и принялся вязать узел.

Слипер взялся за канат и подумал: «Хорошо, что Загрибука ничего не знает. А то плакал бы наш Прыжок».

Пыц!

**Потерял — это когда не знаешь, где лежит, а запутался — это когда не можешь найти. ©
Ключник Йош, определение запутки**

Вода сонно перекачивалась вдоль бортов. Корабль шёл уже которые сутки. Причём сутки эти самые были разными по продолжительности. Звёзды над головой также меняли свой рисунок, а иногда и вовсе пропадали, и вместо них в очередную ночь сияла бездонная чернота без каких-либо облаков с пробегающими то там то сям полярными сияниями. Порой, когда Слипер и Дример в темноте лежали на палубе и смотрели вверх, казалось, что всё пространство в мире поменялось местами, и корабль плывёт по небу, а тьма морская лежит под ними, и они вот-вот свалятся в неё. Но шхуна была крепко приклеена к морю и даже каким-то образом перемещалась по нему. Вот и сейчас, пока почти вся команда отхрапывала головы, наш отряд расположился на передней части палубы и, задумчиво глядя в плывущие нынешней ночью серебристые облачка, трепался о пустяках. То есть о вечном. Фрикудолька поколобродила на камбузе и вынырнула оттуда с бутербродами и бутылём. Поелозила по палубе тапочками, привыкая к качке, и направилась к свежеприобретённым друзьям.

— Смотри куда лапти ставишь, дура уелая! — заворчал на неё грузный контрабандист, опиушно дремлющий, привалившись к рубке.

— Нюнь свою подбери! — беззлобно пыцнула в ответ Фрикудолька и проскользнула на нос корабля.

— Вкуснятина! — улыбнулся Загрибука, отправив в рот предложенный бутер.

— Для вас, профессор, завсегда! — Фрикудолька уселась рядом на палубе, закатав штанины.

— Что в бутылке? — поинтересовался Дример.

— Сома, — объяснила Фрикудолька.

— Что? — не понял он.

— Сома, — подтвердил Йош, понюхав горлышко. — Напиток, вызывающий повышение уровня сознания и расширение оного. С Высоких планет. Осторожно, он может вызывать видения.

— Откуда это здесь? — удивился Слипер.

— Заначку нашла у них, — ухмыльнулась фея, жуя вечную свою фиолетовую жевачку. — Чтоб я торчала на кухне и не сунула нос во все углы? Да вы чё! Я ещё тот хомяк! Пыц!

— Вот такую бы штуку, да на Нижние уровни! — вздохнул Загрибука. — Сразу бы как посветлело во вселенной.

— Сома есть в Нижних мирах, — ответил Йош понимающе, — только свойства свои теряет. Она ж действует на уровне тонкого тела, на энергетику самого сознания. На грубые физические формы — только постольку-поскольку. Ну, типа, восстанавливает ткани нервной системы, регенерирует клетки мозга. Сома там, на нижних наречиях, называется «молоко».

Дример взял бутылку и понюхал, затем глотнул.

— Точно молоко! — Он укоризненно посмотрел на Йоша: — Так бы и сказали! А то — сома...

— Сома и есть! — настоял Йош. — Она здесь так проявляется. Чем выше уровень бытия, тем чище и сильнее вещество становится, тем больше проявляет свои истинные качества. Но даже на

тёмных планетах она сильно влияет на состояние тела и психики, на уровень разума. Сома — стеклоочиститель для зеркала души.

— Дайте-ка мне очистителя глотнуть! — потянулся Башкирский Кот и подмигнул Загрибуке.
— А то я весь запачкался мыслишками дурррными относительно туземной команды нашего лайнера! Покрошить бы их на винегрет...

— На вот лучше, кроши! — Фрикудолька вынула из штанов банку консервов и протянула котяре.

— Зачем же зубы на радость врагам портить банками? — ухмыльнулся тот и передал её Дримеру. — У нас вот есть джигит с саблей. Махни ножичком, Дример-Ата.

Братец вынул нож из ботинка и вскрыл банку. Запахло странным.

— Чё енто? — сморщился Башкирец.

— Водоросли в соусе, — ответила Фикудолька.

— Ёктить, ты уверена, что это можно есть? — спросил Дример.

— Очень даже полезно!

— Ну, раз так... — он подцепил ножом из банки и отправил в рот нечто плохо различимое в темноте. — Хм, а очень даже ничего себе! — и отдал банку коту.

— А долго нам шкандыбать ещё? — повернулся Дример к Йошу.

— Нам по-любому надо груз сбросить, — задумчиво произнёс тот, глядя в небо. — С такой начинкой, — он кивнул на трюм с «два-три-дебилобаном», — лучше не прыгать на чердаки вселенной. Пусть в подвалах остаётся. Так что от экскурсии на Самэ нам не отвертеться.

— Плохо, — поник головой Загрибука.

— Каждой вещи своё место, — утвердил Йош. — Коли что не по фэн-шую будет на корабле к моменту Прыжка, азимут сместится. Ухнем на гору в Кудык.

Они допили молоко. Башкирец слизал последние капли. Слипер поставил пустую бутылку на палубу.

— Водички в неё набери чутка, — посоветовал Йош.

— Зачем? — вопросительно поднял брови Слипер.

— Нельзя позволять вещи быть пустой, — поднял Йош палец. — Пустота внутренняя делает вещь магнитом в мире. Вселенная ведь всё время старается заполнить пустые места. Мы эту бутылку сделали пустой. Поэтому такая вещь будет притягивать к себе и к нам нечто, а что именно — заранее определить трудно. Нам это ни к чему сейчас.

— Я не очень понимаю, как этот закон физики действует, — попросил дополнений Загрибука, махнув помпоном на шапке.

— Не давай месту быть пустым, — заученно затараторила Фрикудолька, отправляя в рот водоросль из банки. — Заполняй его. Пустое место на виду становится важным, обретает силу Знака, Поворотного Момента в судьбе. А вещам значения придавать не нужно без умысла. Поэтому, если видишь подсвечник без свечи, дык возьми и вставь туда свечу или убери его в чулан, подальше с видимого места. Нас так в ашраме учили.

Йош согласно кивнул.

— Понял, — серьёзно тряхнул помпоном Загрибука.

Слипер взял бутылку, подошёл к ведру с водой, что стояло на палубе, и набрал немного.

— Хватит? — он повернулся к Йошу.

— Вполне, — согласился тот. — Дело ведь не в количестве, а в сути. Вот так же поступай везде. Коли попил чаю, например, тут же или вымой кружку и поставь туда, где кружки все хранятся да отдыхают, или чуть воды на дно плесни, чтоб пустой на столе не стояла.

— И всему этому вас учили? — спросил Дример у Фрикудольки.

— И этому, и много чему ещё, — она занялась фенечками в ушах.

— Ну чему, чему? — засверкал глазками Загрибука.

— К примеру, — назидательно качнула дредами Фрикудолька, — обучение заканчивается в тот момент, когда ученик осознал, что его учат! Лопай консерву и проветривай мозги, профессор!

— Да ладно тебе, — надулся Загрибука.

— Она правду говорит, — вступился Йош. — Это древний закон передачи знания. Смысл в том, что само осознание процесса обучения обнуляет его эффективность. Поэтому все Мастера старались преподавать в игровой форме, увлечь ученика целиком и без остатка, чтоб он даже не понимал, что чему-то на самом деле в этот момент учится. Вот в жизни понаблюдай, как нас всех Потолочное Разумение науськивает да лекции толкает свои.

— Да уж, и от лекций тех не спрятаться не скрррыться... — проворчал Башкирский Кот с набитой пастью, — только знай себе по жизни шкындырпыться!

Йош улыбнулся и повернулся к Загрибуке:

— Ну ты же в жизни лишь задним числом замечаешь, что чему-то научился, верно?

— Верно, — удивлённо подтвердил Загрибука.

— Вот! А самого процесса обучения не замечаешь! Вот это и есть самое высочайшее мастерство передачи знания. Усёк, профессор?

— А як же! — Загрибука поморщил брови и затем под нос себе пробурчал: — Хм, а я об этом и не думал.

— А ты думай, — весело пыцнула Фрикудолька. — Вот будешь студентов готовить каких-нибудь, дык и знай: важно не только их научить чему-то, но надобно подойти к вопросу ещё и так, дабы они и сами ни в жисть свою не догадались, что ты их вообще чему-то учишь!

— Во завернула! — восхищённо помотал головой Слипер.

— Хе, — ухмыльнулась Фрикудолька. — Пыц!

— Ну дык шо, — изрёк довольно Дример, покрутив руками по животу, — надо бы поспать, а то завтра нам, чую, предстоит отпотеть по полной.

Все стали распределяться по спальным местам.

— Неужто скоро всё закончится? — тихо спросил Слипер Дримера. — Даже не верится как-то. Да и я забыл давно, каково там, дома.

— Ничего, — успокоительно потрепал его по плечу Дример. — Вот найдёт Йош дверь свою потерянную, всё и станет ясненько, аки Пень одноимённый! А шо он найдёт его, так в том и сумнений нету вовсе!

— Ничего я не терял, — наборщился Йош, услышав краем уха разговор. — Просто попутался немного. С кем не бывает. Чую, где лежит, да пока найти не могу. Это ж как в шкафу заначку забыть. Ничего не потеряно, но найтись сходу не может. Главное тут что?

— Что? — переспросили хором Слипер и Дример.

— Самим в шкафу не потеряться! А то в пиджаках дедушки Мытута подвиснешь, в кружевах бюстгальтеров бабушкиных затонешь, и вовсе забудешь, каков ты на самом деле и почто туды полез! Вывод: главное в шкафу — не содержимое, а дверь на выход! Всё, хороших снов и спокойного астрала! — Йош ушлёпал качающимся пингвином по палубе в темноту.

Дример огляделся вокруг, посмотрел на облака и звёзды, на море и вздохнул:

— Да-а-а... Немаленький шкафчик-то оказался!

— Еть точно! — поддержал его Слипер.

Башкирец вторил им богатырским храпом, свернувшись под флагштоком на носу корабля. Он немного помигал во сне, а потом и вовсе исчез из видимого спектра, и от него осталось лишь неровное сопение, разносящееся по ночной палубе. Загрибука подхватил остатки еды и тоже засеменил за Слипером и Дримером. А где-то во тьме лестницы, спускающейся в камбуз, раздалось звонкое «пыщ». Корабль шёл полным ходом сквозь непроглядную ночь, незаметно ныряя из одной реальности в другую, и плеск волн в кильватере нарушала лишь старинная пиратская песня Чёрного Винни, которую сипло выводил бородатый рулевой, вцепившись в изгрызанный штормами и крокозябрами штурвал:

— Пуля спит в моём затылке — не беда! В голове моей бутылки — да-да-да! Йо-хо-хо, и бутылка стрёму!

Утро застало всех врасплох. Оно даже и не наступало толком, а просто сразу упало на голову. Как лопнувший фиолетовый пузырь жевачки Фрикудольки. Просто и вот так: пыщ! Корабль перешёл одну из границ Барьеров и оказался в мире, где в небе пылала чистым голубоватым светом огромная звезда Ай. Сквозь иллюминаторы в брюхо корабля резануло сиянием, и спящие из числа команды зажмурили сильнее и без того закрытые во сне глаза.

— Сто морских чертей! — закричал заскорузлый гоблин, вываливаясь из гамака. — Старушка Ай нам никак таки улыбнулась?

— Похоже, — согласился спившимся басом шкот-бом-брамсель-ёксель.

— Свистать всех наверх! — раздался сверху девчачий вопль. — Имеется в наличии явное удушение с умыслом, а кроме того, сводка погоды рядит нам загорательный денёк с неожиданным купанием!

— Кызылкум твою с перцем, это кто там? — угрюмо протянул из угла ещё один протирающий глаза контрабандист.

— Да енто та полоумная с макаронами на голове, — усмехнулся гоблин, — с ушами прокомпостированными.

— Якоря мне в печень, и зачем её капитан на судно взял? Девка на борту к несчастью!

— Как знать, — помотал козлиной бородой гоблин. — Девка-то — может быть и так. А вот фея на корабле — это нам козырь в масть!

— Какая такая фея? Ты что, совсем опиюшки перекурил?

— Говорю вам, у меня глаз намётанный! — Гоблин засуетился, заворачиваясь в широкий пояс. — Я сам родом из тех мест, где эти красотки шпингалетили по всем чащобам, да кто встречал их, головой светлел сразу. Удачу они приносят.

— Вона как? — успокоились матросы. — Ну, раз такое дело, пусть верещит, — и они загоготали.

Команда высыпала на палубу и все занялись будничными матросскими делами. А енто как? Ну, известное дело. Суетиться стали во все стороны и мельтешить по палубе. Тут все и узрели, что посреди палубы стоит офонаревшая Фрикудолька и указывает пальцем куда-то вверх. А там, на перекладине мачты, болтается на верёвке один из матросов. Петля сломала ему шею, и он раскачивался утренним бризом, словно ёлочная игрушка, уже изрядно поклёванный птицами. Команда помрачнела и теперь молча стояла, взирая на удавивца.

— Это он сам себя порешил, — процедил сквозь жёлтые клыки пигмей-вахтенный. — Демонов испугался.

— Чего ж он тогда в ходку пошёл? — зло сплюнул кто-то из команды.

— Монета глаза ослепила, видать, — проворчал старый гоблин. — А тут, как демона узрел, так сразу и в петлю полез.

— А что, — спросил, ёжась в комбинезоне, Слипер гоблина, — демоны эти такие уж страшные?

— Сам увидишь, — нехотя ответил тот, оглядев горизонт напряжённым взглядом. — С непривычки и в штаны навалить можно.

— Откуда ж тут в море демоны? Они ж вроде как на Самэ должны быть, — смутился из-под Шапки-Невредимки Дример.

— Самэ совсем близко, — ответил пигмей. — А демоны могут перемещаться свободно около острова. Видать, ночью один из них пробрался на корабль, посмотреть, что да как, кто идёт, с чем пожаловал. Вот парень и отбоялся до краёв.

— Снять его, — приказал главный по смене, — и отправить рыбам на завтрак. Глядишь, духи моря милость изволят проявить да дадут нам пройти без помех.

Матросы полезли на мачту. Тут возле ног Дримера внезапно проявился Башкирский Кот, помотал хвостом из стороны в сторону и злобно ухмыльнулся:

— Лучше козёл на рее, чем акула в трррюме!

— Шо? — не понял Дример.

— Да так. Видал я пришлого ентого ночью. Ну, ентого... Гостя незваного.

— И шо?

— А ничего хорошего. Ракшас как есть.

— Кто? — переспросил Слипёр из-за плеча Дримера.

— Ракшас. Демон, — сверкнул пожелтевшими глазами кот. — С Нижних уровней. Силы немерено, мозгов — ноль. С этими договориться будет сложновато. Скорее всего, Самэ по истинному своему положению находится очень далеко внизу.

— Внизу чего? — подошёл к ним Загрибука.

— Внизу вселенной, мой дррруг, — тихо проговорил кот, стараясь не привлекать внимания. — Матросы наши — бандерлоги несуразные лишь на вид. А дело-то своё знают. И корабль этот только с виду вроде как по глади морской шёл, а на самом деле проводник ихний бандерлогский провёл его по многим этажам вселенной вниз, да всё по тем местам, где по воде идти сподручно. Таким расчётам и картам можно только позавидовать. Если учесть, что миры всё время смещаются.

— Это ж надо учитывать все орбиты планет на каждом уровне! — осенило Загрибуку.

— Именно, прррофессор, — подтвердил Башкирский Кот, — ибо неровён час, вот так вывалишься с кораблём из одной реальности в заданную точку другой, а на этом месте в данный момент и планеты-то нет, по орбите она не поспела. И со всем бараклом этим дебилобанным окажешься в открытом космосе. Будешь потом шкандыбать по звёздной системе местной достопримечательностью, а путешественники всякие, подгребающие на своих виманах к планете оной, будут дивиться и гадать — и как же в открытом космосе оказался этот старый плавучий чемодан с полным набором облхимпродукта на борту?

— Мамочки... — протрянуло Загрибуку, ибо он только что наконец понял всю опасность их плавания. И при взгляде на команду матросов у него не прибавилось уверенности: — А он, проводник ентот, не ошибётся, а? Они ж, окаянные, всё время свой опий курят, и кто знает, что ещё и едят вридачу. А вдруг он с перекурки чутка накосячит в расчётах?

— Тогда, мой дррруг, мы даже не успеем это понять, — успокоил его кот, словно родная мама.

Загрибука окончательно осел в коленках и с сочувствием посмотрел на матроса, труп которого только что сняли с мачты и ныне пеленали в широкую грязную простыню.

— Просто праздник какой-то! — поднял брови Дример. — Курс прокладывает через дыры в космосе обкуранный бандерлог, в трюме биологическое оружие, на рее труп, а впереди полный остров демонов.

— Мда, вечерина у нас как-то не задалась, — согласился Слипёр.

— А по-моему, всё отшибец! — весело подскочила к ним Фрикудолька, потрянув железяками в ушах. — Как сумерки начнутся, будет последний переход через Барьер, там скиданём товар, и алга! Я прям печенью чую, что всё складывается запрекрасенько! Пыц! — она лопнула большой фиолетовый пузырь.

— Фрройлайн, — шаркнул лапой кот, оставив на палубе борозды от заточенных когтей, — вы не могли бы поделиться своим оптимизмом с нашим многоуважаемым профессором? А то он с таким невррозом сам, глядишь, в простыню завернётся и в море сиганёт вместо этого несчастного, судьба которого нынче не сильно отличается от жизненного пути какой-нибудь мормышки или мотыля! — он мотнул головой в сторону покойника.

А того в этот момент под дружное «Ы-епыть!» скинули за борт.

Смытый скрысл

На следующие сутки действительно на горизонте показалась земля. Впрочем, окрик с мачты о видимости оной никого особо не порадовал. Воздух стал жарким и душным.

— Пахнуло адскими сковородами, — поморщился Йош, потягиваясь. Он раздобыл где-то на корабле старую матросскую робу серо-синего цвета и такие же широкие штаны. Увязал вокруг шеи выдавший много портов и гаваней пластилинский платок и натянул на ноги обтёртые со всех краёв, но прочные морские башмаки невыносимого сливового цвета. Теперь Ключник стал выглядеть ещё более нелепо. По всему лицу у него высыпали веснушки. Он порыжел волосами и к тому же коротко остригся.

— Да уж, давненько они казан не мыли! Небось, плов знатный в округе подают, только сомневаюсь, что баранина свежая, да и баранина ли это вообще, — лениво потянулся Башкирский Кот, насмешливо разглядывая метаморфозы Йоша.

Загрибука тарашнулся глазками за борт и вцепился ими в полоску суши.

— Да не очкарьте, профессор, — бросила праздно прошатывающаяся мимо своими тростниковыми тапочками Фрикудолька, — не портите зрение на корню. Не ровён час ещё не пробьёт, а мы уже пристанем, аки банный лист, в этой гавани. Надеюсь, у нас найдётся время позагорать и искупаться. А то, блин с компотом, морозы, варежцы да репетузики на зиму — всё это не по мне! — Она заломила на затылок свой попугайный берет. — Мне вот на солнечной Джамэйке куда уютнее тусовать. И пахнет воздух куда вкуснее. Пыц! — Пузырь жевачки лопнул запахом чернющей смордовницы.

— Лови момент, — засмеялся Йош, — а то, коли нам сvezёт, скоро в Прыжок отправимся, и там тебе репетузики снова ой как понадобятся. На самый пентхаус будем взлетать по вертикальной кривой. Самый север. Крыша мира.

— Тибетас потолокас лифтус! Нау! — изрёк Башкирский Кот, усиленно экивокая головушкой.

Громкий свист внезапно раснёсся по кораблю.

— Алё, оголтелые! — заорал дурным голосом корабельный шпынцман. — Всем по местам! Ушатанных и слоняющихся без распоряжения просим покинуть палубу и мыльно подготовиться к большой стирке.

— Это шо такое? — набуйволился Дример, обтирая лицо и смахивая каплями пот, но таки не снимая шерстяной Шапки-Невредимки.

— Обычное дело, — пожала плечами Фрикудолька, усунув татуированные ручонки в большие карманы своих широких военных штанов. — Небось, как в школе — каникулярная уборка.

— А что такое каникулярная уборка? — удивился Загрибука.

— Пусть не смущает тебя изошрённость фонетики данного слова, дррруже, — усмехнулся Башкирский Кот и обнял друга за плечо. — Каникулярность проста до ёлочных шариков! Базарно выражаясь, Загрибыч, это не имеет никакого отношения ни к эквивалентности, ни к турбулентности, ни даже к эпистолярррности. Это просто уборка на каникулах!

— Пыц! — подтвердила Фрикудолька, слегка подпрыгнула на пятках и кивнула, зазвенев всем своим ухогорлоносовым железом.

Кот продолжил, прижимая лапой плечо Загрибуки и практически окончательно повиснув на нём:

— Типа, корабль встаёт на якорьцы, часть команды кидает шмотьё с берега и на берег. Разгрузочная погрузка сие называется. А остальная часть экипажа дррраит палубу и кастрюли до свинячего блеска протухшими тряпками.

— В таком случае, нам бы из этой самой каникулярной уборки надо как-нить сбежать, — сморщил Загрибука розовый нос, увернувшись плечом из-под кота, чем увалил его на палубу под общее хихиканье контрабандистов, которые тут же рядышком суетились между каютами.

— Наоборот, пррррофессор, — мягко проворковал Башкирский Кот, не замутившись и крутанув ушами, — я бы не советовал вам покидать судно. И как только вы узрите весьма законнепослушных аборигенов, к коим мы направляем ныне своё плавсредство, то сразу же согласитесь со мной без всяких дискуссий.

Из люка в палубе высунулся Слипёр.

— Братья и сестры, слышали заявочку с капитанского мостика? Сдаётся как на уху, что нам лучше оформиться на мытьё и химчистку, чем сходить на берег этот бесприютный.

— Телепат! — театрально встопорщил усы Башкирский Кот.

— Хорош тут ыхыхыкать! — шпионски зашипел Слипёр из люка. — Побёгли за швабрами! А то наточняк отправят в погрузку на пирс! Крутиться около демонов мне совсем не улыбается. Чует моя печень кишками, что добром это не оборотится!

— Дело говорит, — буркнул Дример и направился к двери рубки. — Алга веники искать!

В это время капитан высунулся из рубки, залез носом в медный позеленевший рупор и гаркнул в машинное отделение:

— Эй, Буксель-шкындырбобель, тормози свой ёксель-дрексель! Валим на левое крыло и на стакселях подходим. В пыть её ети!

Фрикудолька на предположения оказалась скоренько права. Хоть и была сама во всех отношениях напрочь ультралевая. Не ровен час не настал, как корабль ткнулся боком в пристань, и на причальные тумбы накрутили канаты, прижавшие бравый фрегат жёстко и нежно. Как пацанчики в одесской подворотне на гоп-стопе — «Ид-ди сюд-да».

И встречать долгожданный «два-три-дебилобан» вышли на пирс хозяева острова. Демоны. Ну вот так невзначай. Появились вроде как и вышли. И встретили. И тут же квитанцией сверкнули по уставу аки положено, с подписью ихней демонической. Да кровью травленной, а не какими-то там чернилами. Так что, кто сомневался до сей поры, что демоны существуют во вселенной, может спокойно вздохнуть и потупить в носки своих ботинок. Ибо демоны есть и, как теперь стало видно, даже неплохо себя чувствуют.

Нет, не наблюдалось у них ни рогов, ни хвостов. Да вы и сами понимаете, дорогие читатели и читальницы, что у демонов настоящих, как правило, нет ни того, ни другого. Ибо можете наблюдать демонов вокруг себя во всем многообразии каждый день. Конечно, на отдалённых Нижних уровнях вселенной есть-таки чудища несусветные, у которых форма тела с благоразумной воображалкой не дружит, но на этажах, где более-менее налажена торговая сеть с участием обоюдных рыночных отношений, они уже далеко не те. Да, дорогой читатель, и демоны нынче не в фарсе. И деревья растут карликовыми. То ли полярная тундра стала ближе, то ли старческий маразм недалёко уж кряхтит по нашу с вами душонку. Но я увлёкся. Простите. Демоны — такая благодатная почва для любого писателя. А тут, сами понимаете, выясняется, что ничего по ровному счету в них нет необычного. Подумаешь, чужестранцы в заморских репетузиках... Тьфу.

Давайте ещё раз с начала. Демоны пришли без рогов и хвостов. Но от этого факта они не выигрывали ничуть. Наоборот: было ещё хуже. Часть их выглядела как состарившиеся безвременно дети, словно древние мумии с провисшей во всех местах кожей филейно-синюшного колора и детским личиком, сморщившимся в маринованном компоте. Но часть демонов выглядела довольно внушительно: высокого роста, с жилистой мускулатурой — короче, хоть сейчас на рекламу «Приходите в наш фитнес-клуб!». Их можно было бы принять издали за мастеров дюжедального спорта по части гимнастики. Только когда они приблизились, стало ясно, чт[о] именно наводило ужас на корабельный сброд. Лица демонов пересекали сложные геометрические узоры. Сначала Слипел предположил, что это похоже на искусственно нанесённые шрамы, но при ближайшем рассмотрении сие оказалось вживлёнными под кожу частями хрящей и костей, явно не собственных. Тончайшие острые косточки и жилы жертв были искусно засунуты под верхний слой кожи лиц демонов. И не просто засунуты, но составляли бугристые концентрические и полосатые узоры, которые превращали и без того не самые радушные демонические физиономии в поистине жуткие полуночно-кошмарные маски. Дример также вглядывался в дикие физиономии и не понимал до разумного конца, что же в них наводит на него такой страх. Пока его не осенило. Стальной неподвижный взгляд и каменное выражение демонических лиц выражали одну-единственную, заточенную, словно острый нож, эмоцию. Лютую жестокость. И когда одна из

демонов-женщин в ответ на пошлую шутку контрабандиста улыбнулась, от этой улыбки сразу захотелось стать маленьким, залезть под стол на кухне у мамы, а ещё лучше просто срочно написюкать в штаны. Дример попятился от борта. Слипер мрачно в последний раз взглянул на демонов и сплюнул на палубу:

— Пойду драить лестницу и кубрик. Не хочу на это смотреть. Ничего более мерзкого в жизни не видел.

— Они сбрасывают товар, — прошипел невидимый Башкирский Кот, крутясь возле Слипера. — Всё, как Йош прописал. Эх, скоро на взлётную, и крутите Энгельсоны свои пропеллеры! — Он оскалил в улыбке сотню своих зазубренных клыков и пошёл кругами, напевая: — Из крох от обновлений соткан Йош... Стечёт с небес алга окоровенная... Мгновения раздают — кому попкорн, кому бесправие, а кому немерррено...

— Куда им столько бухла? — беззаботно встряхнулась дредами Фрикудолька, оглядывая посверкивающими синевой китайскими глазами баки с «два-три-дебилобаном», которые потихоньку перекачывали на берег из недр корабля. — Да на всём побережье их острова барменов не хватит, чтобы это продать. И праздников не напасёшься.

— Я думаю, им самим оно без надобности, — заметил Йош, ковыряя носком сливового ботинка палубу. — Для демонов это вещество скорее представляет интерес в виде биологического оружия для захвата территорий.

— Ага. Вот моя деревня, в пыть её ети! Дык и как же енто? — спросил Дример, но без особого интереса, ибо он нервничал в присутствии демонов и хотел только скорее отсюда свалить.

— Да запросто, — развёл рукавами матросской робы в ответ Йош. — Так же, аки и всегда. Разведка боем, как это называется. Коли население вооружено знанием, волей, храбростью и силой, то как с ним совладать?

— Лишить их всего этого до начала боя, — сказал Загрибука нарочно скучающим тоном, мол, тут не все дурачки деревенские.

— Точно, — согласился Йош. Веснушки на его лице смешно прыгали вслед за его гримасами.

— И енто как же? — склонился буйной головою Дример аккурат на тридцать градусов левого крена.

— Да спойть их к кутькиной тёще! — резюмировал мрачно Загрибука. — Завалить дешёвым пойлом крупного и тяжёлого калибра, так они сами, глядишь, через поколение уже всё пропьют, все свои знания забудут, применялке разучатся, да и размножаться станут всё хуже и хуже. Так что и никакого насилия не понадобится. Просто погодь немного, и твои враги сами к тебе приползут на коленях с пустой стеклотарой, — он упёрся в ближайшую демонику ненавидящим взором и тихо сквозь зубы сплюнул, — за добавкой в долг.

— Так что, — вздохнул Йош, — вся эта скотовазия и собакотузия имеет свой эффективный смытый скрысл. Да-да. Именно такой скрысливый и смываемый, как и всё, что касается демонов со всех сторон и аспектов.

— Кор-роче, держимся подальше. Пыц! — пыцнула Фрикудолька и наострила свои тростнички босоногие. — Я тоже, пожалуй, пойду с тряпкой по полу поелозю, Слипериу сподвижество организирую. На этих тварей пялиться не хочу. Омерзяево по спине пробирает.

— А может, что на клык пойдём закинем? — подкатил к Фрикудольке кот с обезоруживающей башкирской улыбкой. — Пахнет там у тебя, айна-лайна-джан, вкусно...

— Нет уж, — замахала она на кота ручонками в фенечках. — Пока мы рядом с этими пригладуренными мерзопакостями маемся, я к еде не прикоснусь, чай, не дура уелапая какая. Да и вам не советую. Не впрок пойдёт. Усы крендельками завернутся без всяких бигудей! Терплючести наберись, Башкир-Ата, вот в море выйдем, будет тебе и пет[у]шка в закусях, и кукух в соусе, и курей филейный!

— А чё, есть рррезон, замётано! — весело клацнул пастью Башкирский Кот. — Тады я тож пойду подсоблю. Загрибыч, алга до швабер со мной, погоняем шампунь по палубе! Нынче кёрлинг в гламурре...

Разбор без фени

Попрыгаец сидел в камере давно. Неточно рассчитанный азимут Прыжка упиндюлил его прямо в лапы разъярённых демонов, которые в тот момент и без того были ни в раз не милы по причине своих личных бытовых уморочек. А тут ещё и разъетительная сила разнесла ко всем шмортям половину ихнего кварталу, ибо нелепый очумевший Попрыгаец, истерично поторопившись, совершил ошибчатую нелепицу. В расчёт его Прыжка вкралась очевидная оцепятка. И свалился ентот Попрыгаец прямо в середину жилого ушатанного комплекса, и подмял под себя обитаемую территорию. Никто не погиб. А то бы нашему Попрыгайцу уже и не прыгать ушами назад по ветру. Но таки в камеру его кинули с оттягом, почти переломав рёбра. А уж поизмывались и вовсе. Демоны ж умеют. Тонкие они натуры на сей поганый счёт. Знают, как побольней ткнуть да пообидней задеть за живое, да чтоб с крючком. Не изведут сходу, так сам изведёшься на отходняках. Такая уж у них демоняческая порода. Вот и сидел Попрыгаец, уже изрядно отупевший от ползущего склизко по стенам времени, от немеющего безделия и от безысходности отчаянной до коликов и тягомоты в кишках. Хорошо хоть не мучали больше его. Просто забыли. Вроде, как по слухам, в порт пришёл долгожданный демонами корабль с какой-то гадкой мерзостью ихней на борту, и все они в широкоглазом возбуждении нынче пребывали, так что обо всём и всех чуждых забыли до поры. Вот и чудненько. Да только Попрыгаец уж и вовсе сник хвостами и пал героизмом души. Неволица была ему невоготу. Ситуация казалась безвыходной и без пособия. Да и соседи были те ещё, вовсе не сахар и не глюкоза. Всякой сволочи тут хватало. Камеры были совмещёнными, словно детская колония на выезде. Селили помногу и без разбора, кого куда кинули по ходу коридора. Попрыгаец сразу не поладил в камере с одинаково тупым на рыло и мозги дупелем, а потому жисть его заточённая протекала беспокойно и на стрёме

постоянном. Что, кстати, с другой стороны, не давало ему окончательно повиснуть ушами в тоске, ибо суета эта дёргала его за хвосты проблематикой сокамерных взаимоотношений. И тут, когда он уже стал подумывать о внеплановой заявке на Великое Ежемгновенное Обновление, а попросту говоря, решил наложить на себя лапы и два хвоста впридачу, подвернулась несурзная оказия. Дупель тот самый невразумительный, что по камере соседствовал, отколупал в полу дырку когтями своими, заволновавшись из-за постоянного шубуршания в углу обозначенном, и ко всеобщему эмоциональному гулу вытащил оттуда змеиную выверть, смертельно опасную тыхухоль. И давай её совать всем под нос да издеваться. Сокамерники понимали, что тыхухоль на ручках не пригреешь и за ухом не почешешь, ибо тут же сам зачешешься до полной синюшной откидки. А деть её теперь куда из камеры, было уже и непонятно. Да и дупель тупой таскал её за шкирятник, суя опасно под соседские носопырки и гогоча. А тем временем выверть змеиная-то теряла терпение и начинала нервничать и злиться. И тут дупельцу этому захотелось по нужде недержательной. Он тыхухоль на пол бросил, а сам до гальяона побёг, всё так же гогоча. Го-го-го! Остальные на шконки свои попрыгали да ноги подняли повыше. Тыхухоль по полу обозлённая завертелась, зашипела да сплёвывать стала нервно через плечо. А только дырку её в полу, тропинку до дому до хаты, дупель отмороженный доской прижал. Тут бы и быть беде, ибо выверть змеиная, доведённая до крайней истеричной нервозности, сигать начинает кенгурой — и тут всех бы достала, даже до верхних полок допрыгнула бы. Но только Попрыгаец наш также был уже близок к точке закипания единственного оставшегося тройничного нерва и, отчаянно изогнувшись, схватил тыхухоль за скользкую холку и сжал так, что та смиренно зажмурилась и стала поминать «как там мама говорила про отче наш». Личный состав камеры молча замер. А Попрыгаец подошёл на своих большущих задних лапах к масенькому шкапцу, на котором стоял стакан мутный и грязный с такой же ну ни разу не проточной водой, да и выжал с передних зубов тыхухоли в ентот самый стакан яду на двадцать три капли, что твой последний в жизни корвалол. Исполненный буддистского сострадания, он затем отнёс выверть змеиную к дыре в полу, отодвинул лапицей доску и одним точным движением всунул её туда носом. Впрочем, тыхухоль и не думала возражать, а, издав благодарный похрюк, тут же исчезла до хаты. Попрыгаец взял стакан в руки, повертел его на свет и вздохнул. Вот он, его последний Прыжок. Без всяких замеров и уточнений координат. Без каких-либо очепяток. Всё. Как говорится, «гудбай, Америка, во-о!» И сменил бы наш Попрыгаец своё попрыгайское пальто на что-нибудь иного дизайна, кабы не... Не замечая гробовой тишины, с облегчённым гоготом вывалился из клозета размагниченный животейски дупель и, издевательски хрюкоча, стал кружить по камере. Никто не успел среагировать, а в общем-то, никто, наверное, и не собрался бы, да только он нагло выхватил с хозяйским видом из лап Попрыгайца стакан и беззаботно влил его в себя, довольно икнув. Все в камере испуганно переглянулись. А потом его гогот дупельский заело как на внезапно испортившемся магнитофоне. Го-го-кх-кхе-ххы-кхоо...

Дупель пошёл пятнами, зрачки раскатились по сторонам, и он скоропостижно и очень по-быстрому сыграл в ящик. То есть натурально скапутился. Склеил винты. Окончательно отдуплился. И рухнул на пол, словно большой куль с несвежим фаршем.

— Ыть, — раздалось в камере.

— Вот и тудыть ему в Кудык! — догнало следом. — Как он тут всех достал! Молодца, Попрыгаец! — Все сокамерники послезали с полок и захлопали по-братски Попрыгайца по чешуйчатому плечу.

Но тот сел, окончательно поникнув хвостами, на свою кроватушку и посерел глазами в одной точке на стене от безысходности. А между тем, события вокруг него стали вращаться с немислимым исходом и быстротой. Позвали кулаками в дверь тут же демона охранятельного, чтоб труп убрали из камеры. А демон тревогу и поднял, мол, енто ж как же, и почему труп, и кто его ухайдакал, и как посмели, и что за произвол на площадке. Ну, короче, неспортивно ему всё это показалось. Бардак начался. Ор и крик. И внезапно очумевшая от воплей и ругани толпа сокамерников вытолкала своей массой демона за дверь в коридор, да и сама следом вывалилась. И на мгновение замерли, озираясь. Но лишь на мгновение. Потому как в следующий миг кто-то заорал:

— Свобода! Беги, братцы!

И что тут началось... В общем бардаке, незаметно и тихо сжавшийся в комок Попрыгаец скакнул вдоль плинтуса по тому коридору, а потом расправил затёкшие, вывернутые назад коленки и прыгнул посмелей. Ну а затем и вовсе, развернув хвосты свои в обе стороны, сиганул что есть мочи с доразбегом. Звон стёкол и грохот разлетающегося в стороны кирпича были ему прощальными салютами. Только демоны зря изумлённо пялились на дыру с неровными ободранными краями, что зияла нынче у них вместо окна в конце коридора. Попрыгайца уж и хвосты простыли. Пэньг-пэньг...

Лучше гор могут быть только горцы!

Корабль качало у пристани, изрядно шарахая, ибо груз с него сняли, и теперь он, словно скорлупка в борще, необременительно поплясывал на прибое волнительным сухариком. Слегка посиневшему от морской тошнотворности Загрибуке было неважно и очень желалось вывернуться наизнанку за борт. Башкирский Кот старался заболтать его недуг психологическим сеансом трепотни о ненасущном:

— Дррруже, может, дойдём до камбуза и компотиком тебя увлечём?

— Ох...

— Ну, не знаю, если компот тебе в тягости, то можем в каррртишки перекинуться...

— Ох...

— Поймите, профессор, ваш мозг сейчас занят исключительно ненужным процессом наблюдения за шатабельным от вертолётности телом. Нужно его срочно чем-нибудь увлечь!

— Что-то мне не до развлечений...

— А кто говорил о развлечениях? Я об увлечениях. Ну ты же увлекаешься наукой, астрономией, физикой... Подумай. Какие есть у тебя ещё увлечения?

— Можно подумать, что у тебя есть какие-то увлечения кроме жратвы... — промямлил Загрибука, и от мыслей о еде ему зажилось и вовсе дурно. Всё стало вокруг не совсем голубым, но явно очень зелёным, как в песне поётся.

— Дык, кому астрономия, а кому гастррономия. Тут же, сам понимаешь, каждому своё, — хохотнул Башкирец.

— Вот-вот... А я сейчас о еде и думать не могу.

— Можно еду отложить в сторону вовсе как предмет обсуждения. Давай об искусстве поговорим. Положим, ещё в детстве я увлекался фотографией... — Кот мечтательно закатил зелёные монгольские окуляры. — Но потом мама отняла её у меня.

Загрибука покосился на кота. Тот склонил голову и прищурил глаз:

— Просто я исхожу острым приступом буддистского сострадания, глядя на тебя. Ещё немного голодовки без антисоциального подтекста, так ты и ходить-то сможешь по палубе только при попутном ветре.

— Компот, говоришь?

— И не просто говорю, а песни слагаю! — Башкирский Кот подпрыгнул и клацнул челюстью. — Держись за хвост и смело шагай за мной. Наша прекрасная Фрикудолька-сан сейчас и ныне же сваяет тебе напиток богов из сухофруктов. И полегчает непременно! Вай, мандаррины, витамины... Оскорбительная кислота... Глюконаты и бензоаты натрия... В общем, всё, что нежно согреет душу, уважаемый! Никаких красителей, загустителей, замутнителей, откислителей... Только натурпродукт! И улыбка товаррищей в придачу!

— Ох... — Загрибука, икая и тошнюкаясь, зашоркал по палубе, крепко вцепившись в хвост Башкирского Кота. Помпон его шапки качался на ходу по сторонам.

Палуба была пуста. Пираты почти все сошли на берег в предвкушении береговых развлечений, коих им демоны, как вы сами понимаете, могли предоставить в большом количестве и нужного пиратского содержания. На корабле остались двое вахтенных в принудительной тоске обязательности, да вся наша туркоманда. И Башкирец не зря потащил Загрибуку на кухню, так как там в это время замыслился и строился коварный план по захвату заложников и самого судна с последующим разделением первого и второго по принципу нужности и пользования. То бишь корабль забрать себе, а заложников... Тут мнения расходились.

Фрикудолька бегло посмотрела на ввалившегося Загрибуку и тут же, кивнув, черпанула из кастрюльки в кружечку и подала ему. Тот залпом выпил.

Все остальные сидели на полу и думу думали.

— Фу-у-у-у, — выдохнул Загрибука облегчённо.

— А вот и я про чё говорррю! — согласно заурчал Башкирец и обратился к Йошу: — Ну, что вы тут надумали?

— Думаем, как балласт сплавить...

— Да запереть и не кормить! — бросил кот и стал водить носом по кухне.

— И что? — Ключник развёл руками.

— Хе! — Котище прищурился и въедливо заметил: — Как говорил давненько один мой незнакомый дедушка, будучи при фашистах врачом нейроклизмологом, терпение и труд — и все перемрут! Ы-гы-гы!

— Да уж, гы-гы, — смурно заметил Йош, — прям какая-то «Харе Кришна, Харе Рама, Харе смехопанорама»! Не смешно, блин!

— Нет, — Дример решительно помотал Шапкой-Невредимкой вместе с головой, — это нам не годится! Подойдём к делу ответственно и чушь пороть не будем.

Благодарная чушь, и так вконец запоротая, забилась в угол под примус.

— Ну, как знаете, — и кот наострил лапы к плите, бурча на ходу песенку: — Плачет дедушка с автоматом, кутаясь в зябкое пальтецо, весь в крестах и в дурррной помаде перепачканное лицо...

Фрикудолька намутила, болтая фенечками, что-то зелёное с приправами, разложила по тарелкам и поставила каждому. Коту нарубила рыбы-головожопоножки.

— Так и думать веселей, — заметил кот и поклонился Фрикудольке: — рэхмэд, айна-лайна-джан! — и он хрустнул рыбьими косточками.

— Шо делать? — Дример с сомнением вертел в руках позаимствованную у пиратов самокрутку.

Слипер глянул в иллюминатор, наморщился.

— Дождёмся темноты, — он прислушался и зловеще подмигнул, — стыбзим эту посудину, и дело в шляпу! А там уж выйдем в море на широкий проспект, да и... Сигануть-то получится? — он посмотрел на Йоша.

Тот утвердительно кивнул и улыбнулся:

— А як же! Мокропопик ваш Падучий на редкость оказался вонючий! Память так пришибло об косяк, что припомнилось даже то, о чем и помнить был не должен вовсе! Так что зашвырну в лучшем виде.

Заговорщики примолкли, понимая трудность задачи, стали каждый что-то там себе в уме прикидывать и просчитывать. Времени на построение планов, казалось, было много, до самого вечера. Но, как часто бывает, Потолочное Разумение вмешивается в наши планы без спросу и предупредительных повесток военкомата. Так и на этот раз случилось.

Что-то увесисто шмякнуло по палубе, и сразу замолотило по ней, грохоча перевернутыми вёдрами. Послышались крики вахтенных.

— Шо там цэ такэ? — Дример удивлённо задрал натянутую Шапкой-Невредимкой голову к потолку, словно надеялся разглядеть сквозь него нарушителя спокойствия. Но увы. Потолок уныло серел в ответ закопчёностью.

— Надо пойти поглазеть! — Слипер направился к двери, но тут она сама распахнулась, и на камбуз ввалился зверь, диковинный и невиданный.

Серо-синего цвета ящер-переросток затравленно озирался жёлтыми узкими глазищами, прижимая к плоской змеиной голове длиннющие заострённые уши, и нервно молотил по полу двумя крысиными хвостами. Задние его ноги передавали привет лучшим представителям австралийских кенгуру, а передние вёрткие лапы венчали острые когти. Вид его был настолько же нелеп, насколько и ужасающ. Складывалось впечатление, что какой-то не самый умный доктор по фамилии Франкенштейн (или Зильберман, теперь уж кто разберёт) с помощью скальпеля и последних достижений генной инженерии всю поиздевался над матушкой-природой, крепко спаяв воедино гигантского зайца, обожравшегося хомячка крысиной наружности и окаменелую галапагосскую крокодилицу. И всё это вышеописанный доктор взрастил исключительно на спортивном питании бодибилдеров в надежде получить первый приз среди районных качков. Башкирский Кот на миг даже усомнился, а не приложил ли к этому свои ковырятьельные ручонки давеча всеу поминаемый им юморной дедушка из бывших врачей концлагеря Дахау. Все присутствующие на тайном собрании мигом расползлись по стенам, а Башкирский Кот вскочил на кухонную плиту, выгнул спину и угрожающе зашипел в президиуме.

— Спокойно! — махнул руками Йош и очень медленно стал приближаться к зверюге, словно собирался поймать бабочку на лужайке: — Тихо... Тихо... Все свои.

Звероящер с сомнением продолжал крутить глазищами, словно взбесившимися спидометрами.

— Попрыгаец, милый, — ласково заворковал Йош, — ты откуда ж к нам свалился?

— Дело шьют, — неожиданно плаксивым голосом отозвался Попрыгаец и чихнул. — Еле ноги унёс. Йош, ты ли это, что ли? Вертелки-моталки, а ты-то здесь что забыл? Тут же демонов вокруг от видима до невидима!

— Я, друже, я, — улыбнулся тот. — Ты даже не представляешь, как вовремя сюда попал! Сама Дхарма тебя привела к нам в это смутный час вертепа и колобродошатания.

По ступеням загрохотали шаги. Пираты спешили поймать нарушителя.

Йош быстро оглянулся, схватил с плиты черпак и, захлопнув дверь, вставил его в ручку двери так, чтобы заблокировать вход.

— Времени в обрез, — посуровел Йош на глазах, отчего внезапно прибавил в возрасте. — Ты как, способен сейчас хвосты размять? — он воззрился на Попрыгайца.

— А есть варианты? — Попрыгаец прекратил дрожать и сузил панцирные веки.

Хвосты его стали извиваться, словно живые змеи. Спидометры глаз остановились.

— Нет, — чётко, как в строю, мявкнул со стола Башкирский Кот.

— Дык мы ж тут все... — начал было Попрыгаец, но Йош просто молча кивнул ему в ответ, не дав договорить.

Дример и Слипер тоже молча кивнули заодно, хотя и не до конца понимали, о чём идёт речь, но понадеялись на Йоша. Загрибука и вовсе не мог ничего сказать и даже кивнуть был сейчас не в состоянии, ибо морская тошнота и дурные предчувствия несветлого будущего испарились, едва он

туманились дома. Деревья цвели и пахли. Что-то его смущало во всей этой идиллии, но он пока не мог понять, что именно.

— Тебя как зовут? — снова спросил Дример и подивился своему же голосу, настолько он был чужой. Что-то, видимо, случилось со связками при Прыжке.

— Машенька я, — удивлённо распахнула глаза девчушка, — ты чего это? Может у тебя это, — она наморщила лоб, — аутентичный удар? — Она с сомнением покрутила в руках длинную швабропалку с вантузом на одном конце и с псевдовелосипедным рулём на другом. Причём вантуз к палке крепился посредством стальной пружины. Дример отметил шесть пальцев на руке девочки и подивился заодно, что такая мелюзга знает про какие-то аутентичные удары в отличие от него самого.

— Машенька, — шёпотом повторил он и добавил ещё тише: — Машенька, да не нашенька.

Он повертел по сторонам головой с надеждой в глазах, но ни Слипера, ни других бойцов его бравого подразделения не наблюдалось. И вообще больше никого не наблюдалось. Двор был пуст. И насколько хватало глаз, нигде не видать было никакой сознательной движухи. Только птички и жужжание букашных козявок.

— Твоя очередь! — снова весело заорала Машенька, нетерпеливо перетаптываясь дырчатыми босоножками в пыли, и протянула Дримеру швабру с вантузом.

— погоди, Машенька, — Дример присел перед ней на корточки, а та скривила лицо в ожидании занудства. — А ты... — он лихорадочно пытался сообразить очередность вопросов, — а сколько мы тут уже с тобой играем?

— Давно, — беззаботно ответила она.

— И что, вот так вдвоем и играем? А где все?

— Ты чего?! Мы ж тут вдвоём!

— Где «тут»?

И вдруг с Машенькой произошла внезапная перемена. Она вытянула ручки по швам, остекленела взглядом и ровным тоном изрекла:

— Пятая касательная двойной спирали Блинецов в векторе Ай-пи-кью с заданными параметрами жизнедеятельности особей четвёртого уровня развития с последующим...

— Стой, стой! — замахал испуганно Дример.

Девчушка расслабилась, потеплела взглядом и снова затормошила в руках швабру. Дример внимательно посмотрел на девочку. У брата появилась смутная догадка, но оформить её в четкую мысль он пока так и не смог. Чувство осторожности всплыло на поверхность, и Дример решил не идти в атаку, сломя голову, но предпочел тактику вкрадчивой психологической разведки.

— Сколько нас тут? — вкрадливо, словно детский психиатр, начал он.

— Ты и я.

— А где все остальные?

Девчушка непонимающе уставилась на него.

— Откуда ты здесь взялась? — Дример захлопал по карманам комбинезона, но курева не было.

— Я всегда здесь была.

— Эта твоя пятая касательная... Это что, планета?

— Я не знаю, — ответила она с детской простотой.

— Но ты же только что говорила мне тут про касательные какие-то.

— Я не помню. Давай играть!

— Вот Йошкин Код!

— Это кто? — с интересом спросила Машенька и завертела головой. При этом взгляд её стал, как показалось Дримеру, угрожающим.

— Да не, это я так... — осторожно процедил Дример.

— Ты часто стал разговаривать непонятно, — заметила Машенька.

Дример уцепился за это:

— С каких пор? — Во время диалога он внимательно вглядывался в окружающее пространство, но с каждым брошенным взглядом всё больше понимал, что заметить будет некого, сколько бы он ни пялился.

— С зимы.

— А что мы делали зимой, помнишь? — Он старательно играл давнего друга.

— Катались на санках.

Разговор шёл в тупик. Дример с ужасом стал догадываться, что вытянуть что-либо существенное из девчухи так запросто не удастся, и неизвестно, насколько он тут завис.

— Давай играть! — снова встрепенулась Машенька.

— Давай, — неожиданно кивнул Дример.

Машенька растянула улыбку до ушей.

— Только, чур, уговор! — Дример отчаянно пытался составить план допроса. — Когда моя очередь в игре, то я задаю вопросы. А когда твоя — ты мне.

— Здорово! — согласилась Машенька. — Так мы ещё не играли!

— Да, вот ещё... А как меня-то зовут?

Машенька озабоченно посмотрела на Дримера, подошла к нему и положила ладонь на лоб. Немного подержала руку, а затем отступила и прежним ледяным ровным тоном произнесла:

— Температура в норме. Жизненные показатели в норме. Частота вибрации в норме. Состав крови в норме. Давление повышенное. В лёгких обнаружены следы дегенеративных дисфункций в связи с загрязнением канцерогенными веществами. Двигательные параметры в норме. Психическое состояние нестабильное.

Она хмуро поглядела на Дримера, словно озабоченная мама на сына, и снова приблизилась к нему:

— Потерпи немного, — и она положила ему шестипалую руку на грудь.

Дримеру показалось, что его выворачивают наизнанку. Желудок прыгнул к горлу. В ушах зазвенело. Братец упал на четвереньки. Его вытошнило прямо тут же, а затем свою очередь занял

дикий приступ кашля. Коричневая и зелёная гниль соплями и шматками выходила из него, выкручивая всё тело. Он еле успевал вдохнуть. Но спустя немного времени всё закончилось.

Дример не мог даже что-либо сказать, силы его покинули. Он только стоял на четвереньках и тяжело дышал.

— Всё чисто, — отошла Машенька на шаг назад и замялась в ожидании. Затем она, словно что-то вспомнив, произнесла: — Ты — Папа. — Она улыбнулась ласково-ласково.

— А я тут сколько?

— Пап, ты же знаешь! Тебе 323 года.

— А что мы так долго тут делаем?

— Мы находимся в режиме ожидания нового цикла развития.

Дример оторопело взглянул на девочку снизу вверх, утираясь рукавом комбинезона:

— Развития чего?

— Эволюции вида.

— А что стало с видом?

— Я не знаю. Я знаю только то, что ты сам рассказывал мне. Ты опять меня проверяешь?

— Приехали, — плюнул Дример и попытался встать. Получилось. Его быстро отпускало. Даже слишком быстро. Дример почувствовал, что ему стало несказанно легко дышать, и вообще он давно так хорошо себя не чувствовал.

— Что ты сделала со мной?

— Вылечила.

— От чего?

— От всего, что изначально несвойственно твоему организму, как ты и учил. Болезнетворные бактерии уничтожены. Следы отравления лёгких уничтожены. Паразиты уничтожены. Параметры тела приведены в норму, в точку восстановления биологической системы. Будем играть?

— Круто, — Дример пошевелил руками и ногами. И почувствовал, как они наливаются силой.

— Отчего ж не поиграть, — он прогнулся в спине и порадовался новообретённой гибкости. — Но уговор в силе.

— Ура, — подскочила Машенька и протянула ему швабру.

— А как играть? — Дример взялся за палку с рулём и вантузом.

Машенька снова сурово на него взглянула, и Дримеру стало не по себе. Она забрала у него швабру и показала:

— Обхватываешь палку ногами, держишься за рукоятки и прыгаешь.

И она запрыгала вокруг, чмокая вантузом, держась за импровизированный руль. Пружина на швабре тоскливо скрипела.

— А куда прыгать? — Дример оглянулся.

— А по номерам, — ответила Машенька и указала под ноги.

Дример заметил вмонтированные в землю каменные шестигранные площадочки, уходящие цепочкой куда-то за здание школы.

— И в чём смысл?

— Кто дальше допрыгает! Ну ты чего? — обиженно ответила Машенька.

— Ну лады, — Дример забрался на швабру, ухватился за резиновые концы руля и прыгнул на первую площадку.

— Раз! — весело крикнула девчушка.

Дример увидел следующую площадку.

— Два! — заорала Машенька, едва Дример угодил вантузом на следующий шестигранный камень. — Три! Четыре!

— Кстати, — заметил Дример, прыгая, — а как скоро ожидается новый цикл?

— Наверное, скоро, — рассеянно отвечала Машенька. — Пять!

— А от чего это зависит?

— Шесть! От того, как скоро восстановится баланс воздуха и частота вибрации энергии Дома.

— А где Дом-то?

— Семь! Дом где? Где и всегда! Куда он денется? — Девчушка изумилась и простёрла руку вверх.

Дример взглянул туда и едва не упал со швабры, но вовремя среагировал ногами.

— Ну вот, — разочарованно заныла Машенька, — всего шесть! Дай-ка теперь я.

Дример протянул ей швабру, а сам уставился в небо. Слона-то он и не приметил! А слон был тут же, прямо над головой со всеми своими хоботами.

В небе прямо у них над головой парила планета. И она была огромна. Из-за близкого расстояния она занимала почти половину небосвода, заслонив собою солнышко. Но за облаками и белёсой синевой она была видна довольно смутно. Сквозь дымку атмосферы угадывался грязно-лиловый цвет и примерные очертания материков.

Дример не понимал, как столь близкое соседство огромного небесного тела не нарушает в этом мире гравитацию. Да и по азам астрономии, которые им Загрибука зачитывал на привалах, он знал, что такое соседство грозит более маленькой планете минимум стягиванием атмосферы в пользу большого собрата. Дример даже осторожнее вздохнул. Но всё было стабильно. Дышалось очищенными новыми лёгкими как никогда прекрасно.

Дример догнал ускакавшую Машеньку.

— А мы что, на спутнике?

— Я скачу, я вопросы задаю! — с азартом крикнула Машенька.

— Ну давай.

— Вот скажи, Пап, — Дримера покорежило от такого обращения, — а Дома в прыгалки можно играть?

— Конечно, можно. Наверное, — Дример опять взглянул на нависшую над ними планету. Было трудно оторваться от такого зрелища. Оно подавляло и восхищало одновременно.

— А если мы попадём Домой, то мы там будем с тобой играть?

— Конечно, будем. И не только мы с тобой. Там у тебя будет много друзей, с которыми можно играть.

— Здорово! Ты считай, уже шесть!

— Шесть, — послушно повторил Дример.

Девчушка немного встревожилась:

— Пап, а кто они будут, эти друзья?

— Такие же, как мы с тобой.

— Думаешь? — Она почему-то разозлилась. — А вдруг они будут совсем другие? Интересно, как они будут выглядеть?

И тут Дримера осенило.

— погоди-ка! Я сейчас, — бросил он девчушке с обезоруживающей улыбкой и побежал к ближайшему дому. Машенька продолжала сосредоточенно прыгать. А Дример буквально подлетел к зданию, подтянулся на руках и глянул в окно.

— Опаньки, а я таки догадливый, — процедил он, всматриваясь в свое отражение в стекле.

Оттуда на него смотрел худой дядька с ввалившимися глазами, однозначно ни разу не виданной им наружности. Дядька этот при всём раскладе был одет в Дримеровский комбинезон и голову его венчала Шапка-Невредимка.

— Ну и кто ты такой, а? — спросил без особой надежды на ответ Дример незнакомое отражение. — И почём шмотки мои увёл?

И тут в Дримеровской голове что-то закопошилось. Какое-то смутное чувство отчаяния и тревоги. И братец понял внезапно, что внутри него самого кто-то заперт.

— Триетить мои печёнки! — От такого открытия Дример свалился в кусты, соскользнув с подоконника. Он прислушался к себе и прямо вслух спросил: — Слышь, мужик, ты как там оказался?

Мужик явно пытался елозить и дергаться внутри мозгов, но слишком слабенко, чтобы можно было разобрать хоть что-нибудь.

— Шо делать-то будем? — задал вопрос Дример и опять не смог ничего ясного уловить.

Только чувство опасности ясно и неуклонно исходило изнутри его собственных мозгов, но было ему адресовано явно кем-то посторонним. Дример наклонился и проверил наличие ножа за голенищем ботинка. Нож был на месте. Он немного расслабился.

— Ладно, пойдём пока прыгать, — Дример потрусил рысцей к Машеньке.

Та самозабвенно сигала на швабре по площадке.

— Ну как ты? — поровнялся с ней Дример.

— Тридцать два! — радостно крикнула Машенька. — Как твой номер на рукаве, кстати! — она засмеялась.

— Прекрасно. Слушай, Машенька, а у нас есть какой-нибудь запасной план насчёт выхода отсюда?

Мужик внутри дримеровского ума заёрзал.

— Ты всегда говорил, что настанет время, и всё произойдёт само, — наивно ответила Машенька, а потом внезапно слезла со швабры, прервав игру, и серьёзно посмотрела на Дримера. — А ещё зимой ты сказал, что мы скоро сможем шагать между планетами. Я и тогда спрашивала тебя, как это, а ты так и не ответил. Вот, — она надула губки.

— Не грусти, я исправлюсь и как-нибудь расскажу, — скривился в улыбке Дример, а про себя добавил: — А ты, мужик, не прост.

Машенька расцвела и весело прошептала:

— Хорошо. Ну, я смотрю ты сегодня не очень настроен в попрыгушку играть. Может до базы тогда пойдём? Уже вечер скоро.

Сердце Дримера дрогнуло.

— Конечно, пойдём. Поиграем в следопытов. Ты впереди будешь дорогу как бы показывать, а я следом.

— Давай! — распахнула глаза Машенька. — Вот это здорово! Так мы ещё не играли! Всё, чур, я впереди.

Она скроила серьёзную физиономию и пошла вроде как крадучись вдоль стены школы за угол.

Дример тоже напустил на себя таинственный вид и глухим голосом спросил:

— Далеко ли до цели, разведка?

— Примерно две тысячи триста тридцать девять шагов, — не смутившись, так же таинственно ответила Машенька. И Дример понял, что она не шутит и к тому же вряд ли ошибается.

Его подозрения насчёт Машеньки ещё более обострились. Он опять вспомнил про нож. «Надо бы с ней поосторожней», — подумал про себя Дример.

Мужик внутри него вроде как усиленно соглашался и в немом отчаянии воздевал невидимые руки к небесам.

Они дошли до цели довольно скоро, и про себя Дример отметил, что Машенька практически не ошиблась с числом шагов. База представляла собой отдельный ангар. Между двумя районами зданий, которые и без того навевали ужас своей пустотой и безлюдностью, стояла и вовсе зловещего вида полусфера, явно чуждая всему остальному ландшафту. Её стены плыли волнами. Такого материала Дример никогда не видел. Они подошли вплотную, но Дример не стал спешить касаться сферы рукой. И правильно сделал, ибо Машенька обошла её по периметру направо до незнакомого знака, который светился в стене, словно мерцающее изображение на экране.

Как только они приблизились, чёткий и неживой голос из сферы рявкнул:

— Пароль!

— Это мы, малыши! — привычно ответила Машенька, и стена стала таять.

«Защитное поле, — выдохнул Дример про себя. — Вот бы я сейчас поджарился...»

Дядька внутри него испуганно «закивал». Они вошли внутрь. Дример замер, едва переступив «порог», отряхнул ботинки и обалдело посмотрел по сторонам. Вся огромная сфера внутри была засажена джунглями. исполинские деревья, цветы, грядки с саженцами. Где-то текла вода. Над ветвями летали бабочки. По деревьям ползали какие-то маленькие животные, похожие на Белок-

Дельтапланерюг. И во всём прослеживался чёткий порядок без намёка на хаотичность и произвол. В самих же джунглях, в чаще, угадывались очертания дома. И Дример с удивлением заметил его схожесть с Домом в Лесу, откуда началась их со Слипером эпопея туристического шатания по всея вселенной. И чувство тревоги ещё больше разыграло в нём.

Машенька же весело порхала между зарослями. Дример заметил, что она не сходит с тропинки, ведущей к дому, и решил не экспериментировать, последовав за ней след в след. Дом вблизи оказался обычным деревянным домом. Машенька толкнула дверь и вошла внутрь. Дример за ней. В доме тоже было чему удивляться. Весь первый этаж занимала гостиная с целой кучей каких-то механических агрегатов, явно предназначенная для отдыха. Посреди неё Дример углядел лестницу на второй этаж, но решил не торопиться и понаблюдать за Машенькой. А та плюхнулась на диван, подобрала ноги и стала возиться с куклами, которые во множестве были разбросаны по всей гостиной. Дример почувствовал передышку и спокойно стал обходить помещение. Мужик внутри его сознания меж тем дёргался. Ощущение чужого присутствия стало более явным, едва они переступили порог дома. Дример прислушивался к себе, и теперь ему казалось, что он не один ходит по дому, но они с запертым внутри мозгом мужиком ходят на пару.

— Папа, — подала голос Машенька.

— Что? — Дример с улыбкой повернулся к ней.

— А можно я телевизор посмотрю, пока ты работать будешь?

Дример смутно понимал, о чем она говорит, но на всякий случай ответил:

— Конечно.

Машенька взяла в руки с дивана маленькую коробочку, нажала кнопку, и чёрная стена напротив неё ожила и засветилась. Дример напрягся. Но на стене просто возникли картинки, которые заgrimасничали и принялись двигаться.

Машенька в них уставилась и замерла с восхищёнными глазами.

Дример выдохнул облегчённо и продолжил было исследование дома, но тут мужик внутри отчаянно забрыкался. Дример затих и прислушался. Вроде как мужик его тащил в сторону лестницы. Они направились туда, и, уже подойдя близко, Дример увидел, что лестница тянется вверх, но под ней есть дверь, явно ведущая в подвал. И дверь эта в отличие от всего дома была явно металлическая и очень прочная.

— Тихо, понял, — сказал внутри себя Дример мужику. Тот успокоился.

Дример толкнул дверь. Заперто. Сбоку от двери была вмонтирована в стену маленькая панель с кнопками.

— Опять пароль, — смутился сквозь зубы Дример и спросил черепного подселенца: — Ну шо, мужик? Шо делать-то?

Мужик был в отчаянии.

— Ладно, спокуха, — утешил его Дример. — Сейчас что-нибудь придумаем.

Он протянул правую руку к панели, но вдруг внутри его разума как будто поддалась стена, и мужик совершенно нечеловеческим усилием вломился в сознание Дримера изнутри.

— У меня сейчас башка лопнет! — зашипел Дример и схватился за голову левой рукой. И пока он ничего не соображал от боли, его правая рука сама собой набрала комбинацию цифр. Дверь негромко зажжужала и открылась вбок. И точно, за ней была лестница, ведущая вниз.

— Папа, ты работать пойдёшь? — донёлся голос Машеньки.

— Да, немного поработаю, — отозвался Дример.

— Хорошо, я буду тут.

— Договорились, — проговорил он, корчась от стука в затылке и висках.

— Если что, я вызову тебя через коммуникатор.

Дример опять ничего не понял, но по возможности ласково произнёс:

— О'кей!

— Ха, весело, — засмеялась Машенька, — я никогда такого слова не слышала! Но мне нравится.

Дример шагнул по ступеням, и дверь плавно вернулась на место, закрыв вход. В стенах тут же зажглись лампы. Дример стал спускаться. Его трясло от пережитого болевого шока. Мужика внутри него тоже, судя по всему, трясло.

Два пролёта вниз. Проём в комнату.

— Прямо командный пункт! — тихо присвистнул Дример, морщась.

Вокруг были сплошные экраны и приборы. Всё опутано проводами. Посередине стояло кресло. Дример поначалу направился туда, но заметил какое-то движение сбоку и моментально развернулся, присев на всякий случай.

Но это было лишь зеркало.

— Фу, — выдохнул он и подошел ближе.

И вот тут случилось чудо. Едва он взглянул в отражение и увидел опять вместо себя лицо чужого мужика, как по зеркалу побежали какие-то значки, а потом Дримера швырнуло на пол.

— Шкындырпыть твою налево! — выругался Дример, поднимаясь с пола и потирая ушибленную скулу.

— Тихо! — вдруг чётко и ясно раздалось в комнате.

Дример оглянулся и увидел позади себя того самого мужика, только теперь напрочь голого. Мужик был совершенно ошарашен, взлохмачен и бегал глазами по сторонам.

— Ты что, колдун какой? — спросил Дример тише и ощупал себя. Похоже было, что его родное лицо к нему вернулось. При этом братец не утерял своей одежды. Пока фартило.

— Если бы, — перестал дёргаться мужик, посмотрел на Дримера изучающее, а потом полез в ящики. Оказалось, что у мужика тоже по шесть пальцев на руках. Из ящиков явился на свет комбинезон, похожий на Дримеровский как две капли воды — даже цифры на рукаве совпадали.

— Как так может быть?! — ошарашенно спросил Дример, сидя на полу.

— Ты по поводу одежды? — оборотился мужик. — Честно? Не знаю! Думаю, это и сработало, что именно тебя сюда занесло. Дело чудное и впрямь! У нас форма командная точно такая же, как

на тебе сейчас. И номер у меня именно 32. И даже написание совпадает. Просто чудеса какие-то! И если б ты знал, парень, как я этого чуда ждал и как на него надеялся!

— Интересно, на что остаётся надеяться теперь мне? — тихо буркнул Дример.

— Ну что, — обратился к нему мужик, одевшись, — будем знакомиться? Меня зовут Папа.

— Странное имя, — заметил Дример.

— Ничего странного, коли разберёшься, — мужик засуетился с приборами. — Коллеги когда-то пошутили, так и осталось. А тебя-то как звать?

— Дример.

— Тоже не Вася.

Дример смутился, но тут же сыграл в шпиона:

— А коллеги-то где?

— Она их того... — Папа показал глазами вверх и выразительно чиркнул ладонью по шее.

— Кто?

— Модель. Машенька.

Дримера прошиб пот.

— Это хорошо, что ты не испугался и ножом махать не стал. Иначе бы нас сейчас с тобой не было. Для неё твой ножичек — смех один, так, игрушка, навряд её швабры. Ты и руку занести для удара не успел бы.

Дример оглянулся на зеркало и поморщился.

Мужик понимающе кивнул:

— Дифференциатор. Разделяет энергию.

— Ой... — Дример ощупал голову.

— Тебе повезло, — продолжил Папа, — да и мне тоже. Могли бы на пару... А ведь я — последний.

— Что тут вообще происходит? И где мы? — Дример приподнялся.

Мужик указал ему на кресло, мол, садись. А сам стал нервно ходить взад-вперёд.

— Тут всё непросто, Дример. Один шанс из миллиардов был, что кто-нибудь сюда попадёт навряд тебя. Ты не представляешь, как я тебе благодарен на самом деле!

— А шо такое?

— Я тут уже больше трёхсот лет кукую. И много раз пытался наладить связь с другими мирами. Хотел удрать или кого сюда затащить. Мы с тобой, друже, заперты в пространственной каверне, в виртуально созданной станции замкнутого типа.

— Ничего не понимаю.

— Мир наш погиб, там наверху. Планету видел?

Дример кивнул.

— Ну вот. Никто не знает почему, но внезапно изменилась частота вибраций пространства, и планета в один миг перешла в новый диапазон энергии. Все, кто на ней был, оказались в пустоте.

— Как это все? И в какой пустоте?

— В абсолютной пустоте. Без пространства и времени. Ну, не все. Растения какие-то остались. Только непонятно, как они смогли мгновенно перестроить свою структуру. Ну и вирусы затихарились какие-то, наверное, бактерии. Не знаю. Мы с командой учёных в это время находились на орбитальной станции. Нас было около пятисот человек. Занимались исследованиями как раз по теме смены частотного диапазона с целью опробовать новый вид передвижения в пространстве. Телепортация там, изменения во времени, короче, всё это сложно. Я думаю, кто-то из наших не ту конопульку на коллайдере нажал, ну и...

— Но планета-то вот она, над головой! — Дример сидел и ощупывал себя. Вроде всё было на месте.

— Теперь да. Мы так же поначалу оказались просто в пустоте. Была планета, и вдруг не стало. И кругом чернота одна. Мы искать стали. Кто-то догадался просканировать частотником. И обнаружили её совсем рядом. А уж потом пришлось запускать пробный экземпляр двигателя.

— Ну, судя по всему, всё удалось?

— Не совсем. Что-то коллайдер там нарушил в поле энергии. Или сам на выходе изменился, и энергия просто скрутилась. Как омут в болоте, понимаешь?

— Понимаю, — ответил Дример, вспомнив историю об их со Слипелом Лесном хозяйстве. — То есть вас закрыло в ограниченном островке реальности?

— Точно, соображаешь, — мужик уважительно глянул на Дримера. — Планета была рядом. Да и сейчас вроде бы тут, как ты видишь. А толку — ноль. Мёртвая она. И мы от неё отделены Барьером. Пришлось потратить первые лет пятьдесят, чтобы создать искусственное поле реальности вокруг станции, в котором можно было жить. Станция-то не вечна, сам понимаешь. Но куда было деваться?

— А где сама станция?

— А вот то, что ты видишь вокруг, сфера эта, — вот и всё, что неё осталось. Остальное пришлось разбирать и приспособлять для жизни. Только вот генератор и остался, работает пока без сбоев. Он далеко внизу под нами. И гудеть там может долго. Полностью самодостаточен. Поглощает одну частоту энергии и вырабатывает другую. Конвертор, типа.

— Вечный двигатель?

— Ну, не вечный, наверное. Хоть он и из плазмоидов состоит, но время точит всё. Думаю, на пару тысяч лет его хватит. Только толку-то? Я ж говорил, что я — последний.

— А кто такая Машенька?

— Искусственная модель человека нового поколения. Мы её создали. Она — первая. Задумывалось сделать модели и покруче. Кое-что от позитроники, кое-что генетическое. Только вот с хромосомами у неё какая-то беда случилась. Не стареет. Она уже триста лет девочкой тут бегаёт. У модели внутри сердце вырабатывает энергию здешней частоты — может, от этого?

— А почему она всех, ну, того? — Дример повторил жест Папы ребром ладони по шее.

— Ревность, парень. Обычная ревность ребёнка. Психология защиты семьи. Я для неё — отец. Я её создал. Воспитывал. Обучал. Был с ней всё время рядом с самого её «рождения». Ребёнок

рассуждает просто: родители — свои, все остальные — чужие. Вот она на всех, кроме меня, и обозлилась. А своё родное защищать стала от угроз по своему усмотрению. Только возможности у неё недетские оказались, как обнаружилось слишком поздно, и родным у неё прописан был лишь один человек — я, создатель. У модели — самообучающаяся программа интеллекта. Всё, как у нормальных живых существ. А вот силища и реакция — совсем ненормальные.

— Её что, били, что ли? С чего она озверела-то?

— Да не, тут вот в чем собака порылась...

(Грызлик далеко-далеко на прогулке поднял ухо и прислушался.)

— Мы выяснили, что не можем иметь детей в этом частотном диапазоне. Почему — так и не успели понять. Решили попробовать создать новое поколение на основе генной инженерии, только улучшить качества вида. Сверхчеловек и всё такое. Ибо время работало против нас. Мы уже все были не мальчики и не девочки. Ну и вот, получили на свою голову ребёнка вечного.

— Но как же столько времени протянул ты сам?

— Модель и помогла. У неё способности восстанавливать ткани. Я потом выяснил опытным путём. Машенька меня и сохраняла все эти годы в том виде, в котором я тогда её создал. — Папа чертыхнулся, копаясь в приборе. — Омолодить она не может, слава Потолочному Разумению, но старение затормозить практически до нуля — вполне. Использование энергии для восстановления статичности. В целом, тут на лекцию хватит, так что лучше мозги не ломай. Они у тебя и так покорёжились.

— Как ты, мужик, тут с ума не сошёл-то? Давно ты один?

— Лет триста, говорю ж, не меньше, — Папа отёр пот со лба. — Сбился со счёта. Она вот помнит. Да так и живу, а что делать? Живу с ней, как с дочкой, играем вот. Только не растёт она, понимаешь? Не знаю, где ошибка вкралась. Соответственно, программа развития интеллекта в ней также затормозилась на уровне её возраста. Что ей было заложено нами изначально на подкорке, всё в подсознании у неё осело. И проявляется эта информация только в трансовом состоянии, когда вопрос задаёшь. Ну, это ты и сам на себе испытал. А на деле она — просто ребёнок. Вечный ребёнок. В своем замкнутом мире.

— А мирок-то большой?

— Пара-другая маленьких городов смоделировано на расстоянии дня пути друг от друга. Дальше обрыв реальности. Делали на всякий случай. Не знали же, что так получится. Думали, удастся мир заново построить, адаптировать малышню как-то к нынешнему состоянию планеты и переселить туда. Найти способ к саморазмножению.

— Не получилось?

— Сам видишь. Что-то не срослось. В Машеньке проснулась жуткая ревность и впридачу внезапно проявляющаяся агрессия. Просто лютая агрессия. Мотивация у неё, как у хищника. Мол, моё и только моё. Неконтролируемый эгоизм. Только меня и оставила в живых, ибо за отца считает. Потому меня коллеги Папой и прозвали. Я её, можно сказать, породил, — невесело усмехнулся мужик, — только вот убить не получится. Хорошо хоть, меня не тронула.

— Почему?

— Я был первым, кого она увидела при рождении. Я ей программы ставил. Сидел с ней. Учил её всему. В общем, сам понимаешь, я ей вся родня в одном лице.

— Вот блин с компотом!

— Точно ситуацию обрисовал, — усмехнулся Папа.

— Она тебя в плену держит, получается?

— В заложниках, — Папа поник печально. — И когда что не так, не по-ейному происходит, то вся её лютость тут как тут. Так что ты не обманывайся внешним. Модель — профессиональный убийца, когда дело касается её собственности. Ножом не отмашешься.

— Что делать-то будем?

— Есть идея. Уж не знаю, откуда ты сюда явился...

— Весьма издалека. Можно сказать, из-под самого низу.

— ...но обратный процесс работает по-любому. Я только и надеялся на такого вот, как ты.

— И что, удрать сможем?

— Очень рассчитываю на это. Только времени нет на разговоры. По крайней мере у тебя. Ибо сколько ты тут скрываться будешь от неё? — мужик показал глазами вверх.

— Вертелки-моталки! — осознал вдруг Дример всю опасность своего нынешнего положения. Он даже запретил себе думать насчёт того, как эта девочка могла умертвить пятьсот человек.

— Именно, — как будто понял ход мыслей Дримера мужик. — А потому сиди-ка ты, мил человек, в креслице, и сиди тихо, пока я тут всё настрою.

Дример послушно устроился поудобнее, а мужик захлопотал с приборами.

— Кстати, — поинтересовался мужик, — а как ты сюда вообще попал?

— Попрыгаец, зверь чужестранный, нас всех киданул. Видать, с перепугу чего-то попутал, вот я тут и очнулся, — Дример сидел в кресле и пытался успокоиться. Хотелось курить.

— Хе, Попрыгаец... Интересно. А чего это такое?

— Да есть такой зверюга. Сам сигает между мирами как захочет и других может с собой, как говорится, на хвостах впридачу. Его на корабль вот берут, когда надо промеж слоёв реальности пройти. Нам Йош рассказывал.

— А это кто? — спросил, крутя вентильки, мужик. — А впрочем, не важно. То есть не прибор это делает, а живое существо?

— Экие вы учёные отсталые. Какой же прибор способен разобраться по кускам в Прыжке и собраться воедино в том же виде в другом частотном диапазоне?

— Ну вот у нас же получилось.

— Это потому что близко было, — Дример подтянул шнурки, — совсем рядом. Да и то, думаю, пара деталек не туда в итоге пришвартовалась. Вот вы и получили результатик с бирочкой на выходе.

— Ну, енто ладно, обсудим потом, коли время будет, — мужик крутил какие-то ручки и всматривался в экраны, — а ты скажи, много ли вас прыгнуло? У тебя на рукаве номер-то откуда? Ты в команде был, что ли?

Дример стал загибать пальцы:

— Вроде как шестеро. И Попрыгаец. Семеро нас, получается, в Прыжок ушли.

— А почему у тебя номер 32? А, ну да пёс с ним.

(Грызлик оторвался от предложенного Белочкиным бублика и заворчал.)

— А где остальные-то? — Мужик, чертыхаясь, шарил по закоулкам среди приборов. — Тьфу, — он сунул прищемлённый палец в рот, подержал его там и взялся снова за рычажки и проводки, явно торопясь.

— Это и для моей персоны самый насущный вопрос! — Дример сидел смирно и только крутил головой. — Потому как у нас свой план был, и план этот мне дорог, что тебе твоя планета! И имеется мнение, которое гласит, что сюда к тебе я свалился в глубоком одиночестве. А это в моем случае крайне не фэншуйно, как выражается один мой усатый приятель.

— Я смотрю, у вас тоже не всё гладко прошло.

— Да уж.

— Не боись. Сейчас придумаем кое-что. Успеть бы только. Ну вот! — Он выставил на пол собранный ящик и сел напротив Дримера с проводками в руках. — Это — на голову. На виски. Вот так, — мужик приладил клеммы на Дримера. Себе тоже прицепил похожие проводки. Потом что-то понажимал на масенькой коробочке, как давеча была в руках у Машеньки, когда она включала телевизор. В потолке загудело. Под полом заухало.

Мужик покрутил приборы, сверился с показателями на экранах, а потом сел и посмотрел пристально на Дримера.

— Ну, парень, коли чего — ты уж прости.

— Не было б за что.

Сверху ожили странные конструкции, которые приноровились, прицелились, да и опустились на головы Папы и Дримера. Гул усиливался. В дверь на лестнице постучали.

— Бросишь её? — спросил Дример.

— А жить хочешь? — спросил в ответ Папа, поняв, что речь идет о Машеньке.

— Так точно, — твёрдо отсалютовал Дример.

Мужик кивнул и добавил:

— Ну вот и не роняй соплю тут. Она не оценит, знаешь ли. К тому же её программа рассчитана так, что способна дойти до уровня создателя. Надеюсь, моё исчезновение подтолкнёт её к саморазвитию. А там уж... Она и себе подобных в принципе гораздо создавать.

— Ты же говорил, не получилось.

— Тогда — нет. Но я не зря провёл триста лет тут. И теперь модель вполне способна на это. Был бы стимул. Теперь он будет. И их, детишек-то новых, тут станет много. К тому же, я уверен, когда-нибудь они найдут способ уйти отсюда.

— Я тоже так думаю. Только было б неплохо оказаться подальше от того места, где они начнут саморазмножаться. Ох, натворили вы делов, папаша...

В дверь застучали чаще.

Дример испуганно дёрнулся.

— Успеем, — скривился мужик.

Приборы запищали.

— Ёктить твою направо! — только и успел сказать Дример, как всё вокруг них поплыло, словно в воду вылили чернила.

— Папа! — услышал он со стороны лестницы требовательный крик сквозь закладывающий уши гул и звон.

— Сейчас, Машенька, — крикнул мужик и зажмурился, бормоча: — Мамочка родная, только бы не...

Мир померк.

— Папа! — тот же крик, срывающийся на визг.

В темноте зазвенели тысячи маленьких колокольчиков. И мир развалился на кубики.

Папа и Дример ушли в Прыжок.

Компосьявка во здоровую образину жизни на букву Ё

Поезд пьяно кочевряжило. Шатало и мотало. Болтало и дрыгало. Запах хлорки и заношенных до аммиачного состояния носков витал и кружился, застревая в щелях облупившейся краски стен вагона.

— Приготовьте ваши тикеты! У кого тикета нет — приобретайте, — раздался расхлябанный голос с шамканием. — Семь кошерных шакалов или тринадцать рупасов.

Слипер, ещё и глаз не открыв, автоматически полез по карманам в поисках указанного проездного документа или означенных только что рупасов. Шакалов искать в карманах ему как-то сразу показалось неадекватным действием. Они же кусаются. Лучше всего было бы сразу найти тикет.

— Сдуй мои пилюльки! Да где ж он?

— Тикет тебе бы надо прокомпосьявить! — назидательно сообщил кто-то совсем рядом.

Слипер приоткрыл глаза. С трудом. Ему показалось на миг, что едва малейший свет проникнет сквозь веки, как голова взорвётся, словно мыльный пузырь. И воображение услужливо дорисовало маленькие радужные брызги, разлетающиеся во все начала и концы, заляпывающие стены, стекающие по плинтусам.

— Если тикет не прокомпосьявить... — продолжил неведомый сосед.

— Заткнись, — коротко фыркнул Слипер, достал из штанины смятый талон и протянул перед собой. Невидимая рука забрала бумаженцию, дзынкнула компосаявкой и всунула Слиперу в кулак обратно.

— Эдак надрызгался! — послышался недовольный выдох удаляющейся контролёрши.

— Имею право! Шримад-байрам — святое дело! Бугульма, чыгыртма, эшельме да бушельме, шаурма-шайтан-шашлык! — весело откликнулся Слипер всеми известными терминами, которые запомнил из прибауток Башкирского Кота. Хрустнув затёкшей шеей, он оглядел вагон. А тот был почти пустой. Ровными рядами, словно в кино, стояли довольно жёсткие скамеечки. На них мирно дремали невразумительные личности разного возраста и статуса с баулами и рюкзаками.

— ...тут со своими майрабами, шурмабами... Понатыркались, понабредли... — ворчал синий форменный зад протискивающейся в двери следующего вагона контролёрши.

— Хорошо хоть было что прокомпосаявить! — раздалось опять сбоку.

— Заткнись! — повторил Слипер.

Он протёр заспанные глаза и глянул на обладателя соседского занудства.

Обладатель оказался благостным дедушкой тибетской наружности. И этот самый дедушка совершенно безобидно взял да и заткнулся. Даже не надулся. И не сморщился. Слипер скользнул по дедушке опытным, закалённым в боях взглядом и подметил измятый серенький пиджмак, вычурную, хотя и старенькую, белую обтягачку с высоким зашейником, брючки спадучие с вязью на приподошвицах и охламлённые шкырдуны с весёленькими шнурками. Ну и малахай впридачу.

«Где-то я уже это видел, сдуй мои пилюльки!» — подумал Слипер, но решил не заострять и вместо этого миролюбиво произнёс:

— Прости, дед, не разобравшись я. Куда мы так резво шкындыряем?

— Дык-с, в одну с тобой сторонку-то! — хохотнул дедуля.

— А я-то сам куда двигаюсь? — налегке брякнул Слипер.

— Молодец, — кивнул дед, — хороший вопрос. Нам бы всем на него ответить когда-нибудь.

— Да не, я в смысле, куда вагон качает-то?

— А-а-а, — протянул дед пробитыми в заборе зубов щелями. — Я вот до Тыжного Хавного Нагила! А ты уж шкындырпайся куда надо.

— Содержательно, — кивнул Слипер, пытаясь схватить ускользающий ум и сообразить, откель у него такие бодуны и что он праздновал так усердно накануне. И как только ум позволил себя поймать, Слипер тут же осветился изнутри букетом мрачных новостей. То есть он вспомнил свои паспортные исходные данные. Правда, это совершенно не объясняло, где он. И тем более запутанной была информация о цели его пребывания в данном неизвестном месте и о личности его соседа по лавке. То есть полный шкындырпыт! Ну, вы понимаете.

— Деда, — позвал Слипер, хотя дед и так с него глаз не сводил, хитренько подглядывая за ним из-под малахая.

— Чавось? — услужливо ёрзнул тот.

— Ты прости меня, оболтуса.

При такой откровенности дед согласно закивал и шербата улыбнулся.

— Да только не помню я ничавошеньки, — затряс головой Слипёр.

— Впадая в детство, не обязательно трясти стариной и сединой, — весело прокомментировал дедуля и многозначительно поднял палец.

— Мы откель едем?

— С Навыги на Выпять.

— О как.

— А ты думал? — Дед приосанился.

— И давно едем?

— Уж третья явить пошла.

— А я один ехал-то?

— Один, — ответил дед, и Слипёр понял, что его бравая команда сейчас находится далеко, где-то на марше.

— Вот как, значит, — многозначительно изрёк Слипёр, хотя сейчас он понимал ещё меньше, чем в момент пробуждения. — Слушай, деда, а расскажи об этой самой Выпяти. Чё за мегаполис такой?

— Ну почему мегаполис? — охотно отозвался дед, явно соскучившийся до душевного разговору. — Городище как городище. Городовые шастают. Суета-маета. Пляски да гулятьба. Ежипопица сплошная. И торгули кругом.

Слипёр лихорадочно соображал, за что зацепиться. Он вспомнил, как Йош рассказывал им про Прыжки — о том, как часто при Прыжке существо попадает в точки пространства-времени, которые для него являются по карме значимыми и поворотными. Разрулить ситуацию, отдать долги означало продолжить Прыжок по намеченному азимуту. Стало быть, рассудил Слипёр, есть тут некто, кому я должен нечто. И чем быстрее его найдешь и ему это нечто отдашь, тем быстрее продолжишь путь. Спорить с Потолочным Разумением было глупо. А время шло. И место расположения родного подразделения Слипёра сейчас ну никак не представлялось возможным определить.

— А как думаешь, дед, — мягко привалился к пассажиру Слипёр, — где мне лучше сойти?

— Судьбинушку ищешь? — хихикнул дед. — Карму попутал?

— Угадал.

— А дык и слезай со мной в Хавном Нагиле Тыжнем. Там у нас знатная Баба живёт, она тебе всё и расскажет про жисть и про судьбинушку твою.

— Чем она знатна-то?

— Знает неузнанное.

— О, мне такая и нужна! — охотно согласился Слипёр.

— От и порешили! — хмыкнул дед, и они со Слипёром по-рэперски ударили по рукам.

Покуда суд да тело, поезд лязгал по стрелкам и затухал оборотами на привалочках. Слипер поползал по карманам, обозрел свой багаж. Сумка его оранжевая тут же лежала рядышком, словно скотчем дхармическим приклеенная. Там он нашёл фонарь налобный светочный и порадовался, что вещички не исчезли в ежежуги промежуточной при Прыжке. В сумке также обнаружилась краюшка пиратской хлебицы, полбанки шмотиков в масле и хредь зелёная. Слипер предложил деду разделить с ним трапезу, и тот оказался вполне не прочь, правда, с сомнением поначалу смотрел на чужестранную рыбу и на неведомую укропицу, но, попробовав, довольно ушамкал инопланетный чавкбургер. За окном весело бежали поля да рощицы. Поезд шёл удало да резво. И на такой скорости Слиперу было особо не разглядеть ни травушки, ни деревьев, так что ботанические исследования местности пришлось отложить. В небе мутило пасмурно, но свет от местной звезды был вполне себе обычный для глаз. Судя по самой звезде, еле просматриваемой сквозь мутотень небесную, она была обычной карлицей желтоватенького цвету. Так свежеобретенные знакомцы с отрыжкой да прибаутками докатились до Тыжного Хавного Нагила. А там уж поезд заскрежетал, охнул и встал вкопанным. Дед со Слипером подхватили вещички и вышли через раздвинувшиеся сами собой двери на перрон.

Станция была крохотной. Лавка типа «Всякая всячина», вокзальчик незапятнанных времён, треснутые клумбы без следов какой-либо растительности да три окурка в них. Ну, ещё пара увальней местного покроя, которые шатались от лавки до вокзала и обратно в душевной тоске и кармическом беспамятстве. Короче говоря, ни дать ни взять ни сныкать, сельпо-натурпродукт! Дед привычно зашоркал по дороге от станции, взяв на спину котомку с пожитками, и поманил Слипера за собой. Дорога шла в сторону от посёлка, норовя нырнуть в лес. И уже вскоре они действительно шли по роще. Слипер приглядывался к деревьям на всякий крайняк, но различить что-либо привычное не мог. То листики были чересчур ажурными, то ягодки свисавшие доверия не вызывали. С дерева на дерево какие-то шмокодявки шныряли. Всё казалось мирным и опасностей не таило, хоть и чудилось смутно дальнеземельным.

— А ты чавось, служивый, что ли? — подал голос дед.

— Почему?

— Да вот нашивка у тебя с нелепицами на рукаве.

— А-а-а-а, не, это мне от товарища досталось.

— Странные буквицы, я таких и не видал.

— Это цифры. Написано «23».

— Ещё того не легче, — помотал головой дед, чуть не сронив малахай. — Не по-нашенски вовсе. Тебя как звать-то?

— Слипер.

— Воба-на! Ну, вообще ни разу не Вася! — присвистнул дед. — А меня дедушкой Мытутом кличут.

— Тоже ничего, — хохотнул Слипер и с удивлением отметил, что глухая и тёмная память внутри него шевельнулась. Наверде как слышал он уже это имя, но где и при каких обстоятельствах — допрашивать было бесполезно.

Амнезия приключилась ласковой, но чрезвычайно настойчивой. К тому же она старалась классифицироваться как избирательная. А жаль.

— Наверде по-нашенски гутаришь-то, и без акценту. Ты откель? — Дедушка Мытут поворотился малахаем.

— Я и сам удивляюсь, — ответил было Слипер, да прикусил язык.

«А и вправду, — подумал он, — откуда я шпарю-то так по-ихнему? И так шпарю, как всегда шпарил. А как я раньше разговаривал?»

И не смог вспомнить.

— Издалече я, — пропыхтел Слипер, попевая за дедком.

— Это и так видать за версту. А дом-то родимый где?

— Хороший вопрос, — усмехнулся Слипер. — Нам бы всем на него ответить когда-нибудь.

— Это точно, — задумался Мытут и вроде как забыл о конкретике. — Пришли, — неожиданно крякнул он.

И точно. Дорога выкатилась из лесу, и пред ними предстала деревенька с хибарцами. Крыши покосившиеся, заборы повалены, всё в хлам, аки и положено до деревенского дальнекордонного укладу.

Высыпали ребятишки о штанцах с вытертыми коленками:

— Здравствуй, дедушка Мытут!

— Гармаджоба! — Дедушка присел, и малыши облепили его.

Дед достал из котомки подарки детям и раздал их.

— Вот ледунец тянучий! А тебе вот хрустенец тягучий. А тебе бубльгум самоклеющийся. Ну и Пынявке вот печенюшка шипучая.

— Гы-гы-гы! — разбежалась ребятня с гыгыканьем.

— Ну чавось? Пойдём, служивый? — Дед с хитрецей глянул на Слипера, умиляющегося детворе.

— А пойдём! — встрепенулся Слипер. — Где тут твоя Баба знатная живёт?

— А вона там, дальше по прогону, как увидишь слева направо дом типа четыре окна наперёд с вывеской, дык и пришёл навродь.

— А ты что ж, со мною не пойдёшь?

— К ней одному шастать надо. Да и чего я, ежежути не видал, что ль?

— Ой, а енто тута при чём? — встревожился Слипер, покрепче вцепившись в сумку. — Я и так только что высох, как с ежежути свалился, напрочь ею пропитанный.

— Всё сам поймёшь, не вибрируй.

— А тебя как потом найти?

— Авось не понадобится, — улыбнулся дедушка Мытут. — Но коли чего, спросишь у местных, они тебе путявку до меня покажут. А мне спешить надобно, за ребёночком приглядывать. Никто, кроме меня, не справляется. Взбалмошный, понимаешь, играетя всё время, да расти никак не хочет.

— От блин с компотом!

— Это точно! Ну да я пошёл, а то уж чую, зовёт он меня. Коли чего — заходи.

— Считай, догугарились, — и Слипер с бабушкой Мытутом хлопнулись ладошками попереки.

Слипер направился к указанному строению и вскоре натурально углядел вышеозначенный дом типа четыре окна наперёд. И на углу этого дома висела кованная табличка флюгерного дизайну с надписью «Зарекаю прошлое, пошлое и будущее. Снимаю и порчу на дому. Подзарядка воды. Баба-Ёга».

Слипер потоптался на пороге, стряхнул пыль с трекеров, приладил причёску и вошёл:

— Здравствуйте.

— И тебе не хворать, коли не шутишь, — деловито суетящаяся хозяйка повернулась к Слиперу.

Старушенция была на редкость подтянута и стройна. Одета в расшитое руницами кимоно на босу ногу с крашеными ногтями. На вековых морщинах лежал добротный слой загара качественного солярия. Седые волосы заплетены в тренерскую косичку. На шее висел секундомер и спортивный свисток. Баба-Ёга уверенно шагнула к Слиперу, сунула свисток в рот и выдала оглушительную трель.

— Так! Живот поджать! Грудь выпятить! Ягодицы втянуть! Позвоночник держать прямо! — командным голосом рявкнула она, затем склонила голову и сквозь зубы добавила: — Расставим точки над Ё! Выкладываешь свою проблему. Затем, — она опять свистнула в свисток, отчего у Слипера заложило уши, и рявкнула, словно часовой на вышке: — задаю вопросы! Потом ты отвечаешь! И коли дело решаемо, строго следуешь рекомендациям, соблюдая в полной мере показания к дозировке. Как слышать? Приём?

— Зер гут, фрау! Натюрлих! На связи! — Слипер ухмыльнулся.

— Ухмылки отставить! Сосредоточиться на синдромах и психосоматике! На кушетку прошу, — Баба-Ёга вдруг резко сменила тон, сделавшись мягкой и ласково внимательной, аки районный уролог в военкомате.

Слипер снял сумку и послушно растянулся на обитой кожей кушетке.

— Голову расслабим, — Баба-Ёга подложила ему под затылок подушечку, набитую одушающе запашными травами. — Дышим спокойно. Не ёрзаем. Медитируем на букву Ё! Пятки вместе, носки врозь. Лежим, дышим, чакрами не вибрируем понапрасну, — она взяла в руку секундомер и щёлкнула конопулькой на нём. Он бодро затикал, словно сверчок за печкой.

Надышавшись вдоволь одушающей травой, Слипер было уже стал вырубаться, но тут Баба-Ёга опять щёлкнула конопулькой.

— Тэк-с, — придирчиво посмотрела она на секундомер. — Стало быть, дыхалка аритмическая, глубина вдоха... — она что-то сосчитала в уме. — Пульс... Ну-ка, дай ручку, любезный, — она схватила Слипера за запястье. — Тэк-с, всё понятно. Не местный, значит? — она вперилась в Слипера прищуренным прокурорским взглядом.

— Так точно! — осторожно ответил Слипер. — А что, видно?

— Дык у местных сердце стучит в полтора раза медленнее. А у тебя дыхалка ровная, но при этом мотор колошматит. Давление в норме. Стало быть, ты из мирка-то другого. С другими понятиями.

— Да уж... С мирка другого...

— А чего шастаем по всея периметру вселенной-матушки? — по-отцовски сурово спросила Баба-Ёга.

— А что, видать? — опять суетнулся Слипер.

— Да на тебе следов с запахами на всех собак в округе хватит! От тебя пылью звездочек так и несёт! Жизнь в приключениях — это, конечно, романтика, молодой чемодан, но нужно при этом соблюдать осторожность. То бишь бери от жизни всё, но при этом не оставляй следов и отпечатков! Есть такой пункт в моей справке, — она залиvisto захохотала, продемонстрировав полный рот белейших фарфоровых зубов.

— Мы пытались просто вернуться домой. Но дорога оказалась весьма более сложна и запутанна, чем казалось поначалу.

— От реальности можно уйти и ногами вперёд! — сурово заметила Баба-Ёга. — Ну да ладушки. Чаво-сь от меня-то требуется? Чем страдаем?

— Бабушка Ёга, мне бы своих найти.

— Какая я тебе бабушка?! «Баба» — означает степень развития самоосознания. На индусятском простонародном толкуется как «святая личность». Тож мне, бабульку нашёл... — она вильнула бёдрами. — А своих как потерял, милоч?

— Заплутал я тут у вас нежданно-негадаючи. Мои-то в Прыжок ушли, а я по касательной на повороте вылетел, видать. Не пристегнулся.

— Дык, блин с компотом, нужно же было во время Прыжка мысль удерживать в статике, чтоб умишко не плутал в сомнениях своих. Медитировать нужно больше! На три цвета мозги настраивать, на китешвар различных извилину кручинить. Эх, молодёжь. Мысль определяет отклонение от азимута. Или вас ни пса не учили основам навигации?! Ни пса, верно?

(Грызлик нахмурился где-то очень далеко и задумчиво вцепился в штанину проходящего мимо прохожего. «Фрунзик, фу!» — возмутился Белочкин. Прохожий посмотрел на Грызлика, затем на Белочкина и быстро-быстро засеменял прочь, периодически оглядываясь, нет ли погони.)

— Довожу до следствия, — вытянулась Баба-Ёга. — Слово «йога» со всех языков переводится как «связь». То есть шо цэ такэ?

— Чё?

— А то, что под контролем держать надобно извивающуюся пиявку своего ума! Ты ему «алё, гараж», и он тебе в ответ «слушаюсь и повинуюсь, гражданин». Равно как и пыхтящие хотелки, и тельце своё обрюзжающее в тонусе содержать приказано! Вот, гляди! — Баба-Ёга мгновенно оказалась на полу, затем немислимым образом выкрутила себе ноги и руки и стала похожа на абракадабру с конечностями.

— Асаны контролируют тело, — комментировала телесная абракадабра с полу. — Дыхание контролирует ум. Чистота на всех уровнях вырабатывает несгибаемое намерение!

— Ничё себе! И долго таким изуверствам учиться?

— Поживёшь с моё — и меня-то не узнаешь! — хохотнула Баба-Ёга и тут же сурово рявкнула: — Что является главной асаной для адепта? — Она свистнула в свисток.

— Ну, я что-то слышал про позу лотоса...

— Дикари, — закатила глаза Баба-Ёга. — Главная асана в любой практике — это умение наступить себе на горло! И чтоб никаких хотелок, ни палок с моталками!

— Ну мы, конечно, кое-что слышали об этом, — Слипер смутился. — Нам товарищ рассказывал об основных трудах шаманиста-блокнотника господина Карлсона Ибн-Каштанова...

— Ой, знакома я с вашим Каштановым! Наслышана! Шибко он был умный! Настолько шибко, что шибанутый на всю голову! Типа, в попрыгайцев решил поиграть. Сколько лопухов наших деревенских после его книжек с обрывов попрыгали.

— Как попрыгали?

— А как он и написал. Мол, намерение сконцентрировать и сигать в пропасть. У нас тут даже артист заезжий про то песню выводил, — и она пропела глубоким баритоном: — Разбежавшись, прыгну со скалы! Вот я был и вот меня два стало! — Она уткнула руки в боки: — А что на деле? Полдеревни на костылях, пёс бы покусал эту сельскую библиотеку с её книжками!

(«Аф!» — сказал Грызлик в далеке далёком. Стрелочник напрягся и стал нюхать воздух, озираясь.)

Слипер задумчиво ковырнул в носу:

— Но мы не думали, что всё так сложно.

— Ну конечно! Они не думали! Да у вас голова — это просто расстояние между ушей!!! — повела плечом Баба-Ёга и издевательски скривила улыбку. — Простота вы наша дрезищенская! Что у нас на сей счёт прописано? А вот что! Будь проще, и к тебе потянутся, чтобы осложнить твою жизнь. Статья первая, пункт второй Общего Кодекса Выживания.

— А что, есть такой Кодекс? — удивился Слипер.

Баба-Ёга молча указала ему на стену. А там висел чёрный агитплакат, на котором был изображён белой краской череп с перекрещенными под ним костями, и надпись на иврите: «Из всех искусств для нас важнейшим является искусство выживания!»

— А чё теперь делать? — уныло промычал Слипер.

— Ну, для начала, — Баба-Ёга повернулась и направилась в глубь дома, — в целях полноты жизни необходим здоровый аппетит! — Она подмигнула: — Перекусим?

— Можно, — согласился Слипер, садясь на кушетке.

— Вот и саттвично! — буркнула хозяйка и завозилась с кастрюльками, напевая: — Не слышны в уме даже шорохи... всё в нём замерло до нутра...

— А может... — начал было Слипер, шнуруя трекары, снятые давеча перед тестами.

— Когда я ем — я как всегда! — грубо прервала его Баба-Ёга. — На вот, накорми тельце, а потом уж будем к уму вопросы иметь.

— Ммм, — согласно закивал Слипер, набив рот незнакомой кашицей из плоски.

— От! Мычание — знак согласия! — довольно заметила Баба-Ёга, крутанув секундомером на шнурочке вокруг шеи.

Изрядно подкрепившись, Слипер почувствовал себя более уверенно. Помог Бабе-Ёге помыть плоские деревянные плоски и отгёр от гари кастрюльку, чем весьма порадовал хозяйку.

— Ну что? Готов к покаению? — озорно спросила она.

— Усегда готов! — весело согласился Слипер, садясь на кушетку и снимая трекары опять. — А чего говорить то?

— Боты свои пяль обратно. Ложись в них. Говорить ничего не надо, ты только на палец мой смотри внимательно и всё. — Подождав, пока Слипер наденет обувь и ляжет, хозяйка принялась качать указательным пальцем с крашеным ногтем перед лицом Слипера. — Дыши ровно.

— Ох, сомнительно, что получится, — закричал Слипер.

— Сомнения — признак разумной бытовушности. Тело и сомнения отбрасываются одновременно! — хохотнула Баба-Ёга. — Спокуха, не дрыгайся. Сейчас поковыряемся в твоём тёмном прошлом.

— А как это поможет мне найти своих?

— А очень просто, — сосредоточившись, пробормотала сквозь зубы хозяйка. — Выбираясь из тёмного прошлого, расчищаешь себе место в светлом будущем! Понял? — она хихикнула и тут же осекла: — Цыц! Лежи и дыши. От пальца моего ни на шаг! Нечего на ноги мои пялиться! Зырь на маникюр во все гляделки!

И Слипер стал всматриваться. Потом усиленно всматриваться. А потом глаза Слипера стали мутнеть, а взгляд обессмыслился.

— Гудбай, Америка, о-о-о-о! — усмехнулась негромко Баба-Ёга. — Лечить его, понимаешь... Приплёлся тут смуту в селе наводить. Сейчас прокомпосявим тебе тикет в обратный путь и дело с титрами!

Слипер глядел и глядел... Глядел и глядел... А потом уснул.

И во сне том предстал перед ним дедушка Мытут.

— Ой, деда, и ты здесь? — удивлённо спросил его Слипер во сне.

— Мы всегда тут! — ответил дедушка Мытут.

— Я до Бабы-Ёги дошёл-таки, — доложил Слипер. — Теперь вот у меня здоровая образина жизни.

— Я уж вижу! — улыбнулся дедушка, снял малахай и лихо хлопнул им об коленку, выбив пыль из обоих сразу.

— Деда, — вдруг неожиданно подался вперёд Слипер, — а в чём, по-твоему, смысл жизни?

— Поиски смысла жизни могут привести к потере её вкуса! — поднял важно палец дедушка Мытут, а затем, напялив малахай обратно на голову, ловко вытащил из кармана сухарик и хрумкнул им. — Ну что, готов раскусить смысл ентот самый?

— Ага, — кивнул Слипер.

— Ты, Баба-Ёга говорила, Каштанова читал?

— Не, слышал только.

— Про магический удар под лопатку слышал?

— Припоминаю.

— Так вот с тех пор удары эти претерпели усовершенствование в ходе практики Бабы-Ёги. Сейчас и опробуешь.

— Круть! И что, у меня сразу будет сдвиг по фазе?

— Ща и поглядим! — кивнул в ответ дедушка Мытут, и в этот миг Слипера что-то сильно огрело сзади по голове.

Кремлёвским салютом у него в мозгу собрались все звёзды всех возможных величин, засияли ярко искрами в глазах, а потом большой колокол тяжело и медленно громыхнул многопудовой медью у него под темечком:

— Буммммммммммм!!!!

И Слипер исчез, раскидавшись огоньками.

— Классный удар! — хихикнула Баба-Ёга, стоявшая у него за спиной с чугунным водопроводным инструментом.

Дедушка Мытут посмотрел на неё долгим взглядом, а потом, вздохнув, изрёк:

— Хорошо, когда жизнь бьёт ключом. — Он сделал паузу и затем добавил: — Но плохо, когда гаечным.

Баба-Ёга только пожала плечами и также растворилась в воздухе, только мягко и незаметно, без всяких искр и прочих световых эффектов.

— Хе, молодёжь... — краем рта ухмыльнулся дедушка Мытут и, поворотившись, пошёл прочь сквозь тающий на глазах, медленно капающий сон Слипера.

Покупцы и продаватель

— Долго мы тут будем колупаться? — Загрибука уныло посмотрел на Башкирского Кота.

— Кутунгескэ джалайб! — отозвался кот, ёрзая когтями в механизме капкана. — А я ведаю?

Они очнулись посреди поля, с лапами, зажатыми в железные тиски. Было тупо, больно и обидно. Загребущая длань Загрибуки была надёжно придавлена между двумя полосами стали. Но

его любимая жёлтая шапка с синим большим помпоном была тут как тут, на голове. Кот же, в свою очередь, возблагодарил Потолочное Разумение, что в капкан попала его лапа, а не хвост.

— «Гррринписа» на них нету! — зло шипел Башкирец, пытаясь разжать ржавую пружину.

Пока вокруг было тихо, но небо становилось муторно темнеющим, что предвещало скорую грозу. А вымокнуть под ливнем коту представлялось ещё более обидным, чем теперешнее пребывание в роли чьей-то добычи. В целом и общем, всё складывалось как нельзя более хреново и чесночно.

— А если придут те страшные и ужасные страннжути, которые тут ловушек этих понаставили? — Загрибука совсем сник.

— Не моделируй! — отозвался Башкирский Кот и щёлкнул пружиной. Капкан открылся. — Видал, астррроном? Победа интеллекта над рабством и насилием! Байрам мэнэн, кэзэрлэ дуслар! Всем кумысу за мой счёт!

Кот деловито обошёл капкан, в котором корчился от тупой боли и уныния Загрибука.

— Сейчас мы тебе выпишем досрочное освобождение! — вжикнул сердито Башкирский Кот отточенными клыками и взялся за второй капкан.

После недолгих мучений с матерными выражениями на многих языках вселенной, он таки разжал тиски.

— Жги да гуляй! — хлопнул лапой Загрибуку по плечу кот. Помпон загрибукинской шапки съехал на нос.

Освобождённый Загрибука обошёл ловушки кругом и сел на траву, оглашая нытьём окрестные поля:

— Чего делать-то будем теперь?

— Доживем до понедельника и узнаем, что такое счастье! — огляделся хищно Башкирец.

— А где это мы?

— Загрибыч, спокуха, главное, что мы свободны и можем шевелить лапами в любом направлении. Шаурррму из нас не сделали, и это радует. Глядишь, коли всё так пойдёт волшебю, то мы и глазом не успеем моргнуть, как свалим отсюда и найдём нашу яркозвёздную дивизию.

— Эх, как они там сейчас?

— Дорррогой коллега, ничто так не омрачает жизнь на этом свете, как мысли о жизни на том. Давай располагать тем, что есть в лапах.

Кот придирчиво осмотрел лапы, но в них ничего не было.

— В путь, пррпрофессор, — изрёк Башкирец. — Иначе...

— Я понял, «иначе» не надо, — поднялся Загрибука.

И они зашагали навстречу своей судьбе.

— *Навстречу судьбе, — повторила томно Сонечка и философски развалилась на тёплом полу, закатив глаза.*

— Ой, что будет! — отозвалась с дивана переминающаяся с лапы на лапу Терюська. — А что будет-то?

— А я знаю? — я погрыз кончик карандаша.

Нет, не подумайте, я не пишу им книгу на пергаментных листах. Современная цивилизация одарила меня компьютером, и потому повествование появляется на свет путём выстукивания буквочек на клавиатуре. Но ведь грызение карандаша для углубления процесса размышления никто не отменял, верно? Поэтому наряду с компьютером на столе у настоящего писателя должна лежать пара карандашей, исключительно для покусывания и загрыза. Рекомендую также для писательского дела обзавестись печенюшками и чаем на расстоянии протянутой руки, чтобы далеко за ними не бегать, иначе мысль может запросто ускользнуть. И никакие Терюськи и Сонечки её уже не поймут. Мысль — не мышшь. Тем более, не плюшевая.

— Ой-ой-ой, — перевалилась Соня на другой бок. — И не таких ловили!

— А ты мысли не подслушивай! — сдвинул я брови в её сторону.

Кстати, я уверен, что всякие там Сони и Терюськи прекрасно слышат и понимают человеческие мысли. Просто они между собой когда-то очень давно договорились строить из себя ни в раз не понимающих и глупых лопухов ушастых, чтобы люди не сели им на шею. И их план оказался весьма продуктивным, ибо люди Сонь и Терюсек кормят, холят и лелеют, чешут им животики и ничего не заставляют делать, в отличие от собак и лошадей. И живут они себе припеваюче и дурака валяют. И собак поэтому частенько презирают, ибо те не выдержали аскезы молчания и дали-таки понять человекам, что, мол, мы многое соображаем с вашего языка. И человеки тут же этим воспользовались и стали шантажировать собак кормёжкой, дабы заставить их на себя пахать по-лошадиному. Жуткая история!

— Вот возьмём и поймем сейчас мысль! — довольно мявкнула Терюська, заговорщески зыркнув на Соню.

— Сачок устанешь подбирать по размеру, орнитолог ушастый! — отмахнулся я.

— Ой-ой-ой, — фыркнула Терюська. — Ну дык чего там дальше с судьбой их случилось? Башкирский Кот нам весьма симпатичен. Верно? — она оборотилась на Соню.

Та важно кивнула и повела задумчиво усами.

А я совершенно обычно по-человечески стал оправдываться перед хвостатыми:

— Дык, чтобы книжку писать дальше, надо же, чтоб жизнь дальше как-то шла, жить как бы что бы... То есть, тьфу...Сами понимаете... В общем, только успевай да записывай! И тут случается самый что ни на есть круговорот жизней во вселенной! То есть, с одной стороны, писатели живут свою какую-то жизнь, с подачи которой пишут свои сюжеты. Собственная жизнь вдохновляет их на идеи, на усердное стучание по клавишам. А с другой стороны, всё написанное реализуется в огромном пузыре мироздания и становится чьим-то опытом. И получается, что жизнь писателя тоже может быть кем-то когда-то написанной, а теперь проживаемой им. Да и вообще, писателям трудно жить! Мало того, что свою жизнь живешь, а ведь ещё жизнь героев надо прожить. Это ж сколько времени потребуется, чтобы все книжки

всех жизней прожить? Одно сплошное «ж»! Короче, не парьтесь, сами всё увидите и переживёте, что я тут напридумывал. А как иначе? Раз придумал — уже есть. Значит, кому-то прожить придётся. А кому? Ясный Пень кому! Вам! Вот тебе и моделирование реальности! Вот тебе и волшебство! Только держись!.. Держи сметану! — закричал я, но было поздно.

Соня и Терюся погнали по квартире банку с остатками сметаны, лихо сдёрнув её со стола. Возня и грохот переместились в другую комнату. А мы за это их ещё и кормим и животики чешем!

Ну ладно, зато теперь можно спокойно сосредоточиться. Стало быть, что там у нас с судьбой?

Поля внезапно кончились. Впереди начинался парк. Именно парк. С ухоженными дорожками, весь заваленный округлыми листьями густо-фиолетового цвета.

— Путь к деррреву знания усеян листьями сомнений! — обернулся Башкирский Кот к Загрибуке, шедшему позади.

— Чего?

— Листочки, говорю, сомнительные!

— И ничего не мнительные! — отозвалось сверху из глубины деревьев. — Обычный базилик.

— Раскrrрути мои улитки! — оторопел кот. — Это кто?

С дерева спускалось чудо в перьях.

— Что это? — ошарашенно замер Загрибука.

«Это» завитками сползло по стволу вниз и предстало:

— Я — продаватель!

— А салями в бакалейкум, продаватель! — только и смог выдавить кот.

— В бакалейкуме шмотьями! Ну, чего надобно? — спросило чудо в перьях.

— Э-э-э... — протянул Загрибука.

— Хм-м-м... — поддержал кот.

— Слушайте, я чего-то не догоняю, — удивлённо воззрилось на них чудо в перьях. — Вы сюда за каким чудом припёрлись?

— Нас заставили, — мгновенно отозвался Загрибука.

— Опаньки, — присело чудо в перьях. — И что, вы ничего покупать не будете?

— Э-э-э... — протянул Загрибука.

— Это я уже в курсе, — раздражённо заметила перьевая чудесятина. — Но коли я — продаватель, в чем я лично на все сто, то вы — покупцы, стало быть. Значит, не перья же мне чесать пришли! Чего надобно?

— К своим в родной аул вернуться нам бы надобно! — твёрдо ответил Башкирский Кот. — Да так надо, что аж прррриспичило.

— Другой разговор, — осела на базиликовую листву чудесатость, роняя пух. — Сколько дашь?

— Что, вот так запросто оно нас отправит куда надо? — удивился Загрибука.

— Про листья сомнений ещё раз напомнить? — услужливо подмигнул ему Башкирский Кот.

— Не надо, — замотал короткими ушами Загрибука, оглянувшись на окружающий его базилик.

— У нас нет ничего, — ответил чуду Башкирский Кот, затем замялся и добавил: — Шапку Загрибыча отдать не можем. Подарррок.

Чудо понимающе согласилось, слегка опав перьями.

— Ну, разве что спеть могу, — встрепенулся кот.

— Очень интересно, — всколыхнулось чудо в перьях. — Такой ч[у]дной торговли у меня ещё не было.

Кот хитро улыбнулся, пряча кровожательные зубы:

— А ты точно знаешь, в какой заданный квадрат нас положить?

— Не промахнусь! — заёрзала пернатая чудность. — У меня вот тоже ничего нет, кроме одного таланту...

— И, кажется, я знаю, в чем этот талант состоит, — закончил за него Башкирский Кот.

Чудесатость встопорщила перья, понюхала воздух в сторону кота и утвердительно кивнула:

— Верно мыслишь. Так и есть.

— Вы о чём? — Загрибука вертел головой то на кота, то на пернатое чудо.

— Заткни уши, — вместо ответа прошипел ему на ухо Башкирский Кот, а вслух громко добавил: — Ну что ж, считай договорились. Я пою тебе рромантическую узбекскую песню про свидание ежа и лошади в тумане, а ты нас на тусняк возвращаешь, гут?

— Давай уже, заводи свой патефон, — чудо в перьях не на шутку разгорелось любопытством.

Кот неспешно и гордо поднялся на задние лапы, выгнул хвост и, прокашлявшись, объявил:

— Старинная узбекская песня о рромантическом свидании ежа и лошади в тумане с последующим неожиданным просветлением их обоих.

А потом базиликовые деревья сотряслись и осыпались поседевшими листочками, ибо...

Ну кто из вас не слышал кошачьих песен по весне?

Башкирский Кот раззявил свою всеядно-перерабатывающую пасть во всю сотню зубов и заорал благим матом на всю поднебесную. При этом вы должны понимать, со слухом и чувством ритма у него и вовсе было напряжно с рождения. Сложность исполнения восточных вокальных партий с их переходами по четвертям музыкальных тонов также возымела место быть и прибавила трагизма. К тому же, как известно, именно те, кто петь не умеет, очень любят это делать и делают от души. Кошачьи глаза помутнели в экстазе и приобрели радужный оттенок бензиновой лужи. Перьевое чудо замахало оперением, дабы прекратить пытку, но было поздно. Кот уже ничего не слышал и истошно завывал на узбекском:

Бипаён уртэмни бир гулбахир

Москванад уларга бахт маёги...

Чудо в перьях зажало место предполагаемых ушей. Зубы, если они у него были, сразу же свело в судороге. Загрибука торжествующе переводил взгляд с кота на встопорщившуюся очудесность, крепко зажав свои уши загребущими ручищами.

— Хвати-и-и-и-ит! — наконец заорало чудо в перьях.

Но Башкирский Кот вскочил и пустился в лезгинку, кромсая когтями листву, заголосив в более высокой тональности неожиданный припев:

Харе Кришна-а-а-а, Харе Кришна-а-а-а-а,
Кришна-Кришна-а-а-а-а, Харе-Харе-е-е-е-е-е-е-е-е!

Чудо в перьях только на мгновение отомкнуло свои уши, чтобы быстро выхватить из своего боку перо и, скривившись от обрушившегося в мозг «Харе Рама-а-а-а-а-а-а-а!», сломало его пополам, буркнув что-то по-тюркски.

Загрибука и Башкирский Кот засияли, словно экран внезапно ожившего от долгой спячки телевизора, и схлопнулись в воздухе пузырями. И только долгое эхо ещё какое-то время замирало среди базиликовых деревьев:

— Рама-Рама-а-а-а-а-а-а, Харе-Харе-е-е-е-е-е-е-е-е!

— Фу-у-у-у, — протянуло чудо в перьях, оглядело самое себя и охнуло. — Пронесло! Триетить твою направо, сколько ж пуха осыпалось зазря! — и оно, кряхтя, полезло обратно на дерево. — Сыскало на свои перья покупателей, не приведи Потолочное Разумение.

От дыхания смерти запотевают сердце

— Я так и думал, что маха-мантра сррработает! — довольно развёл усами Башкирский Кот и устало завалился задом на палубу.

Загрибука вынул длиннющие пальцы из своих ушей и радостно запрыгал.

Рядом с ними сидели ошарашенные Слипел и Дримел. А чуть подальше что-то мутили с канатами Фрикудолька и Йош. Все они снова были на корабле.

— Вы что-то подзадержались, — с улыбкой проворчал Дримел коту и с удовольствием добыл из кармана вновь объявившиеся там папиросы.

— Я немного увлёкся с исполнением древних притч в оперррном стиле, — начал было Башкирский Кот.

Загрибука отчаянно замахал на него руками:

— Только не надо этого повторять!

— Я не знал, пррпрофессор, что вы не любите оперу! — удивился кот.

— Теперь я точно уверен, что совсем не люблю её!

Дримел и Слипел захохотали.

— Да уж, эти двое всегда найдут общий язык! — сквозь слёзы смеха протянул Слипер.

Вместо ответа Башкирский Кот игриво замигал в воздухе, а потом, пропав на мгновение, очутился за спиной Загрибуки, обвил его хвостом и замурлыкал.

Слипер и Дример просто покатались с хохоту.

Башкирец обвёл глазами палубу:

— Ну и что у нас тут делается?

— Высматриваем точку для Прыжка, — ответил Дример и указал наверх.

Там, на вершине мачты, вцепившись в перекрестие рей, сидел Попрыгаец, провисая двумя хвостами, и всматривался в горизонт.

— А где представители гоп-стопа и бандитизма? — поинтересовался кот.

— А мы их сплавил, — радостно заорала Фрикудолька, приближаясь.

— Это как? — Башкирец изогнулся хвостом и бровью.

— Да мы как из Прыжка вывалились вместе с кораблём, они тут сами со страху за борт попрыгали, — Фрикудолька послунявила пальцы и крепче скрутила макаронину из волос на голове, сдвинув попугайский берет. — Пришлось чуть ли не за шкуру их вытаскивать обратно на палубу. А то ведь утопнут, не приведи Потолочное Разумение, а нам потом по карме-матушке отвечай! — Она всплеснула в негодовании татуированными руками: — Язык посинел их уговаривать плыть на шлюпке. Оставаться на проклятом по их мнению судне они и сами не желали. Так что конфликт закончился, не успев начаться!

Тут и Йош подошёл. Он внешне сильно изменился, став похож на приближающегося к пенсионному возрасту знаменитого путешественника Конюха Фёдорова.

— Не обращайте внимания, — предваряя вопросы, ответил Йош, — меня всё время колбасит и сосисит по части внешнего видочка относительно местонахождения. Природа такая, ничего не порисуешь.

Он вытер руки о позаимствованные у команды матросские штаны полинялого серо-белого цвета. Сам он подзагорел, обзавёлся внезапно появившейся бородкой и теперь, голый по пояс, напоминал и сам представителя древней морской профессии «с большой дороги».

— Похоже, вас пораскидало изрядно при Прыжке, — заметил Йош. — Уж и ночь прошла, как Дример первым объявился. Слипер вот следом оформился.

— А вы с Фрикудолькой? — спросил Загрибука.

— А мы и не девались никуда, — тряхнула финтифлюшками в ушах девчушка. — Мы прямо с кораблём сюда и попали.

— Где вы оперу нашли-то? — отошёл от смеха Слипер.

— Набредли на чудо в перьях в заморрском лесу, — лениво отозвался Башкирский Кот. — А потом... Чего-то я плохо помню.

— Зато я помню! — подпрыгнул Загрибука. — Ты так орал узбекскими матюгами, что все листья осыпались.

— Фольклор определяет манеру исполнения! — важно заметил кот, крутанув полосатым хвостом, и обратился к Дримеру: — А вы где шкындырялись?

— Мне пришлось сматываться на скорую руку от психанутого биоробота, — утёр вспотевший от воспоминания лоб Дример. — Хорошо вот мужик один помог. Нормальный такой мужик, хоть и с придурью. В голове у него одни формулы остались после трёхсотлетнего проживания на пару с шибанутой на всю голову искусственной девкой. Но в целом ничё такой дядька. Надеюсь, при обратном моем Прыжке он таки куда-нить в приличное место угодил.

— Жуть-то какая! — округлил глаза Слипёр. — Он что, с тобой сиганул?

— Он меня и отправил к вам! — Дример пустил колечками дым в туманный морской воздух.

Туман, надо сказать, простирался от бортов до оглушающей слепоты густой кефирной консистенции, а потому ни шиша махрового не видать было во всей округности.

— А ты как выбрался? — Дример обратился к Слипёру.

— Пришлось пройти скоростной курс психотерапии у одной бабули.

— Это как? — растянул стальную улыбку Башкирский Кот.

— Тренерша одна по йоге попала на пути. И дед с ней в сподручных. Они меня сообща и шваркнули к вам. Только вот башка до сих пор болит! — Слипёр потёр отшибленный затылок.

— Весело вас на карусельке покатали, — хохотнул Йош.

— Эй, там, на палубе, — заорал сверху Попрыгаец, — вижу впереди ежежуть беспросветную! Валим налево! Нет! Валим направо! Вообще-то по фигам и финикам куда валить, только сворачивайте!!!

Йош встрепенулся:

— Отставить валить на фиги и к финикам! Нам туды и надо, в эту самую ежежуть! Фрикудолька, давай-ка к рулю, держи прямо, а мы тут парусами займёмся.

Фрикудолька побежала к рубке, засучивая рукава пёстрой рубашонки да гремя кольцами и полумесяцами в ушах.

— Чего задумал? — сдвинул брови Дример.

— Скоро узнаете, — улыбнулся Йош. — Скоро вы многое узнаете. Глядишь, если всё пойдёт по маслу, то по домам скоро все окажемся.

Дример, Слипёр, Загрибука и Башкирский Кот молча переглянулись.

И, судя по всему, у всех у них пронеслось в голове одно и то же. А именно: неужели всё-таки придется расставаться? Изначальная цель всего путешествия теперь не казалась им столь желанной, как это было в начале.

— Так, подтяните бом-брамсель! — скомандовал Йош.

— А где тут этот самый бам-бромсель? — спросил Загрибука, почесав шапку на голове.

— Да вот за ту верёвку тяните, — Йош указал на свёрнутый клубок на палубе и тоже принялся тащить какие-то стропы.

Общими усилиями они поставили основные паруса, и корабль начал набирать ход, разрезая неведомую воду цвета безалкогольного мохито со сливками.

Когда курс устаканился и скорость стала стабильной, Фрикудолька зависла на руле, а все остальные сгрудились на носу корабля и стали всматриваться в своё светлое будущее. А оно в данный момент было не очень-то и светлым. То бишь оно было натурально тёмненьким. Таким тёмненьким, как нефть в забытом на краю деревни колодце. Впереди по курсу стала проглядываться ужасающая жуть. Если описать сие в словах челобредческих, то больше всего это было похоже на то, как если бы вы попытались слить воду в унитазе у себя дома в туалете, а вместе с водой туда стала бы смываться вся ваша квартира, и в итоге остался бы только одинокий унитаз, да и он бы слился сам в себя напоследок. Такая вот андеграундная самоисчезающая история.

В центр этой кататонической клизмы и направлял Йош сейчас их корабль.

Даже меланхоличный по жизни Башкирский Кот попятился инстинктивно от такого зрелища:

— Где-то я уже такое видел.

— Я даже помню где, — заметил Слипёр.

— Я тоже, — кивнул Дример, припомнив чёрную дыру у них под ногами во время краткой астрономической экскурсии над Домом Окольцованных.

Йош вынул из кармана заветный ключ и помахал им в воздухе показательно:

— Прошу внимания и доверия, уважительная публика! Я к вам с чистосердечным признанием и нерукотворной объяснительной квитанцией! Верной дорогой шкандыбаем, товарищи, дык сказать! Сейчас в ежежуть эту заползём, покрутимся слегка. Надеюсь, тошнить будет не сильно.

При этих словах Загрибука заранее позеленел, а Йош продолжил:

— Так вот, найдём нужную дверьку, проскользнём на высочайший уровень, аж под самые потолки вселенной, а там я знаю одну заветную калитку, в ней ключик этот и повернём. И вся желаемая уборка вселенской территории грянет нам на голову, смывая фантиками по канавам всех тех, кто не вовремя, не к месту и не по совести! И, тем более, дозировок не соблюдал!

— Геноцид какой-то! — возмутился Загрибука.

— Отставить уничтожение, — улыбнулся Йош. — Речь идёт об очистке совести вся населения от занудных фантазий бытовушных. То бишь все и враз узнают цель и смысл, откуда кто взялся, зачем и почему.

— Глобальное пррросветление? — усмехнулся Башкирский Кот. — И что я тогда буду жрать? Коли все вегетарианцами станут? Поди, колбасы после твоей прачечной ни в одном гастрономе не сыщешь!

— Уж для тебя колбасы найдём! — Йош доверительно склонил голову в сторону кота: — Поди, много кто на расходный материал по переработке завалится по доброте своей же собственной.

— Это как же? — Дример не мог уразуметь сказанного.

— Да так, — подставил ветру бороду Йош, — что совесть, проснувшись, многих замучает, и те сами попросятся на обновление кармы своей. Чтобы с начала всё начать да ошибки свои исправить. — Он помолчал немного, глядя в приближающуюся черноту, а затем с улыбкой добавил: — Поймите, ребцы, нет хуже пытки али наказания какого во вся мирах, чем собственное

раскаяние, последовавшее за внезапным уразумением своей же дурасти и злобнячества. Такие покаянные приступы кого хочешь отправят на кушетку к твоей знакомой бабке! — Йош повернулся к коту: — Так что, уважаемый, можешь не беспокоиться. Телесные свои костюмчики много кто побросает впопыхах нынче же да без насилию какого-либо, чисто из добровольного желания. Знай только в морозилку закладывай. Но есть у меня уверенность, что ты и сам будешь не прочь полакомиться после всего этого исключительно огородным весенним салатиком.

— Я?! — возмутился Башкирский Кот. — Хе, ну это уж вы слишком далече зашли в своих фантазиях.

Загрибука сочувственно посмотрел на кота.

А между тем, дырень сливного отверстия горшка мироздания была всё ближе и ближе. Загрибука посмотрел туда и уже не смог оторвать взгляд от величественного зрелища. И тут вода под кораблем внезапно кончилась, и он повис над головокружительной пустотой адской бездны. Точнее, он продолжал по инерции плыть прямо в воздухе, и уже чувствовалось, как втягивающее движение захватывает его собой.

Слипер и Дример достали из сумки налобные фонари, надели и стали светить вперёд, высматривая хоть что-нибудь.

— Мамочки, — пролепетал Загрибука и прижался к коту.

— Спокуха, пррррофессор, — обхватил его хвостом Башкирский Кот, хотя и сам покрылся невидимыми под шерстью мурашками страха. — Я уж весь вспотел хвостом до самого сердца! Пошто мне смертушка лукаво подмигнула?

— Писяк тебе под широкополосный глаз, Башкир-Ата! — грозно рявкнул Йош. — Ты чего это? Какая такая смертушка? Совсем осознание потерял?!

Слипер подтянул к себе оранжевую сумку и, руководствуясь отсутствием логики, перекрестился и закинул в рот таблетку для очистки воды. Фрикудолька мёртво вцепилась в руль, зачем-то сняла свои тапочки и сквозь мутное стекло рубки отчаянно глядела на Ключника темнеющими по ходу синими китайскими глазами. Йош спокойно стоял на самом носу корабля и торжествующе улыбался. Его застиранные до дырок штаны хлопали и развевались на ветру, который с каждым мигом становился всё более ураганным. Попрыгаец слетел с мачты на палубу и забился под пустые баки для пресной воды, мигая оттуда спидометрическими глазищами. И только Дример, глянув вперёд по курсу корабля, хмыкнул, натянул потуже Шапку-Невредимку и стал спокойно приминать папироску, шурша в другой руке спичками.

— Задержите дыхание! — заорал Ключник, обернувшись.

И вовремя. Ибо в следующий миг что-то резко изменилось, и весь корабль со всей их бравой командой растянулся, словно резиновый, превратившись в иглоподобное копьё, и носом своим вошёл в черноту так же неумолимо и зловеще, как входит тайная иголка в сидалище школьной учительницы. Неприкуренная папироса Дримера, отстав, повисла было в пустоте, а затем также скользнула вослед кораблю.

Глава третья с конца

Я вот о чём хотел рассказать, пока Терюська и Соня спят. Точнее, не то чтобы я желал прямо вот так взять и рассказать это всем и каждому, но просто хочется поделиться мыслишкой залётной. А мысли — они, сами знаете, так и просятся всегда, чтобы ими поделились. Природа у мыслей такая. Не могут они в одиночестве. Впрочем, как и все. Дык вот. Понял я, что взрослые, казалось бы, люди остаются-таки на всю жизнь свои малыши детьми. И вспоминая своих коллег по детскому садiku, теперь могу с уверенностью сказать, что уже тогда, будучи весьма смышлёным, я мог с точностью сказать, кто какой судьбой пойдёт по жизни, кто каким станет, что с кем будет происходить. Не точно по статьям — я ведь не Отстрадамус и не бравый матрос Штурман. Но более-менее главные и явные качества каждого были видны уже тогда, в детсадыке на игровой площадке, словно на морщинистой ладошке дедушки Мытута.

К примеру, вот этот малышонок — привирать любит и под себя гребёт, а тот — хамит и ни во что других не ставит, а третий, наоборот, всех защищает и добрым остаётся там, где прочие злятся. И так далее. И качества эти психологические прилепляются к человеку на всю его жизнь. Ну конечно, если он в своей жисти бытовушной будет жить по-нормальному, по-человечески, а не как мы с вами, дорогие читатели. Ибо если вы читаете эту книгу, а тем более дочитали до этого места, то уж точно вас нормальными назвать никак нельзя. Гы-гы-гы!

Да и не может быть нормальным с точки зрения человека тот, кто хоть раз очнулся в Лесу и, выбираясь из него, столкнулся с самим Потолочным Разумением. И только это обстоятельство в жизни человека кардинально меняет его всего от волоска на макушке до мозоли на мизинце левой ноги. А коли не случилось такого, то и живёт себе дальше малыши этот, набирая натурально вес, обзаводится со временем животиком, бородой и усами (ну уж кто чем), или становится малышня эта грузной тёткой в бигудях с цементным веслом наперевес. А внутренний мир их остаётся прежним. Те же искренние мечтания о сокровенном, что и в детском саду. Желаемое остаётся неизменным в глубине своей. И пути к обретению желаемого тоже остаются старыми, проверенными, нисколько не отклоняясь в маршрутах своих. Только игрушки увеличиваются в размере, меняются в масштабе. Кто хотел в своё время непременно возиться в песочнице с пластмассовой машинкой — глядь, вырастает и возится по той же схеме, но уже с большим железным автомобилем. Кому разбирать машинку эту нравилось тогда — вырастает и начинает подобным образом разбирать вещи по частям, становясь автослесарем или инженером автопрома. Кто головастики и лягушек в пруду ловить любил — становится биологом. Кто в камешках копался — геологом. Кто любил всем уколы травинками делать — стал врачом или медсестрой. И так практически со всеми.

Я к чему? А к тому, что взрослым очень полезно и, я бы даже сказал, необходимо как можно чаще чувствовать себя снова детьми. Играть в глупые радостные игры. Возиться в луже с

корабликами. Бегать наперегонки от сарая до забора. Лазать по деревьям. И конечно, сидеть на крыше и смотреть на облака. Будь моя воля, я бы учредил в каждой стране нашей планеты праздник под названием «День детства». И обязал бы всех взрослых в этот день не только не работать ни в коем случае, но в приказном порядке заставил бы их заниматься весь день детской чепухой. И чтоб дети в этот день обретали бы власть над взрослыми и тщательно контролировали их поведение. Скажем, видит малышня, что взрослый идёт по улице с важным и серьёзным видом, так сразу подходит и приказывает: «Так, быстро перестал думать и полез на дерево! А там сидеть полчаса, пробовать все листики на вкус и кидать фантики в прохожих! Я проверю!»

И так по всей планете. Господи, каким бы чудесным был этот день! И как все взрослые стали бы с нетерпением ждать его очередного наступления!

Иногда так хочется помечтать об этом. И так хочется исполнения такой вот простой мечты. А главное, что её исполнение не требует никаких там затрат, никаких статей расхода бюджета, никаких ответственных политических решений. Просто забить на всё болт с гайкой раз в году. Просто залезть на дерево или на крышу, гулять в парке весь день, печь картошку в золе возле железнодорожных путей за гаражами, пинать мячик, находить и закапывать мёртвых птичек и кошек, устраивая им похороны. И говорить только о космосе, о дальних неизведанных планетах и землях и о чудесах — что, в принципе, недалеко друг от друга.

Взрослым нужно чаще чувствовать себя детьми. Они обязаны это находить в себе. Обязаны перед детьми. Потому что, глядя на взрослых, наши дети боятся взрослеть. Дети боятся. Взрослые поселяют в них страх перед жизнью. Они, дети, не понимают и не верят, что стареет на самом деле только тело, а внутри человек может всю жизнь оставаться молодым, весёлым, бесшабашным и радостным, с чистой и светлой головой, с трепещущим от переполненного счастьем сердцем. Человек может всю жизнь быть лёгким как пёрышко в потоке Реки Жизни. Да, рождается каждый из нас с криком страха и боли, но как прожить эту жизнь и как уходить из неё — решать нам. Мы можем прожить её в радости и уйти с благодарностью в сердце и с улыбкой на губах, счастливые, зная, что и следующую свою жизнь мы проведём так же радостно, ибо уже знаем, как это делается.

Но едва человек теряет лёгкость этого пёрышка внутри себя, как пушинка вдруг выпадает из его груди камушком на асфальт. И тогда он становится взрослым не только телом, но и душой. Именно в этот момент начинается его путь к гибели, его путь во тьму, путь к забвению себя, прочь от радости, прочь от счастья. Навстречу отчаянию и волчьей тоске в глазах, навстречу НАСТОЯЩЕЙ старости.

Поэтому я не только не боюсь перед другими выглядеть в свои тридцать семь зим беспечным и безбашенным парнишкой, но и на самом деле стараюсь всячески, чтобы радость оставалась у меня внутри. Я стараюсь бережно охранять своё пёрышко. Поэтому, проходя мимо детей или находясь рядом с ними, я бурчу себе песенки под нос, дурачусь, строю рожи. Я показываю язык, шучу и устраиваю добрые розыгрыши, таскаю в карманах конфеты для детворы и иногда даже

куски колбасы, чтобы покормить первую попавшуюся на пути кошку или собаку. И я продолжаю одеваться так, как мне нравилось одеваться в детстве.

Я живу так, чтобы дети, глядя на меня, не боялись взрослеть и понимали потихоньку всё больше и больше великую задумку Потолочного Разумения, его мудрость, которая заключается в до смешного простом: тело стареет гарантированно, а вот старение сердца человека зависит только от него самого. Поэтому я ношу своё детство, свой Дом Счастья внутри себя и даю от него ключи только таким же детям, как я сам. Потому что взрослые не умеют себя вести в таких Домах. Они не проходят фейс-контроль на входе в этот Дом, и ангелы-охранники строго указывают им убираться восвояси. Потому что взрослые потеряли своё сердце. Они потеряли ключ от главной двери, в поисках которой и пришли когда-то в эту жизнь. Кстати о дверях, коли уж ключ у нас в кармане...

И кружилось, и вертелось, и ходило ходуном. Что, спрашивается, ходило? Да всё! Ни видать не виделось там ни низа, ни вправо. И градусник был ни к чему вследствие отсутствия какой бы то ни стало температуры. А только было кругом Я да Я. И двери зеркальные. И Я было всем и всюду. И от заглавия до титров всё было сжато в короткую безрекламную паузу. В этой самой ежежуги (а это была именно она, как вы все уже, несомненно, догадались) один лишь Ёш не потерял ни формы, ни самообладания, а вроде как и из дому не выходил, спокойно крутил рукой с выставленным вперёд ключом, ожидая отзыва. И он таки, отзыв этот, не особо заставил себя ждать, ибо времени там тоже не было. И ежежугь съёжилась, оёжилась и превратилась внезапно в обычного ежа, которого столь часто поминали в этой книге. И ёж этот свернулся клубочком, да и укатил под стремительно появившуюся из ничего сосенку по своим ежиным делам. Потому как своё предназначение он уже исполнил только что, а более делать было нечего. Разве что яблоки на иголки собирать да мочить их на зиму. Яблоки-то всегда пригодятся! Это и ежу понятно. Верно? Эй, ёж!

Картина была проста и спокойна. Все не раз уж описанные выше туристы стояли в пустой и прохладной, не особо просторной комнате с выбеленными стенами и потолком. Кстати, пол был тоже белый. Ну разве что немного застиранный, как и матросские штаны Ключника. Окон не было. Мебели не наблюдалось. Попросту говоря, в комнате ни шиша не было, кроме её самой да семерых матросских новобранцев во главе с Ёшем. И посередь одной из стен белела дверь. И всё. И никаких там тебе вывертов с вензелями, ни гламурных шкафчиков, ни кроватей с балдахинами, ни алтарей со стекающей кровью третьей положительной группы. Просто штукатурка и белила кругом. Причём, коли спросите, какой марки и чьего производства — не отвечу. Дверь была тоже, надо сказать, так себе, без всякого намёка на дизайн, словно она вела в подсобный кабинет невропатолога в районной поликлинике. Надпись «без бахил не входить», понятное дело, также отсутствовала. То есть, иди в чём хочешь и куда хочешь. Что значит, как вы понимаете, только одно: пойдёшь, милый, без вариантов, в чём есть, в единственную дверь. Такие дела. Таков уж

юмор у нашей матушки-вселенной. И в этой самой двери была единственная замочная скважина для единственного ключа. И захочешь — не ошибёшься.

Йош крутил ключ в пальцах:

— Ну, все готовы?

— Как тебе сказать, уважаемый... — издалека начал Башкирский Кот, помигивая полосатостью.

— Ломай этот сейф, — уверенно проговорил Дример, пряча руки в карманы лёгного комбинезона, — а там поглядим, что за регистратура за дверцей скрывается.

Слипер молча кивнул и подтянул сумку за спиной. Фрикудолька пыщнула жевачкой. Загрибука прижал уши в знак вынужденного согласия, и его шапка с помпоном съехала набок. Попрыгаец мялся с ноги на ногу. Все нервничали. Дык понятно. А вы сами не нервничали бы в такой ситуёвине?

— Пошли, Йош, — рыкнул пастью Попрыгаец и отбил нервную чечётку двумя хвостами. — Случайностей не бывает. Коли мы тут все оказались в очереди за номерками, так то и было задумано Потолочным Разумением. Пошли.

Йош быстрым шагом подошёл к двери и сунул ключ в скважину. Ключ осветился ёлочной игрушкой, и по нему поплыли значки и указания на непереводаемом без словаря языке. Ключник обернулся и, увидев решимость на лицах команды, повернул ключ и толкнул дверь. Все выдохнули. За дверью оказалась ещё одна такая же комната.

— Та-а-а-к, — протянул Башкирец, — веселье только начинается.

И тут кто-то негромко прокашлялся у них за спиной. Все разом резко обернулись, забыв напрочь про распахнутую дверь. А там, у них за спиной, стоял собственной персоной Стрелочник Белочкин с Грызликом на поводке.

— Вот как бывает, где лета звонкий крик... — пропел Белочкин, улыбаясь.

Все радостно загалдели и обступили Белочкина. Его тут же познакомили с Фрикудолькой, которая в свою очередь была сшиблена с ног очаровательностью и напором Грызлика. Пёс попросту свалил её на пол, усердно топоча от радости ей в грудь передними лапами.

— Шыбзик! — радостно орала Фрикудолька. — Вот те два! Ты откуда тут?

Слипер и Дример только пожали плечами, чтобы вовсе не поехать крышей.

С Йошем Стрелочник вежливо поздоровался и по-братски похлопал его по плечу:

— Светлых дней, коллега. Передавайте от меня поклон Самому. Пожелайте от меня ему беспечного счастья и безраздумий, а то его скоро дедушка Мытут окончательно занянькает.

Тут у Слипера, в свою очередь, рванул мозг в освещённом направлении, и он вспомнил дедушку Мытута, собственно, уразумев и дедушкин статус. Поэтому он присел на пол, обхватив голову руками, и только закачался.

— Да-да, браток, — понимающе и ласково сказал Белочкин Слиперу. — Вот так часто и не знаешь, с кем по ладошкам хлопаешь! Дедушка Мытут наш вот уже много калып нянчится сам теперь знаешь с Кем.

— То есть Оно Самое живёт в той самой деревеньке... — изумлённо начал было Слипер, но Белочкин поспешно закрыл ему рот своей ладонью.

— То знать не надобно вачепта, друже! — склонив голову с хитрецей, проговорил Стрелочник. — Но коли уж узнал, помалкивай. А то у нас тут один писатель давеча прознал про это да книжки стал писать о том, а потом внутри своих же книжек и оказался. Так теперь по кругу и мечется. Сам же, в своих рассказах сидя натурально, дальше придумывает, куда опосля сюжет двинется. Осторожнее надо быть с разумениями своими! — Белочкин поднял палец, сверкнув круглыми мутными очками.

— Так что? — повернулся он к Фрикудольке. — Твой пёс, шо ли?

— Мой! — радостно взвизгнула она. — Давно ещё потерялся. Уж думала, всё. Ещё когда в эльфийской школе эксперименты проводили по перемещению, оказия приключилась. Он постоянно лез под ноги, я и махнула на него рукой, мол, не мешай. А на руке уж заклинание было намотано. Он и пропал. Сразу и весь. Как сквозь землю провалился. Я сначала подумала, недалеко куда-нить закинуло его, по запаху найдёт, вернётся. А он и вовсе пропал. Я потом искала-искала...

— Осторожнее надо быть с собаками, — покачал головой Белочкин. — Всё ж как-никак друг, понимаешь!

— Буду, дяденька Белочкин, буду! — Фрикудолька радостно тискала Грызлика-Фрунзика-Шыбзика.

Тут вдруг за стенкой комнаты что-то затряслось и затарахтело.

— От, кажись, ваши пожаловали! — вскинулся Стрелочник и крутанул в воздухе пальцем в направлении содрогающейся стенки.

Та вдруг растаяла на глазах, а за ней в абсолютной облачной невиданности парил серьёзный агрегат летательного предназначению. Нелепый, бордового цвета, угловатый, квадратнофюзеляжный птеродактиль. Болтики и шпунтики торчали из него по всем бокам, пружинки и зажимчики тряслись, крылья держались на честном и порядочном слове, а в кабине, приоткрытой для дежурного проветривания, восседали Дух Кого и Мора.

— Слазь сюды! — коротко скомандовал Белочкин.

Те пришвартовались как смогли к плинтусу комнаты. Слипер и Дример подтянули летательный агрегат за киданутые с борта верёвки. Мора заглушил мотор вентиляторного типа, и — о чудо! — вимана осталась висеть, словно прибитая гвоздями, и даже не просела нисколько.

— Похоже, вся рота явилась на построение, — радостно заметил Стрелочник Белочкин, потирая ладошки, пока все перехлопывались по плечам и жали друг другу лапы и руки.

Белочкин махнул рукавом, и стена опять стала твёрдой и белоштукатуренной. Аки и была. Самоль остался где-то за бортами реальности. Только верёвка из-под плинтуса уходила куда-то сквозь стену наружу. Белочкин откашлялся, и восстановилось молчание.

— Тут вот какое дело, — заговорил он. — Раз уж вы привели Йоша с ключом и все сюда добрались, то хочу предупредить. За этой дверью прочих калиток таки ещё очень много. Счёта им нет, а число их зависит от числа пришедших по их душу, так сказать. И каждая комната имеет

одно и то же предназначение. А именно: комнаты исполняют желания. Быстро, оперативно, без проволочек с документами. Короче, никакой бюрократии. Пожелал — на, получи. Но коли пожелал чего — вместе со своим желанием и исчезнешь из комнаты восвоеси, в ту точку пространства и времени, где твоё желание уже вроде бы как и сбылось. Пока всё понятно?

— Не лопухи какие! Чего тут невменяемого? Всё адекватно современным запрросам цивилизованного общества! — Башкирский Кот отёрся хвостом об Стрелочника. — Ты говори дальше. Уши наши в напряжении, не волнуйся.

— Рэхмэд, Башкир-Ата, — поклонился Белочкин. — Тады далее. По ходу получается, что в каждой комнате вы будете оставлять кого-то из своих. И только пройдя все комнаты по числу здесь присутствующих, последний, — он посмотрел на Йоша, — попадёт в комнату с крайней дверью, которая ведёт из нашей вселенной во тьму тараканью. И как только Ключник откроет эту дверь, тьма тьмущая тараканья тут же рванётся в наш мир и вызовет защитную реакцию.

— Это как прививка от болезни, — сообразил Слипер.

— Точно, дружище! — радостно воскликнул Белочкин. — Абсолютно точно! И вся наша вселенная проветрится антителами, дабы обновить общее состояние организма, выйдет, так сказать, на новый этап развития к более устойчивому состоянию здоровья. Как говорится, «вирусная база обновлена»!

Все переглянулись.

— Одна комната — одно желание — один клиент, — продолжил Стрелочник. — Когда все выходят в следующую комнату, один остаётся в предыдущей. Только тогда дверь закрывается. И этот один оставшийся будет генерировать желание с комнатой один на один. Всё понятно?

— Как Ясный Пень! — кивнул Дример. — Но есть загвоздь у нас шурупный на сей счёт, — он почесал лоб под шерстяной Шапкой-Невредимкой.

— Слушаю, — Белочкин опустил нос, и все слегка попятись, чтобы случайно не заглянуть ему в глаза, прятаящиеся за очками.

— Нам никак по одному не остаться в комнатах, — твёрдо ответил Дример.

— Нам бы вот Фрикудольку до дому вернуть с Грызликом, — поддержал Слипер, — а то ей там государственный статус нависает. Типа, она вроде как должна народом своим править и всё такое. Её ж этому и посылали учиться, да и предки с ума сходят уже, небось.

— Сходят, — пригорюнилась Фрикудолька.

— Нам бы и господина Кого пустить в последнюю комнату бы, — выступил вперёд Загрибука, — Он ведь за тайнами вселенной пришёл.

— Я всю жизнь мечтал посмотреть на другую вселенную, — поклонился Кого, — а так как я уже и есть дух, и тело у меня — одна видимость, то я бы предпочёл продолжить свои исследования мироздания в иной реальности. — Он погрузился: — Но, как я понимаю, дверь в другую вселенную находится в последней комнате, а туда более необходимо попасть господину Йошу. Так что я зря сюда явился, похоже. Ибо других желаний у меня нет. Буду искать обходные пути.

— Что касается меня, — заговорил Мора, — то моё желание уже практически исполнилось. Я столько был слышан о других мирах и об историях с Ключником, что хотел повидать его самого, — он поклонился Йошу и улыбнулся. — И... — он замялся.

— Что? — спросил Белочкин.

— Я хотел бы увидеть само Потолочное Разумение. Но понимаю, что Его увидеть мне вряд ли будет возможно.

— Та-а-а-к, — уклончиво протянул Стрелочник. — Ну а вы что, профессор? — он поворотился к Загрибуке.

Тот потупил глаза и выдохнул:

— Столько всего хотелось... Я домой хотел попасть. Но уже не помню, где это, да и зачем мне туда. Я хотел узнать тайны мироздания, — он благодарно взглянул на Кого, — но я уже узнал главную тайну всех вселенных.

— Какую же? — взлетели брови Белочкина.

— Самая главная тайна — это дружба, — ответил еле слышно Загрибука и повернулся к своим друзьям, сразу воспряв и возмужав голосом. — В этом долгом поиске я нашёл своих настоящих друзей. И теперь я избавился от самого главного, что меня грызло изнутри всю ту мою жизнь, которую я помню. От одиночества и от страха, — Загрибука улыбнулся и затрепетал ушами. — Поэтому я хотел бы только одного. Я хотел бы остаться с ними, куда бы они ни пошли, — и он подошёл к Дримеру и Слиперу, пожав им руки, а затем сгрёб загребущими ручищами в охапку Башкирского Кота, уткнувшись в его мех.

— Я думаю, — сказал кот, ласково погладив хвостом по голове Загрибуку, — что за меня и так только что всё было сказано. Мама, наверно, с ума сойдёт, конечно, так меня и не дождавшись, но я не могу и не хочу бросать своих, ибо за это время они стали мне настоящей семьёй. Я с вами, ррребцы, — и он вжикнул сотней зубов в ослепительной улыбке и крепко обнял Загрибуку.

— А вы сами-то что думаете? — спросил Белочкин Слипера и Дримера.

— Хм, — хмыкнул Дример, сняв Шапку-Невредимку. Он полез в карман, достал папироску, чиркнул спичкой и, закурив, неспешно, с хрипотцой, проговорил: — Загвоздь у нас тут шурупный, начальник, аки я ужо и говорил давеча. Мы навроде как с братцем тож хотели до хаты мотануться. Да только Загрибука прав. Хата нас сама нашла и догнала. Теперь наш дом — это они, — он мотнул головой в сторону Загрибуки и Башкирского Кота. — Куда ж нам теперь всем вместе? Один пёс знает!

Грызлик радостно завил хвостом и оглушительно залаял.

— Мы вроде как привыкли все вместе ходить вдоль и поперёк по всей нашей матушке-вселенной, да пока ходили, смысл и цель всего этого нашего путешествия потеряли вовсе. А точнее, само наше праздношатание по ней стало для нас и смыслом, и целью, которые принесли нам радость быть вместе. Мы просто действительно хотим оставаться рядом друг с другом! Всегда, — и Дример по-отечески ласково глянул на Загрибуку и кота и взял за руку Слипера.

— Нам нравится вместе путешествовать, — договорил за брата Слипер. — Дорога стала нашей жизнью и домом. Так что мы и не знаем, чего теперь просить. Разве что Башкирцу надо бы домой навеститься хоть разок, чтоб маманя не волновалась. Я думаю, теперь с нашими навыками и опытом мы его родню враз сыщем, верно? — он засмеялся, оглянувшись на кота.

— А чё? Точно! — мявкнул Башкирский Кот весело. — Найдём без вопросов. Маманя нас с подаррочками встретит! А у нашей братии, у сфинксов, сами понимаете, что за подарочки, — он ухмыльнулся, — сплошь знания несусветные, — он подмигнул Загрибуке, — да умения магические, — и кот кивнул Дримеру и Слиперу. — Так что мы в накладе не останемся полюбому.

— А вот вырастет наш дружище Башкир-Ата, — встрял Слипер, — дык будет у нас знакомый сфинкс в округе! Тоже ничего! Сдуй мои пилюльки! Хе! — Он потрепал кота за ухом.

— Так ты нас рассуди сам, дядя Гаврила, — глянул в очки Белочкину Дример. — Чего просить-то лучше, чтоб всем и каждому нам досталось? Чтоб вместе общее счастье схлопотать? — Он помялся. — Может, комната нас всех четверых за одного примет? Мы ж все тут, поди, почти срослись в одно.

Тут Белочкин хитро прищурился за очками:

— В одно, говоришь, срослись?

Он призадумался. Все замолчали. Дверь в следующую комнату так и оставалась распахнутой, словно молча приглашала войти.

— Ну ладно, — как бы вышел из задумчивости Стрелочник и обернулся на Попрыгайца: — А ты-то с каких таких проблем сюда попал? Уж ты-то можешь вообще куда хочешь скакать и летать! Тебе что в этом мире сигать, что в другой свои пэньг-пэньг выделывать — одна редька да хрен! И даже дверь в последней комнате тебе для этого не нужна!

Тут все воззрились на Попрыгайца.

— Опаньки, — икнул Башкирский Кот. — Ну мы-то ладно, лопухи, а ты-то, Ключник, куда глядел? Ты ж Попрыгайца сразу признал! Ты не знал, что он может из нашей вселенной в другую прыгать?

— А я знаю, откуда он тут появляется и куда исчезает? — стал оправдываться Йош. — Ну, встретил пару раз. Вжик — появился. Вжик — исчез. Ну, помог пару раз мне, а пару раз я его выручил. Дело ж такое. Что мне ему, допрос учинять с пристрастием «когда и где вы родились»?

— Дык чего ж ты с нами таскался? — изумился Слипер на Попрыгайца. — Ты ж мог в любой момент свалить куда хошь!

— Не мог, — грустно поник головой Попрыгаец. — Память у меня отшибло. Карты стёрлись. Сам не знаю, как так получилось. Доизучался на свою голову. Думал, коли прыгну не напрямик, а вывернувшись наизнанку, то обману законы вселенские и попаду куда-нить в иную плоскость. Ну то есть выше по уровню.

— Это как, триетить мои печёнки, вывернувшись? — спросил Дример.

— Нет-нет, тут показывать не надо! — заторопился Загрибука, испугавшись, что Попрыгаец прямо сейчас вывернется на пол кишками наружу. А такого зрелища он сейчас вынести был явно не в состоянии.

— Объясни им, — грустно опустил на пол Попрыгаец, обратившись к Белочкину.

— Тут, ребята, дело такое, — медленно начал Стрелочник, за козырёк сдвинув фуражку к затылку. — С грифом «секретно», понимаешь ли. Суть в том, что Попрыгаец — не как вы. Он существо многомерное.

— В каком смысле? — перебил Загрибука.

— А в таком, что он — не одна личность, как вы все, взятый каждый по отдельности.

— Вот это шиза так шиза! — присел на корточки Слипер. — Бабе-Ёге такой клиент и в розовых мечтах не снился!

— Наш друг — конгломерат нескольких существ, слитых воедино коллективным сознанием в одной форме, — Белочкин поправил на носу опасно сползающие очки. — И к нему, по правде говоря, нужно обращаться не на «ты», а натурально на «вы», потому как его сразу много. Его несколько. А точнее, четверо. Попрыгаец является существом более высокого порядка. И в его памяти, в нормальном её состоянии, — он внимательно изучил Попрыгайца взглядом, — хранятся естественным образом все возможные маршруты передвижения по всем материальным вселенным нашего пласта реальности.

— То есть, коли речь зашла о нашем пласте реальности, — встрял опять Загрибука, — то получается, мало того, что в нашей вселенной миров не счесть, и рядом с нашей Небесной Загогулиной находится таких же ещё куча, дык ещё школупается что-то уровнем выше над всем этим?

— Было бы неосмотрительно считать, что вся жизнь ограничивается несколькими десятками миллионов вселенных, — ухмыльнулся Белочкин. — Конечно, есть и над нами миры, а за ними ещё есть, и дальше тоже есть.

— Катет мне в гипотенузу, — сел, охваченный представившейся масштабностью Загрибука на пол и обхватил голову загибающимися ручищами.

— Речь идет о движении в принципиально ином направлении, в ином измерении бытия, в сторону развития самоосознания как такового, — склонил голову набок Белочкин и сунул руки в карманы своей оранжевой жилетки, отчего сразу стал похож на обычного одесского путейца. Только семечек ему сейчас не хватало.

— Дык чего ж с Попрыгайцем-то нашим? — озабоченно оглядел тигрокрысную ящерицу Йош.

— Память отшибло, связь между личностями нарушилась, — ответил Стрелочник. — Короче, по-ихнему это не более, чем бронхит. Спокуха. И вот у меня какая есть идея, — он обвёл всех торжествующим взглядом. — Есть вариант всех блох переловить и собаку не тронуть! — он с любовью глянул на Грызлика. — То есть, чтобы и овцы были целы, и волки чтоб гламурно отдыхали.

— Ну? — потянулись Слипер и Дример.

— Первым в комнате останется Мора, — утвердил Стрелочник.

— А я-то за что?! — вскинулся Мора.

— Ну ты же хотел Потолочное Разумение увидеть?

— Хотел.

— Вот и загадаешь познакомиться с Ним. А я подкорректирую кое-что на ходу.

— Ой-ой-ой, это как? — Мора занервничал.

— Я думаю, мы можем устроить так, что ты не только увидишь Его, но и подружишься весьма близко! — усмехнулся Белочкин и сквозь зубы тихо про себя добавил: — А то дедушке Мытуту давно уже пора отдохнуть от трудов праведных. — Вслух же он объявил: — Так что тебе, как bravому пилоту, испытателю всея и всего, и идти первому, и гляди мне, — он грозно сдвинул брови, отчего круглые стекляшки очков опасно покосились на переносице, — чтоб твёрдо в головушке своей обозначил заветное и мозгами не ёрзал на гололёде сомнительности!

По виду Мора было ясно, что он по-прежнему сомневается в успехе предприятия, поэтому Белочкин снял с себя суровый вид и уже добренько, по-дед-морозовски добавил:

— Верь мне, парень, всё будет наилучшим образом! Да и друганы твои тебя сыщут! Только мозгой не по делу не маши.

— Ну хорошо, — Мора расслабился и стал морально готовиться к подвигу.

— Тэк-с, брекекекс, — Белочкин заломил лихо фуражку. — Во второй комнатухе у нас останется Фрикудолька. Ну, тут проблем нет. Всё понятно. Правда, ты же с собакой пойдёшь, и неизвестно, что там собака вместе с тобой надумает, — он с сомнением развёл руками.

— Он умный, — возразила Фрикудолька, — я знаю. Так что за нас не волнуйтесь. Шыбзик! Домой, да?

— Аф! — радостно гавкнул изрядно и во всех отношениях подобревший на ангельских харчах Грызлик.

— Хоккей, дык сказать, с клюшками! — устаканил Белочкин. — Стало быть, решили вопрос. Теперь, как кричат обычно в пункте сдачи стеклотары, сле-е-еду-у-ующи-и-и-й! А следующими пойдёте в полёт вы! Третья комната — ваша! — он указал поочерёдно на Дримера, Слипера, Башкирского Кота и Загрибуку.

— Что, все сразу? — спросил Дример недоверчиво.

— Именно! Все четверо, — радостно захихикал Белочкин. — Есть у меня одна теория, и, будем надеяться, она сработает и окажется верной.

— Ой-ой-ой, — усомнился Слипер. — Дядя Гаврила, вы уверены? За что ж нас под ножи на опыты?

— Спокуха, отрок! — сделал под козырёк Стрелочник. — Всё будет зер гут! Я вам как врачеватель душ говорю! Думаю, вам объяснять ничего не надо. Вы хотели быть вместе?

Все четверо утвердительно кивнули.

— Вот и будете! Да ещё и с прибавкой жалованья и продвижением по службе.

— По какой службе? — спросил Загрибука.

— Служба ваша впереди! За службой вы потом ко мне наведаетесь, я вам всё опосля расскажу, — пообещал Белочкин.

— А как мы вас найдём-то? — удивился Дример. — Вы ж за Внешним Кругом живёте!

— Найдёте! — улыбнулся Белочкин. — Ещё как найдёте! Опосля енттой комнатушки вы всё и всех найдёте!

— Что, и Мору найдём? — подмигнул Море Башкирец.

— И его, и господина Кого, и к Фрикудольке ещё пожалуете на коронацию!

Все расслабленно вздохнули.

— А далее самое трудное, — посерьёзnel Белочкин и повернулся к Йошу: — Вы, коллега, тоже пойдёте не один.

— Мне нельзя, — ответил Йош, — и ты это знаешь.

— Думаю, можно и это правило обойти, — успокоил Белочкин. — Вселенная — не дура и не стервозная тётка в прапорских погонах. Она мудро оставила нам все лазейки. Так вот, Ключник, ты пойдёшь с Попрыгайцем и господином Кого.

— Как? — растерянно спросил Йош.

— А вот так, — ответил Белочкин. — Вы, господин Кого, ведь по сути являетесь чистым духом?

— Верно, — ответил Кого.

— И вас сдерживают исключительно параметры духовной жизни в нашей вселенной?

— Тоже верно.

— А вы могли бы произвести захват господина Ключника?

— Вы говорите об одержимости духами? — изумился Кого.

— Именно, — кивнул Стрелочник.

— Могу! — радостно кивнул Кого, всё уловив на лету.

— Ой-ой-ой, — скривился Йош. — Но ведь я не смогу контролировать свои действия!

— А какие твои действия? — ухмыльнулся Белочкин. — Комната тебя распознает по физическому отпечатку. А ключ в скважине может за тебя и Кого повернуть!

— Вот это да-а-а! — обалдел от такой возможности Кого. — Я и мечтать о таком не мог! Это же я запущу перезагруз всей вселенной!!!

— А вдруг ключ не признает меня, если во мне будет сидеть ещё один дух? — спросил с опасением Йош.

— У меня есть подозрения, что узнает, — улыбнулся Стрелочник. — Покривится, конечно, подумает, порассудит, но таки признает! Господа офицеры, риск — дело благородное!

Йош всё ещё мялся опасно.

— Ну помилуй, Ключник, — укоризненно зашепелявил Белочкин, сняв фуражку и утерев лоб, — ты же сами видишь, какова ситуация, и понимаешь, что она тут и здесь же произошла неспроста. Я просто пытаюсь сложить головоломку в сторону разумного выхода со всеми

морально вытекающими последствиями. Так что, как говорят гипнотизёры, откройте свой разум, и «Добро пожаловать, господин Кого»!

— Ох, — присел на корточки Йош.

— Не волнуйтесь, Ключник, — заверил его Кого, подойдя и положив эфемерную руку на плечо. — Я буду чрезвычайно аккуратен с вашим телом. И до конца времён я буду благодарен вам за предоставленную возможность совершить такой поступок.

Йош глянул снизу вверх на Кого долгим взглядом, затем вздохнул и ответил:

— Ладно, так тому и быть. Я доверюсь вам.

— Благодарю! Покорнейше благодарю! — поклонился Кого и ещё раз доверительно сжал плечо Йоша.

— Ну вот, ещё одно серьёзное дело порешили, — потёр руки Белочкин.

— Но что с Попрыгайцем? Он ведь пойдёт с нами! — Йош снова встревожился и обратил свой перепуганный взор на ангела.

— Попрыгаец вообще вне нашей компетенции и юрисдикции, — помял подол оранжевой жилетки в руках Стрелочник. — Я уверен, что любая комната его пропустит и так, и эдак, и как хочешь. Но лучше, если он пройдёт через последнюю дверь естественным порядком, то бишь своими лапами. Сразу через Крайний Барьер. Это восстановит его внутренний баланс и память.

— Я доверяю вам, — изящно склонил панцирную голову Попрыгаец.

— Ну вот и славненько, — хлопнул в ладоши Белочкин. — Заседание главкома считаю закрытым. А мне пора. Дел много. Чую я, скоро в моей кухне опять будет гостить четвероногий друг.

— Нет-нет-нет! — запротестовала Фрикудолька.

— Да я не о твоём друге, — успокоил её Стрелочник, — не о Фрунзике. Но уверяю тебя, во вселенной сто-о-олько бездомных кошек, собак, хомячков и ещё мышь знает кого! И так или иначе, но пару раз в столетие мне приходится брать к себе какого-нибудь заблудшего и потерявшегося питомца, — и он ещё раз отечески погрозил пальцем Фрикудольке. — Следуйте строго инструкциям, и всё будет в ажуре. А я пойду прибираться в квартире, мыть посуду, а то ведь скоро будет большая стирка, верно? — Белочкин подмигнул Ключнику.

— Да уж, — ответил тот.

— Кстати, Дример, — ангел хлопнул себя по лбу, — ты ножичек-то свой оставь. Туда с оружием нельзя.

Дример молча вытащил нож и вручил Белочкину. Тот упибал клинок в карман служебной оранжевой жилетки.

— И ты, — ангел указал на Слипера, — рюкзачок свой давай сюда. Он тебе тоже не к селу будет там.

Слипер снял сумку-непромокашку и отдал Стрелочнику. Тот закинул её за спину и добавил:

— Потом верну, коли понадобится, — он усмехнулся.

— Прощайте, — сказал Дример.

— Прощайте, — повторил Слипер.

Загрибука поник головой.

И только Башкирский Кот мурлыкнул что-то по-кошачьи и осклабился металлорежущими зубами в улыбке.

— Вы так ничего и не поняли, оболтусы! До встречи на кухне! — сказал Стрелочник Белочкин, надел фуражку, поправил козырёк, а затем замигал в воздухе, что твой стробоскоп на сельской дискотеке, и вовсе пропал.

— Ну что, пошли? — поднялся с корточек Слипер и обернулся на дверь. Она всё ещё была распахнута.

— Пошли, — ответил Дример.

— Пошли, — отозвался Загрибука.

— Дык, алга! — ухмыльнулся Башкирский Кот и размял лапы.

— Пойдёмте, — Йош кивнул Фрикудольке и Кого, чтобы они шли вперёд.

Все поочерёдно переступили порог следующей комнаты.

Мора же остался стоять посреди первой комнаты.

— Семьсот футов под фюзеляжем, брррателла! — подмигнул ему кот, замыкающий шествие.

— Аг-г-г-а, — неуверенно ответил Мора.

— Не дрейфь, — мявкнул Башкирский Кот с порога, — Белочкин сказал, что мы тебя найдём. Значит, найдём! Он не ошибается. Так что готовь мадьяру!

— Хорошо, — потеплел взглядом Мора и принял стойку солдата, получающего награду на плацу перед строем: — Я готов! Тридцать два винта мне в лоб, я ведь сейчас увижу само Потолочное Разумение!

— Увидишь, увидишь! Потом расскажешь! — Кот клацнул сотней кинжалов в пасти, улыбнувшись. — Покедова, Мора!

Кот убрал лапу с порога. Дверь мгновенно среагировала и с оглушительным треском захлопнулась.

Все притихли. Но за закрывшейся дверью не было слышно ни звука.

— Ну что, дальше, как и договаривались? — спросил Йош.

Все кивнули.

— Идите, не волнуйтесь, — сказала им Фрикудолька, опускаясь на пол и держа на руках Грызлика-Фрунзика-Шыбзика. — С нами всё будет хорошо. Я чую. А феи в чутье не ошибаются, — она слегка вымученно улыбнулась. Было видно, что ей страшно, но виду она старалась не подавать.

— Точняк коррролевская кровь! — развёл усами Башкирец и мотнул ими в сторону следующей двери: — Давай, завхоз, отпирай свой амбар!

Йош провернул ключом по той же схеме следующий замок, и такая же белая бесприметная дверь послушно отворилась в следующую такую же побелённую комнату.

— Пошли, — кивнул Дример.

Все, уходя, помахали Фрикудольке.

— Держись, Фрикудолька, мы скоро, — смело и твёрдо обещал ей с порога Загрибука.

— Не парьтесь, чуваки, всё будет гут-гут! — улыбнулась, стуча от страха зубами, Фрикудолька и лопнула пузырь жевачки: — Пыц! Приму вас по-королевски!

Дверь закрылась.

— Теперь вы, — окинул взглядом четвёрку друзей Йош, стоя посреди следующей комнаты.

Дример посмотрел на всех по очереди. А потом обнял Слипера и сказал:

— Спокуха, братан, всё будет нормально. Нас уже ничем и никем не разлучишь.

— Я верю Белочкину! — кивнул ему согласно Слипер и притянул Башкирского Кота и Загрибуку.

Они встали в круг, обняв друг друга за плечи.

Дример поднял голову:

— Надеюсь, до скорого свидания, господин Кого! Тебе, Попрыгаец, наше немереное челобредческое спасибо. Так же надеюсь, что мы ещё не раз увидимся.

При этих словах Попрыгаец едва ли не в первый раз за всё их знакомство улыбнулся, если можно назвать улыбкой ощеренную зубами змеиную пасть.

— Ну и тебе, Ключник, удачи! — Дример серьёзным долгим взглядом посмотрел на Йоша. — Надеюсь, после твоей взбучки вселенная станет хоть немного более приятным местом!

— До скорого! — кивнули Кого и Йош.

Попрыгаец проверещал что-то на своём родном наречии. Видать, честь оказал.

— Хлопай ужо калиткой, не тяни кота за... — на этих словах Башкирского Кота под общий хохот бравой четвёрки дверь захлопнулась.

Вот и последняя комната. Ничем не отличающаяся от остальных предыдущих. Но все трое — и Йош, и Кого, и Попрыгаец — знали, что за этой дверью лежит нечто. Пусть знакомое для Попрыгайца, но совершенно чуждое Йошу и Кого. Там, за дверью, лежала совсем другая вселенная. А точнее, то, что отделяло вселенные друг от друга.

Ключник быстро сел на пол, закрыл глаза и одними губами прошептал:

— Давай.

И Дух Кого преобразился, сбросив с себя антропоморфную форму вместе с одеждой. Он съёжился в извивающуюся полоску тумана, которая, приноровившись, вдруг юркнула прямо в Ключника.

— Ох, — только и сказал Ключник.

А затем встал с совершенно остекленевшими глазами и пошёл к двери.

Йош вынул ключ и приблизил к скважине замка. Ключ оставался обычным чуть ржавым ключом.

— О нет, — проскулил Попрыгаец.

— Нет, — повторил Йош-Кого, — получится.

Он закрыл глаза, и ключ мало-помалу стал светиться.

— Рано, — сжатым ртом проговорил Йош-Кого.

Ключ набирал свечение, по нему побежали знаки и буквы.

— Рано, — снова прошептал Йош-Кого, прикрыв глаза.

И вдруг ключ ярко вспыхнул и превратился в чистый свет, да такой, что Попрыгаец, даже зажмурив глаза, завыл от нестерпимой боли, ибо этот выжигающий свет буравил ему глазницы даже под закрытыми панцирем веками.

— Давай, — простонал Йош-Кого с закрытыми глазами.

И Кого вставил ключ в дверь рукой Ключника с первого раза, ни на йоту не промахнувшись.

Раздался мерный писк аварийного механизма. Затем завывла сирена.

— Внимание, вселенная 0208/72 — перезагруз! — громыхнул механический голос со всех сторон, щёлкнули тяжёлые замки, и дверь открылась.

Ёксель-дрексель

Дорогой читатель, ты же помнишь, что книжка эта пишется как на душу придётся. Вот и сейчас я воспользуюсь своим правом воротить в ней, что хочу. А своротить имеется желание в сторону далёкого и светлого прошлого. Надо было бы, конечно, описать всё это в самом начале книги, но у вселенной есть странное правило: чем разумнее и нормальнее человек, тем больше у него всё в жизни происходит шиворот-навыворот. На месте заумных и учёных я бы всерьёз озадачился этим фактом, явно намекающим на следующее: наш мир, как и все порядочные миры вокруг нас, существует в неразрывной связи с какими-то антимирами, часть которых мы носим в себе изначально. И возможно, мы и сами сюда, в эту сознательную движуху под названием Дхарма, приходим оттуда. И возвращаемся туда каждый раз, когда на столе у Потолочного Разумения срабатывает будильник, напоминающий — мол, тут кое-кто подзадержался на этом свете, и ему пора навестить своих дома, в своем родном антимире. Я о Великом Ежесекундном Обновлении. Простите, что-то опять увлёкся. Я ведь хотел о прошлом немного рассказать.

Дык и вот, нынче, писюкая эти строки, сижу я под апрельской весной в деревенском доме Старгородской области. Дом этот, понятное дело, стоит в глухой и далёкой деревне, аки ему и положено по названию и статусу. Терюська осталась в городе. Ей комары не нравятся. А вот Сонечка уже тут как тут и, видимо, останется до месяца Гноября. Но я совсем не о том хотел, а вот о чём. В этом самом доме энное количество вёсен назад и произошло начало той самой истории, которую вы, дорогие читатели, отмучились читавши в этой книге и уже почти дочитали до конца.

Именно сюда, в деревню Дрезише, в этот самый дом, и приехали когда-то два больших по жизни другана, два кровных братца на этой планете, парень и девушка. Как их там по именам

звали тогда, я уж и не упомяну. Да только кликали они друг друга — Слипер и Дример. Слипер — потому что спать любила более всего на свете и сны смотреть. А Дример — потому что всё время мечтал, да так мечтал и такими несусветицами, что, как я вам уже рассказывал в истории о вселенском законе шиворотных вывертов, многие мечты его без пяти минут сбывались. А это для планеты-то, числящейся в их паспортах местом официальной прописки, было весьма неуместно. И пока они, Слипер и Дример, ходили вдоль серостальных вод по каналам Пургопетрика, где жили себе, в общем-то, какое-то время и занимались милым бормотанием о пустяках чудесатых, Потолочное Разумение смекнуло, что бормотательности их могут привести к внезапному Всешарящему Прочухалову массового напрочь поражения. И что сие нарушит в этих милых местах спокойный бытовняк, а там, понятное дело, пошло-поехало.

И надумало тогда Потолочное Разумение их спровадить в места не то что отдалённые, а в такой дальняк, какой и самому Дримеру воображалкой его чудесной даже и не представлялся ни разу. Да только ни Слипер, ни Дример ничего, Ясный Пень, об этом тогда не знали и знать не могли. Хоть и окликали они друг дружку Слипером и Дримером неспроста. Не с бухты барахтовой сие повелось. Не с Марса крякнулось. А было сие уже ясной предтечей, ибо давненько и плотненько изучали они вместе мастерство искусное по Осознанному Сновидению. Ещё когда Слипер и Дример сами были малы разумением и шалапутны характером, досталась им в руки книжица одна вроде бы как случайно. Ха-ха-ха. Какая-то бабка в спортивном костюме с секундомером на шее сунула им эту самую книжицу на букинистической барахолке, что рядом со станцией метро «Перелетарская». Сунула книгу, стало быть, пальцем корявистым в небо стукнула, в лицо дунула да глаза страшные сделала. И молвила за енту тему, шо книжица эта всю жизнь перевернёт и на шиворот выворотом делается. А очумевшим от жизни невесёлой Слиперу и Дримеру как раз тогда и надо было только ентого для полного счастья. Взяли они издание сие заговорённое и понесли бережно домой. И стали дома на кухне пить много чаю с печенюшками и читать вслух друг дружке по очереди странное спослание, выкинутое на потребительский рынок издательством «Сонечка». А книжицу эту написал некий взбалмошный и не врубающийся ни во что с ходу шаманист-блокнотник Карлсон Ибн-Каштанов. И так этой книгой Слипер и Дример увлеклись, что совершенно с головой ушли в предлагаемые там рецепты по крышесдвигательству и головоулётности. И преуспели в том немало. А чтобы особо не вызывать зависти у сограждан (конечно, завидно, когда шляются тут, понимаешь, под ручку и вроде как ни колёс не жрут, ни хмарь-траву не дуют, ни пылью ангельской не закидываются, а ходят всё время оттарашенные с улыбкой до ушей), купили они в глуши лесной дом вековой давности, да и всё чаще стали в нём пропадать.

Вот и на этот раз Слипер собрала свой жёлтый рюкзачок, накромсала в него бутеров, залила термосок чаем и стала поджидать Дримера с работы. И прыгнули они вечерком в машину, да и укатили из Пургопетрика пораньше, покуда стоячий асфальт не вздыбился над канальцами и реками.

И приехали к себе в древний дом, в деревню Дрезище. Погрелись на солнышке днём, полопали клубнички с огорода, подивились, сколь много в этом году нарылось по грядкам куч кротовых, да и собрались к вечеру пошаманить всерьёз. А колдунить они решили без шуток. Ибо давно мутили к проверке фактической технику глубокого заплыва в совместное Осознанное Сновидение. И залегли на узкой кровати, проделали все дыхательные и умозрительные упражнения, втянулись по швам, прикрыли глаза.

— Ну что, — одними губами прошептала Слипер, — как говорится, Земля, прощай! — она усмехнулась.

— В добрый путь! — ответил Дример и нажал, не открывая глаз, кнопку секундомера, чтобы замерять время, проведённое ими во сне.

Он не знал тогда, что отжать её обратно будет уже некому. Не прошло и пары минут, как им вдвоём удалось вместе соскользнуть в состояние сна. Мерное согласованное дыхание разносилось по дому в деревенской тишине. Слипер и Дример погружались всё глубже и глубже, врата за вратами проходя ступени сна. И не слышали, как под полом, прямо под их кроватью, нечто вдруг зашуршало и заёрзало. Заблудившийся крот, сдуру попавший в подпол, перепуганный насмерть, тоже теперь пытался устроиться поудобнее и поспать, ибо от нервов и напрасного плутания вдоль фундамента потерял все силы.

Всё замерло в доме. Полная луна светила в окна и отражалась на позолоченном лице сфинкса, что стоял на подоконнике в изголовье кровати. Холодильник пару раз натужно хрюкнул и, задрожав, тоже затих.

Никто и не видел, как два тела на кровати внезапно засветились, пошли неоновой рябью и вдруг заморгали, словно светильник с перебитой проводкой. А потом они просто исчезли. И вместе с ними так же заморгал и исчез не только жёлтый рюкзак, но и несчастный, случайно попавший под их кровать крот, который в это время тихо сопел и зная-то не знал ни о каких техниках совместного Осознанного Сновидения. Короче, попал под раздачу.

Так Потолочное Разумение высшим своим указом и баламутностью отправило очередных бормотунов, вроде Масюски с Масявкой, из Пургопетрика в запредельно дальнее пешкодралово без турпутёвки.

Свет нам светочно сияет, осветив всея светы

За окном колыхалось лиловое море цветов. Стрелочник Белочкин сидел на кухне и о чём-то ворковал с вновь приобретённым жителем своей квартиры, облезлым подкустовым выползнем, которого очередному гостю пришлось тут поспешно оставить. Сам гость чрезвычайно торопился, а потому был отправлен Стрелочником в торопыжное злоключение на одну из весьма непривлекательных планет, дабы плотно поработать над своими детскими комплексами и обучиться манерам неспешного восточного чаепития.

Чайник мирно булькал. Печенюшки на столе осып[а]лись лиловой пылью.

И беседа Белочкина с выползнем текла мерно и неторопливо, как вдруг Стрелочник наострил ухо, прислушался к темноте комнат своей квартирки, а затем расцвёл ромашковой улыбкой.

— Погоди немного, малыш, — Белочкин поднялся из-за стола. — У нас сейчас будут долгожданные гости.

И точно, что-то гроыхнуло в подъезде. А затем раздался один-единственный громкий стук в дверь. Стрелочник прошаркал войлочными тапочками без задников в прихожую, подошёл к входной двери и, посмотрев в глазок, с усмешкой распахнул её. На пороге стоял Попрыгаец.

— А вот и вы! — радостно развёл руками Белочкин.

— Светлых тебе дней и добрых ночей, дядя Гаврила, — ощерился улыбкой Попрыгаец. — Ты говорил, что у тебя для нас работёнка имеется? Дык вот, мы прибыли к тебе для дальнейших указаний.

— Ну и как вас мне теперь звать? — захохотал Стрелочник. — Дримеро-Слиперский Загрибуко-Башкирец?

— Зови нас просто — Попрыгаец, — глаза Попрыгайца засверкали искрами смеха. — Мы в вашей вселенной одни такие здесь, и ты это прекрасно знаешь!

— Да уж, — склонил голову набок Белочкин, бликанув очками. — Каждой вселенной по своему Попрыгайцу!

— Ты очень точно определил наш статус! — улыбнулся Попрыгаец и вильнул хвостами. — Теперь мы на первом месте в вашей Книге редкостей.

— Ну, заходите, дорогие гости, — Белочкин махнул в сторону кухни, — чайку попьём, покумекаем, с чего службу вашу начинать. Требуется ваши поправки по тактике ведения боя за Полную И Окончательную Нирвану Без Нирватрёпки!

— Кабы мы знали, Белочкин, тогда, в порту пиратском, — пробасил Попрыгаец, заходя на кухню, — что встретили сами себя, что Попрыгаец тот — мы сами в будущем, то насколько ж всё было бы проще и легче.

Белочкин замер, обернулся и тихо по-доброму произнёс:

— Мудрость Потолочного Разумения к вам ещё, как я погляжу, не пришла в полной мере. — Стрелочник посмотрел на Попрыгайца укоризненно и с любовью: — Если б мы все знали, что так или иначе всегда и везде встречаемся только с самими собой, то откель взялась бы вся эта прекрасная движуха? — Он обвёл рукой всё вокруг себя, и Попрыгаец внезапно увидел вновь приобретённым чудесным зрением, как растаяли стены квартирки. И узрел Попрыгаец, что все вещи в квартире Белочкина и даже сами стены её — всё это бесчисленное множество миров с тесно переплетёнными судьбами, и увидел он также, что все эти судьбы сходятся в конце всех концов в одну-единственную судьбу, в один Путь, в одно-единственное место и в одну-единственную личность: в самое Потолочное Разумение.

— Раскрути мои хвосты! — осел Попрыгаец в благоговейном трепете.

— Доброе утро! — захохотал Стрелочник Белочкин. — С Просветлением тебя, Попрыгаец! — Ангел сделал приглашающий жест в направлении кухни: — Ну что, может, для начала чайку?

Конец,

хотя слово это нынче у меня, да и, я надеюсь, у вас, дорогие читатели, вызывает только одну реакцию — знаменитую Вселенскую Ржу!